ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 12.

ДЕКАБРЬ, 1914.

ПЕТРОГРАДЪ

КНИГА 12-я.—ДЕКАБРЬ, 1914.

При этой книгѣ всѣмъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія приложенія:

1. **Переводный бланкъ журнала „Вѣстникъ Европы".**
2. **Объявленіе о подпискѣ на журналъ „Нива" 1915 г. Не получившіе означеннаго объявленія благоволятъ заявить о томъ въ контору журн. „Нива"—Петроградъ, ул. Гоголя, 22, откуда объявленіе будетъ выслано имъ немедленно.**
3. **Объявленіе кн. маг. т./д. „Трудъ" Скирмунта.**
4. **Переводъ—объявленіе о подпискѣ въ 1915 г. на журналъ „Вокругъ Свѣта". Не получавшимъ перевода высылается по первому требованію подробный проспектъ изъ конторы журн. „Вокругъ Свѣта". Москва, Тверская, д. 48.**

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

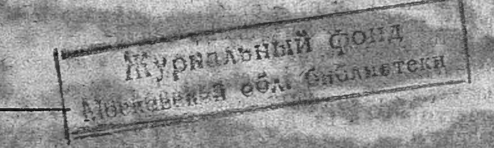
ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

ДЕКАБРЬ.



Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.

1914.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ на 1915 годъ.

(Пятидесятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА, Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО** и **А. С. ПОСНИКОВА**,

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петроградѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «Петроградскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи. Если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса*; перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородній уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса*, оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ*, если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногороднbackup иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“.

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Петроградъ, В. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ—ДЕКАБРЬ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село. Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ПЕПИТО ИЗЪ ГВАДАЛАХАРЫ.

...Въ черныхъ развалинахъ, одинокій, съ каждымъ днемъ все глубже погружаясь въ песокъ пустыни, лежитъ оставленный и позабытый всѣми Толедо... Вѣтеръ хлещетъ его, и вихри проносятся надъ нимъ. Завернувшись въ дырявый плащъ средневѣковыхъ королей, онъ пытается порой высоко поднять свою старую, дряхлую голову, но — рабъ, безъ былого могущества и славы—безсильно клонитъ ее и снова спитъ непробуднымъ сномъ у подножья герба съ горделивымъ рыцарскимъ девизомъ...

Хозе Зорилья. „Толедо".

...Всѣ эти улицы нужно закрыть и, какъ въ музеѣ, поставить надпись: во имя поэтовъ и артистовъ, во имя всѣхъ, кто мечтаетъ о прошломъ и изучаетъ его—воспрещается современной цивилизаціи касаться здѣсь малѣйшаго камня своей разрушающей и прозаической рукой...

Густавъ Бекеръ. „Воспоминанья о Толедо".

I.

...Это было лѣтъ тридцать тому назадъ. Извѣстный своей жестокостью вождь мексиканскихъ консерваторовъ, генералъ Гомецъ, только-что раздавилъ послѣднее возстаніе либераловъ. Взятіемъ штурмомъ города Гвадалахары—главнаго центра революціи — закончилось усмиреніе страны. Побѣду рѣшили отпраздновать блестящимъ боемъ быковъ. А на слѣдующій день на городской площади былъ назначенъ разстрѣлъ плѣнныхъ революціонеровъ. Арена для боя—plaza de toros—находилась рядомъ съ тюрьмой, такъ что плѣнники, закованные въ ручные и ножные кандалы, могли слѣдить за ходомъ «корриды (боя быковъ) изъ-за своихъ рѣшетокъ.

Но праздникъ съ самаго начала не удался. Первый же выпущенный на арену быкъ былъ такого огромнаго роста, съ

такими ужасающими рогами, что тореадоръ никакъ не могъ осмѣлиться дать ему «эстокаду»—послѣдній ударъ шпагой между лопатками — и все время малодушно прыгалъ отъ него черезъ барьеръ. Въ публикѣ начались свистки и негодующіе крики. Особенно громко выдѣлялся одинъ голосъ:

— Жалкій трусъ! — кричалъ онъ, покрывая собой всѣ остальные голоса. — Видно сразу, что у васъ тутъ однѣ бабы въ штанахъ остались... Только и знаете, что убѣгать...

Голосъ этотъ доносился изъ тюремнаго окна.

— Привести сюда негодяя, который смѣетъ насъ оскорблять въ моемъ присутствіи!—распорядился генералъ Гомецъ—президентъ «корриды».

Привели въ кандалахъ инсургента — родомъ испанца изъ Мадрида—Богъ вѣсть какими судьбами очутившагося въ Мексикѣ, да еще къ тому же на положеніи человѣка, котораго должны завтра разстрѣлять!

— Ты кричалъ сейчасъ? — спросилъ побѣдитель Гвадалахары у плѣнника, въ цѣпяхъ, но твердо и смѣло остановившагося передъ президентской трибуной.

— Дайте мнѣ шпагу, и я покажу вамъ, какъ убиваютъ быковъ у насъ въ Кастильѣ!—вмѣсто отвѣта заявилъ испанецъ генералу.—Только если я сейчасъ останусь живъ—требую для себя помилованія!..

Публика, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ, съ неистовыми криками одобренія стала требовать, чтобы ему позволили выйти на арену. Генералъ, по опыту зная, какъ опасно раздражать толпу на другой же день побѣды, принужденъ былъ согласиться. Но только кандалы на ногахъ велѣлъ оставить.

— Не хочетъ умирать завтра—пусть умретъ сегодня!

— Но испанецъ, со скованными ногами, съ шпагой въ одной рукѣ и «мулетой» — кускомъ красной матеріи, въ другой, — не двигаясь съ мѣста, заставилъ быка сдѣлать вокругъ себя нѣсколько дикихъ поворотовъ, каждый разъ, съ непостижимой ловкостью, увертываясь отъ его роговъ. Когда же разсвирѣпѣвшее животное, опустивъ голову, ринулось прямо на него, онъ однимъ ударомъ вонзилъ ему между лопатками свою короткую шпагу терреадора. Пораженный, какъ молніей, быкъ, облившись кровью, безсильной тушей свалился къ его ногамъ.

— Ты свободенъ!—сказалъ генералъ Гомецъ, когда восторженная толпа на плечахъ принесла испанца къ президентской трибунѣ.

— А теперь я хочу вернуться обратно въ тюрьму!—возразилъ

вчерашній беззвѣстный инсургентъ и сегодня уже народный кумиръ Гвадалахары: — Тамъ остались мои друзья... Неужели ты думаешь, что у меня хватитъ подлости уйти отъ нихъ? Предлагаю на выборъ: или разстрѣляй меня вмѣстѣ съ ними, или отпусти ихъ на свободу вмѣстѣ со мной...

Генералъ посмотрѣлъ на толпу, затихшую въ ожиданіи его отвѣта, увидѣлъ лица тѣхъ, что стояли поближе, и махнулъ рукой.

— Идите вы всѣ отсюда къ чорту!... И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Только теперь уже въ мои руки больше не попадайтесь!...

— ...Донъ Горацio!—спросилъ я моего спутника на углу одной изъ толедскихъ улицъ, показавъ на огромнѣйшую афишу о боѣ быковъ въ ближайшее воскресеніе. — Неужели это тотъ самый знаменитый Пепито изъ Гвадалахары?

Донъ Горацio пожалъ плечами съ обычнымъ своимъ пренебрежительнымъ видомъ.

— По всей вѣроятности... У насъ въ Испаніи этихъ разныхъ Пепито, Моренито и прочихъ знаменитостей въ томъ же родѣ вообще, хоть отбавляй! Знаменитыми учеными не успѣли еще обзавестись—все времени должно быть не хватаетъ!..

Онъ саркастически усмѣхнулся и бросилъ докуренную сигару.

— Вы обратили вниманіе — какая передъ афишей стоитъ толпа? А вотъ попробуйте вмѣсто боя быковъ о лекціи какой-нибудь научной объявить. Увидите тогда, кто передъ вашей афишей остановится!.. Нѣтъ... Дѣло ясное — Испанія окончательно погибшая страна! Всѣ эти танцы, быки, кастаньеты, гитары—точно мельничный жерновъ на нашей шеѣ... Какая здѣсь можетъ быть цивилизація, я васъ спрашиваю?—какой прогрессъ? Ко дну мы идемъ со всей этой живописностью... И съ каждымъ днемъ все безнадежнѣе и глубже...

Я молча продолжалъ шагать рядомъ съ нимъ. Разъ донъ Горацio началъ «обличать язвы современной Испаніи», какъ онъ самъ любилъ выражаться, остановить его было мудреное дѣло. Такимъ образомъ мы прошли съ нимъ чуть ли не полъ-Толедо, миновали главную улицу «Калье дель Коммерсіо», вышли на площадь Сокодоверъ, гдѣ еще въ 1820 году святѣйшая инквизиція «во славу Божью» жгла еретиковъ, а донъ Горацio все говорилъ, не переставая. Въ сотый разъ мнѣ снова при-

шлось прослушать его громовыя обличенія боя быковъ, народнаго испанскаго костюма, широкихъ шляпъ и національныхъ танцевъ, по мнѣнію моего цивилизованнаго друга, являющихся неодолимымъ препятствіемъ для проникновенія въ Испанію культуры западно-европейскихъ странъ. Самъ онъ съ виду походилъ скорѣе на нѣмецкаго комми-вояжера: носилъ на узкой головѣ нелѣпо торчащій «котелокъ», питалъ «принципіальное» отвращеніе къ тореадорамъ и съ гордостью какъ-то сообщилъ мнѣ, что уходитъ немедленно изъ гостей, если кто-нибудь при немъ случайно заиграетъ на гитарѣ. А по профессіи донъ Горацію былъ маленькій толедскій журналистъ, сотрудникъ одной большой клерикальной газеты, державшей его на крохотномъ жалованіи и въ достаточно черномъ тѣлѣ.

— Знаете, донъ Горацію,—сказалъ я, когда онъ наконецъ умолкъ, и мы съ нимъ вошли въ пустынное и мрачное кафэ на Сокодоверѣ, гдѣ за отсутствіемъ въ Толедо какихъ бы то ни было развлеченій намъ приходилось скучать всѣ наши долгіе, осенніе вечера.—А не пойти ли и намъ тоже въ воскресенье на корриду? Дѣлать намъ съ вами все равно нечего. Воспользоваться же случаемъ видѣть Пепито изъ Гвадалахары никогда не мѣшаетъ, тѣмъ болѣе, что коррида эта будетъ послѣдней въ нынѣшнемъ сезонѣ.

Донъ Горацію безнадежно махнулъ рукой.

— Ей Богу не знаю: кто изъ насъ больше дикари—мы ли, испанцы, которые это безобразное зрѣлище выдумали—вы ли, иностранцы, которые пріѣзжаете сюда имъ восхищаться! Ну, скажите на милость: зачѣмъ вамъ, напримѣръ, понадобилось вдругъ видѣть это грубое животное Пепито?..

— Какъ зачѣмъ?—возразилъ я.—Затѣмъ, что я о немъ очень много слышалъ и читалъ... Затѣмъ, что онъ меня заочно интересуетъ, какъ образчикъ особой породы людей, которые играютъ со смертью непрерывно и потому умѣютъ ярко и красиво жить!.. Вы же сами, т. е. не вы лично, а ваши соотечественники, произвели его въ національные герои. Значитъ, было за что?..

— Мало ли что было!—недовольно сморщился донъ Горацію.—Да и когда еще было-то?.. Лѣтъ 20 тому назадъ, если и того не больше! Съ тѣхъ поръ мы все же стали культурнѣе. Теперь даже для боя быковъ нуженъ извѣстный лоскъ, нужно образованіе, если хотите... Раньше какой-нибудь тамъ Пепито, или другой такой же типъ, въ родѣ него, лѣзъ быку прямо на рога, давалъ ему «эстокаду» между лопатками, и оба затѣмъ въ

крови валились на песокъ арены. Пепито замертво—быкъ мертвымъ. Было грубо, дико и наврядъ ли очень эстетично... Нынче все это уже перемѣнилось: теперь все дѣло въ легкости движеній, въ изяществѣ поворотовъ, въ борьбѣ человѣческаго разума противъ грубой, животной силы. Отъ тореадора новѣйшей, «севильской» школы не требуютъ, чтобы онъ умѣлъ только не бояться смерти и убивать... Отъ него требуютъ гораздо большаго: красивой игры со смертью, эффектныхъ позъ, щекотанія нервовъ у тысячъ зрителей, которые переносятъ видъ крови и страданій лишь при условіи, чтобы они были граціозно пролиты, элегантно пережиты и совсѣмъ не напоминали собой мясную лавку... А Пепито—тореадоръ старыхъ традицій, когда брали смѣлостью, а не позой: «или ты меня—или я тебя»... безъ новѣйшихъ этихъ балетныхъ кунстштюковъ и поворотовъ. Хотя, конечно, и теперь меньше десяти тысячъ пезетъ за выходъ не беретъ. «Первая шпага Испаніи»!.. Давно уже милліонеръ. Продолжаетъ выступать должно быть только изъ любви къ искусству!..

Стеклянная входная дверь распахнулась гулко и со звономъ. Донъ Гораціо замолчалъ.

Вновь вошедшій—средняго роста, широкоплечій старикъ, съ длиннымъ, когда-то, очевидно, орлинымъ, теперь уныло отвисшимъ носомъ, слезящимися красными глазками и высокомѣрными, бритыми губами, усѣлся неподалеку отъ насъ съ небрежностью человѣка, вездѣ и всюду привыкшаго быть какъ у себя дома.

— Рюмку анисовой. Живо!..—хриплымъ голосомъ приказалъ онъ.

Въ глубинѣ слабо освѣщенной залы съ мутными зеркалами на потемнѣвшихъ отъ времени грязныхъ стѣнахъ единственный лакей лѣниво выглянулъ изъ-за перегородки и снова скрылся.

Старикъ надвинулъ на лобъ свой «кордобесъ»—блестящую, плоскую шляпку съ твердыми широкими полями—и неуклюжими, толстыми пальцами медленно принялся свертывать папиросу. Немного спустя онъ полѣзъ въ карманъ пиджака за спичками и, полуобернувшись къ намъ спиной, показалъ на своемъ сѣдомъ, коротко остриженномъ затылкѣ закрученную въ узелокъ косичку, называемую «колета»—необходимый признакъ профессіи тореадора.

— «Малета» [1]) какой-нибудь несчастный?—вполголоса сказалъ я дону Гораціо.

---

[1]) „Малетами" отъ „мало"—скверный—называются тореадоры-неудачники, извѣстные также подъ названіемъ „зимнихъ"—ибо зимой боя быковъ обыкновенно не бываетъ.

Но послѣдній неожиданно обнаружилъ признаки нетерпѣнія.

— Не нужно говорить о томъ, чего не знаете!—нравоучительно и сухо замѣтилъ онъ.—«Малета»!.. Такъ всегда вы, иностранцы... Беретесь судить о нашихъ дѣлахъ, а сами... Пепито изъ Гвадалахары передъ вами, сеньоръ. Самъ Пепито!..

Я съ невольнымъ изумленіемъ и недовѣріемъ обернулся на сидящую рядомъ съ нами грузную, неподвижную фигуру. Пепито изъ Гвадалахары!.. Неужели это онъ—герой народныхъ легендъ, чье имя успѣло уже стать достояніемъ исторіи вмѣстѣ съ именами Монтеса, Лагартихо и другихъ полубоговъ Олимпа испанскихъ тереадоровъ? Неужели для него, для этого жалкаго старика былъ сочиненъ когда-то въ Кадиксѣ тотъ знаменитый маршъ, которымъ Бизе воспользовался для оперы «Карменъ» и который звучитъ съ тѣхъ поръ во всѣхъ уголкахъ земного шара?

Прежній Пепито въ моемъ воображеніи былъ всегда такимъ, какимъ я видѣлъ его на одномъ изъ безчисленныхъ портретовъ, написанныхъ лучшими испанскими художниками и воспроизведенныхъ въ рядѣ открытыхъ писемъ и художественныхъ фотографій... съ суровымъ, рѣзкимъ профилемъ римскаго патриція, съ горделивымъ поворотомъ крупной головы, низко и твердо посаженной на могучей шеѣ, съ яснымъ взглядомъ веселыхъ и безпечно-красивыхъ глазъ... Зачѣмъ не сумѣлъ онъ во-время исчезнуть вмѣстѣ съ прочими славными тѣнями исчезнувшаго прошлаго! Къ чему точно блѣдное воспоминаніе объ иномъ, съ блестящимъ шумомъ и грохотомъ промчавшемся, мірѣ бродитъ онъ сейчасъ въ этомъ мертвомъ городѣ одинокихъ и позднихъ сожалѣній?..

— Одно только меня смущаетъ,—бормоталъ между тѣмъ донъ Горацio, украдкой внимательно разглядывая нашего сосѣда.— Никогда тореадоръ, даже самый скверный, не появится въ кафэ одинъ, безъ свиты... Особенно такой, какъ этотъ типъ!.. Странное дѣло. Пепито изъ Гвадалахары и вдругъ... Очень странно!..

— Можетъ, не онъ это еще?—подхватилъ я, въ тайной надеждѣ, что мой другъ съ обычной своей авторитетностью на сей разъ ошибся и сидящій рядомъ съ нами старикъ съ мигающими, красными глазками и толстымъ животомъ на самомъ дѣлѣ не Пепито.

Но донъ Горацio даже не удостоилъ меня отвѣтомъ.

— Ты знаешь, кто это такой?—кивнувъ на него подбѣжавшему къ намъ лакею Пако—большому «афисіонадо»—любителю боя быковъ, знавшему наизусть всѣ имена и біографіи

тореадоровъ, спросилъ онъ скорѣе для очистки совѣсти, чѣмъ изъ желанія провѣрить самого себя.

Пако съ неописуемымъ изумленіемъ скрестилъ на животѣ свои толстые засаленные пальцы.

— И сеньоръ еще спрашиваетъ? Да развѣ же сеньоръ не видитъ собственными своими глазами, что это самъ Пепито изъ Гвадалахары?..

Донъ Горацiо съ рѣшительнымъ видомъ поднялся и вынулъ записную книжку.

— Идемъ знакомиться!—чиркая что-то въ ней, отрывисто бросилъ онъ мнѣ не допускающимъ возраженій тономъ.

— Съ кѣмъ знакомиться, донъ Горацiо?—нарочно не понялъ я.

— Ахъ, Боже мой!.. Ему еще нужно объяснять... Ну, съ этимъ, конечно... съ Пепито!

— Да вы же сами пять минутъ тому назадъ говорили, что «тореадоры—соціальная язва Испаніи», что вы лично никогда...

Донъ Горацiо досадливо и нетерпѣливо отмахнулся.

— Я говорилъ съ вами, какъ культурный человѣкъ. Вы понимаете разницу? А сейчасъ, въ качествѣ журналиста, я обязанъ использовать этотъ случай непремѣнно... Интервью съ Пепито изъ Гвадалахары!.. Да у меня его въ нашей газетѣ съ руками оторвутъ!..

И съ любезнѣйшей улыбкой на своей костлявой физіономіи онъ подошелъ къ неподвижно сидѣвшему тореадору.

— Пресса Толедо въ лицѣ вашего покорнаго слуги привѣтствуетъ національную славу Испаніи, ея первую, доблестную шпагу!..

— Вы позволите?—продолжалъ онъ, подсаживаясь къ нему за столъ и дѣлая мнѣ незамѣтные знаки, чтобы и я послѣдовалъ его примѣру.—А это вотъ мой лучшій другъ,—русскій... иностранецъ... Восторженный поклонникъ вашего таланта! У нихъ въ Россіи, на родинѣ моего друга, всякому грамотному человѣку знакомо славное имя Пепито изъ Гвадалахары!

Донъ Горацiо умолкъ и подъ столомъ тихонько наступилъ мнѣ на ногу. Старый тореадоръ смотрѣлъ на насъ обоихъ, какъ бронзовое изваяніе: массивный, величественный и равнодушный.

— Да, да... Конечно!..—поспѣшилъ подтвердить я, сообразивъ, что дону Горацiо необходимо воспользоваться мной въ качествѣ приманки для своего интервью съ Пепито изъ Гвадалахары.—У насъ въ Россіи всѣ васъ прекрасно знаютъ.

Пепито сдвинулъ свои сѣдыя брови.

— Что пьете?—хриплымъ басомъ спросилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, приказалъ почтительно появившемуся возлѣ него лакею:—Для сеньоровъ—чего они пожелаютъ!.. А мнѣ анисовой...

Потомъ, онъ умолкъ и, пошаривъ въ карманѣ, небрежно сунулъ каждому изъ насъ по огромной, тяжелой и внушительной сигарѣ.

— Мой другъ пріѣхалъ въ Испанію, чтобы оказать намъ большую честь—послѣ паузы дипломатически началъ донъ Горацiо—онъ хочетъ изучить наши обычаи, наши нравы и, главнымъ образомъ: наше національное искусство — тауромахію, талантливѣйшаго представителя которой и артиста Пепито изъ Гвадалахары онъ видитъ сейчасъ передъ собой!

Пепито поджалъ свои тонкія, бритыя губы и окинулъ меня изъ-подъ нависшихъ бровей все еще острымъ, уже по-старчески свѣтлымъ взглядомъ.

— Сеньоръ собирается стать тореадоромъ?

— Ну съ какой же стати!—возразилъ я.—Совсѣмъ я даже этого не хочу.

— И сеньоръ прекрасно дѣлаетъ!—согласился Пепито.— У меня были ученики иностранцы. Былъ нѣмецкій графъ, былъ одинъ лордъ англійскій—не вышло равно ничего...—И изъ сеньора тоже ничего не выйдетъ!

Онъ допилъ рюмку. Донъ Горацiо снова наступилъ мнѣ подъ столомъ на ногу. Я понялъ, что нужно было выразить желаніе изучить ремесло тореадора, но уже было слишкомъ поздно! Наступило молчаніе. Пепито трижды хлопнулъ въ ладоши.

— Сдачи не надо!—подымаясь и величественно бросая подбѣжавшему лакею на столъ пяти-франковую монету, замѣтилъ онъ.—Сеньоры... спокойной ночи!

Старый тореадоръ съ достоинствомъ пожалъ намъ руки и вышелъ, чуть сгорбивъ свои широкія плечи, размашистой и намѣренно легкой походкой, точно ему вслѣдъ смотрѣли тысячи глазъ на залитой солнцемъ цирковой аренѣ.

Донъ Горацiо обезкураженно проводилъ его глазами.

— Вѣдь вотъ животное!—вздохнувъ, пробормоталъ онъ сквозь зубы.—Такъ ничего и не удалось изъ него выжать...

Онъ меланхолически переставилъ пустое блюдечко изъ-подъ оливокъ.

И все изъ-за васъ!.. Ну что вамъ въ самомъ дѣлѣ стоило сказать, что хотите быть тореадоромъ?

— Да какой же я тореадоръ, донъ Горацiо?—попробовалъ было защититься я.—Было уже слишкомъ глупо!..

— Все равно. Могли бы сказать, что хотите брать у него уроки... Онъ бы тогда разговорился... А то сами видѣли!

Мы вышли изъ кафэ на темную среди осенней ночи средневѣковую площадь.

— Должно быть не при деньгахъ онъ нынче!—нахлобучивая подъ порывами рѣзкаго вѣтра съ начинающимся дождемъ свой котелокъ и подымая воротникъ пиджака, продолжалъ размышлять вслухъ донъ Горацiо.—Испугался, что мы съ вами можемъ много выпить.

— Да ему-то какое до этого дѣло?—спросилъ я.

Донъ Горацiо только развелъ руками.

— Живете въ Испанiи, а до сихъ поръ не знаете!—съ упрекомъ сказалъ онъ.—Да если бы мы съ вами до самаго утра въ кафэ просидѣли—все равно онъ долженъ былъ за насъ платить. Такой уже обычай!.. Вотъ третьяго дня, напримѣръ,—во всѣхъ газетахъ было: зашелъ въ Мадридѣ Галлито [1]) въ Форносъ [2]) послѣ корриды. Публики масса. Узнали его.—Браво, Галлито!..—Кричатъ, апплодируютъ. Онъ поднимается, снимаетъ шляпу:—«благодарю васъ, сеньоры, за вниманiе!»—Посидѣлъ немного и ушелъ. А послѣ кто ни хочетъ за себя платить—лакеи не берутъ... Оказывается, за всѣхъ Галлито заплатилъ. А тамъ народу, можетъ, больше двухсотъ человѣкъ было... Сами видите теперь: какъ долженъ себя держать на людяхъ настоящiй тореадоръ!.. А Пепито этотъ... Да нѣтъ—дѣло ясное: у самого сейчасъ должно быть ни сантима!

— Но вѣдь онъ же, говорятъ,—миллiонеръ, донъ Горацiо?—замѣтилъ я.—И если, какъ вы сами разсказывали, по десяти тысячь пезетъ получаетъ за корриду...

Донъ Горацiо ничего мнѣ на это сразу не отвѣтилъ. Нѣсколько шаговъ мы прошли съ нимъ въ полномъ молчанiи.

— Тутъ есть что-то совершенно для меня непонятное!—пробормоталъ наконецъ онъ.—Какая-то странная, загадочная тайна!..

II.

На слѣдующiй день, проснувшимъ рано утромъ, я невольно сталъ думать о вчерашнемъ своемъ знакомствѣ съ Пепито изъ Гвадалахары. Все въ немъ казалось мнѣ непохожимъ на когда-

---

[1]) Знаменитый тореадоръ, родомъ цыганъ изъ Севильи.

[2]) Одно изъ самыхъ дорогихъ и модныхъ мадридскихъ кафэ.

то самаго блестящаго тореадора Испаніи, любимца женщинъ и высшей испанской знати, о щедрости, богатствѣ и кутежахъ котораго разсказывались легенды. И какъ бы въ противуположность одинокому старику, сидѣвшему вчера возлѣ насъ въ темномъ углу пустыннаго кафэ, мнѣ вспомнились другія знаменитости современной испанской цирковой арены. Нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ пришлось случайно встрѣтить прошлымъ лѣтомъ въ Барселонѣ.

Въ загородномъ саду съ открытой сценой веселилась воскресная публика, нарядная, пестрая, съ дешевыми претензіями на роскошь и изящество манеръ. Барселонскіе приказчики и парикмахеры, какъ вездѣ на свѣтѣ, въ необычайныхъ галстукахъ и изумительныхъ жилетахъ, съ наглой настойчивостью преслѣдовали женщинъ, одиноко бродившихъ, въ ожиданіи предложеннаго ужина, между столами. Гремѣлъ оркестръ. Визгливыя пѣвицы, въ сверкающихъ блестками коротенькихъ юбочкахъ, непрерывно смѣняли одна другую на эстрадѣ. Но ихъ сейчасъ никто не слушалъ: все вниманіе публики было обращено въ противуположную отъ эстрады сторону.

Подъ пальмами, такими чуждыми здѣсь при мертвомъ сіяніи равнодушныхъ электрическихъ фонарей, въ рѣшетчатой бесѣдкѣ съ вывѣшеннымъ снаружи аншлагомъ — «резервадо» (занято) сидѣли только-что пріѣхавшіе съ сегодняшней корриды тореадоры. Ихъ было пятеро. Одинъ остался сегодня въ больницѣ. Послѣдній быкъ разбилъ ему рогами грудь, и его замертво унесли съ арены на носилкахъ...

Прочіе кутили. Проводивъ товарища, участь котораго ждала, быть можетъ, каждаго изъ нихъ, они пріѣхали сюда искать обычнаго, разгульнаго забвенія...

Изъ глубины бесѣдки доносился женскій смѣхъ. Сидѣвшіе впереди у барьера смотрѣли поверхъ головъ толпы скучающе и утомленно. Они какъ-будто были здѣсь одни—ни сцена, ни публика, завистливо слѣдившая за каждымъ ихъ малѣйшимъ движеніемъ, для нихъ сейчасъ не существовали. Поминутно хлопали пробки отъ шампанскаго. Суетился и угощалъ растерянно счастливаго вида молодой человѣкъ съ черными усиками—сынъ извѣстнаго барселонскаго милліонера. Администраторъ сада, оливковаго цвѣта гиппопотамъ въ бѣломъ жилетѣ, осторожно и почтительно показывалъ свое толстое брюхо то съ одной стороны бесѣдки, то съ другой.

— Брильянты-то!.. Господи Боже! Вотъ брильянты...— со вздохомъ громко произнесъ мой случайный сосѣдъ по сто-

лику, кивая на ослѣпительный пластронъ рубашки ближайшаго къ намъ тореадора.

Тотъ, очевидно, услышалъ замѣчаніе и, отвернувшись, съ небрежнымъ высокомѣріемъ швырнулъ мимо насъ окурокъ своей сигары.

На слѣдующій день во всѣхъ барселонскихъ газетахъ только и писали, что о бриллiантовой запонкѣ знаменитаго Бомбиты, который при выходѣ изъ сада эту запонку случайно потерялъ.

— Если найдется запонка—дарю ее тому, кто найдетъ,— уѣзжая вечеромъ изъ Барселоны, прислалъ сказать Бомбита въ редакцію одной газеты. — А я съ грязнаго пола ничего не поднимаю!..

... Въ дверь постучали.

— Узналъ!..—не снимая котелка и не здороваясь со мной, еще съ порога заявилъ вошедшій донъ Горацiо.—Все теперь знаю!.. Только жаль—нельзя использовать въ газетѣ весь этотъ матеріалъ...

Онъ все еще съ котелкомъ на головѣ (высшій дѣловой и европейскій «шикъ», по мнѣнію моего друга) усѣлся въ кресло возлѣ кровати.

— Со вчерашняго дня еще осталась!—сказалъ онъ, вынувъ изъ кармана сигару, подаренную ему Пепито.—Для вашего лакея коридорнаго, если только онъ захочетъ курить такую дрянь...

Донъ Горацiо пренебрежительно положилъ сигару на ночной столикъ.

— Пепито!.. — съ саркастическимъ видомъ воскликнулъ онъ.—Дѣйствительно, можно сказать—Пепито!..

— Да въ чемъ, собственно, дѣло, донъ Горацiо?—спросилъ я.

Донъ Горацiо побарабанилъ пальцами по столу.

— Я вамъ, кажется, вчера еще говорилъ,—съ разстановкой началъ онъ.—Что въ настоящій моментъ существуютъ двѣ школы тореадоровъ: старая и новая...

— Это я уже знаю!—перебилъ его я.—Но при чемъ же тутъ Пепито?..

— А при томъ, что Пепито этотъ вашъ больше давно уже не Пепито, а... какъ бы вамъ сказать...—донъ Горацiо съ сожалѣніемъ и снисходительно усмѣхнулся.—А такъ—нѣчто въ родѣ старой клячи пикадора, которую быкъ измялъ рогами и подшибленную отпустилъ!..

— Дѣло, видите ли, заключается вотъ въ чемъ: оказывается,

Пепито уже много лѣтъ тому назадъ остригъ свою «комету» и удалился на покой. Они всѣ это любятъ дѣлать подъ старость лѣтъ, если только до старости быки дожить дозволятъ! Большинство на скопленныя деньги таверны открываютъ, чтобы только по-прежнему на людяхъ толкаться... Одиночество—вторая смерть для тореадора!.. Ну-съ... вотъ... А Пепито, вмѣсто разумнаго употребленія своихъ милліоновъ, продолжалъ ихъ по-прежнему расшвыривать направо и налѣво. Игралъ отчаянно, ну, женщины, еще, разумѣется, попойки... Словомъ, въ одинъ прекрасный день по-прежнему очутился безъ сантима!.. Пришлось волей-неволей приняться за старое ремесло. Это лѣтъ шесть—семь тому назадъ случилось. Сначала все шло, какъ по маслу, а потомъ вдругъ точно сразу подмѣнили Пепито. Вся его слава въ томъ и была, что онъ, какъ бѣшеный, быку на рога прямо лѣзъ, а тутъ вдругъ бояться сталъ и, главное, никакъ не можетъ дать «эстокаду»—знаете, послѣдній ударъ быку между лопатками, когда онъ на васъ бросается, чтобы боднуть...

Донъ Горацio замолчалъ.

— Не знаю: отъ старости ли это происходитъ, отъ другихъ ли какихъ причинъ?—снова заговорилъ онъ.—Только публикѣ-то это безразлично. Ей за свои деньги подавай настоящаго, прежняго Пепито изъ Гвадалахары, а не его нынѣшнюю тѣнь!.. Понемногу свистать ему начали, импрессаріо plazas de toros гонорары сбавили, а подъ конецъ онъ и на положеніи «зимняго тореадора» очутился... Печальный для бывшей знаменитости финалъ. Sic transit gloria mundi!..

Донъ Горацio однимъ глазомъ покосился на меня: какое впечатлѣніе произвела его латинская цитата?

— А почему вы не можете использовать эти свѣдѣнія для вашей газеты?—спросилъ его я.

Донъ Горацio слегка замялся.

— Видите ли,—послѣ нѣкотораго колебанія сказалъ, наконецъ, онъ.—Я это вамъ сообщаю по секрету: Пепито не былъ въ Толедо съ тѣхъ поръ, какъ снова сталъ тореадоромъ. Его здѣсь помнятъ еще по прежней репутаціи. А здѣшній импрессаріо plaza de toros большой пріятель нашего редактора, дона Альфредо... Цѣны на корриду будутъ натурально повышенныя. А если узнаютъ правду—кто тогда пойдетъ?

Онъ медленно поднялся и зѣвнулъ.

— Счастливый человѣкъ! Въ кровати можете валяться сколько душѣ угодно...

— А вамъ-то кто мѣшаетъ?—поинтересовался я.

Донъ Гораціо взялся за дверную ручку.

— Съ семи утра я уже сегодня на ногахъ!.. Оказывается, въ воскресеніе еще какой-то другой праздникъ, святого какого-то!.. У нашего дона Альфредо всегда идеи: размышленіе мнѣ поручилъ по этому поводу благочестивое написать... Появится въ воскресномъ номерѣ на первой страницѣ...

— Какого же святого вы будете описывать, донъ Гораціо?

— А, право, не знаю!.. Въ календарѣ придется посмотрѣть!..

Онъ недовольно хлопнулъ дверью.

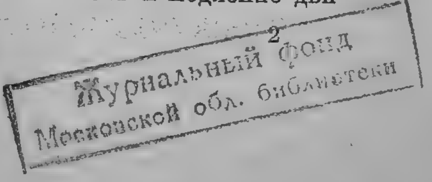
III.

Кто имѣетъ, что вспомнить и о чемъ пожалѣть—тому нужно жить въ Толедо поздней осенью, когда испанское небо, вѣчно синее, горячее и радостное небо, начинаетъ терять свою нарядную, немного надоѣдливую красоту, становится спокойнѣе и проще... Тогда надъ сѣро-бурыми, остроконечными крышами средневѣковыхъ домовъ столицы ушедшей въ вѣчность романтической Испаніи «плаща и шпаги», какъ на мистическихъ картинахъ толедскаго художника Греко, нависаютъ холодныя съ медлительной, тяжелой важностью ползущія облака. На темно-свинцовомъ фонѣ ихъ такъ странно и жутко, точно въ кошмарномъ снѣ, выступаетъ квадратная, мрачная громада Алькасара—когда-то неприступной крѣпости древнихъ римлянъ и готовъ, послѣ—дворца мавританскихъ калифовъ и кастильскихъ королей...

Подъ нимъ на краю отвѣсной скалы лѣпятся старые дома и башни Толедо. Висячій мостъ съ двумя бойницами посрединѣ перекинутъ съ одного обрыва на другой. Внизу, зажатый высокими берегами, въ тѣснотѣ бурлитъ и въ яростной пѣнѣ скачетъ съ камня на камень мутно-желтый Тахо. Кругомъ унылая тишина. Сѣрыя, дикія скалы. Уходящіе вдаль невысокіе холмы и между ними, точно заснувшая гигантская змѣя,—пустынная и одинокая дорога.

Порой проѣдетъ по ней верхомъ на мулѣ окрестный крестьянинъ въ широкой черной шляпѣ и короткихъ штанахъ. Печально и отрывисто прозвенятъ бубенчики на пестрой сбруѣ и все снова смолкнетъ...

И невольно начинаетъ казаться: въ душѣ гдѣ-то глубоко открылась такая же одинокая, сѣрая дорога, такъ же грустно уходящая въ безконечность осенняго молчанія, покрытыхъ вечерними тѣнями, пустынныхъ холмовъ. Встаютъ и медленно дви-



жутся по ней призраки прошлаго, такъ постепенно и незамѣтно уснувшіе среди шума и грохота жизни и такъ внезапно и неожиданно разбуженные тишиной.

Все ближе подходятъ они изъ сѣрой пыли прошедшихъ и позабытыхъ дней. И странно думать, что, быть можетъ, сейчасъ же за ними опустится ночь и кто-то тихій и неизбѣжный закроетъ темнымъ плащемъ несбывшіяся ожиданія радостнаго утра!..

... Послѣ ухода дона Гораціо я вскорѣ тоже одѣлся и вышелъ.

Было уже давно за полдень. Въ эти часы я особенно любилъ бродить по Толедо. Есть неуловимая прелесть въ полуденномъ молчаніи его безлюдныхъ площадей, на которыхъ чуть слышно, монотонными струйками журчатъ еще отъ прежнихъ мавровъ оставшіеся фонтаны. Негрѣющія пятна осенняго солнца желтѣютъ по сѣрымъ камнямъ мостовой. Кругомъ столпились неподвижно и важно облѣзлые старые двухъ-этажные дома съ вѣчно запертыми, массивными воротами, съ желѣзными рѣшетками на окнахъ, какъ въ тюрьмѣ, безмолвные, задумавшіеся о чемъ-то, имъ однимъ понятномъ и далекомъ.

И ни души не видно среди торжественной, печальной тишины! Точно на заброшенномъ кладбищѣ сжимаютъ сердце щемящей болью сожалѣнія...

Въ современномъ Толедо все въ прошломъ, все въ воспоминаніи! Для настоящаго, для шумной и пестрой тревоги нашихъ дней въ немъ осталось лишь самое мелкое, будничное изъ того, что̀ было когда-то, когда забытая сейчасъ исторіей столица Испаніи была столицей всего тогдашняго средневѣковаго міра!

Здѣсь есть театръ, въ которомъ разъ въ два года три-четыре дня подъ рядъ играетъ случайно завернувшая по дорогѣ въ Мадридъ труппа провинціальныхъ гастролирующихъ актеровъ. Есть «пласа де торосъ», нѣкогда знаменитая по дававшимся въ ней боямъ быковъ—нынче постоянно пустующая за неимѣніемъ зрителей и тореадоровъ... По воскреснымъ днямъ разряженные толедане толкутся скучающей толпой по единственному въ городѣ для всѣхъ обязательному «променаду», и каждый вечеръ, слушая жалобный вой собакъ, случайно занесенные сюда судьбой иностранцы даютъ себѣ слово завтра же сѣсть на первый уходящій поѣздъ и уѣхать!..

...Въ церкви Санта Марія дель Карменъ, сегодня, какъ всегда, не было ни одного человѣка. Церквей въ Толедо мно-

жество на каждомъ шагу, но давно уже въ нихъ некому молиться.

Я присѣлъ на скамью неподалеку отъ статуи Святой Дѣвы Измученнаго Сердца. Статуя—произведеніе какого-то забытаго скульптора среднихъ вѣковъ—изображала Божью Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ одной рукѣ и облитымъ кровью сердцемъ въ другой. Изображеніе было грубо и примитивно. Землистыя отъ времени краски во многихъ мѣстахъ облупились, сквозь лохмотья когда-то богатой мантіи куски обнаженнаго дерева просвѣчивали, какъ живое, смуглое тѣло. Устремленные прямо передъ собой глаза Святой Дѣвы смотрѣли строго и печально. Неподвижно сидѣлъ Предвѣчный Младенецъ, прижатый навѣки къ материнской груди, и алѣло на протянутой, нѣжной рукѣ облитое кровью сердце—символъ человѣческаго страданія...

Я оставался тамъ, прислонившись къ рѣзной, высокой спинкѣ скамьи, довольно долго. Неясныя мысли вставали и снова исчезали. Было тоскливо и точно чего-то неуловимо жаль. Сквозь цвѣтныя узкія стекла золотистой пылью пробивались сверху осенніе солнечные лучи. Подъ сводами былъ полумракъ. Въ тишинѣ чуть слышно поскрипывала массивная дубовая дверь, которую я неплотно притворилъ при входѣ... Казалось: скорбно сжатыя губы священнаго изваянія что-то шепчутъ про себя...

Но постепенно шепотъ становился все отчетливѣе и слышнѣе...

— Чудо! Боже Мой... Сдѣлай чудо!..—ясно услышалъ я около себя. Потомъ раздался заглушенный вздохъ. Въ невольномъ смущеніи я поднялся со своей скамьи... Не грезится ли мнѣ сейчасъ въ этомъ мистическомъ сумракѣ забытой церкви, полномъ средневѣковой невысказанной тайны?..

Вздохъ повторился. Рядомъ со мной у самаго подножья статуи стояла на колѣняхъ, незамѣченная раньше въ тѣни колонны, маленькая женская фигурка... Вся въ темномъ, хрупкая, она была похожа скорѣе на тоскующую дѣвочку—подростка, но не дѣтскимъ блескомъ сіяли на ея измученномъ лицѣ безконечно огромные, таинственной жутью расширенные черные глаза...

Меня она не замѣтила. Я вышелъ изъ церкви, стараясь не хлопнуть тяжелой, обитой массивными гвоздями дверью.

— Сеньоръ совершаетъ прогулку по Толедо?—окликнулъ меня сзади чей-то хриплый и незнакомый басъ.

Я обернулся. Предо мной стоялъ Пепито изъ Гвадалахары.

Старый тореадоръ былъ одѣтъ сегодня съ большей изысканностью, чѣмъ вчера: на немъ былъ сѣрый пиджакъ изъ толстой

англійской матеріи, солидно и элегантно облегавшій его широкоплечую фигуру, ослѣпительно бѣлая, крахмальная сорочка, по традиціямъ тореадоровъ безъ всякаго воротника, застегивалась золотой запонкой съ изображеніемъ бычачьей головы. Бритыя губы пріятно улыбались.

— Сеньору, навѣрное, никогда еще не приходилось бывать въ «корралѣ»? [1])—взявъ меня подруку съ фамильярностью, нѣсколько неожиданной послѣ его вчерашняго непривѣтливаго для насъ съ дономъ Гораціо пріема, спросилъ онъ самымъ любезнымъ и пріятельскимъ тономъ.

— Нѣтъ! Покамѣстъ еще не приходилось никогда...

— Такъ вотъ я туда сейчасъ иду... Хотите вмѣстѣ со мной?

— Хочу, конечно!..—поспѣшилъ отвѣтить я, ибо доступъ въ «корраль» передъ корридой, особенно вмѣстѣ съ самимъ тореадоромъ,—въ Испаніи большая честь, нѣчто въ родѣ посѣщенія уборной какой-нибудь театральной знаменитости въ остальной Европѣ...

Первое время мы шли молча. Я не зналъ, о чемъ говорить. Пепито же, сдвинувъ свои сѣдыя брови, сосредоточенно курилъ, не обращая на меня вниманія.

Неожиданно онъ вынулъ сигару изо рта.

— У васъ въ Россіи вѣдь всѣ богатые?.. Не такъ ли?

— Есть всякіе!—возразилъ я, немного озадаченный его вопросомъ.

— Но богатыхъ много!.. Какъ въ Америкѣ... Вѣдь правда?

— Не знаю: такъ ли, какъ въ Америкѣ, но есть достаточно...

— И этотъ пріятель вашъ вчерашній... какъ его?—говорить, что меня тамъ всякій и каждый знаетъ!..

Не желая выдавать дона Гораціо, я снова покривилъ душой.

— Хотя и не всякій и каждый, но есть, которые, конечно...

— Хм... Это хорошо!

Пепито положилъ сигару въ ротъ и погрузился въ прежнее молчаніе. Не нарушая его, мы дошли наконецъ до «пласа де торосъ», которая въ Толедо, какъ и въ остальныхъ испанскихъ городахъ, находилась неподалеку отъ кладбища, за самой городской чертой.

---

[1]) „Корраль"—особое помѣщеніе арепѣ, гдѣ заперты боевые быки.

IV.

Мѣсто увеселенія толедскихъ жителей не отличалось веселымъ видомъ: угрюмое круглое зданіе изъ темно-краснаго кирпича, похожее больше на гигантскій мавзолей надъ безчисленными трупами павшихъ здѣсь быковъ и тѣхъ несчастныхъ, старыхъ клячъ, которымъ эти быки успѣли распороть животъ рогами отъ Фердинанда VII до нашихъ дней... Сейчасъ же за ареной начинались пустынные овраги тоже темно-краснаго, кроваваго цвѣта отъ обнаженной, высохшей на солнцѣ глины... Казалось: вся пролитая здѣсь безконечно кровь не захотѣла впитаться въ землю, а запеклась на ней навсегда зловѣщими, безобразными кусками.

Мы вошли съ Пепито въ полутемный, прохладный коридоръ. При нашемъ появленіи двое служащихъ арены въ красныхъ блузахъ и въ сандаліяхъ на босую ногу почтительно сняли каскетки передъ Пепито.

Тотъ демократически и фамильярно похлопалъ обоихъ по плечу.

— Ола... Фернандецъ!.. Ола... Гарабито!..—И, немедленно перемѣнивъ тонъ, съ повелительной важностью крикнулъ вглубь коридора:

— Антоніо! Антоніо... Я здѣсь!..

Оттуда показался пожилой, коротконогій господинъ съ бритой, актерской физіономіей, съ двойнымъ, сизымъ подбородкомъ, одѣтый весьма изысканно, но съ преувеличенно толстой золотой цѣпью на толстомъ животѣ и съ перстнями, слишкомъ ярко сіяющими на жирныхъ и короткихъ пальцахъ.

— Мой импрессаріо,—представилъ мнѣ его Пепито.

— Мой другъ... Русскій принцъ,—небрежно указалъ онъ на меня.

Но на импрессаріо мой неожиданный и звонкій титулъ не произвелъ, повидимому, ни малѣйшаго впечатлѣнія.

— Весьма польщенъ!—не глядя на меня, буркнулъ онъ подъ носъ и пошелъ рядомъ съ Пепито по коридору. Предоставленный самому себѣ, я тихонько поплелся вслѣдъ за ними.

— Такъ ты не хочешь?—очевидно намекая на что-то, произошедшее раньше, угрожающимъ голосомъ сказалъ вдругъ Пепито.

— Не не хочу, а не могу!—равнодушно возразилъ импрессаріо.—Самъ знаешь.

— А если я не соглашусь?

— Дѣло твое! Контрактъ съ Рикардо у меня уже подписанъ...

Разговоръ оборвался.

Въ «корралѣ»—огромной, выложенной камнемъ ямѣ, надъ которой были перекинуты узкіе, желѣзные мостки, лежало на навозѣ шесть разномастныхъ боевыхъ быковъ извѣстной въ Андалузіи «ганадеріи». Но напрасно было бы предполагать, что испанскіе боевые быки имѣютъ что-нибудь общее съ нашими европейскими быками. Здѣсь это совсѣмъ особая, совершенно дикая порода, со временъ Юлія Цезаря—перваго матадора Испаніи—непрерывно улучшаемая въ цѣляхъ развитія наибольшей свирѣпости и силы. Мясо такихъ быковъ въ продажу обыкновенно не поступаетъ: для ѣды оно слишкомъ жилисто и крѣпко и его по самой дешевой цѣнѣ пріобрѣтаютъ послѣ корриды лишь цыгане, нищіе и другіе наиболѣе бѣдные классы населенія.

Едва мы вошли на мостки, какъ одинъ изъ быковъ, смолисто черный съ бѣлыми пятнами на головѣ, неожиданно вскочилъ, покосившись на насъ кровавымъ и воспаленнымъ глазомъ. Потомъ онъ нагнулъ голову и, ударивъ нѣсколько разъ по землѣ копытомъ, внезапнымъ яростнымъ прыжкомъ попытался задѣть мостки своими торчащими точно двѣ кривыя сабли, заостренными рогами.

Остальные быки тоже поднялись и заходили взадъ—впередъ по «кораллю» тревожно и неохотно.

— Мой это!—съ самодовольной гордостью указалъ Пепито на перваго быка.—Достался по жребію... Съ такимъ партнеромъ и работать пріятно: Много пороху!.. Много крови!..

— Но рога у него!—невольно вырвалось у меня.—Вѣдь это же ужасъ, какіе рога...

Пепито украдкой покосился на импрессаріо.

— За то и деньги беремъ!—протягивая мнѣ и ему по сигарѣ и закуривая самъ, возразилъ онъ.—Да вотъ, если угодно—я вамъ разскажу сейчасъ одинъ такой же случай...

Онъ живописно присѣлъ на желѣзныя перила, окружавшія мостки.

— Случилось это, сеньоры, ни много, ни мало, а примѣрно эдакъ лѣтъ двадцать тому назадъ...—Ты куда, Антоніо?—перебилъ онъ самого себя, обращаясь къ импрессаріо, уже повернувшемуся, чтобы уйти.—Останься. Для тебя это тоже очень интересно!..

Тотъ молча съ скучающимъ и равнодушнымъ видомъ повиновался.

— Поспорили мы съ другомъ моимъ, герцогомъ Медина Сидонія,—оживленно продолжалъ Пепито, а дѣло въ томъ, что другъ мой, герцогъ, былъ тогда первымъ знатокомъ нашего искусства во всей Испаніи... Однажды выходимъ мы съ нимъ вмѣстѣ изъ театра—у меня тогда еще была постоянно своя ложа въ Королевской Оперѣ въ Мадридѣ — онъ мнѣ и говоритъ:

— Послушай, говоритъ, Пепито... А вѣдь сознайся: зря вамъ тореадорамъ такія бѣшеныя деньги платятъ! Ты вотъ за выходъ по 10 тысячъ пезетъ получаешь... А за что, спрашивается? Какая твоя работа? Вышелъ на арену, да убилъ быка. Никакого и искусства тутъ не требуется: были бы только вѣрный глазъ, да сердце настоящаго мужчины!..

— А актерамъ, по-вашему—спрашиваю—можно бѣшеныя деньги платить?

— Актерамъ?—говоритъ.—Можно!.. У нихъ искусство настоящее... У нихъ игра...

Помолчалъ я тогда, ничего ему не отвѣтилъ. Только мутно такъ стало у меня на сердцѣ. Не былъ бы онъ мой другъ—вогналъ бы я ему такія слова обратно въ глотку, будь онъ хотя тысячу разъ герцогъ!..

Пепито медленно и съ важностью снова зажегъ потухшую сигару.

— Хорошо,—продолжалъ онъ, бросая спичку.—Крѣпко запалъ мнѣ въ сердце этотъ разговоръ!.. Какъ же можно, судите сами, равнять меня съ актеромъ? Проколятъ ему брюхо на сценѣ картонной шпагой, или изъ картоннаго пистолета застрѣлятъ—выходи потомъ на вызовы, получай аплодисменты!.. А у насъ, въ нашемъ дѣлѣ, на аренѣ, можетъ, каждую минуту настоящей смерти ждешь... Значитъ, и плата и почетъ должны быть намъ другія!.. Не такъ ли, Антоніо?—неожиданно повернулся онъ къ импрессаріо.—Вѣдь правда?..

Но тотъ лишь молча неопредѣленно поигралъ своей массивной золотой цѣпочкой на толстомъ животѣ.

Пепито саркастически усмѣхнулся.

— Не любятъ люди правды! — Но все же есть, которые къ ней приходятъ, рано или поздно... Такъ было и на этотъ разъ. Пригласилъ Медину Сидонія и меня нашъ общій другъ донъ Андресъ де Сантильяна... Знаменитый былъ въ свое время «ганадеро»... (хозяинъ ганадеріи, гдѣ воспитываются боевые

быки). Много еще и другихъ гостей понаѣхало. Только сѣли мы обѣдать у него въ саду, какъ бѣжитъ безъ шапки пастухъ ганадеріи дона Андреса...

— Донъ Андресъ!—кричитъ.—Быкъ!..

Смотримъ, а быкъ-то уже шагахъ такъ въ десяти отъ насъ.. Послѣ только мы узнали, что случайно выскочилъ онъ изъ-за ограды. Натурально и гости, и хозяинъ нашъ—каждый кто куда... Остались у стола я да другъ мой герцогъ...

Смотрю: беретъ мой герцогъ скатерть со стола, сворачиваетъ, точно плащъ, и на быка... разъ... разъ... Такой ему устроилъ поворотъ, что, будь я трижды проклятъ, если я когда-нибудь самъ сдѣлалъ что-нибудь подобное же на аренѣ!.. Второго только поворота сдѣлать не пришлось! Ошибся, на секунду опоздалъ—смотрю: летитъ мой герцогъ вверхъ ногами. Отлетѣлъ шаговъ на десять... хлопъ... и легъ, какъ пластъ! Ну я, конечно, скатерть подобралъ и сталъ быка «верониками» прочь изъ сада отводить. Отвелъ. Вернулся. Вижу: уносятъ герцога, нога поломана и эдакъ реберъ пять навѣрно не хватаетъ...

— Прости меня, Пепито!—когда пришелъ въ сознаніе, говоритъ онъ:—Да чортъ ли въ ней, во всей игрѣ актерской: вотъ у тебя я понимаю—настоящая игра!..

Пепито возбужденно замолчалъ. Импрессаріо съ скучающимъ видомъ бросилъ прочь докуренную сигару.

— Идемъ, пожалуй! — слегка зѣвнувъ, замѣтилъ онъ.— Не хорошо здѣсь стоять — быковъ только понапрасну раздражаемъ.

Дѣйствительно, быки, во время разсказа Пепито непрерывно ходили взадъ и впередъ по «кораллю», изрѣдка глухо мыча и стараясь задѣть мостки своими страшными, кривыми и огромными рогами.

Мы вышли. Служитель тщательно закрылъ за нами на ключъ тяжелыя, обитыя желѣзомъ, двери. Импрессаріо, пожавъ Пепито руку,—расшаркался передо мной:

— Антоніо Монтера—импрессаріо толедской «пласа де торосъ»—заученной скороговоркой пробормоталъ онъ обычную въ Испаніи формулу перваго знакомства.—Улица Стараго Фонтана, домъ номеръ 8, лѣвая дверь во второмъ этажѣ... Отнынѣ тамъ вы всегда будете имѣть вашъ домъ и вашего искренняго друга!..

Но покамѣстъ я, тоже скороговоркой, бормоталъ ему адресъ моей гостиницы, номеръ комнаты и увѣрялъ, что отнынѣ

все это будетъ такъ же и его—онъ, повернувшись ко мнѣ спиной, закричалъ кому-то вглубь темнѣющаго въ осеннихъ сумеркахъ коридора:

— Песку на послѣ-завтра не забыли накопать?..

V.

На улицу Пепито вышелъ хмурый. Усталыя морщины на его лицѣ сдѣлались еще какъ будто рѣзче и темнѣе.

— Первый жуликъ Испаніи!—энергично сплюнувъ, сказалъ онъ послѣ недолгаго молчанія.

— Вашъ импрессаріо?

— Онъ самый! Антоніо!.. Съ живого человѣка сдираетъ кожу... Не дай Богъ кому-нибудь попасться ему въ лапы... Жестокая и жадная скотина!..

Пепито угрожающе оглянулся.

Уже смеркалось. Ставшія въ сумеркахъ изъ красныхъ неопредѣленно и зловѣще черными, стѣны арены массивнымъ и тяжелымъ полукругомъ возвышались за нами въ темнотѣ. Вдали горѣли вечерніе огни Толедо.

Мы молча прошли нѣсколько шаговъ.

— У сеньора нѣтъ особо спѣшнаго дѣла?—спросилъ наконецъ Пепито.

— Не только особо спѣшнаго, а и вообще никакого нѣтъ!..

Пепито одобрительно усмѣхнулся.

— Вотъ это я люблю!.. Не знаю: какъ у васъ въ Россіи, а у насъ въ Испаніи чѣмъ меньше дѣла—тѣмъ лучше... Тогда, если сеньоръ не имѣетъ ничего противъ—зайдемъ ко мнѣ?

— Съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣтилъ я.

Старый тореадоръ взялъ меня подъ руку съ фамильярнымъ и покровительственнымъ видомъ.

— У меня, знаете, всегда такъ: или не понравился мнѣ человѣкъ—тогда я плюю ему въ рожу и пусть идетъ себѣ къ дьяволу. Или понравился, какъ вы, напримѣръ, и тогда мы сразу становимся съ нимъ первыми друзьями!..

Пепито неожиданно остановился.

— Только вотъ еще что: сеньоръ долженъ меня, конечно, извинить!.. Если бы раньше дѣло было—сеньору не пришлось бы раскаиваться, что зашелъ къ Пепито изъ Гвадалахары: натурально шампанское, гаванскія сигары, ужинъ первый сортъ, а потомъ бы поѣхали вмѣстѣ въ какое-нибудь хорошее мѣсто!..

Но теперь... Дѣло въ томъ, что пришлось остановиться не въ гостиницѣ, а у знакомыхъ однихъ. Бѣдные люди!.. Имъ, знаете, лестно, что я у нихъ, а мнѣ-то не все-ли равно?..

— Само собою разумѣется!—поспѣшилъ согласиться я.

Пепито видимо повеселѣлъ.

— Тогда сюда, пожалуйста!.. Вотъ въ этотъ переулокъ...

Мы повернули вдоль стѣны — остатка прежнихъ готскихъ и средневѣковыхъ укрѣпленій Толедо.

Въ противуположность другимъ кварталамъ, здѣсь было шумно и многолюдно. Въ прижавшихся къ стѣнѣ крохотныхъ, невзрачныхъ лачугахъ ютилась толедская бѣднота. На балконахъ повсюду стояли неподвижныя, женскія фигуры. Ихъ можно было бы въ темнотѣ и при романтически настроенномъ воображеніи принять за призраки прошлаго, вышедшіе изъ своихъ могилъ, если бы онѣ не переговаривались черезъ улицу другъ съ другомъ о весьма прозаическихъ домашнихъ дѣлахъ и притомъ чрезвычайно пронзительными, крикливыми голосами. Кое-гдѣ сквозь желѣзныя рѣшетки оконъ нижнихъ этажей виднѣлись скудно освѣщенныя, бѣдныя комнаты, съ голыми стѣнами и низкимъ потолкомъ. Странныя тѣни блѣдно бродили по нимъ отъ чьихъ-то двигающихся въ глубинѣ и не видныхъ съ улицы фигуръ... Было похоже на забытую на сценѣ декорацію піесы изъ средневѣковой жизни, статисты которой уже успѣли переодѣться въ современные костюмы...

Пепито внезапно исчезъ подъ однимъ изъ мрачныхъ сводовъ.

— Сюда, пожалуйста!—глухо послышался впереди его голосъ. Онъ толкнулъ какую-то дверь, невидимую въ темнотѣ. Полоса электрическаго свѣта неожиданно заставила меня на секунду зажмуриться.

— А я тебя ждала, ждала!..—встрѣтила насъ на порогѣ встревоженная, маленькая женская фигурка.—Что опять сказалъ тебѣ донъ Антоніо?..

Пепито пропустилъ меня впередъ.

Я съ невольнымъ изумленіемъ увидалъ передъ собой ту самую женщину въ черномъ, что молилась сегодня въ церкви Маріи дель Карменъ.

— Моя жена! — широкимъ жестомъ указалъ мнѣ на нее Пепито.

Маленькая фигурка застѣнчиво протянула мнѣ руку.

— Сеньоръ — русскій... Иностранецъ! —пояснилъ Пепито и, небрежно, но вѣжливо пододвинувъ мнѣ стулъ, добавилъ:— прошу садиться... Я сейчасъ...

Онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, оставивъ насъ однихъ. Наступило молчаніе. Я осмотрѣлся. Комната была большая, но унылая, съ голыми стѣнами, на которыхъ при свѣтѣ электрической лампочки отчетливо выступали застарѣлыя пятна сырости и грязи. Въ углу, возлѣ неубранной желѣзной кровати съ разбросанными подушками безъ наволочекъ и смятымъ одѣяломъ, висѣло что-то, покрытое рваной простыней и похожее издали на человѣческую фигуру.

— Парадный костюмъ моего мужа! — сказала, замѣтивъ мой взглядъ, жена Пепито и отвернула простыню. Массивное, точно кованное, золотое шитье заискрилось переливающимися блестками по темно-фіолетовому атласу. Костюмъ былъ, дѣйствительно, богатъ и роскошенъ, и странно было видѣть его въ этой убогой комнатѣ висящимъ подъ рваной и грязной простыней.

— Для королевской корриды сшитъ!—съ гордостью объяснила жена Пепито, снова тщательно закрывая костюмъ со всѣхъ сторонъ.—Больше пяти тысячъ пезетъ стоилъ. Все чистое золото и настоящій атласъ...

Она отошла и присѣла на одинъ изъ стоявшихъ въ комнатѣ плетеныхъ табуретовъ. Пепито не появлялся.

— А я васъ видѣлъ сегодня въ церкви!—сказалъ я, чтобы нарушить снова наступившее молчаніе.

Нѣжная краска розовымъ заревомъ залила ея блѣдныя щеки. Она смущенно опустила рѣсницы.

— Моя патронесса! — точно извиняясь, съ улыбкой пробормотала она. — Я вѣдь тоже Марія и тоже дель Карменъ... У насъ въ семьѣ три сестры и всѣ Маріи: старшая — Марія дель Пиларъ, средняя—Марія де ласъ Ніевасъ, и я—дель Карменъ... Всѣ Маріи!..

— Вы, должно быть, валенсіанка?—замѣтилъ я.—Въ Валенсіи такой обычай—давать всѣмъ сестрамъ одинаковыя имена!..

Жена Пепито отрицательно покачала головой.

— Сеньоръ меня обижаетъ!.. Развѣ я похожа на валенсіанку? У насъ въ Гренадѣ говорятъ:—«если хочешь быть рогатымъ на другой же день послѣ свадьбы—возьми себѣ жену изъ Валенсіи»... Нѣтъ, сеньоръ!.. Я изъ Гренады. У моего отца и сейчасъ тамъ погребъ оливковаго масла — большая торговля съ заграницей...

Она замолчала и, зачѣмъ-то взявъ со стола валявшійся тамъ заскорузлый ножикъ, сейчасъ же положила его обратно.

— И будь она проклята эта Валенсія!..—порывисто вдругъ

вырвалось у нея. — Ненавижу я и городъ этотъ проклятый, и людей тамошнихъ, и все!..

— Почему же такъ? — спросилъ я, невольно любуясь ея, внезапнымъ гнѣвомъ засверкавшими, черными глазами.

— А... синьоръ — вы не сможете этого понять: вы иностранецъ!...

Она скрестила на колѣняхъ тонкіе пальцы прозрачно-бѣлыхъ на черномъ платьѣ рукъ и опустила голову. Я почувствовалъ, что мой случайный вопросъ задѣлъ въ ея душѣ какую-то невѣдомую мнѣ рану... Но исправить ошибку не пришлось.

Только-что я хотѣлъ заговорить о чемъ-нибудь другомъ,— какъ дверь на улицу распахнулась безъ всякаго предварительнаго стука и на порогѣ появился приземистый съ прыщавой и бритой актерской физіономіей человѣкъ въ надвинутой на глаза широкополой шляпѣ.

— Дома Пепито?—освѣдомился онъ грубымъ голосомъ, не снимая шляпы.

Жена Пепито указала на сосѣднюю комнату.

— Сейчасъ придетъ.

Вновь пришедшій—по всѣмъ признакамъ—пикадоръ, или «бандерильеро» изъ «квадрильи» (отряда, набираемаго каждымъ тореадоромъ на свой счетъ) Пепито—прислонился къ стѣнѣ все такъ же въ шляпѣ и, плюнувъ на полъ, принялся скручивать изъ самаго дешеваго чернаго табаку огромнѣйшихъ размѣровъ папиросу. Закуривъ и наполнивъ комнату вонючимъ дымомъ, онъ совсѣмъ пересталъ обращать на насъ вниманіе, звучно и регулярно сплевывая на полъ черезъ каждыя двѣ-три секунды... Тонкія, блѣдныя губы жены Пепито начали тихонько вздрагивать, точно она собиралась заплакать.

Я смотрѣлъ на нее, смотрѣлъ на квадратную, грубую фигуру пикадора—и мнѣ казалось непонятнымъ: зачѣмъ здѣсь сейчасъ эта нѣжная, маленькая женщина, съ прозрачнымъ, точно восковымъ личикомъ и такъ печально мерцающими на немъ огромными черными глазами?... Должно быть, раньше она знала иную жизнь и окружали ее совсѣмъ другіе люди. Трудно было представить себѣ, что Пепито ея мужъ—онъ, могущій быть ея отцомъ, со своими рѣзкими морщинами, толстымъ, старческимъ животомъ и хриплымъ, самоувѣреннымъ басомъ!...

Наконецъ, за дверью послышались быстрые, легкіе шаги.

— Вотъ я вамъ сейчасъ, сеньоръ... — началъ было Пепито, показывая мнѣ какую-то толстую папку въ тисненномъ

золотомъ переплетѣ, но, замѣтивъ новаго гостя, остановился на полусловѣ.

— А... это ты, Пахоміо!—безъ особой любезности въ тонѣ воскликнулъ онъ.—Что новенькаго можешь разсказать?...

Тотъ энергично растопталъ окурокъ папиросы и еще глубже и рѣшительнѣе надвинулъ шляпу на глаза.

-- А то, что денегъ намъ нужно: мнѣ и всей прочей «квадрильѣ!...»—засунувъ руки въ карманы и вызывающе смотря на Пепито, заявилъ онъ.—Хозяинъ въ фондѣ (гостиницѣ) кредиту больше не даетъ и вообще...

Старый тореадоръ положилъ свою папку на кровать и гордо выпрямился. Въ его глазахъ мелькнуло что-то, похожее на прежняго Пепито изъ Гвадалахары.

— Прошу синьора быть здѣсь, какъ въ своемъ собственномъ домѣ!—обратился онъ ко мнѣ, широкимъ и величественнымъ жестомъ указывая на стоявшую на столѣ бутылку съ краснымъ виномъ и пару захватанныхъ грязными пальцами стакановъ. — Пейте, ѣшьте... безъ всякаго стѣсненія!... А мы покамѣстъ съ моимъ другомъ и компаньономъ пойдемъ переговорить кое о чемъ... Дѣла, къ сожалѣнію, прежде всего!...

Онъ съ учтивымъ поклономъ пропустилъ впередъ себя неохотно перешагнувшаго черезъ порогъ сосѣдней комнаты своего «друга и компаньона» и тщательно заперъ двери за собой.

Жена Пепито, до сихъ поръ молча, съ безучастнымъ видомъ сидѣвшая, скрестивъ на колѣняхъ руки, рѣзкимъ движеніемъ поднялась и подошла къ столу.

— И вотъ, сеньоръ...—наливая мнѣ въ стаканъ вина, сказала она дрогнувшимъ голосомъ.—Вотъ наша жизнь:—съ утра до поздняго вечера то одинъ приходитъ, то другой, и всѣ только и дѣлаютъ, что просятъ денегъ... Крикъ... шумъ... ругань... А гдѣ намъ взять? У самихъ вѣдь тоже нѣтъ ничего... Сами не знаемъ: что будетъ съ нами завтра? И все это изъ-за проклятой Валенсіи!... А вы еще приняли меня за валенсіанку...

Она грустно и чуть замѣтно усмѣхнулась.

— Но что же такое случилось съ вами въ Валенсіи, что вы такъ не любите этотъ городъ? — спросилъ я. — И потомъ, насколько я слышалъ, вашъ мужъ былъ очень богатъ... Или по крайней мѣрѣ у него имѣлись средства?

Жена Пепито отрицательно покачала головой.

— Когда я выходила замужъ за него—у него уже не было больше ни сантима!... Но за то, сеньоръ, у него была его постоянная удача, а это даже лучше всякаго богатства!... Бывало

сидишь себѣ дома и только и знаешь, что распечатываешь телеграммы: — «я лучше всѣхъ, вынесли на рукахъ съ арены». Оваціи и единогласно—«ухо»... [1]).

Она отошла отъ стола и присѣла на кровать.

— Но что же такое случилось съ вашимъ мужемъ въ Валенсіи?—повторилъ я свой вопросъ.

Жена Пепито медленно подняла на меня свои черные глаза. Они сверкали злобными искрами и сдѣлались еще какъ будто неподвижнѣе и больше.

— Испортили его тамъ!... Сглазили... Изъ зависти отняли прежнее счастье! Повѣрите ли: 33 раны на тѣлѣ у Пепито, сколько разъ онъ былъ на волосокъ отъ смерти, но никогда, слышите, сеньоръ,—никогда быкъ не смѣлъ и не могъ топтать его ногами!... А въ проклятой Валенсіи топталъ. Грудь ему проломилъ, сломалъ ключицу... насилу отняли тогда его... думали—умретъ... Пришлось въ больницѣ пролежать около году... И, знаете: все это случилось какъ разъ въ первую же корриду послѣ нашего возвращенія изъ Мексики въ Испанію... Лучше бы намъ уже не возвращаться никогда!...

Она замолчала. Въ сосѣдней комнатѣ за дверями послышалось раздраженное восклицаніе Пепито.

— Каррамба! Да я мошенникъ по-твоему, что ли?... Сказано: въ воскресеніе послѣ корриды заплачу—значитъ, ясно...

— И быки ему стали съ тѣхъ поръ попадаться одинъ хуже другого,—глухимъ и печальнымъ голосомъ продолжала жена Пепито.—А съ плохими, смирными быками сами знаете, сеньоръ, какъ трудно работать: на «мулету»—(красный плащъ)—не бросаются, отъ тореадора убѣгаютъ—гдѣ тутъ показать настоящее искусство? И смѣлости вашей публика тоже не видитъ... Стали въ газетахъ про него нехорошо писать... Ахъ, сеньоръ!—обидно за него: первая шпага Испаніи, и вотъ уже третій годъ, какъ ни въ Севильѣ, ни въ Мадридѣ, ни у насъ въ Гренадѣ ни одного ангажемента! Забыли... не хотятъ больше знать моего Пепито...

— Будь проклято отродье твоей матери!—снова раздалось за сосѣдней стѣной.—Да развѣ слово Пепито изъ Гвадалахары не тѣ же деньги?...

— А знаете, сеньоръ, какъ онъ меня увезъ?

Она повернулась ко мнѣ. Черные глаза лукаво заискрились и засмѣялись внезапной радостью нахлынувшихъ воспоминаній.

---

[1]) Отрѣзанное по требованію публики ухо убитаго быка считается высшей и наиболѣе почетной наградой для особо отличившагося тореадора.

— Мы тогда съ родителями жили лѣтомъ на дачѣ въ Антекарѣ. Знаете: мѣстечко такое есть неподалеку отъ Гренады?... И онъ тоже тамъ поселился. У меня былъ «новіо» (женихъ) Пепе Фуентесъ, богатый очень, сынъ торговца одного, пріятеля моего отца, дона Сальвадора... Только онъ былъ такой еще молодой и глупый мой Пепе!... Любилъ меня, какъ сумасшедшій, и все, бывало, пристаетъ съ утра до вечера:—ахъ, скажи, Марія, ты меня любишь?... Люблю!... Ахъ, скажи мнѣ, моя Марія, еще разъ, что ты меня любишь, а то я не вѣрю моему счастью... Да люблю же, говорятъ тебѣ... Люблю!... И такъ, представьте себѣ,—цѣлый день!... Ну, а Пепито тотъ совсѣмъ въ другомъ родѣ... И знаете, синьоръ, если бы вы могли его тогда видѣть: какой онъ былъ красивый!.. Бывало, начнетъ о себѣ разсказывать, да еще потомъ на гитарѣ заиграетъ!... Ну, бѣжала я съ нимъ. Мы съ нимъ въ Парижъ бѣжали... Я вѣдь тогда еще несовершеннолѣтняя была... А въ Парижѣ что дѣлать? Деньги, какія были, скоро прожили. Въ Испанію возвратиться нельзя—полиція насъ арестуетъ... Пришлось намъ въ Мексику уѣхать:—тамъ вѣдь Пепито каждая собака знаетъ,—и сталъ онъ тамъ по-прежнему тореадоромъ.

Хорошо мы съ нимъ жили тогда! Только, знаете—все же чужая сторона, скучать я начала и захотѣлось мнѣ опять къ себѣ въ Гренаду. А тутъ еще написали намъ, что отецъ отъ меня отказался, знать меня больше не хочетъ—значитъ, можно намъ стало вернуться, и полиція насъ больше уже теперь не тронетъ....

Вернулись мы, да на несчастье, должно быть, вернулись, синьоръ! Что ни годъ—все хуже наша жизнь... Пристала къ Пепито неудача, да и не отпускаетъ отъ себя. Одна только теперь надежда: въ Мексику обратно... Лишь бы денегъ удалось достать на дорогу!...

Она внезапнымъ и пугливымъ жестомъ приложила палецъ къ губамъ.

— Только... ради Святой Дѣвы, синьоръ!... Не говорите мужу, что я вамъ разсказывала!... Не любитъ... гордый онъ. А я все одна, да одна... Болитъ у меня сердце... Шесть тысячъ обѣщали здѣсь мужу за корриду. Получимъ — уѣдемъ. Можетъ, счастье вернется... Только здѣшній импрессаріо такой скверный, такой скверный... Тоскливо мнѣ!...

Въ сосѣдней комнатѣ задвигали стульями.

Жена Пепито выразительно взглянула на меня.

— Синьоръ вѣдь ничего не скажетъ мужу?—довѣрчивымъ

и дѣтскимъ шепотомъ попросила она.—А то Пепито разсердится. Отказалъ вѣдь ему сегодня донъ Антоніо выдать деньги впередъ передъ корридой!...

Дверь распахнулась отъ сердитаго толчка. Пикадоръ прошелъ мимо насъ, буркнувъ намъ изъ-подъ своей широкой шляпы весьма непривѣтливое:—buenas noches!—(доброй ночи!).

Пепито вѣжливо, съ невозмутимымъ видомъ проводилъ его до порога.

— А сейчасъ, синьоръ,—любезно и изысканно обратился онъ ко мнѣ, — я покажу вамъ одну вещь, видѣть которую не отказались бы знатоки боя быковъ всего земного шара!...

Онъ развернулъ предо мною на столѣ принесенную раньше огромную папку въ тисненномъ золотомъ кожанномъ переплетѣ. Въ ней оказались афиши всѣхъ главнѣйшихъ корридъ, въ которыхъ когда-либо принималъ участіе мой хозяинъ. Многія изъ нихъ были нарисованы извѣстными испанскими художниками на прекрасной атласной бумагѣ, другія, болѣе скромнаго вида, были напечатаны обыкновеннымъ типографскимъ способомъ, но на всѣхъ имя Пепито изъ Гвадалахары стояло впереди и выше всѣхъ, хотя тамъ постоянно попадались имена извѣстнѣйшихъ въ свое время и теперь уже давнымъ-давно сошедшихъ съ арены тореадоровъ.

— Хозе Маранья,—сказалъ Пепито, указывая на первый листъ.—Славный мальчикъ. Много пороху, много крови!... Быкъ проткнулъ ему рогами легкія. Умеръ въ больницѣ отъ чахотки...

— Лагартихо!—продолжалъ онъ, перелистывая дальше.— Съ этимъ мы были первыми друзьями... Женщины только избаловали его, а былъ когда-то очень хорошій парень. Третья шпага Испаніи!... Антоніо Монтесъ былъ второй...

— А вотъ королевская коррида... Послѣ перваго же быка донъ Альфонсо [1]) позвалъ меня въ ложу.—«Пепито,—говоритъ:— ты сегодня работалъ, какъ самъ Господь Богъ!» И далъ мнѣ двѣ своихъ, по особому заказу изъ Гаванны присланныхъ сигары... Я ихъ выкурить не успѣлъ и сунулъ себѣ подъ жилетъ за поясъ. И что бы думали, синьоръ? Послѣдній быкъ, когда я собирался дать ему эстокаду—задѣлъ меня случайно рогомъ какъ разъ въ то самое мѣсто, куда я положилъ сигары... Послѣ король смѣялся:—«ты,—говоритъ,—Пепито, долженъ за меня молебенъ отслужить, потому что я спасъ тебя моими сигарами отъ смерти!».

---

[1]) Альфонсъ XII—отецъ нынѣшняго испанскаго короля.

Пепито окончательно оживился. Даже голосъ его помолодѣлъ и звучалъ уже менѣе хрипло, чѣмъ раньше.

Онъ перелистывалъ предо мной афишу за афишей и по поводу каждой разсказывалъ все новыя и новыя воспоминанія. Забытыя тѣни сошли съ этихъ выцвѣтшихъ отъ времени, потускнѣвшихъ страницъ и закружились по комнатѣ буйнымъ и пестрымъ, волнующимъ воображеніе хороводомъ.

Я оглянулся. Жена Пепито сидѣла, облокотившись о спинку кровати, не отводя глазъ отъ своего мужа. И столько горделивой нѣжности и счастья было въ ея темномъ, сосредоточенно и ярко вспыхнувшемъ взглядѣ!

Она видѣла его, своего Пепито, такимъ, какимъ онъ былъ когда-то, много лѣтъ тому назадъ... Ей не видно было ни его усталыхъ морщинъ на обрюзгшемъ, старческомъ лицѣ, ни сгорбленныхъ плечъ, ни сѣдины на вискахъ. Въ глазахъ, полныхъ любви, какъ въ волшебномъ зеркалѣ, то, что любишь—отражается вѣчно юнымъ и прекраснымъ!

Пепито захлопнулъ папку. Стало тихо. Точно захлопнулась гробовая крышка надъ тѣмъ, что больше никогда не вернется.

— А теперь, синьоръ,—послѣ долгой паузы заговорилъ Пепито, слегка дрожащими пальцами свертывая папиросу и почему-то не глядя на меня,—какъ между друзьями... Не правда ли? Вамъ понравились эти афиши?

— Очень!—отвѣтилъ я.

— Синьоръ, быть можетъ, хотѣлъ бы ихъ купить? Синьору, какъ другу, я уступилъ бы ихъ не дорого:—тысячъ за пять песетъ, не больше! Мнѣ за эту коллекцію графъ Кортихо де Инхалада предлагалъ недавно 10 тысячъ, но я не согласился...

Я неопредѣленно пожалъ плечами.

— Коллекція, разумѣется, очень цѣнная, но у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ сейчасъ столько свободныхъ денегъ!

Пепито закурилъ и подалъ мнѣ свою папиросу.

— Закуривайте!... Нашъ кастильскій обычай: нельзя давать пріятелю зажженную спичку, отъ которой самъ прежде закурилъ... Такъ вы находите, что пять тысячъ дорого? Можетъ хотите три тысячи? Но это только исключительно для васъ!

Я поднялся.

— Мнѣ, право, очень жаль! Но я рѣшительно не имѣю возможности купить эти афиши...

Пепито наклонилъ свою сѣдую голову съ любезнымъ и изысканнымъ сожалѣніемъ.

— О, я не думаю настаивать!... Синьоръ долженъ меня извинить! Но если кто-нибудь изъ знатныхъ и богатыхъ русскихъ друзей синьора пожелалъ бы имѣть въ своей коллекціи полное собраніе афишъ корридъ Пепито изъ Гвадалахары,—синьоръ теперь будетъ знать, къ кому онъ можетъ обратиться.

— Хорошо.—Я завтра напишу въ Россію! — сказалъ я, чтобы какъ-нибудь избавить себя отъ неловкаго положенія.

— Я буду безконечно и искренно благодаренъ сеньору!

Пожавъ хрупкую, крохотную руку жены Пепито, я вышелъ. Старый тореадоръ проводилъ меня до дверей. Мы дружески простились съ нимъ—и такъ понятно и ясно стало мнѣ въ этотъ моментъ: почему больше не можетъ дать «настоящую эстокаду» съ безуміемъ прежней храбрости недавній идолъ испанской толпы за свое безстрашіе передъ смертью, нынче жадно цѣпляющійся за жизнь, за ея послѣднія, оставшіяся ему нищенскія крохи!..

VI.

Въ день корриды я чуть было не поссорился съ дономъ Гораціо. Онъ пришелъ ко мнѣ сіяющій и самодовольный съ сегодняшнимъ номеромъ газеты въ рукахъ, въ которомъ были напечатаны его статьи. Протянувъ мнѣ газету, онъ скромно усѣлся въ уголкѣ въ ожиданьи моего отзыва и занялся свертываніемъ папиросы. Обыкновенно я всегда хвалилъ его произведенія, ибо мой толедскій другъ обладалъ стилемъ легкимъ и изящнымъ, хотя за глубиной содержанія никогда особенно не гнался.

Но на этотъ разъ обѣ его статьи меня откровенно возмутили: первая,—подъ заглавіемъ: «Цвѣты благочестія, или размышленіе вѣрнаго сына церкви»—содержала въ себѣ неумѣреннаго характера панегирикъ добродѣтелямъ празднуемаго сегодня святого Николая, архіепископа Толедо. Вторая—называлась: «Интервью нашего спеціальнаго корреспондента съ Пепито изъ Гвадалахары». Въ ней мой увлекающійся другъ безъ всякаго стѣсненія нарисовалъ фантастическую картину своей встрѣчи «съ первой шпагой Испаніи въ стѣнахъ ея исторической столицы» и послѣ безконечно-длиннаго разговора, которымъ, якобы, удостоилъ его Пепито, — сравнилъ послѣдняго ни больше, ни меньше... какъ съ Викторомъ Гюго!..

— Оба они—патетически заканчивалась статья—призваны

свыше потрясать сердца людей! Только одному Господь, въ благости Своей, далъ въ руки перо, другому — его вѣрную шпагу тореадора!..

— Послушайте, донъ Горацiо! — не вытерпѣлъ я. — Вѣдь это же чортъ знаетъ, что вы тутъ написали?..

Донъ Горацiо, повидимому, ожидавшiй отъ меня похвалы, смутился. Багровая краска внезапно залила ему лобъ и щеки.

— Оно, конечно...—невнятно пробормоталъ онъ. — Тутъ есть нѣкоторое небольшое преувеличенiе! Но, вѣдь, сами посудите... Хотя, съ другой стороны, разумѣется...

Онъ безнадежно запнулся, и, какъ это довольно часто случалось съ нимъ во время нашихъ «принципiальныхъ» споровъ,—неожиданно впалъ въ самое суровое самобичеванiе.

— Да!.. — вскочивъ и бѣгая по комнатѣ, воскликнулъ онъ.—Вы, правы... Я — подлецъ!.. Я — форменный подлецъ! Я продалъ свой талантъ! Я продалъ свое перо! Я все продалъ этимъ мошенникамъ и негодяямъ, которые губятъ нашу страну, высасываютъ изъ нея послѣднiе соки!.. Вотъ вамъ Испанiя нашихъ дней! Вотъ наша современная, интеллигентная молодежь, къ которой я имѣю глубокое несчастье принадлежать... И всѣ мы здѣсь таковы! У нихъ—ткнулъ онъ пальцемъ на газету—у нихъ деньги, власть... У насъ же... Вы вѣдь знаете мои убѣжденiя? — И вотъ я—анархистъ въ душѣ и свободный мыслитель, я долженъ строчить клерикаламъ статьи чортъ знаетъ о чемъ, или же — умереть съ голоду, какъ послѣдняя собака подъ заборомъ!.. Нѣтъ!.. Я всегда вамъ говорилъ, что Испанiя — погибшая страна! Не понимаю: зачѣмъ вы, иностранцы, продолжаете къ намъ ѣздить? Развѣ смотрѣть на разлагающiйся трупъ такъ уже прiятно?..

Чтобы утѣшить дона Горацiо, я пригласилъ его съ собой обѣдать. За обѣдомъ онъ ѣлъ очень много, былъ чрезвычайно мраченъ и все время молчалъ. Когда подали кофе и мы закурили сигары—онъ опять развеселился.

— А я вѣдь съ нихъ все-таки цѣлыхъ 50 пезетъ содралъ!—юмористически подмигнулъ онъ мнѣ.—По 25 за каждую статью. Донъ Альфредо, натурально, началъ торговаться, но я уперся, какъ кастильскiй быкъ:—или пожалуйте полсотни, или я не дамъ статью! А тема горячая. День, сами знаете, какой... Должно быть, сейчасъ уже ни одного номера въ кioскахъ не осталось!

Онъ размашисто бросилъ окурокъ, по обыкновенiю, прямо на полъ и поднялся.

— Однако, намъ пора. Бой быковъ вамъ не почта! Тамъ публику дожидаться не заставишь!.. Тѣмъ болѣе, что коляска наша, должно быть, уже ждетъ насъ внизу.

— Какая коляска, донъ Горацiо?—изумился я.—Зачѣмъ!..

Мой другъ, натягивавшiй въ этотъ моментъ перчатки ярко кирпичнаго цвѣта, составлявшiе, по его понятiю, вмѣстѣ съ котелкомъ, неотъемлемую принадлежность каждаго «истиннаго европейца», — усмѣхнулся снисходительно и даже съ нѣкоторымъ сожалѣнiемъ.

— Какой же уважающiй себя человѣкъ пойдетъ пѣшкомъ на корриду? Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, коляска все равно не будемъ намъ стоить ни сантима! Я взялъ ее у одного прiятеля — маркиза Гонзалеца Пачеко, котораго сегодня нѣтъ въ Толедо...

Въ коляскѣ, болѣе похожей на погребальныя дроги, со своимъ облѣзлымъ, хотя и украшеннымъ гербами, старомоднымъ кузовомъ, жующимъ, отъ дряхлости, кучеромъ и парой еле передвигающихъ ногами старыхъ клячъ, донъ Горацiо, съ дымящейся сигарой во рту, развалясь, держалъ себя съ важностью чрезвычайной.

Но у арены, передъ которой чернѣла неимовѣрная толпа, онъ приказалъ кучеру остановиться возлѣ кассы съ билетами на дешевыя мѣста.

— Донъ Горацiо!—попробовалъ было воспротивиться я.— Да мы же вѣдь рискуемъ не попасть? Смотрите: какой здѣсь хвостъ стоитъ! Подъѣдемъ лучше къ слѣдующей кассѣ...

— Тамъ мѣста по 15 пезетъ, здѣсь по 3!—лаконически отвѣтилъ онъ, протискиваясь къ ожидающимъ своей очереди у рѣшетки.

— Да Богъ съ вами!.. Я согласенъ заплатить и по 15, только бы попасть.

Донъ Горацiо внезапно побагровѣлъ.

— А я, вы думаете, могу согласиться, чтобы вы за меня платили?—дрожащимъ, отъ обиды, голосомъ воскликнулъ онъ.— Вы—иностранецъ и мой гость!.. Нѣтъ, ужъ... пожалуйста!.. Вотъ, когда я къ вамъ въ Москву прiѣду,—дѣлайте тогда, что хотите... А теперь позвольте мнѣ соблюдать элементарныя правила приличiй, какъ они понимаются у насъ!..

Онъ круто замолчалъ и отвернулся. По его спинѣ я видѣлъ, что онъ все еще негодуетъ на меня за мое дѣйствительно, должно быть, «оскорбительное», по здѣшнимъ нравамъ, предложенiе.

Я только махнулъ безнадежно рукой и терпѣливо сталъ дожидаться, когда ему удастся, наконецъ, протискаться къ завѣтному окошку.

Толпа вокругъ насъ все прибывала. Изъ подъѣзжающихъ старомодныхъ, въ родѣ нашего, экипажей поминутно выпархивали молоденькія сеньориты, въ свѣтлыхъ туалетахъ, многія съ традиціонными кружевными мантильями на головѣ и съ пучкомъ ярко-красныхъ или блѣдно-розовыхъ гвоздикъ въ черныхъ волосахъ и у корсажа. Выползали, всѣ въ черномъ, ихъ грузныя, расплывшіяся, отъ ничего недѣланья и сидячей жизни взаперти, мамаши. Выпрыгивали, съ элегантной ловкостью, безукоризненно одѣтые господа, съ похожими другъ на друга бритыми физіономіями мадридскихъ спортивныхъ аристократическихъ клубовъ... Два тяжело приползшихъ омнибуса, запряженныхъ каждый четверкой, звенящихъ мелкими бубенчиками, крѣпкихъ муловъ, привезли такое поражающее количество высыпавшихъ оттуда одинаковаго роста, маленькихъ, коренастыхъ андалузовъ, въ короткихъ курткахъ, широкихъ сѣрыхъ шляпахъ и съ сигарами въ зубахъ, что было даже непонятно:—какимъ образомъ они сумѣли всѣ тамъ помѣститься?

Но большинство все же приходило сюда пѣшкомъ.

Ведущая къ городу дорога казалась движущейся отъ непрерывной массы самаго разнообразнаго народа. Тутъ были и молодыя женщины въ яркихъ, фантастическими цвѣтами расписанныхъ, зеленыхъ, синихъ и желтыхъ шаляхъ, старухи въ черныхъ платьяхъ, мужики изъ окрестныхъ деревень, съ суровыми, загорѣлыми лицами, похожими подъ тѣнью широкихъ шляпъ н античныя, бронзовыя медали.

У входа на арену по обѣимъ сторонамъ висѣли двѣ гигантскія афиши, раскрашенныя кистью какого-то мѣстнаго художника. На обѣихъ имя Пепито изъ Гвадалахары выдѣлялось аршинными красными буквами надъ рогами свирѣпо нагнувшаго шею быка. Немного ниже и менѣе крупнымъ шрифтомъ стояло имя другой знаменитости сегодняшней корриды:—Чикито изъ Бегоньи.

«Чикито»—что значитъ буквально:—«мальчишка»—было уличное прозвище новой восходящей звѣзды испанской тауромахіи. И со своей тоненькой, стройной фигуркой, съ миловидной, почти дѣтской рожицей, онъ на самомъ цѣлѣ походилъ на безшабашно и граціозно играющаго со смертью отчаяннаго и дерзкаго мальчишку...

Но стоявшій рядомъ со мной мужикъ атлетическаго сло-

женія съ звѣрскими челюстями и угрюмо выступающимъ впередъ изъ-подъ шляпы носомъ держался насчетъ Чикито совсѣмъ противуположнаго мнѣнія.

Прикладываясь время отъ времени къ торчавшей у него за поясомъ и замѣтно пустѣвшей послѣ каждаго раза бутылкѣ, онъ авторитетнымъ тономъ проводилъ параллель между модной нынче севильской школой, къ которой принадлежалъ новый любимецъ испанской публики, и старой школой тореадоровъ изъ Ронды, съ ея классическимъ образцомъ—Пепито изъ Гвадалахары.

— Эти штуки съ плащемъ да выверты севильскіе всякій трусъ сумѣетъ!—громовымъ басомъ ораторствовалъ онъ.—А ты вотъ мнѣ быка какъ слѣдуетъ убей! И чтобы по-нашему, по-кастильски—грудь съ грудью, какъ полагается мужчинѣ... А то эти андалузы, вертлявые воробьи... Прыгъ... скокъ... и нѣтъ ничего!..

Онъ вызывающе покосился вокругъ себя налитыми кровью, пьяными глазами.

Никто ему не возражалъ. Тѣснившіеся возлѣ него щеголеватые андалузы курили свои сигары и дѣлали видъ, что ничего не слышатъ.

— Скорѣй идемъ! Начнутъ сейчасъ...—измученнымъ голосомъ крикнулъ мнѣ издали донъ Гораціо, махая билетами по направленію къ главному входу.—Напирайте—не жалѣйте локтей!.. Мы съ вами, слава Богу, не въ Европѣ!..

Черезъ нѣсколько минутъ отчаянной давки и препирательствъ съ такъ же, какъ и мы, «не жалѣя локтей», лѣзущими отовсюду любителями боя быковъ, мы очутились наконецъ въ самой гущѣ толпы, съ веселымъ шумомъ расползающейся по просторному, идущему вокругъ всей арены коридору.

VII.

Мѣста наши оказались на самомъ верху дешевой стороны амфитеатра. Рядомъ съ дономъ Гораціо усѣлся поклонникъ Пепито—угрюмый мужикъ, въ послѣдній разъ приложившійся къ своей, совсѣмъ опорожненной, бутылкѣ.

Внизу подъ нами шумѣло и волновалось веселое и возбужденное море человѣческихъ головъ. Бѣлыя мантильи, цвѣтныя манильскія шали, алѣющіе и розовые пучки гвоздикъ въ женскихъ прическахъ—красивыми пятнами выдѣлялись тутъ и тамъ среди темныхъ и сѣрыхъ мужскихъ испанскихъ шляпъ и

безобразныхъ «котелковъ» европейскаго моднаго фасона. Всюду виднѣлись смѣющіяся, довольныя лица... Знакомые перекликались между собой, вставая на ноги на каменныя скамьи амфитеатра и посылая другъ другу рукой привѣтственные знаки. Оборванные мальчишки-разносчики шныряли по рядамъ, предлагая зельтерскую воду, апельсины и орѣхи... Иногда, не имѣя возможности пробраться къ какому-нибудь кліенту, сидящему на 5—на 6 ступенекъ выше—они безъ всякаго смущенія швыряли ему туда черезъ головы нижней публики апельсинъ или бутылку и брошенную сверху мѣдную монету съ такой же обезьяньей ловкостью подхватывали на-лету.

Одна половина всего огромнаго, расчитаннаго на 15 тысячъ зрителей амфитеатра, тамъ, гдѣ сидѣли мы, была залита грустными лучами осенняго, но нестерпимо сверкающаго солнца. Въ другой половинѣ, покрытой рѣзкой южной тѣнью, аристократическая «сомбра», въ противуположность нашей демократической «соль»,—виднѣлись въ ложахъ нарядныя дамы, лоснились блестящіе цилиндры, чернѣли элегантные сюртуки. Здѣсь никто уже не пѣлъ, какъ у насъ, не свистѣлъ, не кричалъ и не перекликался съ пріятелями, залѣзая съ ногами на скамейку и опираясь на плечи сосѣдей, хотя бы даже незнакомыхъ...

А надъ всей этой пестрой, крикливой и яркой въ своей эффектной живописности картиной, бездонной синей кровлей низко нависло прекрасное въ своемъ равнодушномъ и вѣчномъ сіяніи небо Кастильи и густыя, точно гигантской кистью намазанныя, тѣни, неподвижно удлиняясь, лежали вдоль арены на бѣломъ, только-что выровненномъ, пескѣ...

Стрѣлка круглыхъ башенныхъ часовъ надъ эстрадой, гдѣ сверкали на солнцѣ мѣдью духовыхъ инструментовъ присланные изъ Мадрида музыканты оркестра Національныхъ Гвардейцевъ, подошла къ четыремъ—времени начала корриды.

Въ президентской ложѣ сухощавый, сѣдой старикъ въ цилиндрѣ—алькадъ города Толедо—махнулъ своей бѣлой перчаткой... Среди постепенно затихающаго шума 15-тысячной толпы грянулъ знаменитый маршъ Пепито изъ Гвадалахары, грянулъ оглушительно громко, жизнерадостно и беззаботно, точно кидая вызовъ смерти, быть можетъ, притаившейся и ждущей за угломъ.

Съ унылымъ, долгимъ скрипомъ отворились на ржавыхъ петляхъ тяжелыя ворота. Изъ нихъ показалось открывающее корриду шествіе участниковъ боя.

Впереди на вороныхъ лошадяхъ ѣхали два герольда въ средневѣковыхъ испанскихъ костюмахъ—изъ чернаго бархата и

съ развѣвающимися страусовыми перьями на круглыхъ маленькихъ беретахъ... За ними эластичной поступью шелъ Пепито изъ Гвадалахары—величественный, важный и небрежный, похожій, со своимъ орлинымъ профилемъ, на сошедшую съ пьедестала статую римскаго легіонера... Рядомъ съ нимъ его сегодняшній соперникъ—Чикито—казался незначительнымъ, тщедушнымъ и вертлявымъ. На Пепито былъ фіолетовый съ золотымъ шитьемъ костюмъ, тотъ самый, который показывала мнѣ его жена, на Чикито—зеленый съ серебромъ... Бандерильеросы обѣихъ квадрилей въ бѣлыхъ и розовыхъ чулкахъ шли каждый за своимъ тореадоромъ. Пикадоры въ громадныхъ твердыхъ шляпахъ, подвязанныхъ подъ подбородкомъ, массивные и неуклюжіе, тряслись сзади на тощихъ, обреченныхъ на бойню лошадяхъ...

Шествіе замыкали «пеоны»—служители «пласа-де-торосъ»—въ красныхъ блузахъ и синихъ штанахъ, ведущіе подъ уздцы четверку разукрашенныхъ желтыми и красными лентами великолѣпныхъ черныхъ муловъ, назначеніе которыхъ—подъ громъ апплодисментовъ и побѣдный маршъ оркестра увозить съ арены окровавленную тушу убитаго быка.

Взрывъ бурныхъ рукоплесканій стремительной лавиной прокатился по рядамъ, привѣтствуя появленіе Пепито. Особенно старалась наша демократическая «солнечная сторона». Здѣсь многіе, повскакавъ съ своихъ мѣстъ, перегибались черезъ барьеръ, кричали что-то, махали носовыми платками.

— Оле!.. Пепито! Оле!..—неслось со всѣхъ сторонъ.

— Да здравствуетъ настоящая кастильская храбрость!—покрылъ всѣ крики своимъ громовымъ басомъ нашъ угрюмый сосѣдъ, восторженно размахивая пустой бутылкой.

Донъ Горацio сдѣлалъ саркастическую гримасу.

— Погибшій народъ!.. Варварская нація!—прокричалъ онъ, нагнувшись къ моему уху. Что онъ кричалъ мнѣ дальше,—я не слушалъ.

Я искалъ въ бѣснующейся подъ нашими ногами толпѣ тѣ знакомые, съ пугливой и мечтательной грустью широко раскрытые, черные глаза... Быть можетъ, они тоже смотрятъ сейчасъ, какъ блестящій и великолѣпный въ своемъ залитомъ золотомъ атласномъ костюмѣ Пепито небрежнымъ шагомъ проходитъ по аренѣ?.. А всего вѣрнѣе—ея здѣсь нѣтъ, и черные глаза опять, какъ тогда, устремлены съ мольбой къ подножью статуи Святой Дѣвы—Измученнаго Сердца.

— Чудо... Господи!.. Сдѣлай чудо!—внезапно послышался

мнѣ робкій шепотъ среди неистовыхъ вокругъ меня криковъ и рукоплесканій.

И мнѣ мучительно и страстно захотѣлось:—пусть случится сегодня чудо, о которомъ молилась тогда та трогательная въ своей печали маленькая женщина—полу-ребенокъ!.. Пускай хотя бы слабый отблескъ былого счастья и удачи озаритъ сегодня этого бѣгущаго отъ смерти старика и снова дастъ ему хотя бы въ послѣдній разъ явиться передъ ожидающей толпой все прежнимъ—безумнымъ въ храбрости «Пепито изъ Гвадалахары!»

Первымъ, по жребію, долженъ былъ выступить Чикито.

Онъ началъ корриду необычайно эффектно и красиво.

Когда распахнулись двери темной клѣтки, въ которой еще со вчерашняго вечера томился обреченный быкъ, и великолѣпное въ своей ярости животное могучимъ прыжкомъ вылетѣло съ дикимъ ревомъ на средину арены,—Чикито, задрапировавшись въ плащъ, встрѣтилъ его изящнымъ, насмѣшливымъ полупоклономъ.

Ослѣпленный солнцемъ, оглушенный криками,—быкъ на секунду остановился въ видимомъ недоумѣніи. Но въ тотъ же моментъ, точно изъ-подъ земли, выросла передъ его ужасными рогами тоненькая, вся сверкающая серебряными блестками, фигурка и, дружески похлопавъ его по черной, пѣнящейся мордѣ, съ неуловимой быстротой неожиданно и круто повернулась вокругъ себя на каблукахъ.

Промахнувшійся быкъ тяжелымъ галопомъ промчался мимо, унося на рогахъ зацѣпленный имъ плащъ Чикито.

—. Браво, Чикито!.. Оле!—послышались отовсюду одобрительные крики. Безстрашный и вертлявый мальчишка съ перваго же момента завоевалъ себѣ симпатіи толпы.

Но тѣмъ не менѣе всѣ по-прежнему съ нетерпѣніемъ ждали «работы» привлекавшаго общее вниманіе Пепито, медленнымъ шагомъ идущаго быку навстрѣчу.

— Вотъ онъ ему сейчасъ покажетъ! — съ восторгомъ объявилъ, не отрывая глазъ отъ арены, сидѣвшій рядомъ съ дономъ Гораціо мужикъ.

Донъ Гораціо высокомѣрно покосился на него.

— Въ архивъ давно пора вашего Пепито!.. На кладбище!

Мужикъ неторопливымъ движеніемъ поднесъ весьма узловатый и жилистый кулакъ къ носу моего, внезапно съежившагося, друга.

— Когда сеньоръ еще безъ штановъ подъ столъ ходилъ—внушительно пробасилъ онъ,—я былъ уже настоящимъ «афи-

сіонадо»!.. А если сеньору мой вкусъ не нравится—не мѣшаю ему попробовать: чѣмъ это пахнетъ?

Не получивъ, разумѣется, отвѣта, онъ снова отвернулся и пересталъ окончательно обращать вниманіе на дона Горацію—точно рядомъ съ нимъ было пустое мѣсто.

— Ну, въ какой странѣ, кромѣ нашей, возможна подобная некультурность?—ища взглядомъ у меня сочувствія, горестно воскликнулъ мой другъ послѣ весьма значительной паузы.—Вѣдь, это же ужасно!..—Онъ возмущенно пожалъ плечами.

На аренѣ между тѣмъ началось столь ожидаемое публикой соревнованіе только-что отличившагося Чикито съ главнымъ «гвоздемъ» сегодняшней корриды—Пепито изъ Гвадалахары.

Послѣдній въ двѣ-три минуты снова доказалъ, что можетъ еще и долженъ оставаться все прежнимъ никѣмъ не превзойденнымъ идоломъ толпы... Точно по какому-то волшебному мановенію—невѣдомо куда исчезли его недавнія грузность и неподвижность. Сутулыя плечи выпрямились и только-что бывшій на аренѣ старикъ внезапно превратился въ стройнаго юношу съ неуловимой легкостью и эластичностью движеній.

За каждымъ шагомъ Пепито, за малѣйшимъ поворотомъ его плаща—сотни и сотни зрителей вставали, какъ загипнотизированные, со своихъ мѣстъ и восторженное—Оле!—..вырывалось, точно по командѣ, за каждымъ его удачнымъ, изумительнымъ по красотѣ и неожиданной смѣлости маневромъ.

Быкъ тоже, какъ загипнотизированный, непрерывно бросался только исключительно на плащъ Пепито, не замѣчая, казалось, ни суетившихся возлѣ него въ своихъ разноцвѣтныхъ костюмахъ бандерильеросовъ, ни уже выѣхавшихъ и опустившихъ въ ожиданьи атаки свои пики массивныхъ, неподвижно блестящихъ на солнцѣ пикадоровъ... Съ непонятнымъ упорствомъ онъ, не отставая, все время пытался поддѣть Пепито на рога, но каждый разъ своимъ, знаменитымъ еще съ Мексики,—«пасо де кіебро»—едва замѣтнымъ отклоненіемъ корпуса въ сторону—старый тореадоръ, не двигаясь съ мѣста, заставлялъ мычащее отъ ярости животное проскакивать мимо себя, при чемъ острія роговъ быка почти скользили по золотому шитью его костюма...

Наконецъ Пепито, повидимому, утомился самъ и утомилъ быка.

Небрежно отвернувшись отъ него, онъ медленно пошелъ по направленію къ барьеру. Опѣшившій на секунду быкъ съ удвоенной яростью ринулся вслѣдъ за нимъ. Но Пепито даже не прибавилъ шагу!..

Когда спина его казалась уже между наклоненными для послѣдняго удара страшными рогами, когда на многихъ скамьяхъ амфитеатра послышались пронзительные женскіе крики и сотни людей снова тревожно вскочили на ноги въ замирающемъ ожиданіи несчастья, котораго сейчасъ нельзя уже было избѣжать,—Пепито, едва коснувшись рукой перилъ барьера, непостижимымъ образомъ очутился на другой его сторонѣ и разбѣжавшійся быкъ съ размаху ткнулся мордой и рогами о барьеръ.

Нѣчто невѣроятное сдѣлалось съ публикой послѣ этого, дѣйствительно, блестящаго маневра!

Тысячи народу, стоя на ногахъ, кричали, апплодировали, бросали на арену шляпы и сигары, и даже самъ мой «европейски просвѣщенный» другъ, залѣзши на скамейку и чуть не спихнувъ меня съ моего мѣста, кричалъ и апплодировалъ, что было силы...

— Десять лѣтъ!.. Понимаете:—цѣлыхъ десять лѣтъ я не видѣлъ ничего подобнаго!... Только одинъ покойный Фраскуэло [1]) такъ же еще могъ...—снова садясь возлѣ и успокаиваясь, сказалъ наконецъ онъ.—Дикое зрѣлище—я это сознаю... Но все-таки—какъ красиво!..

Угрюмый мужикъ, поклонникъ «старой школы», сейчасъ совсѣмъ, должно быть, обезумѣлъ: перегнувшись всей тяжестью черезъ спину больше уже не протестующаго дона Гораціо, онъ выкрикивалъ всевозможныя ругательства по адресу Пепито, очевидно желая выразить ему столь неожиданнымъ способомъ свой восторгъ и удивленіе.

— Варваръ!—неистово оралъ онъ.—Ахъ ты, подлецъ, что сдѣлалъ?.. Вотъ варваръ... а?

Какой-то плохо одѣтый человѣкъ, физіономія котораго издали показалась мнѣ знакомой, перескочилъ черезъ барьеръ и, снявъ съ себя пиджакъ, принялся выдѣлывать передъ быкомъ всяческія несуразныя тѣлодвиженія. Погнавшіеся за нимъ жандармы едва успѣли выхватить его изъ-подъ самыхъ бычачьихъ роговъ и силой повели обратно.

— Оле, Пепито! Да здравствуетъ...—отбиваясь отъ крѣпко вцѣпившихся въ него дюжихъ жандармскихъ рукъ, закричалъ-было онъ. Но дальнѣйшіе его крики затерялись въ общемъ шумѣ и рукоплесканіяхъ.

Къ сожалѣнію, начавшаяся овація должна была немедленно же прекратиться.

---

[1]) Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ испанскихъ тореадоровъ

Не успѣлъ Пепито, улыбаясь направо и налѣво, прижимая руку къ сердцу и другой рукой величественнымъ жестомъ бросая обратно въ публику сыпавшіяся къ его ногамъ безчисленныя шляпы, начать обходить, по обычаю, арену вдоль барьера,— какъ стремительно сорвавшійся съ мѣста Чикито подбѣжалъ къ быку съ цѣлью выкинуть, очевидно, какой-нибудь совсѣмъ уже головоломный фокусъ... Быкъ быстро наклонилъ рога. Черезъ мгновеніе, сверкнувъ высоко въ воздухѣ серебрянымъ шитьемъ костюма, Чикито безпомощнымъ, маленькимъ комочкомъ безсильно распростерся на землѣ.

Однимъ прыжкомъ Пепито очутился возлѣ тѣла неподвижно лежащаго молодого тореадора...

И покамѣстъ служители арены—«пеоны»—бѣжали съ носилками къ мѣсту происшедшаго несчастья, покамѣстъ бандерильеросы поднимали Чикито на плащѣ,—вся 15-тысячная толпа съ эгоизмомъ сознанія собственной безопасности слѣдила за артистическими маневрами Пепито изъ Гвадалахары.

Послѣдній отводилъ плащемъ покорно бѣгущаго за нимъ быка на противоположную сторону арены, чтобы дать возможность безпрепятственно вынести носилки въ находящуюся при каждой испанской «пласа де торосъ» за кулисами больницу.

Исполнивъ свой долгъ, онъ, живописно позируя, прислонился спиной къ барьеру и подалъ знакъ, чтобы пикадоры и бандерильеросы Чикито приступили къ выполненію дальнѣйшей части обычной боевой программы.

... Когда истыканный пиками быкъ, съ воткнутыми съ обѣихъ сторонъ хребта въ облитую кровью могучую шею бандерильями, сталъ все чаще и чаще останавливаться, тяжело дыша и косясь на своихъ мучителей кровавымъ глазомъ, когда съ полдюжины убитыхъ и недобитыхъ, еще корчащихся въ мукахъ съ распоротыми животами и вывалившимися оттуда внутренностями, лошадей зловѣщими пятнами уже темнѣли на ослѣпительно бѣломъ пескѣ арены, алькадъ Толедо подалъ знакъ.

Среди тишины раздался меланхолическій, мѣдный звукъ трубы—жуткій сигналъ смерти для быка, или же для несмогущаго убить его тореадора!..

Наступилъ самый торжественный моментъ корриды. О только-что унесенномъ отсюда Чикито изъ Бегоньи, вмѣсто котораго Пепито долженъ былъ теперь «докончить» его быка, уже успѣли за это время позабыть.

Пепито подали «мулету»—квадратный красный плащъ на палкѣ и «эспаду»—короткую шпагу, слегка изогнутую на концѣ.

Отсалютовавъ эспадой и держа мулету на отлетѣ, Пепито остановился противъ ложи президента. Передъ окончательной схваткой съ быкомъ по обычаю полагается «бриндизъ»—краткая рѣчь идущаго въ послѣдній бой тореадора.

— Сеньеръ Президентъ!—неожиданно звучнымъ, густымъ и отчетливо разнесшимся по всѣмъ скамьямъ амфитеатра голосомъ началъ свой бриндизъ Пепито:—Въ честь вашей милости и тѣхъ, кто васъ сопровождаетъ, въ честь прекрасныхъ женщинъ Испаніи, за испанскій народъ, за славный, старый городъ Толедо и за то, чтобы мнѣ съ этимъ быкомъ была сейчасъ удача!..

Онъ эффектнымъ жестомъ наклонилъ передъ алькадомъ остріе своей шпаги и, сорвавъ съ головы «монтеру»—круглую, черную тореадорскую шапку,—не глядя бросилъ ее позади себя въ толпу. Десятки рукъ потянулись, чтобы схватить монтеру. Какой-то счастливецъ поймалъ ее на-лету и бережно, какъ какое-нибудь сокровище, положилъ себѣ на колѣни.

Легкимъ шагомъ выйдя на средину арены, Пепито всталъ передъ подозрительно косящимся на всѣ эти приготовленія быкомъ.

Но здѣсь произошло нѣчто совсѣмъ необъяснимое для тѣхъ, кто не былъ еще посвященъ въ тайну послѣднихъ лѣтъ тореадорской практики знаменитаго Пепито изъ Гвадалахары!..

Дѣло въ томъ, что даже въ наиболѣе головоломныхъ съ виду и опасныхъ по существу маневрахъ съ плащемъ—каждый шагъ опытнаго тореадора можетъ быть заранѣе математически расчитанъ. Повернетъ быкъ голову влѣво или вправо—одинъ маневръ, бросится прямо—необходимо мѣнять тактику и производить уже другую серію поворотовъ... Въ послѣдней же схваткѣ нужны лишь смѣлость, глазомѣръ и твердая рука... Заранѣе здѣсь разсчитать движенія противника—быка рѣшительно и абсолютно невозможно. Объятый ужасомъ надвигающейся смерти, быкъ нелѣпо мечется взадъ и впередъ по аренѣ, мотаетъ безпорядочно головой, а каждый взмахъ его могучихъ роговъ можетъ стоить жизни неосторожно подвернувшемуся тореадору!..

Съ первыхъ же шаговъ Пепито стало ясно, что сегодняшнюю корриду ему не удастся закончить безъ скандала.

Неувѣренность его движеній, его попытки, нацѣлившись шпагой, встать самому отъ нагнувшаго голову быка на возможно почтительномъ и безопасномъ разстояніи—возбудили въ публикѣ недоумѣвающій ропотъ, очень скоро перешедшій въ протесты и свистки.

Особенно старалась, какъ и во время недавнихъ овацій, наша «солнечная» сторона...

— Грудь впередъ! Грудь впередъ!..—кричали Пепито со всѣхъ сторонъ.—Какъ мужчина съ мужчиной, а не по-бабьи...

— Сеньоры! Да онъ, вѣдь, свое толстое брюхо прячетъ!— неистовымъ голосомъ заоралъ возлѣ насъ угрюмый мужикъ, изъ поклонниковъ Пепито моментально же превратившійся въ его яростнаго хулителя, какъ только замѣтилъ, что старый тореадоръ уже работаетъ «не по-кастильски»...

Несчастный, оглушенный, сбитый съ толку Пепито дѣлалъ промахъ за промахомъ и совсѣмъ не походилъ теперь на только-что красовавшагося на аренѣ блестящаго и смѣлаго героя...

Трудно сказать—на кого сейчасъ тяжелѣе было смотрѣть: на быка ли, хрипящаго и задыхающагося, растерянно мечущагося по аренѣ, время отъ времени глухо и жалобно мыча,—на Пепито ли, самого похожаго сейчасъ на затравленнаго, сѣдого звѣря, зачѣмъ-то гоняющагося за другимъ такимъ же звѣремъ подъ крики, свистъ и хохотъ 15-тысячной безжалостной толпы!..

Наконецъ, ему удалось кое-какъ ткнуть шпагой въ шею почти уже издыхающаго быка. Кровь хлынула оттуда на песокъ яркимъ, стремительно льющимся потокомъ. Быкъ медленно, весь дергаясь и судорожно хрипя, сталъ опускаться на переднія колѣни. Подкравшійся сзади «пунтильеро»—(служитель, добивающій быка въ случаѣ неудачной эстокады)—весь въ черномъ, какъ палачъ,—рѣзкимъ и сильнымъ ударомъ трехграннаго кинжала между вторымъ и третьимъ шейнымъ позвонкомъ умѣлой рукой прекратилъ его мученія.

Быкъ рухнулъ всей тушей на бокъ и издохъ.

Пепито, при наступившемъ внезапно зловѣщемъ и тягостномъ молчаніи, низко опустивъ голову, пошелъ по направленію къ барьеру. Въ этотъ моментъ нашъ сосѣдъ съ искаженной отъ злобы звѣрской физіономіей поднялся во весь свой гигантскій ростъ.

— Такъ вотъ за что ты берешь теперь двойную плату, подлый трусъ! — сквозь стиснутые зубы пробормоталъ онъ и размахнулся.

Пущенная имъ съ необычайной мѣткостью бутылка ударилась о голову проходившаго внизу Пепито. Пепито пошатнулся, но не упалъ. Тоненькая струйка крови мгновенно залила ему лобъ, глаза и щеки. Ослѣпленный, онъ только безпомощно пытался обтереть лицо рукой...

— Двойная плата!... Двойная плата!...—дико заорали во-

кругъ насъ сотни и сотни голосовъ. Всѣ повскакали на ноги. На арену полетѣли апельсины, бутылки, палки, массивныя кожаныя подушки отъ сидѣній...

Донъ Горацiо схватилъ меня за плечо и силой потащилъ наверхъ, безцеремонно расталкивая публику передъ собой локтями.

— Мятежъ сейчасъ начнется!... Бунтъ!...—торопливо объяснилъ онъ мнѣ при выходѣ.—Бѣжимъ, пока есть время.

Очутившись въ экипажѣ, помчавшемся въ Толедо со скоростью, на которую только были способны старыя клячи маркиза Гонзалеца Пачеко, донъ Горацiо безпокойно оглянулся.

— Теперь, значитъ, тамъ будетъ исторія!—безнадежно махнулъ онъ рукой.—Противъ импрессаріо теперь:—зачѣмъ за такого сквернаго тореадора двойную плату на мѣста назначилъ... Вы уже сидите дома—никуда не выходите! Я обо всемъ узнаю и сейчасъ же прибѣгу вамъ разсказать...

При въѣздѣ въ городъ намъ пришлось пропустить мимо себя отрядъ галопомъ мчавшейся по направленію къ аренѣ конной жандармеріи, который, очевидно, былъ вызванъ туда по телефону.

VIII.

Донъ Горацiо явился ко мнѣ часа черезъ полтора или два, въ теченіе которыхъ я, согласно данному ему торжественному обѣщанію, «и не думалъ высовывать носа за окошко!...» Принесенныя имъ извѣстія были тревожны:

Съѣхавшіеся со всей округи крестьяне и простонародные любители боя быковъ цѣлаго Толедо, раздраженные неудачной корридой, разломали на «пласа де торосъ» скамьи, ложи и балконы, свалили все въ кучу на арену и, доставъ откуда-то керосину, подожгли. Прискакавшіе на усмиреніе конные жандармы были встрѣчены градомъ камней и палокъ.

Въ завязавшейся затѣмъ рукопашной схваткѣ многихъ жандармовъ стащили съ лошадей и избили до полусмерти. Изъ публики тоже сильно пострадало больше полусотни человѣкъ. Подоспѣвшіе солдаты мѣстнаго гарнизона дали залпъ поверхъ толпы, которая послѣ этого разбѣжалась. Произведена масса арестовъ. Городъ завтра утромъ будетъ объявленъ на военномъ положеніи...

— У насъ вѣдь въ такихъ случаяхъ всегда опасно!—заключилъ донъ Горацiо свой неутѣшительный разсказъ.—Сперва

начнутъ скамьи на аренѣ ломать, а окончатъ непремѣнно если не провозглашеніемъ соціальной революціи, то во всякомъ случаѣ—возстаніемъ противъ налога на съѣстные припасы, противъ монаховъ и противъ короля... Такой уже народъ!

Онъ въ изнеможеніи бросился въ кресло.

— Хотя я лично ничего не имѣю противъ! — протягивая ноги, весьма откровенно признался онъ.—Пезетъ теперь на шестьдесятъ событій, если еще того не больше!... А то обыкновенно бѣгаешь, бѣгаешь, высуня языкъ...

— А что съ Пепито?—перебилъ его я. — Узнали вы, по крайней мѣрѣ: гдѣ онъ?...

— А чортъ его знаетъ: гдѣ!—недовольно морщась, отвѣтилъ донъ Гораціо.—Навѣрное удралъ куда-нибудь... Вѣдь эдакая, въ самомъ дѣлѣ, старая дубина! Не смогъ до конца какъ слѣдуетъ продержаться... Ну—я, съ вашего позволенія,—бѣгу! Мнѣ въ редакцію...

Онъ наскоро пожалъ мнѣ руку, но въ дверяхъ на секунду задержался.

— Кстати, совсѣмъ забылъ:—вѣдь я Чикито видѣлъ! Только-что отъ него изъ больницы... Молодецъ, парнишка, ей Богу!.. Дешево отдѣлался: общій ушибъ всего тѣла и больше ничего. Пролежитъ недѣли три въ постели, а тамъ хоть опять все сначала!..

Донъ Гораціо сдѣлалъ мнѣ дружескій жестъ рукой и, насвистывая, быстро побѣжалъ по коридору.

Я походилъ немного взадъ и впередъ по комнатѣ и тоже вышелъ.

Попавшійся мнѣ навстрѣчу лакей нашей гостиницы, Фернандо, скромный, молчаливый и обремененный многочисленнымъ семействомъ, уже пожилой человѣкъ, вѣжливо посторонился.

— Откуда это у васъ, Фернандо? — проходя мимо, невольно спросилъ его я, замѣтивъ, что одна половина его безцвѣтной, незначительной физіономіи сіяла сейчасъ всѣми цвѣтами радуги и казалась распухшей, какъ подушка.

— Въ полиціи это меня!—почтительно кланяясь, робкимъ голосомъ, поспѣшилъ онъ удовлетворить мое любопытство.—Когда съ арены увели... Въ пріемной у комиссара!..

— Такъ, значитъ, это вы и были тогда?—съ изумленіемъ вспомнилъ я: почему мнѣ показался знакомымъ на корридѣ тотъ, упорно лѣзущій быку на рога, со своимъ пиджакомъ, неистовый человѣкъ.—Неужели вы, Фернандо?..

— Съ позволенія сеньора—я!..

Онъ застѣнчиво переступилъ съ ноги на ногу и съ внезапной рѣшимостью добавилъ:

— Только одно мнѣ теперь обидно. Сеньоръ видитъ, какъ меня тамъ изукрасили? А оказывается, зря все это... Я въ энтузіазмѣ былъ, а Пепито-то нашъ, выходитъ, самая, что ни на есть послѣдняя скотина!..

На улицахъ мертваго города все по-прежнему было тихо и безмолвно. Точно и не случилось ничего, точно не было ни бунта, ни усмиренія, ни сожженной арены, ни проломанныхъ головъ... Испанскіе народные мятежи, вообще, похожи на вспышку загорѣвшейся соломы среди темной ночи. Загорится быстро, ярко, горячо,—но погаснетъ скоро и безслѣдно. А вокругъ опять все тотъ же мракъ и тишина, тѣ же старыя тѣни не умирающаго прошлаго выползаютъ снова изъ темныхъ закоулковъ...

Я шелъ по направленію къ Тахо по пустынной, какъ всегда, «Калье дель Коммерсіо».

Ни одного патруля не попалось мнѣ навстрѣчу, несмотря на предполагаемое завтра утромъ объявленіе города на военномъ положеніи. Должно быть, они или коротали время гдѣ-нибудь по тавернамъ, или же губернаторъ Толедо, какъ истый испанецъ, любящій все откладывать «на завтра»,—полѣнился отдать сегодня необходимыя распоряженія.

На мосту Санъ-Мартинъ, древнемъ, историческомъ мосту, по которому нѣкогда торжественно въѣхали въ Толедо короли Фердинандъ и Изабелла Католическіе, послѣ завоеванія ими Гренады, стояла, опершись объ изъѣденныя столѣтіями гранитныя перила, чья-то одинокая фигура. При свѣтѣ луны, тихонько вышедшей между разорванныхъ, безпорядочно и низко гонимыхъ вѣтромъ осеннихъ облаковъ, я узналъ Пепито изъ Гвадалахары.

Старый тореадоръ замѣтилъ меня не сразу. Съ бѣлой повязкой на головѣ, безъ шляпы, онъ смотрѣлъ безучастнымъ, потухшимъ взглядомъ куда-то прямо передъ собой, въ ту сторону, гдѣ чернѣла на обрывистомъ берегу торжественная въ этотъ поздній вечерній часъ готическая громада церкви Санъ Хуанъ де лосъ Рейесъ—въ память побѣды надъ португальцами и освобожденія Испаніи отъ мавровъ построенная все тѣми же Фердинандомъ и Изабеллой—Католическими Королями.

Я остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Пепито.

Старый, измученный, съ усталыми, покорно сгорбленными

плечами, онъ показался мнѣ такой же руиной своихъ, безвозвратно ушедшихъ, славныхъ дней, какою былъ теперь вокругъ него весь этотъ спящій городъ—темное въ осеннемъ сумракѣ кладбище историческихъ воспоминаній!

Прошло двѣ-три секунды. Пепито машинальнымъ жестомъ закурилъ.

Я рѣшилъ, что неудобно наблюдать за нимъ, не будучи имъ замѣченнымъ, и, подойдя къ нему, всталъ рядомъ.

— Сеньору русскому мое почтеніе!—увидѣвъ меня, сказалъ Пепито, но руки мнѣ почему-то не протянулъ.

Наступило молчаніе.

— Вамъ не холодно такъ стоять безъ шляпы?—спросилъ я наконецъ, чтобы только что-нибудь сказать.

Старый тереадоръ провелъ рукой по головѣ.

— Нѣтъ... Все равно!.. Отчего же?—безразлично отвѣтилъ онъ.—Вѣтромъ снесло, должно быть...

Но сейчасъ же, точно вспомнивъ о чемъ-то, и сдѣлавъ надъ собой усиліе, добавилъ обычнымъ своимъ любезнымъ и изысканно вѣжливымъ тономъ:

— Быть можетъ, сеньоръ разрѣшитъ мнѣ предложить ему сигару?

Не дожидаясь отвѣта, онъ торопливо принялся шарить по карманамъ. Лицо его внезапно приняло виноватое выраженіе. Бритыя губы задрожали и искривились жалобно, точно у обиженнаго ребенка.

— Пусть сеньоръ меня великодушно извинитъ!.. Оставилъ дома,—несвязно пробормоталъ онъ, и вынувъ свою сигару изо рта, рѣшительнымъ движеніемъ выбросилъ ее черезъ перила.— Тогда и я не буду курить, разъ не имѣю пріятной возможности!..

— Да у меня же вѣдь есть свои,—поспѣшилъ успокоить его я.—И протянулъ ему пачку сигаръ, спеціально носимыхъ мной для моихъ испанскихъ пріятелей въ видѣ необходимѣйшей прелюдіи ко всякому разговору.

Пепито долго и тщательно копался въ пачкѣ.

— Настоящая «Брева Карунчо»!—съ одобреніемъ знатока заявилъ онъ, закуривъ и жадно пуская одинъ за другимъ клубы лишь на свѣжемъ воздухѣ терпимаго дыма.

— Онъ какъ будто внезапно ободрился и повеселѣлъ.

— Сеньоръ, конечно, былъ на сегодняшней корридѣ?

Онъ снова облокотился о перила съ обычнымъ своимъ независимымъ и небрежно самоувѣреннымъ видомъ.

— Былъ!—невольно смутившись отъ его черезчуръ уже искусственной развязности, отвѣтилъ я.

— И какъ понравился сеньору мой первый поворотъ, когда я, помните,—заставилъ быка подняться на дыбы? Неправда ли: было колоссально?..

— Колоссально!—какъ эхо согласился я, чувствуя, что все болѣе и болѣе смущаюсь.

Пепито неожиданно положилъ мнѣ руку на плечо. Она легла на него всей тяжестью и вздрагивала странной колеблющейся дрожью.

— Вы иностранецъ, сеньоръ...—раздѣльно и медленно заговорилъ Пепито, смотря мнѣ прямо въ глаза.—И я вѣрю, что вы мой другъ!.. Скажите же мнѣ, какъ мужчина мужчинѣ... Вы вѣдь видѣли сегодня мою работу! Вы знаете меня... И въ вашей странѣ меня тоже знаютъ... Скажите искренно, какъ другъ, и откровенно, какъ настоящій кабальеро:—могу я еще, по-вашему, дать эстокаду, или нѣтъ?

Онъ крѣпко стиснулъ мое плечо, не отводя отъ меня своего пристальнаго взгляда. Что-то жалкое и жалобное почудилось мнѣ въ немъ, какая-то тревожная, униженная просьба.

— Лежачаго не бьютъ!—невольно подумалъ я—И съ твердостью, смотря ему прямо въ глаза, отвѣтилъ:

— Конечно, можете! Зависитъ, разумѣется, отъ быка... Съ плохимъ быкомъ сами знаете...

Пепито гордо выпрямился и съ чувствомъ протянулъ мнѣ руку.

— Благодарю, сеньоръ!.. Благодарю!..—Въ васъ я вижу единственнаго здѣсь, который... А эти подлецы!.. Вы знаете: Антоніо—импрессаріо мой... Да будь я трижды проклятъ въ утробѣ моей матери, если бы не пожелалъ ему столько волосъ на его собачью лысину, сколько я далъ на своемъ вѣку эстокадъ, да еще и не такимъ быкамъ, какого подсунули мнѣ на сегодняшней корридѣ!.. А прохвостъ Антоніо говоритъ:—не стану я платить... Ты—говоритъ—въ убытки меня ввелъ, а эстокаду дать не смогъ!..

Онъ замолчалъ и, весь сразу осунувшись и еще болѣе, какъ будто, постарѣвъ, пробормоталъ, почти беззвучно шевеля губами:

— А къ ней-то я какъ послѣ этого?.. Съ какими глазами я...

Но сейчасъ же круто оборвалъ и, отвернувшись отъ меня, долго смотрѣлъ на Тахо, переливающійся подъ мостомъ невидимыми волнами въ темнотѣ...

— А теперь я позволю себѣ пожелать сеньору спокойной ночи!—снова кладя мнѣ руку на плечо, сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія.—Въ себѣ я былъ всегда увѣренъ, но все же благодарю сеньора за справедливое сужденіе обо мнѣ!.. Сеньоръ можетъ быть за меня спокоенъ: Пепито изъ Гвадалахары еще не мертвый трупъ. Когда захочетъ—онъ сумѣетъ дать свою послѣднюю, быть можетъ, но настоящую... грудь съ грудью эстокаду!..

Старый тореадоръ еще разъ крѣпкимъ и долгимъ рукопожатіемъ стиснулъ мою руку и медленными шагами, шатаясь, точно пьяный, пошелъ по направленію къ городу, чернѣвшему по другую сторону моста своими церквями и башнями среди сумрака осенней ночи.

Я постоялъ еще немного и тоже вернулся къ себѣ въ гостиницу, твердо рѣшивъ, что всякой живописности съ меня теперь довольно и что завтра же я непремѣнно уѣду изъ Толедо...

IX.

Рѣшивъ уѣхать отсюда, я вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ избавиться и отъ начавшей становиться весьма невыносимой опеки надо мной дона Горація, моего, неотступно съ утра до вечера ходящаго за мной по пятамъ, толедскаго проводника и друга...

Работа моя, спеціально для которой я и поселился въ здѣшнемъ монастырскомъ, или, вѣрнѣе—кладбищенскомъ уединеніи, не подвигалась больше ни на шагъ. Донъ Горацію, въ сдвинутомъ на затылокъ котелкѣ, со своими мѣдно-красными перчатками, своимъ авторитетнымъ голосомъ, развязными манерами и вѣчно дымящейся, могущей довести до обморока, сигарой—всецѣло заполнялъ мое время...

Появленія его по утрамъ, когда я только-что собирался работать, были неизбѣжны, точно смерть!.. Онъ входилъ, садился, иногда здороваясь со мной, иногда забывая это сдѣлать, и, смотря по настроенію, или молчалъ по цѣлымъ часамъ, или же, наоборотъ—часами философствовалъ на самыя разнообразныя, преимущественно отвлеченныя темы: о Богѣ цивилизаціи, о вліяніи христіанства на культуру европейскихъ народовъ и т. д. При чемъ сужденія его были всегда почерпнуты, если не изъ вчерашняго номера какой-нибудь мадридской газеты, то во всякомъ случаѣ—изъ послѣдней прочитанной имъ въ испанскомъ переводѣ французской брошюрки для домашняго самообразованія!

Я въ тоскѣ ходилъ изъ угла въ уголъ, думая о безсмысленно растрачиваемомъ времени, а донъ Гораціо все говорилъ, говорилъ, и клубы вонючаго сигарнаго дыма носились надъ его головой, заволакивали комнату непроницаемымъ туманомъ, щекотали у меня въ горлѣ, начинали щипать глаза...

Намековъ мой другъ никакихъ не понималъ, поступить съ нимъ рѣзко я не рѣшался: все же по-своему онъ былъ привязанъ ко мнѣ и, отнимая у меня систематически время отъ работы, былъ серьезно убѣжденъ, что въ данномъ случаѣ исполняетъ долгъ священнаго для каждаго испанца гостепріимства!

На счастье, въ день, выбранный мной для бѣгства, донъ Гораціо рыскалъ до вечера по городу за новостями.

Отправивъ багажъ заранѣе на вокзалъ, я передъ самымъ отходомъ поѣзда послалъ разсыльнаго изъ гостиницы въ редакцію газеты дона Гораціо съ письмомъ на его имя, въ которомъ, послѣ необходимыхъ для столь вѣроломнаго поступка сожалѣній, сообщилъ моему другу, что вызванъ экстренно въ Мадридъ.

Во избѣжаніе послѣдняго прощанія, во время котораго донъ Гораціо могъ бы или изъявить желаніе проводить меня до Мадрида, или же начать уговаривать: «Бросьте... Охота вамъ самому ѣхать. Дайте я вамъ сейчасъ пошлю телеграмму, чтобы узнать: зачѣмъ вы тамъ понадобились»? — я принужденъ былъ прибѣгнуть къ новому маневру.

Въ виду того, что донъ Гораціо твердилъ мнѣ постоянно о несовмѣстимости ѣзды по испанскимъ желѣзнымъ дорогамъ въ III классѣ съ понятіемъ о порядочности уважающаго себя человѣка,—я взялъ себѣ билетъ до Мадрида именно въ III классѣ.

Разсчеты мои не замедлили оправдаться... Послѣ третьяго звонка, когда привыкшіе къ здѣшнимъ порядкамъ пассажиры давнымъ давно уже сидѣли терпѣливо по мѣстамъ, а поѣздъ, по испанскому обычаю и не думалъ тронуться съ мѣста, — тощая, долговязая фигура дона Гораціо съ поспѣшностью появилась на платформѣ.

Какъ я того и ожидалъ—онъ сейчасъ же бросился къ вагонамъ I и II класса.

— Гдѣ тутъ русскій сеньоръ?.. Иностранецъ!..—заглядывая поочередно въ каждое окно, тревожнымъ и запыхавшимся голосомъ спрашивалъ онъ и, не получая отвѣта, устремлялся дальше.

Обѣжавъ всѣ вагоны и пропустивъ тотъ, въ которомъ я сидѣлъ, мой другъ съ разочарованнымъ видомъ, грустно поплелся къ выходу.

Мной овладѣло малодушное сожалѣніе. Я уже началъ опускать окно, чтобы крикнуть ему вслѣдъ:

— Донъ Гораціо! Идите сюда — я здѣсь!..

Но покамѣстъ я возился съ тугой, не поддающейся моимъ усиліямъ, рамой—поѣздъ тронулся.

— Судьба!—подумалъ я, снова садясь на свое мѣсто...

Сумерки быстро сгущались. День съ утра еще былъ пасмурный и сѣрый. Сперва накрапывалъ мелкій дождь. Потомъ отовсюду надвинулись темно-лиловыя, точно изнутри разбухшія тучи—и первые хлопья снѣга закружились въ холодной и грустной темнотѣ.

Поѣздъ нашъ медленно ползъ по безрадостной, безпредѣльно сливающейся съ слезящимся горизонтомъ, равнинѣ Новой Кастильи. Кое-гдѣ одинокіе, отъ изгнанныхъ мавровъ оставшіеся, колодцы тусклыми пятнами выдѣлялись на только-что выпавшемъ снѣгу. Убогія, тѣсно сжавшіяся низенькими домиками въ кучу возлѣ неизбѣжной церкви, точно испуганныя овцы вокругъ своего пастуха, кастильскія деревушки начинали мерцать то тутъ, то тамъ по равнинѣ вечерними затерянными огоньками... Кругомъ было тускло, пустынно и темно. Чудилось: бѣлымъ саваномъ покрывается въ постепенно темнѣющемъ окнѣ моего вагона безжизненная, мертвая страна... Все яркое, солнечное уходитъ изъ нея въ сгустившуюся сумеречную мглу, уходитъ тихой поступью обреченнаго на смерть, безслѣдно, таинственно и безвозвратно...

Внезапно, въ самомъ отдаленномъ углу мѣрно трясущагося и покачивающагося вагона послышался смутный звонъ и переборы подстраиваемыхъ струнъ.

Потомъ чей-то густой и сильный басъ запѣлъ популярный въ Испаніи, особенно среди низшихъ классовъ, «Танго [1]) объ Эспартеро [2])».

Ай!.. Съ тоскою назову вамъ
  Короля я всѣхъ торèро...
Безъ соперниковъ считался
  Въ цѣломъ свѣтѣ Эспартèро.
Будь же проклята арена,
  Гдѣ погибъ нашъ Эспартèро...
Тамъ песокъ окрашенъ кровью
  Въ свѣтѣ лучшаго торèро...

---

[1]) Испанскій танецъ «танго» рѣшительно не имѣетъ ничего общаго съ моднымъ нынче «танго» изъ Аргентины. Танцуютъ его обычно solo и непремѣнно съ пѣніемъ.

[2]) Эспартеро—знаменитый тореадоръ, герой многихъ испанскихъ пѣсенъ. Погибъ совсѣмъ молодымъ, желая отличиться передъ публикой, требовавшей отъ него повторенія особенно безумной выходки. Умирая, произнесъ фразу, перешедшую въ Испаніи въ пословицу:

— У голода рога пострашнѣе будутъ, чѣмъ у быка!..

...Тоскливо вздрагивающая, монотонная мелодія, безконечно чуждая для европейскаго уха, ширилась и росла, сопровождаемая то бурнымъ и стремительно разсыпающимся ропотомъ струнъ, то одинокими жалобными аккордами гитары, обрывающимися вмѣстѣ съ взятой пѣвцомъ томительно и долго, не переводя дыханья, затянутой и въ то же время странно вибрирующей нотой...

Дальше въ танго шло описаніе самой гибели славнаго Эспартеро... Какъ «проклятый быкъ» ударомъ роговъ «лишилъ Андалузію ея доблестнаго сына»... Какъ горючими слезами заплакала «новія» (невѣста) молодого тореадора, узнавъ о его безвременной кончинѣ... какъ за гробомъ его несли цвѣты и вся Севилья провожала своего любимца до могилы...

И постепенно сливаясь съ тоскливой пѣсней, съ этимъ жалобнымъ звономъ струнъ, съ темнотой этого, уныло покачивающагося, вагона, съ этой безжизненной равниной за окномъ,—тѣни чего-то полузабытаго и вновь пришедшаго вереницей потянулись въ моемъ неясно и блѣдно всколыхнувшемся воспоминаніи...

Мнѣ показалось вдругъ, что я сейчасъ далеко отсюда—за многія и многія тысячи верстъ, въ такомъ же мѣрно и монотонно трясущемся вагонѣ съ оплывшей свѣчей въ качающемся по стѣнѣ желѣзномъ фонарѣ,—такая же заунывная пѣсня слышится рядомъ со мной, но только русская безъисходная тоска звенитъ въ ней томительно и неудержимо, и скорбную, покрытую снѣгомъ равнину моей родины я вижу сейчасъ въ окнѣ передъ собой!..

— Мадридъ!—послѣ внезапнаго толчка вагона и наступившей вслѣдъ за тѣмъ тишины прокричалъ за стѣной чей-то удаляющійся голосъ.—Мадридъ!—послышалось немного дальше и глуше.

Очарованіе исчезло. Я вышелъ вмѣстѣ съ торопливо толкавшейся въ дверяхъ публикой и, поручивъ комиссіонеру гостиницы свои чемоданы, поѣхалъ самъ на электрическомъ трамваѣ.

Обыкновенно производящая на пріѣзжающихъ изъ европейскихъ центровъ впечатлѣніе провинціальнаго городка, столица современной Испаніи, послѣ Толедо, оглушила меня своимъ шумомъ и грохотомъ, ослѣпила массой огней, привела въ невольное смущеніе невѣроятной послѣ мертвыхъ толедскихъ улицъ толчеей и суетой на тротуарахъ, трамваями и экипажами на мостовой и, главнымъ образомъ, безчисленнымъ количествомъ

по всѣмъ направленіямъ мчавшихся съ тревожными окриками автомобилей...

Мальчишка-разносчикъ, ловко вскочивъ на ходу въ трамвай, неистово закричалъ мнѣ въ самое ухо:

— Второе вечернее изданіе «Heraldo de Madrid»—Подробности покушенія Пепито изъ Гвадалахары!.. Второе вечернее изданіе!..

Бросивъ ему уже не помню какую монету, я поспѣшно развернулъ еще пахнущій свѣжей типографской краской только-что отпечатанный листъ газеты.

«По телеграфу отъ нашего собственнаго толедскаго корреспондента» —жирными буквами выдѣлялся огромный заголовокъ.

Внизу — тоже жирными буквами, но помельче, стояло слѣдующее сообщеніе:

«Какъ уже извѣстно читателямъ изъ предыдущей срочной телеграммы—знаменитый Пепито изъ Гвадалахары сегодня около пяти часовъ пополудни покушался на убійство своего импрессаріо, съ которымъ у него были раньше денежные счеты.

Дополнительныя свѣдѣнія, полученныя нашимъ корреспонтомъ изъ первыхъ рукъ,—позволяютъ теперь полностью возстановить картину: Пепито, послѣ неудачной для него вчерашней корриды, въ сильнѣйшей степени раздраженія...»

Я перевернулъ страницу. Описаніе душевнаго состоянія стараго тореадора, его костюма, прически и проч.—занимало еще около двухъ съ половиной столбцовъ. Дальше шла длиннѣйшая беллетристика насчетъ предполагаемаго разговора Пепито съ импрессаріо, ужаса послѣдняго и непреклонной кровожадности Пепито... Повидимому—невѣдомый мнѣ «нашъ собственный корреспондентъ»,—по примѣру дона Гораціо, спѣшилъ сперва растянуть благодарный матерьялъ если не до безконечности, то во всякомъ случаѣ—до наивысшаго размѣра гонорара!

Наконецъ, совсѣмъ уже въ концѣ, на четвертой страницѣ я нашелъ, что мнѣ было нужно:

«По случаю объявленнаго сегодня въ городѣ военнаго положенія, дѣло арестованнаго будетъ передано военному прокурору... Состояніе раненаго импрессаріо, дона Антоніо Монтера, не внушаетъ опасеній, въ виду того, что ударъ, нанесенный ему ножемъ въ грудную область, признанъ изслѣдовавшими его врачами, дономъ Габріелемъ Таобаго и дономъ Перецомъ де Аранья изъ городского госпиталя имени Его Святѣйшества Кардинала де Мендоса, принадлежащимъ къ разряду легкихъ пораненій...»

Невольно въ моей памяти встала трагическая фигура уходящаго вчера отъ меня на мосту Санъ Мартинъ стараго тореадора...

— Пепито изъ Гвадалахары еще не мертвый трупъ, сеньоръ!—вспомнилась мнѣ его загадочная фраза.—Когда захочетъ—онъ сумѣетъ...

Но судьба оказалась безжалостной къ нему до конца!— Даже когда захотѣлъ—не сумѣлъ по-прежнему дать свою «быть можетъ, послѣднюю, но настоящую... грудь съ грудью эстокаду»— погибшій теперь навсегда Пепито изъ Гвадалахары!..

А. Деренталь.

ПѢСНЯ БРЮССЕЛЬСКИХЪ КРУЖЕВНИЦЪ.

Прежде.

О, Бельгіи счастливой небеса!
Нашъ край родной, богатый и свободный!
Арденскіе могучіе лѣса,
Сады и нивы Шельды многоводной.

Работаютъ большіе города,
Стучатъ станки, и движутся машины—
Но тихи горъ цвѣтущія долины,
И въ нихъ пасутся мирныя стада.

Нашъ край родной искусствами украшенъ:
За гордою охраной старыхъ стѣнъ
Какъ много въ немъ дворцовъ, церквей и башенъ—
И есть два перла: Брюгге и Лувенъ.

Въ святую сѣнь собора-исполина
Идутъ молиться толпы безъ числа...
И радостно звонятъ колокола,
Колокола стариннаго Малина.

Но громче ихъ—коклюшекъ нашихъ стукъ
На цѣлый міръ звучитъ, напоминая,
Что кружевомъ горда страна родная
И славенъ край—работой нашихъ рукъ.

То кружево прекрасно, точно грезы,
На царство въ немъ вѣнчаютъ королевъ!...
И всѣмъ, кому знакомъ Бельгійскій левъ—
Знакомы и Бельгійскихъ кружевъ розы.

Трудомъ упорнымъ Бельгія жива...
Гордимся мы своимъ любимымъ краемъ,
И въ дорогія наши кружева—
Мечты о счастьи родины вплетаемъ!

Тяните, тяните
Воздушныя нити,
Стучите, коклюшки,—узоръ ужъ готовъ.

Пусть ловкіе пальцы
На легкія пяльцы
Набросятъ рисунокъ изъ звѣздъ и цвѣтовъ.

И будутъ повсюду
Дивиться, какъ чуду,
Работѣ крестьянокъ Брабантскихъ долинъ.

Названье тѣхъ кружевъ всегда драгоцѣнно,
Оно остается вездѣ неизмѣнно:
Вотъ гордость Брабанта—Брюссель и Малинъ.

Теперь.

О, Бельгіи несчастной небеса,
О, бѣдный край, великій, благородный!
Стоятъ въ огнѣ Арденскіе лѣса,
Потоки крови въ Шельдѣ многоводной.

Разрушены большіе города,
Молчатъ станки, и сломаны машины...
Людскою кровью залиты долины,
Разграблены крестьянскія стада.

Поруганы народныя святыни,
Разрушены твердыни старыхъ стѣнъ,
Все сожжено: не существуетъ нынѣ
Безжалостно погубленный Лувенъ.

Въ святой сѣни собора-исполина
Лежатъ убитыхъ груды безъ числа...
И, какъ набатъ, звучатъ колокола,
Колокола стариннаго Малина.

Но пусть нашъ стонъ несется громче ихъ,
На цѣлый міръ звучитъ, напоминая
О благородствѣ маленькаго края,
О томъ, что онъ сталъ жертвой за другихъ.

Быть можетъ, онъ падетъ въ борьбѣ кровавой...
Но мощно въ немъ кипитъ священный гнѣвъ!
И всѣмъ, кому знакомъ Бельгійскій левъ,
Знакомъ теперь и стягъ безсмертной славы.

На вѣки слава Бельгіи жива,
Неугасимо вѣчной правды пламя...
И залитыя кровью кружева
Подниметъ міръ, какъ дорогое знамя!

Тяните, тяните
Кровавыя нити,
И пойте великую пѣснь свою:

О Бельгіи вѣрной,
О жертвѣ безмѣрной,
О славныхъ, о павшихъ въ неравномъ бою.

И будутъ повсюду
Дивиться, какъ чуду,
Великимъ героямъ брабантскихъ долинъ...

Ихъ подвиговъ имя всегда неизмѣнно,
Оно, какъ молитва, звучитъ вдохновенно:
Вотъ гордость Брабанта—Брюссель и Малинъ!

Т. Щепкина-Куперникъ.

КАМЕННЫЙ ЛИКЪ.

(Городскіе очерки).

Тянутся безконечныя черныя полосы пашни. Кое-гдѣ на межахъ качаются голые стебли полыни и донника, и вѣтеръ гудитъ надъ пустой степью, какъ струна, тревожимая невидимой рукой. Поздняя осень. Степь давно лежитъ холодная, жуткая и страшная, какъ мертвецъ, котораго некому прибрать. Ушли горячіе солнечные лучи, а съ ними ушла и жизнь. Скучно въ такую пору въ степи. Пора навѣстить городъ, пора смѣнить одиночество на суетливые и живые интересы людей, пора жить въ толпѣ общей съ ней жизнью.

Тянутся безконечныя сѣрыя тучи надъ городомъ и цѣлыми днями слезится мелкій, назойливый дождь. Но здѣсь, въ городѣ, на это не обращаютъ вниманія. Жизнь, куда-то спѣшащая, внѣ власти природы идетъ своимъ чередомъ. Можно подумать даже, что природы въ городѣ нѣтъ. Это тамъ, гдѣ-то за городомъ— есть она съ своими рощами и степями, съ морями и горами, а здѣсь ея нѣтъ. Здѣсь есть только широкія и узкія улицы, вѣчно бѣгущая и каждое мгновеніе мѣняющаяся толпа, какъ волны между нагроможденныхъ утесовъ. И суетливая толпа кажется равнодушной. Въ вѣчномъ движеніи трудно уловить ея настроеніе. Это она построила свои каменныя громады, она создала себѣ Каменный Ликъ.

Но я люблю тебя, Каменный Ликъ! Люблю твое живое движеніе, люблю твои отдѣльныя струйки и волны,—все люблю вплоть до природы твоей. Просвѣты сѣраго или голубого неба, твои подстриженные сады, темные каналы и свѣтлую рѣку. Съ любовью вглядываюсь я въ твою толпу, гдѣ каждая струйка, каждый человѣкъ есть отдѣльный, особенный міръ. Здѣсь онъ менѣе чувствуетъ власть природы, чѣмъ въ родной мнѣ далекой

степи. Но развѣ не вездѣ и всюду стремится человѣкъ къ одному и тому же? Въ степи или въ городѣ, среди тихихъ полей или скрежещущихъ фабричныхъ машинъ, развѣ жажда жизни не говоритъ объ одномъ и томъ же?—стремленіи духа къ вѣчной свободѣ?

И я люблю тебя, Каменный Ликъ!

I.

Смѣна.

Въ пасмурные вечера, а иногда и въ глухой полуночный часъ я люблю бродить по городу одинъ съ моими думами. Огромный городъ ни на минуту не можетъ успокоиться окончательно, потому что вѣчно живетъ красота человѣческой жизни вмѣстѣ съ ея нищетой, позоромъ и грязью. Людскія волны смѣняютъ одна другую, какъ въ морѣ, и только временами въ предутренній часъ дѣлается тише ихъ утомленный прибой.

Камни молчатъ. Все равно, — красивые или безобразные, но они молчаливы и странно равнодушны къ окружающей жизни. И люди бываютъ такими же или, по крайней мѣрѣ, такими кажутся наблюдателю. Я всегда думаю объ этомъ, когда гляжу на этого красиваго старика, неподвижно прислонившагося къ гранитной громадѣ. Старикъ, правда, красивъ. Красивы его большіе сѣдые усы и черные глаза, изрѣдка блестящіе при свѣтѣ фонарей изъ-подъ огромной медвѣжьей шапки. Какой странной теперь кажется эта медвѣжья гренадерская шапка! Сто лѣтъ тому назадъ люди въ такихъ шапкахъ, опьяненные славой, молясь на своего вождя, изъ страны въ страну несли разореніе и смерть. Они ушли въ вѣчность, оставивъ неумирающую легенду о своемъ вождѣ, да вотъ еще эту шапку, которую до сихъ поръ надѣваютъ на инвалидовъ, приставленныхъ сторожить памятники. И неподвижно стоитъ старикъ, прислонившись къ гранитной громадѣ.

Осенняя ночь плыветъ надъ сѣвернымъ городомъ. То хлещетъ мелкій, назойливый дождь, то падаютъ снѣжинки мокрыми хлопьями и, блеснувъ въ свѣтѣ фонаря, превращаются въ бурую грязь, а старикъ по-прежнему равнодушенъ, какъ камни, которые онъ сторожитъ. Надъ глыбой гранита не видно въ эту

темную ночь ничего. Бронзовая фигура сливается съ тьмой, какъ и все окружающее. И не разберешь ничего на бронзовыхъ барельефахъ, прибитыхъ къ граниту. Какія-то сцены изъ давно забытой, никому уже непонятной жизни. Какіе-то люди въ картинныхъ позахъ, колѣнопреклоненные, можетъ быть, умиляющіеся, быть можетъ,—страдающіе. Не знаетъ этого и неподвижный старикъ. Онъ смотритъ передъ собой въ тьму суетливой улицы и думаетъ медленной, старческой думой. Она только на мгновеніе останавливается на томъ, къ чему приковываетъ ее окружающая жизнь, и опять уносится назадъ въ далекое прошлое. Старики любятъ жить въ прошломъ. У нихъ долженъ слабѣть интересъ къ дѣйствительности, потому что дѣйствительность—это жизнь. Такъ ослабѣваетъ жажда допивающаго всѣ капли до дна. Еще нѣсколько капель,—и будетъ довольно! Другія руки жадно тянутся къ тому же сверкающему напитку и будутъ тянуться всегда, безъ конца, безъ конца...

У самыхъ цѣпей, окружающихъ памятникъ, на минуту останавливается хрупкая фигурка проститутки. Она къ себѣ на мгновеніе приковываетъ взоръ гренадера, и его лѣнивыя мысли плывутъ съ легкимъ укоромъ.

— Суетится. Ишь ты какая вострая. Кого-нибудь ждетъ... оглянулась. Ну, зачѣмъ, зачѣмъ? чтобы бѣжать въ кафэ, да купить себѣ шляпку!

И огромная медвѣжья шапка, съ холодной мѣдной чешуей, презрительно косится на легкую женскую шляпку, изъ-подъ которой выбиваются свѣтлые волосы.

— Сидѣла бы дома въ спокоѣ. Спокой... У насъ хорошо. Жалованіе полагается честь-честью и прокормленіе. Щи, нечего зря говорить, хорошія щи, ну и каша, опять же говядина. Не то, что у какихъ мужиковъ.

И тутъ вспоминаются ему мужики.

— Извѣстно, неученые люди. Чего они видѣли? Ни стать, ни сѣсть не умѣетъ, а ужъ ежели пойдетъ, такъ и глядѣть невозможно: не то человѣкъ, не то верблюдъ какой изъ стороны въ сторону мотается. Нешто такъ ходятъ? Извѣстно, весь вѣкъ въ полѣ работаютъ, и весь вѣкъ голодаютъ. Вотъ и у него сынишка былъ, Микиткой звать, тоже. Только онъ его теперь мало помнитъ, лѣтъ двадцать тому въ деревню на побывку ѣздилъ, да больно далеко, и нечего тамъ у нихъ дѣлать. Лицо Микиткино плохо помнится, бороденка была растрепанная, теперь, поди, посѣдѣла. Да внучка была, Аксютка, сопливая, а страсть какая шустрая дѣвченка. Залѣзетъ, бывало, ему на плечи,

да и давай за усы теребить. Это, гритъ, дѣдушка, у васъ у всѣхъ такіе хвосты длинные. Ась? Хорошая, славная дѣвченка, это что и говорить. Жива ли, нѣтъ ли, теперь неизвѣстно. Всѣ подъ Богомъ ходимъ. Должно, коли жива, выросла, бабой стала, можетъ, и правнучекъ есть. Живутъ люди, законъ сполняютъ, дѣтей рожаютъ, на то и бабы на свѣтѣ. Ну пища у нихъ плохая. Квасъ, да хлѣбъ, да картошка. Бѣдность, извѣстно. Кругомъ по всей степи на тысячу верстъ...

Старикъ устаетъ думать и безъ мысли смотритъ на суетливую улицу. Зябнутъ ноги, и кажется ему, что пора бы быть смѣнѣ. И вотъ еще усталость въ колѣнкахъ. Должно быть, смѣнѣ пора. На извозчикѣ промелькнулъ офицеръ, а по той сторонѣ улицы пробѣжалъ молодой солдатъ въ безкозыркѣ. Старикъ встрепенулся, молодцевато отдалъ честь офицеру, и опять поплыли тяжкія думы.

— Ишь ты, солдатъ ночью по улицѣ бѣгаетъ. Нѣшто порядокъ? Служба тоже. Какая ноньче можетъ быть служба? Повертится нѣсколько лѣтъ, да и назадъ, къ бабѣ. Черезъ годъ и на служиваго не похожъ: мужикъ-мужикомъ. Ничего не помнитъ какъ есть. Даже, что фронтъ — святое мѣсто, и то позабылъ. Развѣ мы такъ служили? Это вотъ былъ настоящій порядокъ.

Но какой это былъ порядокъ, старикъ позабылъ. Помнилъ только, что на одной ногѣ подолгу стояли, маршировали и бѣгали до того, что какъ снопы валились, да каждый день били. Ротный былъ такой сурьезный, что слова безъ ругательства не могъ выговорить, а къ зубамъ такъ и лѣзетъ. Съ молодыми солдатами безъ строгости невозможно, что и говорить, но только грѣшно насчетъ сквернословія. И ротнаго давно нѣтъ, померъ, поди, лѣтъ пятнадцать.

— Царство ему небесное, — шепчетъ старикъ. — Хорошій былъ командеръ. Упокой, Господи, и прости сквернословіе его вскородію. Господи-Батюшка!

А смѣна все медлитъ. Зябнутъ и ноютъ ноги, ходить тяжело, лучше ужъ стоять, прислонившись къ тяжелой глыбѣ гранита. Мысли и воспоминанія ползутъ все медленнѣй и лѣнивѣе, точно застываетъ и холодѣетъ старческій мозгъ, какъ эта бронзовая доска съ непонятной картинкой.

— Ты помнишь, что я тебѣ говорилъ давно, чуть ли не въ первый разъ, когда мы такъ неожиданно и странно встрѣтились у Сидоровыхъ? Помнишь? — говоритъ какой-то молодой

господинъ своей спутницѣ, замедляя шагъ и задерживая ее на мгновеніе около памятника.

— Коля, ты опять ревнуешь?—говоритъ его спутница, поднимая на него лучистые, но невыразимо грустные сѣрые глаза.

— Нѣтъ. Я знаю, что ты скажешь, что чувство собственника—дурное и ненужное чувство... Но вѣдь любовь,—это такая свѣтлая, солнечная радость, что каждая тѣнь, каждая маленькая тѣнь заставляетъ болѣть сердце...

И опять мохнатая гренадерская шапка съ холодной мѣдной чешуей угрюмо косится на женскую шляпку и на грустно-лучистые сѣрые глаза...

— Чтой-то смѣна нейдетъ, — думаетъ старикъ. — Вотъ, охота была, по ночамъ ходятъ. Изъ гостей, должно быть. Хоть бы скорѣй на спокой. Тепло у насъ, щи, зря говорить нечего, хорошія, не то что пустыя, какъ у мужиковъ. Ложкой тычешь, тычешь, капустинки не поймаешь. Главное дѣло—спокой. Вотъ придетъ смѣна...

Да, она придетъ. Нѣсколько дольше, чѣмъ старика, будутъ видѣть люди на этомъ мѣстѣ медвѣжью мохнатую шапку, а еще дольше гранитную громаду съ неясной по ночамъ надъ ней фигурой. Но смѣна придетъ.

II.

Случай.

Темная вода канала въ хмурую осень кажется скучной и страшной. Катится ли она куда-нибудь впередъ, или стоитъ неподвижно, холодная и почти черная,—разобрать невозможно. И ничего не отражается въ ней. Ни неба, съ его низкими темными тучами, ни молчаливыхъ, по большей части безобразныхъ каменныхъ громадъ, набитыхъ людьми. Огромные дома уныло и мрачно тѣснятся по берегу канала.

Часто, почти каждый день, прохожу я по этой набережной, и тогда ворота огромныхъ домовъ зіяютъ передо мной, какъ открытыя пасти чудовищъ. Доносятся оттуда иногда унылые и странные звуки шарманки, звуки, впервые рожденные подъ чужимъ,

жаркимъ солнцемъ. И на эти звуки, какъ на призывъ заклинателя, выступаетъ толпа дѣтей и подростковъ съ темныхъ и грязныхъ лѣстницъ двора. На кривыхъ и слабыхъ ногахъ стоитъ задумчивый мальчикъ и что-то жуетъ. Онъ жуетъ всегда, и всегда голоденъ, даже и теперь, когда онъ прислушивается къ хриплой и трескучей, но ласкающей музыкѣ. Нѣсколько дѣвочекъ, толкаясь, толпятся у самой шарманки и съ женскимъ любопытствомъ стараются заглянуть въ глубь мудренаго ящика, который поетъ. Останавливаются на дворѣ и взрослые. Я вижу Марью Петровну, безработную фальцовщицу типографіи. Она прислонилась къ стѣнѣ, слушаетъ музыку, и по блѣдному лицу ея видно, что она думаетъ о чемъ-то другомъ, мучительномъ и страшномъ, какъ ея жизнь. Изъ подвальнаго этажа, гдѣ не прерываясь ни на минуту, какъ отдаленная барабанная дробь, стучитъ швейная машина, выходитъ и Надька. И она тоже остановилась у воротъ, чтобы послушать. Ея наивные синіе глаза блестятъ дѣтской радостью, губы расплываются въ ослѣпительную улыбку, а тяжелыя бѣлокурыя косы выбиваются изъ-подъ небрежно накинутаго платка. И красота этой шестнадцатилѣтней дѣвочки сіяетъ невольной побѣдой,—побѣдой надъ хмурымъ и темнымъ небомъ, надъ грязнымъ дворомъ и жадно толпящейся нищетой. Вдругъ Надька, словно вспомнивъ что-то, всплескиваетъ руками и бѣжитъ вдоль набережной, шлепая разорванными галошами.

— Здравствуйте, Надя, говорю я.

— Здравствуйте.

И, остановившись на минуту, она торопливо спѣшитъ сообщить мнѣ всѣ новости.

— Заказовъ, слава Богу, много. Вотъ бѣгу за нитками. А тетенька сердятся. Утромъ, когда пили кофей, сердились и теперь опять сердятся.

И Надька убѣжала, не сообщивъ мнѣ впрочемъ никакихъ новостей. Я и раньше зналъ, что тетенька сердится. Сердится вообще. И отъ того, что не можетъ свести счетъ и сложить нѣсколькихъ цифръ, и отъ того, что провизія такъ дорога, что съ ума можно сойти, а лавочники въ торговлѣ проявляютъ безчувствіе. Мало ли отъ чего можетъ сердиться пожилая и безтолковая женщина, снявшая мастерскую. Хорошо еще, что мастерская невелика. Работали только старшая мастерица Ольга Михайловна, да племянница Надька, да двѣ безотвѣтныя, но неисправимо неряшливыя дѣвченки. Столько хлопотъ, столько хлопотъ, что нельзя было не брюзжать и не сердиться. И такъ

какъ мастерская къ этому привыкла, то и жила своей особой, независимой отъ тетеньки жизнью. Дѣвченки поминутно выскакивали то на дворъ, то на улицу, а Ольга Михайловна, не прерывая работы, тихо переговаривалась съ Надькой. И такъ какъ обѣ онѣ еще никогда не любили, то говорили восторженно о любви, о томъ, къ чему влекла ихъ молодость, жажда счастья и неопредѣленная тоска, зачѣмъ-то заложенная въ человѣческую душу. И, полузакрывъ темные глаза, Ольга Михайловна рисовала въ своемъ воображеніи друга съ мягкой шляпой на темныхъ кудряхъ, какъ разъ такого, какого она видѣла въ итальянской мелодрамѣ кинематографа. И это было хорошо и прекрасно, какъ нѣжная мечта въ грубой человѣческой жизни. Развѣ, въ концѣ концовъ, не каждая женщина надѣваетъ свои цвѣты на того, кто ей нравится? И Надька забывалась въ той же мечтѣ.

А когда тетенька ушла въ кухню жарить кофей и начадила при этомъ до такой степени, что обѣ дѣвченки перестали работать и, пристально уставившись другъ на друга, непрерывно чихали, Надька отвела Ольгу Михайловну къ низенькому окну и сказала:

— Вотъ, я прочту. Милая, вотъ онъ что пишетъ.

И, доставъ измятое письмо, она прочла тихимъ, чуть-чуть дрожавшимъ отъ волненія голосомъ.

«Послѣ того, какъ мы встрѣтились съ вами въ первый разъ у вашей подруги и я провожалъ васъ на трамваѣ, я все о васъ думаю и не могу васъ забыть. Я ходилъ послѣ службы около вашей мастерской, но васъ не видѣлъ. Я не могу васъ позвать къ себѣ, но если бы вы могли придти въ кафэ отъ восьми до девяти вечеромъ во вторникъ, мы пошли бы съ вами поболтать и поужинать. Увѣдомьте меня, только не открыткой, а непремѣнно закрытымъ письмомъ».

И Надька сказала, что это писалъ среднихъ лѣтъ чиновникъ, служащій въ банкѣ или въ страховомъ обществѣ, должно быть, богатый и очень веселый. Онъ обѣщалъ ей конфеты, ужины и театры. И онъ такой ласковый, ласковый.

— Только я боюсь. Оля, милая, пойдемъ со мной вмѣстѣ, въ кафэ. Ты познакомишься. А онъ милый и ласковый, вотъ увидишь сама. Оля, милая, пойдемъ вмѣстѣ.

И во вторникъ, въ девятомъ часу, онѣ вышли вмѣстѣ и, волнуясь, сидѣли въ вагонѣ трамвая, который равнодушно тащилъ ихъ, поминутно останавливаясь, къ залитому электрическимъ блескомъ центру огромнаго города...

Когда я черезъ годъ, оторвавшись отъ горячихъ степей моей родины, опять проходилъ по набережной канала, все было по-прежнему. Такъ же нельзя было разобрать, катилась ли или стояла темная, ничего не отражавшая вода, такъ же во дворѣ трещала шарманка. Дѣти, кажется, чуть-чуть подросли. Но мальчика на кривыхъ ногахъ уже не было: на далекой окраинѣ города могила поспѣшила утолить его голодъ. Надька рѣдко показывалась, и я видѣлъ ее только разъ. Она прошла медленно, озабоченная и исхудалая, какъ послѣ тяжелой болѣзни. Она была все еще очень красива, но на этотъ разъ казалось, что уже не ея красота побѣдно освѣщаетъ унылую и нищенскую жизнь, а что эта жизнь побѣдно расточаетъ ея красоту. И все, повидимому, шло по-прежнему въ нервно-суетливой жизни огромнаго города.

И вотъ однажды, когда я сидѣлъ надъ книгой, недоумѣвая по поводу странныхъ путевыхъ приключеній какихъ-то влюбленныхъ, ко мнѣ вбѣжала Ольга Михайловна. Запыхавшись и глотая слезы, опустилась она на стулъ и заговорила быстро, прерывистымъ шопотомъ.

— Господи, какой случай!.. Какой ужасный случай... Два дня тому назадъ Надька пропала. И только сейчасъ, изъ газетъ, узнали мы, что она утопилась. Бросилась ночью въ каналъ. Боже мой, какой случай!

Ольга Михайловна зарыдала. Потомъ, успокоившись немного, она прибавила, всхлипывая:

— Ахъ, какъ она тосковала, какъ тосковала... Это началось еще съ прошлаго лѣта. Она познакомилась съ однимъ. И онъ, какъ это оказалось впослѣдствіи времени, былъ женатымъ. И когда ввязалась въ это дѣло жена, то онъ сказалъ, что взялъ ее съ улицы. Господи, какъ она плакала! А потомъ болѣзнь. Надо было сдѣлать абортъ. Какъ она тосковала, какъ тосковала... И вотъ теперь этотъ ужасный случай. Въ газетахъ уже напечатано. Какой случай, какой ужасный случай!.. Я взялъ газету. Тамъ, дѣйствительно, было уже разсказано объ этомъ случаѣ. Въ хроникѣ происшествій распространенной уличной газеты этому случаю отведено было три строчки петита. Ровно столько, насколько можно остановить вниманіе людей на такой близкой и родной имъ, но такъ странно чуждой человѣческой жизни.

III.

Ужинъ.

Членъ правленія банка, Иванъ Николаевичъ Трубниковъ, завтракалъ у товарища по случаю его именинъ. Въ свѣтлый сентябрскій день онъ пріѣхалъ къ нему вмѣстѣ съ своей женой, которая всю дорогу читала ему медицинскую лекцію о подагрѣ, обмѣнѣ веществъ и еще о чемъ-то съ единственной цѣлью внушить ему воздержаніе. Завтракъ тѣмъ не менѣе вышелъ блестящимъ и затянулся надолго. Говорили о дѣлахъ, спорили о политикѣ. И когда, наконецъ, перешли пить кофе въ гостиную, жена Ивана Николаевича уѣхала, оставивъ его въ мужской компаніи. Онъ долго еще продолжалъ спорить съ товарищами и ушелъ только тогда, когда составился винтъ по маленькой, въ который онъ не игралъ.

Свѣтлый осенній день погасалъ. Косые лучи заходившаго солнца играли на красивыхъ зданіяхъ города, золотили толпу, которая отъ этого казалась веселѣй и нарядңѣе. И Ивану Николаевичу было весело. Отъ выпитаго вина слегка туманилось въ головѣ и казалось, что есть какая-то другая жизнь, кромѣ той дѣловой, нудной и скучной, которою жилъ онъ обычно. Въ неопредѣленно радостномъ настроеніи, безъ думъ и безъ цѣли бродилъ онъ теперь по улицамъ, и толпа казалась ему привѣтливой, а женщины очень красивыми. Хотѣлось напѣвать старые, вдругъ проснувшіеся въ душѣ мотивы, хотѣлось заговаривать съ незнакомыми... Наконецъ, уставъ отъ долгой и непривычной прогулки, Иванъ Николаевичъ свернулъ въ скверъ отдохнуть. Здѣсь было, можетъ быть, еще лучше. Стояла тишина, притаившаяся среди шумнаго города, падали на расчищенныя дорожки желтые листья и набѣгалъ сумракъ, стирая темное золото едва виднаго вдали купола храма. Народа было немного. Уходили, подбирая свои мячи, запоздавшія дѣти, перекликаясь съ торопившими ихъ боннами. Иванъ Николаевичъ присѣлъ на скамейку противъ памятника и вздохнулъ шумно и радостно, удивляясь себѣ, что такъ рѣдко замѣчалъ кругомъ себя красоту. Потомъ онъ досталъ папироску и съ наслажденіемъ закурилъ. И когда порывъ вѣтерка отнесъ густой клубъ дыма въ сторону, прямо на сидѣвшую рядомъ даму, онъ оглянулся и сказалъ вѣжливо:

— Простите, сударыня, я, кажется, безпокою васъ дымомъ?

— Нѣтъ, ничего, сдѣлайте одолженіе. Я привыкла.

Иванъ Николаевичъ смотрѣлъ теперь на профиль незнакомой ему бѣлокурой дамы, говорившей съ иностраннымъ акцентомъ, и ему вдругъ захотѣлось заговорить съ ней. О чемъ будетъ онъ говорить съ ней? Но не все ли это равно,—разумѣется о чемъ-нибудь незначительномъ, но веселомъ и радостномъ. Однако придумать тему разговора было совсѣмъ не легко, и Иванъ Николаевичъ долго глядѣлъ на бѣлокурый профиль дамы и ея длинныя рѣсницы прежде, чѣмъ рѣшился сказать:

— Удивительная сегодня погода. Не правда ли?

Дама пытливо и недовѣрчиво вглядывалась въ его лицо и долго молчала. Наконецъ, она отвернулась въ сторону и сказала тихо, почти шопотомъ:

— Да, конечно. Очень пріятно, если можно гулять.

— Вотъ именно. Гулять можно и должно. Скажите, вы гулять любите?

— Мнѣ странно, что вы такъ говорите. Вы говорите незнакомой вамъ дамѣ...

— Но позвольте, почему же не говорить? Почему считается неприличнымъ говорить, когда хочется говорить? Развѣ я дѣлаю что-нибудь дурное? Мнѣ просто сегодня весело и хотѣлось бы высказаться... и вообще весело жить на свѣтѣ.

— Не всѣмъ весело на свѣтѣ,—тихо отвѣтила дама.

— Ахъ, Господи! Веселье должно быть въ насъ самихъ. Развѣ лучше сдѣлается жизнь отъ нашего хмураго настроенія? Бросьте же сами себя мучить своимъ настроеніемъ! Бывайте чаще въ обществѣ и въ театрахъ...

— Я не бываю, потому что на это деньги нужны, а у меня ихъ нѣтъ,—довѣрчиво сказала дама и улыбнулась какой-то грустной виноватой улыбкой.

— Ну поѣдемте съ вами сегодня. Хотите? Сегодня идетъ веселая пьеса. Я весь вечеръ свободенъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ пьесу. Что же въ этомъ дурного?

— Но позвольте, это такъ странно. Мы съ вами незнакомы и вы принимаете меня...

— Увѣряю васъ, что ни за кого я васъ не принимаю. Неужели невозможно вдругъ поѣхать въ театръ хотя бы и съ незнакомымъ?

Наступило молчаніе. Скверъ давно уже погрузился во мракъ, темной глыбой высился памятникъ, и странно сверкали желтые листья, озаренные электричествомъ. Дама сидѣла молчаливая и задумчивая. Наконецъ, она поднялась и просто сказала:

— Ну, пойдемте.

— Вотъ, вотъ, это хорошо. Это ужасно хорошо, торопливо говорилъ Иванъ Николаевичъ, беря подъ руку незнакомку и направляясь къ извозчику.—Ужасно хорошо, что такъ просто и, знаете ли, вообще все просто на свѣтѣ.

Въ театрѣ, куда они, наконецъ, попали, шла неинтересная пьеса, и Ивану Николаевичу было скучно и оттого, что плохо играли, и оттого, что пьеса мѣшала разговаривать съ сосѣдкой. Зато она искренно увлекалась, видимо, наслаждаясь.

— Удивительно, какіе у нея мѣщанскіе вкусы или какъ она нетребовательна, подумалъ про себя Иванъ Николаевичъ и сталъ тоскливо дожидаться окончанія спектакля. Оживился онъ только тогда, когда вошелъ съ своей дамой въ залъ ресторана. Шумные звуки оркестра, яркое освѣщеніе и какая-то точно праздничная беззаботность публики всегда настраивали его весело, и, проходя по залу, онъ вздохнулъ, неожиданно вспомнивъ о женѣ, которую никогда нельзя было выманить ни въ одинъ ресторанъ.

— Ну такъ дальше нельзя. Надо знакомиться. Приходится мнѣ представиться первой. Меня зовутъ Аделаида Ивановна Люстлихтъ.

— Я такъ и зналъ, что вы не русская. Знаете ли, все-таки выговоръ, хотя впрочемъ... А меня...

Тутъ Иванъ Николаевичъ немного подумалъ и вдругъ сказалъ:

— Меня зовутъ Владиміръ Ивановичъ Смирновъ, и служу я въ министерствѣ финансовъ. Но не будемте терять драгоцѣннаго времени. Выберите что-нибудь изъ этого длиннаго расписанія.

И уже потомъ, за виномъ, когда онъ чувствовалъ себя совершенно свободнымъ отъ всякихъ условностей своей нудной и тягостной жизни, онъ говорилъ шопотомъ, самъ не зная, вѣритъ ли онъ своимъ словамъ или нѣтъ:

— Да, ну вотъ я и свободенъ. Холостая, одинокая жизнь, а все - таки такъ невозможно. Хотѣлось бы искренней и тоже свободной любви, такой любви, которая бы не сковывала васъ, дѣлая вьючнымъ животнымъ, а давала бы отдыхъ душѣ, такой любви, которая позволяла бы одновременно видѣть въ женщинѣ и любовницу, и сестру... Однимъ словомъ—выпьемте за счастье, свободное счастье въ любви!

Кофе перешли пить въ кабинетъ. Здѣсь Иванъ Николаевичъ размякъ окончательно и, цѣлуя руку своей собесѣдницы, говорилъ прерывистымъ шопотомъ:

— Во имя нашей дружбы и тѣхъ рѣдкихъ минутъ счастія, которыя я пережилъ съ вами, позвольте мнѣ по-просту называть васъ Ада. Это такъ хорошо и такъ поэтично.

— Хорошо, Владиміръ Ивановичъ. Будемте же друзьями. Но вы должны знать, что я простая и бѣдная дѣвушка. И у меня дома, въ Либавѣ, живетъ матушка и моя бѣдная, очень калѣкая (она такъ и произнесла это слово)—очень калѣкая сестра. И я должна работать, какъ бонна. И въ шестнадцать лѣтъ я ушла, и четвертый годъ такъ живу. И послѣднее мѣсто было у меня у помѣщика въ Тульской губерніи, и онъ видѣлъ меня какъ прислугу, а его братъ бралъ меня за мои волосы и говорилъ мнѣ предложеніе въ любви. И вотъ теперь я опять безъ мѣста, хотя мнѣ и обѣщали.

— Ахъ, Ада, милая моя и дорогая Ада! Ну, не все ли равно, какое общественное положеніе занимаетъ человѣкъ,—шепталъ, пьянѣя и отъ вина и отъ близости женщины, Иванъ Николаевичъ.—Главное дѣло въ свободѣ и искренности... И я васъ люблю, милая вы моя, хорошая дѣточка.

И въ порывѣ искренней страсти онъ запрокинулъ голову Ады съ ея тяжелыми бѣлокурыми косами и точно впился въ ея губы.

— Ну, пойдемте,—сказала вдругъ Ада.—Знаете, Владиміръ, вы мнѣ нравитесь. И мы будемъ встрѣчаться и будемъ другъ друга любить. Вотъ вамъ мой адресъ. Вы можете написать или позвонить по телефону. И дайте вашъ адресъ или лучше свой телефонъ.

— Хорошо, хорошо, я сейчасъ,—смущенно заговорилъ Иванъ Николаевичъ и написалъ какія-то цифры на бумагѣ, оторванной отъ рестораннаго счета.

По дорогѣ домой, на извозчикѣ, онъ упрекалъ себя въ этой исторіи и думалъ о женѣ, о тѣхъ сценахъ, которыя она ему будетъ дѣлать, и о томъ, что вообще на свѣтѣ жить глупо и скучно. И, только подъѣзжая къ дому, онъ вдругъ разсмѣялся и чуть не сказалъ себѣ вслухъ:

— Удивительно, какъ долго помнятся гимназическія глупости! Вѣдь я написалъ ей на бумажкѣ дату пуническихъ войнъ. Чортъ знаетъ что такое! И кому въ самомъ дѣлѣ нужны на свѣтѣ пуническія войны!

А Ада, добравшись до своей комнаты въ четвертомъ этажѣ, за которую она платила пятнадцать рублей, принялась думать. Въ головѣ у нея немного шумѣло и отъ вина и отъ неопредѣленной жажды ласки. Она рѣдко бывала въ театрѣ и никогда

не видала такого дорогого и шумнаго ресторана, и теперь всѣ впечатлѣнія этого вечера сливались для нея во что-то сказочное и счастливое. Иванъ Николаевичъ нравился ей своей образованностью и искреннимъ тономъ своего разговора.

— Господи, можетъ быть,—думала она,—мы будемъ счастливы. Онъ такой хорошій, серьезный и образованный. И я такъ буду любить, такъ буду любить... Когда же онъ позвонитъ? Завтра? Нѣтъ, завтра онъ не можетъ: такъ поздно сидѣли въ ресторанѣ и потомъ у него дѣла. Но знаетъ ли онъ, что если онъ не позвонитъ три дня, то я не вытерплю и буду звонить первая. Не все ли это равно, позвоню, конечно, сама. И перепишу завтра его телефонъ въ свою адресную книжку. Вотъ она, эта бумажка.

И, раздѣвшись, Ада свернулась калачикомъ подъ своимъ старенькимъ одѣяломъ и положила подъ подушку на счастье клочекъ бумаги, на которомъ была написана дата пуническихъ войнъ.

IV.

Капитанъ.

Въ этомъ хмуромъ сѣверномъ городѣ бываютъ иногда удивительно красивыя, тихія сумерки. Осенній день гаснетъ медленно, точно нехотя разставаясь съ людскимъ муравейникомъ, и тихо-тихо уходитъ, поминутно оглядываясь. Въ сѣромъ и нѣжномъ туманѣ исчезаютъ на мгновеніе каменныя громады и узкія дали улицъ. Но только на одно мгновеніе. Уже навстрѣчу тьмѣ бѣгутъ вспыхивающія ленты и цѣпи огней, и людская толпа кажется вдругъ оживленнѣй, веселѣе и радостнѣй. Но это только такъ кажется. Она все та же, суетливая, куда-то спѣшащая толпа людей, гдѣ никому нѣтъ до другихъ дѣла, гдѣ каждая волна вмѣщаетъ въ себѣ весь міръ. Хорошо бываетъ иногда въ это время на улицѣ...

Усталый, люблю я въ это время зайти въ кафэ, отдохнуть и просмотрѣть уличную газету за стаканомъ остывающаго чая. Дремавшее цѣлый день кафэ какъ разъ въ эту пору просыпается и начинаетъ жить своей вечерней калейдоскопической жизнью. Здѣсь оживленно и дымно, всѣ столики уже заняты и невоз-

можно пробраться къ стѣнѣ, расписанной голыми нимфами, улыбающимися голымъ амурамъ. И всѣ обычные посѣтители, кажется, на-лицо. Вотъ двѣ кафэшантанныя артистки, неразрывныя пріятельницы, коротающія вечеръ передъ ночнымъ представленіемъ. Вотъ биржевые дѣльцы съ сухими и желтыми лицами, женщины неопредѣленныхъ занятій, веселые студенты и отставной капитанъ за своимъ столикомъ. Капитанъ сидитъ въ порыжѣвшемъ пальто, давно уже выцвѣтшемъ, и смотритъ передъ собой старческими, тоже давно уже выцвѣтшими, глазами. Изрѣдка онъ макаетъ въ стаканъ сухарь и долго жуетъ его беззубыми деснами. А потомъ опять хмуритъ сѣдыя брови и пристально смотритъ впередъ, точно вглядываясь во что-то странное или невѣдомое. Я вновь оглядываю занятыя уже мѣста и, наконецъ, нерѣшительно подхожу къ нему. Онъ взглядываетъ на меня и говоритъ отрывисто:

— Пожалуйста. Садитесь. Я радъ... весьма.

И опять жуетъ свой сухарь и молча вглядывается куда-то, изрѣдка покачивая головой. Такъ долго длится молчаніе и, наконецъ, капитанъ все-таки заговариваетъ первымъ.

— Удивительно. Толкотня какая-то. И потомъ женщины. Въ мое время, сударь, этого не было.

— Такой толкотни въ кафэ?

— Нѣтъ, вообще. Теперь живетъ улица. И вотъ женщины. Почему, спрашиваю я васъ, сударь, не сидятъ онѣ дома?

Капитанъ сердится. Злымъ взглядомъ впивается онъ въ даль шумнаго зала, и трясется сѣдая щетина его небритаго подбородка.

— Мѣняются, капитанъ, времена. Наконецъ, можетъ быть, не у всякой есть домъ.

— Какъ? Какъ вы сказали? Нѣтъ дома? Но онъ долженъ быть. У женщины, сударь, долженъ быть домъ. Это—развратъ, эта улица. Говорятъ о какой-то свободѣ, но это развратъ. Тлетворное вліяніе безбожнаго времени и ничего-съ больше.

Взрывъ хохота заглушилъ на минуту гнѣвную рѣчь капитана. Это смѣялись за сосѣднимъ столикомъ, смѣялись, можетъ быть, подслушавъ его слова, или вглядѣвшись въ сердито-безпомощное выраженіе его лица. Двѣ женщины смѣялись задорно и неудержимо, а бывшій съ ними студентъ старался ихъ сдерживать. Наконецъ веселая группа поднялась и прошла мимо насъ, при чемъ одна изъ женщинъ, маленькая блондинка, все еще улыбалась. Капитанъ молча и сердито жевалъ беззубыми деснами, а я углубился въ газету. А когда черезъ нѣсколько

минутъ я поднялъ глаза на своего собесѣдника, я не узналъ выраженія его лица, къ которому успѣлъ уже привыкнуть. Передо мной сидѣлъ слабый старикъ, необыкновенно жалкій въ своей безпомощности.

— Вотъ, сударь, знаете ли,—заговорилъ онъ съ старческой словоохотливостью,—знаете ли, что эта ушедшая на улицу блондинка страшно похожа на мою дочь. Какъ двѣ капли воды. И когда я ее здѣсь вижу (она вѣдь часто заходитъ сюда), когда я ее вижу, во мнѣ просыпается старая боль. Моя дочь подросла, сударь, въ то время, какъ я въ губернскомъ городѣ N получилъ отставку и пенсію. Только мы вдвоемъ съ ней и остались на свѣтѣ. Ну что жъ, кажется, жить можно. Маленькая квартирка на окраинѣ города, самая дешевая жизнь, и все-таки, сударь, я не одинъ на старости лѣтъ, а съ любимымъ ребенкомъ. Она уже подросла, какъ слѣдуетъ, ей семнадцатый годъ шелъ, и въ смыслѣ образованія достаточно, изъ седьмого класса гимназіи не знаю ужъ зачѣмъ она вышла, должно быть, сударь, сидѣть на скамейкѣ надоѣло,—но все-таки, какъ хотите, могла поступить въ канцелярію или еще куда, дѣвица, что называется, образованная. И жить, разумѣется, можно бы мирно и тихо, если бы не кинематографъ.

— Но при чемъ же здѣсь кинематографъ?

— А такъ. Я думаю, что, главнымъ образомъ, это онъ. Театръ, сударь, дѣло особое. Это для богатыхъ людей въ родѣ забавы, а мелкіе люди туда попадаютъ раза три въ годъ. Не больше-съ. Ну и фантазія эта самая, значитъ, спокойна и не мѣшаетъ будничной жизни. Куда же въ самомъ дѣлѣ дѣваться въ захолустномъ городѣ? Въ десять часовъ вечера всѣмъ спать хочется, даже извозчики по домамъ уѣзжаютъ, ну и тянется жизнь изо дня въ день, самымъ благополучнымъ образомъ. А тутъ вдругъ этотъ кинематографъ. Всѣмъ доступно, и всѣ побѣжали. Помилуйте-съ! Сильная драма... сенсаціонная драма. И такъ каждый день. А черезъ недѣлю новая потрясающая драма въ двѣ тысячи метровъ. Ну и спуталась окончательно жизнь.

— Мнѣ кажется, что вы придаете ужъ слишкомъ большое значеніе...

— Не знаю-съ, не знаю-съ. Я вѣдь это такъ, вообще къ слову пришлось. Но только тамъ, въ этомъ кинематографѣ, моя Женя съ нимъ познакомилась. Человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, что-то пишетъ въ мѣстой газетѣ и притомъ (старикъ понизилъ голосъ), притомъ у начальства на примѣчаніи за неодобрительный образъ мыслей. Понимаете-съ? Я ей и го-

ворю прямо, какъ солдатъ говорить долженъ. Надо, говорю, тебѣ составить приличную партію, чтобы человѣкъ былъ положительный и служащій, а не то что какая-нибудь тамъ фантазія. А на другой день пришла ко мнѣ моя Женя и объявила рѣшеніе, какъ объявляютъ судебные приговоры:

— Поймите, папа, что мнѣ жить хочется полной, захватывающей жизнью. А вашего положительнаго человѣка мнѣ не надобно, потому что онъ будетъ ругаться за простывшія щи, по субботамъ ходить въ баню, а по воскресеньямъ требовать пирога. И такъ всю жизнь, всю жизнь. А я жить хочу, сама жить хочу и потому ухожу. Да такъ и ушла-съ. Ушла отъ самой обыкновенной жизни, ушла невѣдомо съ кѣмъ и куда. Его стали гонять по случаю усиленной охраны, чтобы не потрясались основы, и она за нимъ изъ города въ городъ таскалась. И потерялъ я ее изъ вида. Переѣхалъ сюда въ меблированную комнату. Сыро, холодно, скучно и одиноко. И все жду, все жду, что вотъ, сударь, отворится дверь и войдетъ Женя. А ее, можетъ быть, уже давно проглотила эта проклятая улица... Но вы, кажется, очень торопитесь...

Да, я дѣйствительно торопился. И, наскоро простившись съ капитаномъ, выбѣжалъ на яркую улицу. По-прежнему сіяла она своими огнями, по-прежнему куда-то суетливо и озабоченно бѣжали люди. Спѣшилъ и я по своему дѣлу, но долго еще меня преслѣдовалъ образъ отставного капитана. И мнѣ казалось, что въ сырую и холодную комнату онъ возвращался каждый день только затѣмъ, чтобы медленно умирать. Грустенъ вообще конецъ человѣческой жизни, но одиночество среди милліона людей, можетъ быть, еще грустнѣе, чѣмъ смерть.

V.

На лѣстницѣ.

Швейцаръ Иванъ Сергѣичъ Пановъ заболѣлъ неожиданно. Вечеромъ чувствовалъ онъ какую-то неловкость и тяжесть головы, а ночью ему вступило въ спину. Никакъ нельзя было разогнуться, и все лихорадило. Онъ послалъ сказать объ этомъ доктору, жившему въ томъ же домѣ, въ номерѣ двадцать восьмомъ, но докторъ, который наканунѣ былъ въ ученомъ засѣданіи, кончившемся въ ресторанѣ, пришелъ только въ одиннадцать часовъ. И тогда Ивана Сергѣича въ каретѣ скорой помощи отвезли въ больницу.

Иванъ Сергѣичъ жилъ въ каменномъ брюхѣ подъ лѣстницей. Дневной свѣтъ никогда не проникалъ въ это убѣжище, освѣщавшееся маленькой электрической лампой. Оно все было занято большой двуспальной кроватью, двумя стульями, маленькимъ зеркальцемъ да звонкомъ, трещавшимъ всю ночь. И когда звонокъ, Иванъ Сергѣичъ поднимался, натягивалъ старое осеннее платье и впускалъ безчисленныхъ жильцовъ пятиэтажнаго дома, благодарно зажимая въ рукѣ гривенники и пятиалтынные. Спать приходилось ему мало, зато на той же кровати, только поперекъ, сладко спали и Васька и Капочка, наслѣдники его рода. Супруга, Анна Іоновна, была уѣхавши въ деревню, и какъ разъ безъ нея случилось съ нимъ это несчастье. Теперь въ каменномъ брюхѣ подъ лѣстницей остались дѣти одни, и старшій дворникъ рѣшился имъ пока замѣнить отца, прибавивъ, впрочемъ, при этомъ:

— Смотрите вы, пострѣлята! Ежели кто не дозвонится и можетъ выйти претензія, я васъ отсюда живымъ манеромъ.

Дѣти этого не боялись. Они привыкли слушать сквозь сонъ звонки и теперь уговаривались, чтобы установить очередь.

— Ты, Капочка, вставай съ вечера, потому что тебѣ въ училищу утромъ итти, а я къ утру вставать буду,—сказалъ Васька.

— Ладно, ужъ, отвѣтила Капочка.—Видно, ужъ всю ночь вставать буду, а то ты проспишь, что тогда будетъ?

И, подумавъ минуту, прибавила:

— Лучше ужъ ты съ вечера. Я тебя толкать ногой буду, а ты отпирай.

— Что жъ, толкай!—отвѣтилъ усомнившійся въ своихъ способностяхъ Васька.

И жизнь понемногу наладилась. Съ ранняго утра Капочка налаживала самоваръ въ каменномъ брюхѣ и, накинувъ платокъ, бѣжала за булкой. Потомъ она наскоро, шопотомъ, какъ молитву, повторяла «Птичку Божію» и еще какіе-то стихи и уходила въ училище. Васька оставался одинъ и выходилъ бездѣйствовать на лѣстницу. Онъ садился на табуретъ, какъ это дѣлалъ Иванъ Сергѣичъ, и наблюдалъ. Новаго ничего не было, и жизнь шла въ томъ же порядкѣ, какъ прежде. Сначала выходили барышни изъ пятаго этажа, служившія въ какихъ-то конторахъ, потомъ пробѣгала на урокъ рыжая француженка изъ четвертаго, а дальше шествіе по лѣстницѣ пріобрѣтало нѣсколько случайный характеръ. Во всякомъ случаѣ послѣднимъ выходилъ важный баринъ изъ третьяго этажа, котораго ждалъ собственный эки-

пажъ, и тогда Васька почтительно распахивалъ дверь и держалъ шапку на отлетъ, совершенно такъ же, какъ это дѣлалъ Иванъ Сергѣичъ. Но это было тогда, когда Капочка уже возвращалась изъ школы. И пока она опять ставила самоваръ и чистила въ каменномъ брюхѣ селедку, Васька начиналъ ей свой докладъ о лѣстничной жизни, прерывая его только потому, что на дворѣ заманчиво ныла шарманка. А вернувшись со двора, Васька опять сидѣлъ неподвижно на табуретѣ. Приходилъ курьеръ съ пакетомъ для важнаго барина и требовалъ расписаться, что дѣлала Капочка. Почтальонъ справлялся о фамиліи жильца, которую нельзя было выговорить. А потомъ ничего не было. Было тоскливо и скучно, потому что нельзя было уйти на улицу, а знакомая дѣтвора толпилась у подъѣзда, заглядывала въ дверь, дѣлала рожи и дразнила языкомъ Ваську. Такъ тянулось до вечера. Вечеромъ опять пили чай съ булкой и ѣли колбасу, выбѣгая встрѣчать и провожать проходившихъ по лѣстницѣ и, наконецъ, все успокаивалось. Ровно въ полночь Васька заперъ подъѣздъ, потушилъ электричество, и настала жуткая тишина. Васька не раздѣваясь легъ рядомъ съ Капочкой на кровать и, потянувшись во весь ростъ теперь не поперекъ уже, а вдоль кровати, сказалъ совершенно такъ же, какъ говаривалъ Иванъ Сергѣичъ:

— Охо-хо, грѣхи наши тяжкіе! Не всякому, видно, на свѣтѣ дается легкая жисть.

И, подумавъ немного, прибавилъ:

— А ты меня все-таки ногой-то толкай, ежели что.

И немедленно, повернувшись къ стѣнѣ калачикомъ, онъ засопѣлъ, какъ сурокъ. На лѣстницѣ, гдѣ каждый звукъ пробуждалъ отвѣтные шорохи, настала жуткая, чего-то напряженно ждущая тишина.

Черезъ часъ затрещалъ первый звонокъ. Только-что начинавшая забываться Капочка слышала его сквозь первыя грезы, гдѣ онъ странно переплетался съ голосомъ строгой учительницы, и толкала Ваську ногой.

— Вставай. Слышь ты,—звонятъ. Никакъ ужъ давно.

И Васька кубаремъ скатился съ постели, вдругъ вспомнивъ свои обязанности. Это былъ важный баринъ изъ третьяго, Васька почтительно глядѣлъ на него снизу вверхъ, а баринъ топтался на одномъ мѣстѣ и бормоталъ добродушно:

— А, это ты, шельмецъ, отпираешь. И ничего, братъ, хорошаго въ театрахъ нѣтъ. Лучше бы дома. И пьесы пошли теперь какія-то... развращенныя. Ну, спасибо, иди въ свою конуру.

Васька возвратился съ двугривеннымъ и немедленно засопѣлъ. Слѣдующимъ былъ какой-то сильно подвыпившій квартирантъ, который долго, съ тяжкими вздохами взбирался по лѣстницѣ. И черезъ каждые полчаса вздрагивалъ звонокъ въ каменномъ брюхѣ, пробуждалась чуткая Капочка, а вслѣдъ за нею и Васька. Ночь казалась безконечной и страшно мучительной, смѣнявшей сладость забвенія холодомъ звонкой и жуткой лѣстницы. Къ утру сонъ прошелъ, и дѣти сидѣли на кровати, прижавшись другъ къ другу.

— Чего они шляются?—сказалъ Васька.—Я бы, ежели бы моя воля, все спалъ и спалъ.

— Эка ты. Чай, они днемъ выспятся,—замѣтила Капочка.

И опять затрещалъ рѣзкій, противный звонокъ, отъ котораго у Капочки начиналась теперь боль въ головѣ.

Когда она, накинувъ платокъ, вышла на лѣстницу, въ стеклянныя двери подъѣзда глядѣлъ разсвѣтъ мутнаго утра, противнаго отъ того, что стояла тупая боль въ головѣ и слипались глаза. Казалось, что это полумракъ виновенъ во всемъ, что это отъ него противно и больно. Вошла бѣлокурая барышня изъ пятаго этажа, нравившаяся Капочкѣ своимъ задорнымъ весельемъ. Но на этотъ разъ и она была уставшей и грустной и была не одна, а съ какимъ-то провожавшимъ ее кавалеромъ. Они остановились на первой площадкѣ, а Капочка ждала, прижавшись горячей головой къ каменному брюху, когда онъ уйдетъ, и слушала, какъ она говорила:

— Да пойми же ты, что ко мнѣ нельзя. Ты же знаешь, что я живу не одна.

— Но гдѣ же тогда мы будемъ встрѣчаться?

— Опять также. Въ кафэ, въ гостиницѣ. Иначе намъ нельзя.

Онъ прильнулъ долгимъ-долгимъ поцѣлуемъ къ ея губамъ и потомъ стремительно выбѣжалъ въ то время, какъ она устало и задумчиво поднималась по лѣстницѣ.

Капочка забыла запереть за нимъ дверь и прижалась къ брату, дрожа мелкой, лихорадочной дрожью.

— Я въ училище не пойду,—сказала она.—Господи, хоть бы маленько поспать!

Васька подумалъ и сказалъ:

— Ну что жъ, не ходи. А у барышни ейный любовникъ былъ. Я видѣлъ.

— Молчи, дуракъ. Не твое дѣло,—отвѣтила Капочка.

— Вотъ погоди малость. Выростешь — и у тебя будетъ любовникъ. Извѣстно, всѣ вы, женщины, одинакія.

Капочка не отвѣтила. Она чувствовала истому и боль во всемъ тѣлѣ и обиду въ душѣ и, повалившись на постель, закрылась съ головою одѣяломъ. А Васька вышелъ на лѣстницу. Спать ему уже не хотѣлось, и онъ сталъ глядѣть на улицу, гдѣ въ хмуромъ туманѣ лѣниво начинала шевелиться обычная жизнь. Когда это ему надоѣло, онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Охо-хо, грѣхи наши тяжкіе!

И тотчасъ же юркнулъ въ каменное брюхо, прижался къ сестрѣ и засопѣлъ, какъ сурокъ. А на улицѣ все сильнѣй и сильнѣй разгоралось сѣрое утро.

VI.

Извозчикъ.

Часто изъ окна своей комнаты я вижу этого извозчика. Старикъ, повидимому, давно уже облюбовалъ свое мѣсто и стоитъ на углу улицы. Въ хорошую и дурную погоду, подъ назойливымъ дождемъ скучнаго, сѣраго неба и въ рѣдкіе привѣтливые и теплые дни,—все равно—онъ стоитъ здѣсь, неподвижный и равнодушный... Сколько думъ дожно было родиться въ его головѣ по поводу уличной жизни, если только онъ ею интересуется. Но навѣрно къ ней онъ относится безучастно: привычка стираетъ яркость жизненныхъ впечатлѣній такъ, какъ она это дѣлаетъ для всѣхъ насъ. Станетъ ли она дѣлать исключеніе для какого-нибудь извозчика, хотя бы и самаго симпатичнаго?..

Меня, по крайней мѣрѣ, онъ всегда привлекаетъ необыкновенно добродушнымъ выраженіемъ красиваго лица и тихой, немного старческой словоохотливостью, съ которой онъ обращается къ сѣдоку въ то время, когда его лошаденка бѣжитъ усталой, мелкой рысцой и маханьемъ хвоста отвѣчаетъ на понуканье. И тогда кажется, что они оба,—и извозчикъ и лошадь,—устали. Устали безнадежно и навсегда. И еще будутъ уставать и сегодня и завтра, всегда—безъ конца, пока передъ ними обоими не встанетъ равнодушная, молчаливая и вѣчная тьма.

А пока онъ стоитъ здѣсь, на углу улицы. Изъ воротъ сосѣдняго дома выбѣгаетъ шумная толпа ребятишекъ. Это зна-

читъ, что время близится къ обѣду, и распускаютъ учениковъ городского училища. О, какой это шумный, а главное, неугомонный и удивительно любознательный народъ!.. Я вижу, какъ они окружаютъ извозчика и гудятъ, какъ растревоженный рой. На этотъ разъ ихъ вниманіе привлекаетъ лошадь, и даже не она сама, а большая, мягкая шишка на ея правой передней ногѣ.

— Дѣдушка, что это у нея за штука такая? А? Отчего это?

Старикъ равнодушно молчитъ, точно его это совсѣмъ не касается.

— Дѣдушка, кто это ей шишку набилъ? Это ты ее кнутомъ огорошилъ?

Старикъ отвѣчаетъ не сразу. Онъ добродушно разсматриваетъ шумящую кругомъ него дѣтвору и потомъ произноситъ медленно, чуть-чуть презрительнымъ тономъ, въ которомъ звучитъ сожалѣніе.

— Эхъ вы!.. Учатъ васъ тоже! Рифметика эта самая, дробами занимаетесь. А что къ чему въ жизни—безъ пониманія. Извѣстно, портится отъ натуги скотина, а вы—кнутомъ огорошилъ! Натуга въ жизни гнететъ, натуга—главное дѣло. Ну нечего, нечего, ишь расшумѣлись! Шли бы вы тихонько по домамъ, книжки бы свои читали, дробами бы занимались.

И снова молчитъ цѣлыми часами въ ожиданіи сѣдока.

Случается и мнѣ съ нимъ иногда ѣздить. И тогда, по дорогѣ въ театръ или редакцію, мы ведемъ съ нимъ неторопливо-тихую бесѣду. Собственно говоритъ только онъ, а я подаю краткія реплики. И медленно течетъ тогда его рѣчь на привычную, опредѣленную тему. И чаще всего говоритъ онъ о бѣдности, приковавшей его вмѣстѣ съ лошадью на углу улицы. Но бѣдность въ его разговорахъ, какъ это часто бываетъ со стариками, внезапно надѣваетъ на себя личину, и тогда кажется она ему временемъ. Время, безпощадное время—оно одно во всемъ виновато. Оно, унесшее бодрость и молодость, посеребрившее зачѣмъ-то порѣдѣвшую бороду, — это оно придумало нынѣшнюю всеобщую бѣдность. Развѣ такъ прежде жили? Развѣ помирали голодною смертью?

— И до чего дойдетъ народъ, я ужъ и не придумаю. Прежде жили не такъ. Въ деревнѣ жилъ я мальчонкой. Всего было—и хлѣбъ, и яйца, и молока сколько хошь. Живи, коли ужь на свѣтъ ты родился, работай да благодари Господа. Потому, главное дѣло, землица была. Земля была, а денегъ было

мало, такъ были за рѣдкость. Которыя старыя бабы и бумажекъ-то путемъ разобрать не умѣли,—которая чего стоитъ. А ноньче и молоко и яйца—все везутъ, прямо отъ голоднаго рта отнимаютъ. Я ужъ и не придумаю. Видно, къ концу свѣта дѣло пошло.

И, хлестнувъ лошаденку, онъ обернулся ко мнѣ и добродушно прибавилъ:

— Вотъ вы, спасибо, не обижаетесь. А другой который только что сядетъ: пошелъ да пошелъ! А куда ему, на пожаръ что ли? А ежели эту животину овсомъ вдоволь кормить, такъ это прокормишься. Знаете, почемъ нынче овесъ-то?

Разговоръ обрывается. Я не знаю, почемъ нынче овесъ, сочувственно поглядываю на усталую лошаденку и вижу впереди подъѣздъ своего жилища. Здѣсь, на углу, надолго замрутъ они на одномъ мѣстѣ, оба старые и уставшіе, извозчикъ и лошадь.

А въ тотъ же день, вечеромъ, я опять позвалъ съ угла дѣдушку. И на этотъ разъ я былъ не одинъ, а съ знакомой мнѣ дамой. Веселая и улыбающаяся, она была въ радостномъ настроеніи, какъ человѣкъ, исполнившій важное дѣло. У меня она, дѣйствительно дѣлала, кажется, все, что могла. Она заваривала чай и хозяйничала въ моемъ одинокомъ жилищѣ, упрекала меня въ лѣни и еще какихъ-то грѣхахъ, и, наконецъ, обиженнымъ тономъ разбранила мой послѣдній разсказъ за мрачное настроеніе (слѣдствіе лѣни) и за невѣрную обрисовку женскихъ характеровъ (слѣдствіе прочихъ грѣховъ). А пока я уныло размышлялъ о томъ, что хорошо было бы, если бы женщины описывали сами себя, она перерыла весь письменный столъ, перепутала всѣ замѣтки и принялась шпилькой разрѣзывать новую книжку. Вслѣдствіе этого я вынужденъ былъ ползать подъ столомъ и тщательно разыскивать всѣ остальныя шпильки, разлетѣвшіяся изъ ея тяжелыхъ, упавшихъ на спину косъ. Это впрочемъ дало нѣсколько иное направленіе моимъ размышленіямъ. Наконецъ, когда прическа была приведена въ порядокъ, новая книжка признана недостойной дальнѣйшаго вниманія, а я, повидимому, прощенъ за невѣрную обрисовку женскихъ характеровъ, мы рѣшили направиться въ гости.

И вотъ опять бѣжитъ усталая лошаденка и изрѣдка похлестываетъ ее усталый извозчикъ. Я поплотнѣе закутываюсь въ пальто. О, на этотъ разъ я спокоенъ: мнѣ не придется подавать репликъ. Это сдѣлаетъ моя спутница, продолжающая теперь еще дома начатый разговоръ. Я и тутъ не поспѣваю съ своими репликами, гдѣ же мнѣ еще, если вступится третій.

— Вотъ вы всегда говорили, что женщины продаются за деньги (рѣшительно не помню, чтобы я говорилъ это!) А между тѣмъ въ сущности, за незначительными и жалкими исключеніями...

— Время такое пришло. Послѣднее время,—сказалъ, обернувшись, извозчикъ.—Нонче, будемъ такъ говорить, все продается. Яйца, напримѣръ, по деревнямъ обираютъ, или вотъ опять молоко.

— Не понимаю, сказала моя спутница. — Не понимаю. О какомъ молокѣ говорите вы. Какое молоко?

— Главное дѣло — деньги. Человѣка не жалѣютъ, а за деньги все можно.

— Но мы говоримъ совсѣмъ о другомъ...

— И я все про то же. Извѣстно, продаются. Бабъ этихъ самыхъ и дѣвокъ сколько угодно.

И хлестнувъ равнодушную лошаденку, онъ обернулся и сказалъ, обращаясь къ моей спутницѣ:

— У меня вотъ, сударыня, въ третьемъ году дочь продавалась.

И это было такъ неожиданно и вмѣстѣ съ тѣмъ жутко и странно, что мы оба молчали, — я и моя спутница. Кругомъ обычнымъ гуломъ шумѣла улица, блестѣли яркія, расцвѣченныя электричествомъ вывѣски, не торопясь бѣжала усталая лошаденка и медленно разсказывалъ старикъ, просто и обстоятельно, иногда останавливаясь, словно припоминая.

— Да, это было. Недавно, въ третьемъ году. У меня тогда лошадь захворала. Не эта, а другая, она ужъ теперь околѣла. Дома сидѣлъ, ѣхать не на чемъ, такое горе меня взяло и скука. А тутъ и она прибѣжала, Машка моя. Пришла ко мнѣ прямо въ стойло и говоритъ. Что ты, говоритъ, тятя, безъ лошади-то теперь дѣлать будешь? Извѣстно, жалѣетъ меня. Ну, а я говорю: что жъ дѣлать, воля божья. Тебя-то, говорю, мнѣ жалко, ты-то какъ живешь, Машка? А она говоритъ: я ужъ давно, говоритъ, замучилась, восемь рублей зарабатываю, изголодалась совсѣмъ, а мнѣ, говоритъ, тятя, жить страсть какъ хочется. И заплакала. Ну, плачетъ она такъ-то, а я гляжу на лошадь. Смотритъ она на меня такъ жалостно, жалостно... Вотъ тоже, думаю, скотина больная, а жить хочетъ. А Машка моя и говоритъ. Замужъ, тятя, я не выду, кто меня здѣсь возьметъ, кому меня надо, а вотъ чиновникъ одинъ да и прказчикъ изъ лавки ко мнѣ пристаютъ. Одинъ сулитъ пятнадцать рублей въ мѣсяцъ давать, а другой такъ огуломъ обѣщаетъ: заплачу тебѣ, го-

воритъ, какъ слѣдуетъ, и конецъ тому дѣлу. И никто меня не жалѣетъ, никому моя душа не нужна. Говоритъ это она, а сама обняла лошадиную шею и плачетъ. Плачетъ—вотъ какъ дѣвочкой маленькой была, разливается. Что жъ, говорю, Машка, ты ужъ дѣвка большая, всякому хочется и ласки и сытости, а не то что мученья. Что жъ, говорю, коль безъ продажи нельзя. Смотри, говорю, не продешеви больно, а я тебѣ не судья. Вотъ оно какъ было дѣло, а ты, барыня, говоришь... Что жъ, коли все на деньги пошло. Яйца вонъ отъ голодныхъ ртовъ отбираютъ, опять же вотъ молоко...

Молча проѣхали мы остальной путь, и ни мнѣ, и ни моей спутницѣ не пришлось уже подавать никакихъ репликъ. Въ гостяхъ было шумно и весело, дебатировались вопросы искусства и общественной жизни, въ которыхъ какъ-то исчезали мелкіе интересы отдѣльныхъ людей. А на другой день изъ окна своей комнаты я, какъ и всегда, увидѣлъ знакомую фигуру неподвижнаго извозчика. По-прежнему равнодушно и глухо шумѣла кругомъ улица, и надъ огромнымъ городомъ мчались куда-то, словно торопясь по своему дѣлу, равнодушныя,тяжелыя тучи.

Вл. Ладыженскій.

ИНДУССКАЯ ПѢСНЯ.

I.

Я забыть эту пѣсню никакъ не могу.
А слыхалъ я ее на морскомъ берегу
Подъ наивные всплески волны;
И тоскующій голосъ меня перенесъ
Далеко-далеко отъ родной стороны,
За моря-океанъ перенесъ.

Былъ тамъ островъ; на островѣ—сказочный лѣсъ.
Ниспадали ліаны узоромъ завѣсъ,
И среди змѣевидныхъ ліанъ
Извивались удавы, дрожали цвѣты
И качались безпечно четы обезьянъ
Посреди змѣевидныхъ ліанъ.

. . . .

А по лѣсу индусская дѣвушка шла,
Что-то пѣла и пѣсней кого-то звала.
Не лѣсная-ль богиня она?
Не соперница-ль звѣздъ по глазамъ неземнымъ,
Не сестра-ли ліанъ гибкимъ станомъ своимъ?
Не лѣсная-ль богиння она?

Я все слушалъ, какъ звуки росли и цвѣли,
Свѣтлой радугой сердце мое облекли.
Не меня-ль эта пѣсня звала?
Я такъ долго блуждалъ среди змѣй и ліанъ,
Кровью я истекалъ отъ уколовъ и ранъ.
Не меня-ль эта пѣсня звала?

И не эту-ль я дѣвушку видѣлъ во снѣ
Тѣмъ яснѣй, чѣмъ труднѣе дышалося мнѣ.
Пой мнѣ пѣсню индусскую, пой.
Какъ слѣпой, мое сердце идетъ на нее.
Эта пѣсня мой свѣтъ и мое забытье.
Пой мнѣ пѣсню индусскую, пой.

II.

Домой пришелъ я поздно, поздно ночью.
Взошелъ на башню, въ комнату мою
И, только дверь открылъ, остановился:
Въ ней не было огня, но лунный свѣтъ
Стоялъ въ окнѣ распахнутомъ, какъ призракъ,
Онъ охранялъ на башнѣ тишину,
Въ которую вливались вздохи моря.

Какъ новый міръ, совсѣмъ чужой землѣ,
Сіяло море близко подъ обрывомъ—
Предвѣчная стихія, даръ Творца
Твердынѣ, обреченной на безмолвье.

Какой покой! Какое волшебство!
Неужто есть предательство, измѣна
И зло и ложь! Неужто эту скорбь
И сѣдины и раннія морщины—
Мнѣ это люди, люди принесли?
И море отозвалось:—люди—люди...
. . . .
О, Боже правый, милостивъ ми буди!

III.

Пусть за глаза язвятъ ехидно,
Пусть предаютъ—Богъ имъ судья.
Одно до боли мнѣ обидно:
Что это зло они безстыдно
Творятъ, рисуясь, какъ друзья.

А. Ѳедоровъ.

ИЗБРАНІЕ РИМСКАГО ПЕРВОСВЯЩЕННИКА.

(Конклавъ).

Вопросъ объ избраніи римскаго первосвященника почти совершенно не разработанъ въ русской литературѣ, почему намъ казалось не безполезнымъ ознакомить читателей съ постановленіями о конклавѣ, которому пришлось еще недавно рѣшать, кому надлежитъ быть преемникомъ скончавшагося Пія X.

Въ нашемъ изложеніи мы будемъ опираться, главнымъ образомъ, на конклавъ 1878 года, такъ какъ въ этомъ году, послѣ кончины Пія IX, пришлось нѣсколько измѣнить обряды, предписанные въ прежнее время; это былъ первый конклавъ, послѣ объявленія папы «узникомъ Ватикана». Тогда пришлось согласовать старые обычаи съ новыми порядками, сохраняя въ то же время престижъ Св. Престола.

Конклавъ 1903 года явился почти точнымъ повтореніемъ конклава 1878 года, и послѣдній, на которомъ избранъ нынѣшній папа Бенедиктъ XV, несмотря на тяжелое время, переживаемое теперь всею Европою, не измѣнилъ ничего въ установленномъ положеніи.

Глава 1.

Исторія конклава, его возникновеніе и историческое развитіе; папскіе выборы перваго времени.

Слово «конклавъ» имѣетъ двоякое значеніе; ранѣе оно означало то помѣщеніе, гдѣ находились кардиналы, собравшіеся для избранія новаго папы, позднѣе оно было перенесено на собраніе кардиналовъ, собиравшихся въ этомъ помѣщеніи, каковое значеніе сохраняется за нимъ и до настоящаго времени.

Въ первые вѣка христіанства избраніе римскаго епископа мало чѣмъ отличалось отъ избранія епископовъ другихъ хри-

стіанскихъ церквей. По преданію, первые преемники апостола Петра—Линъ, Анаклетъ и Климентъ (67—97 г.г.)—были помощниками святого апостола въ дѣлѣ устроенія римской церкви. Быть можетъ, они были намѣчены самимъ апостоломъ въ преемники себѣ, такъ какъ въ первые вѣка христіанства существовалъ обычай указывать себѣ преемниковъ. Такъ, напримѣръ, апостолъ Павелъ оставилъ въ Критѣ ученика своего Тита. Антіохійскій соборъ (341 г.) призналъ это нежелательнымъ и прекратилъ систему завѣщаній, указавъ, что избраніе епископа должно принадлежать синоду и собору окружныхъ епископовъ. Впослѣдствіи къ избранію епископа начали привлекаться и свѣтскія лица.

Съ теченіемъ времени различные монархи силою оружія старались возводить на папскій престолъ своихъ ставленниковъ; многіе честолюбцы пытались захватить власть въ свои руки, производя смуты. Сама церковь, поддаваясь силѣ, ждала утвержденія своихъ выборовъ отъ монарховъ, что̀, конечно, производило большой соблазнъ въ народѣ.

Въ 1059 году папа Николай II созвалъ въ Римѣ 113 епископовъ для устроенія дѣла избранія римскаго первосвященника. 13 апрѣля 1059 года появилась знаменитая булла «In nomine Dei», передававшая право избранія римскаго епископа въ руки кардиналовъ-епископовъ. Кардиналы-неепископы призывались лишь для дачи «присоединенія», а низшее духовенство—своего «согласія», хотя это обратилось въ одну лишь формальность. Въ той же буллѣ Николай II указалъ, что избраніе папы можетъ происходить и не въ Римѣ, а гдѣ кардиналами признано будетъ удобнымъ. Тутъ же указывалось, что избранный не нуждается ни въ возведеніи на престолъ, ни въ посвященіи, если обстоятельства будутъ этому препятствовать.

Въ 1073 году Гильдебрандъ, подъ вліяніемъ котораго появилась упомянутая булла Николая II, самъ былъ избранъ папою, подъ именемъ Григорія VII, и въ послѣдній разъ увѣдомилъ о семъ императора, который прислалъ ему свое утвержденіе. Послѣ этого началась ожесточенная борьба между св. престоломъ и императоромъ, завершившаяся извѣстнымъ Вормскимъ конкордатомъ, по коему выборы папы сдѣлались совершенно свободными.

Александръ III въ 1180 году обнародовалъ буллу «Licet de vitanda discordia» объ участіи въ избраніи папы всѣхъ кардиналовъ, а не только кардиналовъ-епископовъ. Далѣе, тамъ же указывалось, что избраннымъ можетъ считаться только тотъ,

кто получилъ не менѣе $^2/_3$ голосовъ всѣхъ кардиналовъ, участвующихъ въ избраніи; избранный же меньшимъ числомъ не можетъ считаться папою. Но въ этомъ постановленіи совершенно не упомянуто было объ участіи въ выборахъ нисшаго духовенства и народа. Такимъ образомъ, получила основаніе священная коллегія, состоящая только изъ кардиналовъ. Число этихъ князей церкви не было опредѣлено; въ XIII—XV вѣкахъ оно колебалось между 10—20. Позднѣе, число кардиналовъ постепенно возрастало, пока при папѣ Сикстѣ V въ 1585 году не достигло 70 человѣкъ, въ воспоминаніе 70 старѣйшинъ при Моисеѣ.

Въ 1271 году, весною, 17 кардиналовъ почти два года находились въ Витербо, не будучи въ состояніи остановиться на выборѣ преемника Клименту IV. Въ это время сильные раздоры колебали церковь; крестовый походъ не удался, грозила туча съ Востока. Наконецъ, жители Витербо потеряли терпѣніе, власти города въ лицѣ Альберта-де-Монтебоно и капитана Таммо прибѣгли къ способу принудительнаго задержанія кардиналовъ-избирателей въ помѣщеніи конклава. Конклавъ былъ окруженъ войсками подъ наблюденіемъ Савелли, откуда и идетъ привилегія представителей этого дома исполнять обязанности маршала конклава, перешедшая засимъ къ князьямъ Киджи. Число выборщиковъ къ этому времени уменьшилось, такъ какъ двое изъ кардиналовъ заболѣли, но все же и 15 человѣкъ не могли придти къ какому-нибудь рѣшенію. Тогда жители города начали разбирать крышу дома, гдѣ засѣдалъ конклавъ, и лишили кардиналовъ всякой другой пищи, кромѣ хлѣба и воды. И вотъ, черезъ 2 года, 9 мѣсяцевъ и 2 дня, 15 кардиналовъ остановили свое рѣшеніе на одномъ избранникѣ, но и то путемъ компромисса, предоставивъ 6 коллегамъ своимъ произвести избраніе. Выборъ палъ на простого архидьякона Льежа, исполнявшаго тогда миссію апостольскаго легата въ Сиріи. Это былъ Григорій X.

Вступивъ на престолъ, онъ первымъ долгомъ озаботился оградить церковь отъ подобныхъ случайностей и въ 1274 году узаконилъ насиліе, пр[illegible]вленное жителями Витербо надъ его избирателями, обнародовавъ 7 іюля буллу «Ubi periculum».

Вотъ ея главные пункты:

1) По кончинѣ папы, находящіеся въ куріи кардиналы, прежде чѣмъ приступить къ избранію новаго первосвященника, должны 10 дней ожидать прибытія иногороднихъ кардиналовъ. Засимъ они всѣ собираются во дворцѣ почившаго папы, *въ за-*

пертомъ помѣщеніи (*conclave*), имѣя каждый по одному человѣку прислуги; въ случаѣ же крайней нужды можно имѣть двухъ, все равно, свѣтскихъ или духовныхъ. Тамъ они проводятъ время въ тѣсномъ общеніи, находясь и ночью въ одной комнатѣ, безъ всякихъ перегородокъ или ширмъ. Никто не смѣетъ къ нимъ проникать извнѣ.

2) Никто не имѣетъ права приходить къ кардиналамъ, разговаривать съ ними или писать имъ, за исключеніемъ дѣлъ, касающихся выборовъ и, притомъ, не иначе, какъ съ общаго согласія. Нарушившіе это правило тѣмъ самымъ исключаются изъ числа выборщиковъ.

3) Кардиналы получаютъ пищу черезъ единственное окно, но черезъ это отверстіе никто не можетъ къ нимъ проникнуть.

4) Если избраніе не состоится въ три первыхъ дня засѣданій, то въ теченіе пяти послѣдующихъ дней кардиналы получаютъ только по одному блюду на обѣдъ и на ужинъ. По прошествіи этихъ пяти дней, вплоть до времени избранія новаго папы, кардиналы получаютъ немного хлѣба, воды и вина.

5) Въ теченіе всего времени конклава управленіе доходами Св. Престола находится въ рукахъ камерлинга.

6) Если кто-либо изъ кардиналовъ не явится на засѣданіе конклава, или выйдетъ оттуда по болѣзни или по другимъ законнымъ причинамъ, выборы состоятся безъ его участія. Тѣ же, кто захочетъ войти въ конклавъ послѣ его открытія или вернуться туда, принимаютъ участіе въ избраніи съ момента вступленія ихъ въ конклавъ.

7) Собранные въ конклавѣ кардиналы не могутъ заниматься другими дѣлами, кромѣ избранія папы, за исключеніемъ случаевъ особой важности, требующихъ немедленнаго разрѣшенія.

8) Если папа скончается внѣ города (Рима), гдѣ находится его курія (дворъ), то кардиналы должны собраться на конклавъ въ мѣстѣ его кончины, соблюдая всѣ предписанныя правила.

9) Начальникамъ, магистратамъ и прочимъ властямъ предоставляется слѣдить, чтобы все предписанное исполнялось въ точности, отнюдь не прибавляя отъ себя излишнихъ стѣсненій.

10) Напоминая о наказаніяхъ, ожидающихъ кардиналовъ, нарушившихъ это постановленіе, Григорій X проситъ ихъ избирать папу по чистой совѣсти, забывъ всякія обѣщанія и клятвы, данныя ранѣе, дабы выбрать первосвященника, достойнаго сего высокаго сана.

Постановленія Григорія X имѣли реальный результатъ, и преемникъ его Иннокентій V былъ избранъ въ одинъ день,

Адріанъ V—въ 7 дней. Однако, Іоаннъ XX поколебалъ этотъ порядокъ, и уже Николай III (1277 г.) былъ избранъ только черезъ 8 мѣсяцевъ, при чемъ жители Витербо опять прибѣгли къ способу принудительнаго, суроваго заточенія избирателей. Мартинъ IV былъ избранъ черезъ 6 мѣсяцевъ; Гонорій IV, правда, былъ избранъ быстро, но по его кончинѣ, кардиналы прервали засѣданіе конклава, подъ предлогомъ опасенія зараженія маляріей, почему св. престолъ оставался вакантнымъ 10 мѣсяцевъ и 19 дней. Послѣ кончины Николая IV, св. престолъ былъ вакантнымъ 2 года, 3 мѣсяца и 2 дня, пока, наконецъ, 12 кардиналовъ не выбрали Целестина V, простого монаха, не кардинала. Онъ скоро отрекся отъ престола, успѣвъ, однако, тремя буллами подтвердить предписанный Григоріемъ X порядокъ избранія папъ. Его преемникъ, Бонифацій VIII, избранъ былъ въ 1294 году и подтвердилъ буллы Целестина V, введя постановленія о конклавѣ въ 6-ю книгу декреталій. Съ этого времени постановленія о конклавѣ не нарушались.

Климентъ V издалъ буллу «Ne Romani», подкрѣпляющую постановленія о конклавѣ. Въ 1353 году Климентъ VI обнародовалъ буллу, въ коей предоставлялись кардиналамъ нѣкоторыя льготы въ отношеніи пищи и внутренняго устройства помѣщенія. Такъ, введены были занавѣски между кроватями, «дабы имѣть возможность болѣе спокойно отдыхать».

Въ 1378 году Григорій XI въ буллѣ «Periculis detrimentis» указалъ кардиналамъ, что, въ случаѣ его внезапной смерти, они могутъ открыть засѣданіе конклава, не дожидаясь прибытія кардиналовъ изъ Авиньона.

Съ 1417 года всѣ конклавы происходили въ Римѣ, на точномъ основаніи указанныхъ нами предписаній.

Въ XVI столѣтіи папство сдѣлалось столь большой величиной, что другіе монархи не могли отказаться отъ давленія на избирателей, для возведенія на престолъ желательныхъ имъ кандидатовъ; они прибѣгали къ разнымъ способамъ, пускали въ ходъ и подкупы, и угрозы. Это повело къ тому, что въ 1503 году Юлій II обнародовалъ буллу «Cum tam divino», въ коей онъ рѣшительнымъ образомъ возставалъ противъ подкуповъ, угрожая виновнымъ самыми строгими карами небесными. Въ 1558 году издана была булла о невмѣшательствѣ монарховъ и свѣтскихъ лицъ въ дѣло избранія папы.

Пій IV свелъ, или, вѣрнѣе сказать, пытался свести воедино всѣ обнародованныя до него постановленія о конклавѣ. Въ 1562 году онъ издалъ буллу «In eligendis», въ коей подтвер-

ждался 10-ти-дневный срокъ ожиданія кардиналовъ для открытія конклава и 9-ти-дневный для совершенія погребенія и заупокойныхъ службъ по почившемъ, опредѣлялась сумма, ассигнуемая на погребеніе (10.000 дукатовъ), опредѣлялся порядокъ выборовъ ежедневною двукратною подачею голосовъ и пр., при чемъ, между прочимъ, запрещалось кардиналамъ ниже сана діакона принимать участіе въ избраніи папы. Этимъ постановленіемъ совершенно отмѣнялось вмѣшательство свѣтскихъ лицъ въ избраніе папъ, хотя вмѣшательство это фактически имѣло мѣсто еще въ XVII столѣтіи.

Въ 1621 году Григорій XV издалъ буллу «Aeterni Patris» и въ 1622 году «Decet Romanum Pontificem», въ коей изложилъ самыя точныя подробности организаціи конклава, погребенія папъ и т. п. постановленія, соблюдающіяся и до настоящаго времени. Все это было подтверждено Урбаномъ VIII въ 1625 г.

Цѣлый рядъ послѣдующихъ, не столь значительныхъ постановленій о конклавѣ, завершился въ XVIII столѣтіи актомъ Климента XII.

Въ это время вмѣшательство иностранныхъ монарховъ въ избраніе папъ вылилось въ форму «veto», о чемъ мы будемъ имѣть случай сказать далѣе. Оно окончательно отмѣнено было только въ 1903 году, на конклавѣ, избравшемъ Пія X.

Въ XIX вѣкѣ Пій VII и Пій IX издали новыя дополненія къ постановленіямъ о конклавѣ, сообразно обстоятельствамъ времени, но мы не будемъ здѣсь приводить этихъ добавленій, такъ какъ познакомимся съ ними при описаніи самой процедуры избранія, при чемъ, повторяемъ, мы будемъ опираться на конклавъ 1878 года, первый послѣ объявленія папы узникомъ Ватикана.

Глава II.

Отъ кончины папы до открытія конклава.

Въ то время, какъ происходитъ церемонія погребенія папы, устанавливается временное управленіе церковью (а въ прежнее время и папскою областью), подъ предсѣдательствомъ кардинала-камерлинга, при старѣйшемъ кардиналѣ (деканѣ) и двухъ ассистентахъ. Это происходитъ какъ на засѣданіяхъ частнаго характера, когда собираются наличные въ Римѣ кардиналы, такъ и на пленарныхъ засѣданіяхъ всей св. коллегіи. Такъ какъ въ это время междуцарствія св. коллегія обладаетъ всею полнотою испол-

нительной власти, то всѣ постановленія, отъ нея исходящія, подписываются четырьмя кардиналами и скрѣпляются секретаремъ св. коллегіи, исполняющимъ въ это время обязанности государственнаго секретаря.

Что же представляетъ собою въ это время св. коллегія?

Во время засѣданій, по канонамъ католической церкви, св. коллегія являетъ собою всю полноту церковной власти. Всѣ члены ея равны между собою и вмѣстѣ образуютъ единое цѣлое, управляющее въ данную минуту св. престоломъ. Какъ таковая, она пользуется всѣми знаками почтенія и поклоненія, которые принадлежатъ верховному первосвященнику. Это, прежде всего, во внѣшнемъ образѣ выражается въ томъ особомъ облаченіи членовъ св. коллегіи, которое они носятъ до избранія новаго папы (длинная мантія особаго покроя); далѣе они не могутъ въ каретѣ сидѣть съ кѣмъ - нибудь (не кардиналомъ) рядомъ, а это лицо должно сидѣть противъ нихъ на скамейкѣ; когда хотя бы три кардинала находятся вмѣстѣ, то вѣрующіе становятся предъ ними на колѣни, такъ какъ считается, что въ ихъ лицѣ является образъ св. апостоловъ, св. апостолическаго престола, образъ Христа, неизмѣнно пребывающаго на каѳедрѣ св. апостола Петра, по словамъ одного отца церкви: «Живъ Господь во Петрѣ!»

Нѣкоторые изъ католическихъ богослововъ пытаются объяснить эти внѣшніе знаки отличія, оказываемые кардиналамъ во время междуцарствія, тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ среды кардиналовъ имѣетъ быть избранъ новый папа; поклоненіе воздается тому, кто, быть можетъ, завтра сдѣлается верховнымъ первосвященникомъ, коему будутъ, по праву, воздаваться эти почести. Но такое толкованіе едва ли правильно. Прежде всего примѣръ избранія Адріана VI, кардинала, на конклавѣ не присутствовавшаго, или Урбана VI, простого прелата, не бывшаго кардиналомъ,—показываетъ, что папою можетъ быть избрано и лицо, не принадлежащее къ составу св. коллегіи. Во-вторыхъ, не представляется ли такое объясненіе излишне свѣтскимъ, чтобы не сказать болѣе, такъ какъ этимъ какъ бы предупреждается моментъ избранія папы, и ему заранѣе воздается поклоненіе, какъ будто въ цѣляхъ заручиться его благоволеніемъ.

Первымъ дѣломъ св. коллегіи въ эти дни, до открытія конклава, было умиротвореніе умовъ жителей Рима и другихъ городовъ Италіи, всегда пытавшихся производить безпорядки во время междуцарствія. Приходилось иногда прибѣгать къ вооруженной силѣ, какъ напримѣръ въ 1830—1831 году, и имѣть

сложную переписку съ представителями иностранныхъ дворовъ, аккредитованныхъ при св. престолѣ.

Слѣдующей обязанностью св. коллегіи является подготовка конклава. Около десяти засѣданій посвящается вопросамъ, связаннымъ съ его организаціею, при чемъ приходится обсуждать всѣ, даже малѣйшія детали. Въ это же время св. коллегія принимаетъ пословъ и посланниковъ дружественныхъ державъ, выражающихъ чувства соболѣзнованія по случаю кончины папы. Пріемы эти отличаются особою торжественностью и производятся по особому церемоніалу.

Представителями св. коллегіи является кардиналъ-деканъ, при двухъ ассистентахъ, кардиналѣ-пресвитерѣ и кардиналѣ-діаконѣ; кромѣ того представителемъ ея является кардиналъ-камерлингъ, роль коего сводится къ распоряженіямъ по дворцу и къ представительству во время междуцарствія. Послѣ кончины папы за нимъ всегда слѣдуетъ эскортъ папской гвардіи, а въ прежнее время онъ проѣзжалъ по Риму въ парадной папской каретѣ, имѣлъ право чеканить монету со своимъ гербомъ и со знаками своего патріаршаго сана, увѣнчанными двумя папскими ключами, съ изображеніемъ словъ: «Sede vacante». Его права не шли, однако, далѣе того, что онъ являлся первымъ среди равныхъ въ св. коллегіи. Въ давнія времена камерлингъ былъ хранителемъ папскихъ сокровищъ (camera), какъ бы, казначеемъ, экономомъ; позднѣе онъ становится начальникомъ папскаго двора; на его обязанности лежитъ устройство конклава, и онъ дѣлается дѣйствительнымъ представителемъ исполнительной власти послѣ кончины папы. Исключительный характеръ его власти сказывается и въ церемоніи его назначенія. Только онъ и кардиналъ-канцлеръ посвящаются папою въ полномъ собраніи консисторіи. Объявивъ членамъ св. коллегіи о своемъ желаніи назначить камерлинга, папа произноситъ краткую молитву, въ коей назначаетъ камерлинга на всю жизнь. На слѣдующій день папа, сидя на тронѣ, окруженный всѣмъ своимъ дворомъ и должностными лицами, вручаетъ новопосвящаемому знакъ его достоинства — жезлъ, украшенный двумя золотыми яблоками, произнося слѣдующія слова: «Пріими жезлъ сей, символъ правъ твоихъ и званія твоего и буди камерлингъ святыя Римскія церкви»! Кардиналъ принимаетъ жезлъ и передаетъ его прелату, который тѣмъ самымъ становится его ближайшимъ помощникомъ, со словами: «Пріими жезлъ сей и буди вице-камерлингъ»!

Особенно важную роль пришлось играть въ 1878 году камерлингу кардиналу Печчи, послѣ кончины Пія IX. Онъ былъ

архіепископомъ Перузскимъ,, и былъ избранъ самъ папою подъ именемъ Льва XIII. Политическій горизонтъ того времени былъ такимъ угрожающимъ, что только тактъ и замѣчательный умъ кардинала Печчи предотвратили грозившія бѣды; а конклавъ 1878 года протекъ блестяще, и независимость св. престола сохранилась непоколебленною.

Всегда ли конклавы происходили въ Римѣ? Они бывали въ разныхъ мѣстахъ, смотря по тому, гдѣ умиралъ папа, но за послѣднее время конклавы бывали только въ Римѣ, хотя Пій IX указываетъ, что въ случаѣ особыхъ обстоятельствъ, конклавъ можетъ состояться и въ другомъ мѣстѣ. Устройство помѣщенія для конклава очень сложно и стоитъ дорого. Въ 1878 году на эту потребность отпущено было 57.871 фр., да на убранство Сикстинской Капеллы еще до 20.000 фр. Всего же погребеніе Пія IX и сопряженные съ симъ и съ избраніемъ Льва XIII расходы достигли суммы въ 150.000 фр., часть коихъ принята была на себя каѳедрою Св. Петра, часть — св. престоломъ. Расходы на этотъ предметъ въ прежнія времена достигали еще большей суммы; такъ, напр., избраніе Григорія XVI стоило 723.631 фр., хотя папы всегда пытались сократить траты по своему погребенію и по избранію своихъ преемниковъ.

Въ назначенный день, не раньше десятаго дня послѣ кончины папы, обыкновенно же на 12 или 13 день, происходитъ церемонія открытія конклава. Она начинается торжественнымъ богослуженіемъ и заканчивается входомъ кардиналовъ въ помѣщеніе конклава, что̀ бываетъ вечеромъ. Въ прежнее время служилась торжественная литургія въ храмѣ св. Петра; въ 1878 году она была отслужена въ капеллѣ св. Павла (Паулиновъ) кардиналомъ Шварценбергомъ, архіепископомъ Пражскимъ. За симъ всѣ собрались въ Сикстинской капеллѣ, гдѣ все уже было приготовлено для церемоніи избранія, и здѣсь выслушали рѣчь Г. Меркурелли, посвященную обзору окончившагося царствованія и важности настоящаго момента.

Эта первая торжественная литургія имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ избранія. Въ прежнее время послѣ богослуженія слѣдовала рѣчь, а затѣмъ торжественное шествіе кардиналовъ въ конклавъ; но въ 1878 году, послѣ рѣчи въ Сикстинской капеллѣ, всѣ кардиналы разъѣхались по домамъ кромѣ камерлинга, и въ 4 часа собрались вновь въ своихъ избирательныхъ келіяхъ, доставшихся каждому по жребію, брошенному наканунѣ. Послѣ сего всѣ собрались въ капеллѣ св. Павла, и при пѣніи «Veni Creator» прослѣдовали въ Сикстинскую капеллу, гдѣ выслушали всѣ постановленія

о порядкѣ избранія папы и приняли присягу предъ избраніемъ. Присяга была принесена и всѣми лицами, входившими съ кардиналами въ помѣщеніе конклава, и наружною стражею. Послѣ присяги, кардиналы, въ сопровожденіи почетной стражи, покинули Сикстинскую капеллу и прошли въ свои келіи. Келіи эти, согласно обычаю, были обиты матеріею лиловаго цвѣта для кардиналовъ, пожалованныхъ въ минувшее царствованіе, и зеленаго цвѣта для кардиналовъ, назначенныхъ раньше.

Въ 7 часовъ вечера колоколъ прозвучалъ, въ знакъ послѣдняго сигнала покинуть всѣмъ постороннимъ лицамъ помѣщеніе конклава. Когда всѣ удалились, маршалъ конклава закрылъ главную дверь на два засова снаружи (4 другихъ двери были заперты ранѣе и ключи отданы камерлингу), о чемъ протонотаріемъ составленъ былъ подлежащій актъ; камерлингъ сдѣлалъ то же изнутри, послѣ чего префектъ церемоній составилъ оффиціальный актъ о закрытіи дверей конклава, согласно ритуалу. Тогда камерлингъ, въ сопровожденіи трехъ кардиналовъ, избранныхъ на послѣднемъ пленарномъ засѣданіи, обошелъ всѣ двери и убѣдился, что все заперто и замуровано. Около 250 чел. остались запертыми въ помѣщеніи конклава. Здѣсь, кромѣ 60 кардиналовъ, находились по 2 прислужника на каждаго, а у одного, вслѣдствіе его болѣзни, даже три слуги, два духовника съ тремя монахами и двумя помощниками, секретарь съ тремя писцами, 6 церемоніймейстеровъ, 2 доктора, 4 парикмахера, столяръ, каменщикъ, слесарь, всѣ съ помощниками, стекольщикъ и паяльщикъ. Такъ какъ кухня впервые была устроена въ помѣщеніи конклава, то при ней находились 2 старшихъ повара, 4 повара и 7 поварятъ, и еще 24 человѣка разной другой прислуги для уборки помѣщеній.

За наружною стражею наблюденіе имѣлъ наслѣдственный маршалъ конклава. Когда въ 1271 году жители Витербо заперли кардиналовъ-избирателей въ ихъ импровизированной тюрьмѣ, за этимъ слѣдилъ упомянутый выше Савелли. Избранный на этомъ конклавѣ Григорій X, въ благодарность, даровалъ Савелли званіе наслѣдственнаго стража конклава, что сохранялось за старшимъ въ родѣ долгое время. Кромѣ непосредственныхъ обязанностей по конклаву, маршалъ изъ рода Савелли до 1644 года имѣлъ судебную власть надъ свѣтскими чинами папскаго двора, власть колоссальную даже и по тому времени, съ которою и самимъ папамъ приходилось бороться. Въ прежнее время, по кончинѣ папы и до избранія новаго, у дома князя-маршала выстраивалась почетная стража, во время девятидневнаго

поминовенія онъ объѣзжалъ съ оффиціальными визитами находившихся въ Римѣ кардиналовъ, переселялся на это время въ Ватиканъ, чеканилъ монету со своимъ гербомъ, выстраивалъ свой полкъ лагеремъ на площади Св. Петра и т. д. Теперь онъ присутствуетъ, въ день вступленія кардиналовъ въ конклавъ, на присягѣ въ капеллѣ Св. Павла и присягаетъ, при камерлингѣ, непосредственно за мажордомомъ; за симъ посѣщаетъ кардиналовъ въ ихъ келіяхъ и, когда кардиналъ-камерлингъ осматриваетъ внутренніе засовы, онъ смотритъ за наружными запорами и, съ момента закрытія дверей; носитъ при себѣ шелковый мѣшочекъ съ ключами отъ дверей конклава. Въ случаѣ, если какой-нибудь кардиналъ опоздаетъ, онъ встрѣчаетъ таковаго и, послѣ переговоровъ, открываетъ главную дверь, пропуская опоздавшаго въ помѣщеніе конклава. Если кто-либо изъ пословъ дружественныхъ державъ пожелаетъ переговорить со св. коллегіею, онъ проводитъ таковаго къ рѣшеткѣ главной двери; рѣшетка эта каждый день открывается утромъ однимъ изъ его офицеровъ, а вечеромъ запирается. Послѣ избранія папы, онъ вторымъ изъ лицъ, не находящихся въ помѣщеніи конклава, подходитъ подъ благословеніе новаго первосвященника. Послѣдній изъ рода Савелли умеръ въ 1712 году и былъ похороненъ въ церкви Ара-Чёли; въ ногахъ его гробницы находятся два серебряныхъ ключа — символъ его достоинства. Права Савелли переданы были папою Климентомъ XI племяннику папы Александра VII Августу Киджи, и съ тѣхъ поръ всѣ князья этого дома пользуются, по наслѣдству, правами маршала конклава въ порядкѣ первородства.

ГЛАВА III.

Засѣданія конклава.

Съ перваго же дня начинаются двукратныя въ день голосованія. Первый день, однако, имѣетъ нѣсколько особенную физіономію.

Около 8-ми час. утра три удара колокола созываютъ кардиналовъ въ капеллу «In capellam Domini»! Всѣ кардиналы обязаны присутствовать въ этотъ день на литургіи, совершаемой кардиналомъ-деканомъ, и пріобщаться Св. Таинъ. Въ прочіе дни, епископы и священники ежедневно сами совершаютъ обѣдни или у себя въ келіяхъ или у нарочито для того устроенныхъ алтарей. Кромѣ того, они должны

ежедневно присутствовать при литургіи, совершаемой каждое утро епископомъ-духовникомъ. Уже для присутствованія на первой литургіи кардиналы облачаются въ особыя одежды, которыя они носятъ только въ періодъ конклава. Это длинная мантія, безъ рукавовъ, застегивающаяся на груди и заканчивающаяся длиннымъ шлейфомъ, который обыкновенно носится на рукѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда кардиналы подходятъ къ причастію или опускаютъ въ урну свой избирательный бюллетень. По выходѣ изъ церкви, всѣ кардиналы расходятся для принятія пищи по келіямъ, послѣ чего собираются на первое голосованіе въ Сикстинскую капеллу.

Тамъ въ глубинѣ, у изображенія страшнаго суда, воздвигнутъ алтарь, за коимъ ставится образъ сошествія Св. Духа на апостоловъ. Сверхъ престола спускается шитый золотомъ балдахинъ. По сторонамъ напрестольнаго креста горятъ шесть восковыхъ свѣчей. Папскаго трона еще нѣтъ; мѣсто, гдѣ онъ обыкновенно стоитъ, сравнено со ступенями алтаря и покрыто зеленымъ сукномъ. По стѣнамъ, въ формѣ подковы, устраиваются мѣста для кардиналовъ, составляющія вмѣстѣ съ алтаремъ одно цѣлое, сплошной квадратъ. Первый кардиналъ-діаконъ занимаетъ крайнее къ престолу мѣсто на правой сторонѣ, съ лѣвой стороны у престола; противъ кардинала-діакона, находится мѣсто старѣйшаго кардинала-епископа (декана), какъ разъ около будущаго трона папы. Надъ каждымъ кардинальскимъ мѣстомъ балдахинъ, какъ знакъ участія каждаго кардинала въ дѣлѣ управленія св. престоломъ во время междуцарствія. Эти балдахины могутъ по желанію опускаться и складываться, что̀ и происходитъ послѣ объявленія имени избраннаго папы. Передъ каждымъ кресломъ имѣется маленькій столъ для письма, покрытый зеленымъ или лиловымъ сукномъ, съ вышитымъ на немъ гербомъ кардинала. Всѣ кардиналы занимаютъ мѣста по старшинству іерархическихъ степеней, а въ каждой степени по старшинству пожалованія. Среди этого четыреугольника находится еще шесть столовъ съ письменными принадлежностями; здѣсь кардиналы могутъ спокойно заполнять свои избирательныя записки, не боясь нескромныхъ взоровъ сосѣдей. Предъ самымъ престоломъ находится еще одинъ столъ для подсчета записокъ, чѣмъ завѣдуютъ три кардинала - счетчика и три кардинала - ревизора, избираемые ежедневно, предъ началомъ засѣданія. Близъ престола находится небольшой очагъ, труба коего выведена въ окно, и въ которомъ послѣ каждаго голосованія сжигаются записки. Рядомъ съ капеллою находятся два маленькихъ покоя, въ одномъ изъ коихъ заранѣе

приготовляются три бѣлыхъ сутаны, въ одну изъ которыхъ облачится новоизбранный папа (три сутаны изготовляются на три разныхъ роста).

Кардиналы входятъ въ залъ засѣданія въ сопровожденіи слугъ, которые несутъ ихъ портфели и письменныя принадлежности. По входѣ въ капеллу, епископъ-духовникъ читаетъ молитву, и оберъ-церемоніймейстеръ приглашаетъ постороннихъ удалиться. «Extra omnes»! (Всѣ изыдите!) Всѣ прислуживающіе выходятъ, и одинъ изъ кардиналовъ запираетъ двери на внутренній запоръ.

Предписанныя Григоріемъ XV правила избранія и безъ того очень сложны, а на первомъ засѣданіи все кажется еще сложнѣе, такъ какъ кардиналы не освоились еще съ процедурою заполненія и подачи записокъ; всякая же ошибка аннулируетъ данное голосованіе. Поэтому 19 февраля 1878 года, первое засѣданіе продолжалось съ 9 ч. 30 м. утра до 2-хъ ч. дня; впослѣдствіи засѣданія заканчивались къ 12 часамъ.

Ежедневно должно происходить по два засѣданія; одно утромъ, другое вечеромъ. Первое голосованіе обыкновенно не имѣетъ большого значенія; оно даетъ только общую картину настроенія собранія, хотя въ 1878 году уже въ первое голосованіе выяснилось имя избранника. Кардиналъ Печчи получилъ сразу 23 голоса; на вечернемъ же засѣданіи онъ имѣлъ уже 38 голосовъ. Въ 1903 году огромное большинство сразу собралось за кардинала Рамполлу, но послѣ хотя и отвергнутаго конклавомъ, «veto» у него быстро стало уменьшаться число приверженцевъ, и совершенно случайно папою избранъ былъ Джіузеппо Сарто, недавно почившій Пій X.

Въ перерывахъ между засѣданіями кардиналы свободны, конечно—безъ права выхода изъ помѣщеній конклава. Обыкновенно они обѣдаютъ по своимъ келіямъ, гуляютъ по корридорамъ, посѣщаютъ другъ друга, что̀ является неоффиціальными засѣданіями, гдѣ нерѣдко совершаются присоединенія къ голосамъ той или иной партіи. Если кардиналъ не желаетъ принимать никого, то на дверяхъ его келіи вывѣшиваются двѣ перекладины, въ видѣ Андреевскаго креста, въ знакъ того, что его еминенція желаетъ, чтобы его не безпокоили. Послѣ ужина, часовъ въ 9—10 вечера, раздаются три удара колокола, призывающіе всѣхъ по келіямъ (In cellam Domini!) Всѣ должны идти къ себѣ, но долго еще въ полутьмѣ слышатся разговоры слугъ о событіяхъ дня и намѣчаются кандидаты, особенно когда чувствуется приближеніе рѣшительнаго момента.

Встаютъ всѣ очень рано. Кардиналы обыкновенно совер-

шаютъ мессы въ своихъ келіяхъ, а тѣ изъ слугъ, кто имѣетъ санъ священника, совершаютъ таковыя у особо устроенныхъ для сего алтарей, которыхъ въ конклавѣ 1878 года было 15.

Никто изъ кардиналовъ не можетъ принимать пищу отъ другого, поэтому въ прежнее время каждый кардиналъ получалъ обѣды и ужины изъ дома, привозимые ему въ парадныхъ каретахъ. Это было не безинтересное зрѣлище. Кушанья помѣщались въ корзинахъ или коробкахъ изъ бѣлаго металла, покрытыхъ лиловыми или зелеными покрывалами. По выходѣ изъ кареты, кулинарная процессія слѣдовала по лѣстницамъ и заламъ Ватикана въ помѣщеніе конклава. Шествіе открывали два лакея съ зеленымъ или лиловымъ жезломъ, украшеннымъ гербомъ даннаго кардинала. Далѣе слѣдовалъ дворецкій съ салфеткой черезъ плечо, при двухъ ассистентахъ, потомъ лакеи несли въ корзинахъ кушанья и серебряные столовые приборы. Все это шествіе останавливалось у ниши, въ окно которой и передавались кушанья слугѣ кардинала въ помѣщеніи конклава; здѣсь принесенное подвергалось внимательному осмотру, чтобы не было туда положено чего-нибудь запрещеннаго, письма, и т. п. Въ 1878 году это все измѣнилось; слуга каждаго кардинала получалъ пищу изъ общей кухни, но приносилъ ее въ келію въ традиціонныхъ коробкахъ съ гербомъ кардинала.

Нельзя сказать, чтобы кардиналы не имѣли возможности сообщаться съ внѣшнимъ міромъ, но только всѣ письма проходятъ черезъ контроль прелатовъ-стражей, или секретаря конклава, а иногда и всей св. коллегіи. Газеты и печатныя изданія также получаются въ конклавѣ, и, такимъ образомъ, избиратели не лишены возможности слѣдить за ходомъ дѣлъ внѣ стѣнъ Ватикана. Интересна процедура вступленія въ конклавъ опоздавшихъ кардиналовъ. Таковой извѣщаетъ св. коллегію о своемъ желаніи вступить въ конклавъ и принять участіе въ выборахъ. Въ назначенный день и часъ онъ отправляется въ сосѣдній съ помѣщеніемъ конклава храмъ, откуда подходитъ къ подножію дворцовой лѣстницы, гдѣ его встрѣчаютъ мажордомъ и стража и проводятъ къ маршалу конклава. Здѣсь онъ ожидаетъ окончанія начавшихся выборовъ. Кардиналъ-деканъ звонкомъ увѣдомляетъ маршала конклава объ окончаніи таковыхъ, и тогда маршалъ открываетъ дверь снаружи, а изнутри ее открываетъ камерлингъ. Всѣ кардиналы встрѣчаютъ новаго коллегу и, послѣ обмѣна привѣтствіями, дверь снова запирается прежнимъ порядкомъ, а новоприбывшій отводится въ церковь для принесенія кардинальской присяги, послѣ чего деканъ отводитъ его

въ его келію, гдѣ его посѣщаютъ всѣ кардиналы, а онъ немедленно отдаетъ имъ визитъ. Съ кардиналомъ входятъ въ конклавъ и его слуги съ вещами. Этимъ открытіемъ дверей пользуются обыкновенно для доставленія въ конклавъ провизіи и для перемѣны, въ случаѣ надобности, слугъ кардинала, не могущихъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, продолжать службу при конклавѣ. Дипломаты также пользуются этимъ открытіемъ дверей для переговоровъ со своими друзьями кардиналами. Иногда, подъ предлогомъ болѣзни, нѣкоторые кардиналы умышленно медлятъ со входомъ въ конклавъ (въ 1829 г. кард. Альбани), чтобы получить инструкціи отъ своихъ свѣтскихъ владыкъ. Въ 1878 году опоздавшимъ былъ Лиссабонскій патріархъ, а архіепископъ Нью-Іоркскій прибылъ уже послѣ избранія Льва XIII.

На случай болѣзни кардиналовъ въ конклавѣ имѣются врачи, но въ случаяхъ серьезныхъ заболѣваній, въ помѣщеніе могутъ быть допущены и частный врачъ, и добавочный слуга. Это не исключаетъ для больного возможности выйти изъ помѣщенія конклава для лѣченія, а по выздоровленіи, снова туда войти и принять участіе въ выборахъ. Въ 1623 г. конклавъ, избравшій Урбана VIII, былъ особенно неблагопріятенъ въ санитарномъ отношеніи. Это было лѣтомъ, въ самыя жары; въ небольшомъ помѣщеніи находились 56 кардиналовъ, и по прошествіи 12 дней, 11 изъ нихъ заболѣло. Только трое покинули, однако, помѣщеніе конклава; всѣ остальные перенесли тягчайшую болотную лихорадку, отъ которой нѣкоторые умерли. Самъ папа, въ моментъ избранія, чувствовалъ себя настолько плохо, что пришлось отложить его коронованіе на цѣлыхъ два мѣсяца. Хотя и рѣдко, но бывали случаи, что кардиналы умирали въ помѣщеніи конклава; это было, между прочимъ, въ 1730 и въ 1740 г.г. Церемоніалъ предусматриваетъ этотъ случай и нормируетъ дѣйствія кардиналовъ-избирателей, которые провожаютъ тѣло усопшаго товарища только до дверей конклава, но въ погребальныхъ церемоніяхъ не участвуютъ. Такіе случаи, понятно, являются исключеніями; вообще же жизнь конклава протекаетъ довольно монотонно, строго нормированная мельчайшими правилами. Только ежедневныя голосованія нѣсколько разнообразятъ это времяпрепровожденіе, да увѣщанія однихъ кардиналовъ другими перейти на ихъ сторону вносятъ нѣкоторую страстность въ жизнь св. коллегіи. Въ этихъ случаяхъ происходятъ жаркіе споры и даже ведутся интриги, особенно со стороны нѣкоторыхъ кардиналовъ-представителей ревностныхъ католическихъ державъ.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о тѣхъ слугахъ, которые входятъ съ кардиналами въ конклавъ. Среди нихъ есть и свѣтскія, и духовныя лица. Они во время своего нахожденія въ конклавѣ тоже озабочены результатами избранія, имѣютъ своихъ кандидатовъ, пытаются проникнуть въ тайну голосованія и т. п. Они ежедневно присутствуютъ въ капеллѣ св. Павла при богослуженіи, но все же у нихъ остается много времени, чтобы посплетничать и устраивать, во время засѣданій въ Сикстинской капеллѣ свои засѣданія въ смежныхъ залахъ Ватикана. Здѣсь большимъ вліяніемъ пользуются мѣстные римскіе клирики, т. к. прибывшіе въ Римъ со своими господами изъ другихъ, часто отдаленныхъ областей, чувствуютъ себя растерянными и всецѣло отдаются въ руки своихъ римскихъ коллегъ. Нерѣдко клирики помогаютъ своимъ кардиналамъ разсказами о слышанномъ или подслушанномъ у другихъ клириковъ о возможныхъ кандидатурахъ. Въ 1559 году, во время конклава, избравшаго Пія IV, одинъ клирикъ говорилъ на ухо каждаго кардинала, что его престарѣлый господинъ былъ бы весьма польщенъ, если бы его имя, хотя бы одинъ разъ, стояло въ избирательномъ бюллетенѣ, и только случайно открывшаяся хитрость помѣшала этому кардиналу сдѣлаться папой, т. к. уже 17 голосовъ было за него. Это бывало и на другихъ конклавахъ. Во время каждаго конклава клирики ведутъ журналы (Diarii), дневники, являющіеся интересными памятниками, хотя ихъ нужно принимать съ осторожностью, такъ какъ авторы ихъ нерѣдко вносятъ туда значительную тенденціозность.

Необходимо теперь, въ самыхъ краткихъ чертахъ, охарактеризовать отношеніе къ конклаву другихъ государствъ. Римскій первосвященникъ, какъ и прежде, остался царствующей особой, и самъ итальянскій законъ о гарантіяхъ признаетъ это положеніе. Иностранныя державы имѣютъ при папскомъ дворѣ своихъ пословъ и резидентовъ,—даже страны не католическія. Понятно, поэтому, что въ моментъ новыхъ выборовъ, иностранныя державы зорко слѣдятъ за ихъ ходомъ, а страны католическія, особо заинтересованныя въ выборахъ, пытаются оказать на нихъ нѣкоторое давленіе. Дипломатическія сношенія, со смертью папы не прекращаются. Нѣкоторыя державы посылаютъ на это время въ Ватиканъ особыхъ полномочныхъ пословъ, желая тѣмъ самымъ подчеркнуть свое особое отношеніе къ св. престолу. Интересны письма королей Людовика XVIII и Карла X, въ коихъ они называютъ членовъ св. коллегіи

своими «дорогими и возлюбленными кузенами» и указываютъ кардиналамъ свои пожеланія въ дѣлѣ выбора папы. Императоръ австрійскій и король испанскій именуютъ членовъ св. коллегіи «Возлюбленными о Христѣ отцами, дорогими друзьями». Интересная подробность; когда въ собраніи св. коллегіи читается письмо иностраннаго государя, кардиналъ-деканъ предлагаетъ послу одѣть шляпу, но при каждомъ произнесеніи имени почившаго, или пишущаго письмо государя, всѣ кардиналы обнажаютъ головы; то же дѣлаетъ и посолъ при произнесеніи имени папы и членовъ св. коллегіи. Иногда прибѣгаютъ къ инымъ способамъ сношенія съ членами конклава. Во время конклава Пія VII резидентъ Актонъ передалъ кардиналу Руффо шифрованную депешу, а королева Каролина Неаполитанская послала ему письмо, заканчивавшееся такими словами: «Ваша Еминенція, прочтя мое письмо, отлично поймете, что опасность вынуждаетъ меня молчать. Нужно подогрѣть чувства и имѣть жаръ, чтобы понять, что я постоянно вашъ благодарный другъ». Ясно, что тутъ нужно было подержать письмо надъ огнемъ, чтобы выступило написанное химическими чернилами. Тамъ же далѣе стояло: «подержите надъ жаровней два бѣлыхъ листка, прежде чѣмъ ихъ сжечь, и вы увидите, что тамъ написано. Прощайте»!

Въ 1769 году въ конклавѣ возникъ серьезный вопросъ; это было при избраніи Климента XIV. Въ Римѣ въ то время находились императоръ германскій Іосифъ II и его братъ Леопольдъ, великій герцогъ Тосканскій. Они пожелали посѣтить конклавъ, но не у входной рѣшетки, а въ самомъ его помѣщеніи. Произошло большое затрудненіе. По установленнымъ правиламъ, разъ входъ въ помѣщеніе конклава открывается для постороннихъ лицъ, выборы считаются несостоявшимися; но какъ было поступить въ данномъ случаѣ? Св. коллегія признала, что правило это не распространяется на императора. 24 марта вечеромъ, по окончаніи второго голосованія, высокія особы вступили въ помѣщеніе конклава. Всѣ кардиналы собраны были въ царской залѣ полукругомъ. Императоръ, при входѣ, пожелалъ снять оружіе, но одинъ изъ кардиналовъ просилъ его величество, какъ «защитника церкви», не дѣлать этого. Австрійскіе кардиналы забыли, что они теперь князья церкви, и хотѣли поцѣловать руку императора, что тотъ рѣшительно отклонилъ. Императоръ посѣтилъ капеллу св. Павла, залъ засѣданій, нѣкоторыя келіи, имѣлъ разговоръ съ кардиналами, сообщилъ имъ свою точку зрѣнія на желательныя качества будущаго папы и обратилъ вниманіе на то,

что кардиналъ Ганганелли въ отличной ото всѣхъ одеждѣ. «Я сынъ св. Франциска», отвѣчалъ будущій Климентъ XIV, «и ношу одежду смиренія»! Во время конклава Пія VI тоже было посѣщеніе высокихъ особъ.

Итальянское правительство въ законѣ о гарантіяхъ заявляетъ, что никто изъ властей Италіи не можетъ проникнуть въ Ватиканъ послѣ кончины папы, или въ помѣщеніе, гдѣ засѣдаетъ конклавъ, коему обезпечивается полное спокойствіе и неприкосновенность. Оно не вмѣшивается въ то, что происходитъ на конклавѣ, и нужно сказать, что и въ 1878 и въ 1903 годахъ это проведено было вполнѣ послѣдовательно. Въ послѣдній разъ, т. е. послѣ кончины Пія X, тоже было сдѣлано правительствомъ заявленіе, что засѣданія конклава вполнѣ свободны и что итальянское правительство гарантируетъ конклаву 1914 года полную неприкосновенность.

Исторія конклавовъ за три или четыре послѣднія столѣтія показываетъ намъ различное отношеніе монарховъ къ выборамъ папы: иногда они проявляютъ особый интересъ къ этимъ выборамъ и даже вмѣшиваются различными способами въ дѣло конклава, иногда же они пребываютъ совершенно индифферентными. Въ первомъ случаѣ имъ представляется необходимымъ склонить на свою сторону возможно большее число избирателей и дѣйствовать тогда сообразно своимъ планамъ. Еще въ XIII вѣкѣ мы замѣчаемъ у разныхъ монарховъ подобную тактику. Въ XVI вѣкѣ испанскіе короли особенно широко пользуются этимъ способомъ, благодаря своей близости къ Австріи, а также потому, что большинство кардиналовъ было изъ ихъ владѣній въ Неаполѣ и Ломбардіи. Позднѣе этимъ пользовались французскіе короли. По большей части при этомъ не указывали опредѣленнаго желаннаго кандидата, а только старались, чтобы не прошли нежелаемыя лица и, такъ сказать, «отводили» ихъ отъ возможности быть избранными. Изъ этого вытекло традиціонное «veto» католическихъ державъ,—право отвода нежелаемаго кандидата. Невозможно опредѣлить, когда изъ этого неформальнаго отвода, дѣлаемаго путемъ вліянія, скорѣе путемъ ловкаго образованія группъ такимъ образомъ, чтобы не получалось требуемаго большинства для нежеланнаго кандидата,—вылилось право формальнаго и прямого veto, когда на то или другое лицо имѣлось даже большинство голосовъ.

Право это принадлежало только императору германскому, затѣмъ австрійскому и королямъ французскому и испанскому,—первому какъ наслѣднику Карла Великаго черезъ карловинговъ,

а королю испанскому какъ претенденту на часть наслѣдства Великой Имперіи. Однако, это слабое основаніе; вѣрнѣе всего признать за этимъ установившееся по обычаю право главнѣйшихъ католическихъ державъ высказывать свои пожеланія при выборахъ главы католической церкви.

Въ 1823 году право veto было использовано Австріей по отношенію кардинала Североли, кандидата нежелательнаго Австріи; Франція же, хотя и имѣла нежелательнаго кандидата, однако, не использовала этого права во время этого конклава. Въ 1830—31 г. Испанія произнесла свое veto противъ кардинала Джустиніани, личнаго врага королевы Христины и ея дочери Изабеллы, которыя добились этого veto у короля Фердинанда VII. Конклавъ, избравшій Пія IX, продолжался слишкомъ короткое время, чтобы монархи успѣли произнести свое veto. Однако, Австрія уполномочила архіепископа миланскаго выразить протестъ противъ кардинала Мастаи, епископа Имолы; но когда 21 іюня 1846 г. архіепископъ миланскій прибылъ въ Римъ, кардиналъ Мастаи уже пять дней носилъ имя Пія IX. Сильно измѣнилось положеніе при конклавѣ Льва XIII: Италія сдѣлалась державой, враждебной папству; право veto утратило отчасти свое значеніе. Въ этомъ конклавѣ, по причинѣ ли его кратковременности или же по другимъ обстоятельствамъ, но державы не заявили своего veto. Въ 1903 г., право veto было использовано Австріею по отношенію къ кардиналу Рамполлѣ. Правда, св. коллегія 1903 года признала право «veto» недѣйствительнымъ и просила кардинала Рамполлу не отказываться отъ своей кандидатуры; но какъ рѣзко измѣнился результатъ голосованія, послѣ объявленія этого veto, сколько голосовъ кардиналовъ отпало отъ своего прежняго избранника! Тѣмъ не менѣе рѣшеніемъ св. коллегіи нанесенъ былъ огромный ударъ праву «veto», и мы сомнѣваемся, чтобы въ будущемъ кто-нибудь изъ монарховъ имъ воспользовался открыто. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что съ 1903 года оффиціально право «veto» болѣе не существуетъ.

ГЛАВА IV.

Избраніе папы. Подача голосовъ.

Основнымъ правиломъ при папскихъ выборахъ является необходимость для избранія имѣть $^2/_3$ общаго числа всѣхъ поданныхъ бюллетеней. Избирателями являются только кар-

диналы; но тутъ возникаетъ вопросъ, всѣ ли кардиналы являются избирателями? Въ принципѣ это такъ, но, тѣмъ не менѣе, необходимо нѣсколько остановиться на этомъ вопросѣ. Прежде всего могутъ ли отлученные, но не лишенные званія кардиналы принимать участіе въ избраніи римскаго первосвященника? Исторія намъ показываетъ, что, во времена политической вражды, отлученные кардиналы не принимали участія въ избраніи и что къ этому средству прибѣгали иногда, чтобы удалить отъ участія въ конклавѣ нежелаемыхъ личностей, и даже устраняли ихъ на время отъ права выбирать и отъ права быть избранными (Юлій II, Левъ X, Климентъ XII, Пій VI). Далѣе, возникаетъ вопросъ, могутъ ли участвовать въ избраніи кардиналы, уже назначенные и объявленные папой, но еще не принятые торжественно въ лоно св. коллегіи? Этотъ вопросъ разрѣшается, отчасти, декретомъ Пія V отъ 26 января 1571 г. Также сомнительно, какъ слѣдуетъ поступать относительно тѣхъ кардиналовъ, коихъ назначеніе хранилось въ тайнѣ и не было обнародовано. Вслѣдствіе того, что имена ихъ не были извѣстны, и такъ какъ они не получили никакого посвященія или назначенія или знаковъ своего достоинства, то они не имѣютъ въ глазахъ св. коллегіи никакого значенія и не могутъ принимать участія въ ея дѣйствіяхъ. Сюда же нужно отнести и тѣхъ, кто сами сложили съ себя это званіе (а это есть именно званіе, а не духовная степень), или же были лишены ея. Къ послѣдней категоріи, наконецъ, нужно отнести тѣхъ кардиналовъ, кои получили уже пурпуровую одежду и числятся кардиналами діаконами, но на самомъ дѣлѣ не имѣютъ даже сана діакона. На основаніи буллы Пія IV и церемоніала Григорія XV, они могутъ присутствовать на конклавѣ, но не могутъ принимать участія въ избраніи. Однако, оказывается, и они могутъ сдѣлаться избирателями въ конклавѣ, если представятъ своимъ коллегамъ спеціальное на этотъ счетъ повелѣніе почившаго папы, предоставляющее имъ лично это право, или если примутъ посвященіе въ санъ діакона въ самомъ же помѣщеніи конклава.

Въ конклавъ всѣ должны являться «свободные духомъ и чистые совѣстью», по слову Григорія X, объявившаго, что всякаго рода соглашенія, обѣщанія, попытки склонить въ свою сторону—все это должно отпасть при входѣ въ конклавъ. Это подтвержено было и въ позднѣйшія времена относительно подкуповъ или обѣщанія всякихъ милостей и т. п. подъ угрозой признанія избранія несостоявшимся и строгихъ каръ.

Кто же можетъ быть избранъ въ папы? Всякій право-

вѣрный католикъ можетъ, по праву, занять престолъ св. Петра.

Изъ свѣтскихъ лицъ были избраны папами Константинъ II (767—768) и Іоаннъ XIX (1024—1033). Но еще въ VIII вѣкѣ Стефанъ III издалъ декретъ, въ силу котораго избраннымъ въ папы могъ быть только священникъ или діаконъ церкви Римской. И дѣйствительно, въ первые вѣка избраніе діаконовъ бывало часто, церковнослужителей и иподіаконовъ—рѣже. За послѣднія 4 столѣтія только пять папъ не имѣли епископскаго сана въ моментъ избранія: Климентъ VIII (1592), Климентъ XI (1700), Климентъ XIV (1769), Пій VI (1775), Григорій XVI (1831); такимъ образомъ это постановленіе само собой отпало. Въ X вѣкѣ было даже нѣсколько случаевъ избранія иностранныхъ епископовъ, а съ тѣхъ поръ, какъ Николай II предоставилъ привилегію избранія коллегіи кардиналовъ (1058), вплоть до Урбана VI (1378), 9 папъ было избрано изъ лицъ, не принадлежавшихъ къ св. коллегіи. Не препятствуетъ избранію въ папы ни происхожденіе, ни принадлежность къ монашескимъ орденамъ. Національность также не играетъ роли при избраніи папъ.

Существуетъ убѣжденіе, довольно распространенное, что занятіе должностей при прежнемъ папѣ препятствуетъ избранію въ папы. Однако, факты доказываютъ иное. Такъ напр., Левъ XIII былъ камерлингомъ, Левъ XII—кардиналомъ-викаріемъ.

Папа не можетъ назначить себѣ преемника; онъ можетъ только ремомендовать кардиналамъ избрать на его мѣсто то или иное лицо, но эта рекомендація—отнюдь не приказаніе, а лишь добрый совѣтъ, не связывающій свободы избранія.

Кто же выставляетъ въ конклавѣ ту или иную кандидатуру? По-итальянски лица, имѣющія шансы быть избранными, называются «Papabili» и «Papeggianti». Papabili—это тѣ кардиналы, которые выдѣляются среди общей массы своими качествами и за которыхъ въ первое же время, по открытіи конклава, подаются голоса. Они не сами выдвигаютъ свою кандидатуру, а она выдвигается или сама собою, или же другими лицами. Papeggianti называются тѣ, которые даютъ понять своимъ коллегамъ, что имъ было бы пріятно, если бы ихъ кандидатура была выставлена на выборахъ, и что они не отказались бы, если бы конклавъ призналъ нужнымъ возложить на нихъ бремя папской власти.

Существуетъ, по Панвиніусу, 18 способовъ избранія папъ, но по Мабилліону всѣ они сводятся къ шести, а съ XIII вѣка существуетъ всего три способа, окончательно установленные Григоріемъ XV.

Первые два, однако, неупотребляются болѣе, а именно: 1) посредствомъ вдохновенія, провозглашенія и преклоненія, и 2) путемъ уступокъ. Первый способъ примѣнялся въ прежніе вѣка; такъ Григорій VII, въ то время какъ онъ совершалъ заупокойную мессу по своемъ предшественникѣ Александрѣ II, былъ избранъ единодушнымъ крикомъ собравшихся духовныхъ и народа. Въ XVI вѣкѣ это бывало неоднократно, но съ 1621 года (Григорій XV) болѣе не примѣнялось. Второй способъ—путемъ уступокъ—примѣнимъ тогда, когда разногласіе въ конклавѣ превосходитъ всякую мѣру, по своей продолжительности. Въ этомъ случаѣ кардиналы единогласно избираютъ нѣсколькихъ изъ своихъ коллегъ, которые сами и избираютъ папу.

Эти два способа представляютъ собою не общее правило, а исключеніе; нормальный же порядокъ избранія—закрытое голосованіе. Голосованіе бываетъ прямое и путемъ присоединенія[1]), но оба они должны быть произведены въ одно засѣданіе. Теперь такія засѣданія происходятъ дважды въ день, и всѣ кардиналы, подъ страхомъ отлученія, должны на нихъ присутствовать и подавать свои голоса.

При этомъ требуется слѣдующее:

1) избраніе признается дѣйствительнымъ, если подано за избираемаго $^2/_3$ голосовъ общаго числа наличныхъ кардиналовъ;

2) никто не можетъ подать голосъ за самого себя, въ противномъ случаѣ его избирательный бюллетень аннулируется;

3) никто не имѣетъ права писать имя одного и того же кандидата на первомъ голосованіи и на голосованіи для присоединенія, иначе этотъ кандидатъ получитъ, такъ сказать, отъ одного лица два голоса, тогда какъ избиратели располагаютъ лишь однимъ голосомъ каждый. Въ этомъ случаѣ избирательный бюллетень аннулируется;

4) для цѣлей провѣрки, бюллетени обоихъ голосованій должны быть подписаны однимъ девизомъ, а также скрѣплены подписью избирателя;

5) голосованіе происходитъ въ абсолютной тайнѣ, и лишь въ крайнемъ случаѣ вскрывается подпись избирателя;

6) въ одномъ бюллетенѣ можетъ находиться лишь одно имя; если тамъ находятся два имени, таковой бюллетень уничтожается;

7) если число поданныхъ бюллетеней не равняется числу наличныхъ кардиналовъ-избирателей, то голосованіе считается

[1]) Въ чемъ заключается этотъ путь—объяснено ниже.

носостоявшимся, и всѣ бюллетени немедленно, въ присутствіи всѣхъ, сжигаются, и начинается новое голосованіе.

Интересна форма избирательныхъ записокъ (бюллетеней). Все направлено къ тому, чтобы тайна избранія не была нарушена. Избирательныя записки заготавливаются заранѣе церемоніальною частью. Онѣ состоятъ изъ трехъ частей. Въ нижней части избиратель пишетъ свой девизъ или нумеръ. Верхняя часть, открываемая лишь въ случаяхъ особой нужды, заключаетъ въ себѣ имя избирателя. Средняя часть, въ коей написано будетъ имя избираемаго, заключаетъ въ себѣ слѣдующую формулу: «Eligo in Summum Pontificem R. D. Meum D. Card. N N» (избираю въ Верховнаго Первосвященника Римскаго Господина моего Кардинала имя рекъ). Эта избирательная записка складывается такимъ образомъ, чтобы счетчики видѣли лишь среднюю часть съ именемъ избираемаго. Для этого нижняя и верхняя части складываются надписями внутрь и запечатываются сверху двумя печатями (всего 4 печати). Чтобы бумага не просвѣчивала и чтобы нельзя было прочесть написаннаго на верхней и нижней частяхъ, избирательная записка сзади украшается узорчатымъ рисункомъ и надписями на верхней части записки «Nomen» (имя), на нижней «Signa» (подпись), которыя, при закрытіи записки, будутъ находиться на передней сторонѣ выше и ниже имени избираемаго.

Самая подача голосовъ раздѣляется на три части, согласно предписанію Григорія XV.

Первая часть заключается въ приготовленіи записокъ, избранія жребіемъ счетчиковъ и собирателей записокъ отъ больныхъ кардиналовъ, въ заполненіи записокъ каждымъ избирателемъ и въ запечатываніи ихъ.

Вторая часть состоитъ изъ несенія записки, дачи клятвы (присяги), опусканія записки въ потиръ, смѣшиванія всѣхъ записокъ, подсчета ихъ, объявленія результата голосованія, сшиванія записокъ иглою съ шелковою ниткою и откладыванія ихъ въ сторону.

Третья часть состоитъ въ подсчетѣ записокъ, новомъ объявленіи результатовъ и сжиганіи записокъ.

Если первое голосованіе не дало результатовъ, немедленно приступаютъ къ голосованію посредствомъ присоединенія.

Перечисливъ, такимъ образомъ, всѣ три момента выборовъ, постараемся нѣсколько детальнѣе остановиться на каждомъ изъ нихъ, такъ какъ весь этотъ церемоніалъ, всѣ эти мельчайшія подробности, точно опредѣленныя папскими постановленіями,

играютъ огромную роль въ дѣлѣ избранія верховнаго первосвященника Римской церкви.

Изготовленіе избирательныхъ записокъ лежитъ на обязанности церемоніальной части. Всѣ бланки записокъ помѣщаются въ двухъ серебряныхъ ящикахъ на столѣ предъ алтаремъ.

Первымъ долгомъ, по открытіи засѣданія, избираются по жребію три счетчика и три собирателя избирательныхъ записокъ отъ больныхъ кардиналовъ, находящихся, по нездоровью, въ своихъ келіяхъ. Это производится слѣдующимъ образомъ: на поставленномъ предъ алтаремъ столѣ, въ мѣшечкѣ изъ лиловаго шелка находятся маленькія, совершенно одинаковыя, печати съ именами всѣхъ присутствующихъ въ конклавѣ кардиналовъ. Эти печати провѣряются вслухъ предъ началомъ засѣданія. За симъ младшій кардиналъ-діаконъ тщательно перемѣшиваетъ всѣ печати и вынимаетъ по очереди 6 изъ нихъ. Первыя три означаютъ счетчиковъ, вторыя три — собирателей записокъ отъ больныхъ кардиналовъ.

За симъ каждый кардиналъ-избиратель заполняетъ свой бюллетень и запечатываетъ его. Бюллетени могутъ быть заполнены и заранѣе у себя въ келіяхъ, могутъ быть заполняемы у столика передъ своими креслами, или же у стола предъ алтаремъ.

Далѣе избиратели сами несутъ свои бюллетени къ избирательной урнѣ, въ порядкѣ старшинства. Здѣсь у престола каждый преклоняетъ колѣни и совершаетъ краткую молитву. Потомъ, держа свой бюллетень надъ большимъ серебрянымъ потиромъ, служащимъ избирательною урною, каждый громко произноситъ слѣдующую формулу: «Testor Christum Dominum, qui me judicaturus est, me eligere quem secundum Deum judico eligi debere, et quod idem in accessu praestabo».

Послѣ сего каждый кладетъ свой бюллетень на дискосъ и съ него уже опускаетъ въ чашу, вновь преклоняетъ колѣни предъ престоломъ и возвращается на свое мѣсто. Въ случаѣ, если кардиналу, по нездоровью, трудно подойти самому, послѣдній по избранію счетчикъ беретъ у него, съ мѣста, его бюллетень (при чемъ кардиналъ самъ произноситъ формулу), и, на виду у всѣхъ, несетъ и опускаетъ его въ чашу. Собираніе бюллетеней у кардиналовъ, находящихся, по болѣзни, въ своихъ келіяхъ, производится такимъ образомъ. Немедленно послѣ подачи голоса деканомъ св. коллегіи, кардиналы-сборщики голосовъ у больныхъ берутъ (всѣ трое вмѣстѣ) кружку на подобіе той, въ которую опускаютъ деньги въ церквахъ),

открываютъ ее, на виду у всѣхъ, дабы убѣдиться, что она пуста, и запираютъ на замокъ, ключъ отъ коего хранится на престолѣ. Послѣ того они идутъ по келіямъ больныхъ кардиналовъ, кои громко произносятъ формулы и сами опускаютъ свой бюллетень въ кружку. Въ случаѣ, если кардиналъ настолько боленъ, что самъ не можетъ заполнить бюллетеня, это за него, и по его избранію, дѣлаетъ другое лицо, дающее клятву строго охранять ввѣренную ему тайну, подъ страхомъ отлученія. По возвращеніи этихъ кардиналовъ-сборщиковъ бюллетеней въ залъ засѣданія, счетчики принимаютъ кружку, ставятъ ее на престолъ, открываютъ ее, считаютъ количество бюллетеней и за симъ, по одному, опускаютъ ихъ съ дискоса въ чашу. Когда всѣ бюллетени находятся въ чашѣ, старшій счетчикъ смѣшиваетъ ихъ, послѣ чего младшій счетчикъ считаетъ ихъ одинъ за однимъ, перекладывая ихъ въ другую, пустую чашу. Если число бюллетеней не сходится съ числомъ избирателей, ихъ немедленно тутъ же сжигаютъ и производится новое голосованіе. Если же число записокъ совпадаетъ съ числомъ избирателей, три счетчика спускаются со ступеней алтаря, при чемъ чашу съ бюллетенями несетъ старшій, и садятся за столъ передъ алтаремъ на виду у всѣхъ присутствующихъ. Начинается подсчетъ голосовъ.

Первый счетчикъ вынимаетъ бюллетень изъ чаши, открываетъ его, не нарушая печатей, и читаетъ имя избираемаго, написанное въ средней части бюллетеня; затѣмъ онъ передаетъ его второму счетчику, который тоже читаетъ его и отдаетъ третьему, который громко произноситъ написанное въ бюллетенѣ имя. Избиратели на особыхъ листкахъ отмѣчаютъ имя избраннаго. Тотъ же обрядъ происходитъ при чтеніи каждаго бюллетеня. Когда прочтены всѣ бюллетени, читаются отдѣльно имена всѣхъ кардиналовъ, съ указаніемъ, сколько каждый получилъ голосовъ, послѣ чего младшій счетчикъ нанизываетъ ихъ на шелковый шнуръ, протыкая каждый толстою иглою на мѣстѣ слова «eligo». Затѣмъ связка кладется на столъ. Если первый разъ кто-либо изъ кардиналовъ получилъ достаточное число голосовъ, то, по жребію, избираются три кардинала-ревизора, которые и провѣряютъ работу счетчиковъ и сжигаютъ всѣ бюллетени; если же нѣтъ достаточнаго числа голосовъ у отдѣльнаго лица, то немедленно производится новое голосованіе, такъ называемое «присоединеніе». При этомъ голосованіи происходитъ то же самое, только избиратели не произносятъ формулы и въ средней части бюллетеня значится: «Accedo R. D. Meo D. Card N. N»... За того же кандидата, при этомъ голосованіи, подавать голоса

нельзя, можно лишь отказаться отъ своего кандидата и увеличить своимъ голосомъ число голосовъ другого кандидата, если, напримѣръ, у этого было довольно много голосовъ при первомъ голосованіи. Нельзя при этомъ голосованіи подать голосъ за такого кандидата, за коего не было подано ни одного голоса на первомъ голосованіи. Если же не угодно отказаться отъ своего перваго кандидата, то подается пустой бюллетень, на коемъ вмѣсто имени кандидата пишется: «nemini». При подсчетѣ поданныхъ при этомъ голосованіи именъ вскрывается нижняя часть бюллетеня и девизы сравниваются съ таковыми же девизами перваго голосованія, а въ сомнительныхъ случаяхъ вскрывается даже и верхняя часть бюллетеня съ фамиліею избирателя, особенно въ томъ случаѣ, если число вполнѣ математически совпадаетъ съ $^2/_3$ всего числа присутствующихъ; это дѣлается для того, чтобы удостовѣриться, что избранный не избралъ самъ себя. Когда на вопросъ онъ сообщитъ свой девизъ и монограмму или нумеръ и когда, по провѣркѣ, окажется, что онъ самъ въ своемъ избраніи не участвовалъ, онъ признается избраннымъ, на точномъ основаніи каноновъ, папою. Послѣ этого избранные ревизоры еще разъ провѣряютъ работу счетчиковъ и окончательно объявляютъ о результатѣ голосованія.

По окончаніи голосованія всѣ записки сжигаются въ нарочито для сего устроенной въ той же залѣ печи, рукавъ трубы которой выходитъ чрезъ окно на улицу. Если избраніе не состоялось, то къ бюллетенямъ прибавляютъ немного сырой соломы, чтобы въ трубѣ наружу появился знаменитый дымокъ «sfumata», за которымъ жадно слѣдятъ жители Рима. Если изъ трубы появился дымъ, народъ понимаетъ, что выборы были безрезультатны, отчего существуетъ поговорка: «Папа улетѣлъ въ дымѣ»; если же изъ трубы взвилось пламя, то населеніе Рима понимаетъ, что папа избранъ, и ожидаетъ массами у Ватиканскаго дворца торжественнаго о семъ объявленія.

ГЛАВА V.

Отъ избранія папы до его коронованія.

Послѣ объявленія результатовъ голосованія, младшій кардиналъ-діаконъ ударяетъ въ звонокъ, и въ капеллу входитъ секретарь конклава въ сопровожденіи церемоніймейстеровъ.

Деканъ св. коллегіи въ сопровожденіи вошедшихъ приближается къ избранному, который или находится на своемъ мѣстѣ, или совершаетъ моленіе у подножія алтаря. Деканъ вопрошаетъ новоизбраннаго: «Acceptas ne electionem de te canonice factam in Summum Pontificem?» (Пріемлешь ли, по канонамъ Римской церкви совершенное, избраніе Твое въ Верховнаго Первосвященника)? Новоизбранный отвѣчаетъ согласіемъ, произнося таковое безъ особой какой-нибудь формулы. Бывали случаи, когда избранные отказывались отъ этого высокаго избранія, и не малыхъ трудовъ стоило склонить ихъ принять тіару. Пій V (1566), Климентъ X (1670), Иннокентій XI (1676), Климентъ XI (1700) и Бенедиктъ XIII тщетно пытались отклонить отъ себя бремя папства.

Отвѣтъ избраннаго возвѣщается конклаву оберъ-церемоній-мейстеромъ. Немедленно два кардинала, по правую и по лѣвую сторону избраннаго, почтительно поднимаются со своихъ креселъ и покидаютъ ихъ, въ знакъ уваженія къ избранному. Всѣ балдахины надъ мѣстами кардиналовъ немедленно опускаются, т. к. окончилось временное владычество ихъ, и вся полнота власти сосредоточена теперь въ лицѣ новаго избранника. Деканъ вопрошаетъ папу, какое имя угодно будетъ ему принять; объ отвѣтѣ вновь возвѣщается конклаву.

Обычай принимать новое имя при вступленіи на папскій престолъ ведетъ свое начало съ 956 года, когда это сдѣлалъ впервые Іоаннъ XII. Въ 1009 году Сергій IV измѣнилъ свое крестное имя Петра изъ уваженія къ памяти апостола. Съ тѣхъ поръ только два папы, а именно Адріанъ VI (1522) и Маркеллъ II (1555) сохранили при избраніи свои имена. Обычно папы принимаютъ имена тѣхъ святыхъ, коихъ они особенно чтятъ, или тѣхъ папъ, кои имъ покровительствовали, или же тѣхъ святыхъ, память коихъ чтится въ ихъ епархіяхъ. Начиная съ Урбана IV (1261), папы начали присоединять къ своему имени еще и порядковый нумеръ. Послѣ объявленія имени вновь избраннаго оберъ-церемонійместеръ, имѣющій званіе Апостольскаго протонотарія, составляетъ актъ объ избраніи и о принятіи избранія; въ это время два старшихъ кардинала-діакона, въ сопровожденіи секретаря и капеллана, проводятъ избраннаго къ алтарю, гдѣ онъ совершаетъ краткую молитву, а за симъ уводятъ его въ маленькій смежный съ капеллою покой, гдѣ съ него снимаются кардинальскія одежды. Прислуга избраннаго папы надѣваетъ на него бѣлые чулки и красныя туфли, церемонійместеры облачаютъ его въ бѣлую сутану, одну изъ трехъ, приготовленныхъ заранѣе, бѣлый поясъ,

бѣлую шапочку, кружевной подризникъ, красную шелковую или бархатную пелерину. Старшій кардиналъ-діаконъ подаетъ ему красную, шитую золотомъ епитрахиль, и въ такомъ облаченіи новоизбранный шествуетъ въ Сикстинскую капеллу. Тамъ на лѣвой сторонѣ престола, у евангелія воздвигнутъ тронъ, обращенный спинкою къ престолу; на него и садится папа. Здѣсь совершается первое поклоненіе кардиналовъ. Одѣтые еще въ свои избирательныя одежды, они подходятъ одинъ за другимъ, по старшинству, начиная со старшины конклава, къ новому папѣ, преклоняютъ предъ нимъ колѣни, цѣлуютъ руку и получаютъ отъ него первое лобзаніе мира. Здѣсь же папа назначаетъ камерлинга, или утверждаетъ въ этой должности прежнее лицо, послѣ чего камерлингъ надѣваетъ на палецъ папы «кольцо Рыбака», какъ символъ возстановленной папской юрисдикціи. Папа немедленно возвращаетъ ему это кольцо, чтобы выгравировать на немъ свое имя.

Далѣе, слѣдуетъ торжественное объявленіе народу о совершившемся избраніи. Если избраніе состоялось утромъ, то это производится въ тотъ же день, если же избраніе происходило вечеромъ, то на слѣдующій день. Послѣ того, какъ открытъ главный выходъ изъ конклава, старшій кардиналъ-діаконъ, въ предпесеніи папскаго креста, въ сопровожденіи свиты, появляется на балконѣ собора Св. Петра и объявляетъ народу слѣдующую формулу: «Annuntio vobis gaudium magnum: habemus Pontificem Eminentissimum Cardinalem N.N, qui sibi nomen imposuit NN». «Благовѣствую вамъ великую радость: вновь имѣемъ Первосвященника, Его Эминенцію Кардинала (имя рекъ), принявшаго имя такое-то!» Записка, по коей произносится формула, бросается народу. Въ прежнее время послѣ этого начинался салютъ съ башни Св. Ангела, военные оркестры играли марши, колокола всѣхъ церквей Рима радостно трезвонили, и народъ предавался ликованію. Теперь все это отошло въ область прошлаго. Лишь колокола Рима остались вѣрными своему владыкѣ! Объявивъ объ избраніи папы, герольдъ возвращается въ капеллу, гдѣ камерлингъ передаетъ папѣ ключи отъ внутреннихъ апартаментовъ, но папа не сразу переходитъ во внутренніе покои, а еще нѣкоторое время остается въ своей келіи.

Далѣе слѣдуетъ первое благословеніе новымъ папою города Рима и вселенной (urbi et orbi). Въ прежнее время папа давалъ это благословеніе съ внѣшняго балкона собора Св. Петра, но въ 1878 году это признано было неудобнымъ, и Левъ XIII и Пій X преподали это благословеніе съ внутренняго балкона

собора, наполненнаго огромною толпою народа. Послѣ того слѣдуютъ два поклоненія кардиналовъ новому папѣ, первое—въ Сикстинской капеллѣ, въ знакъ принятія власти надъ Ватиканомъ, второе—въ соборѣ Св. Петра на алтарѣ надъ гробницей св. апостола, въ знакъ преемственности власти, со словами: «Живъ Петръ въ преемникахъ своихъ»! Во время поклоненія въ капеллѣ, папа облачается во всѣ священническія одежды и садится на престолъ; кардиналы же, по очереди, цѣлуютъ ему руку и ногу. Сюда же прежде являлся губернаторъ Рима, отдававшій папѣ свой жезлъ, символъ его власти, который папа ему тутъ же возвращалъ, въ знакъ утвержденія его въ этой должности; сюда же являются завѣдывающій конклавомъ маршалъ конклава, а также высшіе чины управленія и члены знатнѣйшихъ римскихъ фамилій.

Затѣмъ слѣдуетъ поклоненіе въ соборѣ Св. Петра. Торжественно, въ преднесеніи креста, процессія двигается черезъ Королевскій залъ, по Константиновой лѣстницѣ, съ пѣніемъ «Ecce Sacerdos Magnus» (се Великій Первосвященникъ!). Папу несутъ на высокомъ тронѣ (Sedia gestatoria), осѣняя его рипидами изъ перьевъ (flabelli). У главнаго входа въ соборъ происходитъ торжественная встрѣча «со славою» и при пѣніи «Tu es Petrus» (ты еси Петръ) процессія проходитъ къ придѣлу Св. Евхаристіи, гдѣ папа произноситъ тайную молитву, а затѣмъ шествіе направляется къ престолу Св. Исповѣданія (надъ гробницей апостола, на алтарѣ котораго никто, кромѣ папы, не можетъ совершать литургіи). Совершивъ здѣсь у аналоя предъ престоломъ краткую молитву, папа садится на престолъ и принимаетъ третье поклоненіе кардиналовъ, получающихъ отъ него лобзаніе мира. Старшій кардиналъ начинаетъ пѣніе «Тебе, Бога, хвалимъ!», послѣ этого читается «Отче нашъ!», прокименъ и особая молитва на избраніе папы. По окончаніи церемоніи, папа сходитъ съ престола, и кардиналъ-діаконъ снимаетъ съ него митру, послѣ чего папа, преподавъ благословеніе всѣмъ присутствующимъ, садится на тронъ, и процессія слѣдуетъ къ придѣлу «Положенія во гробъ», гдѣ папа разоблачается. Здѣсь камерлингъ отъ имени св. коллегіи приноситъ папѣ поздравленія и пожеланія долгаго царствованія, послѣ чего папа удаляется во внутренніе покои. Кардиналъ-викарій Рима отдаетъ распоряженіе о совершеніи по всѣмъ церквамъ благодарственныхъ молебновъ, о часовомъ трезвонѣ во всѣхъ церквахъ и о произнесеніи на литургіи въ теченіе трехъ дней особой молитвы по случаю избранія папы.

Въ 1878 году все это пришлось нѣсколько измѣнить, такъ какъ папа былъ уже узникомъ Ватикана, но Левъ XIII съ честью вышелъ изъ затруднительнаго положенія. Онъ принялъ привѣтствія князя Киджи, маршала конклава, офицеровъ и наружной стражи при входѣ въ Королевскій Залъ, второе поклоненіе совершено было въ Сикстинской капеллѣ, послѣ чего папа принялъ княгиню Киджи и сенатора Кавалетти, какъ представителей древней римской аристократіи. Третье поклоненіе совершено было на слѣдующій день въ Сикстинской капеллѣ; около полудня папа принялъ въ аудіенціи, въ залѣ графини Матильды, пословъ дружественныхъ державъ, а и. об. госуд. секретаря увѣдомилъ объ избраніи прочихъ монарховъ; самъ папа написалъ собственноручно письмо императору Германскому, королю Прусскому, чѣмъ и возстановилъ прервавшіяся сношенія съ Германіей. Итальянскому правительству извѣщенія послано не было.

Итакъ, папа избранъ, это избраніе всенародно возвѣщено, онъ принялъ власть надъ Ватиканомъ и соборомъ Св. Петра, объ его избраніи сообщено державамъ; остается лишь посвятить папу въ санъ епископа, если онъ еще таковаго не имѣетъ, и совершить торжественное коронованіе.

Нужно обратить особое вниманіе на слѣдующее. По основному положенію Римской церкви, съ того момента, какъ избраніе конклава принято папою, онъ, тѣмъ самымъ, признается въ своемъ верховномъ достоинствѣ. Съ этого мгновенія онъ становится высшимъ пастыремъ вѣрныхъ. Будь онъ только священникомъ, діакономъ, церковно-служителемъ или даже просто свѣтскимъ человѣкомъ, съ момента избранія онъ получаетъ власть управленія вселенскою церковью. Но, будучи главою церкви, онъ долженъ быть посвященъ во епископа (если онъ ранѣе того не былъ посвященъ въ этотъ санъ), долженъ обладать всею полнотою власти священнослужителя. Немедленно послѣ избранія, папа получаетъ власть издавать законы, управлять церковью, назначать или низлагать епископовъ, но онъ не имѣетъ власти посвящать другихъ и совершать Св. Тайны, пока онъ не получитъ епископской власти черезъ хиротонію, совершаемую однимъ изъ подчиненныхъ ему епископовъ. Будучи папою-епископомъ, онъ не получаетъ особой власти, отличной отъ другихъ епископовъ, такъ какъ епископская власть есть высшая изъ священныхъ степеней. Въ прежнія времена избраніе епископа на папскій престолъ было рѣдкостью, рѣдко избирались въ папы и священники, а по большой части избирались діаконы. Избранія иподіаконовъ бывали очень рѣдки, изъ свѣтскихъ особъ намъ извѣстны всего

два избранія. Послѣ предоставленія Николаемъ II-мъ права избранія папы коллегіи кардиналовъ (1058 г.), за немногими исключеніями, папы избирались изъ числа кардиналовъ; за послѣднія 4 столѣтія всего пять папъ при избраніи не имѣли епископскаго сана.

Въ прежнія времена посвященіе совершалось съ бо́льшей торжественностью, чѣмъ обыкновенныя посвященія епископовъ, кромѣ того, для посвящаемаго папы дѣлалось отступленіе отъ каноническихъ правилъ въ томъ смыслѣ, что онъ могъ пройти всѣ священныя степени въ одинъ день.

Остается еще послѣдній актъ, а именно коронованіе избраннаго папы. Коронованіе не сообщаетъ папѣ какой-нибудь особой власти; иногда оно происходитъ въ одинъ день съ посвященіемъ во епископы. Коронованіе началось со времени Карла Великаго. Есть указаніе въ 795 году на коронованіе Льва III. Въ 858 г. совершено было коронованіе Николая I-го; съ Григорія VII коронованіе имѣло всегда мѣсто въ соборѣ Св. Петра.

Непремѣнною принадлежностью коронованія служитъ трехвѣнечная тіара. Она служитъ воспоминаніемъ головного убора первосвященника ветхаго завѣта и символомъ свободы древняго Рима, данной Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру въ знакъ свободы, дарованной церкви Христовой. Митра и тіара являются головными уборами епископовъ Восточной церкви, и оттуда уже онѣ перешли къ церкви Западной. Первоначально тіара имѣла одинъ вѣнецъ, который, подъ вліяніемъ ученія о двойной власти папъ, превратился сперва въ двухвѣнечную, а за симъ и въ трехвѣнечную тіару, символъ царской (свѣтской) власти папъ.

А. Рубецъ.

ВЪ ДЕКАБРѢ.

Декабрьскій снѣгъ и сухъ и звонокъ,
Застыла ночь въ морозной мглѣ.
Ты въ эту полночь—какъ звѣренокъ
На древней сумрачной землѣ.
    Бѣжишь къ кострамъ на перекрестки,
    Играешь съ дымомъ и огнемъ,
    И, отряхая съ муфты блестки,
    Холоднымъ машешь рукавомъ.
И вьются огненныя змѣи,
И жалятъ воздухъ и шипятъ,
А ты смѣешься, розовѣя
И приковавъ къ нимъ жадный взглядъ.
    И падаютъ легко и жарко
    Фонтаны искръ на снѣжный прахъ...
    Но дальше, милая дикарка,—
    Сегодня городъ—весь въ кострахъ!
Въ морозномъ мракѣ цѣпенѣя,
Земля печальнѣй и древнѣе,
Но звѣзды жгучи и остры,
И взоръ твой радостный хмѣльнѣе,
Чѣмъ эти буйные костры.

Г. Вяткинъ.

МОСКОВСКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

Театръ! Театръ! Любите ли его вы, какъ его люблю я? Картонныя деревья, бумажная луна — вы для меня дороже настоящихъ!..

Бѣлинскій.

I.

Внутренній расколъ, нароставшій въ послѣдніе годы въ нѣдрахъ Московскаго Художественнаго театра и такъ рѣзко обозначившійся въ послѣднее время, конечно, не можетъ носить того случайнаго личнаго характера, какой придаютъ ему авторы газетныхъ замѣтокъ, оповѣщающіе о немъ общество. Смыслъ этого раскола, гораздо болѣе глубокій, сокровенный и идейный, опредѣляетъ собою, на нашъ взглядъ, извѣстные эстетическіе этапы въ развитіи театра, борьбу различныхъ принциповъ въ его искусствѣ, банкротство однихъ теченій въ немъ—и побѣду другихъ, во всякомъ случаѣ нѣчто новое, драгоцѣнное и поучительное, что вынесено театромъ изъ его 15-лѣтняго опыта, — поучительное не только для спеціальныхъ театральныхъ круговъ, но еще больше, можетъ быть, для широкихъ слоѐвъ публики, какъ извѣстно, всегда близко интересовавшейся театромъ, но мало еще, въ особенности у насъ въ Россіи, разбирающейся въ теоретическихъ вопросахъ театральнаго искусства, какъ, впрочемъ, и вообще въ вопросахъ эстетики. Съ этой точки зрѣнія подведеніе итоговъ дѣятельности Московскаго Художественнаго театра должно представлять извѣстный интересъ, какъ попытка иллюстраціи нѣкоторыхъ общихъ положеній театральной эстетики ярко-показательными примѣрами изъ всѣмъ намъ знакомой жизни Московскаго театра.

Кривая развитія Московскаго театра знаетъ значительные уклоны отъ прямой восходящей; его пути и перепутья скрещивались, сплетались и расходились въ разныя стороны. Строгой

выдержанности, постоянства и опредѣленности въ своемъ движеніи, всего, что̀ характеризуетъ устойчивое зрѣлое міросозерцаніе, у него какъ будто и нѣтъ. Но такъ можетъ показаться лишь на первый взглядъ. Московскій театръ несомнѣнно зналъ въ своей 15-лѣтней жизни мучительныя сомнѣнія, разочарованія, блужданія по смутнымъ тропамъ. Онъ и сейчасъ стоитъ, какъ мы дальше увидимъ, на распутьи передъ критическимъ вопросомъ своего дальнѣйшаго существованія. Можетъ дѣйствительно показаться, будто онъ не имѣетъ одного своего лица, какъ другіе театры: онъ былъ (и пребываетъ до сихъ поръ) отчасти театромъ быта, не только по характеру пьесъ, которыя ставитъ у себя (Островскаго, Гоголя, Грибоѣдова, Толстого Ал., Л. Н., Мольера и др.), но и по сценической интерпретаціи ихъ. Съ другой стороны, онъ театръ импрессіонистскій, главная задача котораго не созданіе внѣшней бытовой обстановки эпохи, общества, класса, а выявленіе психологической правды внутреннихъ переживаній, идей и настроеній. Это — театръ Чехова, гдѣ «настроеніе» создается средствами реализма, но одновременно это и театръ стилизованныхъ, условныхъ и вообще т. н. символическихъ постановокъ (Метерлинкъ, Гамсунъ «Драма жизни», Андреевъ «Жизнь человѣка»). Въ такихъ постановкахъ театра, какъ постановка «Гамлета», происходитъ смѣшеніе различныхъ принциповъ: здѣсь есть точное воспроизведеніе быта (сцена представленія актеровъ, похоронная процессія), но здѣсь есть и схематизація, сведеніе сложнаго внѣшняго, бытового и обстановочнаго, къ немногимъ простымъ условнымъ линіямъ, на фонѣ которыхъ разыгрывается трагедія душъ (кладбище—четырехугольная яма на гладкомъ полу; комната Офеліи—безъ всякой мебели, изъ ряда прямоугольниковъ; высокія позолоченныя стѣны совершенно пустого дворцоваго зала).

Это разнообразіе характера и стилей постановокъ, какъ будто говорящее объ отсутствіи одной опредѣленной эстетической симпатіи театра, которая заранѣе позволила бы предугадать характеръ каждой его новой постановки, эти постоянныя неожиданности, шатанія и колебанія объединены однако общей «идеей», общимъ методомъ сценическихъ осуществленій, который проявляется въ большей или меньшей чистотѣ своей во всѣхъ постановкахъ театра. Это—методъ натуралистическій. Натурализмъ — вотъ основная природа Московскаго театра, его постоянное, скрытое или явное, лицо, его міросозерцаніе, какъ живого, цѣлостнаго организма. Какъ театръ быта, онъ отчасти

лишь реалистическій, а главнымъ, подавляющимъ образомъ—театръ натуралистическій. Но и въ постановкахъ импрессіонистскихъ, условныхъ, «модернистскихъ» онъ неизмѣнно осуществляетъ свой основной принципъ, часто въ разрѣзъ съ общей тенденціей и стилемъ постановки. Показать это, показать, что Московскій театръ въ главныхъ проявленіяхъ своей жизни осуществлялъ по преимуществу требованія натурализма, примѣняя ихъ ко всѣмъ статическимъ и динамическимъ силамъ театра (режиссеру, драматургу и актеру)—одна изъ задачъ настоящей статьи.

II.

Подчиненіе второстепеннаго главному во имя цѣлаго, общіе принципы согласованности и пропорціональности частей, обусловливающіе гармоническую цѣльность художественнаго произведенія, въ театральномъ искусствѣ выражаются въ томъ, что вся декоративная и вообще обстановочная часть спектакля являются лишь фономъ для игры артистовъ, рамой для картины, которая создается актеромъ съ помощью его собственныхъ средствъ. По чистому смыслу театральнаго представленія, вся обстановочная часть спектакля должна быть сведена къ необходимому minimum'у, къ тому же, къ чему сводится вообще ремарка въ драмѣ: къ обозначенію при помощи чисто-внѣшнихъ указаній времени, мѣста и обстановки дѣйствія. Но какъ въ современной натуралистической драмѣ авторскія ремарки часто занимаютъ цѣлыя страницы, заслоняя собою самый текстъ пьесы, такъ и воплощеніе ремарки на сценѣ натуралистическаго театра непомѣрно расширило внѣшнюю сторону спектакля, придавъ ей несвойственное значеніе главнаго или одного изъ самыхъ главныхъ элементовъ постановки.

Основное стремленіе этого театра—возможно полнѣе, съ фотографической точностью, съ помощью чисто-внѣшнихъ подробностей, а не пріемами творчества воспроизвести на сценѣ реальную жизнь—влечетъ за собою извѣстную перегруппировку обычныхъ театральныхъ силъ и отношеній, естественно выдвигая на первое мѣсто изъ этихъ силъ режиссера. Режиссеръ—главный двигатель и вдохновитель натуралистическаго театра, — т. н. «театра-треугольника», въ которомъ,—если попытаться графически изобразить его сущность,—углы при основаніи образуются актеромъ и драматургомъ, а вершина, непосредственно соприкасающаяся съ зрителемъ,—режиссеромъ.

Такой опредѣленной группировки своихъ силъ именно держался возникшій въ Германіи въ эпоху расцвѣта натурализма Мейнингенскій театръ. Принципы послѣдняго, какъ извѣстно, легли въ основу дѣятельности нашего Художественнаго театра. Гастроли мейнингенцевъ въ Москвѣ, по собственному признанію Станиславскаго, мечтавшаго въ то время о своемъ театрѣ, произвели на него громадное впечатлѣніе. Станиславскаго у мейнингенцевъ «поразила — по его словамъ—дисциплина не внѣшняя, но внутренняя», «дисциплина, которая, по-моему, *душа* театра [1])», прибавляетъ къ своему признанію талантливый вдохновитель Московскаго театра, очевидно, подразумѣвая подъ этимъ подчиненіе всѣхъ силъ театра режиссерскому началу, объединяющему ихъ въ ансамблѣ, какъ дирижерская палочка — оркестръ.

Но вѣдь ансамбль творческихъ актерскихъ силъ, ансамбль крупныхъ и среднихъ индивидуальностей зналъ и старый реалистическій театръ (Московскій Малый, Александринскій, Кіевскій Соловцовскій). Дѣло здѣсь, по существу, очевидно, въ другомъ. Рѣчь здѣсь идетъ не просто объ ансамблѣ исполнителей. Для мейнингенскаго театра характерно иное; именно въ немъ неминуемо должна была произойти замѣна или подмѣнъ ансамбля, создаваемаго творчествомъ актеровъ, другимъ, внѣшнимъ ансамблемъ, достигаемыхъ съ помощью чисто-режиссерскихъ и бутафорскихъ усилій, въ которомъ игрѣ актера отводилось мѣсто второстепенное.

Та «внутренняя дисциплина», о которой говоритъ Станиславскій, должна была, по неминуемой логикѣ вещей, выродиться во «внѣшнюю», по тому же закону, по которому количество переходитъ въ качество. Во всякомъ случаѣ эта тенденція должна была обнаружиться уже на первыхъ порахъ жизни молодого московскаго театра и вызвать ту «внѣшнюю», очень характерную для него, дисциплину, отъ которой, какъ мы видѣли, Станиславскій открещивался. Выраженіемъ ея служитъ введенный въ театрѣ въ самомъ же началѣ его дѣятельности солидный штатъ административныхъ служащихъ, цѣлая іерархія, которая должна была создать внутреннее подчиненіе актеровъ режиссеру и возвести всю техническую часть постановокъ на высоту, какая была достигнута мейнингенцами. Въ молодомъ театрѣ ко времени открытія его перваго сезона уже числятся: главный режиссеръ, три не-главныхъ режиссера, три помощника режиссеровъ, директоръ театра, директоръ-распорядитель, инспекторъ,

1) „Московскій Художественный Театръ". Т. I, М. 1913 г.

завѣдующій конторой и его помощники, завѣдующій артелью статистовъ, завѣдующій сценой, главный декораторъ, машинистъ, электротехникъ и пр., и пр.

Вся эта сложная система направлена на то, чтобы показать на сценѣ уголокъ настоящей жизни, натуральной, какою она представляется въ мірѣ дѣйствительномъ, достигнуть полной иллюзіи ея. На прежней сценѣ, гдѣ царилъ актеръ, вся декоративная сторона спектакля сводилась къ тѣмъ явно «картоннымъ деревьямъ» и явно «бумажной лунѣ», о которыхъ говоритъ Бѣлинскій. Московскій Художественный театръ, стремясь къ «настоящему», приглашаетъ въ декораторы выдающихся художниковъ (Бенуа, Добужинскаго и др.), собираетъ у себя лучшихъ электротехниковъ, костюмеровъ, устанавливаетъ сложныя машины, вращающіяся сцены и пр. Войдите за кулисы современнаго капиталистическаго театра: это большая фабрика, гдѣ главный производитель цѣнностей—механикъ, машинистъ, театральный рабочій, бутафоръ. И бюджетъ этой фабрики огромный, при чемъ добрыхъ двѣ трети его, если не больше, уходятъ не на живую творческую силу театра—артиста. Постановка «Бориса Годунова» въ художеств. театрѣ, напр., обошлась въ 115 тысячъ рублей, «Жизни человѣка»—въ 100 тысячъ, «Росмерсхольма»—46 тысячъ и т. д. Всю обстановку «Юлія Цезарія» Московскому театру пришлось продать, такъ какъ она, по объясненію его руководителей, «занимала слишкомъ много мѣста». Этимъ объясняется также, почему въ то время, какъ прежніе театры могли разъѣзжать по странѣ изъ города въ городъ, забираясь въ самые глухіе углы, а «театры» Сальвини, Дузэ, Росси—по всему міру, захватывая своимъ искусствомъ великое множество людей, рамки передвиженія натуралистическаго театра весьма ограничены: приходится возить не только актера и труппу, а непремѣнно своихъ приспособленныхъ рабочихъ, свой многочисленный реквизитъ, свои громоздкія декораціи и, конечно, ужъ не весь репертуаръ, а 4—5 наиболѣе удобныхъ пьесъ. Московскій Художественный театръ предпринялъ за 15 лѣтъ одну поѣздку d'estime въ Берлинъ, а въ Россіи, не считая Петрограда и незначительной поѣздки къ больному Чехову въ Крымъ, театръ побывалъ только разъ въ Варшавѣ, Кіевѣ и Одессѣ, назначивъ при этомъ цѣны на билеты, доступныя только избраннымъ счастливцамъ, и кажется, не покрывъ даже своихъ расходовъ.

Зато режиссерская часть въ Московскомъ театрѣ дѣйствительно поражаетъ своей роскошью. Для достиженія большей иллюзіи «настоящаго» театръ ввелъ на свою сцену рядомъ съ

декоративными полотнами и бутафоріей «настоящіе» камины, печи, двери, окна со стеклами, двойными рамами и подоконниками, лѣпные карнизы, настоящую мебель (напр., книжные шкафы), деревянные мосты, часовеньки и пр. Свѣтовые и звуковые эффекты Московскаго театра хорошо извѣстны. Критикъ, описывающій, напр., постановку метерлинковскихъ «Слѣпыхъ» у москвичей, непремѣнно остановится на описаніи луннаго свѣта, который то «исчезалъ, когда на луну набѣгало облако, то появлялся, когда луна выходила изъ облаковъ». Солнечные блики, падающіе черезъ листву бесѣдки на землю, лица, предметы, глубокая ночная тьма или сумерки поражаютъ въ этомъ театрѣ своей натуральностью. Деревья здѣсь качаются своими верхушками, шелестятъ листьями, вода бултыхаетъ, изъ-за кулисъ доносится стукъ колесъ и лошадиныхъ копытъ по деревянному мосту, скрипитъ лѣстница, по которой подымается человѣкъ, стучитъ дождь по крышѣ, слышится крикъ гусей съ озера, на сценѣ виситъ клѣтка съ живой поющей птицей, цвирикаютъ по-настоящему сверчки, колышется въ окнѣ занавѣска...

Замѣчательны всевозможныя режиссерскія ухищренія театра. Полная иллюзія битвы въ «Юліи Цезарѣ», напр., была достигнута тѣмъ, что были опущены средніе подмостки сцены въ видѣ глубокаго оврага, изъ котораго торчали замѣтныя для зрителя верхушки копій и мечей, доносился лязгъ стали, по временамъ на окружающіе холмы выбрасывались отдѣльныя группы сражающихся... Реквизитъ историческихъ пьесъ, поставленныхъ театромъ, выполненъ въ духѣ самой тщательной исторической, археологической, этнографической и всякой иной вѣрности. Въ «Смерти Іоанна Грознаго» на сценѣ фигурировали настоящіе старо-русскіе кубки, для «Царя Ѳеодора» въ музеяхъ были скопированы съ фотографической точностью древне-русскія вышивки и пр., а изъ собранія Алексѣева на сцену было принесено много подлинной древней утвари и вещей. Въ «Горе отъ ума» участвовала детально реставрированная мебель начала XIX в., старинные часы, ларчики, табакерки и пр. Соотвѣтственно всему натуралистическому характеру постановокъ, извѣстную роль среди мертваго матеріала сталъ играть въ театрѣ и живой, прежде бывшій въ загонѣ: статисты. Въ «Снѣгурочкѣ» на сценѣ толпа представляла жителей разныхъ мѣстностей Россіи въ самыхъ своеобразныхъ, присущихъ каждой мѣстности, одеждахъ. Въ «Живомъ трупѣ» на сценѣ настоящій цыганскій хоръ. Толпа на сценѣ этого театра вообще всегда живетъ своей настоящей жизнью, кипитъ, волнуется, работаетъ (въ «Брандѣ», «Юліи Цезарѣ» и др.).

Естественно родиться вопросу: что же остается на долю зрителя и его воображенія, этого могучаго спутника искусства? Въ «Воспоминаніяхъ о московск. театрѣ конца XVIII в.» старый театралъ Ѳ. Кони писалъ: «Декораціи тогдашняго театра... въ сравненіи съ нынѣшнимъ избыткомъ роскоши декораціонной были скудны, но мечта существовала тогда такъ же, какъ и нынче. Она дорисовывала то, что вымыслъ декоратора не успѣвалъ передать полотну. Театральная природа всегда остается лоскутною и картонною природой, хотя бы на нее вышло 3 фунта золота и 10 пудовъ бакану, если живительная дымка воображенія зрителя не обдаетъ ее правдоподобіемъ и жизнью»... Не потому ли самому Бѣлинскій предпочиталъ эту «лоскутную и картонную природу» театра «настоящей»?

Въ своемъ стремленіи осуществить возможно полнѣе на сценѣ «настоящее», Московскій художественный театръ забываетъ это мудрое замѣчаніе безхитростнаго театрала. Но и его технически идеальному «натурализму» приходится останавливаться на полпути въ безсиліи передъ непобѣдимой «условностью» природы театральнаго искусства. Можно добиться того, что мы будемъ слышать въ театрѣ стукъ дождевыхъ капель по стеклу и по желѣзной крышѣ, но вѣдь не станетъ же режиссеръ добиваться того, чтобы актеры входили на сцену съ закулиснаго дождя въ мокрыхъ шляпахъ и костюмахъ, съ зонтиками, съ которыхъ стекаютъ ручьи воды! Въ «Вишневомъ Саду» Гаевъ можетъ потянуть въ окно вѣтку съ дерева, обсыпаннаго бѣлымъ вишневымъ цвѣтомъ, но вѣдь не станетъ онъ обрывать вишни съ этой вѣтки, когда въ слѣдующемъ актѣ цвѣтъ опадетъ и замѣнится ягодами, какъ не станетъ ѣсть эти ягоды на сценѣ для вящей «реальности» постановки...

III.

Къ чему, однако, приводитъ на практикѣ это стремленіе «художественниковъ» добиться на сценѣ театра при помощи внѣшнихъ пріемовъ наиболѣе полнаго и натуральнаго воспроизведенія дѣйствительности?

Объ этомъ уже много было говорено въ свое время, когда Московскій театръ лишь началъ дѣйствовать. Бытовая, историческая, археологическая и всякая иная достовѣрность, которая при первоначальномъ замыслѣ своемъ должна была служить только цѣлямъ болѣе типическаго изображенія эпохи и обстановки разыгрываемой драмы, при натуралистическихъ пріемахъ инсце-

нировки становится неизмѣнно самоцѣлью, самодовлѣющимъ принципомъ. На сценѣ изображается эпоха, не какъ необходимый фонъ пьесы, а сама по себѣ, an und für sich,—безотносительно къ содержанію пьесы, и притомъ изображается не въ художественно-типическихъ чертахъ своихъ, а съ научной полнотой и музейной точностью: типичность переносится изъ одной плоскости (художественной) въ другую—научную. Часы, ларчики, табакерки и множество разныхъ бытовыхъ подробностей въ московской постановкѣ «Горе отъ ума» сами по себѣ типичны для эпохи 20-хъ гг., древне-русскіе кубки типичны для эпохи Грознаго, аттическія вазы и кувшины—для эпохи Антигоны, но типичны ли эти музейные предметы для художественнаго замысла *пьесъ* Грибоѣдова, Ал. Толстого или Софокла, для психологіи эпохи, общества и тѣхъ драматическихъ коллизій, которыя составляютъ смыслъ и содержаніе этихъ пьесъ? А вѣдь только такая внутренняя типичность и цѣнна въ искусствѣ.

Развѣ не болѣе типиченъ для настроенія чеховскаго «Дяди Вани» самъ дядя Ваня или для «Вишневаго сада»—Раневская, чѣмъ колышущаяся занавѣска, сверчки, вѣтка вишневаго сада и заплѣсневѣлое пятно на обояхъ, которые, если бы и совершенно отсутствовали, не помѣшали бы зрителю воспринять чеховскія пьесы во всей ихъ полнотѣ, но въ художественномъ театрѣ эти детали, какъ извѣстно, находятъ себѣ идеальное выраженіе, тогда какъ исполненіе заглавныхъ ролей въ этихъ пьесахъ поставлено далеко не на должную высоту.

Вмѣсто того, чтобы представить пьесу въ ея художественной цѣльности, театръ разбиваетъ ее на части, детали, рядъ отдѣльныхъ сценъ, разъединяетъ и разжижаетъ то, что́ должно быть художественно сжато и сконцентрировано. Создать въ массовыхъ сценахъ, излюбленныхъ натуралистическимъ театромъ, живописную толпу, себѣ довлѣющую и въ своей эпизодичности представляющую для зрителя несомнѣнный интересъ; сочинить рядъ жанровыхъ фигуръ безъ репликъ, «нѣмыхъ» вводныхъ лицъ, часто даже несуществующихъ у автора, какъ это дѣлаетъ художественный театръ,—развѣ не значитъ перенести вниманіе зрителя отъ существеннаго и необходимаго на второстепенное и ненужное? Художественный синтезъ уступаетъ мѣсту анализу, въ частностяхъ своихъ, можетъ быть, даже художественному, но въ своемъ цѣломъ видѣ научному. Драма—стройное, сжатое художественное произведеніе превращается въ рядъ эпизодовъ, внѣшне связанныхъ другъ съ другомъ, декоративныхъ, бытовыхъ или историческихъ.

А. Горнфельдъ, сравнивающій свои впечатлѣнія отъ чеховской миніатюры «Хирургія», поставленной на сценѣ Московскаго театра, конечно, блестящей въ смыслѣ декоративныхъ и реквизиціонныхъ мелочей, изображавшихъ комнату деревенскаго фельдшера, — съ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ имъ отъ той же «Хирургіи» въ простомъ чтеніи того же Москвина, находитъ послѣднее «болѣе полнымъ, законченнымъ и художественнымъ». И вина подобныхъ постановокъ не въ томъ только, конечно, что онѣ лишаютъ возможности самостоятельной художественной работы зрителя,—одного изъ самыхъ значительныхъ сотрудниковъ театральнаго творчества въ тріадѣ: авторъ, актеръ, зритель. Болѣе серьезный художественный грѣхъ здѣсь въ томъ, что театръ вноситъ, какъ отмѣтилъ это и Горнфельдъ, много «лишняго» въ свои сценическія воплощенія, художественно нетипичнаго, что онъ нарушаетъ основной законъ сценической перспективы: стирается различіе между необходимымъ и лишнимъ, главнымъ и второстепеннымъ, комнатой деревенскаго фельдшера, обставленной со всѣмъ декоративнымъ блескомъ, и самимъ фельдшеромъ, между скрипящей лѣстницей и человѣкомъ, поднимающимся по ней: все одинаково важно sub specie натурализма.

Это художественное безразличіе натурализма чревато серьезными послѣдствіями; раздробленность цѣлаго, о которой мы говорили, разработка деталей и обремененность мелочами затемняютъ часто пьесу, ея цѣльный замыселъ, ея основное настроеніе и ритмъ. Получается то, что часто останавливало на себѣ взоръ критиковъ художественнаго театра: обстановка, въ которой разыгрывается драма человѣческихъ душъ, заслоняетъ собою самоё эту драму, «рама» выступаетъ на первый планъ, часто даже давитъ «картину», а если это такъ, то ужъ, конечно, такая рама вредна и мы предпочтемъ картину безъ всякой рамы.

Въ одной изъ сценъ «Живого трупа» участвуетъ цыганскій хоръ. Московскій театръ поставилъ эту сцену прекрасно: здѣсь были настоящіе цыгане, которые «величали» гостей «по-настоящему»—цыганскому и пѣли по-настоящему—не одну, а двѣ-три пѣсни цѣликомъ, превративъ, такимъ образомъ, этотъ актъ въ самостоятельный, самъ по себѣ интересный эпизодъ. А Ѳедя Протасовъ, чье душевное состояніе, по замыслу автора, должно сильнѣе стѣсняться фономъ разгульной цыганщины, незамѣтно на все время акта ушелъ со своей драмой изъ поля зрительскаго вниманія. Кто же слѣдилъ за этой драмой героя пьесы, тому цыгане, съ такой бытовой тщательностью продемонстрированные режиссеромъ, должны были только досадно мѣшать.

Другой аналогичный примѣръ: сцена фокусовъ Шарлотты (кажется, это отмѣтилъ въ свое время и Мейерхольдъ), которая у Чехова, какъ мимолетный художественный штрихъ, своимъ диссонансомъ въ общей картинѣ должна сильнѣе оттѣнить ея основной элегическій характеръ, ея настроеніе все наростающаго предчувствія гибели вишневаго сада,—превращена у «художественниковъ» въ самостоятельно и детально разработанную, себѣ довлѣющую сцену, которая, сосредоточивая на себѣ все вниманіе зрителя, нарушаетъ ритмъ всего акта, замедляетъ и отводитъ въ сторону его движеніе, разслабляетъ незамѣтно создавшееся уже общее настроеніе въ зрителѣ. Эти примѣры, не единичные и не случайные, связанные глубоко съ характеромъ сценическаго метода Московскаго театра, обнаруживаютъ ярче всякихъ теоретическихъ разсужденій эту сторону его дѣятельности.

Приведемъ еще нѣсколько типичныхъ. По поводу постановки «Власти тьмы» у художествениковъ критика въ свое время отмѣтила, что «душевная драма пьесы на сценѣ художественнаго театра тускнѣетъ подъ давленіемъ мелочей, деревенской обстановки и всѣхъ бытовыхъ особенностей», что драма «потеряла свою душу, свою непосредственность, дыханіе любви» («Русск. Вѣдом.»). Въ такомъ же духѣ критикъ другой московской газеты, кн. А. И. Урусовъ, спрашивалъ послѣ блестящей постановки «Антигоны» (на сценѣ фигурировали кувшины, вазы, столы, установленные бутафоріей, списанной прямо съ античныхъ вазъ): «Нужна ли такая блестящая обстановка для вѣчныхъ красотъ Софокла? Нужны ли археологическіе курьезы? Не теряется ли при этомъ *главное*: живая прелесть стиха, его волшебное настроеніе, способное возбудить въ воображеніи такую обстановку, передъ которой померкла бы сама дѣйствительность?.. Отдайте мнѣ Софокла!..»

Послѣ постановки въ Московскомъ Художественномъ театрѣ «Царя Ѳедора» Ал. Амфитеатровъ писалъ: «Истинный герой пьесы, Царь Ѳедоръ... въ Москвѣ значительно заслоненъ мелкими бытовыми подробностями, разработанными по Олеарію, Петру Петрею, лубочнымъ картинкамъ, сокровищницамъ Оружейной палаты и т. д. Декораціи, костюмы, бутафорія, пестрыя группы въ искусно изобрѣтенныхъ и чрезвычайно хитро комментированныхъ размѣщеніяхъ—вотъ центръ тяжести!.. Станиславскій съ подчеркнутой старательностью усердствуетъ настойчивѣе показать публикѣ, чего Толстой въ трагедіи своей не написалъ, чѣмъ то, что Толстымъ написано». Вотъ, напр., описаніе сцены на Яузѣ въ постановкѣ москвичей: «Прачки визжатъ пѣсню на плоту, парни

флиртуютъ à la russe съ молодицами, нѣмецъ съ нѣмкою бродятъ, записывая въ книжку путевыя впечатлѣнія, пьяный мужикъ врывается въ пѣсню гусляра нелѣпымъ подвываніемъ, крючники тащатъ кули и т. д.».

Или вотъ описаніе узенькихъ улицъ Рима и римской толпы 1-й сцены шекспировскаго «Юлія Цезаря» въ постановкѣ художественнаго театра: «Стучатъ молотки оружейниковъ, торгуетъ кабачокъ, въ цирюльнѣ за тростниковою сѣткою работаетъ брадобрей, пляшетъ уличная танцовщица, идетъ подъ зонтикомъ рабыни — матрона, глазѣетъ рыжеусый варваръ, летятъ цвѣты, — свистъ, бѣготня, гамъ...» Начинается гроза. Таетъ толпа, запираются лавки, «утихаютъ въ нихъ ужинающіе люди и умираетъ римскій день, переходя въ зловѣщую ночь, съ пятнами фонарей и свѣта изъ дверныхъ щелей...» Но за великолѣпіемъ этихъ деталей какъ-то отодвинулась отъ публики вся трагическая коллизія шекспировской пьесы, напряженность ея дѣйствія, ея ритмъ, то, что дѣлаетъ ее интересной, не съ исторической, а художественно-психологической точки зрѣнія. На сценѣ была исторія, но не душевная трагедія людей. Былъ Римъ археологическихъ раскопокъ, но не Римъ шекспировскій. И критикъ, писавшій о постановкѣ, имѣлъ право вынести суровый приговоръ: «Передъ публикой прочитанъ блестящій живописный курсъ римской исторіи и археологіи, но она не видитъ Шекспира, а съ Шекспиромъ исчезаетъ духовный замыселъ пьесы» (Ал. Амфитеатровъ).

IV.

Принципы натурализма проводятся Московскимъ театромъ не только въ постановкахъ пьесъ, т. е. сценическихъ воплощеніяхъ, но и въ самомъ толкованіи и анализѣ ихъ, какъ художественныхъ произведеній. Театръ воспринимаетъ самую пьесу подъ угломъ зрѣнія натурализма.

Извѣстно, какъ осуществленіе идей натурализма въ постановкѣ «москвичами» «Горя отъ ума» исказило самый смыслъ этой комедіи, какъ общественной сатиры. Смыслъ этотъ опредѣленно выраженъ Грибоѣдовымъ въ борьбѣ Чацкаго съ фамусовскимъ кружкомъ, въ фигурѣ самого обличителя этого кружка — Чацкаго, истиннаго героя пьесы, фигурою, можетъ быть, не вполнѣ удавшейся автору въ художественномъ отношеніи, нѣсколько схематической, резонерской, тенденціозной, но во всякомъ случаѣ несущей въ себѣ опредѣленный художественный

замыселъ. Въ этомъ — художественная правда грибоѣдовской комедіи, и въ зависимости отъ нея съ именемъ Чацкаго, именемъ нарицательнымъ, у насъ сложилось, ставшее традиціоннымъ, представленіе о комплексѣ извѣстныхъ соціальныхъ идей или настроеній.

Московскій театръ общественную сатиру превратилъ въ пьесу бытовой правды, историческую картинку нравовъ нашихъ предковъ; произведеніе, олицетворяющее борьбу стараго съ новымъ, страницу изъ культурной исторіи русскаго общества — въ «любовный эпизодъ семейной жизни московскаго барства 20-хъ гг.» (В. Чарскій). Соотвѣтственно этому и самъ Чацкій превращенъ въ обычнаго бытового «любовника», въ молодого, пылкаго и чрезмѣрно рѣзваго юношу, «безъ памяти» влюбленнаго въ московскую барышню Софью. Соотвѣтственно этому характеру постановки, и вся обстановка выдержана въ стилѣ строгой исторической вѣрности, тщательно разработаны бытовыя детали, введены эпизодическія лица. Такъ, Петрушка (во 2-мъ актѣ) — фигура у Грибоѣдова больше чѣмъ незамѣтная, въ Московскомъ театрѣ превращается въ отвѣтственную, порученную талантливому артисту—г. Артему, требующую къ себѣ много вниманія и со стороны зрителя: Петрушка вяжетъ чулокъ, зажигаетъ табакъ въ чубукахъ Фамусова и Скалозуба, олицетворяетъ собою, такъ сказать, цѣлый своеобразный міръ, цѣлый бытъ...

Такъ же натуралистически истолкованъ гоголевскій «Ревизоръ», превращенный театромъ изъ комедіи, построенной на анекдотѣ, въ «истинное происшествіе», случившееся въ одномъ изъ провинціальныхъ русскихъ городовъ, чуть ли не въ Миргородѣ,—въ серьезную бытовую драму, при такомъ характерѣ постановки не вызывающую въ зрителѣ никакого смѣху. Натурализмъ здѣсь былъ доведенъ до того, что, напримѣръ Хлестаковъ давилъ клопа на стѣнѣ своего номера — жанровая картинка изъ жизни провинціальнаго постоялаго двора.

Какъ мы видимъ, замыселъ драматурга въ толкованіи натуралистическаго театра подвергается значительнымъ измѣненіямъ. Режиссеръ этого театра справедливо полагаетъ, что для «настоящихъ» людей въ жизни вовсе не типично произнесеніе идейныхъ монологовъ, что вообще въ жизни рѣдки лица яркія, индивидуальности, типы, во всякомъ случаѣ они много сѣрѣе тѣхъ образовъ, которые создаетъ искусство—и вотъ именно такими, сѣрыми, обыденными, «человѣческими, слишкомъ человѣческими» стремится представить ихъ на сценѣ нашъ режиссеръ, надѣляя ихъ множествомъ житейскихъ, прозаическихъ и, главное, не ти-

пичныхъ, случайныхъ и лишнихъ чертъ. Художникъ-писатель опоэтизировалъ прозу дѣйствительности, режиссеръ опрозаировалъ, если можно такъ выразиться, поэтическое созданіе. Оба сдѣлали свое дѣло во имя правды: первый — художественной, второй — житейской. Станиславскій такъ опредѣленно и заявляетъ:

«Безконечно цѣннымъ является то, когда театральныя впечатлѣнія становятся *жизненными впечатлѣніями*, а герои пьесы — близкими, родными людьми... Мы пришли къ реализму внутреннему, — тому, что́, по-моему, лучше всего выражается словами: «душевный натурализмъ» (см. «Театръ» М. 13 окт. 1913 г.).

Мы видѣли, какая метаморфоза произошла съ Чацкимъ, когда онъ попалъ въ передѣлку къ натуралистамъ.

Такимъ же путемъ Брандъ на сценѣ Худож. театра превратился въ обыкновеннаго, но зато уже вполнѣ реальнаго, пастора-проповѣдника, живущаго въ маленькомъ поселкѣ среди темныхъ невѣжественныхъ и жадныхъ людей. Гауптмановскіе «Одинокіе», какъ отмѣтила въ свое время и печать, изъ трагедіи одинокой души превратились въ драму обыденщины, гдѣ, вопреки Гауптману, симпатіи зрителя склонялись чуть ли не на сторону стариковъ, а не одинокихъ мечтателей. Такъ, гамсуновская пьеса «У вратъ царства» была превращена, какъ указалъ послѣ ея постановки пр. Ѳ. Батюшковъ («Совр. М.» 1909, 5), въ «обыденную и обычную семейную драму», пьесу «семейнаго разлада»: «Человѣка идеи мы почти не замѣчали въ Карено-Качаловѣ»... Такъ, Іоаннъ Грозный въ трагедіи Ал. Толстого былъ трактованъ театромъ, какъ типъ патологическій, представляющій, главнымъ образомъ, медицинскій интересъ; трагедія Чеховскаго Иванова—трагедія человѣка лишняго въ специфическомъ смыслѣ русской общественности, также была сведена къ патологическому случаю, къ неврастеніи, натурализована, иными словами, вульгаризована... И много еще такихъ примѣровъ можно набрать изъ богатой экспериментами сценической жизни московскаго театра.

Быть можетъ, этой «натурализаціей» художественнаго произведенія и достигается на сценѣ театра правда житейская, правда торжествующей дѣйствительности, внѣшняя, случайная и пошлая, но правда внутреннихъ откровеній, правда художественная отъ этого несомнѣнно страдаетъ. Совлечены праздничныя одежды искусства, которыя лежатъ на отдѣльныхъ художественныхъ образахъ, какъ и на цѣлыхъ произведеніяхъ, уни-

чтоженъ извѣстный творческій подъемъ, отрывающій эти произведенія *отъ* жизни, напряженность ихъ, тонусъ, высота тона, подымающаго жизнь, изображенную въ нихъ, *надъ* реальной дѣйствительностью. Развѣнчана вдохновенность, сопутствующая творчеству, незримо окружающая всякое созданіе художника своею атмосферой. Паѳосъ поэзіи смѣняется паѳосомъ прозы, творчество—фотографіей и имитаціей; драма обобщеній и символовъ, драма символическая,—въ томъ смыслѣ, въ какомъ символично все въ искусствѣ, — превращается въ случайный эпизодъ изъ будничной жизни, интерпретированный во всей полнотѣ деталей и элементовъ этой жизни.

V.

В. Мейерхольдъ приводитъ въ своей книгѣ «о театрѣ» записанную имъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ сцену, свидѣтелемъ которой онъ былъ за кулисами Моск. Художественнаго театра. Чехову, пришедшему на репетицію «Чайки» (въ 1898 г.), одинъ изъ актеровъ радостно сообщилъ, что за сценой на представленіи «Чайки» будутъ, гдѣ нужно, квакать лягушки, трещать стрекозы, лаять собаки. Между актеромъ и Чеховымъ произошелъ слѣдующій любопытный разговоръ:—«Зачѣмъ это?—недовольно спросилъ Чеховъ.—Реально...—отвѣтилъ актеръ.—Реально?—переспросилъ Чеховъ.—Сцена—искусство. У Крамского есть одна жанровая картинка, на которой великолѣпно изображены лица. Что, если на одномъ изъ лицъ вырѣзать нарисованный носъ и вставить живой? Носъ «реальный», а картина-то испорчена»... Когда въ концѣ 3-го акта «Чайки» режиссеръ захотѣлъ ввести на сцену всю дворню и рядъ эпизодическихъ лицъ, Чеховъ опять выразилъ свое недовольство: «Сцена требуетъ извѣстной условности. У васъ нѣтъ четвертой стѣны... Кромѣ того, сцена—искусство, сцена отражаетъ въ себѣ квинтъ-эссенцію жизни; не надо вводить на сцепу ничего лишняго».

Въ сущности, въ этихъ немногихъ словахъ Чехова сжато, по его обыкновенію, формулирована вся критика основныхъ принциповъ натуралистическаго театра. Сдѣлать на сценѣ все «настоящимъ», какъ въ жизни (по терминологіи натуралистовъ—«реальнымъ»), дать точную копію «реальной» жизни,—для этого ввести на сцену во всей совокупности то, что сопровождаетъ извѣстныя явленія въ мірѣ дѣйствительномъ, но что является «лишнимъ», а потому и вреднымъ съ точки зрѣнія искусства,—въ

этомъ идеалы натурализма, какъ разъ обратные идеаламъ художественнаго творчества.

Обширное содержаніе жизни, воспринятое художникомъ, въ процессѣ его творчества очищается, освобождается отъ всего «лишняго», «призрачнаго», какъ называлъ это Бѣлинскій, не дѣйствительнаго съ точки зрѣнія искусства; упорядочивается, пріобрѣтаетъ свой особый строй, «гармоніи божественную тайну», тотъ внутренній ритмъ, который въ искусствѣ есть дѣйствительно «тайна», опредѣляющая всю степень вліянія искусства на читателя или слушателя.

Такимъ образомъ, въ этомъ процессѣ реальное содержаніе уже оторвалось отъ дѣйствительности, стало идеальнымъ, совершеннымъ содержаніемъ міра иного—того обособленнаго, заключеннаго въ самомъ себѣ, который есть міръ искусства, и которому Чеховъ противополагаетъ міръ дѣйствительности въ своей репликѣ: «Реально?... Сцена—искусство».

Одинъ изъ выдающихся современныхъ эстетовъ Т. Липпсъ такъ формулируетъ эти элементарныя положенія научной эстетики: «Вопросомъ, существуетъ ли объектъ въ дѣйствительности или нѣтъ, можетъ интересоваться историческій или какой-нибудь другой родъ практическаго изслѣдованія. Для эстетически созерцающаго, эстетическій объектъ образуетъ всегда міръ въ себѣ, абсолютно независимый отъ всего реальнаго, потусторонній по отношенію къ реальному міру. Въ этомъ извлеченіи изображаемаго изъ міра дѣйствительности и въ этомъ перенесеніи въ плоскость, всякой дѣйствительности безусловно чуждую,—плоскость чистаго эстетическаго созерцанія — и заключается сущность всякаго художественнаго изображенія».

Въ этомъ именно смыслѣ и можно говорить объ «условности» искусства, искусственности и «лжи», которыя входятъ необходимыми элементами во всякое искусство и безъ которыхъ его не можетъ быть. «Ложь» то, что не реальная жизнь. Вотъ почему всякое стремленіе въ искусствѣ осуществить жизнь и ея правду, уничтожить «непроходимую пропасть» (Гёте) между жизнью и искусствомъ граничитъ съ отрицаніемъ вообще искусства и правды художественной. Извѣстный афоризмъ Оск. Уайльда—одного изъ тѣхъ, кто наиболѣе тонко сумѣлъ оцѣнить роль искусственнаго и условнаго въ искусствѣ,—звучитъ вовсе не парадоксально: «Жизнь, проникающая въ искусство, есть врагъ, опустошающій жилье».

Идеалъ искусства,—внося новое въ уясненіе міра, давая нѣчто большее и иное, чѣмъ даетъ жизнь, быть правдоподоб-

нымъ, похожимъ на жизнь, напоминать ее, но не быть ею. И если вѣрно, что «искусство—сплошная ложь», то эта ложь— «со всѣми признаками правды» (по выраженію стараго французскаго эстета Batteux). Натуралистическая правда всегда будетъ «ненужной правдой» тамъ, гдѣ есть художественная правда, творческое синтетическое обобщеніе жизни. Но эту именно «ненужную правду», съ нѣкоторыми неизбѣжными на сценѣ—даже при наивысшемъ техническомъ совершенствѣ ея—признаками «условности», пытается, какъ мы видѣли, насадить у себя Московск. Художеств. театръ, вмѣсто той условности «со всѣми признаками правды», которая является природой искусства. Его устремленія направлены именно къ тому, чтобы художественное произведеніе перенести изъ идеальнаго міра искусства въ міръ прозаической дѣйствительности, съ небесъ поэзіи повергнуть на землю нашихъ будней... Именно это и ставитъ себѣ въ заслугу Моск. театръ—то, что «театральныя впечатлѣнія» онъ сдѣлалъ «жизненными впечатлѣніями» (слова Станиславскаго), онъ отъ первой постановки «Царя Ѳедора» до текущей работы «совершилъ кругъ»—кругъ отъ «реализма внѣшняго» (читай: натурализма) къ реализму внутреннему или—вѣрнѣе, по опредѣленію самого К. С. Станиславскаго,—«душевному натурализму»...

VI.

Условная правда въ искусствѣ вполнѣ достигается тѣмъ «условнымъ» матеріаломъ, которымъ располагаетъ художникъ. Для того, чтобы создать живой портретъ, художнику вовсе не надо, какъ указалъ въ своемъ примѣрѣ Чеховъ, вырѣзать изъ картины нарисованный носъ и вставить на его мѣсто живой, «настоящій». «Каждому матеріалу присущъ свой особый духъ и своя поэзія» (Клингеръ). Музыка въ чтеніи, рельефъ въ живописи или живопись въ скульптурѣ, грубо нарушая эстетическое чувство, объясняются часто стремленіемъ достигнуть впечатлѣнія естественнаго, но въ этомъ пользованіи художника чуждыми его искусству матеріалами обнаруживается лишь его художественное безсиліе своими средствами добиться нужныхъ результатовъ. Даже не съ театральной, а чисто-декоративной точки зрѣнія развѣ установленіе на сценѣ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ и Янъ Стыкъ въ своихъ панорамахъ, рядомъ съ декораціями художника настоящихъ деревянныхъ, не писанныхъ на полотнѣ, оконъ съ двойными рамами, настоящихъ часовень и пр.

тамъ, гдѣ актеру можно обойтись безъ «настоящаго» (напр., не нужно сѣсть на окно), не есть ли фактъ той же категеріи?

Въ основахъ своихъ и театральное искусство подчиняется общему эстетическому закону объ единствѣ матеріала. Натуралистическій театръ, преслѣдуя ансамбль не исполненія, а театральнаго цѣлаго, объединяя живыя творческія силы съ равноцѣнной или даже первостепенной въ его глазахъ мертвой бутафоріей (обычное сравненіе режиссера съ дирижеромъ оркестра неосновательно, такъ какъ дирижеръ объединяетъ только однородныя живыя силы), несомнѣнно нарушаетъ этимъ смѣшеніемъ матеріаловъ эстетическую чистоту театра. Конечно, въ театрѣ безъ компромисса не обойтись: хорошему театру нужна хорошая обстановка. Т. н. условный схематическій театръ, пропагандируемый въ противовѣсъ роскоши натуралистическаго театра, въ одинаковой степени непригоденъ, отвлекая вниманіе зрителя отъ исполненія своей нарочитой и сложной внѣшней упрощенностью. Не нужно, конечно, чтобы лѣсъ на сценѣ былъ обозначенъ, какъ во времена Шекспира, столбомъ съ надписью, какъ не нужно, чтобы на сценѣ было идеальное, совершенное подобіе настоящаго лѣса, но нужно, чтобы нарисованный на полотнѣ декоративный лѣсъ не качался при всякомъ движеніи артиста, по сценѣ, какъ занавѣска, и чтобы бояре временъ Грознаго не носили современныхъ костюмовъ. Это нужно, но только какъ второстепенное, какъ рама для картины. Кто-то удачно приравнилъ актера къ писателю, а режиссера и театральнаго машиниста—къ редактору и секретарю редакціи въ журналѣ. Ибо настоящій и единственный матеріалъ журнала—писатель, какъ театра—актеръ.

Въ своемъ чистомъ первоначальномъ видѣ театральное искусство создавалось актеромъ; матеріалъ, которымъ онъ пользовался—онъ самъ, его голосъ, гримъ, глаза, лицо, его тѣло, мимика, вообще его сценическія данныя. Воображенію зрителя оставалось восполнить все то, чего нельзя было достигнуть артисту, пользовавшемуся только своимъ природнымъ матеріаломъ, но эта недосказанность, давая толчокъ творческой работѣ самого зрителя, возбуждая рядъ ассоціативныхъ и иныхъ представленій, типична для искусства. Шекспиръ въ своемъ геніальномъ театрѣ, какъ извѣстно, отводилъ послѣ актера главное мѣсто зрителю:

«... Пусть вамъ дополнитъ, чего недостаетъ, воображенье...
Вмѣстѣ съ нами должны вы перескакивать свободно
Черезъ время и пространство, сокращая
Въ ничтожный мигъ, что дѣлалось годами... и т. д.»
(Прологъ къ «Генриху V»).

Искусство актера, поскольку въ немъ сосредоточилось все искусство театра, достигаетъ въ своемъ наиболѣе талантливомъ проявленіи этихъ результатовъ, не нуждаясь въ помощи другихъ искусствъ. Ермолова, Дузэ, Сальвини, Росси не нуждаются въ декораціяхъ, бутафоріи и даже костюмахъ, чтобы произвести впечатлѣніе. Если искусство средняго актера, въ своемъ развитіи, отъ первоначальной чистоты и обратилось къ помощи другихъ искусствъ, нуждаясь въ ней для облегченія своей задачи, то театръ, какъ театръ, и по сію пору является прежде всего искусствомъ актера.

Актеръ въ театрѣ—та единственная эмоціональная сила, которая создаетъ жизнь въ театрѣ. Если «настроеніе» или впечатлѣніе («impression») въ статическомъ театрѣ и удается подчасъ создать чисто-внѣшними, «мертвыми» пріемами,—наибольшее впечатлѣніе, какъ общепризнано, производятъ въ Моск. Худож. театрѣ основанныя на этихъ пріемахъ постановки чеховскихъ пьесъ,—то въ изображеніи характеровъ на сценѣ, образовъ, драматическихъ положеній, вообще всего динамическаго, активнаго—актера ничѣмъ замѣнить нельзя. А театръ прежде всего именно дѣйствіе; безъ движенія, безъ дѣйствія нѣтъ драмы, нѣтъ театра, какъ таковаго. Идеологи современной «драмы настроенія» пытаются доказать, что «драма—это только лирика, *случайно* отлившаяся въ форму діалога» (манифестъ мюнхенскихъ эстетовъ), но искусство не знаетъ случайныхъ формъ, лирика отливается въ свои наиболѣе совершенныя, присущія ей формы такъ же, какъ драматическій діалогъ вытекаетъ изъ внутренней необходимости драмы; въ немъ находитъ свое внѣшнее выраженіе динамика—скрытая пружина драматическаго произведенія. Но если нѣтъ театра безъ дѣйствія, то нѣтъ театра внѣ актера, ибо актеръ—это тотъ, кто дѣйствуетъ, черезъ кого осуществляется театръ. Онъ—синонимъ театра, стиль его,—т. е. самъ театръ,—«душа» его, вопреки выставленному Станиславскимъ на знамени своего театра уже извѣстному намъ принципу: «дисциплина—душа театра».

Раскрыть эту душу, душу актера—смыслъ и задача театра. Театръ падаетъ тамъ, гдѣ измѣняютъ этой задачѣ, гдѣ актеру отводится второстепенное по значенію мѣсто. Но именно такое мѣсто, какъ извѣстно, отводится актеру въ Московскомъ Художественномъ театрѣ.

Я такъ подробно останавливаюсь на этомъ вопросѣ, рискуя повторить избитыя истины, только потому, что и по сію пору идетъ въ театрѣ борьба за и противъ актера, хотя время пока-

зало, кто въ этомъ спорѣ правъ,—и еще потому, что дѣятели Московскаго театра въ послѣднее время упорно стали твердить въ различныхъ интервью, что они никогда не «давили» своего актера и не сводили его значеніе въ своемъ театрѣ къ второстепенному.

Когда Суворинъ, которому нельзя отказать въ одномъ: тонкомъ театральномъ чувствѣ, писалъ послѣ первой гастрольной поѣздки Московскаго театра въ Петроградъ: «Предстоящія гастроли Тины-ди-Лоренцо и Сальвини-отца—просвѣтлѣніе послѣ сверчковъ, гусей и таракановъ Художественнаго театра, занесенныхъ изъ Москвы», онъ именно хотѣлъ противопоставить личное творчество актера индивидуалистическаго театра — безличному режиссерскому творчеству натуралистическаго театра, театръ динамическій—театру статическому.

Въ этомъ отрицаніи актера—именно природа натуралистическаго театра. Въ своемъ стремленіи къ полному фотографическому сходству съ дѣйствительностью, идя отъ внѣшняго, создавая цѣлое при помощи мелкихъ, внѣшне-типичныхъ деталей, этотъ театръ, естественно, все свое бытіе долженъ былъ полагать не на актерѣ, чья сила—во внутреннемъ творчествѣ, а на декораторѣ, машинистѣ и вообще режиссерѣ — главномъ нервѣ своемъ. Индивидуальность актера отодвигается на задній планъ передъ задачами режиссерскаго строительства.

Вотъ почему на исполненіи большинства пьесъ въ Художественномъ театрѣ, при всей яркости внѣшнихъ элементовъ постановки, лежитъ общая печать какой-то неизбывной скованности, тусклости, безличности. Хочется, когда сидишь въ этомъ театрѣ, чтобы кто-нибудь на сценѣ вырвался изъ сѣраго замкнутаго круга, заговорилъ своимъ полнымъ актерскимъ голосомъ, загорѣлся стихійнымъ огнемъ,—и сразу театръ затрепеталъ бы подлинной жизнью искусства, біеніемъ подлинныхъ страстей.

Невѣріе въ актера и его творчество, возведенное въ принципъ, находитъ въ себѣ опредѣленное выраженіе въ наиболѣе искреннихъ признаніяхъ дѣятелей Московскаго театра. Вотъ какъ, напримѣръ, Станиславскій защищалъ своихъ знаменитыхъ «сверчковъ» въ «Дядѣ Ванѣ»: «Режиссеру нужно было достигнуть того, чтобы зритель ясно почувствовалъ, что вотъ они уѣхали — и все въ домѣ опустѣло... Могъ ли актеръ передать все нужное однимъ своимъ уходомъ? Говорятъ, такіе актеры, которые умѣютъ это сдѣлать, есть. Я ихъ не видалъ, я ихъ не знаю...» Простымъ опроверженіемъ этого утвержденія Станиславскаго могутъ послужить многочисленные, всѣмъ намъ хорошо извѣстные, при-

мѣры изъ театральной лѣтописи (первый попавшійся В. И. Давыдовъ-Фирсъ въ чеховской пьесѣ). Кому же создавать «нужное» на сценѣ настроеніе и передать его зрителю такъ, «чтобы онъ ясно почувствовалъ», какъ не актеру? Но натуралистическій театръ,—этимъ самымъ признавая свое творческое безсиліе,—отстраняетъ актера отъ его прямого дѣла и замѣняетъ его неодушевленными предметами.

VII.

Но и поскольку въ совокупномъ творчествѣ силъ Московскаго театра мѣста удѣлено актеру, въ основу его дѣятельности положены тѣ же принципы натуралистической правды, съ которыми мы уже знакомы.

Сценическія воплощенія артистовъ этого театра, за рѣдкимъ исключеніемъ, лишены художественнаго паѳоса и творческаго подъема. Какъ будто образъ тотъ самый, писательскій, сохранены всѣ его внѣшнія черты, слова, характеристика,—и все-таки на сценѣ другой Чацкій—не Грибоѣдовскій, другой Штокманъ: самаго главнаго, внутренне-типичнаго нѣтъ, словно сердцевина выѣдена, крылья подрѣзаны. И если критика въ свое время отмѣтила, что Станиславскій придалъ своему исполненію роли Штокмана черты, «совершенно отличныя отъ замысла автора»,—конечно, она была права: чудаковатый и до комизма разсѣянный провинціальный докторъ — не Штокманъ Ибсена... Вотъ еще примѣръ. Въ талантливой интерпретаціи Москвина, царь Ѳедоръ весь какой-то тяжелый, грузный, слишкомъ земной, весь прозаическій — именно натуралистическій, — дьячекъ московскій съ бабьимъ лицомъ, лишенный тѣхъ озаренныхъ порывовъ къ потустороннему, ясности душевной, наивности дѣтской, того творческаго просвѣтлѣнія тѣлеснаго, которое такъ умиляетъ до слезъ, напримѣръ, въ Ѳедорѣ—Орленевѣ.

Идеалъ натуралистической простоты театръ преслѣдуетъ не только въ толкованіи роли, но и въ самой техникѣ исполненія ея актеромъ.

«Сцена требуетъ условности. У васъ нѣтъ четвертой стѣны»—говорилъ, какъ мы знаемъ, Чеховъ актеру молодого театра на репетиціи «Чайки». Но въ слѣдующемъ же сезонѣ (въ «Одинокихъ») Художественный театръ ввелъ у себя и эту «революціонную» «четвертую стѣну»,—даже, кажется, еще и на представленіи той же «Чайки» впервые вдоль рампы была по-

ставлена большая скамья, а дѣйствующія лица садились на нее и произносили реплики спиной къ публикѣ. Желая уничтожить одну изъ неизбѣжныхъ условностей сцены, театръ не остановился передъ тѣмъ, чтобы на цѣлый рядъ мгновеній лишить актера одного изъ могущественнѣйшихъ средствъ его искусства—мимики.

Къ самому методу игры актера этого театра, такъ называемой игры на деталяхъ — примѣнимо все то, что мы уже говорили о внѣшней декоративной сторонѣ московскихъ постановокъ: артистъ обременяетъ свою роль тщательно разработанными и жизненными, но, большей частью, случайными и «лишними» подробностями, разжижая этимъ строгій и сжатый сценическій образъ, лишая его художественной силы и типичности.

Вспоминается, напримѣръ, такая любопытная деталь, которую придалъ театръ Крутицкому (въ комедіи Островскаго «На всякаго мудреца»), — въ фигурѣ, въ воплощеніи Станиславскаго очень своеобразной, съ превосходнымъ гримомъ вплоть до оттопыренныхъ, какъ-то странно торчащихъ ушей. Крутицкій этотъ, выходя на сцену и уходя съ нея (въ 3-мъ актѣ), долго и какъ-то нелѣпо возится молча съ дверной ручкой, всячески пробуя ее, вертя и такъ, и этакъ, осматривая ее со всѣхъ сторонъ... Вся напряженная атмосфера, создаваемая на протяженіи акта монологомъ и діалогомъ Крутицкаго, разрѣжается этой чисто внѣшней и мало характерной подробностью, а художественный эффектъ финала «срывается» расхолаживающей прозой.

По теоріи этого театра, на сценѣ надо наивно, искренно испугаться, а если актеръ хочетъ лишь *изобразить* наивность, то это уже будетъ не наивность, а только театральное наивничаніе. Театральныя переживанія вмѣсто театральнаго представленія переживаній, переживанія подлинной жизни, перенесенныя на сцену,—смыслъ этой теоріи. Станиславскій считаетъ необходимымъ и во время самаго созданія роли, и при каждомъ повтореніи этого процесса «*жизненное* самочувствіе, а не сценическое» актера. Послѣднее, т. е. «сценическое», обусловливаетъ, по его мнѣнію, штампъ, ремесло, искаженіе правды и проч. Поэтому, вся цѣль актера сводится къ тому, чтобы вызвать подлинныя натуральныя чувства и фразы и переживать натурально своими жестами, тономъ и проч. подлинную жизнь. Но въ чемъ же тогда проявляется *творчество* актера?

Вообще въ игрѣ Станиславскаго идеалы натуралистической техники: быть на сценѣ такимъ, какъ въ жизни, по «настоящему» будничному говорить, сидѣть, курить сигару, — нашли себѣ наиболѣе полное выраженіе. Когда видишь этого артиста въ одной изъ его лучшихъ, кажется, ролей—кн. Обрѣзкова (въ «Живомъ трупѣ»), начинаешь постигать весь секретъ той простоты и правдивости, которыя являются отличительными чертами его игры: чувствуешь, какъ утраченъ имъ актерскій «тонусъ», какъ онъ весь находится по сю сторону грани, отдѣляющей жизнь отъ искусства, въ самой жизни: онъ не начиналъ еще *играть* или, быть можетъ, уже пересталъ. Онъ долго, какъ въ жизни, куритъ сигару, разговариваетъ съ длинными нѣмыми паузами,—какъ въ жизни, когда сидишь съ пріятелемъ и нечего сказать ему,—не съ тѣми значительными, наполненными богатымъ содержаніемъ паузами, какія только и долженъ знать театръ. Его Обрѣзковъ, по жизненному, безтемпераментный апатичный человѣкъ, за которымъ не чувствуется темпераментъ актера.

Но Московскій театръ именно стремится къ живой правдѣ міра дѣйствительнаго, а не къ правдѣ художественнаго изображенія, необходимо-условной. Вотъ почему на роль того же кн. Обрѣзкова пригласили для дублированія Станиславскому г. Стаховича, который, какъ писали въ газетахъ, подходитъ къ этой роли своимъ прекраснымъ французскимъ произношеніемъ, прирожденнымъ аристократизмомъ манеръ и проч., т. е. въ сущности говоря, пригласили не артиста, а «натуральнаго князя». Вотъ почему передъ «Ревизоромъ» долго искали повсюду для Хлестакова артиста маленькаго роста и нашли его въ г. Кузнецовѣ, обладавшемъ не только маленькимъ ростомъ, но и большимъ живымъ талантомъ, къ сожалѣнію, не использованнымъ театромъ въ другихъ роляхъ. Извѣстно также, что «натуральнаго» героя для Горьковскихъ «Мѣщанъ» театръ обрѣлъ въ лицѣ нѣкоего г. Баранова, въ другихъ роляхъ не выступавшаго и вообще ничѣмъ другимъ ни до, ни послѣ этой роли не проявившаго себя. Барановъ игралъ въ «Мѣщанахъ» самого себя и только, т. е. просто жилъ на сценѣ, давая, по словамъ критика «Курьера» Дж. Линча (теперешняго Л. Андреева), «нѣчто до того цѣльное, живое и *чуждое понятію театра* представленіе, что даже странно какъ-то смотрѣть было». И это не случайность, конечно, а система, осуществляемая въ предѣлахъ возможнаго.

Вспоминается, что во французскомъ театрѣ XVIII в. серьезно считали, что роли любовниковъ можетъ играть, вообще говоря,

тотъ актеръ, кто «обладаетъ природной склонностью къ любви». Будучи послѣдовательнымъ, дѣлали даже такой выводъ: «любовныя сцены удаются лучше всего у тѣхъ, кто интересуется другъ другомъ въ жизни» [1]).

Высмѣивая въ своихъ «Путевыхъ Картинахъ» современный ему берлинскій театръ, который заботился болѣе всего о цвѣтѣ бороды въ той или другой роли и о томъ, чтобы костюмы ради вѣрности были сшиты ученымъ портнымъ по рисункамъ присяжныхъ историковъ, потому что, «надѣнь Марія Стюартъ передникъ временъ королевы Анны, банкиръ Гумпель справедливо могъ бы жаловаться на то, что у него отымаютъ этимъ всякую иллюзію», Генрихъ Гейне иронически прибавляетъ къ этому: «но такія иллюзіонныя забавы театральной дирекціи простираются не только на передники и панталоны, а и на облаченныхъ ими дѣйствующихъ лицъ. Такъ, говорятъ, скоро роль Отелло будетъ исполняться настоящимъ мавромъ, котораго нарочно выписываютъ для этого изъ Африки, леди Макбетъ изобразитъ женщина, отчасти знакомая съ кровавою картиной гнуснаго убійства» и т. д.

Не можетъ ли съ перваго взгляда показаться, что все это относится къ нашему Художественному театру?

VIII.

Въ этомъ стремленіи Художественнаго Московскаго театра создать на своихъ подмосткахъ «живое и чуждое понятію театра представленіе» не только съ помощью бутафоріи, но и живой актерской силы, — разрушить въ театрѣ театральное и слить театръ съ жизнью, — проявляется все то же, знакомое уже намъ, эстетическое міровоззрѣніе этого театра.

Выходя изъ общихъ для всѣхъ искусствъ законовъ, практика сценическаго творчества актера знаетъ свои спеціальные пріемы, какъ знаетъ ихъ каждое искусство, — свои особые пути, свою технику. «Конечно, задача актера въ томъ, чтобы переживать изображаемое, но эти переживанія обставлены рядомъ условій, знакомыхъ и другимъ художникамъ. Актеръ долженъ находиться въ томъ рефлективномъ состояніи, когда одно, наблюдающее, «я» всегда сопровождаетъ другое—переживающее. Именно не жить на сценѣ, какъ требуетъ натуралистическій канонъ, а изобра-

[1]) Цитирую по Всеволожскому,—«Истор. театр. образов. въ Россіи» т I, 1913 г.

жать жизнь, *играть*, но играть со всѣми признаками правды». Должно быть жизненное *правдоподобіе*, т. е. должно *казаться*, что человѣкъ живетъ на сценѣ, но подлинной «настоящей» жизни ни въ коемъ случаѣ не должно быть, даже если бы можно было достигнуть ея.

Всѣ переживанія, жесты, мимика актера должны быть полны искренняго чувства, но форма этихъ чувствъ и изображеніе ихъ должны быть условны, символичны, *если* хотятъ произвести впечатлѣніе дѣйствительныхъ чувствъ; вѣдь они въ своемъ идеальномъ образѣ обобщаютъ цѣлый рядъ мгновеній, разсѣянныхъ въ случайныхъ и частныхъ жизненныхъ проявленіяхъ, можетъ быть, въ отдѣльности и не типичныхъ. Естественность въ жизни и на сценѣ—вещи разныя, какъ разны правда міра дѣйствительнаго и правда художественная. Послѣдняя—всегда условна.

Извѣстенъ разсказъ Коклена о томъ, какъ онъ однажды заснулъ на сценѣ по своей роли настоящимъ образомъ. «Это былъ чистѣйшій натурализмъ—разсказываетъ самъ Кокленъ,—и однако, замѣтьте: нашлись зрители, которымъ мой сонъ показался плохо разыграннымъ, неправдоподобнымъ». (Мы можемъ съ увѣренностью сказать, что эти зрители были наиболѣе чуткими къ художественной правдѣ). Здѣсь повторилась старая исторія скомороха и крестьянина. Первый—подражаетъ писку поросенка и ему апплодируютъ, крестьянина же, заставившаго визжать спрятаннаго подъ плащемъ живого поросенка, освистываютъ. Поросенокъ навѣрно пищалъ хорошо, но безыскусственно. Въ этомъ-то и заблужденіе натурализма: ему вѣчно хочется «заставить пищать поросятъ».

Въ этомъ разсказѣ Коклена всѣ типичныя отличія искусства, воспроизводящаго жизнь, отъ подлинной настоящей жизни. Въ мірѣ искусства подлинная жизнь, заключающая много «лишняго», не гармоничнаго, не совершеннаго, — часто неправдоподобна; правдоподобіемъ обладаетъ жизнь извлеченная, абстрагированная отъ подлинности, но созданная по ея подобію. Походка, плачъ, смѣхъ на сценѣ получаютъ особыя условныя ритмическія формы, художественно - типичныя для изображаемаго образа. Актеръ недаромъ учится ходить по сценѣ, плакать на ней. Слезы на сценѣ должны быть искренни, но то плачетъ и играетъ Шейлокъ, идеальное художественное лицо, — то плачетъ и играетъ при этомъ Лиръ, Гамлетъ. Если Сальвини будетъ на сценѣ плакать такъ, какъ Сальвини плачетъ въ жизни, то его слезы и горе покажутся искусственными, неправдоподобными, даже смѣшными, ибо настоящія слезы не знаютъ художественной мѣры.

Натурализмъ эти мѣрки искусства отвергаетъ. «*Жить* на сценѣ нужно не для зрителей, а для себя»—говоритъ Станиславскій актеру и добивается этого отъ него усиленной техпической выучкой. Когда на сценѣ Московскаго театра плачутъ или кричатъ, васъ часто непріятно поражаетъ совершенная натуральность крика или плача, ничѣмъ не смягченнаго, рѣзкаго и остраго, какъ въ настоящей жизни. Поютъ—тѣмъ же тономъ, голосомъ, на тѣхъ же нотахъ, что и въ жизни; ѣдятъ, пьютъ, курятъ сигары, молчатъ—по всѣмъ правиламъ дѣйствительности. «Я хорошо запомнилъ, какъ (подавали завтракъ) ловко ѣлъ исполнитель роли Тесмана,—разсказываетъ Мейерхольдъ о постановкѣ Ибсеновскихъ «Столповъ Общества» въ Художественномъ театрѣ,—но я не дослышалъ экспозиціи пьесы».

Нарушая правило сцены о томъ, что на ней нельзя такъ говорить, какъ разговариваютъ въ жизни, а надо «произносить», Кокленовское «dire», — произносить просто и естественно, но непремѣнно произносить, т. е. «придавать мысли форму, гибкость, образъ, дѣлать ее художественнымъ произведеніемъ», артисты Художественнаго театра стремятся на сценѣ къ естественной разговорной рѣчи и къ тому, что они называютъ интимностью рѣчи.

Хорошо говоритъ объ этомъ такой большой мастеръ сцены, какъ тотъ же Кокленъ: «Не толкуйте со мной о естественности тѣхъ, кто не хочетъ произносить слова членораздѣльно или болтаетъ передъ публикой, точно за столомъ. Театръ—не гостиная. Къ полутора тысячамъ зрителей, собравшихся въ залѣ, нельзя обращаться, какъ къ двумъ - тремъ товарищамъ, съ которыми сидишь у камина». Впрочемъ, это одно изъ основныхъ элементарныхъ положеній сценической практики. Всѣ слова актера на сценѣ должны быть слышны и понятны, — именно вопреки жизненности, — хотя бы онъ кричалъ, захлебывался въ смѣхѣ, слезахъ, говорилъ шепотомъ или скороговоркой. Въ этомъ необходимая сценическая условность его рѣчи.

Чувство мѣры должно удерживать актера въ границахъ художественно-условнаго. Онъ не только долженъ избѣгать искусственности игры, неестественности тона и жестовъ, всего того, что привыкли обозначать словомъ «театральничаніе», но и не впадать въ другую крайность: во имя житейской, случайной и призрачной правды нарушать законы художественнаго.

Извѣстная японская актриса Ганако волновала и даже потрясала европейцевъ своимъ натуралистическимъ изображеніемъ хара-кири вплоть до крови на сценѣ (т. е. окрашенной

жидкости, лившейся изъ искусно-скрытаго пузырька), но это впечатлѣніе было совершенно лишено эстетическихъ эмоцій и съ эстетической стороны даже отталкивало чуткаго зрителя. И въ то же время, сициліанскій трагикъ Грассо, въ роли дикаря-крестьянина, въ порывѣ ревности вскакивающій на столъ, опрокидывающій своего противника на спину и дѣлающій видъ, что перекусываетъ ему горло, а потомъ побѣдоносно, съ дѣвушкой на рукахъ, убѣгающій въ горы, оставлялъ самое огромное истинно-трагическое впечатлѣніе.

Вся эта опасная—въ натуралистическомъ смыслѣ—сцена была полна такой тонкой художественной мѣры, такой огромной силы художественнаго темперамента—именно художественнаго, такой напряженности и быстроты въ дѣйствіяхъ, что тутъ можно было говорить уже только о реализмѣ, захватившемъ зрителя своей сильной и глубокой правдой.

Что получилось бы изъ этой сцены въ Художественномъ театрѣ, легко себѣ представить, хоть немного зная его. Въ стремленіи воплотить на сценѣ подлинную дѣйствительность, этотъ театръ лишаетъ игру своего актера той напряженности темпа, мѣры въ жестахъ и движеніяхъ, той художественной скорости, которыя составляютъ задачу актерскаго искусства. Оттуда типичные для актера этого театра «разрѣженность» въ сферѣ переживаній и тягучій замедленный темпъ игры, который подчасъ могъ бы дѣйствительно родить въ зрителѣ иллюзію «настоящей» жизни на сценѣ, если бы за этой игрой ясно не чувствовалась усиленная техническая выучка.

IX.

На актерѣ Художественнаго театра необходимо нѣсколько подробнѣе остановиться уже потому одному, что въ актерѣ мы видимъ всю сущность театра. Мы уже говорили о второстепенномъ мѣстѣ, которое занимаетъ актеръ въ общей планировкѣ Московскаго театра. Актера внутренно, въ его творчествѣ, давитъ «дисциплина» режиссера, извнѣ — обстановочная «рама».

«Художественники» хвастаютъ своей сценой «въ Мокромъ» (въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»). Но вмѣсто того, чтобы въ этой сценѣ помѣтить въ немногихъ художественныхъ чертахъ общій фонъ, на которомъ разыгрывается драма дѣйствующихъ лицъ, театръ пользуется случаемъ, чтобы продемонстрировать передъ зрителемъ «натурализмъ» своей постановки: этнографически-

живописная группа бабъ играетъ въ свои игры, мечется безпорядочно по сценѣ взадъ и впередъ, теребятъ какого-то пьянаго мужичка съ рогожнымъ кулькомъ; эти бабы создаютъ на сценѣ кутерьму, хаосъ, танцуютъ—и потомъ визгливо по-настоящему «рассейскому» поютъ одну за другой двѣ или три пѣсни. А душевныя переживанія актеровъ, играющихъ Митю и Грушеньку, разорваны этой детальной натуралистической сценой, отодвинуты отъ зрителя, заслонены.

Для того, чтобы при такихъ условіяхъ актеру восторжествовать надъ обстановкой и заслонить ее своимъ исполненіемъ, нужно обладать лишь исключительнымъ дарованіемъ. Мы знаемъ примѣры этого. Знаемъ, какъ Эрнесто Росси, случайно гастролировавшій однажды въ труппѣ мейнингенцевъ въ Берлинѣ, своей игрой заставилъ забыть и про удивительныя декораціи театра, и про «настоящія» молніи, сверкавшія надъ головой Лира, и про такъ наз. «ансамбль». Или вотъ что писалъ Ал. Амфитеатровъ о нашемъ Орленевѣ въ «Царѣ Ѳедорѣ»: «Артистъ сталъ тѣмъ истиннымъ центромъ, что, какъ магнитъ, влечетъ къ себѣ публику, хотя бы Орленева изъ его костюма XVI вѣка переодѣли въ костюмъ конца вѣка XV или XVII, надѣли на него другой халатъ съ «анахронизмомъ» или какіе-нибудь не историческіе сапоги. Теперь ему это безразлично: психологическій интересъ игры Орленева убилъ интересъ зрительскаго любопытства къ окружающей его внѣшности».

Но такихъ исключительныхъ дарованій у «москвичей» нѣтъ. Правда, и здѣсь нервная талантливая игра такого актера, какъ г. Москвинъ (напр. въ «Живомъ трупѣ» или «Карамазовыхъ»), заставляетъ минутами забывать про обстановку, но эти минуты такъ рѣдки и случайны. Московскій Художеств. театръ, несмотря на утвержденія своихъ пылкихъ поклонниковъ,—не театръ актеровъ. Мы знаемъ уже, что это — одинъ изъ его принциповъ. Въ немъ сильно даетъ себя чувствовать именно недостатокъ въ талантливыхъ артистическихъ силахъ. Становятся понятными тѣ упреки въ «любительствѣ», которыми критика сопровождала неоднократно дѣятельность Московскаго театра, особенно въ первые годы его существованія. Изъ болѣе чѣмъ 50—60 актеровъ и сотрудниковъ, составляющихъ труппу Московскаго театра, едва можно назвать 4—5 именъ актеровъ, болѣе или менѣе выдающихся изъ общей среды: остальные — среднее провинціальное. Этимъ только и объясняла критика въ свое время «провалъ» цѣлаго ряда пьесъ въ Художеств. театрѣ, требующихъ прежде всего крупныхъ исполнителей. Такъ, съ репертуара театра по

этой причинѣ сняты были Ибсеновсія пьесы («Гедда Габлеръ», «Привидѣнія», «Дикая Утка»), Гауптмановскій «Микаэль Крамеръ», «Шейлокъ», «Антигона», «Смерть Іоанна Грознаго» (настоящіе старо-русскіе кубки не помогли!) и пр. За «Мѣщанъ» упрекали опять въ «любительствѣ», объ исполненіи «Власти тьмы» даже въ доброжелательной къ театру Москвѣ писали, что «осталось впечатлѣніе тусклое, не озаренное вспышками яркаго таланта»; «Юлій Цезарь», при великолѣпнѣйшей, какъ мы знаемъ, внѣшней постановкѣ пьесы, шелъ, по общему признанію, «безъ» Брута и Антонія. Конечно, совершенно не въ предѣлахъ дарованія г. Качалова роль Гамлета, но что́ значитъ вся шекспировская пьеса безъ этой роли? Что значатъ «Брандъ»—безъ надлежащаго Бранда, «Дядя Ваня»—безъ дяди Вани, «Вишневый садъ»—безъ Раневской?..

Даже постановки Чеховскихъ пьесъ въ Художеств. театрѣ, которыми онъ можетъ гордиться, въ смыслѣ исполненія не совершенны.

Друзья театра любятъ ссылаться на письмо Чехова къ Немировичу-Данченко, въ которомъ писатель пишетъ: «Художественный театръ—это лучшія страницы той книги, которая когда-либо будетъ написана о современномъ русскомъ театрѣ. Это единственный театръ, который я люблю». Но обычно забываютъ про непосредственно слѣдующій за этимъ конецъ фразы: «...хотя ни разу еще въ немъ не былъ». Мы знаемъ также, что уже увидавъ у «художественниковъ» свою «Чайку», Чеховъ былъ опредѣленно недоволенъ артисткой, игравшей Зарѣчную, и все вспоминалъ Комиссаржевскую; не нравился ему Станиславскій-Тригоринъ и др.

Какихъ огромныхъ, чисто-художественныхъ результатовъ могъ бы достигнуть этотъ театръ, если бы всѣ средства и энергію, которыя сейчасъ уходятъ у него на «бутафорію», онъ устремилъ на то, чтобы собрать тѣхъ подлинныхъ, непосредственныхъ, Божьей милостью актеровъ, которыми блестятъ крупныя провинціальныя сцены (ибо извѣстно, при нынѣшнемъ театральномъ режимѣ актера родитъ провинція). Но вовсе не случайно, что онъ этого не дѣлаетъ, что онъ не удержалъ у себя такихъ крупныхъ актеровъ, какъ Ураловъ, Кузнецовъ: мы уже знаемъ, что онъ театръ не актерскій не только потому, что онъ не можетъ быть таковымъ, но и потому, что таковымъ онъ до сихъ поръ и не хотѣлъ быть. Это — его позиція, его лицо среди другихъ театровъ, его природа. Всякій, болѣе или менѣе яркій актеръ мѣшалъ бы задачамъ натуралистическаго театра, слишкомъ вы-

пирая изъ общаго тусклаго колорита исполненія яркостью и своеобразіемъ своей игры, заслоняя яркость и блескъ обстановки. Всякую крупную индивидуальность въ интересахъ натуралистическаго театра пришлось бы неминуемо подавлять, ея огонь—гасить. Но...

«...Ты не можешь, ты не можешь, о, мой братъ, пойми меня—
Какъ бы могъ ты стать неяркимъ, ты, рожденный отъ огня?..

И вотъ, кто «не можетъ», остается внѣ этого театра. Не мѣсто въ немъ ни Кайнцу, ни Комиссаржевской, ни даже меньшимъ по силѣ актерамъ индивидуалистическаго театра.

По этой же причинѣ Художеств. театръ, какъ школа, не выдвинулъ до сихъ поръ исключительныхъ дарованій, какія создаетъ всякій «актерскій» театръ, какъ Московскій Малый или Александринскій (Савина, Давыдовъ, Варламовъ и др.). Лучшіе артисты Художеств. театра имѣютъ значеніе только въ ансамблѣ этого театра, на фонѣ его декорацій и пр. Москвинъ и Артемъ, какъ актеры непосредственнаго дарованія—только исключенія, ярко оттѣняющія общій тонъ исполненія въ Московскомъ театрѣ.

Въ Московскомъ художеств. театрѣ господствуетъ типъ другого артиста, болѣе пригоднаго для его натуралистическихъ задачъ,—типъ актера-техника.

Правда, Станиславскій, какъ режиссеръ, помимо извѣстныхъ намъ требованій натуральности и простоты, предъявляетъ къ актеру требованія оригинальности, отсутствія шаблона, «штампа», какъ онъ выражается, и вчувствованія и «вживанія» каждаго въ свою роль. Но какъ эти требованія осуществляются на дѣлѣ?

Исканія художественной правды и простоты были всегда идеаломъ великихъ реалистовъ сцены. Подлинное искусство всегда (рѣчь Гамлета къ актерамъ написана, напр., за 300 лѣтъ до «художественниковъ») требовало отъ актера естественности и искренности переживаній. Можно ли этому научиться? Развѣ оригинальность—не дѣло таланта природнаго, всегда индивидуальнаго въ своемъ творчествѣ? Развѣ актеру необходимо, чтобы «почувствовать» свою роль, спеціально ѣздить въ Римъ, когда онъ готовитъ «Юлія Цезаря», или въ Ростовъ-Суздальскій, какъ передъ постановкой «Царя Ѳедора» это сдѣлала труппа Художественнаго театра? Такъ натурализмъ сталъ тѣмъ міровоззрѣніемъ, которое диктуетъ каждый шагъ «художникамъ»...

Долгой и усердной «дисциплиной» можно научить всякаго артиста тому, что онъ будетъ давать внѣшнее подобіе переживаній, *логику* ихъ тамъ, гдѣ талантъ стихійный даетъ ихъ подлинность силой интуиціи. Но отсюда до того «принципа дер-

жанія публики на внутреннихъ переживаніяхъ», о которомъ говоритъ Станиславскій, еще очень далеко. Московскій художеств. театръ на себѣ показалъ только большое значеніе «дисциплины», школы, выучки, вообще техники, но не «внутреннихъ переживаній».

Типичный актеръ этого театра—разсудочный, техническій. Большой предварительный искусъ прежде, чѣмъ попасть въ «сотрудники» и на сцену, десятки и сотни репетицій («Юлій Цезарь», напр., шелъ со ста репетицій, «Синяя Птица»—150) дѣлаютъ этого актера полезнымъ работникомъ театра, но выучка не можетъ дать тѣхъ свѣтлыхъ озареній, которыя—удѣлъ творчества.

Смыслъ актерскаго искусства, по Станиславскому, какъ мы уже знаемъ, сводится къ *жизненному* переживанію на сценѣ, къ воскрешенію на подмосткахъ театра когда-то пережитыхъ подлинныхъ чувствъ и страстей. По сценической теоріи Станиславскаго, поскольку свѣдѣнія о ней проникаютъ въ печать (см., напр., «Маски», № 2, 1913—14 г.) — тайна учителя строго охраняется учениками!—для выполненія этого искусства воскрешенія подлинныхъ переживаній актеру необходима «физическая (?) память», помогающая ему запоминать автоматическія движенія всего тѣла человѣка. Сценическая иллюзія, которая окружаетъ актера, должна воскрешать близкій человѣку міръ природы и вещей и напоминать ему его натуральныя переживанія. Напр., гораздо легче воскресить въ себѣ привычное отвращеніе, получаемое отъ подлинныхъ предметовъ и обстановки, когда чувствуешь себя среди нихъ или среди похожихъ на нихъ изображеній.

Но для «аффективнаго воскрешенія» пережитыхъ эмоцій,— говоритъ эта теорія — артисту нуженъ «эмоціональный темпераментъ». Не всѣ имъ располагаютъ, а потому не всѣмъ дано переживать на сценѣ сильные моменты душевныхъ подъемовъ. Однако, по Станиславскому, — и это такъ ярко характеризуетъ смыслъ всѣхъ построеній Худож. театра,—артисты, располагающіе отъ природы нѣкоторой, хотя и *небольшой* долей «эмоціональнаго темперамента», могутъ *достигнуть* на сценѣ желаемыхъ результатовъ при изображеніи эмоцій и страстей (рѣчь ужъ, какъ видитъ читатель, идетъ объ «изображеніи», а не «воскрешеніи пережитаго!») съ помощью *упражненія и душевной техники*, которая дополняетъ недостатки аффективной и физической памяти артиста и помогаетъ воскрешенію забытыхъ (!) имъ эмоцій.

И, конечно, вполнѣ правы тѣ, кто видятъ въ этомъ искусственномъ возбужденіи «аффективной памяти» «психологическій натурализмъ», «*натуралистическую имитацію*» когда-то пережитыхъ и въ моментъ имитаціи не переживаемыхъ чувствъ, а не творчество, всегда предполагающее прежде всего интуицію. Искусная имитація, какъ замѣна творчества, — вотъ конечный логическій выводъ этой сценической теоріи.

Станиславскій—идеалъ этого актера. Онъ превосходно «дѣлаетъ» свои роли, обрабатываетъ ихъ иногда до техническаго совершенства, но какъ въ Галатеѣ, въ его созданія нужно вдохнуть огонь непосредственныхъ творческихъ эмоцій, чтобы оживить ихъ. Отъ его игры несетъ холодкомъ: онъ—раціоналистъ, тонкій артистъ отъ ума, не отъ темперамента, не отъ стихійности. Но искусство, гдѣ много «ума холодныхъ наблюденій», но мало «сердца горестныхъ замѣтъ», не есть ли только виртуозность, «артизмъ»? Видимая правдивость и натуралистическая простота его игры носитъ тотъ же характеръ. Ему не скажешь того, что говоритъ Шуйскій царю у Ал. Толстого: «Простота твоя отъ Бога, Ѳедоръ Іоанновичъ!» Его простота больше отъ ума, сложной кабинетной работы. Въ своемъ творчествѣ онъ исходитъ всегда отъ внѣшняго, отъ формы: отъ грима, костюма, походки, какой-нибудь внѣшней особенности (разсѣянности, очковъ, оттопыренныхъ ушей, особаго держанія рукъ). Вотъ почему, часто искусно создавая полную иллюзію художественной правды, совершенство внѣшнихъ формъ ея, Станиславскій радуетъ глазъ, но никогда не захватываетъ, не волнуетъ и не мучитъ сердецъ, какъ своенравный чародѣй-актеръ эмоціональный: въ немъ нѣтъ feu sacré.

Московск. Художеств. театръ—если и знаетъ творчество артиста, то это творчество—научное (историческое, археологическое, литературное и пр.), логическое, игра ума, а не чувства.

X.

И въ этомъ кроется одна изъ важнѣйшихъ особенностей Художеств. театра.

Характеризуя впечатлѣніе, оставляемое «художественниками» у зрителя, какъ «безконечно далекое отъ пламеннаго увлеченія тѣмъ, что происходитъ на сценѣ», А. Горнфельдъ, правда, прибавляетъ при этомъ, что, по его мнѣнію, дѣйствующія лица на сценѣ охвачены атмосферой чувства, но «зритель

самъ не поддается ей ни въ малой степени». «Если московскому театру чего-нибудь недостаетъ, то это именно захвата настроеніемъ».

Но вѣдь это все. Московскій театръ,—и это каждый испыталъ на себѣ,—своего зрителя не захватываетъ, не потрясаетъ и не увлекаетъ. Его паѳосъ—есть «паѳосъ», а не «паѳосъ чувства», но вѣдь въ искусствѣ важно именно послѣднее.

Не всякій, кто умѣетъ чувствовать, обладаетъ талантомъ объективировать свои чувства вовнѣ; но тотъ, кто умѣетъ изображать чувства, самъ ихъ не испытывая,—даже самымъ искуснымъ изображеніемъ ихъ никогда не захватитъ другого. Искусство одной формы, виртуозность, «холодная красота», которая не трогаетъ насъ, это ужъ не искусство, а наука, техника, мастерство, котораго можно добиться, не родившись для него. Подлинное искусство прежде всего творчество; внѣ творчества—нѣтъ искусства. Но творчество—это интуитивно-эмоціональный процессъ. Процессъ эстетическаго созерцанія прежде всего процессъ «вчувствованія», образъ художественный прежде всего образъ чувства; и въ «захватѣ» чувствомъ—вся сила искусства. «Стучится въ сердце то лишь, что отъ сердца говорится»—въ этомъ разгадка вліянія искусства на насъ, та «заразительность» его, о которой такъ опредѣленно, какъ о главномъ отличительномъ признакѣ искусства,говорилъ Л. Толстой въ своемъ трактатѣ объ искусствѣ: «Чѣмъ сильнѣе зараженіе, тѣмъ лучше искусство, какъ искусство»

Московскій Художественный театръ не оправдываетъ своего главнаго назначенія: онъ именно не «заражаетъ». Если на сценѣ этого театра и создается извѣстная атмосфера настроенія и красоты, то эта атмосфера—статическая, холодная, не волнующая; въ ней нѣтъ того, что прежде всего должно быть въ театрѣ—динамики живыхъ страстей, а если есть, то она—чисто физіологическая.

Конечно, оцѣнка «заразительности» въ искусствѣ, какъ и вообще воспріятія всякихъ впечатлѣній крайне субъективна. Однако, въ этомъ интуитивно-субъективномъ воспріятіи разнообразныхъ впечатлѣній съ сцены необходимо и можно отличить эстетическія впечатлѣнія отъ не эстетическихъ, явно физіологическихъ впечатлѣній непосредственной жизни. Извѣстно, что сцены суда въ театрѣ всегда смотрятся публикой съ напряженнымъ волненіемъ, хотя бы и въ исполненіи средней труппы: если (въ «Карамазовыхъ») защитникъ возбужденно говоритъ свою рѣчь, подсудимый на своей скамьѣ ждетъ рѣшенія суда, судъ (даже устами

не актера, а просто чтеца) выговариваетъ страшное: «да, виновенъ»; если одинъ изъ свидѣтелей (Иванъ) получаетъ истерическій припадокъ; или если (въ другихъ сценахъ) Грушенька, увидавъ Димитрія, въ испугѣ рѣзко, но натурально, кричитъ; бьется въ судорогахъ Лиза Хохлакова или Илюшечка; если на сценѣ толпа «настоящихъ» бабъ, визгливо поющихъ рядъ пѣсенъ такъ, какъ дѣйствительно поютъ ихъ въ какой-то тамъ полосѣ средней Россіи,—то все это, хотя бы многое въ эстетическомъ смыслѣ и отталкивало, можетъ произвести впечатлѣніе, настроить, и даже «заразить», какъ заражаютъ истерика, пѣніе и т. п., какъ можетъ потрясти натуралистическое изображеніе на сценѣ смерти съ клиническими подробностями или разсказъ репортера объ убійствѣ, хотя бы онъ лишенъ былъ всякихъ достоинствъ художественнаго разсказа. Но этотъ натурализмъ впечатлѣній не есть впечатлѣніе отъ искусства, преломившаго жизнь черезъ свою грань.

«Я вижу Генриха (въ «Потонувшемъ Колоколѣ») въ тотъ моментъ, когда показываются тѣни дѣтей,—признается одинъ изъ критиковъ, писавшихъ о Художественн. театрѣ (С. Глаголь),—и рѣшительно не могу сказать, *что* производитъ на меня впечатлѣніе: игра ли самого Генриха и его ужасъ или все остальное, эта ночь съ ея обманчивыми пятнами таинственнаго луннаго свѣта, эти едва уловимыя глазомъ тѣни... Я хочу припомнить Геншеля, который бродитъ ночью и, смотря на луну, разговариваетъ съ покойной женой, и чувствую, что не могу отдѣлить Геншеля отъ впечатлѣнія всей обстановки... И такъ безъ конца»... Когда Э. Верхарнъ, послѣ тургеневск. спектакля въ Худож. театрѣ, вспоминаетъ восхищенно (въ «Русск. Вѣд.») о томъ, какъ... живо передана ясность солнечнаго лѣтняго дня, въ которой купалась мебель и оконныя занавѣски деревенской гостиной:—«Это граничитъ съ чудомъ!»—восклицаетъ онъ, увидавшій на родинѣ Тургенева тургеневскую пьесу и ничего болѣе существеннаго не вынесшій отъ постановки ея въ образцовомъ театрѣ,—есть ли это нормальное для театра отношеніе къ нему или нѣтъ?

Остаются въ памяти впечатлѣнія отъ обсыпанныхъ бѣлымъ цвѣтомъ вишневыхъ деревьевъ, заплѣснѣвѣлыхъ стѣнныхъ пятенъ подъ картинами, стильной обстановки тургеневскихъ усадебъ... Меланхолическіе звуки гитары, хриплый звонъ стѣнныхъ часовъ въ пустомъ домѣ, цвириканіе сверчка за печкой, однообразное щелканіе счетовъ, замирающіе вдали колокольчики тройки—все это само по себѣ, безъ всякихъ персонажей, безъ авторскихъ

репликъ, безъ актера и безъ пьесы рождаетъ настроеніе, физіологическій отзвукъ, но все это ничего общаго не имѣетъ съ театральнымъ искусствомъ, которое рождаетъ иного типа впечатлѣнія, хотя бы по своему первоисточнику тоже физіологическія, но уже въ процессѣ творчества ставшія эстетическими,—болѣе сильныя и глубокія впечатлѣнія совершенно иными средствами: безъ всѣхъ этихъ аксессуаровъ, на убогой сценѣ, въ нелѣпыхъ декораціяхъ, при сальныхъ огаркахъ, силою одного актера, его игры, его переживаній, которыя черезъ его голосъ, мимику, жесты передаются зрителю и, властно захватывая его, создаютъ полную сценическую иллюзію.

Еще одно: художественныя декораціи Добужинскаго, напр., могутъ родить эстетическія впечатлѣнія, какія рождаются на выставкѣ картинъ, но эти переживанія—отъ живописи, а не отъ искусства театра, какъ такового: зритель часто не въ состояніи отдать себѣ отчетъ въ томъ, что въ немъ произошла эстетическая аберрація, что одно большое эстетическое впечатлѣніе (напр. отъ прекрасной обстановки) легло на другое, часто незначительное, отъ самого театра, отъ исполненія; и засчитываетъ въ плюсъ театру *общее* впечатлѣніе отъ спектакля. Но вовсе не все равно, *какъ и какими* путями получить впечатлѣніе, лишь бы его получить. Здѣсь, въ этомъ «какъ», и лежитъ все отличіе искусства отъ не-искусства. Искусство театра, какъ театра,—мы уже говорили объ этомъ,—начинается съ актера и кончается имъ, какъ искусство писателя начинается его произведеніемъ и кончается имъ, ничего общаго не имѣя ни съ искусствомъ художника-иллюстратора книги, ни съ искусствомъ гравера, типографа, переплетчика или бумажнаго фабриканта. Эстетическія впечатлѣнія въ театрѣ — только отъ актера и черезъ него. Внѣ его ихъ не можетъ быть. И только черезъ него,—единственную эмоціональную живую силу театра,—театръ получаетъ свою жизнь, страсть. Только черезъ него онъ можетъ дѣйствовать на зрителя.

Но тамъ, гдѣ артистъ не стихійный, а раціоналистическій и техническій (не говоря уже о томъ, что онъ вообще отодвинутъ на задній планъ чисто рефлективной режиссерской работой и декораціями) тамъ живая динамика театра превращается въ мертвую, тамъ уже не можетъ быть «зараженія», захвата, всего того, чего именно не достаетъ Художественному театру.

Московскій театръ не «заражаетъ» потому, что онъ насквозь раціоналистическій во всѣхъ своихъ настроеніяхъ, за-

дачахъ, силахъ—въ режиссурѣ, интерпретаціи драматическихъ авторовъ, въ актерѣ. Гдѣ гипертрофія разсудочности, не можетъ быть трепетаній нервовъ, крови сердца и обжигающихъ слезъ...

XI.

Московскій художественный театръ долженъ, какъ всякое событіе, учить, воспитывать. Подводя итоги своимъ впечатлѣніямъ, полученнымъ въ этомъ театрѣ, мы должны вынести опредѣленный эстетическій урокъ изъ нихъ.

«Новое», что̀ принесъ Московскій театръ на русскую сцену, былъ натурализмъ. Правда, Станиславскій увѣряетъ, что основные принципы его театра заключаются въ «сліяніи завѣтовъ Щепкина съ новаторствомъ Чехова», но вѣдь въ искусствѣ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, надо считаться не съ теоріей, а практикой, и вѣрить не словамъ, а только тому, что̀ намъ показано. У насъ, какъ мы видѣли, всѣ основанія считать «душой» Московскаго театра натурализмъ, а не что другое. Идеаломъ этого театра, которому онъ неуклонно слѣдовалъ въ своей 15-лѣтней жизни, было свести театръ къ хорошей копіи реальной жизни, замѣнить на театральныхъ подмосткахъ идеальный міръ искусства—міромъ прозаической дѣйствительности. Осуществляя на сценѣ житейскую правду во всѣхъ ея деталяхъ, онъ боролся съ условностью и «ложью» театра во имя принципа «настоящаго» или точной иллюзіи настоящаго. Мы уже видѣли, насколько этотъ идеалъ отвѣчаетъ задачамъ художественнаго театра безъ прописной буквы,—и вообще основнымъ требованіямъ художественности въ искусствѣ: типичности, чувству мѣры и различенія «лишняго» отъ необходимаго, соразмѣрности частей, подчиненія второстепеннаго главному и пр., но этому идеалу онъ слѣдовалъ, прилагая его мѣрку съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ ко всѣмъ своимъ силамъ: режиссеру, драматургу, актеру.

Для наиболѣе полнаго осуществленія своего идеала театръ прибѣгалъ всегда къ помощи цѣлаго ряда побочныхъ искусствъ (живописи, бутафоріи, электротехникѣ и пр.), въ ряду которыхъ главный и единственно-важный матеріалъ сцены—актеръ—становился элементомъ второстепеннымъ. Но, устранивъ актера съ его мѣста главной въ театрѣ силы, естественно было свести и его творчество къ мастерству, техническому совершенству, тотъ элементъ, для котораго «nascuntur» свести почти къ одному «fiunt». Но устранить творчество актера для театра означало

перестать «захватывать» и «заражать» зрителя своими настроеніями, чувствами и идеями. Такъ послѣдовательно сказался въ Московскомъ театрѣ весь путь натурализма.

«Выйдя изъ принциповъ реализма, мы сдѣлали полный кругъ и теперь возвращаемся къ этому реализму»,—заявилъ Станиславскій на 10-лѣтнемъ юбилеѣ Художеств. театра. Но мы уже знаемъ, какой характеръ носитъ этотъ «реализмъ». Явился ли день юбилея театра «переходнымъ» для него днемъ, какъ думалъ въ свое время другой его руководитель, Немировичъ-Данченко? Ближайшая же послѣ юбилея постановка «Ревизора» въ рѣзко-натуралистическихъ тонахъ показала, что театръ не вернулся, какъ было обѣщано, «ко временамъ Щепкина». И такимъ этотъ театръ пришелъ и ко дню своего пятнадцатилѣтія, дню мужеской зрѣлости, полный все тѣхъ же исканій, сомнѣній и разочарованій. Объ этомъ вполнѣ опредѣленно говоритъ самъ К. Станиславскій (см. «Театръ» отъ 14 окт. т. г.): «Мы, отправляясь отъ реализма внѣшняго, чрезъ схематизацію, импрессіонизмъ и символизмъ, пришли къ реализму внутреннему, который «не есть реализмъ быта и внѣшней жизни, а реализмъ ея внутренней правды,—то, что̀ по моему лучше всего выражается словами: «душевный *натурализмъ*».

Конечно, натурализмъ «художественниковъ» не явился произвольно, случайно или подражательно. Его печатью отмѣченъ и Западъ нашихъ дней въ своихъ эстетическихъ исканіяхъ. Въ немъ—отраженіе соціальной эволюціи вѣка, дыханіе и голосъ современнаго производственнаго уклада жизни. О «научной функціи» театра настойчиво твердилъ еще maître натурализма, Золя, видѣвшій, напр., въ декораціяхъ одинъ изъ серьезнѣйшихъ элементовъ театра, показывающихъ на сценѣ природу и вещи въ ихъ воздѣйствіи на общество и на отдѣльныхъ лицъ. Для психологіи современнаго машиннаго города характерно именно это точное воспроизведеніе среды, выполненное въ совершенствѣ нашей на широкую ногу поставленной фабрикой-театромъ съ ея цѣлой промышленной и дисциплинированной арміей рабочихъ, администраторовъ, директоровъ и пр., при всѣхъ богатыхъ возможностяхъ техники нашихъ дней; эта централизація власти въ рукахъ управляющаго-режиссера; это выдвиганіе массовыхъ сценъ, толпы; гибель актерской индивидуальности и пр.

Отмѣтившій своимъ появленіемъ и ростомъ эту фазу развитія, которую русскій театръ неизбѣжно долженъ былъ прожить и изжить въ связи съ общимъ развитіемъ русской жизни

и ея европеизаціей, Московскій Худож. театръ несомнѣнно сыгралъ извѣстную крупную историческую роль. Но эта роль отходитъ уже въ прошлое. Эпоха общественнаго строительства, которая должна смѣнить нашу эпоху кризисовъ и броженій, оплодотворитъ живой водою новыхъ классовъ изсякшую жизненную и творческую энергію стараго общества. И въ искусствѣ она должна ознаменовать переходъ отъ художественно-безплоднаго и безсильнаго натурализма къ новому, полному свѣжихъ творческихъ силъ, обогащенному всѣми послѣдними техническими достиженіями реализму, реализму бытовому и психологическому, изображенію быта новаго человѣка и «души» этого человѣка. Поворотъ къ художественному реализму назрѣлъ и въ искусствѣ театра. Къ нему мы идемъ.

Пережитая фаза натурализма, выраженная такъ ярко въ дѣятельности Московск. Худож. театра, имѣла свое значеніе для развитія искусства не только тѣмъ, что расширила кругъ его содержанія, заставила обратить вниманіе на среду, классъ и все соціальное, и придала ему извѣстную трезвость взгляда, какъ реакцію противъ прежней идеализаціи или напыщенности, вообще противъ всякаго такъ наз. «театральничанія»,—но имѣла значеніе и въ смыслѣ развитія его формъ и пріемовъ сценическаго мастерства.

Мы уже отчасти говорили объ этомъ.

Московскій театръ не захотѣлъ быть среди «лоскутной и картонной природы» технически-отсталаго стараго индивидуалистическаго театра. Внѣшняя сторона театральнаго зрѣлища при помощи режиссера, декораторовъ, машинистовъ и пр. была разработана Московскимъ театромъ въ совершенствѣ, еще до сихъ поръ никакимъ другимъ театромъ въ Россіи не превзойденномъ. На сцену театръ принесъ правду костюмовъ, природы, исторіи, археологіи, ансамбль красочныхъ пятенъ, линій, позъ, тонкую живописность, радующую глазъ. Къ сожалѣнію, театръ не удержался въ предѣлахъ необходимаго и нарушилъ даже завѣты перваго теоретика натуралистическаго театра, Золя, указывавшаго на то, что «рамка не должна затемнять дѣйствующихъ лицъ своей важностью и богатствомъ», что «реальныя декораціи должны служить только для того, чтобы доставить больше реальности человѣку и поставить его передъ зрителемъ въ свойственную ему среду», что вообще «центромъ» театра, на которомъ должны сосредоточиваться «общіе результаты» и вся «сумма эффектовъ», долженъ остаться «человѣкъ», правда, «физіологическій», какъ онъ выражался,—но все же человѣкъ.

Московскій театръ сдѣлалъ шагъ назадъ, уменьшивъ значеніе актера на сценѣ, но онъ же укрѣпилъ сознаніе важнаго значенія техники для актера, сознательности въ творчествѣ и въ выработкѣ формъ его. «Мочаловщина», игра исключительно «нутромъ», по наитію вдохновенія, эта, такъ сказать, первобытная ступень актерскаго творчества, давно уже стала и у насъ, какъ и на Западѣ, отходить въ область преданій. Русская сцена знала одновременно съ Мочаловыми и Каратыгиныхъ. Знаменитый Самойловъ, доводившій правдивымъ изображеніемъ смерти на сценѣ весь театръ до истерики, а самъ въ это время показывающій языкъ мальчику за кулисы и строющій ему гримасы,—реальный фактъ нашей сцены. Но и великіе русскіе актеры «Мочаловскаго» типа, стихійнаго, непосредственнаго таланта, съ давнихъ поръ относились у насъ къ своему творчеству сознательно, являясь одновременно и блестящими виртуозами формы.

Московскій театръ могучее значеніе техники показалъ именно на среднемъ актерѣ, обычно являвшемся на провинціальной сценѣ «докладчикомъ» своей роли, театральнымъ, въ дурномъ тонѣ, любовникомъ и трагикомъ, съ паѳосомъ бьющимъ себя въ грудь для изображенія страданій. Московскій театръ долгой работой надъ такимъ актеромъ вытравилъ въ немъ этотъ «провинціализмъ» и добился извѣстной полезности его въ ансамблѣ, технической простоты въ его игрѣ, культурности. Онъ сдѣлалъ возможнымъ существованіе театровъ посредственныхъ актеровъ рядомъ съ театрами, группирующимися вокругъ большихъ актеровъ.

Московскій театръ—театръ культуры, и въ этомъ большая сила его. Всякій большой талантъ самъ по себѣ культуренъ, но культуренъ, такъ сказать, стихійно, силой интуиціи. Въ нашъ разухабистый и мало дисциплинированный театръ Московскій театръ внесъ именно сознательную культуру: порядокъ и «дисциплину», знанія, интеллигентность, трудъ, тотъ трудъ, который «на половину» образуетъ генія, по словамъ Сальвини. Серьезность, вдумчивость, суровая бережность въ отношеніи къ театру,—то, что̀ знали на русской сценѣ только отдѣльные актеры, укрѣпилось у насъ, какъ необходимое общее сознаніе правильныхъ условій развитія искусства со временъ Московскаго театра. Они чудные работники, эти «художественники», всю сложную машину людей, художественныхъ и денежныхъ средствъ направляющіе на задачи своего театра, какъ они понимаютъ ихъ. Вокругъ театра и въ немъ создалась высокая атмосфера куль-

туры, какой-то культъ искусства, нѣчто почти незнакомое нашему старому театру, прекрасному и широкому, богатому отдѣльными талантами и горячей любовью, но въ цѣломъ своемъ безпутному и безпорядочному. Въ Московскомъ Художественномъ театрѣ, помимо языка, мало національныхъ русскихъ чертъ и особенностей и много европейскаго. Въ этомъ смыслѣ Московскій театръ—первый у насъ европейскій театръ (да и раціонализмъ его европейскаго характера), европеецъ въ сердцѣ Россіи.

Привнесеніе этихъ культурныхъ сторонъ Московскаго натуралистическаго театра въ нашъ старый «Щепкинскій» художественно-реалистическій только должно облагородить сцену, создать прекрасную раму для прекрасной картины,—раму, которая должна не закрывать, а оттѣнять картину. Синтезъ культуры съ непосредственнымъ актерскимъ творчествомъ — вотъ идеальное будущее театра и единственный пока отвѣтъ на тотъ мучительный вопросъ: какъ быть дальше?—куда идти?—который стоитъ нынѣ передъ Московскимъ театромъ.

И онъ, этотъ стойкій, упрямый театръ, по неминуемой логикѣ вещей, долженъ отъ всѣхъ своихъ столь нашумѣвшихъ исканій неизбѣжно вернуться къ тому простому принципу театра, отъ котораго такъ отважно ушелъ въ свое время. Кругъ свершился и для него, безвыходная кривая его круга привела его къ точкѣ исхода.

Побѣда актера надъ всѣмъ прочимъ въ театрѣ—та точка, къ которой неизбѣжно должны были прійти послѣ всѣхъ своихъ экспериментовъ надъ театромъ театральные реформаторы нашихъ дней. Банкротство натуралистическаго метода приводитъ и Московск. театръ къ актеру, торжествующему надъ бутафоріей.

XII.

Первыя симптоматическія попытки *освободить* картину отъ рамы, актера—отъ бутафорскаго «засилья», перенести центръ тяжести спектакля на актера, мы усматриваемъ въ рядѣ такихъ упрощенныхъ постановокъ Художеств. театра послѣдняго времени, какъ «Гамлетъ», «Братья Карамазовы», какъ новая постановка «Царя Ѳедора» (безъ роскошной сцены на Яузѣ — центрѣ прежней постановки и въ новыхъ сѣрыхъ декораціяхъ Сапунова), гдѣ вся внѣшняя, обстановочная часть въ мѣру сведена къ необходимому или даже только однимъ художествен-

нымъ намекамъ. Къ сожалѣнію эти попытки сдѣлали только, такъ сказать, очевиднѣе, обнаженнѣе правду объ актерскомъ безсиліи этого театра.

Всѣ критики, кажется, сошлись на томъ, что въ смыслѣ исполненія театръ въ «Карамазовыхъ» достигъ своего предѣла; но каковъ этотъ возможный предѣлъ Московск. театра?

Театръ не только подтвердилъ старое мнѣніе о себѣ, что онъ не умѣетъ «захватывать» и увлекать (исключеніе представляетъ одинъ г. Москвинъ въ эпизодической роли Снѣгирева); онъ, какъ намъ кажется, не нашелъ и воплощенія для того психологическаго явленія, которое есть карамазовщина. «Тарантула сладострастія», сладострастія тѣла и духа, не было показано на сценѣ, о немъ только говорили. Мы видѣли тщательно разработанную игру, но игру больше отъ «головы», безъ необходимой внутренней силы и убѣдительности. Что было Карамазовскаго въ Иванѣ-Качаловѣ, своимъ музыкальнымъ голосомъ красиво и умно продекламировавшемъ свою знаменитую сцену съ чортомъ? Иванъ—не резонеръ, его рѣчь—не декламація. Его своеобразное ницшеанство—не только разсудочное, паѳосъ мысли, а и паѳосъ чувства, нутряное, органическое, и мыслью и плотью пережитое, карамазовщиной вскормленное. Не жуткимъ кошмаромъ вѣяло отъ Качаловскаго «чорта»; когда онъ пугалъ, зрителю не было страшно. Именно «андреевщину», а не Достоевскаго, у котораго все стихійно и «инфернально», воплотилъ Качаловъ, какъ и весь театръ въ своихъ «Карамазовыхъ» — разсудочное, взвинченное, риторическое «андреевское».

Леонидовъ, играющій Митю, снялъ яркія одежды съ этого человѣка высотъ и безднъ,—у Достоевскаго, можетъ быть, нѣсколько романтической, по-русски романтической фигуры, сузилъ до элементарности сложный внутренній міръ Димитрія, сдѣлалъ его (въ цѣляхъ натурализма?) сѣрымъ, будничнымъ. Весь разгулъ и ширь этой натуры выражаются артистомъ въ безшабашномъ крикѣ, по-пьяному, во всю глотку; весь «надрывъ» мучительный—въ хныканьи и плачѣ. А что въ немъ отъ духа благородства и своеобразной рыцарской чести (эпизодъ съ Катериной Ивановной), отъ той борьбы «дьявола съ Богомъ», которая раздираетъ его душу? Гдѣ эти жуткія манящія бездны сладострастія, позора и боли, муки жестокаго таланта, гдѣ необычайный размахъ души, радость жизни, любовь къ клейкому листочку—и неожиданная грусть, трогательная простота ребенка,—все, что̀ такъ волнуетъ и покоряетъ въ стихійномъ, какъ

самъ Митя, изумительномъ воплощеніи другого Димитрія — Орленева?

Зато театръ умудрился даже въ свою строго-упрощенную постановку внести натуралистическія детали, отъ которыхъ отказаться не можетъ, какъ отъ своей природы. Мы видали визгливыхъ бабъ въ «Мокромъ», фотографически-точную картину предварительнаго слѣдствія вплоть до снимания одежды съ Мити и демонстрированія снятой съ него сорочки, видали самого Митю кутавшимся въ одѣяло, подъ которымъ не умѣщались его голыя ноги (эта сцена волновала своимъ тяжелымъ натурализмомъ)...

Но самъ по себѣ избранный театромъ путь вѣренъ. Это путь къ зрителю черезъ актера,—актера, торжествующаго на сценѣ. Но для полнаго торжества этотъ актеръ долженъ быть свободенъ, какъ сама природа творчества, стихіенъ и вдохновененъ.

Когда искусство переходитъ изъ первобытнаго и наивнаго состоянія въ періодъ культурнаго развитія, форма, прежде интуитивно рождавшаяся въ процессѣ творчества вдохновеннаго художника, переходитъ въ фазисъ сознательной работы. Въ этомъ— большое положительное значеніе культуры для искусства, но и большое отрицательное: оно теряетъ въ своей непосредственности, въ очарованіи своей безыскусственности. Извѣстное соотношеніе между раціоналистической и эмоціональной стороною въ искусствѣ опредѣляетъ его цѣнность и значеніе. Мы знаемъ, въ чемъ горе Моск. Художеств. театра: его горе— «горе отъ ума». Эмоціональный элементъ въ немъ незначителенъ, но только онъ и творитъ искусство, волнующее сердца.

Возвратъ къ такому актеру, прежде всего эмоціональному, актеру-реалисту, есть тотъ вѣрный путь исхода изъ безплодной аравійской пустыни, который лежитъ теперь передъ Московскимъ театромъ.

О Клеронъ, извѣстной французской артисткѣ XVIII в., владѣвшей въ совершенствѣ техникой, энциклопедисты, при всемъ огромномъ успѣхѣ театра Клеронъ у публики, писали: «Изученіе, разработка, розысканія, самое ясное пониманіе, самый изощренный тактъ сдѣлали ее превосходной актрисой. Но природа, шутя, часто затмеваетъ красоты, добытыя путемъ искусства. Безпорядокъ подчасъ вдохновененъ въ то время, какъ сплошь да рядомъ какой-то холодокъ вкрадывается въ совершенство. Разработанный талантъ цѣнится выше, но инстинктивный даетъ наслажденія болѣе высокія. Первый нравится уму, второй ищетъ себѣ отклика въ душѣ зрителей» (Dorat).

Да, Московскій Художеств. театръ—умный и истинно-культурный театръ. Но сколько разъ, сидя въ его стѣнахъ, въ его уютномъ и изящно-простомъ московскомъ помѣщеніи, глядя на прекрасныя постановки его, зритель душой тосковалъ по старой сценѣ, гдѣ подъ «бумажной луной» и межъ шатающихся «картонныхъ деревьевъ» бродилъ, жилъ, волновался и кровью сердца истекалъ старый русскій актеръ. Можетъ быть, это признакъ извѣстнаго консерватизма, но, признаюсь, мнѣ, а, можетъ быть, и не мнѣ одному — милѣе всегда былъ и будетъ, если ужъ нужно выбирать, этотъ старый буйный русскій лѣсъ Щепкиныхъ, Ермоловыхъ и Комиссаржевскихъ, чѣмъ современный, ровно подстриженный и аккуратно усыпанный песочкомъ англійскій паркъ «художественниковъ».

Д. Тальниковъ.

ВЪ СТРАНУ ЛИХОРАДОКЪ.

Разсказъ Юргена Юргенсона.

Пароходъ «Принцесса Евгенія» медленно плылъ по теченію однообразнаго Конго. Пассажиры прятались отъ солнца подъ навѣсомъ на срединной палубѣ и ныли отъ жары. Ихъ было восемь, и весь путь отъ Антверпена до Бомы они сдѣлали вмѣстѣ. Затѣмъ, двѣ недѣли изнывая отъ нетерпѣнія, проскучали въ раскаленной, какъ печка, Бомѣ, проѣхали по желѣзной дорогѣ въ Лео, тамъ опять недѣлю метались въ безплодномъ ожиданіи и теперь снова около недѣли ѣхали на пароходѣ. Сидя на палубѣ, за остатками болѣе чѣмъ скудной трапезы, каждый думалъ о событіяхъ минувшихъ дней.

Всѣ они были офицеры на службѣ государства Конго, молодые, здоровые люди, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ служившіе каждый въ войскахъ различныхъ европейскихъ государствъ.

При выѣздѣ изъ Лео, съ ними были еще два товарища. Одинъ изъ нихъ, итальянецъ, черезъ нѣсколько дней послѣ выѣзда, легъ на свою койку, закатилъ глаза, сказалъ: «Сакраменто»! и отдалъ Богу душу. Товарищи, столпившіеся около него, и не догадывались, что съ нимъ, пока не пришли капитанъ и докторъ и не констатировали смерти. Прежде чѣмъ остальные успѣли оправиться отъ изумленія, тѣло итальянца уже зарыли на поросшей лѣсомъ косѣ въ двухъ-трехъ шагахъ отъ воды. Только на другой день, когда пароходъ уже отошелъ на порядочное разстояніе отъ мѣста погребенія, ѣхавшіе на пароходѣ прониклись жуткимъ сознаніемъ, что ихъ посѣтила смерть.

Датчанинъ, совсѣмъ молоденькій поручикъ, такъ огорчился этимъ, что слегъ въ постель и, трясясь въ лихорадкѣ, всю ночь напролетъ командовалъ: «Полоборота напра-во. Шагомъ маршъ»!

и «Ружье на пле-чо»! А затѣмъ и онъ предоставилъ «Принцессу Евгенію», вмѣстѣ съ негостепріимнымъ Конго, ихъ невѣдомой судьбѣ и ушелъ въ туманную страну, откуда нѣтъ возврата. Юношу схоронили въ ближней туземной деревушкѣ, примостившейся на самомъ берегу, и, пока пароходъ стоялъ у берега, машинистъ смастерилъ изъ пустого ящика деревянный крестъ для могилы.

И на другое утро, чуть свѣтъ, прежде чѣмъ двинуться дальше въ путь, всѣ они ходили прощаться съ этой могилой. Попадись имъ такой крестъ гдѣ-нибудь въ другой странѣ и при другихъ условіяхъ, онъ, въ своей наивной простотѣ, по всей вѣроятности, показался бы имъ комичнымъ. Но здѣсь онъ имъ напоминалъ о чемъ-то грозномъ, о чемъ не говорили мраморные кресты и памятники на кладбищахъ Рима, Брюсселя, Женевы и Копенгагена. И это напоминаніе врѣзалось въ души всѣмъ имъ.

Они стали раздражительны и молчаливы; настроеніе у всѣхъ было какое-то странное. Ѣда опротивѣла своимъ томительнымъ однообразіемъ, и мало кому кусокъ шелъ въ горло, хотя, покончивъ съ обѣдомъ, не было иной заботы, какъ ждать ужина, который, каждый зналъ уже напередъ, тоже не покажется вкуснымъ. Нетерпѣніе, раздражительность и скука все глубже разъѣдали организмы и отравляли настроеніе.

За нѣсколько дней нѣсколько человѣкъ захворали и слегли въ постель и, когда кто-нибудь вставалъ и, съ лихорадочно блестящими глазами, устремлялся внизъ, въ каюту, остальные думали, каждый про себя: «Вотъ и № 3-й. Быть можетъ, скоро очередь дойдетъ и до меня».

Тѣни недовольства и тоски по родинѣ омрачали молодыя лица. Постепенно пассажиры «Принцессы Евгеніи» утратили всякій интересъ къ тому немногому, что происходило за предѣлами парохода, и цѣликомъ ушли въ жуткое сознаніе нависшей надо всѣми гибели. А пароходъ все плылъ и плылъ въ невѣдомую даль, среди стоявшаго двумя стѣнами лѣса, по блестящему бѣлому зеркалу водъ.

Грекъ цѣлыми днями почти не сходилъ съ своего раскидного стула. Смерть давно наложила печать на это смуглое лицо съ заострившимися чертами; матово-черные глаза смотрѣли упорно, не отрываясь, на другихъ, но прочесть въ нихъ ничего было нельзя. Онъ былъ здѣсь всѣхъ несчастнѣе, ибо его съ трудомъ понималъ даже и швейцарецъ Якоби, владѣвшій чуть не всѣми языками, на какихъ говорятъ люди.

Итальянскій докторъ тоже свялъ и едва держался на

ногахъ, а бельгійскій лейтенантъ Ванмаэль былъ желтѣй лимона.

Взглядъ лейтенанта Крога переходилъ съ итальянскаго врача, уснувшаго, поникнувъ головою надъ пустой тарелкой, на Ванмаэля, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ и, несмотря на палящій зной, дрожалъ отъ холода.

Крогъ былъ норвежецъ, сдержанный, не разговорчивый и не очень молодой; другіе, помоложе, относились къ нему почтительно и сами первые не заговаривали съ нимъ. Онъ и Якоби обыкновенно были вмѣстѣ.

Послѣ похоронъ датчанина Крогъ вдругъ оживился. Къ большому удивленію и даже испугу своихъ упавшихъ духомъ слушателей, онъ часами просиживалъ теперь съ ними, разглагольствуя на всевозможныя темы.

Возьметъ, напримѣръ, руку Ванмаэля и начинаетъ: «Дайте-ка, я пощупаю вашъ пульсъ... Ну, конечно, у васъ лихорадка. Напрасно вы сегодня ѣли. Вамъ надо лечь въ постель, выпить горячаго чаю и укрыться потеплѣе. Сейчасъ же подите и лягте».

А у самого щеки пылаютъ, а глаза стеклянные.

Но это не мѣшаетъ ему продолжать давать совѣты, выкладывая всѣ свои, недавно освѣженныя чтеніемъ, медицинскія познанія.

Но Ванмаэль продолжалъ сидѣть на палубѣ, желтый и унылый. Ему вовсе не хотѣлось лежать на койкѣ, одному со своими мыслями. Достаточно онъ уже передумалъ въ безсонныя ночи. Эти мысли жгли его мозгъ, палили, словно огнемъ, его лобъ, и отъ нихъ у него прыгали передъ глазами разноцвѣтныя искры.

Крогъ тяжело поднялся со стула. Ему вдругъ захотѣлось спать, и онъ побрелъ въ свою каюту, между тѣмъ, какъ остальные снова разлеглись на раскидныхъ стульяхъ, поставленныхъ кружкомъ на палубѣ.

* * *

Часъ спустя, Якоби совершалъ обычную свою одинокую прогулку на кормѣ, мимо каютъ. Думая о своемъ, онъ машинально заглядывалъ въ раскрытыя окна. Увидалъ Крога, съ пылающимъ лицомъ, лежавшаго на своей койкѣ, глядя въ потолокъ, и ему вдругъ захотѣлось крикнуть ему что-нибудь, шуточнымъ замѣчаніемъ спугнуть эту похоронную тишину.

— Занятная рѣка этотъ Конго!—крикнулъ онъ въ окно.

Крогъ повернулъ къ нему блестящіе, непроницаемые глаза. Швейцарцу стало жутко.

— Позовите капитана Йонсона, — пересохшими губами прошепталъ норвежецъ.

Йонсонъ и Крогъ были въ родствѣ. Случай свелъ ихъ вмѣстѣ въ этомъ отдаленномъ уголкѣ земного шара. Каждый вечеръ, со дня выѣзда изъ Лео, они усаживались рядомъ на передней палубѣ, обмѣниваясь воспоминаніями о родинѣ, дурными и хорошими.

Йонсонъ взошелъ вмѣстѣ съ Якоби на командирскій мостикъ, сталъ передъ дверьми каюты Крога и добродушно повторилъ слова, которыя онъ говорилъ уже не разъ: „Да, братъ, это не то, что дома на ученьѣ, или въ манежѣ. Ты, собственно, зачѣмъ меня звалъ?“

Но вдругъ, приглядѣвшись къ Крогу, онъ испуганно воскликнулъ:

— Кой чортъ! Да что съ тобой?

— Со мною—плохо... Конецъ мой пришелъ, Іоганнъ.

— Что? Да ты съ ума сошелъ!

— Я чувствую, что это конецъ... Мѣсяца черезъ два ты вернешься домой... Возьми эти часы—отдашь ихъ отцу...

— Послушай, будетъ тебѣ болтать вздоръ. Не желаю я больше слушать этого. Что на тебя вдругъ нашло?

— Не могу больше, умираю...

— Да ты спятилъ, дружище. Вѣдь у тебя до сегодняшняго дня даже ничего не болѣло.

Якоби стоялъ рядомъ и напряженно слѣдилъ за смѣной выраженія на лицѣ капитана Йонсона.

— Что онъ такое говоритъ?—нервно допытывался швейцарецъ.

Обозленный Йонсонъ, не отвѣчая, бросился на палубу.

— Былъ лейтенантъ Крогъ сегодня боленъ?—обратился онъ на плохомъ французскомъ языкѣ къ итальянскому врачу.

Дремавшій итальянецъ вдругъ проснулся, остальные медленно повернули головы къ капитану и съ испугомъ воззрились на него.

— Нѣтъ, не былъ,—устало выговорилъ итальянецъ.

— Подите къ нему, посмотрите, что съ нимъ.

Капитанъ пошелъ впередъ, а за нимъ поплелся итальянецъ. Въ каютѣ стоялъ одинъ Якоби, нагнувшись надъ больнымъ. Оставшіеся на палубѣ испуганно переглянулись между собой, и каждый вновь почувствовалъ ледяной дрожью пробѣжавшую по

спинѣ его увѣренность въ томъ, что между ними смерть... Маленькій поручикъ Йонсонъ, датчанинъ, учившійся въ одной школѣ съ товарищемъ, нынѣ покоившимся подъ деревяннымъ крестомъ, на океанскомъ пароходѣ всѣхъ веселилъ своими шалостями. Но на Конго и онъ сталъ задумываться, такъ разсуждая про себя:

— Теперь Крогъ захворалъ. У грека такой видъ, какъ будто ему два часа до смерти; докторъ тоже боленъ; Ванмаэль тоже очень ослабъ и не сегодня-завтра заболѣетъ. Ну, а мы, прочіе, пожалуй, уцѣлѣемъ.

Около четырехъ часовъ докторъ въ третій разъ позвалъ капитана Йонсона въ каюту Крога.

— Ничего не понимаю,—жаловался докторъ.

— Я тоже ничего не понимаю,—въ ужасѣ отвѣчалъ Йонсонъ.

— Ну, что? Каково тебѣ?—спрашивалъ онъ Крога.

— Такъ, какъ я говорилъ утромъ,—съ усиліемъ выдавилъ изъ себя Крогъ.—Кланяйся отцу и дядѣ—и...

— Да, Гансъ, я не забуду, и нэррегардской барышнѣ тоже передамъ отъ тебя привѣтъ.

У Крога захватило духъ, но въ широко раскрытыхъ глазахъ его засвѣтилась ясная улыбка—его послѣдняя улыбка.

Послѣ смерти лейтенанта Крога съ пассажирской палубы какъ будто исчезли послѣдніе остатки воли къ жизни и потребности въ самосохраненіи. Капитанъ Йонсонъ никого не подпускалъ къ себѣ; Якоби инстинктивно забивался въ маленькій свободный уголокъ за руфомъ, или же шагалъ одиноко по боковому коридору, доходя только до середины корабля. Но, въ концѣ концовъ, оставилъ и прогулки и засѣлъ на задней палубѣ; ибо каждый разъ, какъ онъ, шагая, приближался къ пяти пассажирамъ, праздно лежавшимъ на раскидныхъ стульяхъ вокругъ стола, его охватывалъ ужасъ. Съ остальными онъ видался только за столомъ, да и это, видимо, ему было въ тягость. И были дни, когда онъ предпочиталъ питаться бананами, наваленными грудами на крытой палубѣ, и совсѣмъ не выходилъ къ столу.

Облокотясь на перила, капитанъ сидѣлъ на командирскомъ мостикѣ и смотрѣлъ на воду. Отъ времени до времени онъ движеніемъ головы указывалъ на мель, или песчаную косу, выдвинувшуюся далеко въ воду, и черный рулевой мгновенно переводилъ этотъ жестъ на шумливое скрипучее колесо.

Йонсонъ сильно исхудалъ въ лицѣ со времени смерти Крога,

и, когда кто-нибудь изъ негровъ не сразу толкомъ выполнялъ его приказъ, глаза его метали искры.

Онъ ничего не понималъ. Что же это, въ самомъ дѣлѣ?— онъ не смѣетъ показаться на палубу собственнаго судна, потому что люди умираютъ у него одинъ за другимъ. Съ буфетчикомъ они мучились два дня, а вчера и его схоронили на днѣ рѣки возлѣ самаго берега.

Въ Лео онъ принялъ на бортъ десять пассажировъ, а теперь осталось всего шестеро. Дьяволъ, что ли, шутки шутитъ съ его судномъ? Если такъ пойдетъ дальше, онъ прибудетъ на мѣсто въ единственномъ числѣ...

Кто-то сзади его постучалъ костяшками пальцевъ въ стѣнку каюты. Капитанъ раздраженно повернулся. Это былъ Якоби — по крайней мѣрѣ хоть одинъ живой человѣкъ.

— Итальянскій докторъ и инженеръ захворали. Вы не придете туда?

Когда Йонсонъ съ Якоби вышли на палубу, трое, сидѣвшіе тамъ, уставились укоризненно на капитана.

Онъ вдругъ обозлился.

— Что вы такъ на меня смотрите?—заревѣлъ онъ, ставши передъ грекомъ.—Я не желаю умирать. Нечего на меня такъ смотрѣть.

Но грекъ не въ состояніи былъ отвратить смертельно усталаго взора отъ капитанскаго лица.

Тогда Йонсонъ выдернулъ изъ-подъ грека стулъ и сбросилъ больного на полъ.

Йонсонъ и Ванмаэль невольно поднялись, видя, что капитанъ направляется и къ нимъ.

— Прочь съ дороги!—ревѣлъ Йонсонъ.—Вы не даете мнѣ пройти. Лейтенантъ Якоби, пришибите вы этихъ слюнтяевъ. Развѣ вы не видите, что они издыхаютъ?

Лицо у капитана было бѣлое, какъ мѣлъ, и все перекошено отъ болѣзненной ярости.

— Плюньте имъ въ рожи, лейтенантъ Якоби—оралъ онъ.— Ничего лучшаго они не стоятъ.

Якоби застылъ на мѣстѣ отъ изумленія и неожиданности и не сводилъ глазъ съ блѣднаго лица капитана. Въ первый моментъ онъ подумалъ, что капитанъ рехнулся. Но потомъ сообразилъ, что именно взбѣсило Йонсона, и, когда вслѣдъ за тѣмъ онъ очутился вдвоемъ съ капитаномъ въ каютѣ умирающаго итальянца, почему-то у него стало легче на душѣ—онъ самъ не могъ уяснить себѣ, почему.

Тѣмъ не менѣе грекъ поднялъ свой стулъ и снова безвольно раскинулся на немъ. Йонсонъ и Ванмаэль, опомнившись отъ изумленія, стали вспоминать былыя времена, когда они не оставили бы безнаказаннымъ такого оскорбленія.

Когда капитанъ снова появился на палубѣ, они оба встали и заявили ему, что они будутъ жаловаться на такое злоупотребленіе властью съ его стороны.

— Слава тебѣ, Господи!—воскликнулъ капитанъ.—Тогда, по крайней мѣрѣ, вы не умрете.

На другой день схоронили доктора на станціи, гдѣ полагалось останавливаться пароходу; а инженера, полумертваго, снесли на берегъ и помѣстили у жившаго на станціи врача.

На слѣдующій день вся жизнеспособность и воля къ жизни, какія были налицо на кораблѣ, сосредоточились, повидимому, на двухъ полюсахъ—на носу и на кормѣ. Капитанъ продолжалъ злиться, и пассажиры на центральной палубѣ каждый разъ вздрагивали, когда онъ вымещалъ свою злость, ругая негровъ.

На кормѣ одиноко шагалъ Якоби, собираясь съ силами.

На срединной палубѣ было неспокойно. Лейтенанту Йонсону стало не по себѣ между страдавшимъ желтухой бельгійцемъ и грекомъ, похожимъ на живого мертвеца. Съ того дня, какъ капитанъ со злости изругалъ ихъ всѣхъ, путаныя мысли маленькаго лейтенанта все время возвращались къ одному. Онъ обязательно пожалуется на грубаго норвежца, какъ только они придутъ къ водопадамъ Стэнли. Ни за что онъ этого такъ не оставитъ. Этакій вѣдь неотесанный мужикъ! Какая наглость—вести себя такъ съ пассажирами! У Йонсона жилы вздувались на лбу отъ гнѣва, когда онъ видѣлъ, какъ капитанъ съ перекошеннымъ лицомъ перегибался черезъ перила и кричалъ внизъ слова команды на языкѣ бангала [1]).

Йонсонъ усиленно припоминалъ, какъ все это произошло, въ какомъ порядкѣ—какъ капитанъ Йонсонъ опрокинулъ стулъ и швырнулъ грека на полъ, а потомъ, сквозь желтые нечищенные зубы, принялся выкрикивать злыя, безумныя слова. И Йонсонъ ясно видѣлъ самого себя стоящимъ передъ генеральнымъ комиссаромъ и докладывающимъ о происшедшемъ.

И, странное дѣло, сердиться на живого—это облегчало—при этомъ меньше думалось о мертвыхъ. Но все же ему всякій разъ становилось жутко, когда онъ взглядывалъ на грека, у ко-

---

1) Наиболѣе распространенный языкъ среди негровъ.

тораго изъ глазъ смотрѣла смерть, или на Ванмаэля, казалось, уже позабывшаго выходку капитана.

Не разъ маленькому лейтенанту приходило въ голову пойти на корму и поговорить объ этомъ дѣлѣ съ Якоби. Вообще, ходъ его мыслей обыкновенно начинался съ Йонсона и заканчивался Якоби. Однажды вечеромъ, взвинтивъ себя, онъ выполнилъ задуманное и пошелъ въ боковой коридоръ разыскивать Якоби, хотя тотъ всего часъ тому назадъ за столомъ украдкой бросилъ на него взглядъ, отнюдь не располагавшій къ сближенію.

— По-моему, вамъ ничего не слѣдуетъ предпринимать по этому поводу,—задумчиво сказалъ Якоби.

Послѣ чего оба они остались сидѣть за маленькимъ складнымъ столикомъ—собственность Якоби—давъ волю, наконецъ, потребности въ общеніи, такъ долго не находившей себѣ удовлетворенія. Постепенно Йонсонъ освоился съ швейцарцемъ и буквально ожилъ.

Съ этого дня они стали неразлучны. Оба теперь рѣдко обѣдали съ другими, насыщаясь бананами и консервами, приносимыми Йонсономъ изъ своего сундука. И были довольны, когда можно было уйти отъ всѣхъ другихъ.

Нѣсколько дней спустя къ нимъ присоединился Ванмаэль—его тоже пригнала сюда жажда жизни.

Йонсонъ и Якоби вначалѣ не очень были рады непрошенному гостю.

— Я не могъ тамъ больше выдержать,—пояснилъ Ванмаэль, словно отвѣчая на заданный ему вопросъ. Съ минуту оба смотрѣли на него, какъ бы раздумывая, прежде чѣмъ согласиться. Затѣмъ и онъ былъ снова принятъ подъ защиту жизни.

Грекъ одинъ велъ теперь свою жуткую игру со смертью. Однажды, въ страхѣ и смятеніи онъ пришелъ къ капитану и уставился на него, не говоря ни слова. Йонсонъ отогналъ его отъ себя трехъэтажнымъ ругательствомъ.

Но предчувствіе близкой кончины слишкомъ томило бѣдняка, и онъ сдѣлалъ еще одну попытку — присоединиться къ тѣмъ, троимъ.

— Скучно у насъ на пароходѣ,—выдавилъ онъ изъ себя съ вымученной усмѣшкой на отвратительномъ французскомъ языкѣ. Но всѣ трое такъ на него посмотрѣли, что больше придти онъ не осмѣлился. Еще нѣкоторое время бродилъ онъ по палубѣ, словно злой геній корабля. Наконецъ, однажды вечеромъ лихо-

радка наложила свою черную повязку на лицо несчастнаго и увела его во тьму, раньше чѣмъ онъ успѣлъ позвать на помощь.

Когда на слѣдующее утро и его похоронили, и пароходъ двинулся дальше, Якоби пошелъ къ себѣ въ каюту и вынулъ табакерку съ музыкой. Послѣ первыхъ похоронъ онъ спряталъ ее въ сундукъ, но теперь вынулъ снова и поставилъ на столъ. И, когда веселыя мелодіи, наигрываемыя ею, смѣнили траурный свистокъ, данный капитаномъ въ честь свѣжей могилы, всѣ трое, умывавшіеся на палубѣ, подставляя обнаженную грудь и руки свѣжему утреннему вѣтру, поняли, что они спасены.

Капитанъ Йонсонъ, еще утромъ злой и раздражительный, привлеченный звуками органчика, вышелъ на палубу и съ удивленіемъ воззрился на эту веселую картину утра. И, смѣясь, воскликнулъ:

— Ура, ребята! Такъ вы, оказывается, не совсѣмъ еще свихнулись?

Йонсонъ и Ванмаэль молча стояли и глядѣли на капитана, раздумывая о томъ, почему они вдругъ забыли старую обиду и готовы смѣяться вмѣстѣ съ нимъ.

— Да,—откликнулся за всѣхъ Якоби,—теперь мы снова живы.

И, когда первый солнечный лучъ упалъ на палубу, а послѣдняя тѣнь смерти разсѣялась и потонула въ килевой струѣ, всѣ четверо встрѣтили утро крикомъ ликованія.

Съ датскаго перев. З. Журавская.

БѢЛАЯ БАКТЕРІЯ.

Разсказъ Юргенса Юргенсона.

Большую часть необозримыхъ нѣкогда лѣсовъ Европы и Америки бѣлая бактерія давно уже опустошила, уничтожила; теперь очередь дошла и до экваторіальнаго лѣса, разросшагося пышно и густо еще съ тѣхъ временъ, когда земная кора выдѣляла изъ себя достаточно воды — въ увѣренности, что темный материкъ—надежное убѣжище отъ вышеупомянутой болѣзни.

Но это было только воображеніе.

Миссія бѣлой бактеріи обусловливается самыми идеалами земного шара, вѣками слагавшимися идеалами, требующими, во имя красоты и правды, простора, воздуха и свѣта, стремящимися въ будущемъ къ тому, чтобы освободить поверхность земли отъ всякой паразитной растительности и одѣть ея свѣжія, дѣвственныя формы въ желто-зеленый уборъ изъ спѣлыхъ колосьевъ пшеницы и банановъ.

Разумѣется, весь объемъ ея задачи и конечная цѣль бѣлой бактеріи невѣдомы, но въ ней живетъ мистическое сознаніе необходимости выполнить эту задачу; и надъ этимъ она трудится съ неизсякаемымъ усердіемъ.

Пассажирскіе пароходы перевозятъ ее изъ Европы черезъ Атлантиду и Гвинейскій заливъ въ африканскій дѣвственный лѣсъ. Всюду по теченію Конго она проникаетъ въ чащу лѣса и здѣсь, раздѣляясь на отдѣльныя колоніи, пролагаетъ себѣ путь дальше вверхъ по несчетнымъ большимъ и малымъ притокамъ Конго въ капиллярную сѣть первобытнаго лѣса. Она глубоко въѣдается въ берега рѣкъ и выгрызаетъ цѣлые участки изъ живой ткани лѣса.

Всюду, гдѣ бы ни проявилась эта бактерія, она оставляетъ за собой больныя мѣста, и съ теченіемъ времени болѣзнь распространяется, точно такъ же, какъ въ Европѣ и въ Америкѣ.

Но лѣсъ не поддается. Онъ обороняется. Затронутый бо-

лѣзнью организмъ его выдѣляетъ изъ себя живительные соки, и мѣстами ему удается снова вытолкнуть инородное тѣло обратно въ кругъ кровообращенія, гдѣ оно можетъ быть вынесено наружу или умерщвлено.

Въ особенности изолированная бактерія, утратившая связь съ породившей ее колоніей, подвержена такимъ образомъ опасности потерять точку опоры.

Именно такая участь постигла сержанта Гендрикса.

Онъ былъ родомъ изъ западной Фландріи, изъ Ипра, и поѣхалъ въ Африку, чтобы накопить денегъ и обезпечить приличное существованіе своимъ старикамъ родителямъ и красоткамъ сестрамъ. За такое самоотверженіе его немало восхваляли на узкихъ живописныхъ улицахъ его родного городка...

Передъ отъѣздомъ Гендрикса съ главной станціи Болела на берегу Конго на вспомогательную станцію Вамбунджи на рѣкѣ Ломако, гдѣ онъ долженъ былъ замѣнить больного товарища, начальникъ округа сказалъ ему:

— Какъ бы далеко вы ни забрались, помните всегда, что вы не настолько далеко, чтобы я не могъ видѣть, что вы тамъ творите.

Въ первый и въ послѣдній разъ Гендриксъ получилъ такимъ образомъ прямое предостереженіе не замыкаться въ своемъ одиночествѣ, непригодномъ для плохо вооруженныхъ для жизненной борьбы индивидовъ, погибающихъ отъ недостаточнаго питанія.

Гендриксъ безконечно радъ былъ промѣнять вынужденную праздность и скуку монотонной жизни на главной станціи на независимое самостоятельное положеніе начальника одного изъ лѣсныхъ участковъ.

Однако же, во время плаванія на пароходѣ вверхъ по теченію рѣки Чимби, ему не однажды вспоминались слова начальника округа, постепенно пріобрѣтавшія глубокій смыслъ и значеніе. Нѣсколько дней подрядъ онъ тащилъ за собой это предостереженіе, какъ невидимыя узы, сковывавшія его свободную волю и привязывавшія его среди всей окружающей текучести къ далекой твердой точкѣ.

Но затѣмъ—къ несчастью—предостереженіе изгладилось изъ его памяти.

Черезъ четыре дня пароходъ добрался до устья рѣки Ло-

мако. Здѣсь Гендрикса высадили на берегъ, въ брошенной рыбачьей деревушкѣ, гдѣ ничего не видно было, кромѣ вытоптанной догола земли и кучки полуразвалившихся негритянскихъ хижинъ, разбросанныхъ между деревьями; да и тѣ, залитыя водой во время наводненія, стали всѣ почти необитаемы.

Здѣсь ему предложено было ждать прибытія лодки, которую пришлетъ за нимъ больной унтеръ-офицеръ изъ Вамбунджи.

Когда, черезъ пять дней, пароходъ, ушедшій дальше, къ верховьямъ Чимби, на обратномъ пути снова проходилъ возлѣ этой деревушки, Гендриксъ все еще ждалъ. Но капитанъ, и безъ того просидѣвшій полдня на мели, не счелъ возможнымъ сойти на берегъ, чтобъ навѣстить его, а лишь кивнулъ ему издали и крикнулъ: «Всего добраго. До свиданья!» А про себя прибавилъ: «Бѣдняга!» Ибо человѣкъ, все время странствующій, даже понять не можетъ, какъ это можно пять дней кряду просидѣть на одномъ мѣстѣ и не умереть отъ скуки или, по крайней мѣрѣ, не сойти съ ума.

Гендриксъ жилъ въ хижинѣ, дырявая крыша которой не защищала его, какъ слѣдуетъ, ни отъ палящихъ лучей солнца, ни отъ проливныхъ дождей. Кромѣ двухъ солдатъ и боя [1]), застрявшихъ вслѣдствіе наводненія въ той же деревушкѣ, да нѣсколькихъ обезьянъ и птицъ, онъ за эти дни не видалъ живой души, если не считать стараго, съ волосами, какъ шерсть, рыбака, дважды приплывавшаго къ нимъ откуда-то изъ лѣсу на выдолбленномъ древесномъ стволѣ, чтобы вымѣнять сушеную маніоку и копченую рыбу на олово и бусы. При всемъ томъ, въ первые дни Гендриксъ былъ доволенъ, словно школьникъ, впервые отпущенный на каникулахъ одинъ въ дорогу.

Большую часть дня онъ проводилъ на берегу, глядя на мутныя воды Ломако, клокотавшія подъ зеркальной гладью медлительной Чимби. По рѣкѣ плыли вырванные половодьемъ кустики травы, казалось, направлявшіеся къ берегу, но, когда они были уже рукой подать отъ Гендрикса, внезапно, словно испугавшись, они поворачивали обратно на середину рѣки, и тутъ снова замедляли ходъ, увлекая за собой случайно подвернувшійся кусокъ дерева, или мертвую птицу, принесенную Чимби совсѣмъ изъ другой мѣстности.

А вечерами, подъ шумъ воды, Гендриксъ при лунномъ свѣтѣ мечталъ о будущемъ своемъ величіи въ Вамбунджи.

Ночью онъ спалъ сномъ праведнымъ и во снѣ грезилъ,

---

[1]) Boy—мальчикъ-подростокъ для посылокъ и мелкихъ услугъ.

что онъ—современный рыцарь, крестоносецъ, жертвующій жизнью ради святого дѣла.

Но однажды утромъ, когда онъ по обыкновенію сидѣлъ на берегу и отъ нечего дѣлать рвалъ камыши и металъ ихъ въ рѣку, словно копья, ему вдругъ захотѣлось направить свои мысли въ другую сторону, внизъ по теченію Чимби.

И оказалось, что это занятіе—куда интереснѣе. Мысленно онъ видѣлъ снова каждую маленькую станцію и деревушку, видѣлъ островки, мимо которыхъ они проплывали. Болела—чортово гнѣздо—пестрѣла между черной опушкой лѣса и зеркальной поверхностью рѣки кучей желтыхъ, зеленыхъ и красныхъ камней. И, подъѣзжая въ мечтахъ на пароходѣ, слишкомъ большомъ для Конго, къ главной станціи, Гендриксъ милостиво кивалъ головой стоявшимъ на берегу. И грезилось ему, что шапка его вся въ золотомъ шитьѣ, и всѣ бѣлые, стоящіе на берегу, ему подвластны, и онъ держитъ имъ пространныя рѣчи, ясно доказывающія его усердіе и силу характера. А затѣмъ, изъ устья Конго, онъ ѣдетъ дальше, черезъ море и, самъ не зная какъ и зачѣмъ, ибо тоской по родинѣ онъ не страдалъ,—попадаетъ въ узенькую улочку въ старомъ Ипрѣ, гдѣ у окна работаетъ старикъ-сапожникъ, а двѣ его молоденькія дочки сидятъ у порога и плетутъ кружева на коклюшкахъ.

Внезапно что-то затрепыхалось у него въ груди и ему почудилось—что за нелѣпость!—что рѣка выѣла у него сердце и унесла его съ собой, чтобы выбросить на берегъ гдѣ-то вдали. И теперь онъ вынужденъ будетъ жить безъ сердца.

Въ страшномъ волненіи онъ вскочилъ, чтобы кинуться въ рѣку и плыть по теченію вслѣдъ за своимъ сердцемъ. Но тотчасъ же, разумѣется, опомнился и, пораздумавъ, рѣшилъ, что не полезно для человѣка сидѣть одному на солнцѣ и не отрываясь смотрѣть на воду, бѣгущую все въ одномъ и томъ же направленіи.

Съ этого дня терпѣніе измѣнило Гендриксу, и онъ буквально задрожалъ отъ радости, когда однажды подъ вечеръ—послѣ двухъ недѣль ожиданія—изъ-за деревьевъ донеслись могучіе удары веселъ и вскорѣ затѣмъ показалась лодка съ плетенымъ изъ бамбука навѣсомъ посрединѣ. На его глазахъ лодка, быстрая, какъ стрѣла, повернула на середину рѣки; затѣмъ теченіе долго несло ее въ сторону, раньше, чѣмъ ей удалось повернуть носъ къ берегу близъ негритянскихъ хижинъ.

Лодка была маленькая и вся расхлябанная, съ большою

щелью на кормѣ, въ которую, когда ея не затыкали тряпками и не замазывали глиной, проникала вода. Кромѣ того на ней было всего девять гребцовъ—во всемъ Вамбунджи не набралось больше людей, да и по сосѣдству неоткуда было взять десятаго.

— Туземцы на верховьяхъ боятся воды,—пояснялъ проводникъ, и грубыя черты его татуированнаго лица расползались въ довѣрчивую гримасу, ясно говорившую, что онъ и самъ не чуждъ того же страха.

Впрочемъ, лодка, въ которую сложили тяжелый багажъ сержанта и которая, помимо того, должна была еще нести тяжесть воды, проникавшей черезъ щель на кормѣ, и не выдержала бы большаго груза.

Вверхъ по теченію плыли очень медленно. И все же Гендриксъ радовался, что они приближаются къ цѣли, къ чащѣ дѣвственнаго лѣса, гдѣ онъ въ заколдованной тишинѣ проведетъ свою юность ради стариковъ - родителей и красавицъ-сестеръ, утѣшаясь сознаніемъ, что онъ выполняетъ высокую задачу. Онъ полагалъ, что мученичество, на которое онъ идетъ добровольно, пробудитъ въ немъ тайныя силы духа.

Куда ни глянь, по обѣ стороны рѣки ничего не видать было, кромѣ дѣвственнаго лѣса. Да въ этихъ широтахъ ничего другого и нѣтъ. Лѣсъ и болото. Словно необозримый ярко-зеленый коверъ моха, тянется дѣвственный лѣсъ по болотамъ. Крѣпко врѣзается корнями въ землю. Отъ палящихъ лучей защищается крѣпкой, какъ щитъ, блестящей, словно изъ рога сдѣланной, листвой, какъ скупецъ, пряча въ тѣни ея влажную плодородную землю. И словно мережи, погружаетъ въ проточную воду рѣкъ крѣпкіе, свисающіе внизъ лоскутья кожи своей, чтобы солнце не опалило его подножія.

Ради предосторожности, онъ весь пугливо одѣвается жесткой броней—и, все же, всѣмъ тѣломъ своимъ ощущаетъ пронизывающую боль, причиняемую ему новой язвой,—бѣлой бактеріей, которая для него хуже всѣхъ прочихъ напастей.

Вотъ почему такъ ярко блеститъ налитая ненавистью его жесткая зелень,—а неопытный европеецъ въ своихъ первыхъ письмахъ на родину зоветъ этотъ блескъ «солнечной улыбкой лѣса».

Гендриксъ самъ то и дѣло улыбался, даже иной разъ смѣялся громко, такъ трудно ему было сдержать свою радость. Все казалось ему смѣшнымъ и забавнымъ, и попугаи, кричавшіе надъ его головой, словно перелетъ съ одного берега на другой былъ уже важнымъ событіемъ, и слоны, топтавшіеся на берегу,

или въ илистой мутной водѣ, межъ оголенныхъ корягъ, и гребцы, жаловавшіеся, что они голодны и устали... И ничто не пугало его, ни даже налетѣвшая ночью буря,—хотя дождь погасилъ костеръ и насквозь промочилъ его постель.

Путь становился все затруднительнѣе. Теченіе было такое сильное, что гребцы порой едва справлялись съ нимъ и лодку то и дѣло сносило въ сторону; нерѣдко приходилось работать только баграми.

Проѣхали мимо факторіи на лѣвомъ берегу. Остановились—и Гендриксъ познакомился съ парой блѣдныхъ торговыхъ агентовъ, выглядѣвшихъ такъ, словно ихъ забыли тутъ по небрежности. Они говорили вполголоса, словно вся страна была въ траурѣ, стояли сгорбившись, понуривъ головы, и лишь странно посмѣивались, когда Гендриксъ, съ громкимъ веселымъ смѣхомъ оживленно разсказывалъ имъ о своемъ путешествіи и о трудностяхъ, которыя ему пришлось преодолѣвать. Провизіи они никакой не могли ему дать—у нихъ самихъ ничего не было. Туземцы, жаловались они, ничего не доставляютъ, а общество забыло о нихъ и ничего не присылаетъ.

«Они не сумѣли поставить себя съ туземцами и не пользуются авторитетомъ»,—подумалъ про себя Гендриксъ.

Дня за два до прибытія въ Вамбунджи у него было маленькое переживаніе, само по себѣ непріятное, но словно созданное для того, чтобъ написать о немъ домой.

Лодка сѣла на мель, долго не могла сойти и, когда, наконецъ, стала огибать излучину рѣки, изъ чащи деревьевъ, густыми купами росшихъ на берегу, въ нее было пущено нѣсколько стрѣлъ. Одинъ изъ солдатъ отвѣтилъ выстрѣломъ—въ чащѣ лѣса что-то прошумѣло.

Гендриксъ разглядывалъ стрѣлы, впившіяся въ бортъ лодки.

Это была первая вѣсть о грядущемъ мученичествѣ.

Въ своей записной книжкѣ Гендриксъ отмѣтилъ: «Туземцы встрѣтили меня градомъ стрѣлъ».

Рѣка успѣла уже ему порядочно надоѣсть. На залитыхъ половодьемъ берегахъ совсѣмъ не видно было большихъ селеній. Но, очевидно, въ чащѣ лѣса жили люди, такъ какъ на берегу виднѣлись мѣстами рыбачьи поселки, брошенные жителями теперь, во время половодья.

На послѣднемъ перегонѣ воду едва успѣвали выкачивать, и лодку неудержимо тянуло въ глубину. Но гребцы справились

и съ этимъ. Стихія смыла только хорошее настроеніе сержанта. Не улучшилось оно даже и тогда, когда межъ увѣшанными разноцвѣтными тряпками тѣлами гребцовъ Гендриксъ увидалъ Вамбунджи.

Издали станція выглядѣла, словно свѣжая рана на тѣлѣ лѣса. Когда же сержантъ вышелъ на берегъ и увидалъ разваливающіяся бамбуковыя хижины, разочарованіе его возрасло. Крохотныя заросшія сорными травами поля имѣли такой жалкій видъ, какъ будто лѣсъ твердо рѣшилъ надвинуться и заглушить ихъ.

Гендриксъ иначе представлялъ себѣ Вамбунджи—веселенькой деревушкой, залитой солнцемъ, съ зелеными лужайками и ослѣпительно бѣлыми домиками въ тѣни пальмъ и банановъ.

Въ особенности недоставало ему широкой крытой, прохладной веранды, на которой онъ намѣревался возсѣдать, окруженный вождями туземныхъ племенъ, и судить и мирить между собою негровъ—«бѣдныхъ братьевъ нашихъ, обиженныхъ мачехой природой», какъ о нихъ пишутъ въ газетахъ.

Но его жизнерадостность проснулась снова, когда онъ познакомился съ Мертенсомъ, больнымъ сержантомъ, болѣзнь котораго заключалась главнымъ образомъ въ упорной тоскѣ по Болела—одинокій, больной лихорадкой, онъ мечталъ о ней, какъ о спасительномъ прибѣжищѣ, гдѣ были и врачи и начальство, у котораго можно найти защиту.

Замѣтивъ, какъ опустился и ослабъ его товарищъ, Гендриксъ неожиданно ощутилъ въ себѣ неисчерпаемыя силы.

* * *

На другой день онъ вмѣстѣ съ Мертенсомъ обошелъ свой участокъ, по пути излагая свои планы и намѣренія.

Старый, мрачный домъ посрединѣ площади онъ велитъ сравнять съ землей, и на этомъ мѣстѣ разбить грядки бальзаминовъ и хризантемъ. Сѣмена онъ привезъ съ собой. Добылъ себѣ въ Болелѣ даже маленькій карликовый розовый кустъ, завезенный туда нынѣ умершимъ сослуживцемъ. Этотъ кустикъ онъ посадитъ посрединѣ всѣхъ прочихъ клумбъ, и здѣсь, въ этой плодородной землѣ, онъ, навѣрное, пышно разростется. А слѣва выстроитъ новый домъ, съ огромною верандой, фасадомъ къ площади, а тыломъ къ лѣсу. Траву и поросль онъ велитъ расчистить, а въ лѣсу, между пальмъ и гигантскихъ папоротниковъ проложить дорожки и поставить удобныя скамеечки,—какъ въ паркахъ его родины. По ту сторону площади, гдѣ учатъ

солдатъ, будетъ разбитъ огородъ. Въ Конго, вѣдь, нѣтъ хорошихъ овощей,—а сѣмена онъ всѣ привезъ съ собой. Солдатскіе бараки онъ всѣ перестроитъ, часть лѣса вырубитъ, поля расчиститъ и засѣетъ ихъ рисомъ, маисомъ, бананами и маніокой. Тогда станція въ состояніи будетъ кормиться сама, собственными средствами, безъ помощи населенія.

О томъ, какъ онъ намѣренъ держаться съ населеніемъ, Гендриксъ умалчивалъ. Объ этомъ онъ, пока, не думалъ.

Мертенсъ, усталый скептикъ, про себя не мало дивился предпріимчивости своего будущаго преемника, и слушалъ, сгорбивъ плечи и странно усмѣхаясь—совсѣмъ, какъ тѣ, въ Ломако.

Эта недовѣрчивая усмѣшка тоже входила въ составъ мученичества, какъ его представлялъ себѣ сержантъ: но онъ отомстилъ Мертенсу.

Они пришли теперь въ солдатскій лагерь, разбитый въ глубинѣ просѣки. Былъ часъ обѣденнаго отдыха. Негры-солдаты сидѣли праздно передъ маленькими, кривыми вонючими лачугами, угрюмо и хмуро глядя въ пространство, ни одинъ не всталъ навстрѣчу подходившимъ бѣлымъ.

— Однако, они у васъ плохо вымуштрованы,—замѣтилъ Гендриксъ. Это была его месть.

— Когда людей не кормятъ...—хотѣлъ было возразить уязвленный Мертенсъ, — но во-время остановился, вспомнивъ, что незачѣмъ обращать на такія вещи вниманіе новичка.

— Встать!—скомандовалъ Гендриксъ, дивясь слабости и равнодушію товарища.

Солдаты поднялись не сразу, вяло и медлительно, какъ-то хмуро скаля зубы.

* * *

Дня два-три Мертенсъ съ Гендриксомъ напрасно ждали начальника района, посулившаго пріѣхать въ Вамбунджи, чтобы присутствовать при сдачѣ участка и, кстати, ознакомиться съ мѣстными дѣлами. Онъ уже больше года не былъ въ этой мѣстности. Но и на этотъ разъ онъ не пріѣхалъ. Лодка привезла письмо съ извѣщеніемъ, что ему пришлось остаться, чтобъ замѣнить больного служащаго.

— Да мы и сами все отлично сдѣлаемъ,—воскликнулъ Гендриксъ, и пугливо оглянулся на товарища, замѣтивъ, что его голосъ прозвучалъ октавой ниже, чѣмъ слѣдовало;—и съ удовольствіемъ увидалъ блѣдную изумленную улыбку на лицѣ больного.

За отсутствіемъ начальства, Мертенсъ самъ посвятилъ товарища во всѣ дѣла участка и въ общее положеніе страны. Онъ говорилъ какъ разъ о томъ, что интересовало Гендрикса, больше о постройкахъ, чѣмъ о людяхъ, объясненій избѣгалъ, о многомъ умалчивалъ и многое представлялъ въ иномъ свѣтѣ, такъ что даже усталъ и раскраснѣлся, и такимъ манеромъ съумѣлъ дать своему преемнику совершенно ложное представленіе о положеніи вещей.

Затѣмъ онъ уѣхалъ, оставивъ на память Гендриксу свою фотографію и визитную карточку, вмѣстѣ съ честнымъ словомъ по возможности скорѣе прислать обратно дырявую лодку, на которой тотъ пріѣхалъ въ Вамбунджи.

Три недѣли спустя онъ и прислалъ ее — на несчастье Гендрикса.

* * *

Какъ только лодка, увозившая Мертенса, скрылась за деревьями, молодой сержантъ сдѣлалъ неожиданное открытіе, что ему недостаетъ человѣка, съ которымъ онъ могъ бы дѣлиться своими намѣреніями и планами.

На лицахъ солдатъ и женъ ихъ, кричавшихъ съ берега слова прощанья отъѣзжающему Мертенсу, онъ вдругъ замѣтилъ какую-то отчужденность, которая еще яснѣй дала ему понять, что отнынѣ онъ предоставленъ самому себѣ.

Но, все же, ему удалось сдержать слезы,—вѣдь онъ же былъ мужчина и въ нѣкоторомъ родѣ крестоносецъ.

Отвернувшись отъ рѣки, своей текучестью путавшей мысли, онъ повернулся грудью къ лѣсу, который намѣревался побѣдить.

И холодная дрожь пробѣжала у него по спинѣ.

Солдаты со смѣхомъ и шутками вернулись въ лагерь, и Гендриксъ остался на площади одинъ, дошелъ до дверей дома и задумался, глядя въ сторону лагеря.

Оттуда донеслось пѣніе.

На утренней перекличкѣ онъ сказалъ людямъ, что, по случаю отъѣзда Мертенса, онъ на остальную часть дня освобождаетъ ихъ отъ занятій. Гендриксъ вошелъ въ домъ и взялся было за газету, привезенную изъ Болелы, но чтеніе не интересовало его.

Онъ жаждалъ общества себѣ подобныхъ и пошелъ прогуляться по деревнѣ, лежавшей въ пяти минутахъ ходьбы отъ станціи.

Эта деревушка съ убогими лачугами была не очень привлекательна. Почему Мертенсъ не велѣлъ срыть эти лачуги и

выстроить взамѣнъ ихъ новыя? Гендриксъ по пути заглядывалъ въ иныя. Онѣ были пусты; изнутри тянуло отвратительною вонью. Подъ открытымъ навѣсомъ лежало нѣсколько молодыхъ парней. При видѣ бѣлаго, они вскочили и опрометью кинулись въ лѣсъ.

На обратномъ пути Гендриксъ встрѣтилъ негритянскаго сержанта Момбассу, шедшаго за нимъ съ ружьемъ въ рукахъ.

— Ты не ходи одинъ въ деревню,—наставительно сказалъ Момбасса,—туземцы злые.

Но Гендриксъ покачалъ головой. Что же онъ здѣсь кому сдѣлалъ дурного?

Плотный, коренастый Момбасса, широкоплечій, какъ европейскій носильщикъ, любовно погладилъ стволъ своего ружья—ему онъ больше довѣрялъ, чѣмъ людямъ.

Хотя Гендриксъ и не питалъ недовѣрія къ туземцамъ, все же близость этого гунна нѣсколько успокаивала его. Онъ сталъ разспрашивать его о туземномъ населеніи. Момбасса понемногу разговорился. Но та картина условій мѣстной жизни, которую рисовалъ онъ, совсѣмъ не соотвѣтствовала разсказамъ Мертенса.

Тутъ только Гендриксъ узналъ, что туземцы лишь незадолго до его пріѣзда возвратились въ свои жилища, а до того долго прятались въ лѣсу. По деревнямъ свирѣпствовала оспа. Вожди не присылали положеннаго количества провизіи на станцію, а люди не хотѣли работать. Они кочевали по лѣсамъ, охотились, ловили рыбу, а жены ихъ и дѣти чахли въ зараженныхъ хижинахъ. Племена, живущія подальше, грозились напасть на станцію и убить Мертенса.

Всему этому Гендриксъ вначалѣ не хотѣлъ и вѣрить. Вѣдь Мертенсъ увѣрялъ, что здѣсь на станціи положеніе, въ сущности, очень благопріятное; населеніе довольно податливое; недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ зависитъ отъ случайныхъ причинъ и, разъ Гендриксъ добросовѣстно возьмется за дѣло, онъ, несомнѣнно, будетъ имѣть успѣхъ.

Подъ «успѣхомъ» Мертенсъ, вѣроятно, разумѣлъ, каучукъ.

Сержанту ясно представился тщедушный Мертенсъ, съ лихорадочно блестящими глазами. Теперь онъ вдругъ замѣтилъ, что эти глаза все время лгали.

Подымаясь на высокое крыльцо, ведущее къ его дому, онъ неожиданно удивилъ самъ себя неожиданной мыслью:

— А жалко, все-таки, что районный начальникъ не пріѣхалъ.

* * *

Прождавъ напрасно часа два хорошаго настроенія, которое должно было явиться отъ сознанія, что онъ теперь—власть и

начальство, полномочный начальникъ участка, Гендриксъ, руководимый неяснымъ желаніемъ кому-нибудь сказать привѣтливое слово, отправился въ лагерь.

Солдаты, какъ и раньше, сидѣли, ничего не дѣлая, и не встали при его приближеніи. Но, странно, это только еще больше размягчило его сердце.

— А вѣдь, пріятно, иной разъ имѣть свободный вечерокъ,— обратился онъ къ одному изъ солдатъ.

— Да мы, вѣдь, никогда не работаемъ по вечерамъ,— отвѣтилъ тотъ, не поднимаясь съ мѣста.

Это разсердило Гендрикса. Такъ, значитъ, Мертенсъ и тутъ навралъ?...

Дрожа отъ гнѣва, вернулся онъ домой. И весь вечеръ ни о чемъ другомъ не могъ думать, кромѣ какъ о томъ, что надо хорошенько вышколить солдатъ, привить имъ дисциплину.

И на другой же день принялся за реформы. Женщинамъ велѣлъ вымести станцію и выполоть сорную траву, а солдатамъ устроилъ ученіе. Вся охрана Вамбунджи состояла изъ сорока солдатъ, всю жизнь проводившихъ здѣсь, на станціи, и въ маршахъ по лѣсу.

Онъ сдѣлалъ строгое лицо и объявилъ, что тамъ, въ Болелѣ, недовольны распущенностью здѣшнихъ солдатъ. Тамъ его рота удостоилась особой похвалы отъ окружного комиссара. И здѣсь онъ не желаетъ быть предводителемъ шайки бандитовъ.

Словомъ, онъ говорилъ какъ разъ то, чего люди, лучше умѣющіе рисковать жизнью, чѣмъ выкидывать артикулы съ ружьемъ, не любятъ слушать. И усердія у нихъ отъ такихъ его рѣчей не прибавилось; наоборотъ, они еще неохотнѣй выполняли приказанія. Кончилось тѣмъ, что сержантъ, ради острастки, выволокъ за плечо изъ рядовъ маленькаго, простоватаго на видъ солдатика и велѣлъ ему стать подъ ружье. Но, прежде чѣмъ уйти, негръ швырнулъ на земь свою амуницію и сказалъ такъ громко, что слышали и Гендриксъ, и солдаты:

— Мы здѣсь въ Вамбунджи, а не въ Болело.

Гендриксъ спросилъ Момбассу, бывалъ ли уже этотъ солдатъ наказанъ раньше. Съ знакомой Гендриксу улыбкой, входившей въ область мученичества, Момбасса нерѣшительно отвѣтилъ, что онъ, навѣрное, не знаетъ—ибо онъ охотнѣе распространялся о провинностяхъ туземцевъ, чѣмъ солдатъ.

И, когда Гендриксъ обвелъ взглядомъ ряды солдатъ, ему почудились отсвѣты этой улыбки на всѣхъ прочихъ лицахъ. И все утро его не покидало тягостное чувство, и въ концѣ-кон-

цовъ онъ почти убѣдилъ себя, что всѣ они смѣются надъ нимъ.

Проходя послѣ ученія мимо того мѣста, гдѣ солдаты рыли ямки для столбовъ, которые должны были поддерживать его новый домъ, онъ замѣтилъ, что они оборачивались ему вслѣдъ и о чемъ-то перешептывались.

Но, пока, онъ сорвалъ злость только на женщинахъ, которыя выстроились въ рядъ на полѣ и размахивали заступами въ тактъ тягучей пѣснѣ.

— Да вѣдь вы ничего не дѣлаете!

И онъ началъ ругаться.

Женщины побросали заступы, повидимому, для того, чтобы лучше слышать. Нѣкоторыя лукаво поглядывали на него, а одна сказала ему съ обольстительной улыбкой, нѣсколько смутившей Гендрикса:

— Мы здѣсь въ Вамбунджи не привыкли работать.

— Вы что же, предпочитаете подохнуть съ голоду?— рявкнулъ Гендриксъ.

— Мы и такъ подыхаемъ,—былъ отвѣтъ.

Гендриксъ продолжалъ браниться, но женщины уже не слушали; онѣ снова затянули свою пѣсню, въ тактъ вонзая въ землю заступы.

Когда же онъ отошелъ, онѣ снова побросали заступы; женщина, которая умѣла обольстительно улыбаться, посмотрѣла ему вслѣдъ и молвила:

— *Моана*!—что значитъ: «ребенокъ».

* * *

Вечеромъ, Гендриксъ, сидя дома одинъ, снова слышалъ пѣніе, доносившееся изъ лагеря. Пѣли мужскіе голоса. И сержантъ вздохнулъ свободнѣе, когда пѣніе смолкло.

Но безмолвіе не меньше тяготило его. И онъ пошелъ бродить по пустому, непривѣтному дому, ища чего-то—онъ самъ не зналъ, чего. Въ одной изъ темныхъ комнатъ онъ, наконецъ, замѣтилъ что-то бѣлое. Это была открытка, принадлежавшая больному товарищу, который теперь жилъ гдѣ-то на низовьяхъ Конго и радовался, что спасъ остатки силъ.

На открыткѣ ничего не было написано. Но Гендриксъ бережно взялъ ее въ руки; потомъ сѣлъ и сталъ смотрѣть на нее. Все-таки, съ почтовой открыткой въ рукѣ было какъ-будто не такъ одиноко.

Ночью онъ не могъ уснуть и думалъ о томъ, что онъ скажетъ завтра солдатамъ.

Послѣ утренней переклички онъ долго и пространно увѣщевалъ ихъ, доказывая необходимость порядка и добросовѣстной работы на станціи. Работы полны руки,—говорилъ онъ.—Надо перестроить всѣ дома, обсѣменить поля... Вамбунджи долженъ подать добрый примѣръ всѣмъ окрестнымъ деревнямъ.

Солдаты слушали вяло и недовѣрчиво поглядывали на него. Такія рѣчи они уже слыхали, и онѣ утратили для нихъ прелесть новизны. Отчего онъ лучше не велитъ съ ружьями въ рукахъ гнать туземцевъ на работу?—спрашивали одинъ другого солдаты.

Гендриксъ самъ чувствовалъ, что слова его падаютъ на безплодную почву.

И снова ему до боли захотѣлось какъ-нибудь приласкать этихъ людей, развеселить ихъ. И, заставляя солдатъ продѣлывать разныя упражненія съ ружьемъ, онъ въ то же время разсказывалъ имъ забавные эпизоды изъ жизни гарнизона Болела. Но солдаты раздражительно и недовольно морщились, и отъ этого у него холодъ бѣгалъ по спинѣ.

Когда кончилось ученіе, у него точно тяжесть съ плечъ свалилась. Онъ задалъ солдатамъ рабочіе уроки и пошелъ съ Момбассой въ деревню.

Если бъ какъ-нибудь подбодрить туземцевъ—это, несомнѣнно, внесло бы нѣкоторое оживленіе и въ жизнь на станціи.

Въ деревнѣ они встрѣтили двухъ женщинъ; Гендриксъ послалъ ихъ за вождями. Нѣкоторое время спустя явилось нѣсколько фигуръ, отощалыхъ, запуганныхъ—и не похожихъ вовсе на вождей.

У Гендрикса заблестѣли глаза; онъ возвысилъ голосъ, зазвучавшій убѣдительно и бодро. Онъ убѣждалъ вождей подавать добрые примѣры, бороться съ болѣзнями и лѣностью, пахать и сѣять, сжечь старыя хижины, въ которыхъ угнѣздилась оспа, и построить новыя. Онъ обѣщалъ каждое утро приходить въ деревню и помогать имъ при распредѣленіи работы.

Вожди какъ-будто оживились и обѣщали завтра же утромъ быть на мѣстѣ, собравъ какъ можно больше народу. И Гендриксъ возвращался домой съ сознаніемъ начатаго большого дѣла.

Дойдя до станціи, онъ сдѣлалъ открытіе, что женщины снова бросили работу, чтобы—какъ онѣ объясняли—приготовить дома ужинъ мужьямъ. Солдаты все еще не кончили рыть ямы для фундамента новаго зданія и занимались только болтовней.

Гендриксъ дрожалъ отъ злости; къ вечеру его стало лихорадить, и онъ принужденъ былъ лечь въ постель.

На другое утро онъ всталъ вялый, съ тяжелой головой, замѣнилъ себя на ученіи капраломъ, женщинъ поставилъ на полевыя работы и пошелъ съ Момбассой въ деревню.

На улицахъ—ни души. Нескоро удалось Момбассѣ раздобыть вождей; тѣ разсказали, что жители, узнавъ, что ихъ хотятъ заставить работать, спрятались въ лѣсу.

Гендриксъ безпомощно стоялъ посреди пустой деревни и соображалъ, какъ бы тутъ поумнѣй взяться за дѣло. Но мысли его путались.

— Что же намъ теперь дѣлать? Какъ по-твоему?—обратился онъ къ Момбассѣ, съ напускнымъ равнодушіемъ, какъ-будто ему представлялось много выходовъ.

— Не знаю,—былъ отвѣтъ.

На слѣдующее утро Гендриксъ сдѣлалъ еще одну попытку. Но, какъ только за поворотомъ дороги показалась фигура бѣлаго, селеніе мгновенно опустѣло.

Такимъ образомъ дѣло реформъ въ Вамбунджи затягивалось, и Гендрикса томили жуткія предчувствія. Онъ безъ конца ломалъ себѣ голову, придумывая способы, какъ бы сблизиться съ туземцами и завоевать ихъ довѣріе.

Въ одно прекрасное утро у Гендрикса явилась мысль, ему самому казавшаяся превосходной. На берегу рѣки, какъ разъ напротивъ станціи, лежало видимо жилое прежде мѣсто, густо заросшее травой; по словамъ вождей, деревня прежде стояла здѣсь. Если бъ только удалось убѣдить жителей Вамбунджи покинуть свои нездоровыя жилища и переселиться поближе къ рѣкѣ, тогда всѣ они были бы у него подъ рукою и онъ могъ бы лучше слѣдить за ними. Кромѣ того, тутъ, дѣйствительно, мѣстность здоровѣе и лучше можно устроиться.

Онъ вызвалъ къ себѣ вождей, сообщилъ имъ о своемъ намѣреніи. Они сначала упирались, потомъ обѣщали созвать народъ и самимъ первымъ начать пахать на новомъ мѣстѣ.

Но, когда Гендриксъ на другой день пришелъ съ Момбассою въ деревню, вожди сообщили ему, что всѣ жители, мужчины, женщины и дѣти, узнавъ о желаніи бѣлаго человѣка пореселить ихъ на берегъ, несмотря на всѣ увѣщанія вождей, ночью, забравъ весь свой домашній скарбъ, сбѣжали въ лѣсъ, и осталось только двое-трое умирающихъ отъ оспы. А остальные рѣшили поселиться на старой просѣкѣ въ лѣсу часахъ въ двухъ пути отсюда.

— Они боятся рѣки,—пояснилъ одинъ изъ вождей, и взглядъ у него былъ бѣгающій, безпокойный.

Другой покосился въ сторону Ломако и выговорилъ, понизивъ голосъ:

— Рѣка—она злая.

Гендриксъ вопросительно взглянулъ на Момбассу.

Сержантъ смотрѣлъ упорно въ землю. Гендриксъ тогда не понялъ этого, но запомнилъ его взглядъ.

— Почему «злая»?—переспросилъ онъ.

— Да, почему?—повторилъ Момбасса, задумчиво глядя въ очи бѣлому.

* * *

Гендриксъ не могъ разрѣшить этой загадки, и она раздражала его, и онъ украдкой то и дѣло поглядывалъ въ сторону рѣки. А вечеромъ взялъ складной стулъ и усѣлся на берегу.

И потомъ, спасаясь отъ одиночества, сталъ приходить сюда каждый вечеръ.

Онъ слушалъ шумъ воды и находилъ въ немъ утѣшеніе, и не понималъ, чего же тутъ бояться.

Но, чѣмъ больше притягивала его къ себѣ эта вѣчно бѣжавшая вода, ширина и просторъ, тѣмъ больше пугалъ его дремучій лѣсъ, и мало-по-малу этотъ страхъ сталъ господствовать надъ всѣми его настроеніями и властвовать надъ его мыслями.

Теперь онъ неохотно ходилъ въ деревню, предпочитая ту часть станціи, которая лежала между домомъ и берегомъ.

Первобытный лѣсъ нагонялъ на него жуть своей дремучестью. Одинъ разъ, когда онъ пошелъ въ лѣсъ присмотрѣть за пахотой, ему вдругъ стало такъ нехорошо, что онъ вынужденъ былъ вернуться домой и снова лечь въ постель. Но вечеромъ заставилъ себя встать и пошелъ къ рѣкѣ. Это помогло.

— Почему рѣка злая?—спрашивалъ онъ себя снова и снова.

И этотъ вопросъ, какъ пустое пространство, отдѣлялъ его отъ всѣхъ здѣшнихъ жителей—потому что и солдаты рѣдко появлялись на берегу.

Почему же всѣ они предпочитаютъ углубляться въ лѣсъ, когда его съ каждымъ днемъ все больше чаруетъ и притягиваетъ жалобная мелодія рѣчныхъ напѣвовъ?

Если бъ Гендриксъ вспомнилъ, какъ часто онъ на улицахъ

своего родного города встрѣчалъ жалкихъ, исхудалыхъ людей, пробиравшихся вдоль стѣнъ, пугливо избѣгая площадей и широкихъ набережныхъ; если бъ онъ вспомнилъ, что и люди одной съ нимъ расы склонны прятать свою тоску и горе по темнымъ угламъ,—вопросъ этотъ, можетъ быть, и не представлялся бы ему такимъ неразрѣшимымъ.

Но ему больше бросались въ глаза различія, чѣмъ сходство между расами.

Если теперь онъ появлялся лагерѣ или на постройкѣ, то лишь для того, чтобы выбранить рабочихъ, или обратиться къ нимъ съ безплоднымъ увѣщаніемъ. Но возстановить порядокъ ему не удавалось. Женщины поминутно бросали работу, а ночью воровали незрѣлые овощи съ убогихъ станціонныхъ огородовъ. Солдаты съ каждымъ днемъ становились лѣнивѣе и равнодушнѣе. Немногіе туземцы изъ глубины района, еще доставлявшіе на станцію съѣстные припасы, приносили ихъ все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ. Ихъ ругали за это; они уходили и на другой разъ приносили еще меньше, или не приходили вовсе. Гендриксъ посадилъ подъ арестъ пару вождей, но они убѣжали, и это только навлекло на него объявленіе войны отъ всего населенія района.

Общее возрастающее недовольство и плохое питаніе проявлялись между прочимъ и умноженіемъ болѣзней. Что день, то больше солдатъ являлось по утрамъ на медицинскій осмотръ. И никакія угрозы карами не помогали—это хорошо было въ Болела, гдѣ надъ нимъ было еще высшее начальство. Число больныхъ все возрастало; ряды работниковъ рѣдѣли. Половина гарнизона числилась больной. Нѣсколько солдатъ заболѣло оспой. Двое умерло.

Ни одно изъ начинаній Гендрикса не двигалось впередъ. Ему не удалось даже развести порядочнаго огорода. Двѣ старухи вскопали заступами жирную землю и руками выровняли грядки. Но, когда все, наконецъ, было готово, и Гендриксъ пошелъ въ складъ за сѣменами, онъ увидѣлъ, что всѣ они подмочены дождемъ; и пакетики съ сѣменами превратились въ клейкіе вонючіе комочки.

Со вздохомъ, отъ котораго у него заболѣла грудь, Гендриксъ сдѣлалъ и еще одно печальное открытіе—розовый кустъ, поставленный въ горшкѣ подъ деревомъ, засохъ, потому что его давно не поливали.

* * *

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше росло отчужденіе между Гендриксомъ и прочими обитателями станціи. Они инстиктивно сторонились другъ отъ друга. И порой, когда Гендриксъ одиноко шагалъ по своей узенькой верандѣ вокругъ дома, у него являлось непреодолимое желаніе крикнуть: «Помогите»!

Но чаще всего онъ бѣжалъ къ рѣкѣ, своимъ шумомъ и плескомъ убаюкивавшей его тревогу.

— Это рѣка стоитъ между нами,—говорилъ онъ себѣ.—Меня чураются, потому что я все время сижу у воды, а для нихъ въ ней—злыя чары... И, вправду, это рѣка виновата, что я ничего не дѣлаю здѣсь. Она крадетъ у меня мою силу. Это она вынуждаетъ меня поворачиваться спиной къ моему врагу — лѣсу. Рѣка околдовала меня.

До сихъ поръ блестящая зеркальная гладь представлялась ему большой, изъ солнца и вѣтра сотканною, дорогой, по которой онъ пріѣхалъ сюда и которая снова выведетъ его изъ дремучаго лѣса отчаянія.

Но теперь онъ почувствовалъ жуткую правду—что рѣка пріобрѣла огромную власть надъ нимъ, что онъ оттого и боленъ и сходитъ съ ума, что цѣлыми днями сидитъ тутъ на берегу и смотритъ на воду. Вѣдь онъ поставилъ себѣ цѣлью покорить этотъ дикій край, внести въ него жизнь съ помощью скрытыхъ силъ, заложенныхъ въ его душѣ,—а теперь вырвали сердце изъ тѣла.

И Гендриксъ уже со злобой и ненавистью вглядывался въ пучину водъ. И, чѣмъ дольше смотрѣлъ, тѣмъ, казалось ему, лучше понималъ.

Передъ нимъ лежало живое чудовище.

Огромное, ощетинившееся, оно угрюмо терлось плоскими лопатками о песокъ и камни берега, подпирая его могучими плечами—и берегъ медленно осыпался. Илъ и тина, извергаемыя его тѣломъ, тянулись за нимъ на много миль по болотамъ. Мѣстами оно, выгибая хребетъ, съ пѣной у рта прядало между стиснувшими его горами и, лѣниво скользя, охлаждало разгорѣвшіеся бока въ тѣни лѣса. И тамъ, гдѣ берегъ былъ ровный и плоскій, и знойный, снова обрушивалось на него всей своей тяжестью съ шумомъ сотни пыхтящихъ локомотивовъ.

Да, рѣка была злая, и довѣрять ей не слѣдовало.

Гендриксу она представлялась теперь чѣмъ-то въ родѣ падшаго ангела, который, свалившись съ неба, яростно билъ хвостомъ въ безумномъ возмущеніи противъ всего, даже противъ формы земного шара и человѣческой воли.

Собравъ всѣ свои силы, Гендриксъ принялъ смѣлое рѣшеніе не поддаваться чудовищу. Онъ вернулся домой и крикнулъ Момбассу.

— Рѣка злая,—сказалъ онъ сержанту.

Момбасса кивнулъ головой. Онъ давно это зналъ. Но мысль, что и бѣлый теперь убѣдился въ этомъ, не способствовала его успокоенію.

— Завтра мы со всѣми здоровыми солдатами выступаемъ въ лѣсъ. Я хочу обойти всѣ деревни.

— Воевать будемъ?

— Нѣтъ. Бѣлый человѣкъ не ведетъ войны съ черными. Бѣлый человѣкъ не можетъ жить безъ черныхъ. Безъ черныхъ бѣлый умретъ въ лѣсу.

Это было уже непонятно Момбассѣ. Вообще, старому воину трудно было понять, для чего солдатамъ оружіе, если имъ не воевать.

А Гендриксъ въ этотъ вечеръ впервые заснулъ съ улыбкой на устахъ и не видѣлъ дурныхъ сновъ.

* * *

Увы! старая цвѣтная бактерія ужъ прижилась въ лѣсу, организмъ его свыкся съ нею и лѣсъ даже беретъ ее подъ защиту, но бѣлую бактерію онъ охотнѣе всего выталкиваетъ наружу. Объединеніе цвѣтной и бѣлой расы слишкомъ опасно для него.

* * *

На другое утро они двинулись въ походъ, пробираясь прямикомъ сквозь чащу лѣса изъ селенія въ селеніе. Повсюду жители, заслышавъ ихъ, бѣжали въ чащу, покидая свои полуразвалившіяся хижины, въ которыхъ пришельцы находили только умирающихъ отъ оспы. Тѣ же, кто могъ хотя съ трудомъ ходить, днемъ прятались въ лѣсу, а по ночамъ, если и выходили, то лишь для того, чтобы метать въ лагерь Гендрикса отравленныя стрѣлы.

Въ началѣ Гендриксъ рѣшилъ, что онъ лучше останется въ лѣсу и умретъ смертью героя, чѣмъ вернется на станцію, ничего не добившись. Но онъ не сумѣлъ уберечь свою рѣшимость отъ выдѣляемыхъ лѣсомъ ядовъ, которые просачиваются на поверхность земли ночною росой, встаютъ туманомъ надъ болотами, излучаются изъ шкуръ животныхъ, пронизываютъ языкъ негровъ и притупляютъ умъ бѣлаго.

Однажды ночью почудился ему звонъ, замелькали въ темнотѣ огни, и онъ почувствовалъ, что умираетъ отъ желанія возвратиться на станцію.

И на другое утро онъ сбѣжалъ въ Вамбунджи. А вслѣдъ ему несся ликующій крикъ туземцевъ:—«Онъ боится лѣса. Онъ бѣжитъ отъ него».

* * *

За время отсутствія Гендрикса работы на станціи ни мало не подвинулись впередъ. Оставшіяся женщины и солдаты все время жили въ страхѣ нападенія туземцевъ на станцію. Вернувшіеся не принесли съ собой новой здоровой пищи и сами вернулись изголодавшимися, истощенными долгими утомительными переходами и упавшими духомъ.

Развинченность бѣлаго человѣка передавалась всѣмъ. И каждый чувствовалъ, что надвигается катастрофа.

Эта экспедиція поглотила послѣднія силы Гендрикса. Теперь онъ все забросилъ, всему предоставилъ идти своимъ чередомъ и углубился въ разрѣшеніе великой тайны: *Почему онъ одинокъ?*

Отъ рѣки онъ теперь бѣгалъ, изъ вечера въ вечеръ борясь съ желаніемъ пойти на берегъ и забыться подъ привычный убаюкивающій шумъ воды. А лѣсъ—онъ не рѣшался даже посмотрѣть въ сторону лѣса. Цѣлыми днями онъ сидѣлъ въ своей полутемной столовой, подперевъ голову руками и бормоча про себя:

— Вѣдь я отрекся отъ рѣки. Почему же никто не идетъ ко мнѣ.

Но никто не приходилъ.

Когда онъ замѣчалъ, что по рѣкѣ плыветъ какой-нибудь предметъ, онъ поднималъ голову и весь настораживался по-звѣриному. И слѣдилъ глазами за предметомъ, пока онъ не скрывался изъ виду за излучиной рѣки, возлѣ которой вода шумѣла и пѣнилась въ водоворотѣ. И, потерявъ его изъ виду, тажело вздыхалъ, и ему казалось, что грудь его жжетъ, какъ огнемъ, внутри.

Часами онъ сидѣлъ такъ, молча, и голова его все глубже уходила въ исхудалыя плечи. Аппетитъ онъ совершенно потерялъ и иной разъ за цѣлый день не могъ съѣсть одного сухаря. Повара, въ маленькой бамбуковой хижинѣ въ страхѣ и трепетѣ ждавшаго обѣденной поры, онъ возненавидѣлъ. И когда негръ прибѣгалъ къ нему за приказаніями, Гендриксъ встрѣчалъ его такимъ взглядомъ, что у бѣдняги уходила душа въ пятки.

Лишь изрѣдка въ сержантѣ просыпалась потребность самосохраненія, тогда онъ шелъ на станцію, гдѣ солдаты, тоже теперь работавшіе молча, вбили, наконецъ, столбы для новаго дома, и здѣсь ругался, и топалъ ногами, и яростно жестикулировалъ, пока не выбивался изъ силъ, и Момбасса, или одинъ изъ капраловъ не уводили его домой.

Однажды, когда Момбасса послѣ такой нелѣпой ругани, испуганно подхватилъ его подъ руки и хотѣлъ вести домой, Гендриксъ вдругъ обернулся къ солдатамъ, сидѣвшимъ на сваяхъ, и охрипшимъ голосомъ крикнулъ имъ:

— Я, вѣдь, знаю, что вы потѣшаетесь надо мною за моей спиной.

Но когда, дома, онъ попробовалъ представить себѣ эту наглую усмѣшку, которая мучила его, какъ внутренній недугъ, самъ изумился, ибо ничего не могъ припомнить, кромѣ черныхъ, какъ уголь, глазъ, полныхъ испуга.

* * *

Гендриксъ лгалъ, когда увѣрялъ себя, что онъ отрекся отъ рѣки. Мысленно онъ все время слѣдилъ за движеніемъ воды, но мысли его не шли дальше излучины—дальше было окутано туманомъ.

Но насталъ день, когда лучъ свѣта прорѣзалъ хаосъ; словно разорвалась пелена, застилавшая даль, и вся душа Гендрикса наполнилась воспоминаніями о Болела. Правильная, размѣренная жизнь большой станціи вдругъ показалась ему такой отрадной, такой манящей. Онъ видѣлъ чисто выбѣленные, нарядные дома, длинныя выметенныя аллеи, общій столъ въ офицерской столовой— и все это представлялось ему потеряннымъ раемъ.

Но въ эту мирную картину нежданно ворвались алыя молніи и, какъ ударъ грома, надъ самымъ его ухомъ прозвучали грозныя слова:

— Какъ бы вы далеко ни забрались, помните, что вы не можете забраться такъ далеко, чтобъ я не видѣлъ, что вы тамъ творите.

Гендриксъ вздрогнулъ отъ испуга и сдѣлалъ движеніе, чтобъ спрятаться, но тотчасъ же сообразилъ, что въ этомъ жалкомъ домишкѣ негдѣ даже укрыться отъ грозы. И, снова упавъ на стулъ, простоналъ дрожащимъ голосомъ:

— Но вѣдь я же ничего дурного не дѣлаю.

И вдали грознымъ эхо прозвучало: «*Ничего!*»—но этотъ отголосокъ исходилъ словно изъ глубины его души.

Сержантъ склонилъ голову на руки; ему казалось, что онъ умираетъ. Но гроза пронеслась мимо, и Гендриксъ разрыдался— въ первый разъ съ того дня, какъ онъ прощался съ близкими на людной пристани въ Антверпенѣ. И слезы облегчили его.

И воспоминанія унесли его далеко на родину, въ милую узенькую улочку, гдѣ можно было укрыться отъ всѣхъ бурь на свѣтѣ.

* * *

Но сила и воля къ жизни уже не возвращались къ нему. Онъ продолжалъ чахнуть, и все на станціи приходило въ упадокъ.

Туземное населеніе, за послѣдніе годы пережившее много бѣдъ, воспрянуло духомъ, узнавъ, что творится въ Вамбунджи. Неудача и отступленіе бѣлаго убѣдили воинственные элементы, что имъ достаточно сдѣлать усиліе, чтобы освободить страну отъ чуждаго ей существа, засѣвшаго у рѣки и хотѣвшаго насильно заставить ихъ работать.

И однажды утромъ станція подверглась нападенію. Момбасса собралъ вокругъ себя солдатъ и отрядилъ десятокъ ихъ подъ начальствомъ капрала для охраны дома Гендрикса.

Бѣлый человѣкъ лежалъ въ постели и бредилъ. Его трясла лихорадка. Онъ слышалъ крики и выстрѣлы, и ему казалось, что это наступаетъ конецъ міра.

Момбасса дрался, какъ левъ. Онъ застрѣлилъ пять человѣкъ, нѣсколькихъ проткнулъ штыкомъ и двухъ удушилъ собственными руками.

Когда разсвѣло и туземцы отступили, онъ пошелъ къ сержанту доложить, что двое солдатъ тяжело ранены, а нѣсколько женщинъ и одинъ ребенокъ убиты.

Гендриксъ не всталъ съ постели. Онъ былъ убѣжденъ, что умираетъ. Такъ же думали и солдаты. Безпорядокъ и смятеніе на станціи росли. Чуть не каждую ночь гарнизонъ сбѣгался весь на площадь, поднятый на ноги фальшивою тревогой, не зная даже, зачѣмъ его кличутъ—потому ли, что умеръ бѣлый человѣкъ, или потому, что напали туземцы. Момбасса каждую ночь ставилъ у дома Гендрикса трехъ часовыхъ. Его сторожили, какъ остатки фетиша. Изъ глубины дома доносился порой тяжелый вздохъ, походившій на послѣдній вздохъ умирающаго.

Момбасса, исхудавшій подъ бременемъ отвѣтственности, лежавшей на немъ, часто заходилъ къ больному, садился къ нему на кровать и заводилъ съ нимъ разговоръ, силясь впитать въ себя послѣднія крохи мудрости, таимой въ себѣ бѣлыми.

Однажды Момбасса предложилъ сержанту помѣстить у себя въ домѣ—благо мѣста много—больныхъ солдатъ, а также женщинъ и дѣтей. А самъ онъ съ здоровыми солдатами ночью въ лодкѣ пустится внизъ по теченію, гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ высадится на берегъ и попробуетъ усмирить мятежниковъ, а то отъ нихъ житья не стало.

Гендриксъ покачалъ головой. Но это навело его на мысль...

Весь день онъ лежалъ смирно, отчаянно борясь въ душѣ съ безумнымъ желаніемъ, какъ невидимый вампиръ съѣдавшимъ его ослабленную волю.

Всю ночь его мучило сознаніе, что онъ лежитъ совсѣмъ одинъ въ пустой и темной комнатѣ, и казалось, вотъ-вотъ онъ очутится въ абсолютной пустотѣ.

Въ щели оконъ проникъ слабый свѣтъ. Гендриксъ съ трудомъ всталъ и отворилъ ставни.

По небу плыла луна—Ипрская луна. Издали, чудилось ему, доносились стукъ экипажей и деревянныхъ башмаковъ по панели. Навѣрное, отсюда совсѣмъ недалеко до дому.

Онъ кликнулъ горниста и велѣлъ ему играть тревогу. Но еще до того, всѣ обитатели станціи вскочили съ постелей и поспѣшно одѣлись. И при первыхъ же звукахъ рожка устремились къ дому бѣлаго.

Гендриксъ приказалъ солдатамъ вытащить изъ воды затонувшую дырявую лодку и выкачать изъ нея воду. Момбасса пытался было ему доказывать, что это преступленіе—сажать людей въ такую лодку прежде, чѣмъ ее основательно починятъ. Но Гендриксъ только спросилъ его:

— Ты боишься?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Момбасса.—Смерть мнѣ не страшна.

Принесли изъ склада запасныя весла. Гендриксъ приказалъ перенести въ лодку весь свой багажъ. А затѣмъ велѣлъ сѣсть въ лодку двадцати пяти солдатамъ, а также бою и повару, хотя Момбасса клялся душой своей матери, что лодка, и даже новая цѣлая, не могла бы поднять больше двадцати человѣкъ.

Нѣкоторые изъ солдатъ колебались.

— Вамъ страшно итти на войну?—спросилъ Гендриксъ и указалъ рукой по направленію къ лѣсу.

Тогда всѣ сѣли въ лодку, и она поплыла по теченію.

Вода тотчасъ же стала проникать въ лодку и наполнила всю ея нижнюю часть.

— Мы тонемъ,—шептали солдаты.

Гендриксъ сидѣлъ на складномъ стулѣ подъ намокшимъ

навѣсомъ, за спиной у него были навалены, какъ попало, ящики и сундуки. И только кричалъ:

— Впередъ!

Въ звукѣ этого слова былъ соблазнъ,заставлявшій его повторять это слово опять и опять, пока хватило голоса.

Солдаты опустили весла въ воду и стали отталкиваться отъ берега. Если ужъ судьба имъ тонуть, такъ скорѣй бы! Смерть не такъ пугала ихъ, какъ это привидѣніе изъ чужой, далекой страны, съ его дикими сиплыми выкриками.

Гендриксъ сидѣлъ по щиколку въ водѣ и думалъ о томъ, что, когда они доберутся до первой остановки, про которую говорилъ наканунѣ Момбасса, онъ только укажетъ рукою впередъ и скажетъ:

— Мы ѣдемъ дальше.

И вдругъ пугался мысли:—что скажетъ объ его поступкѣ начальникъ округа? Вѣдь онъ не имѣетъ права дѣлать того, что дѣлаетъ. Какое же ему будетъ за это наказаніе?

— Можетъ быть, смерть?

Но и огонь этой тревоги погасъ — въ душѣ его не осталось больше горючаго матерьяла. И снова затосковала душа его по избавленію, къ которому несла его дырявая лодка. Онъ протянулъ руки къ рѣкѣ, озаренной луной, и всѣми остатками умирающей мысли уцѣпился за рѣшеніе — сегодня же, во что бы то ни стало, добраться до родины.

Это усиліе утомило его, и онъ уснулъ—глубокимъ, послѣднимъ сномъ.

Солдаты бросили весла. Они видѣли, что конецъ близокъ. Лодка была полна до краевъ водой.

Замѣтивъ маленькій челнокъ съ двумя туземцами, плывшій навстрѣчу, они окликнули встрѣчныхъ, просто для того, чтобы услыхать человѣческій голосъ. Отвѣтомъ былъ крикъ испуга. И чужая лодка, какъ спугнутый ночью звѣрекъ, метнулась къ берегу. Оба сидѣвшіе въ ней выпрыгнули прямо въ воду и, съ плескомъ разсѣкая ее ногами, скрылись въ лѣсу.

Впереди маячило что-то бѣлое—вѣтка засохшаго дерева, сброшеннаго лѣсомъ въ воду. Лодку бокомъ гнало теченіемъ къ этому мѣсту. Солдаты не боролись съ теченіемъ. Все равно, отъ судьбы не уйдешь.

Когда лодка толкнулась объ пень, волна совсѣмъ захлестнула ее, она закружилась и пошла ко дну.

Гендриксу снилось, что все вокругъ него краснаго цвѣта. Онъ не понималъ почему, да и не легко было понять. То была

кровь первобытнаго лѣса, усиленно пульсировавшая, выталкивая изъ организма бѣдную захирѣвшую бактерію, слишкомъ рано утратившую связь съ колоніей, породившей ее, и погибающую въ одиночествѣ. Плохо приспособленные для жизни индивидуумы всегда гибнутъ отъ недостаточнаго питанія.

Потомъ онъ увидалъ передъ собою темный коридоръ. И, только, когда стало свѣтлѣе, узналъ его.

То была узенькая улочка, гдѣ онъ чувствовалъ себя дома, потому что тамъ всѣ признавали его величіе. Люди стояли у оконъ и на порогахъ домовъ и привѣтствовали его. А онъ подносилъ руку къ шапкѣ, сплошь покрытой золотыми галунами, и милостиво отвѣчалъ на поклоны.

На порогѣ родительскаго дома стоялъ, съ руками, сложенными на груди, дряхлый старикъ-отецъ въ синемъ праздничномъ сюртукѣ и восклицалъ:

— Сынъ мой! сынъ мой! Слава тебѣ, вновь вернувшемуся въ мою убогую хижину.

Сестры плача обнимали его, а онъ говорилъ имъ:

— Я вамъ всѣмъ привезъ чудесные подарки.

Въ дверяхъ показалась тщедушная, хилая старушка, обняла его и зарыдала:

— Сыночекъ мой! Ты еще не забылъ своей старухи-матери?

Такъ умеръ Гендриксъ — какъ онъ и хотѣлъ — смертью мученика.

Двое солдатъ, умѣвшихъ плавать, пытались было нырнуть и вытащить бѣлаго изъ воды, но вернулись на берегъ съ пустыми руками. Теченіе было въ этомъ мѣстѣ слишкомъ сильное, а рѣка черезчуръ глубока.

Когда черезъ полчаса, или около того, спасенные, сидѣвшіе на вѣткахъ деревьевъ на затопленномъ берегу, пришли въ себя, они стали считать, сколькихъ изъ нихъ не хватаетъ. Но никакъ не могли сосчитать. У одного выходило, что десяти не хватаетъ; у другого—двѣнадцати. Третій увѣрялъ, что всѣ живы и цѣлы. Но другіе говорили, что онъ не въ своемъ умѣ.

Какъ бы то ни было, Гендриксъ и Момбасса исчезли. Въ этомъ не могло быть сомнѣній.

Всю ночь, пока они сидѣли такъ, на вѣткахъ, и ждали, чтобъ ихъ подобрала какая-нибудь случайная лодка, каждый мысленно спрашивалъ себя:

— Кто же виноватъ въ этомъ несчастьи?

Подъ утро одинъ набрался храбрости дать отвѣтъ и выговорилъ вслухъ, хотя никто его не спрашивалъ:

— Рѣка виновата. Рѣка—она злая.

До этого дня его никто не считалъ особенно умнымъ. Но теперь онъ неожиданно всѣмъ показался мудрецомъ.

Съ датскаго перев. З. Журавская.

БОЛЬШОЙ КРЕСТЪ ПОЛУМѢСЯЦА.

Разсказъ Ричарда Хардингъ Дэвиса.

I.

О студентахъ разсказываютъ, что они на экзаменахъ часто плутуютъ и надуваютъ довѣрчивыхъ профессоровъ. Можетъ быть, это правда, а можетъ быть и нѣтъ. Къ такимъ ужасамъ лучше не приглядываться. По, какъ бы ни поступали другіе, юный Питеръ Голлоуэлль на выпускныхъ экзаменахъ, которые, если бъ онъ мало-мальски сносно ихъ выдержалъ, должны были дать ему низшую ученую степень, не обманывалъ и не плутовалъ. Потому ли, что Питеръ былъ честенъ, или потому, что онъ былъ лѣнивъ и вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, но только онъ не плутовалъ. Плутовали профессора.

Въ Стильуотерскомъ колледжѣ на экзаменахъ вы по каждому предмету можете получить до ста балловъ. Это, конечно, уже предѣлъ совершенства и за все время существованія Стильуотерскаго колледжа—правда, еще очень недолгаго—одинъ лишь человѣкъ достигъ такого совершенства. И, достигнувъ, попалъ въ убѣжище для умалишенныхъ, а оттуда въ богадѣльню, гдѣ и умеръ. Студентамъ Стильуотерскаго колледжа всѣмъ былъ извѣстенъ этотъ фактъ, и они боялись достигнуть совершенства. И Питеръ, пожалуй, больше всѣхъ боялся.

Порядокъ въ Стильуотерскомъ колледжѣ таковъ: если ваши баллы по всѣмъ предметамъ въ среднемъ даютъ 90, вы кончаете «съ отличіемъ»; если въ среднемъ у васъ 75, вы кончаете «съ похвальнымъ отзывомъ» если 50—вы просто получаете дипломъ. Это въ родѣ какъ въ зеленной, гдѣ яйца есть изъ-подъ курицы, свѣжія яйца и просто яйца. Вся коллегія знала, что, если Питеру удастся попасть хотя бы только въ разрядъ «просто яицъ», онъ и то почтетъ за счастье, но профессора и наставники Стильуотер-

скаго колледжа порѣшили между собой, что какъ бы ни топилъ самъ себя юный Галлоуэлль, выпускные экзамены онъ, все-таки, сдастъ. А, вѣдь, зависѣло это отъ нихъ. Интересовались они Питеромъ не потому, чтобы такъ уже любили его, но потому, что каждый изъ нихъ любилъ своей коттэджъ, обвитый плющемъ или дикимъ виноградомъ, дорожилъ своимъ жалованьемъ и званіемъ профессора. И каждый зналъ, что провалить на экзаменѣ сына стараго Галлоуэлля, на средства котораго открытъ Стильуотерскій колледжъ, который его субсидируетъ ежегодно и можетъ субсидировать до безконечности, равносильно тому, чтобы подать въ отставку.

Ректоръ Блэкъ, глава Стильуотерскаго колледжа, былъ вполнѣ современнымъ ректоромъ. Онъ не то, чтобъ бѣгалъ за деньгами, но нюхомъ зналъ, гдѣ лежатъ деньги, и не въ его привычкахъ было грубіянить и пакостить тѣмъ, у кого есть деньги. И, если бы кто изъ профессоровъ, получающихъ по три тысячи долларовъ въ годъ, изъ-за чрезмѣрнаго почтенія къ наукѣ, лишилъ бы Стильуотеръ обсерваторіи, стоившей полмилліона, бассейна для плаванія или гимнастическаго зала, этотъ современный ректоръ не преминулъ бы позаботиться о томъ, чтобъ избавить коллегію и отъ услугъ этого не въ мѣру усерднаго преподавателя.

Онъ, разумѣется, не высказывалъ этого ни письменно, ни устно, но въ іюнѣ, передъ экзаменами, при встрѣчѣ съ кѣмъ-либо изъ профессоровъ, неизмѣнно участливо справлялся, какъ обстоятъ дѣла молодого Галлоуэлля.

И восклицалъ, не столь сердито, сколько огорченно:—Нѣтъ! Да что вы? Ахъ, какъ это жаль! Но я, все-таки, надѣюсь, что мальчикъ выдержитъ экзамены. Его милый отецъ такъ гордится имъ и будетъ страшно огорченъ, если сынъ его не окончитъ университета. Будемъ надѣяться, что къ экзаменамъ онъ подтянется.

И четыре года подрядъ всѣ профессора тянули, что называется, за уши молодого Галлоуэлля, и совѣсть у всѣхъ въ этомъ отношеніи порядкомъ зачерствѣла. Оставалось послѣдній разъ вытянуть его—и сплавить навсегда. И, не сговариваясь съ другими, каждый зналъ про себя, что какъ тамъ другіе—это ихъ частное дѣло, а онъ-то ужъ Питера не провалитъ.

Единственный, кто этого не зналъ, былъ докторъ Генри Джильманъ. Докторъ Джильманъ читалъ въ Стильуотерѣ древнюю и новую исторію и былъ всѣми любимъ и уважаемъ. Онъ былъ также авторомъ извѣстныхъ руководствъ по исторіи Турціи:

«Основатели Ислама» и «Возвышеніе и Паденіе Турецкой Имперіи». Послѣднее сочиненіе, въ пяти томахъ, иные критики благосклонно сравнивали съ Гиббоновой «Исторіей Паденія Римской Имперіи». № газеты съ этой рецензіей, вышедшей лѣтъ тридцать назадъ, докторъ свято хранилъ и охотно показывалъ его, истрепанный и пожелтѣвшій отъ времени, новымъ посѣтителямъ. И читалъ вслухъ рецензію. Онъ давно зналъ ее наизусть, но для него она никогда не утрачивала интереса.

— Вотъ печатный отзывъ, на который я наткнулся, пробѣгая газеты,—скромно говорилъ онъ гостю.

Его ученики, волей-неволей изучавшіе «Возвышеніе и Паденіе», ибо по этой книгѣ приходилось экзаменоваться, обыкновенно называли ее просто «Паденіемъ», а иные даже «Проваломъ». Исторія эта начиналась съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда Константинополь былъ еще Византіей, и заканчивалась въ послѣднихъ двухъ томахъ паденіемъ четвертаго султана изъ династіи Мухаммедовъ и вступленіемъ на престолъ Сулеймана. Послѣ Сулеймана докторъ Джильманъ Турціи не признавалъ. Разъ въ его исторіи говорится, что турецкая Имперія пала, значитъ, она пала. Однажды ректоръ Блэкъ предложилъ ему написать шестой томъ, исчерпывающій исторію послѣднихъ вѣковъ, на томъ основаніи, что

«въ Исторію Турціи, служащую учебникомъ, слѣдовало бы, все-таки, включить исторію русско-турецкой войны».

Докторъ Джильманъ воззрился на него съ кроткимъ упрекомъ сквозь золотыя очки.

— Крымская война? Да, вѣдь, она была на моей памяти. Я всю ее подробно знаю. Какая же это исторія?

Для человѣка, который, послѣ семнадцатаго вѣка, не признавалъ въ жизни вселенной ни одного интереснаго событія, разумѣется, какой-нибудь Галлоуэлль изъ мясного треста не могъ представлять собой внушительной фигуры. А Галлоуэлль младшій былъ въ его глазахъ лишь невѣжественнымъ юнымъ дикаремъ, который ужъ навѣрное никогда не раскрывалъ его исторіи. И потому, когда Питеръ вернулъ листы бумаги, выданные ему для экзаменаціоннаго сочиненія, почти такими же дѣвственно чистыми, какими онъ и получилъ ихъ, д-ръ Джильманъ вполнѣ добросовѣстно, никого не желая обидѣть и не помышляя о завтрашнемъ днѣ, поставилъ ему «пять».

Всѣ прочіе лекторы и профессора по всѣмъ прочимъ предметамъ ставили Питеру «пятьдесятъ». Страха ради передъ ректоромъ Блэкомъ, они не смѣли поставить ему меньшій баллъ,

но и не позволяли поработить себя до такой степени, чтобы поставить ему хоть на одну единицу больше, чѣмъ было необходимо для того, чтобъ «вытянуть» его. Но съ пятеркой, влѣпленной ему д-ромъ Джильманомъ, въ среднемъ пятидесяти никакъ ужъ выйти не могло, и юный Питеръ провалился. Это было ужасно. Единственный сынъ единственнаго въ своемъ родѣ благотворителя Галлоуэлля провалился на выпускныхъ экзаменахъ въ собственномъ колледжѣ его папаши — сынъ человѣка, построившаго Новую Лабораторію, часовню имени Анны Голлоуэлль, Лазаретъ имени Галлоуэлля, фехтовальный и гимнастическій залы. Когда въ парадной залѣ съ цвѣтными стеклами Питеръ прочелъ на черной доскѣ свое имя, носъ его позеленѣлъ не только потому, что на него падалъ свѣтъ сквозь зеленое стекло. Не то, чтобы Питеръ стремился къ ученой степени или жаждалъ лавровъ—просто онъ боялся своего отца. И не безъ основаній. Папаша прибылъ въ Стильуотеръ на другое утро и имѣлъ слѣдующій историческій разговоръ съ ректоромъ Блэкомъ.

— Мой сынъ не какой-нибудь оселъ. И, если за четыре года вы и весь вашъ синклитъ профессоровъ не съумѣли дать ему хотя бы начальнаго образованія, я пошлю его въ такое заведеніе, гдѣ сумѣютъ это сдѣлать. А гдѣ будетъ Питеръ, тамъ будутъ и мои деньги.

Ректоръ Блэкъ могъ бы возразить, что вина тутъ не профессоровъ, а его сына; онъ могъ бы возразить, что провалились на экзаменахъ только трое, а сто восемьдесятъ получили дипломы. Но, разумѣется, онъ не сказалъ этого. Не таковъ былъ человѣкъ. Вмѣсто того, онъ выразилъ сочувствіе, потомъ, какъ заговорщикъ въ опереткѣ, тревожно обвелъ взглядомъ комнату—и понизивъ голосъ, сообщилъ:

— Тутъ можетъ быть одно только объясненіе — интрига. Злоба и низкая месть. Я тайно произвелъ разслѣдованіе и убѣдился, что этотъ ударъ вашему сыну нанесенъ однимъ человѣкомъ, мнившимъ себя обиженнымъ — докторомъ Джильманомъ. Д-ръ Джильманъ неоднократно просилъ меня повысить ему жалованье.—Это была неправда, но въ трудныя минуты докторъ Блэкъ не находилъ возможнымъ заботиться о частностяхъ.— Я же не видѣлъ основаній прибавлять ему жалованья—и вотъ результаты. Въ отместку онъ провалилъ вашего сына. Но онъ переборщилъ. Подгадилъ намъ—временно—и погубилъ себя. Я уже просилъ его подать въ отставку.

Вообще, Галлоуэлль былъ здравомыслящій, толковый человѣкъ, но теперь онъ былъ жестоко уязвленъ въ своемъ само-

любіи, въ своихъ отцовскихъ чувствахъ, и готовъ вѣрить чему угодно, только не тому, что сынъ у него идіотъ.

— Я вовсе не хочу, чтобы вы его увольняли изъ-за того, что Питеръ лѣнится. Но если докторъ Джильманъ руководствовался личными соображеніями, если онъ принесъ въ жертву моего сына ради того, чтобъ...

— Вотъ именно!—негодующе зашепталъ ректоръ.—Именно это онъ и сдѣлалъ. Ваша щедрость по отношенію къ нашей коллегіи извѣстна всѣмъ. Вся Америка считаетъ васъ ея патрономъ. И онъ, очевидно, думалъ, что, если ему отказываютъ въ прибавкѣ жалованья, то отказываете *вы*, а не *я* — и нанесъ ударъ *вамъ* при посредствѣ вашего сына. У насъ всѣ того же мнѣнія. И всѣ страшно негодуютъ. Вы посмотрите, что за баллъ онъ поставилъ Питеру. Пятерку! Уже это само по себѣ злостная выходка. Пятерка—вѣдь, это же не баллъ—это оскорбленіе. Ни одинъ студентъ — тѣмъ менѣе вашъ даровитый сынъ — вы посмотрите, какъ блестяще онъ организовалъ у насъ футболлъ— не можетъ быть такимъ невѣждой, чтобы заслуживать пятерки. Нѣтъ, докторъ Джильманъ зашелъ черезчуръ далеко. И наказанъ по заслугамъ.

Галлоуэлль сдѣлалъ видъ, что вѣритъ, но въ разговорѣ съ сыномъ высказалъ совсѣмъ иное.

— Мнѣ сказали,—закончилъ онъ свою бичующую рѣчь,— что тебѣ дадутъ переэкзаменовку и, если ты выдержишь ее, тебѣ, все-таки, дадутъ дипломъ. Никто и знать не будетъ, что тебѣ дана переэкзаменовка. Тебѣ сунутъ ее, какъ нищему холодную картошку изъ-подъ двери. Публика будетъ знать только, что, когда твои однокашники получали дипломы—то, ради чего они работали четыре года, ради чего только и поступаютъ въ университетъ — тебя среди нихъ не было. Это твоя вина; но, если ты не получишь диплома и послѣ переэкзаменовки, это будетъ ужъ моя вина. Я тебя содержалъ эти четыре года, а ты мнѣ не заплатилъ за свое содержаніе. Если и въ слѣдующій разъ я не получу по счету, можешь самъ заботиться о своемъ содержаніи.

— Правильно, — смиренно согласился Питеръ. — Въ слѣдующій разъ я ужъ не провалюсь.

— Я постараюсь гарантировать это,—сказалъ Галлоуэлль старшій.—Завтра же ты уложишь въ свой чемоданъ всѣ учебники исторіи, которыхъ ты и не раскрывалъ, въ особенности Джильманово «Возвышеніе и Паденіе»—его ты, кажется, даже и не покупалъ—и отправишься путешествовать съ гувернеромъ...

Питеръ, извѣстный половинѣ Штатовъ, какъ чэмпіонъ и организаторъ футбольныхъ турнировъ, негодующе запротестовалъ:

— Не поѣду я путешествовать съ гувернеромъ.

— Если я велю,—угрюмо возразилъ родитель,—такъ поѣдешь и съ гувернанткой, даже съ нянькой, и будешь ходить въ матросской курточкѣ и короткихъ панталонахъ. До тѣхъ поръ будешь ходить, пока не выучишь наизусть исторію Турціи. А для того, чтобъ тебѣ легче было это сдѣлать, ты проведешь это лѣто въ Турціи—въ Константинополѣ—и будешь жить тамъ до тѣхъ поръ, пока я не разрѣшу тебѣ вернуться домой.

— Константинополь! — взвизгнулъ Питеръ. — Въ августѣ? Да вы это серьезно?

— А какъ по-твоему я шучу?—По лицу м-ра Галлоуэлля старшаго ясно было, что онъ не шутитъ.—Въ Константинополѣ,— пояснилъ онъ,—ничто не будетъ отвлекать тебя отъ занятій, и ты волей-неволей съ каждымъ днемъ будешь знакомиться съ исторіей этой страны и впитывать въ себя Couleur locale.

— Ничего я не впитаю въ себя, кромѣ микробовъ лихорадки. И меня тамъ хватитъ солнечный ударъ, и я умру. Если вамъ такъ хочется избавиться отъ меня, вы бы ужъ прямо отправили меня на островъ, гдѣ держали Дрейфуса. Это скорѣе и вѣрнѣе. И вовсе незачѣмъ ѣздить въ Турцію, чтобъ изучить ея исторію.

— А вотъ ты поѣдешь.

Питеръ не сталъ дожидаться торжественнаго акта въ университетѣ. Весь слѣдующій день онъ провелъ у себя въ комнатѣ, укладывая вещи, или раздавая ихъ на память товарищамъ, приходившимъ проститься съ нимъ и выразить свое негодованіе. Они любили Питера, какъ добраго товарища, и были искренно возмущены. Намѣревались даже было публично выразить свое негодованіе—учинить примѣрный судъ надъ «Исторіей» доктора Джильмана и обречь ее на сожженіе. А вмѣсто д-ра Джильмана повѣсить его изображеніе. Это изображеніе, въ видѣ статуэтки, съ веревкой на шеѣ, было уже готово къ разстерзанію, и очень похожее, вплоть до серебристо-бѣлой бороды и золотыхъ очковъ. Но Питеръ упросилъ товарищей отказаться отъ этихъ демонстрацій. Онъ не зналъ, что доктора Джильмана принудили подать въ отставку: ему просто не хотѣлось, чтобы продѣлка товарищей обнаружила передъ всѣми его неудачу.

— Видите ли, господа, это будетъ имѣть такой видъ, какъ будто я боюсь проглотить пилюлю. Что ужъ тутъ! Старый Джильманъ честный игрокъ: онъ поставилъ мнѣ столько, сколько

я заслуживалъ. Я теперь гораздо больше уважаю его, чѣмъ всѣхъ этихъ подлизъ, которые имѣли наглость ставить мнѣ по пятидесяти.

А д-ръ Джильманъ тѣмъ временемъ сидѣлъ въ своемъ коттэджѣ, обвитомъ плющемъ, и смотрѣлъ на гипсовый бюстъ Сократа, не видя его. Съ сегодняшняго утра онъ пересталъ читать лекціи по исторіи въ Стильуотерскомъ колледжѣ, изъятыя изъ программы, и какъ вкратцѣ объяснилъ ему ректоръ, и ради сокращенія непроизводительнаго расхода—ибо даже во гнѣвѣ ректоръ Блэкъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы хотя бы намекнуть искупительной жертвѣ о настоящей причинѣ ея удаленія. Профессоръ же былъ слишкомъ наивенъ и слишкомъ далекъ отъ школьной политики для того, чтобъ заподозрить его въ неискренности. Рѣшено было, что онъ останется заслуженнымъ профессоромъ, на половинномъ жалованьи, но лекцій болѣе читать не будетъ. Колледжъ, въ которомъ онъ работалъ тридцать лѣтъ — еще когда онъ состоялъ всего только изъ двухъ кирпичныхъ зданій и одного факультета, на которомъ обучалось съ десятокъ юношей—больше не нуждался въ немъ. И даже этотъ домикъ, обвитый плющемъ, въ которомъ онъ и жена его прожили двадцать лѣтъ, въ которомъ умерло единственное ихъ дитя, оставленъ въ его пользованіи только до извѣстнаго срока—на шесть мѣсяцевъ, «чтобъ оглядѣться». И профессоръ, въ полутьмѣ, такъ какъ лицо его было внѣ круга свѣта, отбрасываемаго скромной рабочей лампой, сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ и невидящими глазами смотрѣлъ на бюстъ Сократа. Онъ раздумывалъ не о томъ, чѣмъ они съ женою будутъ жить. Это еще впереди. Онъ думалъ о томъ, какъ ему сказать женѣ объ этой перемѣнѣ. Никто, кромѣ него, не могъ понять, какимъ ударомъ будетъ для нея выселеніе изъ этого коттэджа. Съ тѣхъ поръ, какъ умерла ихъ маленькая дочка, въ той комнатѣ, которая служила ей спальней и дѣтской, ничто не измѣнилось; вся мебель, всѣ игрушки остались на прежнихъ мѣстахъ. Для жены ея любимое, Богомъ данное дитя невидимо продолжало жить въ этомъ домѣ—не какъ воспоминаніе, а какъ живое существо. И, когда, вечеромъ, профессоръ и жена его усаживались другъ противъ друга на концахъ стола, читая при одной и той же лампѣ, старушка порою быстро вскидывала голову, словно услыхавъ въ дѣтской топотъ маленькихъ ножекъ, или же дѣтскій сонный голосокъ, звавшій ее изъ темноты. Если ихъ заставятъ переѣхать въ городъ, въ какія-нибудь меблированныя комнаты для студентовъ, они, конечно, могутъ взять съ собой свои книги

и мебель, свою взаимную любовь, и дружбу, но они не возьмутъ съ собой этого ощущенія близости своего ребенка, ни раскрашенныхъ картинокъ, которыя ихъ маленькая дочка вырѣзала изъ рождественскихъ номеровъ журналовъ и наклеивала на стѣны дѣтской, ни ползучихъ розъ, которыя она посадила своими ручками и которыя теперь доросли уже до ея окна и каждое лѣто заглядывали въ пустую комнату.

По ту сторону поля, насупротивъ коттэджа Джильмана, изъ-за деревьевъ выглядывали, словно пылающіе апельсины, бумажные фонарики, раскачиваемые вѣтромъ. Тамъ стояла усадьба Галлоуэлля. На площадкѣ передъ домомъ жгли фейерверки, и ракеты взвивались выше самыхъ высокихъ вязовъ; тамъ плясала молодежь, и громовыя «ура» раздавались одно за другимъ въ честь героевъ наживы, въ честь удачниковъ и неудачниковъ— въ особенности, *одного* неудачника,—самыя дружныя. Но человѣку, который тридцать лѣтъ работалъ для колледжа, возсѣдая на каѳедрѣ въ аудиторіи, никто не кричалъ «ура». Никто даже не вспомнилъ о немъ, кромѣ одного студента. Правда, у этого студента были причины помнить, но въ его воспоминаніяхъ не было ни горечи, ни злобы. Для Питера было всего важнѣе, чтобъ его не считали малодушнымъ—ни д-ръ Джильманъ и никто другой. И потому, въ самый разгаръ праздника, передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ поѣздъ, который долженъ былъ увезти его далеко отъ Стильуотера, онъ сбѣгалъ черезъ поле въ коттэджъ Джильмана, чтобъ попрощаться съ старикомъ.

Но не вошелъ въ домъ, остановился на полдорогѣ, на садовой тропинкѣ—ибо въ окнѣ кабинета, открытомъ на веранду, въ р мкѣ вьющейся жимолости, увидалъ профессора и его жену, стоявшихъ у рабочаго стола. Они стояли, крѣпко обнявшись; старушка тихо плакала, прижимаясь щекою къ плечу мужа, цѣпляясь за его плечо тонкими, нѣжными, выхоленными руками, а профессоръ, видимо пытаясь утѣшить ее, неловко гладилъ ее по головѣ, и лицо у него было такое несчастное. . .

Питеръ, встревоженный и огорченный видѣннымъ, незамѣтно ретировался. Онъ не могъ себѣ представить, что за напасть обрушилась на престарѣлую чету. Ему и въ голову не приходило, что самъ онъ можетъ имѣть какое-либо отношеніе къ ихъ горю. Онъ видѣлъ только, что, независимо отъ причины, это горе было такимъ личнымъ и интимнымъ, что постороннему человѣку тутъ не слѣдъ было вмѣшиваться и выражать сочувствіе. И онъ на цыпочкахъ сошелъ съ дорожки въ траву и поспѣшилъ домой,—прямо къ себѣ. Праздникъ и фейерверки вдругъ утратили

для него привлекательность. Часъ спустя гости въ полномъ составѣ съ пѣснями проводили его до маленькой желѣзнодорожной станціи...

Откинувшись на спинку мягкой скамьи въ курительномъ вагонѣ, Питеръ смотрѣлъ, какъ понемногу скрывались изъ глазъ его огни Стильуотера. И дивился, что въ памяти его запечатлѣлись всѣхъ отчетливѣе не товарищи-студенты, плясавшіе, какъ краснокожіе на лужайкѣ вокругъ потѣшнаго костра, или толкавшіе другъ друга, спѣша вскочить на подножку вагона и пожать ему руку на прощанье, а эти двое—мужчина и женщина, одиноко стоявшіе, обнявшись въ маленькомъ коттэджѣ, словно дѣти, заблудившіяся на улицѣ и въ страхѣ цѣпляющіяся другъ за дружку, шепча слова утѣшенія.

Два мѣсяца спустя, въ Константинополѣ, Питеръ страдалъ отъ угрызеній совѣсти за упущенную возможность пріятнѣе провести лѣто, отъ несносной жары и отъ мухъ. Если бъ не кинематографщикъ, съ которымъ онъ сдружился, да не покеръ и баккара въ Восточномъ клубѣ, онъ утопился бы въ Босфорѣ. По утрамъ онъ съ репетиторомъ читалъ древнюю исторію, тотчасъ же забывая прочитанное; а остатокъ знойнаго, скучнаго дня проводилъ съ кинематографщикомъ на базарахъ и набережныхъ, въ поискахъ сюжетовъ для снимковъ.

Кинематографщика звали Генри Стетсономъ. Онъ на своемъ вѣку побывалъ и газетнымъ репортеромъ, и агентомъ по распространенію изданій, и водевильнымъ актеромъ, и наконецъ попалъ въ кинематографъ. А теперь, по собственной иниціативѣ, собиралъ матеріалы для публичной лекціи о Востокѣ, иллюстрированной свѣтовыми картинами, приспособленной для чтенія въ церквяхъ и воскресныхъ школахъ. Эту лекцію они съ Питеромъ писали вмѣстѣ и по вечерамъ репетировали ее съ волшебнымъ фонаремъ передъ аудиторіей изъ служащихъ въ отелѣ, репетитора и заѣзжаго нѣмецкаго авантюриста, силившагося сбыть младотуркамъ очень старыя военныя суда. Всѣ остальные иностранцы бѣжали изъ спаленнаго солнцемъ города, и весь дипломатическій корпусъ перекочевалъ въ лѣтнюю столицу Терапію.

Тогда Стимсонъ, первый секретарь посольства и, въ отсутствіе посла, «исполняющій должность»—chargé d'affaires—пригласилъ Питера гостить къ себѣ въ Терапію. Стимсонъ очень ухаживалъ за Питеромъ, ибо Галлоуэлль старшій представлялъ собой большую силу въ партіи, въ то время правившей страной, и словечко, замолвленное имъ въ Вашингтонѣ за начинающаго

молодого дипломата, могло оказать большую услугу этому последнему. Но Питеръ опасался, что его отецъ будетъ противъ Терапіи, такъ какъ она «внѣ указанныхъ предѣловъ».

— Онъ послалъ меня въ Константинополь,—пояснялъ Питеръ, и если ему покажется, что я не соблюдаю условія, одному Богу извѣстно, куда онъ еще меня пошлетъ—онъ даже способенъ прекратить мнѣ высылку денегъ.

А насчетъ высылки денегъ папаша Питера обнаруживалъ большую щедрость. И это было очень кстати, такъ какъ покеръ, въ который принцы и паши играютъ въ Восточномъ клубѣ—отнюдь не дѣтская игра. Но, благодаря своимъ аккредитивамъ и разгульной юности, Питеръ въ состояніи былъ играть даже съ этими господами, втрое его старше и почти такими же богатыми, какъ его папаша. Только они иначе тратили свое богатство. Нерѣдко, на глазахъ Питера, въ душные вечера на зеленый столъ выкладывалось не меньше денегъ, чѣмъ отецъ его ассигновалъ на устройство гимнастическаго зала.

Такъ проводилъ Питеръ первый мѣсяцъ своего изгнанія—утромъ набивая свою голову именами людей, давно умершихъ, а по вечерамъ впитывая въ себя «couleur locale». Для юноши живого характера и спортивныхъ вкусовъ это была скучная жизнь, не дававшая ему никакихъ радостей. Письмо отъ Чарли Гайнса, однокашника, жившаго въ Стильуотерѣ, полученное Питеромъ черезъ шесть недѣль его пребыванія въ Константинополѣ, разогнало его скуку и внесло въ жизнь его реальный интересъ. Это было письмо, полное дружеской болтовни, имѣвшей цѣлью развлечь и позабавить. Но одно мѣсто въ немъ произвело совершенно обратное дѣйствіе. Оно гласило:

«Старика Джильмана выставили за бортъ. Ректоръ обрекъ его въ жертву твоему отцу за то, что онъ былъ такъ неуменъ и провалилъ тебя. Въ сентябрѣ онъ переселяется въ городъ. Я случайно встрѣтилъ ихъ обоихъ на прошлой недѣлѣ, когда искалъ комнату для кузена Фрешмана. Они взяли для себя комнату, одну, въ томъ же домѣ. По-моему, это стыдъ и срамъ, и я увѣренъ, ты со мною согласишься. Они—славные старики, и мнѣ непріятно думать, что они будутъ жить въ скверненькихъ меблирашкахъ, вмѣстѣ съ Фрешманами. Блэкъ всегда былъ свиньей.—Что ты на это скажешь?»

Питеръ цѣлыхъ десять минутъ потратилъ на то, чтобы дождаться очереди въ конторѣ кабло-телеграфа.

«Только-что узналъ,—каблографировалъ онъ своему отцу, Джильманъ уволенъ за то что провалилъ меня нахожу возмутительнымъ пожалуйста позаботься вернуть».

Отвѣтъ, полученный на слѣдующій день, не удовлетворилъ Питера. Онъ гласилъ: «Мнѣ сообщено Джильманъ дѣйствовалъ по злобѣ самъ знаешь не имѣю власти вмѣшиваться дѣйствія ректора».

Съ тѣхъ поръ, какъ Питеръ узналъ о бѣдствіи, постигшемъ Джильмановъ изъ-за его лѣности, негодованіе его по поводу этой несправедливости съ каждымъ часомъ возрастало. А изгнаніе въ Константинополь не оказывало благопріятнаго дѣйствія на развитіе въ немъ сыновнихъ чувствъ. Наоборотъ, прибавило ему независимости и убавило охоты цѣловать отцовскую розгу. И, въ результатѣ, тонъ его слѣдующей каблограммы былъ далеко не примирительный.

«Увольненіе Джильмана походитъ больше актъ злобы съ нашей стороны. Чувствую себя оплеваннымъ Блэкъ жаба подхалимъ сдѣлаетъ какъ вы велите пожалуйста верните Джильмана».

На это нѣсколько надменное посланіе послѣдовалъ такой отвѣтъ: «Если твое положеніе непріятно самъ виноватъ не Блэкъ инцидентъ исчерпанъ».

— Такъ ли?— сказалъ сынъ своего отца. Вызвалъ на подмогу Стетсона и объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Стетсонъ напомнилъ ему о знаменитой каблограммѣ своего славнаго современника: «Пердикарисъ останется въ живыхъ, или Райсули умретъ».

Въ пересказѣ Питера это гласило: «Джильманъ вернется въ Стильуотеръ или я не готовлюсь къ экзамену».

Отвѣтъ былъ также выразителенъ:

«Ты получишь дипломъ или можешь самъ добывать себѣ средства къ жизни».

Это встревожило Стетсона и разсердило Питера настолько, что онъ поставилъ ультиматумъ:

«Предпочитаю самъ зарабатывать средства къ жизни уѣзжаю изъ Константинополя».

Черезъ нѣсколько дней Стетсону тоже предстояло выѣхать изъ Константинополя на пароходѣ въ Неаполь. Питеръ, очень съ нимъ сдружившійся, рѣшилъ сопровождать его, если только до тѣхъ поръ у него не явится желанія возвратиться домой кружнымъ путемъ, черезъ Парижъ и Лондонъ.

— Вы, навѣрное, попадете туда задолго до меня,—говорилъ Питеръ,—и я васъ очень прошу: сейчасъ же по прибытіи поѣзжайте въ Стильуотеръ и вручите отъ меня д-ру Джильману какой-нибудь сувениръ о Турціи—я еще не придумалъ, что именно—какую-нибудь вещицу—ну, просто для того, чтобъ по-

казать ему, что я на него не въ обидѣ. Денегъ онъ не возьметъ, но отъ подарка не откажется. Надо что-нибудь спеціально турецкое, въ родѣ молитвеннаго коврика, или ятагана, или иллюстрированнаго изданія Корана, или...

Нѣсколько нерѣшительно Стетсонъ вытащилъ изъ кармана плоскій сафьянный футляръ и раскрылъ его.

— А ежели такую вотъ вещицу?

Въ подбитомъ бархатомъ футлярѣ лежала звѣзда изъ зеленой эмали и золоченнаго серебра, съ красно-зеленой лентой.

— Это Звѣзда Полумѣсяца, — сказалъ Питеръ. — Гдѣ вы купили ее?

— Купилъ? Ордена не покупаются. Ихъ жалуетъ Султанъ.

— Держу пари, что этотъ орденъ пожалованъ вамъ не Султаномъ.

— Извольте. У меня въ карманѣ бумага, которая это подтверждаетъ.

Онъ развернулъ внушительный документъ, покрытый косыми строчками затѣйливыхъ арабскихъ буквъ съ золотыми завитушками. Это произвело должное впечатлѣніе на Питера, но онъ все еще не вѣрилъ:

— Что же тамъ сказано «въ той бумагѣ?» — а ну переведите по-англійски.

— Тамъ сказано, что его Императорское Величество, Султанъ, жалуетъ Генри Стетсону, преподавателю, автору и лектору, Звѣзду ордена Полумѣсяца пятаго разряда за услуги, оказанныя имъ Турціи».

Питеръ негодующе прервалъ его:

— Другъ мой, не пытайтесь обманывать факировъ. Я самъ факиръ. Какія же услуги вы...

— «За услуги, — невозмутимо продолжалъ Стетсонъ, — оказанныя имъ по распространенію въ Соединенныхъ Штатахъ свѣдѣній объ обычаяхъ, промышленности и религіи Оттомановъ». — Это — пояснилъ онъ — относится къ моей, вѣрнѣе, къ нашей лекціи съ свѣтовыми картинами. Мнѣ подумалось, что лекція о Турціи будетъ имѣть большій успѣхъ, если я буду являться за разрѣшеніемъ съ турецкимъ орденомъ въ петличкѣ — вотъ я и постарался раздобыть этотъ.

Питеръ смотрѣлъ на своего юнаго друга съ нескрываемымъ восхищеніемъ.

— Но какъ же они повѣрили вамъ на слово, когда вы сказали имъ, что вы писатель и преподаватель?

Стетсонъ прищурилъ одинъ глазъ и усмѣхнулся: — Имъ только заплати — они всему повѣрятъ.

— Послушайте! — вскликнулъ Питеръ, — если вамъ дали этотъ орденъ, то, вѣдь, Джильману стоитъ дать дюжину такихъ. Я имъ скажу, что онъ — авторъ длиннѣйшей и скучнѣйшей исторіи этой изъѣденной мухами страны, какая когда-либо была написана. И онъ — настоящій профессоръ и историкъ, и я могу доказать это. Я покажу имъ толстыхъ пять томовъ съ его фамиліей па каждомъ. Сколько вамъ стоила эта вещица?

— Двѣсти долларовъ взятки и два мѣсяца дипломатическихъ переговоровъ.

— Ну, двухъ мѣсяцевъ на дипломатію у меня не найдется — значитъ, надо будетъ увеличить взятку. Я останусь здѣсь и буду добывать орденъ для Джильмана, а вы на родинѣ постарайтесь обработать газеты. У насъ никто не слыхивалъ объ орденѣ Полумѣсяца, но это только облегчаетъ намъ нашу задачу; они будутъ знать только то, что мы имъ скажемъ, а мы имъ скажемъ, что это — высшее отличіе, когда-либо пожалованное царствующимъ государемъ американскому ученому. Начните только долбить людямъ въ уши, что у васъ все — самое лучшее, и они вамъ повѣрятъ. Отецъ всегда такъ дѣлаетъ, чтобы продать свои окорока. Вы были, вѣдь, агентомъ по распространенію изданій. А теперь будьте моимъ агентомъ — т. е., вѣрнѣй, агентомъ Джильмана. Я буду платить вамъ жалованье, а вы рекламируйте въ газетахъ его и орденъ Полумѣсяца. Я вамъ дамъ письмо къ Чарли Гайнсу въ Стильуотерѣ. Онъ мѣстный агентъ Соединенной Прессы и посылаетъ туда свѣдѣнія о дѣлахъ колледжа. Ему самому жалко, что Джильманъ уволенъ, и онъ — мой лучшій другъ, такъ что онъ сдѣлаетъ все возможное. Ваше дѣло — убѣдить весь Стильуотеръ, вмѣстѣ съ ректоромъ Блэкомъ и моимъ папашей, что они потеряли человѣка, который прославилъ Стильуотеръ, — такъ прославилъ, что передъ этимъ милліонное пожертвованіе моего отца на лабораторію покажется ничтожнымъ.

Бывшій агентъ весь подобрался, какъ боевой конь при звукѣ трубы: глаза его загорѣлись; ему вспомнились былые тріумфы, искусные пріемы стратегіи и тактики въ рекламѣ.

— Чудесно! — воскликнулъ онъ. — Великолѣпно! Ваша идея захватила меня, и — я вашъ слуга. Можете поздравить себя съ такой удачей. Я агитировалъ въ печати за политиковъ, актеровъ, главарей партій, рекламировалъ консервы и лошадиныя выставки — никто не умѣетъ дѣлать этого лучше меня. Я за-

вѣдывалъ бюро печати при Галлоуэѣ, когда онъ добивался мѣста губернатора. Онъ думаетъ, что народъ избралъ его. А я знаю, что это сдѣлалъ я. Нора Нашвилль получала по пятидесяти долларовъ въ недѣлю въ водевильной труппѣ, когда я взялся за нее — теперь она зарабатываетъ тысячи. Я даже съумѣлъ увѣрить публику, что м-рсъ Гэмптонъ-Родсъ — первая дама въ Ньюпортѣ, когда она тамъ почти ни съ кѣмъ и не знакома. Да вѣдь это я убѣдилъ американцевъ, что русскіе танцоры умѣютъ танцовать!

— Послушайте, нельзя же быть такимъ безжалостнымъ по отношенію къ самому себѣ. Этакъ можно въ отчаянье придтти и совершить самоубійство. Сколько вамъ за это нужно?

— А у васъ сколько есть?

— Порядочно. Кой-то осталось по аккредитиву, выданному папашей, и много больше выиграно въ покеръ у пашей. Когда и это все уйдетъ, мнѣ придется работать и зарабатывать себѣ пропитаніе. А пока что, вамъ полагается сто долларовъ въ недѣлю, и вся ваша работа—въ томъ, чтобы прославлять Джильмана и орденъ Полумѣсяца. Мы теперь составляемъ спеціальный комитетъ Защиты Джильмана и пропаганды его извѣстности. Для начала познакомьте меня съ человѣкомъ, котораго мнѣ придется подкупать.

— Въ здѣшней сторонѣ вамъ незачѣмъ знакомиться съ человѣкомъ, котораго вамъ нужно подкупить—вы просто подкупаете его.

II.

Въ тотъ же вечеръ, въ курительной отеля, Питеръ и Стетсонъ сдѣлали первый ходъ въ затѣянной ими игрѣ—добыванія для профессора Джильмана ордена Полумѣсяца. Стетсонъ познакомилъ Питера съ молодымъ эффенди въ сюртукѣ и въ фескѣ. Стетсонъ назвалъ его Османомъ. Онъ служилъ писцомъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и, повидимому, былъ другомъ друга пріятельницы помощника третьяго секретаря.

На столъ передъ нимъ выложили пять томовъ «Возвышенія и Паденія», и Питеръ выразилъ желаніе узнать, почему такой выдающійся ученый, какъ профессоръ Джильманъ, до сихъ поръ не получилъ ни единаго знака признательности отъ страны, которой онъ посвятилъ такой солидный трудъ, и которую описывалъ съ такимъ сочувствіемъ. Османъ съ недовѣрчивымъ видомъ перелисталъ всѣ пять томовъ и обѣщалъ немедленно довести о нихъ до свѣдѣнія великаго визиря.

Когда онъ ушелъ, Стетсонъ пояснилъ пріятелю, что у Османа такъ же мало шансовъ говорить съ великимъ визиремъ, какъ и съ дамами его гарема.

— Отъ него, въ сущности ничего не зависитъ, но дать ему необходимо. Это какъ у насъ въ Таммани-холлѣ, гдѣ каждый заинтересованъ въ барышахъ. Этотъ малый пойдетъ къ своему начальнику, начальникъ пойдетъ къ своему начальству, тотъ къ какому-нибудь товарищу министра, а товарищъ министра къ дворцовой фавориткѣ, и всѣ они подѣлятъ между собою ваши деньги. Въ свое время министръ иностранныхъ дѣлъ подпишетъ указъ о пожалованіи васъ орденомъ вмѣстѣ съ сотнею другихъ, не вѣдая, что онъ подписываетъ; затѣмъ вы дадите каблограмму мнѣ, и орденъ Полумѣсяца заблеститъ въ Соединенныхъ Штатахъ такимъ яркимъ блескомъ, что рядомъ съ нимъ комета Галлея покажется восковою спичкой.

На другой день Стетсонъ съ репетиторомъ отплыли домой, Питеръ же остался одинъ добывать, какъ онъ думалъ, орденъ Полумѣсяца. На самомъ дѣлѣ, вышло наоборотъ: не онъ бѣгалъ за орденомъ, а орденъ бѣгалъ за нимъ. Онъ не взялъ въ разсчетъ того, что отношеніе мелкихъ чиновниковъ и политиковъ черной лѣстницы къ странствующему кинематографщику, въ родѣ Стетсона, и къ сыну американскаго Креза будетъ разное.

Черезъ двадцать четыре часа жирный мужчина съ изсиня-черной бородой и въ брильянтовыхъ перстняхъ нанесъ визитъ Питеру, вмѣстѣ съ Османомъ, чтобы извиниться за этого послѣдняго. Османъ, какъ объяснилъ жирный мужчина, чуть было не сдѣлалъ роковой ошибки. Онъ ходатайствовалъ для д-ра Джильмана объ орденѣ Полумѣсяца пятаго разряда, т. е. такого же, какой былъ данъ Стетсону. Пятый разрядъ, пояснялъ жирный мужчина, очень хорошъ для торговцевъ, драгомановъ и евнуховъ, но какъ почетное отличіе для ученаго, имѣющаго счастье быть другомъ м-ра Галлоуэлля, и четвертый разрядъ едва будетъ достаточнымъ. Конечно, четвертый разрядъ, прибавилъ жирный мужчина, обойдется подороже, но, вѣдь, и отличіе стоитъ того, такъ какъ четвертый разрядъ даетъ право носящему его на отданіе ему чести всѣми часовыми.

— Въ Стильуотерѣ, положимъ, мало часовыхъ,—замѣтилъ Питеръ,—но мнѣ нужно самое лучшее, и поскорѣе. Добывайте мнѣ орденъ четвертаго разряда.

На другой утро, новый сюрпризъ — ни свѣтъ, ни заря, къ нему явился Стимсонъ изъ посольства, видимо, чѣмъ-то смущенный.

— Дорогой мой,—съ мѣста запротестовалъ онъ,—кой чортъ! что же вы мнѣ не сказали, что вы хотите получить орденъ? Конечно, намъ служащимъ государственнаго департамента, строго запрещено хлопотать объ орденахъ для себя самихъ, или своихъ знакомыхъ. Но что такое законъ между друзьями! Я, разумѣется, добуду вамъ его, но съ двумя условіями: вы никому не заикнетесь о томъ, что это я вамъ его добылъ, и скажете мнѣ, за какія заслуги вы желаете его получить.

Питеръ откровенно объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и секретарь такъ заинтересовался, что попросилъ и его включить въ члены Комитета Защиты Джильмана.

— Исторію Турціи д-ра Джильмана,—говорилъ онъ,—надо преподнести Султану. Эти ваши пять томовъ вы отдайте въ переплетъ, зеленый съ краснымъ, цвѣта Магомета, и главное побольше золота. Надѣсь, они у васъ не запачканы?

— Да я ихъ и не раскрывалъ,—завѣрилъ его Питеръ.

— Отлично. Тогда, значитъ, я самъ свезу ихъ Мулей-Пашѣ, министру иностранныхъ дѣлъ и попрошу его поднести ихъ въ даръ его величеству Султану. Онъ пообѣщаетъ это сдѣлать и не сдѣлаетъ, но, вѣдь, онъ знаетъ, что я знаю, что онъ этого не сдѣлаетъ, такъ что все въ порядкѣ. А въ благодарность онъ выхлопочетъ намъ орденъ Полумѣсяца третьяго разряда.

— Здо́рово!—воскликнулъ Питеръ.—Даже третьяго? Но на это уйдетъ, пожалуй, весь остатокъ моего аккредитива.

— Ничуть не бывало. Я спасаю васъ отъ нашихъ взяточниковъ. Это будетъ стоитъ вамъ ровно столько, сколько вы заплатите за переплетъ. А третій разрядъ ордена Полумѣсяца, дѣйствительно, отличіе, которымъ всякій человѣкъ можетъ гордиться. Его носятъ на шеѣ и на похоронахъ онъ даетъ право награжденному имъ на почетный конвой изъ тысячи солдатъ.

— Я бы предпочелъ имѣть поменьше солдатъ на похоронахъ и подольше носить его на шеѣ. А, можетъ быть, можно получить второй разрядъ—или даже первый?

Такое невѣжество невольно вызвало улыбку на губахъ Стимсона.

— Первый разрядъ,—принялся терпѣливо объяснять онъ,— брильянтовый крестъ Полумѣсяца дается только царствующимъ государямъ. Второй разрядъ называется Большимъ Крестомъ и жалуется онъ только принцамъ крови, первымъ министрамъ, людямъ, пользующимся всемірной славой...

— А докторъ Джильманъ, по-вашему, не пользуется всемірной славой,—перебилъ его Питеръ.—Если сейчасъ не поль-

зуется, то скоро будетъ пользоваться, когда Стетсонъ пуститъ въ ходъ рекламу.

— Когда-нибудь,—сухо возразилъ Стимсонъ,—и я, можетъ быть, буду посломъ. И тогда могу надѣяться получить Большой Крестъ Полумѣсяца, но не теперь. Очень жаль, что вы не удовлетворены,—огорченно прибавилъ онъ. Никто не добудетъ вамъ этого ордена выше, чѣмъ третьяго разряда, и то это можетъ стоить мнѣ головы, въ смыслѣ моего мѣста.

— Ну ладно,—согласился Питеръ.—Вы добудьте мнѣ орденъ третьяго разряда. А я постараюсь, чтобы фатеръ мой сдѣлалъ васъ посломъ.

Въ этотъ вечеръ въ клубѣ Питеръ очутился рядомъ съ принцемъ Абдуломъ, который пріѣхалъ сюда прямо съ раута у великаго визиря, не снимая орденовъ. Питеръ теперь страшно интересовался орденами и почти съ благоговѣніемъ разглядывалъ тѣ, которые украшали грудь юнаго принца. Онъ и принца разглядывалъ съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, ибо Абдулъ былъ любимымъ племянникомъ Султана и пользовался репутаціей перваго повѣсы въ Турціи. Питеръ дивился, почему. Онъ находилъ Абдула очаровательнымъ, изящнымъ, учтивымъ чуть не до смиренія, умно циничнымъ и блестяще остроумнымъ. Въ покеръ онъ почти всегда выигрывалъ, и при этомъ дѣлалъ такой учтиво скучающій видъ, выказывалъ такое равнодушіе къ собственнымъ картамъ и картамъ своихъ партнеровъ, что Питеръ громогласно заявлялъ, что не знаетъ ему равнаго, какъ игрока.

Во время паузы въ игрѣ, пока одинъ изъ играющихъ срывалъ обложку съ новой колоды, Питеръ указалъ на брилліантовую звѣзду, пріютившуюся за обшлагомъ фрака Абдула.

— Можно узнать, что это такое?

Принцъ нахмурился, покосившись на свою звѣзду, какъ будто она страшно надоѣла ему, и затѣмъ, очаровательно улыбнулся.

— Это орденъ, который дается людямъ, пользующимся всемірной славой.—И пояснилъ:—Сегодня я обѣдалъ съ вашимъ очаровательнымъ компатріотомъ, м-ромъ Джозефемъ Стимсономъ.

— И Джо сказалъ вамъ?

Принцъ кивнулъ головой.—Джо сказалъ, и теперь все устроено. Вашъ достойный другъ, стильуотерскій мудрецъ, получилъ орденъ Полумѣсяца третьяго разряда.

Жадные взоры Питера все еще не отрывались отъ брилліантовой звѣзды.

— А почему нельзя добыть ему вотъ этакую штучку?

Принцъ надменно поднялъ брови, какъ бы готовый обидѣться, но передумалъ и только усмѣхнулся.

— Въ Турціи только два человѣка могутъ это сдѣлать.

— И другой—Султанъ?

Принцъ слегка ахнулъ, словно вдругъ очутившись подъ холоднымъ душемъ, и потомъ долго беззвучно смѣялся.

— Вы мнѣ льстите,—пробормоталъ онъ.

— Вы знаете, что вы могли бы сдѣлать, если бъ захотѣли,—упрямо шепнулъ Питеръ.

Принцъ Абдулъ, повидимому, не слыхалъ его.—Я куплю одну,—сказалъ онъ сдающему.

Къ двумъ часамъ утра въ кассѣ было семьдесятъ пять тысячъ франковъ, а за игорнымъ столомъ никого, кромѣ Питера и принца. Всѣ прочіе благоразумно отступились.

— Хотите, бросимъ?—предложилъ принцъ.

— Чего ради?—удивился Питеръ.—Я увѣренъ, что я выиграю. Кому сдавать?

Принцъ сдалъ. У Питера оказалось четыре десятки. Онъ выигралъ.

— Давайте на дубль или квитъ?—предложилъ принцъ.

Изъ-за кончика сигары Питеръ покосился на огромную кучу золота и банковыхъ билетовъ.

— Угодно такъ?—вы мнѣ заплатите вдвое противъ того, что есть тутъ на столѣ, или же не будете должны мнѣ ни копѣйки.

Принцъ кивнулъ головой.

— Сдавайте,—сказалъ Питеръ.

Принцъ сдалъ карты и отложилъ двѣ въ прикупку. У Питера была на рукахъ семерка, два короля и двѣ четверки. Въ надеждѣ взять третьяго короля, который могъ составить три одинаковыхъ карты высшаго достоинства, чѣмъ три дамы на рукахъ у принца, онъ сбросилъ семерку и четверку и взялъ короля. Принцъ показалъ своихъ три дамы и пожалъ плечами.

Питеръ, нагнувшись къ нему, выговорилъ, не шевеля губами.

— Я вамъ вотъ что предложу. Вы мнѣ должны сто пятьдесятъ тысячъ франковъ. Я ставлю ихъ противъ того, что только два человѣка во всей имперіи могутъ мнѣ дать.

Принцъ не спѣша обвелъ глазами столъ. Но изумленные взгляды прочихъ игроковъ ясно показывали, что для нихъ смыслъ предложенія былъ непонятенъ.

Принцъ цинично усмѣхнулся.

— Для васъ?—спросилъ онъ.

— Для доктора Джильмана,—былъ отвѣтъ.

Голосъ принца упалъ до шепота.

— Идетъ. Только чтобы никто на зналъ.

Питеръ тоже умѣлъ быть циничнымъ.

— Ни даже его величество Султанъ.

Сдавать пришлось Абдулу. Онъ сдалъ себѣ чудеснѣйшую карту. Но карта Питера все же оказалась лучшей.

Принцъ умѣлъ проигрывать. На другой же день въ «Офиціальной Газетѣ» появилось извѣщеніе, что Султанъ милостиво жалуетъ орденомъ Большого Креста Полумѣсяца съ брильянтовой звѣздой доктора Генри Джильмана, заслуженнаго профессора Стильуотерскаго университета въ Соединенныхъ Штатахъ.

Питеръ моментально сообщилъ радостную вѣсть Стетсону. Каблограмма нашла его въ карантинѣ. Она гласила: «Сцапалъ Полумѣсяцъ, Большой Крестъ. Старайтесь».

Но, прежде чѣмъ Стетсонъ началъ стараться, кампанія гласности была блестяще начата въ самомъ Константинополѣ. Принцъ Абдулъ, хоть и поневолѣ очутившійся въ Комитетѣ Защиты Джильмана, проявилъ себя чрезвычайно дѣятельнымъ членомъ.

— Для меня это стало noblesse oblige—объявилъ онъ.— Если дѣлать, такъ ужъ дѣлать хорошо. Сегодня же Султанъ велитъ перевести «Возвышеніе и Паденіе» на арабскій языкъ и переводъ этотъ включить въ національную библіотеку. Больше того: университеты Константинопольскій и Солунскій и національное историческое общество избрали д-ра Джильмана почетнымъ членомъ. Я предложилъ его, месопотамскій патріархъ поддерживалъ, и дѣло въ шляпѣ. А турецкій посолъ въ Америкѣ получилъ предписаніе вручить орденъ доктору собственноручно.

Тѣмъ временемъ Питеръ и Стетсонъ тоже не сидѣли, сложа руки. Чтобы помочь Стетсону и создать впечатлѣніе, будто вся Европа зачитывается «Возвышеніемъ и Паденіемъ», Питеръ нанялъ образованнѣйшаго, но безъ копейки денегъ драгомана перевести эту исторію на пять языковъ, а Стетсонъ оффиціально извѣстилъ объ этомъ, равно какъ и о пожалованіи ордена, министерство иностранныхъ дѣлъ въ Вашингтонѣ, подчеркнувъ при этомъ, что съ тѣхъ поръ, какъ генералъ Грантъ ѣздилъ по Европѣ, никогда еще Султанъ не оказывалъ такой почести американцу. Онъ прибавилъ, что великій визирь просилъ его—по просьбѣ принца Абдула—попросить министерство увѣдомить о столь высокой почести доктора Джильмана. Просьба изъ такого источника равнялась приказанію, и министерство иностранныхъ дѣлъ

послало оффиціальное извѣщеніе доктору Джильману, присоединивъ свои поздравленія, и дало краткую замѣтку объ этомъ въ «Соединенную Прессу».

Оффиціальное признаніе заслугъ Джильмана правительствомъ и печатью было все и даже больше того, что требовалъ Стетсонъ. Онъ снялъ сюртукъ и, вооружившись не столько перомъ, сколько мегафономъ, принялся разъяснять американцамъ, кто такой докторъ Джильманъ, кто такой Султанъ и что такое Большой Крестъ и почему величайшій американскій историкъ всюду въ чести, кромѣ своей родной страны. Цѣлые столбцы этихъ разъясненій, щедро оплаченные, вмѣстѣ съ портретомъ д-ра Джильмана, взятымъ изъ Стильуотерскаго Университетскаго Ежегодника и изображеніемъ Большого Креста, взятымъ изъ воображенія, появились на самомъ видномъ мѣстѣ во всѣхъ восьмистахъ газетахъ, выходящихъ въ центральныхъ, западныхъ и восточныхъ штатахъ. За ними послѣдовали спеціальныя статьи, рецензіи, другіе портреты и рисунки—Стетсонъ положительно наводнилъ ими страну.

Юный Гайнсъ, мѣстный корреспондентъ «Соединенной Прессы», слѣдуя инструкціямъ, каблограммами, пересылаемыми ему Питеромъ, представилъ его доктору Джильману въ качествѣ путешественника, читающаго лекціи о Турціи, и скромнаго почитателя автора «Возвышенія и Паденія». Стетсонъ, изучившій эту книгу добросовѣстнѣй любого студента, готовящагося къ экзамену, смиренно попросилъ разрѣшенія сѣсть у ногъ учителя. И, просидѣвъ нѣсколько вечеровъ буквально у его ногъ на ступенькахъ веранды обвитаго плющемъ коттэджа, съумѣлъ вытянуть у несвѣтскаго и чуждаго подозрительности ученаго всю несложную исторію его жизни. Къ этому, опять-таки въ качествѣ путешественника и скромнаго почитателя, онъ присоединилъ фотографическіе снимки, сдѣланные имъ самимъ, съ учителя, съ его коттэджа, съ его любимой прогулки подъ деревьями, великаго историка за работой у письменнаго стола, съ него же въ цвѣтникѣ и за крокетомъ съ женою на крокетной площадкѣ. Эти фотографіи онъ припряталъ до поры до времени, пока орденъ будетъ врученъ на самомъ дѣлѣ.

Эта послѣдняя пріятная обязанность выпала на долю турецкаго посла, который, къ немалому своему изумленію, получилъ приказъ прослѣдовать въ Стильуотеръ, въ Массачусетсѣ—городъ, о которомъ онъ и не слыхивалъ—и вручить доктору Джильману, о которомъ онъ также не слыхалъ, Большой Крестъ ордена Полумѣсяца на лентѣ для ношенія на шеѣ. Какъ только

орденъ прибылъ съ казенной почтой, секретарь посольства привезъ его изъ Вашингтона въ Бостонъ, и затѣмъ посолъ вмѣстѣ съ секретаремъ выѣхали по желѣзной дорогѣ въ Стильуотеръ.

Тамъ его приняли такъ, что посолъ и по сей день помнитъ эту поѣздку, какъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ инцидентовъ своей славной карьеры. Никогда еще, съ тѣхъ поръ, какъ онъ представлялъ собой особу его величества султана въ западной республикѣ, эти варвары не устраивали ему пріема, столь близкаго къ его собственному представленію о томъ, какъ его слѣдовало принимать.

— Этотъ посолъ, — объяснялъ Гайнсъ стильуотерскому мэру, онъ же и крупнѣйшій бакалейщикъ въ цѣломъ департаментѣ,—представляетъ собой какъ бы особу самого султана. Поэтому надо его хорошенько принять и угостить.

— Это все равно,—прибавилъ Стетсонъ,—какъ если бы самъ султанъ турецкій посѣтилъ Стильуотеръ.

— А у насъ въ Стильуотерѣ такъ мало бываетъ коронованныхъ особъ,—продолжалъ Гайнсъ,—что намъ надлежитъ оказать этому гостю особый почетъ, тѣмъ болѣе, что онъ спеціально пріѣдетъ за тѣмъ, чтобъ вручить высокоцѣнный знакъ отличія одному изъ нашихъ согражданъ.

Мэръ нервно кусалъ кончикъ своей сигары.

— Какъ же мнѣ быть? Что, собственно, надо дѣлать?

— Вотъ м-ръ Стетсонъ,—Гайнсъ указалъ на него,—жилъ въ Турціи и знаетъ, чего они могутъ ждать. Быть можетъ, онъ поможетъ намъ.

— Вы согласны?—взмолился бѣдный мэръ.

— Отчего же.

Затѣмъ они обошли профессоровъ. Ректоръ Блэкъ и большинство властей были въ отсутствіи, пользуясь вакаціями. Но съ полдюжины профессоровъ, все-таки, оказались дома, и имъ дали понять, что честь, оказанная человѣку, еще недавно бывшему въ ихъ средѣ, отбрасываетъ отблескъ славы на весь университетъ и на нихъ самихъ, и, слѣдовательно, имъ надлежитъ принять оффиціальное участіе въ чествованіи.

Имъ было также внушено, что на церемонію слѣдуетъ явиться въ полной парадной формѣ, въ академическихъ тогахъ, плащахъ и колпакахъ—тѣмъ болѣе, что ихъ будутъ снимать. На это всѣ охотно согласились—отчасти потому, что всѣ они любили д-ра Джильмана, отчасти потому, что ихъ никогда еще не снимали для кинематографа. И потому, когда посолъ, вспотѣвшій, весь въ пыли и злой, вышелъ изъ вагона на крохотномъ

стильуотерскомъ вокзалѣ, къ большому своему изумленію и восторгу, онъ увидалъ красный коверъ, проложенный вплоть до новаго съ иголочки автомобиля, взводъ мѣстной милиціи, отдающій ему честь по-военному, комитетъ, выѣхавшій ему навстрѣчу, въ составѣ мэра въ цилиндрѣ и бѣлыхъ перчаткахъ и трехъ профессоровъ въ тогахъ и цвѣтныхъ колпакахъ, и стильуотерскій оркестръ изъ десяти горнистовъ, играющій въ честь его пьесу, въ которой, послѣ многихъ повтореній, посолъ милостиво удостоилъ узнать турецкій національный гимнъ.

Высокій гость забылъ объ усталости и жарѣ. Забылъ, что онъ весь въ поту и сердитъ. Лицо его сіяло отъ удовольствія и отъ испарины. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, люди умѣютъ цѣнить его и его высокій санъ. И, когда мэръ собственноручно помогъ ему сѣсть въ автомобиль, студенты привѣтствовали его странными возгласами, а кинематографщикъ направилъ прямо на него свою машину, онъ просіялъ еще больше. Но внутренно ему было не по себѣ.

Внутренно онъ корилъ себя за то, что, мало зная Америку, онъ не сумѣлъ заранѣе оцѣнить человѣка, котораго ему теперь было поручено почтить высокимъ отличіемъ. Вспоминая, что онъ никогда не слыхалъ даже имени доктора Джильмана, онъ краснѣлъ отъ смущенія. А, когда вспомнилъ, что онъ едва не отказался ѣхать въ Стильуотеръ и не передалъ порученія своему секретарю, онъ содрогнулся. Что бы сдѣлалъ съ нимъ султанъ за такую продерзость? Вотъ, можно сказать, Аллахъ спасъ во-время!..

Привлеченный музыкой, мундирами, видомъ толстаго господина въ красной фескѣ, искренней симпатіей и уваженіемъ къ д-ру Джильману, весь городъ собрался возлѣ его скромнаго домика. А въ домикѣ старикъ-профессоръ, взволнованный и удивленный и вмѣстѣ съ тѣмъ до странности счастливый, подставлялъ шею послу, надѣвшему ему черезъ плечо широкій зеленый шарфъ и къ его единственному сюртуку приколовшему брилліантовую звѣзду. Смущенный и счастливый, докторъ Джильманъ улыбался и кланялся, кланялся и улыбался; когда же восхищенный мэръ сталъ кричать: «Рѣчь! Скажите рѣчь!» онъ вдругъ испугался и украдкой протянулъ руку, ища поддержки у жены.

— А теперь троекратное «ура!»—заревѣлъ церемоніймейстеръ Стетсонъ.—А теперь «Слава Побѣдителю»!—крикнулъ дирижеръ оркестра. «Слушай! Ружье на плечо! На к-раулъ!» скомандовалъ капитанъ милиціи. И всѣ, обыватели и профессора, апплодировали и махали шляпами и носовыми платками. А докторъ Джильманъ и его жена—онъ смущенный и растерянный, она

счастливая и гордая и принимающая все это, какъ должное—стояли рука объ руку въ рамкѣ жимолости и кланялись—кланялись безъ конца. Посолъ же чокался шампанскимъ, которое неожиданно появилось въ ледяныхъ футлярахъ откуда-то изъ-за стѣны обвитаго плющемъ коттэджа, и съ мэромъ, и съ женами профессоровъ, и со студентами, и съ дирижеромъ оркестра. И такъ усердно чокался, что, когда подъѣхалъ съ иголочки новенькій автомобиль, чтобъ отвезти его обратно на вокзалъ, онъ мирно спалъ въ креслѣ и во снѣ улыбался блаженною улыбкой.

* * *

Питеръ прибылъ въ Америку одновременно съ орденомъ, но Гайнсъ и Стетсонъ потребовали, чтобъ онъ до поры до времени не являлся въ Стильуотеръ. Они боялись, какъ бы, при наличности всѣхъ трехъ заговорщиковъ, кто-нибудь изъ нихъ не обмолвился неосторожнымъ словомъ, которое могло бы повести къ разоблаченію истины.

Такимъ образомъ Питеръ остался въ Нью-Йоркѣ, но продолжалъ работать, и первымъ дѣломъ его было послать своему папашѣ и ректору Блэку всѣ газетные отчеты о великомъ торжествѣ въ Стильуотерѣ. Ректоръ, прочитавъ ихъ, чуть не задохся отъ негодованія. Никогда еще стильуотерскій колледжъ не обращалъ на себя такого общаго вниманія, и никогда еще президентъ его не оставался до такой степени въ тѣни. И, что еще хуже—самъ онъ понималъ, что ему и нельзя было показываться. Вѣдь всѣ же знали, что онъ по злобѣ и безъ причины уволилъ въ отставку стараго и вѣрнаго слугу—какъ же могъ онъ теперь вмѣстѣ съ другими пѣть уволенному хвалы? Онъ надѣялся только, что его патронъ, Галлоуэлль старшій, можетъ быть, не услышитъ о тріумфѣ Джильмана. Но Галлоуэлль старшій только и слышалъ, что объ этомъ. Въ конторѣ, въ клубахъ, за игрою въ гольфъ, повсюду—его поздравляли съ высокой и единственною въ своемъ родѣ честью, выпавшей на долю его любимаго колледжа.

— Везетъ вамъ чертовски!—жаловался одинъ конкуррентъ его, богатый свиноводъ:—вы, если поставите на скачкахъ на какую-нибудь лошадь, такъ ужъ непремѣнно выиграете.—Я плачу тысячи за Веласкеца, а принесешь домой—оказывается плохая копія. А вы платите человѣку три тысячи жалованья, а онъ вамъ доставляетъ на полмильона долларовъ безплатныхъ объявленій. Да, вѣдь, этотъ вашъ докторъ Джильманъ не меньше сдѣлалъ для вашего Колледжа, чѣмъ докторъ Озлеръ для Джонса Гопкинса, или же Ультеръ Кампъ для Йэля.

М-ръ Галлоуэлль съ милой улыбкой принималъ поздравленія, а въ душѣ бѣсился на ректора Блэка. И съ каждымъ днемъ злился все больше. Этой шумихѣ съ Джильманомъ, казалось, конца не будетъ. Камень, отвергнутый имъ, легъ во главу угла Стильуотера. Развертывая газету, онъ готовъ былъ воскликнуть: «Господи! да когда же я избавлюсь отъ этого человѣка?»— «Возвышеніе и Паденіе» въ роскошномъ изданіи, выпущенномъ въ свѣтъ всего въ двухъ сотняхъ экземпляровъ, пріобрѣталось каждымъ изъ его друзей-милліонеровъ, имѣющихъ хоть какую-нибудь библіотеку; общедоступное изданіе красовалось въ витринѣ каждой книжной лавки; самые солидные журналы предлагали его въ видѣ годовой преміи подписчикамъ; имя и черты лица прославленнаго ученаго стали знакомы каждому американцу. Не проходило дня, чтобы ему не оказывали какой-нибудь новой почести, по крайней мѣрѣ, по сообщеніямъ газетъ. На осень его приглашали читать лекціи въ Берлинъ, на май—въ Сорбонну; въ іюнѣ Оксфордскій университетъ намѣревался поднести ему почетный докторскій дипломъ, и пр., и пр.

Недавно лишь открытый университетъ на одномъ изъ Большихъ Озеръ затмилъ всѣхъ прочихъ, предложивъ Джильману каѳедру исторіи съ жалованьемъ пять тысячъ въ годъ. Нѣкоторыя изъ почестей, сыпавшихся на стараго ученаго, существовали только въ воображеніи Питера и Стетсона, но это предложеніе было вполнѣ реальное.

Д-ръ Джильманъ, не задумываясь, отказался. Онъ прочелъ письмо отъ правленія университета вслухъ женѣ и покачалъ головой:

— Мы не можемъ быть счастливы вдали отъ Стильуотера. Намъ осталось только мѣсяцъ жить въ этомъ коттэджѣ; но, вѣдь, и потомъ мы можемъ гулять мимо него и сквозь рѣшетку любоваться на цвѣты въ саду, посаженные *ею*. Мы можемъ ходить *къ ней* на могилку. А, если мы уѣдемъ, мы будемъ тосковать по ней, а она будетъ чувствовать себя покинутой и тосковать по насъ.

М-ръ Галлоуэлль не зналъ, почему д-ръ Джильманъ отказался уѣхать изъ Стильуотера; но, когда онъ прочелъ въ газетахъ, что какой-то жалкенькій восточный университетъ, въ которомъ д-ръ Джильманъ получилъ магистерскую степень, приглашаетъ его ректоромъ, зависть и досада его не знали границъ.

Онъ тотчасъ послалъ телеграмму Блэку: «Немедленно верните Джильмана. Предложите ему шесть тысячъ—дайте, сколько онъ потребуетъ, но возьмите съ него слово, что онъ ни при

какихъ условіяхъ не уѣдетъ изъ Стильуотера, онъ единственный профессоръ, прославившій нашъ университетъ, если мы его потеряемъ отвѣтственность падетъ на васъ».

На другое утро, съ шляпой въ рукѣ, заискивающе улыбаясь, ректоръ явился съ визитомъ къ Джильману и наглотался горькихъ пилюль въ такомъ количествѣ, что потомъ цѣлую недѣлю страдалъ острымъ душевнымъ несвареніемъ желудка. Но до этого Галлоуэллю старшему было мало дѣла. Онъ получилъ, чего хотѣлъ. Докторъ Джильманъ, прославленный, извѣстный, былъ возвращенъ въ составъ профессоровъ и поставилъ лишь одно условіе—жить и умереть въ обвитомъ плющемъ коттэджѣ.

* * *

Двѣ недѣли спустя, когда Питеръ пріѣхалъ въ Стильуотеръ держать переэкзаменовку по исторіи, чтобы, наконецъ, получить дипломъ, онъ на каждомъ шагу натыкался на доказательства «всемірной славы», созданной имъ самимъ. Газетные кіоски, книжные магазины, аптечные магазины и магазины эстамповъ—все кричало о докторѣ Джильманѣ. Всюду били въ глаза открытки съ изображеніемъ обвитаго плющемъ коттэджа, фотографіи и увеличенные портреты д-ра Джильмана, объявленія о разныхъ изданіяхъ его книги, возвѣщающія его славу. Питеръ, очарованный успѣхомъ дѣла рукъ своихъ, почти съ трепетомъ приблизился къ обвитому плющемъ коттэджу. Но м-рсъ Джильманъ встрѣтила его съ той же милой, сочувственной улыбкой, которой она всегда старалась ободрить несчастныхъ молодыхъ людей, приходившихъ на экзаменъ, а докторъ Джильманъ, и увѣнчанный славой, былъ все такъ же учтивъ и любезенъ.

Экзаменъ былъ письменный и, когда Питеръ вручилъ доктору свою тетрадь, тотъ спросилъ его, не хочетъ ли онъ сейчасъ же узнать о результатахъ.

— Еще бы не хотѣть!—воскликнулъ Питеръ.

— Въ такомъ случаѣ, къ сожалѣнію, я долженъ вамъ сказать, Галлоуэлль, что поставить вамъ удовлетворительный баллъ я не могу. Больше пяти по совѣсти я вамъ не могу поставить.

Стильуотерскій мудрецъ поднялъ на него глаза съ искреннимъ участіемъ, но, къ великому его изумленію, Питеръ не смотрѣлъ ни убитымъ, ни обиженнымъ—наоборотъ, восхищенно улыбался, какъ нѣжный родитель какому-нибудь подвигу любимаго дитяти.

— Боюсь,—ласково сказалъ д-ръ Джильманъ,—что это лѣто вы не особенно усердно готовились къ экзамену.

Питеръ разсмѣялся и взялъ шляпу:

— Правду сказать, профессоръ, вы совершенно правы. Я занялся другимъ—болѣе важнымъ—и забылъ объ экзаменѣ.

Съ англ. перев. З. Журавская.

ГУБЕРНАТОРЪ-ОРИГИНАЛЪ.

1861—1863 г.

(Страничка изъ воспоминаній).

Севастопольская кампанія окончилась. Изъ пробитой бреши потянуло свѣжимъ воздухомъ, повѣяло новымъ, живымъ духомъ. Но крѣпки еще были старые устои и стойко держались старые порядки. Весь строй жизни оставался безъ перемѣны. Губернаторы и тогда считались хозяевами губерніи, но хозяйство ихъ было простое, старомодное, не столь интенсивное, какъ теперь, и губернаторская должность была скорѣе почетною, чѣмъ боевою. Дворянство считалось первенствующимъ сословіемъ и было силой не на словахъ только, а на дѣлѣ. Съ нимъ нельзя было не считаться и губернаторамъ, и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ контры между предводителемъ дворянства и губернаторомъ считались какъ бы признакомъ хорошаго тона.

Хозяиномъ Курской губерніи въ тѣ далекія времена былъ Николай Петровичъ Б — въ, администраторъ стараго покроя, человѣкъ смирный, малограмотный, усердно старавшійся объ одномъ, чтобы всюду царствовала «тишь да гладь и Божья благодать», а другими словами, чтобы все было шито и крыто. Несмотря на эти качества, Николая Петровича не любили. У него былъ камердинеръ, извѣстный цѣлой губерніи, какъ человѣкъ нужный и вліятельный, черезъ котораго можно было обдѣлывать дѣлишки. Вредное вліяніе этого камердинера дошло въ концѣ 1860-го года до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ и губернатору было приказано съ нимъ разстаться» [1]).

Помню со времени ранняго дѣтства разговоры о Б—вѣ, которые велись въ нашемъ домѣ. Говорили, что онъ совершенно распустилъ губернію, что при немъ чиновники обнаглѣли до

[1]) См. «Записки В. И. Дэна». Русская Старина 1890 г., № 7.

послѣднихъ предѣловъ, что взяточничество, благодаря его попустительству, свило въ губерніи прочное гнѣздо, что, за немногими исключеніями, всѣ, стоявшіе у какого бы то ни было «кормила правленія» въ губерніи кормились совершенно беззастѣнчиво, и, выражаясь словами гоголевскаго городничаго, «брали не по чину», а говоря по-просту—драли и съ живого и съ мертваго.

Тогдашній губернскій предводитель С. съ губернаторомъ не ладилъ, а впослѣдствіи они разошлись до ненависти. С. былъ человѣкъ «лукавый, малообразованный, завистливый». Хотя онъ и хлопоталъ усиленно о смѣщеніи Б—ва, но картъ своихъ пока ему не открывалъ и велъ свою игру тонко, до того тонко, что, напримѣръ, «обѣдая у губернатора, не уѣзжалъ домой, когда Б—въ послѣ административныхъ трудовъ отходилъ ко сну, а ходилъ къ «случайному» человѣку (къ вышеупомянутому камердинеру Б.) и тамъ, препровождая время въ пріятной и полезной бесѣдѣ, терпѣливо выжидалъ минуты пробужденія начальника губерніи, для составленія партіи его пр-ва».

Когда наконецъ, по мѣстной поговоркѣ, «до глухого вѣсти дошли» и въ министерствѣ узнали о томъ, что творится въ Курской губерніи, когда не оставалось почти сомнѣній, что узаконенный грабежъ совершается чуть ли не съ молчаливаго разрѣшенія самого «хозяина», его хозяйство было признано нераціональнымъ и звѣзда Б—ва закатилась на курскомъ горизонтѣ. Его куда-то убрали, а губернію было рѣшено немедленно «подчистить», «подтянуть» и водворить въ ней строгую законность, «сообразно съ требованіями времени». Для выполненія этой трудной задачи Высочайшимъ приказомъ отъ 19 января 1861 года былъ назначенъ курскимъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ и гражданскою частью, генералъ-маіоръ Владиміръ Ивановичъ Дэнъ, и, какъ сообщали другъ другу вполголоса встревоженные чиновники, назначенъ былъ съ самыми широкими полномочіями...

Лучшаго выбора, казалось, нельзя было сдѣлать. Владиміръ Ивановичъ Дэнъ, сынъ извѣстнаго въ свое время инженера-строителя крѣпостей, блестящій свитскій генералъ, сравнительно еще молодой (родился въ 1823 г.), былъ человѣкомъ высокаго благородства и неподкупной, исключительной честности. Прямой, энергичный, вспыльчивый, иногда черезчуръ рѣзкій, онъ былъ неумолимымъ врагомъ взяточничества и всякой неправды. Добрый по природѣ, онъ съ величайшимъ презрѣніемъ относился къ царившимъ тогда нравамъ и обы-

чаямъ и доходилъ чуть не до бѣшенства, когда сталкивался съ подлостью и мошенничествомъ. Въ этихъ случаяхъ, при объясненіяхъ своихъ съ провинившимися чиновниками, онъ не стѣснялся ни мѣстоименіями, ни выраженіями, не взирая ни на чины, ни на должности, занимаемыя его невольными собесѣдниками. «Орелъ!» говаривалъ про него мой покойный отецъ. И когда этотъ орелъ, явившійся на мѣсто своего новаго служенія, какъ разъ въ тотъ день, когда въ Курскомъ каѳедральномъ соборѣ былъ прочитанъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, приступилъ къ выполненію своей миссіи,—у всѣхъ заинтересованныхъ лицъ сразу явилось твердое убѣжденіе: Да-а!.. Это тебѣ не Б—въ!.. У этого держи ухо востро!.. Этотъ, дѣйствительно, подтянетъ губернію!..

В. И. Дэнъ былъ уже довольно хорошо знакомъ съ порядками, царившими тогда въ Курской губерніи, такъ какъ въ 1860 г., во время своей командировки для наблюденія за правильностью призыва отпускныхъ, ему пришлось прожить въ ней довольно продолжительное время. И, какъ пишетъ онъ въ своихъ «Запискахъ» (напечатанныхъ уже послѣ его смерти), «все, что до меня доходило о нравахъ и обычаяхъ помѣщиковъ, чиновничества и даже мѣстнаго духовенства,—возбуждало отвращеніе, даже ужасъ... Злоупотребленія, сдѣлавшіяся нормальными по бездѣйствію губернскаго начальства, никого не поражали и даже рѣдко вызывали протесты и жалобы, а народъ съ непостижимымъ терпѣніемъ переносилъ всевозможныя притѣсненія, несправедливости, мученія, истязанія».

Новый военный губернаторъ, прибывъ въ Курскъ, началъ, съ присущей ему неослабной энергіей и прямолинейностью, осуществлять свою программу: преслѣдовать и искоренять злоупотребленія, вводить и насаждать законность, подготовлять «надлежащимъ образомъ» такихъ исполнителей, какіе, по его мнѣнію, требовались для обновленной Россіи.

Въ то время я былъ ученикомъ второго класса въ мѣстной гимназіи. Я не разъ видѣлъ Дэна и до сихъ поръ хорошо его помню. Дома мнѣ часто приходилось слышать о новомъ губернаторѣ много хорошаго. Мой отецъ относился къ нему съ большимъ уваженіемъ, хотя порою и смѣялся отъ души надъ нѣкоторыми его «чудачествами», о которыхъ въ то время ходило немало разсказовъ. Вся губернія съ большимъ интересомъ слѣдила за каждымъ шагомъ своего новаго хозяина, поражавшаго многихъ своими необычными пріемами управленія. Неудивительно, что и я, слушая всѣ эти разсказы о дѣятельности

новаго губернатора, присланнаго со спеціальною цѣлью—«искоренять въ губерніи всякую подлость», склоненъ былъ восхищаться имъ, видя въ немъ чуть не сказочнаго героя, и съ величайшимъ интересомъ прислушивался къ разсказамъ о его подвигахъ. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ сохранились до сихъ поръ въ моей памяти.

Желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было. Были почтовые тракты, съ казенными почтовыми станціями. На каждой станціи былъ станціонный смотритель. Для огражденія этого маленькаго начальника отъ оскорбленій словами и дѣйствіями со стороны нетерпѣливыхъ и буйныхъ проѣзжающихъ, ему былъ присвоенъ чинъ 14-го класса; онъ былъ чиновникъ, онъ былъ коллежскій регистраторъ. Въ принципѣ его личность считалась неприкосновенной; въ дѣйствительности—ненадежная это была защита. Въ вознагражденіе за каторжный трудъ, не дававшій ни днемъ, ни ночью покоя, станціонный смотритель получалъ, кромѣ грошеваго жалованья и жалкаго помѣщенія, нерѣдко тутъ же на станціи за перегородкой, еще такъ называемую «аммуницію», т. е. обмундированіе. Эта аммуниція выдавалась станціоннымъ смотрителямъ или натурой, или деньгами, и раздача ея лежала на обязанности высшаго почтоваго начальства въ губерніи—губернскаго почтмейстера. Въ то время, къ которому относится настоящій разсказъ, курскій губернскій почтмейстеръ смотрѣлъ на «аммуницію» какъ на свой собственный побочный доходъ, какъ на свое дополнительное жалованье, а потому и не выдавалъ станціоннымъ смотрителямъ ни обмундированія, ни аммуничныхъ денегъ. Тѣмъ не менѣе, смотрителя должны были расписываться по книгамъ въ полученіи аммуниціи полностью. Протестовать было и безполезно, и опасно, потому что судьба маленькаго человѣка всецѣло зависѣла отъ усмотрѣнія могущественнаго начальства. Жаловаться было некому и некуда.

Смотрителемъ на одной маленькой станціи служилъ въ то время нѣкто М—ко, человѣкъ честный, но довольно неуживчиваго нрава. Служилъ онъ исправно, но и выпивалъ также исправно. Да иначе и быть не могло: съ одной стороны каторжная служба, съ другой — огромная семья, которую нужно было поить, кормить, одѣвать и воспитывать. Жить становилось все труднѣе и труднѣе, а тутъ еще незаконный налогъ въ видѣ удержанія аммуниціи... Однажды, когда М—ко явился въ почтовую контору и ему предложили, ничего не получая, расписаться, по обычаю, въ полученіи аммуниціи, онъ, наконецъ, возмутился духомъ и, не долго думая, пошелъ отыскивать свое

право и правду къ новому губернатору. Губернаторъ отличался доступностью. Онъ внимательно выслушалъ жалобу забитаго человѣка и сурово спросилъ:

— «Не врешь?»

— «Ежели вру—судить будете... Вѣдь я, ваше превосходительство, не о двухъ головахъ».

— «И то правда. Эй!.. Послать сейчасъ за почтмейстеромъ!»

Дежурный казакъ поскакалъ, сломя голову, и черезъ полчаса трепетавшій почтмейстеръ стоялъ уже передъ губернаторомъ.

— «Честь имѣю явиться къ вашему превосходительству».

— «Да ты что?»—закричалъ на него вдругъ губернаторъ.—«Арестантскій халатъ захотѣлъ надѣть? А? Бубноваго туза на спину наклею!!.. Въ тюрьмѣ сгною!!..»

— «Я ва... ва... ва...»

— «Да что ты мнѣ тамъ: ва-ва-ва?! Аммуницію сейчасъ подавай!.. Я, голубчикъ, ужъ давно до тебя добираюсь!..»

А оробѣвшій М—ко проситъ:

— «Прикажите, ваше превосходительство, чтобы онъ со службы-то меня не выгонялъ, а то и аммуниціи не радъ будешь».

— «Да!.. Ты у меня смотри! Не вздумай въ самомъ дѣлѣ его прогонять! Въ бараній рогъ согну!!..»

— «Да я... Да вѣдь онъ пьяница, ваше превосходительство!..»—попробовалъ-было оправдаться растерявшійся почтмейстеръ.

— «Ну, такъ что же, что пьяница? А ты—воръ!.. Ты сколько лѣтъ служишь?»—обратился онъ къ М—ко.

— «Двѣнадцать лѣтъ, ваше превосходительство».

— «А ты?»

— «Восемь лѣтъ, ваше превосходительство».

— «Восемь лѣтъ воруешь? Много! Ты съ какого времени не получалъ аммуниціи?»

— «Да я ее отродясь не получалъ, ваше превосходительство».

— «О, грабители!»—закричалъ губернаторъ.—«Ну, пошли вонъ — и чтобъ я о васъ больше не слыхалъ, а то плохо будетъ!...»

Истецъ и отвѣтчикъ молчаливо спускались съ лѣстницы, когда до нихъ сверху донесся могучій губернаторскій крикъ:

— «Смотри же, аммуницію ты ему отдай, да и всѣмъ отдай, а то въ порошокъ сотру!...» [1]).

[1]) Достовѣрность этого случая недавно подтвердилъ мнѣ находящійся еще въ живыхъ сынъ станціоннаго смотрителя, который въ то время уже былъ довольно большимъ мальчикомъ.

Такимъ образомъ было «подтянуто» въ губерніи почтовое вѣдомство. Не менѣе энергично началъ подтягивать новый губернаторъ и другія вѣдомства. Съ первыхъ же дней своего губернаторства онъ обратилъ большое вниманіе на городскую и уѣздную полицію, которая при существовавшихъ въ тѣ времена ограниченныхъ окладахъ была довольно распущена и сплошь и рядомъ вынуждала обывателей покрывать ея дефициты. Дэнъ, повидимому, твердо рѣшился перевоспитать ее, влить въ старые мѣхи новое вино, и ради этой цѣли не останавливался иногда передъ самыми неожиданными педагогическими пріемами.

Черезъ городъ протекаетъ маленькая рѣченка Куръ, отъ которой получилъ названіе и самый городъ. Въ неглубокій оврагъ, на днѣ котораго еле струится ручей сажени въ двѣ-три шириною, обыватели привыкли сваливать всякій мусоръ, навозъ, выливать помои и нечистоты, выкидывать трупы собакъ, кошекъ и т. п. Все это тамъ гнило и распространяло кругомъ на довольно большое разстояніе страшное зловоніе. Узнавъ объ этомъ, губернаторъ строго приказалъ рѣченку, по возможности, очистить отъ навоза и всяческой мерзости и строжайше воспретить обывателямъ бросать въ нее всякую гадость.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого приказа вдоль узенькой, немощеной и грязной набережной Кура быстро идетъ губернаторъ, пожелавшій лично убѣдиться, какъ исполнено его приказаніе. За нимъ на почтительномъ разстояніи слѣдуетъ квартальный Г—ко, въ парадной формѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Вдругъ изъ глубины оврага до губернаторскаго слуха долетаетъ жалобный пискъ и отчаянное мяуканье. Губернаторъ останавливается и видитъ нѣсколькихъ котятъ, барахтающихся въ грязи. Кошка-мать мечется по берегу, жалобно кричитъ и никакъ не можетъ добраться до своихъ погибающихъ дѣтей.

— «Эй!».

Моментально подбѣгаетъ квартальный.

— «Это что такое?»—грозно спрашиваетъ губернаторъ.

— «Эго-съ?... кто-то, по видимости, злоупотребилъ, ваше превосходительство».

— «Ага! Злоупотребилъ... А я что приказалъ?... Подбирай ихъ, неси за мною».

Смущенный квартальный лѣзетъ по колѣно въ грязи въ рѣчку, вытаскиваетъ руками въ бѣлыхъ перчаткахъ изъ вонючей грязи котятъ и, прижимая ихъ растопыренными пальцами къ груди, поспѣшаетъ за губернаторомъ, который быстрыми шагами идетъ уже по Большой Херсонской улицѣ. За измазан-

нымъ въ грязи квартальнымъ слѣдуетъ кошка-мать, съ тревогой смотритъ на своихъ дѣтокъ, попавшихъ въ руки полиціи, и жалобно мяукаетъ. Улица людная, народа довольно много, всѣ останавливаются и съ недоумѣніемъ смотрятъ на эту необычайную процессію.

Пройдя такимъ образомъ квартала два-три, губернаторъ останавливается.

— «Ну, на первый разъ довольно съ тебя!... Котятъ дѣвай куда хочешь... И помни: чтобъ я больше этого не видалъ!»— Губернаторъ погрозилъ пальцемъ. «Ступай!»

Неизвѣстно какимъ образомъ, но до свѣдѣнія губернатора дошло, что какой-то полицейскій чинъ взялъ съ торговки одной изъ пригородныхъ слободъ взятку: живого поросенка. Губернаторъ вскипѣлъ негодованіемъ.

— «Я его научу, какъ брать взятки!... Полицмейстера сюда!»

Приказъ: въ первый же праздничный день виновный долженъ надѣть парадную форму и собственноручно отвести на веревкѣ черезъ весь городъ въ пригородную слободу взятаго имъ поросенка и возвратить его по принадлежности хозяйкѣ. О послѣдующемъ донести.

Приказъ былъ исполненъ въ точности. Къ несчастью для виновнаго, поросенокъ своевременно съѣденъ не былъ, а свѣдѣнія о проступкѣ дошли до губернатора слишкомъ поздно. Губернаторъ совершенно упустилъ изъ вида, что поросенокъ былъ взятъ у торговки нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и что съ тѣхъ поръ онъ успѣлъ уже вырости и превратился въ здоровеннаго подсвинка. И когда, согласно съ распоряженіемъ его превосходительства, въ ближайшее воскресенье, въ базарный день, полицейскій чинъ появился на улицѣ съ живымъ доказательствомъ своего проступка, то его сопровождала цѣлая толпа, которая все болѣе и болѣе возрастала, заинтересованная невиданнымъ никогда зрѣлищемъ. Здоровенный подсвинокъ рвался на веревкѣ и съ громкимъ визгомъ и хрюканьемъ тащилъ за собою упиравшагося и еле удерживавшаго его мундирнаго человѣка. Толпа хохотала, улюлюкала, острила и провожала наказаннаго чиновника до самаго мѣста назначенія... Говорятъ, что послѣ этого случая въ Курскѣ взятокъ поросятами болѣе никогда не брали.

При ревизіи щигровскаго полицейскаго управленія за полицейскимъ надзирателемъ А—вымъ обнаружились какія-то служебныя прегрѣшенія. Губернаторъ, не откладывая дѣла въ долгій

ящикъ, приказалъ ему отправиться немедленно, не снимая парадной формы, и притомъ непремѣнно пѣшкомъ, въ Курскъ, находящійся въ 56 верстахъ отъ Щигровъ, сѣсть на гауптвахту и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Напрасны были всѣ мольбы отмѣнить суровую кару: генералъ остался непреклоненъ. По возвращеніи съ ревизіи въ Курскъ, онъ приказалъ отпустить арестованнаго домой и посовѣтовать ему, чтобы впредь онъ держалъ ухо востро и служилъ такъ, какъ законы повелѣваютъ.

Во время одной изъ поѣздокъ губернатора по губерніи случилось происшествіе, надѣлавшее много шума и вызвавшее немало разговоровъ. Путь его лежалъ черезъ рѣку Сеймъ. Движеніе по дорогѣ было большое, а моста черезъ рѣку не было и сообщеніе съ другимъ берегомъ производилось на небольшомъ паромѣ. Масса крестьянскихъ подводъ скопилась на берегу въ ожиданіи парома и своей очереди. Грязь невылазная. Мужики сидятъ, стоятъ, перекликиваются, переругиваются, острятъ... Вдругъ все смолкаетъ, и головы обнажаются. Къ берегу подкатываетъ на телѣжкѣ становой приставъ, за нимъ слѣдуетъ губернаторская коляска. Коляска вязнетъ въ глубокой грязи. Застряла въ колдобинѣ, выскочила, опять застряла, наконецъ безнадежно завязла. Лошади замялись и никакъ не могутъ ее вытащить, несмотря на усиленныя понуканія и покрикиванія ямщика. Къ коляскѣ подскакиваетъ становой, суетится, хлопочетъ, кричитъ на ямщика, кричитъ на мужиковъ, обступившихъ коляску, учитъ ихъ, какъ нужно ее вытаскивать. Но изъ всѣхъ его стараній ничего не выходитъ. Губернаторъ разгнѣвался.

— «Такъ-то ты служишь?!... Въ такомъ-то порядкѣ содержатся у тебя дороги!?... Я тебя научу, какъ нужно служить!... Въ землю живого закопаю!...»

И чѣмъ больше заминаются обезсилѣвшія отъ напряженія лошади, чѣмъ больше топчутся кругомъ экипажа мужики, чѣмъ больше суетится становой, тѣмъ больше распаляется гнѣвомъ и негодованіемъ губернаторское сердце, тѣмъ громче разносится его могучій и гнѣвный голосъ по всему побережью. Онъ уже не можетъ усидѣть на мѣстѣ, вскакиваетъ и, стоя въ коляскѣ, топаетъ ногою, размахиваетъ и грозитъ рукою. Чуть живой отъ страха становой стоитъ передъ нимъ по колѣна въ грязи и, приложивъ руку къ козырьку, почтительно выслушиваетъ обращенную къ нему гнѣвную рѣчь... Бѣшенству и угрозамъ губернатора нѣтъ предѣловъ.

Становой, не помня себя, шлепается въ грязь на колѣни и лепечетъ:

— «Ваше... ваше... превос... помилосердствуйте!... жена, дѣти!... какъ передъ истиннымъ Богомъ!... помилуйте!»...

Губернаторъ, какъ и всѣ вообще вспыльчивые люди, былъ отходчивъ. При видѣ жалкой, растерянной фигуры, вспышка ярости пролетѣла и онъ овладѣлъ собою.

— «Будешь ты меня помнить!.. Я тебѣ покажу въ другой разъ!.. Вытаскивайте коляску!.. Пошелъ»!

Передохнувшія во время этой сцены лошади, при дружномъ и энергичномъ содѣйствіи мужиковъ, выхватили, наконецъ, экипажъ и онъ осторожно былъ поставленъ на ожидавшій паромъ. Губернаторъ, давъ мужикамъ на чай, покатилъ дальше. Вымазанный въ грязи становой поспѣшилъ за нимъ слѣдомъ на своей таратайкѣ. Оставшіеся на берегу мужики почесывали затылки.

— «Ну, да и грозѐнъ, пошли ему Господи добраго здоровья».

— «Да-а! это двиствительно, что надо прямо сказать— начальникъ»...

— «Извѣстно—губерніи хозяинъ»!

— «Крику-унъ»!..

Немало заботъ проявилъ энергичный губернаторъ и въ дѣлѣ городского благоустройства. Не довѣряя своимъ подчиненнымъ, онъ все хотѣлъ видѣть собственными глазами и во время своихъ прогулокъ—то пѣшкомъ, то верхомъ—появлялся иногда совершенно неожиданно на самыхъ глухихъ улицахъ. Замѣтивши какой-нибудь непорядокъ, онъ немедленно принималъ мѣры къ его устраненію, при чемъ нерѣдко происходили курьезы, вѣсть о которыхъ быстро распространялась и по городу, и по всей губерніи. Въ тѣ времена Курскъ былъ не то, что теперь. Улицы, за исключеніемъ главныхъ, наиболѣе центральныхъ, были немощеныя; осенью и весной по нимъ нельзя было ни пройти, ни проѣхать отъ глубокой и вязкой черноземной грязи, а лѣтомъ онѣ покрывались травою и представляли собою естественный выгонъ, по которому нерѣдко бродили обывательскія коровы, телята и свиньи. Однажды, проѣзжая верхомъ по одной изъ такихъ улицъ, Абрамовской, губернаторъ увидалъ пасущагося теленка, съ удивленіемъ на него смотрѣвшаго. Въ то же время навстрѣчу шелъ, не спѣша, не молодой уже человѣкъ въ картузѣ и въ длиннополомъ купеческомъ сюртукѣ и тоже смотрѣлъ на остановившагося губернатора...

— «Эй, борода! отгони-ка эту животину въ часть, сдай ее тамъ дежурному и скажи, что губернаторъ приказалъ».

«Борода», оказавшійся однимъ изъ именитѣйшихъ курскихъ купцовъ М-вымъ, безпрекословно исполнилъ приказаніе и погналъ животину. На главной Херсонской улицѣ, гдѣ торговало именитое купечество, появленіе М-ва въ столь неожиданной роли естественно вызвало сенсацію. Въ лавкѣ Сапунова какъ разъ въ это время собралось нѣсколько богатыхъ купцовъ. Всѣ они выскочили на улицу.

— «Василь Василичъ! Что ты это дѣлаешь? Брось! Нехорошо! Вѣдь ты купецъ. Не марай своего званія»!

— «Боюсь!»—отвѣчалъ М-въ,—«видишь: вонъ герой-то нашъ ѣдетъ!»—и онъ, указавъ на виднѣвшагося вдали превосходительнаго всадника, довелъ до конца порученное ему дѣло.

Если вѣрить ходившимъ тогда въ народѣ разсказамъ, заботы губернатора о порядкѣ заходили такъ далеко, что иногда, по вечерамъ, онъ надѣвалъ поверхъ своего генеральскаго одѣянія простой полушубокъ и отправлялся инкогнито бродить по улицамъ города. Передавали, «за вѣрное», что онъ зашелъ въ такомъ костюмѣ въ какой-то низкопробный трактиръ и потребовалъ себѣ рюмку водки. Хозяинъ заведенія подалъ требуемое и почтительно сталъ къ сторонкѣ, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

Дэнъ выпилъ водку и, обращаясь къ хозяину, сказалъ:

— «А у тебя, братецъ, хорошая водка».

— «Помилуйте! Да нешто жъ мы осмѣлимся вашему превосходительству плохое подать!»—отвѣтилъ польщенный кабатчикъ.

— «Ду-р-р-акъ»!

И новый Гарунъ-аль-Рашидъ вышелъ изъ кабака, сердито хлопнувъ дверью.

Поставивъ себѣ главною цѣлью «очистку» губерніи отъ хищничества и перевоспитаніе чиновниковъ, Дэнъ шелъ къ этой цѣли неуклонно, не оставляя безъ вниманія ни одного вѣдомства (за исключеніемъ учебныхъ заведеній, которыхъ онъ не касался). Его оригинальные пріемы ясно свидѣтельствовали о томъ глубокомъ презрѣніи, какимъ онъ былъ преисполненъ къ представителямъ чиновничества, не удовлетворявшимъ его требованіямъ и не выдерживавшимъ его критики.

Дошелъ до губернатора слухъ, что въ Сиротскомъ Судѣ съ денежнымъ сундукомъ не все обстоитъ благополучно. Онъ немедленно послалъ объявить, что на слѣдующій день назначаетъ ревизію. Одинъ изъ членовъ суда, исполнявшій обязанности кассира, въ испугѣ прибѣжалъ къ предсѣдателю, при-

знался ему, что въ кассѣ не хватаетъ довольно значительной суммы, что пополнить кассу въ столь короткое время онъ не имѣетъ никакой возможности, и умолялъ дать на время ревизіи требуемую сумму, съ тѣмъ, чтобы по минованіи надобности немедленно получить деньги обратно. Предсѣдатель, отлично знавшій о положеніи кассы, тѣмъ не менѣе поломался, «пощунялъ» струсившаго кассира, но, въ концѣ концовъ, самъ опасаясь отвѣтственности, согласился исполнить его просьбу. На слѣдующее утро всѣ члены суда, взволнованные и встревоженные, собрались въ присутствіе спозаранку. Какъ только открылись двери губернскаго казначейства, денежный сундукъ былъ немедленно привезенъ въ Сиротскій Судъ, печати сломаны, растрата пополнена и сундукъ вновь опечатанъ. Только-что успѣли приложить печати, въ дверяхъ появился самъ губернаторъ и, не говоря ни слова, прямо къ сундуку. Попробовалъ рукою печати—онѣ еще теплыя.

— «Эхъ, опоздалъ! Успѣли уже подсунуть, разбойники!»...

Всѣ деньги по повѣркѣ оказались на-лицо. Но губернаторъ былъ гнѣвенъ.

— «Какъ твоя фамилія»?—обратился онъ къ предсѣдателю.

— «Иволгинъ, ваше превосходительство».

— «А твоя»—обратился онъ къ первому члену.

— «Галкинъ, ваше превосходительство».

— «Ты»—кивнулъ онъ головой на другого члена.

— «Гусятниковъ, ваше превосходительство».

— «А ты»?

— «Секретарь Суда Егоровъ [1]), ваше превосходительство».

— «Ну, слава Богу, хоть отъ одного Русью пахнетъ, а то... Птичникъ какой-то, а не Сиротскій Судъ! Выгнать вонъ васъ всѣхъ нужно отсюда!»...

Все присутствіе въ полномъ составѣ кинулось вонъ, а губернаторъ за ними и кричитъ что-то... Скатились они, не помня себя, съ лѣстницы, оглянулись назадъ, а онъ стоитъ на верхней площадкѣ и что-то кричитъ. Выскочили, какъ были, въ мундирахъ, безъ шапокъ на улицу, переждали за угломъ, пока грозное начальство не уѣхало, и только тогда вернулись въ присутствіе.

---

¹) Всѣ фамиліи измѣнены.

— «Ишь ты вѣдь, какое дѣло-то вышло».

— «И чортъ его знаетъ, прости Господи, почемъ это онъ узналъ?.. насчетъ сундука-то?»...

— «Онъ, братъ, узнаетъ!.. Дарованіе, стало быть, такое имѣетъ. Давай назадъ деньги!..»

Губернаторъ пріѣхалъ въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ. На пріемѣ предводитель дворянства представлялъ ему чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ. Когда очередь дошла до двухъ засѣдателей уѣзднаго суда, прославившихся по части всякихъ взятокъ и благодарностей, губернаторъ въ изумленіи отступилъ шагъ назадъ, и съ нескрываемой брезгливостью, сказалъ:

— Удивляюсь, господинъ предводитель, что вы представляете мнѣ этихъ господъ?... Имъ тутъ не мѣсто... Вонъ отсюда, негодники!—Оба засѣдателя, униженные и оскорбленные, склонивъ головы, молча направились къ дверямъ.

Иногда грозный губернаторъ снисходилъ до шутливости и проявлялъ нѣкоторую склонность къ юмору. Правда, его шутки бывали нѣсколько тяжеловѣсны.

Однажды, пріѣхавъ въ Щигровскую ратушу, онъ былъ тамъ встрѣченъ головою С. П. Филатовымъ, который въ дѣлахъ ничего не понималъ и былъ почти неграмотнымъ человѣкомъ, но пользовался въ городѣ всеобщимъ уваженіемъ. Губернаторъ взглянулъ на почтеннаго бородатаго старика и спросилъ его о положеніи дѣлъ и дѣлопроизводства. Филатовъ отвѣтилъ ему вполнѣ чистосердечно, что «насчетъ дѣловъ» онъ ничего ему не можетъ сказать, а всѣ нужныя свѣдѣнія можетъ доложить секретарь. Столь неожиданная правдивость головы, очевидно, произвела на губернатора самое лучшее впечатлѣніе. Онъ пристально посмотрѣлъ на старика и слегка усмѣхнулся.

— «Ну, а какъ ваши пчелки? Каково роятся? Много ужъ роевъ огребли?»

Старикъ, никогда не занимавшійся пчеловодствомъ, опѣшилъ отъ неожиданности. А губернаторъ вышелъ изъ ратуши, оставивъ ее безъ всякой ревизіи.

Вызвавъ къ себѣ для объясненій изъ одного уѣзда засѣдателя С., которымъ онъ былъ крайне недоволенъ, губернаторъ, молча, подвелъ его къ зеркалу въ своей пріемной.

— «Посмотрите на себя. Ничего не видите?»

Тотъ увидалъ въ зеркалѣ только свою недоумѣвающую и встревоженную физіономію.

— «Ничего, ваше превосходительство».

— «Странно! очень странно!... А я вотъ такъ совершенно

ясно вижу, что у васъ на лбу написано: подай въ отставку, подай въ отставку. Подай въ отставку, а то худо будетъ!... (голосъ при этомъ все повышался). — Больше ничего. Можете ѣхать домой!»

Засѣдатель внялъ голосу благоразумія — и подалъ въ отставку.

Къ представителямъ духовенства губернаторъ относился не очень почтительно, какъ объ этомъ можетъ свидѣтельствовать случай, происшедшій во время пріѣзда его въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ и до сихъ поръ оставшійся въ памяти нѣкоторыхъ мѣстныхъ купцовъ. Квартира губернатору была приготовлена у купца Е., въ старомъ кирпичномъ домѣ съ небольшими окнами и низенькими дверями: лучшее, что нашлось въ захолустномъ уѣздномъ городкѣ, прозванномъ «Лягушечьей Пристанью». Хозяева потѣснились, и подъ губернатора отведена была парадная половина, т. е. почти весь верхній этажъ. Въ числѣ лицъ, явившихся представиться губернатору, были и представители мѣстнаго духовенства: ветхій соборный протоіерей отецъ Петръ, протоіерей отецъ А. и еще одинъ священникъ, имя котораго не сохранилось въ моей памяти. Престарѣлый отецъ Петръ былъ совсѣмъ маленькій и весь бѣлый; отецъ А. былъ видный брюнетъ очень высокаго роста, а въ камилавкѣ казался еще выше.

Послѣ представленія всѣхъ чиновниковъ и послѣ генеральнаго разноса нѣкоторыхъ изъ нихъ, губернаторъ былъ довольно гнѣвенъ. Онъ обратился къ представителямъ духовенства съ совершенно неожиданнымъ вопросомъ:

— «Ну-съ, а вамъ что угодно?»

Батюшки растерялись отъ неожиданности, не нашлись сразу, что отвѣтить и молча поклонились грозному губернатору. Онъ съ своей стороны отвѣсилъ имъ тоже поклонъ.

— «Ну, а еще что?»

Батюшки снова поклонились. Губернаторъ снова имъ отвѣтилъ поклономъ.

Озадаченные батюшки кланяются еще ниже. Не выдержалъ, наконецъ, губернаторъ:

— «Скажите пожалуйста, зачѣмъ вы сюда явились? Что вамъ тутъ нужно? И зачѣмъ вы мнѣ тутъ нужны? Вамъ тутъ совершенно нечего дѣлать».

Робкій старенькій отецъ Петръ кинулся къ выходу въ переднюю и скрылся въ кабинетѣ, остававшемся въ распоряженіи хозяина; вмѣстѣ съ нимъ обратились въ бѣгство и оба его спутника. Отецъ А. отъ взволнованныхъ чувствъ и отъ

страха позабылъ нагнуться въ дверяхъ, зацѣпилъ за низенькую притолку камилавкой и, уронивъ ее на полъ, не оборачиваясь, скрылся вслѣдъ за отцомъ Петромъ.

Очень тогда было смущено и духовенство, и купечество.

Еще менѣе сдержанъ бывалъ иногда губернаторъ въ своемъ домашнемъ быту. Большой губернаторскій домъ стоитъ и понынѣ на полугорѣ на Херсонской улицѣ. Какъ-то лѣтомъ окна въ немъ были открыты настежь. Время было обѣденное. Вдругъ могучій губернаторскій голосъ, гнѣвный и негодующій, разносится по всему дому, вылетаетъ изъ оконъ и слышится далеко и по Херсонской улицѣ, и по прилегающему къ дому переулку. Проходившіе, опасливо оглядываясь, спѣшатъ миновать поскорѣе бѣдовое мѣсто и проюркнуть незамѣтно, боясь случайной встрѣчи съ разгнѣваннымъ генераломъ. А раздраженіе внутри дома все растетъ, голосъ становится все гнѣвнѣе и громче... Вдругъ слышится звонъ разбитой посуды: это генералъ, дойдя до крайнихъ предѣловъ, схватилъ за уголъ скатерть на обѣденномъ столѣ и дернулъ ее изо всей силы... Генералъ, не помня себя, выскакиваетъ на улицу и кричитъ проѣзжавшему извозчику:

— «Давай!»

Вскакиваетъ на дрожки и кричитъ:

— «Пошелъ!»

— «Куда прикажете, ваше превосходительство?»

— «Къ чорту!... Вези меня къ чорту, тебѣ говорятъ...»

Испуганный извозчикъ погналъ лошадей, самъ не зная куда. Спросить въ другой разъ не рѣшился. Кружилъ по всему городу, чуть не по всѣмъ улицамъ, и когда, наконецъ, увидалъ, что его лошади не выдержатъ дальнѣйшей гонки, лихо подкатилъ къ губернаторскому подъѣзду.

— «Пріѣхали, ваше превосходительство!»

Во время этой скачки по городу губернаторъ успѣлъ уже остыть и успокоиться. Узнавъ свой подъѣздъ, онъ усмѣхнулся.

— «Привезъ какъ разъ куда велѣно! Именно къ чорту! Молодецъ»!...

Справедливость требуетъ отмѣтить, что человѣкъ, проявлявшій такую несдержанность, рѣзкость и даже грубость съ чиновниками, нравы которыхъ онъ считалъ себя призваннымъ очищать, являлся образцомъ корректности и благовоспитанности въ кругу лицъ, къ которымъ онъ относился съ полнымъ уваженіемъ. Отношеніе его къ населенію ввѣренной его попеченію губерніи лучше всего рисуется нижеслѣдующими строками его посмертныхъ «Записокъ».

«Я никогда не забуду, что я обязанъ Государю Александру Николаевичу двумя самыми счастливыми эпохами своей службы... Послѣ назначенія моего Курскимъ военнымъ губернаторомъ былъ объявленъ манифестъ, упраздняющій крѣпостное право. Другой моментъ былъ тотъ, когда я получилъ по телеграфу увѣдомленіе отъ министра внутреннихъ дѣлъ, что 17 апрѣля 1863-го года Государь окончательно приказалъ отмѣнить тѣлесныя наказанія по приговору суда. Какъ теперь помню, что у меня брызнули изъ глазъ слезы радости и что я отъ всей души поблагодарилъ Бога за то, что сподобилъ меня быть исполнителемъ такого Высочайшаго повелѣнія. Я тогда же, немедленно отправилъ гонцовъ во всѣ уѣзды, чтобы остановить исполненіе уже состоявшихся на прежнемъ основаніи судебныхъ приговоровъ. Я не помню, въ теченіе всей моей тридцатилѣтней службы, болѣе радостнаго дня, и если я и прежде искренне любилъ Государя, то, конечно, съ этого времени сдѣлался преданнѣйшимъ и нѣжно любящимъ вѣрноподданнымъ».

Понятно, что взгляды В. И. Дэна, его необычайная манера управленія и его стремительность пришлись многимъ не по нутру въ тогдашнее время. Возмущались обиженные и выгнанные чиновники; возмущалось духовенство, возмущались неслужилые дворяне, связанные узами родства и пріязни съ дворянами служилыми; возмущались и крѣпостники-ретрограды, недовольные новшествами, и прогрессисты-либералы, называвшіе губернатора сумасшедшимъ самодуромъ. Не возмущалась только масса населенія, понимая, что у этого «самодура» можно найти защиту отъ беззаконныхъ притязаній. Среди населенія имя Дэна становилось популярнымъ вслѣдствіе его доступности, строгости, справедливости и безкорыстія. «Самъ не беретъ—и другимъ не даетъ, ни Боже мой». А въ такъ называемомъ обществѣ, какъ бы въ дополненіе къ такому отзыву, передавался разсказъ о томъ, какъ въ одно «значительное лицо», близко стоявшее къ существовавшему тогда винному откупу и привезшее новому губернатору установленные обычаемъ предпраздничные откупные дары,—полетѣла пачка крупныхъ ассигнацій, какъ оскорбленный губернаторъ кричалъ на «значительное лицо»: «Вонъ отсюда, негодяй!» и въ гнѣвѣ топалъ на него ногами, и какъ «значительное лицо» въ это время ползало на четвереренькахъ, подбирая съ полу разсыпавшіеся кредитные билеты...

Передъ губернскимъ предводителемъ стояла трудная задача—избавить губернскіе верхи отъ человѣка, который въ короткое время съумѣлъ задѣть такъ много самолюбій и столь многимъ

пришелся не ко двору. Но, несмотря на большія связи, онъ не рѣшился объявить Дэну войну съ открытымъ забраломъ. Избранъ былъ другой, болѣе надежный и безопасный путь.

Въ одно прекрасное утро губернаторъ, разбирая полученную петербургскую почту, прочиталъ письмо, въ которомъ нѣкто, власть имѣющій, въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ совѣтовалъ ему быть воздержнѣе на языкъ, болѣе руководствоваться правилами вѣжливости и не раздражать понапрасну тѣхъ, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло.

Вскипѣлъ губернаторъ. Какъ разъ на этотъ день изъ одного уѣзда былъ вызванъ для объясненій какой-то господинъ, чѣмъ-то навлекшій на себя его неудовольствіе. Вызванный явился въ пріемную заблаговременно и, слыша издали гнѣвные раскаты хозяйскаго голоса, со страхомъ и трепетомъ ожидалъ предстоящаго объясненія. Ожидать ему пришлось долго. Наконецъ губернаторъ нѣсколько успокоился и позвалъ дежурнаго чиновника особыхъ порученій.

— «Кто тамъ у васъ есть?»

— «Такой-то, изъ такого-то уѣзда, явился по приказанію вашего превосходительства».

— «Давайте его сюда!»

Когда вызванному было сообщено, что губернаторъ требуетъ его въ кабинетъ, онъ очень смутился. Что еще будетъ? Обыкновенно губернаторъ «объяснялся» въ пріемной, на людяхъ. А тутъ получается какое-то несоотвѣтствіе: съ одной стороны—вызванъ для объясненій, съ другой—вдругь требуетъ въ кабинетъ, значитъ, при закрытыхъ дверяхъ... Мало ли что можетъ случиться, человѣкъ вѣдь иной разъ прямо-таки бѣшеный. А у страха глаза велики.

Входитъ.

— «Честь имѣю яв...»

Губернаторъ кинулъ на него изъ-подъ насупленныхъ бровей гнѣвный взглядъ и отрывисто сказалъ:

— «Садитесь».

Это показалось ужасно страшно. Для объясненій,—а вѣдь у Дэна уже извѣстно какія бываютъ иной разъ объясненія, — и вдругъ: садитесь...

— «Не извольте безпокоиться, ваше превосходительств...»

Губернаторъ повысилъ голосъ:

— «Садитесь!»

Вызванный окончательно растерялся.

— «Не изволь...»

Но не успѣлъ онъ окончить своей почтительной фразы, какъ губернаторъ закричалъ на него неистовымъ голосомъ:

— «Да садись же, когда говорятъ!.. вѣдь нынче мнѣ приказано со всякой свиньей вѣжливымъ быть!..»

Чѣмъ окончилось дальнѣйшее объясненіе—неизвѣстно.

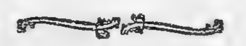
Полученное В. И. Дэномъ петербургское вѣжливое письмо показало ему, что времена перемѣнились, что его горячая дѣятельность «не соотвѣтствуетъ требованіямъ момента», что его система исправленія служебныхъ нравовъ и воспитанія исполнителей для грядущихъ реформъ не одобряется, и что въ Курскѣ ему дѣлать больше нечего. Онъ понялъ это—и ушелъ со своего поста въ октябрѣ 1863 года. На смѣну бурному Дэну прибылъ новый, статскій, тишайшій губернаторъ. Чиновники вздохнули свободно; нареканія и жалобы, раздававшіяся при Дэнѣ, умолкли.

Новое поколѣніе забыло Дэна, но, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, легенды о немъ въ Курской губерніи до сихъ поръ еще хранились. Отъ всѣхъ его нововведеній и кипучей дѣятельности привилось къ жизни лишь одно мѣропріятіе: онъ первый вывезъ изъ Петербурга образецъ полицейскаго свистка, который по его приказанію былъ введенъ въ употребленіе между полицейскими чинами города Курска.

Онъ унесъ съ собою горькое сознаніе, что ему было суждено безплодно посвятить на пользу Курской губерніи свои силы, разочароваться въ людяхъ и пріобрѣсти множество враговъ только «строгимъ исполненіемъ своей обязанности»; такъ пишетъ онъ самъ въ оставленныхъ имъ «Запискахъ». Эти «Записки», напечатанныя въ «Русской Старинѣ» за 1890 г. (№№ 1—7) живо рисуютъ нравственный обликъ незауряднаго человѣка и ярко освѣщаютъ тѣ условія, въ которыхъ ему пришлось жить и дѣйствовать. Къ сожалѣнію, «Записки» эти не окончены и въ нихъ нѣтъ ничего, касающагося управленія его Курской губерніей и той борьбы, которую ему пришлось здѣсь выдержать.

Скончался В. И. Дэнъ въ 1888 году въ своемъ маіоратномъ имѣніи въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ почти безвыѣздно прожилъ послѣднія пятнадцать лѣтъ своей жизни.

Л. Хитрово.



ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.

Канунъ освобожденія.

(Окончаніе) [1].

I.

Время ползло и наступилъ 1861 годъ. Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ былъ подписанъ и въ мартѣ мѣсяцѣ опубликованъ. Изъ области воспоминаній, разсужденій, плановъ и надеждъ новая жизнь вступала въ область осязаемыхъ житейскихъ явленій. Для оффиціальныхъ круговъ манифестъ былъ осуществленіемъ задуманнаго; въ глазахъ народной массы онъ былъ туманнымъ обѣщаніемъ чего-то, очень нужнаго и дорогого, къ чему отнынѣ разрѣшалось стремиться и что можно было получить при желаніи. Когда новый законъ сталъ осуществляться, онъ вызвалъ не мало кровавыхъ столкновеній между освобождаемыми и освободителями. Народная масса, несомнѣнно, привѣтствовала что-то, съ чѣмъ у нея было связано туманное представленіе о благѣ и счастіи, нѣчто, чего она давно ждала, и что въ ея представленіи съ годами принимало все болѣе и болѣе заманчивый обликъ. То, что ей было дано въ 1861 году, ея надеждъ не покрыло, и въ дальнѣйшей своей жизни народная масса могла только все рѣзче и чаще обнаруживать недовольство своимъ положеніемъ, что́ она и дѣлала, несмотря на самую бдительную опеку власти.

Поздравить себя и быть вполнѣ довольными могли лишь Государь да тѣ лица изъ его близкихъ—люди, признавшіе ре-

---

[1]) См. ноябрь, стр. 171.

форму назрѣвшей и не убоявшіеся провести ее. Они могли поставить себѣ въ заслугу ту смѣлость, какую они обрѣли въ своей душѣ, не привыкшей идти на уступки; они могли быть довольны, сознавая, что свершили свой долгъ передъ отечествомъ, и врядъ ли въ ихъ душѣ было много опасеній за будущее. Жизнь русскаго простонародья они знали мало; предположить, что народъ, по волѣ ихъ «освобожденный», останется въ концѣ концовъ недоволенъ, они врядъ ли могли, а когда узнавали о такомъ недовольствѣ, то считали его недоразумѣніемъ.

Многіе другіе, принадлежавшіе къ высшимъ слоямъ общества, были раздражены совершившимся. Недовольны были прежде всего крѣпостники, въ глазахъ которыхъ манифестъ 19 февраля былъ посягательствомъ на ихъ собственность и актомъ великой государственной неосмотрительности. А такихъ крѣпостниковъ было немалое количество. Тревожно и отнюдь не восторженно были настроены тѣ дворяне, которые вполнѣ понимали необходимость жертвы и шли на нее добровольно, хотя не безъ сожалѣнія и страха за самихъ себя. Они привѣтствовали свободу народа, но они не могли побороть въ себѣ опасеній за будущее, сознавая, что правительственное рѣшеніе вопроса не есть еще его разрѣшеніе на почвѣ нравственной, общественной и экономической. Недовольной и разочарованной осталась и та дворянская группа, которая всего больше потрудилась надъ реформой. Эти дворяне либералы или, вѣрнѣе, дворяне-гуманисты, желавшіе провести реформу въ смыслѣ, возможно болѣе благопріятномъ для крестьянства, люди, самымъ искреннимъ образомъ преданные дѣлу, должны были признать, что это дѣло не только не доведено до благополучнаго конца, а запутано, усложнено и искажено. Освобожденіемъ они не могли признать то положеніе, при которомъ крестьянинъ, пріобрѣтая личную свободу, не получалъ ни достаточной обезпеченности, ни полноты гражданскихъ правъ завоевать себѣ свободу экономическую.

Чиновный міръ, поскольку онъ вербовался изъ дворянскаго сословія, дѣлилъ въ данномъ случаѣ всѣ надежды и страхи дворянства, а чиновникъ средняго полета и мелкій чувствовалъ себя очень смущенно и неловко, когда начиналъ думать о томъ, какъ при новыхъ порядкахъ ему придется изворачиваться, ему, привыкшему за столько лѣтъ къ удобному трафарету жизни.

Интеллигентные круги общества,—та разношерстная масса людей, не стоящихъ у опредѣленнаго практическаго дѣла, но оставляющая за собой право сужденія о дѣлахъ—высказывалась

о совершившемся переломѣ также не единомышленно и вообще не въ восторженномъ духѣ. Въ началѣ, когда реформа была только-что обѣщана, конечно, всѣ органы печати, не исключая и «Колокола», отдались разнымъ мечтаніямъ болѣе или менѣе, лазурнымъ, и тонъ статей былъ хвалебный, восторженный, молитвенный и праздничный. Но по мѣрѣ того, какъ реформа становилась предметомъ болѣе подробнаго обсужденія и проходила черезъ разные круги испытаній, отношеніе къ ней общества начало мѣняться. Общія слова, надежды, пожеланія, привѣтствія замѣнились серьезными выкладками, и когда печати, наконецъ, было разрѣшено обстоятельно высказаться по крестьянскому вопросу, то по экономическимъ статьямъ «Русскаго Вѣстника» и въ особенности «Современника» можно было видѣть, съ какой тревогой и какими опасеніями люди знающіе стали слѣдить за ходомъ дѣла... Когда манифестъ былъ подписанъ, многіе поняли, что стало ясно, что будущее грозитъ весьма большими осложненіями.

«Современникъ» не скрывалъ своего полнаго разочарованія, и во внутреннемъ обозрѣніи за мартъ мѣсяцъ 1861 года обозрѣватель (Г. З. Елисеевъ) съ иронією говорилъ:

«Вы, читатель, вѣроятно, ожидаете, что я поведу съ вами рѣчь о томъ, о чемъ трезвонятъ, поютъ, говорятъ теперь всѣ журналы, журнальцы и газетки, т. е. о дарованной крестьянамъ свободѣ. Напрасно. Вы ошибетесь въ вашихъ ожиданіяхъ. Мнѣ даже обидно, что вы такъ обо мнѣ думаете. Я не подалъ вамъ никакого даже малѣйшаго повода думать, что я хочу стяжать лавры фельетониста, что я безустанно буду гоняться за всѣми новостями, какія бы онѣ ни были, которыя появятся въ теченіе мѣсяца, ловить ихъ и представлять вамъ въ своемъ «Обозрѣніи»... Въ оцѣнкѣ акта 19-го февраля сошлись всѣ группы передового лагеря, и «Колоколъ» и «Современникъ». Для всѣхъ, кто тяготился дѣйствительностью или обгонялъ ее въ мечтахъ, манифестъ былъ не завершеніемъ дѣла, какимъ считало его правительство, а только его началомъ. Были всѣ основанія думать, что и другія реформы, намѣченныя и обѣщанныя, будутъ проведены въ жизнь въ томъ же урѣзанномъ видѣ, какъ и главная реформа, на которую возлагалось столько надеждъ.

II.

Нервное настроеніе передовыхъ круговъ за шесть лѣтъ этой, съ виду спокойной, а внутри столь тревожной жизни— неизмѣнно и быстро повышалось. На-лицо были всѣ условія, которыя такому повышенію могли способствовать.

Ничто не дѣйствуетъ такъ вредно на нервы человѣка, какъ молчаливая работа, свершающаяся вокругъ него, работа, къ которой лежитъ вся его душа, но въ которой онъ самъ участія принимать не можетъ. Когда съ первыми годами новаго царствованія стало ясно, что жизнь должна повернуть на новую дорогу, когда само правительство рѣшилось взять на себя иниціативу этого поворота и высказало готовность воспользоваться помощью общества—все, что было въ странѣ благомыслящаго и прогрессивнаго, и молодежь, конечно, впереди всѣхъ, могло испытать ту блаженную минуту счастливой вѣры въ будущее, которая такъ возбуждаетъ въ человѣкѣ желаніе работать и повышаетъ его трудоспособность.

И эта, самая законная въ людяхъ потребность служить тому, во что вѣришь, оставалась совсѣмъ неудовлетворенной. Внѣшній обликъ русской жизни не мѣнялся, все было постарому, какъ въ минувшее царствованіе; ни къ какому живому дѣлу приложить своихъ силъ было невозможно; планы новой жизни разрабатывались въ тайнѣ, въ шумѣ засѣданій, который не нарушалъ тишины общественной жизни; извѣстно было стороной, какъ туго шла работа, на какія она наталкивалась препятствія и возраженія; помочь этой работѣ люди, непосредственно къ ней не привлеченные, не могли; долгое время не могли даже гласно высказаться о ней. Приходилось молчать, ждать и разговаривать по квартирамъ, въ болѣе или менѣе тѣсномъ кругу. Такое положеніе свидѣтеля великаго дѣла, въ которое готовъ уйти съ головой, и о которомъ только ловишь слухи, въ большинствѣ случаевъ тревожные—пагубно отзывалось на нервахъ людей молодыхъ, впечатлительныхъ и нетерпѣливыхъ. Если бы ходъ работы обѣщалъ успѣшное и желанное разрѣшеніе вопроса, то съ такимъ молчаливымъ выжиданіемъ можно было бы еще помириться; но людямъ передового лагеря хорошо было извѣстно, въ какомъ направленіи движется разрѣшеніе вопроса, а когда наконецъ оно послѣдовало, можно было обозлиться и на тѣхъ, кто вынуждалъ къ молчанію, и на самого себя за то, что молчалъ.

Дѣйствовать такъ или иначе становилось потребностью, тѣмъ болѣе, что молодые люди имѣли основаніе считать себя уже подготовленными для выступленія и могли указать на нѣкоторыя жертвы, ими принесенныя, и на трудъ, ими совершенный, который до извѣстной степени давалъ имъ право на вниманіе. Большинство молодыхъ людей прогрессивнаго и радикальнаго образа мыслей по происхожденію своему принадлежало къ тѣмъ

«разночинцамъ», для которыхъ жизнь въ большинствѣ случаевъ была мачехой. Они немало пострадали отъ духовной тьмы, окутавшей ихъ дѣтство и юность, рано ознакомились съ нуждой, лишеніями, съ гибелью и чахлымъ ростомъ дарованія, съ голодомъ умственнымъ и душевнымъ и имѣли достаточное право винить во всѣхъ этихъ неустройствахъ жизни общественный порядокъ, наконецъ осужденный, но тѣмъ не менѣе торжествующій вопреки молодымъ силамъ, готовымъ работать надъ его разрушеніемъ и служить его обновленію. Перенесенныя испытанія и страданія требовали извѣстной оплаты, и представлялась она, конечно, всего чаще въ видѣ возможности такъ или иначе принять участіе въ общей работѣ надъ дѣломъ, неотложность котораго была всѣми признана. А такой возможности не представлялось.

Сознаніе своего «права на трудъ» крѣпло и было поддержано въ умахъ молодежи ея убѣжденіемъ въ томъ, что она по образу своихъ мыслей и по своему настроенію самая живая сила, самая молодая, современная. Молодежь признавала за собой особую способность—наиболѣе чутко, нервно и сильно отзываться на требованія минуты. Такая нервность вполнѣ естественно могла быть принята за правоту, и человѣкъ, наиболѣе чутко относящійся къ жизни, могъ думать, что онъ къ ней относится, и наиболѣе справедливо. Сдѣлать такой выводъ было тѣмъ легче, чѣмъ болѣе человѣкъ былъ убѣжденъ въ томъ, что онъ вооруженъ самоновѣйшимъ знаніемъ и обладаетъ наиболѣе полнымъ и въ научномъ смыслѣ наиболѣе вѣрнымъ общимъ міропониманіемъ. А молодое поколѣніе 1855—1861 годовъ гордилось тѣмъ, что оно въ наукѣ, и преимущественно въ наукѣ всѣхъ наукъ, т. е. въ философіи, опережало и опередило поколѣніе старшее. Пусть работа надъ выработкой общаго міросозерцанія была работой не систематичной, отрывочной, была произведена наскоро, пусть большинство получало знаніе изъ вторыхъ рукъ—въ молодежи была сильна горделивая увѣренность въ правильности своего научнаго сужденія о многихъ самыхъ существенныхъ вопросахъ жизни. Еще болѣе сильно было въ ней сознаніе своей гражданской чуткости, въ отсутствіи которой она такъ винила старшихъ.

При такомъ высокомъ мнѣніи о себѣ и при такомъ темпераментѣ, быть поставленнымъ въ необходимость молчать и вести частные разговоры, созерцать и сердиться, жить по старому шаблону и мечтать о совсѣмъ новыхъ условіяхъ жизни—было до крайности тяжело.

На первыхъ порахъ большое самоудовлетвореніе могла дать свобода сужденія и критическое отношеніе къ недавнему прошлому. Потребность высказать рѣшительно и поскорѣе все, что̀ накопилось за долгіе годы молчанія, была очень сильна. Сдавленный гнѣвъ и затаенное раздраженіе на старыя условія жизни прорвались наружу. Обличеніе во всѣхъ его видахъ имѣло самый ходкій успѣхъ. Для такого обличенія требовалось не столько знаніе, сколько чувство,—то, чего въ молодежи всегда очень много. И такая критика стараго, неуспѣвающая, конечно, различать между тѣмъ, что̀ менѣе и что̀ болѣе заслуживаетъ осужденія, критика пылкая, не дѣлающая никакихъ уступокъ и оправдывающая свою строгость силой возмущеннаго нравственнаго чувства, служила на первыхъ порахъ большимъ облегченіемъ. Но, конечно, такое самоудовлетвореніе было кратковременно; на долгій срокъ оно могло стать даже опаснымъ, такъ какъ можно было бояться, какъ бы словеснымъ разносомъ стараго или настоящаго не ограничились люди, призванные служить будущему не словами, а дѣломъ. Но дѣло найти было очень трудно, а слова были всегда на устахъ.

Можно было, критикуя и обличая, разрѣшить себѣ и помечтать, и несомнѣнно, что недостатка въ такихъ мечтахъ молодые умы и сердца не ощущали. Мечты относились не къ прошлому, какъ грезы романтиковъ, а къ будущему, тому будущему, которое должно наступить если не завтра (а почему не завтра?), то очень скоро. Признать такія мечты мечтами молодые люди врядъ ли бы согласились. Для нихъ онѣ были увѣренностью, исторической необходимостью, которая потому такъ долго оставляла себя ждать въ Россіи, что наступленіе ея было насильственно задержано силами, враждебными прогрессу. Стоило эти силы уничтожить или обезвредить, и желанный гражданскій и государственный строй, въ которомъ согласованы добро, свобода и справедливость, могъ бы легко осуществиться. О такомъ строѣ передовая молодежь тѣхъ годовъ много толковала: онъ представлялся ей, конечно, въ довольно смутныхъ очертаніяхъ, но различныя попытки теоретическаго его построенія на Западѣ дѣлали эти молодыя грезы достаточно осязаемыми.

Воспоминаніе и вызванное имъ недовольство, наводящее на сердитое раздумье, и мечта о будущемъ, которая также будила непріязненное чувство къ современности—вотъ тѣ два психическихъ состоянія, которыя попеременно или одновременно владѣли молодыми душами и требовали себѣ, конечно, естественнаго дополненія въ успокаивающемъ сознаніи какого-нибудь творимаго плодотворнаго труда. Критиковать, надѣяться и *ничего*

не дѣлать таково было то трудное положеніе, на которое судьба осудила очень многихъ молодыхъ людей, переживавшихъ канунъ освобожденія.

Страннымъ можетъ показаться, что людямъ молодымъ, ищущимъ и жаждущимъ дѣла, не нашлось таковаго въ жизни, которая все-таки очень многое обѣщала, и кое-какія изъ этихъ обѣщаній оправдывала. Но на самомъ дѣлѣ такъ было. Счастливыми могли назвать себя тѣ изъ молодыхъ людей, которые владѣли перомъ художника, критика, публициста или ученаго и имѣли потому нѣкоторое основаніе считать себя стоящими непосредственно у новаго дѣла. Несмотря на всю трудность ихъ положенія, они могли до извѣстной степени провѣрять успѣшность своей работы. Но такихъ счастливыхъ было очень немного.

Молодые люди могли бы, впрочемъ, ограничиться самообразованіемъ и самовоспитаніемъ и такую работу надъ своей личностью счесть трудомъ общественнымъ. Но при тогдашнихъ условіяхъ на такое терпѣніе разсчитывать было трудно, тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ добродѣтелей молодости,—терпѣніе всегда одна изъ рѣдчайшихъ. Но въ данномъ случаѣ и эта плодотворная работа была обставлена такими условіями, при которыхъ она не только не могла дѣйствовать успокоительно, а наоборотъ, должна была съ своей стороны горячить тѣхъ, кто приступалъ къ ней. Учебныя заведенія тѣхъ годовъ, преподаваніе въ которыхъ шло по старымъ программамъ, въ глазахъ передовой молодежи довѣріемъ и уваженіемъ не пользовались и учителями молодежи были не тѣ, кто сидѣлъ на каѳедрѣ, а вольные журнальные работники.

Но даже при успѣшной работѣ надъ самообразованіемъ, вопросъ о *дѣлѣ* не упразднялся: хотѣлось все-таки стать у самыхъ колесъ, которыми общественная и государственная жизнь приводилась въ движеніе. До тѣхъ годовъ, когда каждая новая реформа—крестьянская, судебная, земская, учебная, городская — открывала новыя области для непосредственнаго труда надъ жизнью, общественная работа была возможна лишь въ видѣ чиновничьей службы. Допустить, что молодой человѣкъ прогрессивнаго образа мыслей будетъ стремиться къ чиновничьему мѣсту и, попавъ на него, будетъ чувствовать себя «у дѣла»—врядъ ли можно. Успокоившіеся Молотовы могли попадаться только какъ исключеніе. Съ другой стороны предположить, что молодой человѣкъ ограничится однимъ отрицаніемъ, словеснымъ осужденіемъ прошлаго и существующаго и будетъ готовить себя къ какому-то дѣлу, очертанія котораго ему совсѣмъ не ясны—

одинаково трудно. Базаровы могли встрѣчаться также лишь какъ исключеніе.

А жажда дѣла требовала утоленія. Всѣ доступные пути не обѣщали ничего. Приходилось измышлять иной путь, брать самому инціативу въ его отысканіи. О какихъ-нибудь мелкихъ дѣлахъ при такомъ рѣшеніи не могло быть, конечно, и рѣчи. Нужно было начать работать надъ созданіемъ новой общественной силы, которая могла бы сама, не дожидаясь разрѣшенія, приблизить жизнь къ такому строю, къ которому никакъ нельзя придти, идя путями, уже проложенными, будь они даже расширены и уравнены. Нужно было такъ настроить общество, чтобы оно сознало себя силой, равной силѣ правительственной, и рѣшилось вступить съ ней въ борьбу, не ожидая подарковъ, а выставляя требованія и защищая ихъ дѣломъ, а не словомъ.

И многіе изъ молодыхъ людей тѣхъ годовъ пришли къ рѣшенію, что одинъ только путь революціонный способенъ привести ихъ къ желанной цѣли.

III.

Съ 1861 года въ нашей жизни замѣчается, дѣйствительно, очень быстрое повышеніе революціоннаго темперамента въ передовыхъ и радикальныхъ кругахъ. Съ этого именно времени начинается рядъ очень крупныхъ политическихъ процессовъ, которые показываютъ, что революціонная агитація успѣла охватить немалое количество умовъ и сердецъ.

Агитація эта, само собою разумѣется, не была случайностью и имѣла свою подготовку. Она подготовлялась именно въ періодъ 1855—1861 годовъ. Какъ она наростала—объ этомъ имѣются лишь скудныя свѣдѣнія, и пополнить ихъ станетъ только тогда возможнымъ, когда будутъ опубликованы матеріалы изъ архива III отдѣленія собственной Его Величества канцелріи. Но и по тѣмъ даннымъ, которыя имѣются на-лицо въ настоящее время, можно видѣть, какъ въ 1855—1861 годахъ революціонныя идеи просачивались въ общество, какъ крѣпло въ отдѣльныхъ кружкахъ революціонное настроеніе и какъ такое настроеніе начало проявляться въ дѣйствіяхъ.

До первыхъ годовъ новой эры говорить о настоящихъ революціонныхъ движеніяхъ въ русскомъ обществѣ не приходится. Бывали политическіе заговоры, какъ, напр., заговоръ декабристовъ, подавленный и не нашедшій отзвука въ обществѣ; существовали студенческія организаціи, въ которыхъ много говорилось о

революціяхъ, какъ, напр. тотъ интимный студенческій кружокъ въ Москвѣ въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, въ которомъ вращался Герценъ; бывали кружки болѣе многочисленные, какъ, напр., кружокъ Петрашевцевъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, гдѣ обсуждались очередные вопросы, затронутые соціалистическими теоріями на Западѣ, и гдѣ говорилось также о возможности революціонныхъ выступленій въ Россіи. Назвать всѣ эти вспышки революціонной мысли и революціоннаго темперамента—предвѣстниками революціоннаго движенія шестидесятыхъ годовъ, конечно, можно, но лишь въ самомъ общемъ смыслѣ. У молодыхъ людей, свидѣтелей наступленія новой эры, была не столько идейная, сколько душевная и поэтическая связь со своими предшественниками.

Настоящее революціонное движеніе, т. е. такое, которое предполагаетъ не только подготовку отдѣльныхъ вождей, но и ихъ непосредственное общеніе съ массой, зародилось въ 1855—1861 годахъ, и было оно не продолженіемъ начатаго, а первымъ проявленіемъ еще совсѣмъ не знакомаго русскому обществу психическаго состоянія и склада ума. Революціонеръ до-реформенной эпохи, если ужъ называть этимъ словомъ тѣхъ лицъ, которыя собрались или собирались возстать противъ существующаго порядка, лицъ, всѣ имена которыхъ намъ съ точностью извѣстны—отличался отъ настоящаго революціонера шестидесятыхъ и послѣдующихъ годовъ тѣмъ, что не обладалъ ощущеніемъ своей солидарности съ народной массой, ради которой онъ бралъ на себя столь отвѣтственное дѣло. Революціонеръ старой формаціи не сознавалъ себя настоящей силой и разсчитывалъ на случай, на удачу, на быстроту произведеннаго съ малыми средствами маневра, и, хоть убѣжденный и вѣрующій въ свое дѣло, онъ твердой почвы подъ ногами не чувствовалъ. Революціонеръ, свидѣтель и участникъ эпохи реформъ, былъ, въ отличіе отъ своего предшественника, вполнѣ убѣжденъ, что онъ нашелъ въ народной массѣ стойкаго союзника, что онъ призванъ выразить и осуществить тайныя желанія этой массы, что время, наконецъ, начало на него работать и каждый день приноситъ ему подкрѣпленіе. Онъ ставилъ себѣ задачей не только увеличеніе числа ближайшихъ помощниковъ и подготовку вождей и агитаторовъ. Онъ сталъ торопить дѣло пропаганды въ самомъ народѣ, и, не считаясь съ недостаточностью своей подготовки, шелъ на опасную позицію почти безъ прикрытія, на глазахъ той власти, съ которой вступалъ въ состязаніе. Теорія его интересовала мало, все нужное

для нея онъ наспѣхъ бралъ у западныхъ соціалистовъ, коммунистовъ и анархистовъ, чтобы поскорѣе свести эти теоріи на самыя простыя общепонятныя и общедоступныя положенія и внѣдрить ихъ въ народное сознаніе. Онъ былъ убѣжденъ, что въ освобождаемомъ и освобожденномъ народѣ онъ встрѣтитъ полный откликъ, что народъ втайнѣ давно думаетъ такъ же, какъ и онъ, и только не умѣетъ выразить своей мысли.

Молодой человѣкъ, рѣшившійся на смѣлый шагъ революціоннаго вмѣшательства въ жизнь, началъ подготовлять почву для своей работы. Пойти въ народъ и начать жить съ нимъ, какъ онъ это сдѣлалъ позднѣе, онъ пока еще не рѣшался, но ознакомить широкія массы съ своими мыслями и планами онъ счелъ своевременнымъ. Чтобы осуществить этотъ замыселъ, въ его распоряженіи было лишь одно средство — начать раскидывать въ городѣ и въ деревнѣ прокламаціи, которыя можно было печатать въ тайныхъ типографіяхъ или привозить изъ-за границы.

Политическіе процессы, которые начались съ 1861 года, показываютъ, что къ этому времени дѣло революціонной пропаганды стало уже довольно прочно и что сношенія съ вольной лондонской типографіей Герцена были уже установлены. Революціонное настроеніе имѣлось на-лицо къ тому году, когда первая реформа была осуществлена и когда, наконецъ, являлась хоть слабая возможность начать борьбу съ правительствомъ на почвѣ опредѣленнаго практическаго дѣла.

На-ряду съ революціоннымъ настроеніемъ, т. е. такимъ, которое толкало молодыхъ людей на поступки, правительству явно враждебные, въ эти же годы стала явственно замѣтна вообще повышенная нервная возбудимость въ молодыхъ кругахъ. Она проявлялась преимущесвенно въ студенческихъ волненіяхъ. Въ 1857 году такія волненія произошли въ Казани, въ 1858 году въ Харьковѣ и отразились въ Москвѣ, въ 1859 году въ Кіевѣ и Харьковѣ; въ 1860 году были волненія въ Николаевской военной академіи въ Петербургѣ, наконецъ, въ 1861 году въ Петербургѣ же разыгралась студенческая исторія, столь богатая по своимъ послѣдствіямъ и нашедшая откликъ въ Москвѣ.

Съ каждымъ годомъ общественные вопросы обострялись и съ своей стороны горячили тѣхъ молодыхъ людей, которые всего болѣе ихъ обостренію способствовали. Если вспомнить, что въ это же время (1856—1861 г.г.) продолжались и разростались крестьянскія волненія, а съ 1859 года начались политическія

демонстраціи въ Польшѣ, то легко себѣ представить, какъ такая атмосфера могла вліять на повышеніе боевого настроенія. Къ 1861 году это настроеніе вполнѣ обозначилось и, неизмѣнно повышаясь, оно стало отличительной чертой той исторической эпохи, которая открылась актомъ освобожденія крестьянъ.

Годы, которые обыкновенно принято называть «шестидесятыми» (1861 — 1870 г.г.), въ разработкѣ теоретическихъ вопросовъ—научныхъ, философскихъ, нравственныхъ и политическихъ—мало чѣмъ отличаются отъ годовъ кануна освобожденія (1855 — 1861 г.г.). То міросозерцаніе, которое сложилось и создалось при поворотѣ жизни со старой дороги на новую, міросозерцаніе, поддержанное талантами Герцена, Чернышевскаго, Добролюбова и ихъ ближайшихъ сотрудниковъ по «Современнику», продолжало въ шестидесятыхъ годахъ оставаться господствующимъ въ кругахъ передовой молодежи и никакихъ особенно значительныхъ перемѣнъ и перестроекъ въ немъ произведено не было. Только нѣкоторыя части этого міропониманія получили болѣе полное истолкованіе, какъ, напр., вопросъ о значеніи естественныхъ наукъ въ общей системѣ образованія и воспитанія, о чемъ такъ ратовалъ Писаревъ, и вопросъ о роли личности въ общемъ ходѣ прогресса, вопросъ, такъ своеобразно и философски освѣщенный Лавровымъ.

Годы, слѣдующіе за освобожденіемъ, отличаются отъ лѣтъ, ему предшествующихъ, не столько новыми идеями, пущенными въ обращеніе, сколько именно повышеніемъ боевого настроенія, которое послѣдовательно и неустанно развивалось въ направленіи революціонныхъ дѣйствій. Прогрессивный во всѣхъ его видахъ и радикальный образъ мыслей вполнѣ сложился и окрѣпъ въ 1855—1861 г.г.; общія очертанія желанной соціальной и государственной жизни были опредѣлены тогда же. Въ послѣдующихъ годахъ надлежало только изыскать средства для осуществленія этой общей программы и пуститься на розыски ближайшихъ союзниковъ—не среди единичныхъ лицъ, а въ массахъ; надлежало также болѣе опредѣленно разграничить и обособить работу отдѣльныхъ прогрессивныхъ группъ—группъ либеральныхъ, радикальныхъ и затѣмъ террористическихъ—т. е. надлежало произвести раздѣленіе новаго труда, къ чему также было уже приступлено въ 1855—1861 годахъ.

IV.

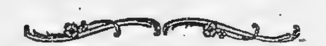
Ко всѣмъ передовымъ группамъ власть отнеслась съ фатальнымъ невниманіемъ и съ еще болѣе фатальной строгостью. Молодыя силы, пылкіе сердца и умы, быстрые на рѣшенія

и поступки, казались власти очень опасными, казались ей большой угрозой для мирнаго и спокойнаго развитія гражданской жизни. Назвать эти силы мирными, конечно,—нельзя: онѣ вносили въ жизнь большую тревогу, сердили весьма многихъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ, несомнѣнно, переступали за черту закона и становились силами революціонными въ полномъ смыслѣ слова. Насколько, однако, ихъ революціонная дѣятельность была опасна, и насколько онѣ могли грозить мирному ходу жизни—это вопросъ очень спорный. Но даже если рѣшить его въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ былъ рѣшенъ правительственной властью, врядъ ли можно признать цѣлесообразнымъ ту форму борьбы съ ними, какую правительство избрало. Вмѣсто того, чтобы быть воспитателемъ подростающихъ поколѣній и создать такія условія жизни, при которыхъ всякія крайности въ мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ теряли бы свою остроту и постепенно сглаживались, правительство брало на себя исключительно роль карателя и думало, что, строго придерживаясь буквы закона, оно творитъ актъ высшей справедливости. Все было сдѣлано для того, чтобы крайнія идеи укоренялись въ молодыхъ умахъ, чтобы фантазія, лишенная возможности всякой провѣрки на дѣлѣ, пріобрѣтала все большую и большую заманчивость; и все было сдѣлано, чтобы суровыми мѣрами надолго, если не на всю жизнь, озлобить людей, пытавшихся безкорыстно, въ увлеченіи идеей и мечтой, навязать жизни свою волю,—озлобить ихъ и всѣхъ, кто любилъ и уважалъ ихъ.

При такихъ мирной общественной работѣ ничего не обѣщающихъ условіяхъ закончился канунъ освобожденія.

Россія вступала въ эпоху реформъ, великихъ по замыслу, но отнюдь не великихъ по выполненію.

Несторъ Котляревскій.



ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.

«Влъци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клекотомъ на кости звѣри зовутъ».

I.

Еще очень недавно Европа представлялась наблюдателю не иначе, какъ одною гигантскою мастерскою для приготовленія матеріальныхъ и идейныхъ цѣнностей.

Теперь обозрѣватели, живущіе въ немногихъ государствахъ, оставшихся нейтральными, могли бы формулировать свое представленіе о рядѣ странъ словами, взятыми эпиграфомъ: «влъци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клекотомъ на кости звѣри зовутъ». Громадныя стаи волковъ появились тамъ, гдѣ объ этихъ звѣряхъ уже неслышно давно. Вороны исчезли совершенно, такъ какъ тучами понеслись туда же, куда и волки. Въ журналѣ «Eagle», издающемся въ Бруклинѣ, я видѣлъ недавно рисунокъ, изображающій дорогу въ Парижъ. Вся она отмѣчена могилами, которыя

«Какъ испуганное стадо,
Жмутся тѣсной чередой»,

да пылающими фермами. Надъ пустынной дорогой рѣютъ стаи вороновъ. Гигантская машина разрушенія установлена въ Европѣ и работаетъ она удивительно. Вотъ еще рисунокъ изъ того же американскаго журнала. Въ аэропланѣ сидятъ два летчика: одинъ— въ прусской каскѣ, а другой — смерть. Она держитъ въ рукахъ нѣсколько бомбъ. «Можемъ начать работу»,—говоритъ летчикъ въ каскѣ:—«Подъ нами госпиталь». Итальянскіе каррикатуристы отмѣчаютъ то, что современные разрушители далеко превзошли всѣхъ своихъ предшественниковъ. Вотъ, напримѣръ, рисунокъ изъ «Pasquino», изображающій канцелярію въ аду. За предсѣдательскимъ столомъ сидитъ самъ Вельзевулъ.

— Ваше сатанинство,—докладываетъ дьяволъ:—Аттила, Тамерланъ и Валленштейнъ просятъ аудіенціи.

— Принять ихъ,—величественно отвѣчаетъ сатана.

— Съ ними также Вильгельмъ.

— Караулъ!—кричитъ испуганный Вельзевулъ и лѣзетъ въ страхѣ подъ столъ.

Итальянскій журналъ «L'Asino» разрабатываетъ приблизительно тотъ же мотивъ.

Вильгельмъ II, сынъ его и Атилла осматриваютъ разрушенный Реймсскій соборъ.

— Ну, дорогіе учителя, — говоритъ предводитель гунновъ.— Посрамили вы меня совершенно. Вотъ у кого надо учиться!

Разрушительная машина, работающая теперь въ Европѣ, значительно отличается отъ тѣхъ машинъ, которыя выдвигались завоевателями прежнихъ временъ. Прежде, напримѣръ, описывали сраженіе, какъ *непосредственное* столкновеніе враговъ, опьяненныхъ яростью, звуками боевой музыки и лязгомъ сабель. Во время боя

«Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча».

......Передъ нами проходятъ величайшія битвы, какихъ въ исторіи еще не было; но сотни тысячъ участвующихъ только видятъ *слѣдъ* непріятеля. Десятки тысячъ раненыхъ никогда не видятъ врага, искалѣчившаго ихъ. «Никто изъ насъ не видѣлъ непріятеля, этого прозелита, обращеннаго въ кровавую вѣру Клаузевитца и Бернгарди, этого поклонника бронзоваго бога, отлитаго Круппомъ, — пишетъ англійскій наблюдатель, только что возвратившійся съ фронта. — Гдѣ то тамъ, позади находится германская армія, которая, какъ сказочный драконъ, окружила свое логовище огнемъ и разрушеніемъ. Къ берлогѣ нельзя приблизиться. Ее окружаетъ невидимая, но непреодолимая преграда. Во Франціи я былъ съ августа и за все это время не видалъ ни одного нѣмца. Многіе французскіе солдаты, которыхъ я встрѣчаю, также не видали непріятеля, хотя ранены имъ... ...Никакія цифры, рисунки или діаграммы не могутъ дать представленіе о томъ, какъ расходуется жизнь. Все это слишкомъ грандіозно, чтобы податься учету. Всѣ обычные моральные кодексы и понятія объ этикѣ исчезли. Наблюдатель можетъ только *видѣть* ужасную картину, такъ какъ умъ отказывается анализировать» [1]).....

[1]) *H. M. Tomilison*, „Pictures of War“, *English Review*, November, 1914, стр. 520.

Мы видимъ передъ собою страшную картину разрушенія, причиненнаго непріятелемъ; но гдѣ же онъ самъ? «Его рѣдко можно видѣть. Большинство людей, лежащихъ на соломѣ, когда они не были еще ранены, шли цѣлыми днями, проводили тревожныя ночи на бивуакахъ, затѣмъ съ разсвѣтомъ опять дѣлали переходы. И солдаты, наконецъ, прибывали на поле, ничѣмъ не отличающееся отъ тѣхъ полей, черезъ которыя раньше проходили, не останавливаясь. Затѣмъ солдаты ложились въ выемки да въ канавки и начинали стрѣлять въ деревья, растущія на холмѣ. На этомъ холмѣ раздавался сильный гулъ. Такой же гулъ солдаты слышали позади себя. Они стрѣляли въ направленіи гула и дыма. Затѣмъ солдатамъ приказывали подняться и бѣжать въ направленіи гула. И на полпути туда многіе упали»...

А вотъ другая часть поля битвы. «Ближе къ непріятельской линіи, въ неглубокой долинѣ лежитъ то, что недавно было городкомъ, а теперь представляетъ собою только груду развалинъ. Дома сгорѣли или разрушены артиллерійскимъ огнемъ. Среди груды развалинъ видны кровати и обломки другой мебели. Обломки колокольни загородили главную улицу, а колокола лежатъ въ сточной канавѣ»... ...Еще картина съ поля битвы. «За деревней тянутся поля, засѣянныя свеклой. Издали они кажутся довольно невинными. Но поля перерыты мелкими траншеями, въ которыхъ лежали стрѣлявшіе солдаты. Поля усѣяны жестянками изъ-подъ прессованнаго мяса, обломками шрапнели, мундирами, касками, патронами и открытками, полурастворенными уже осенними дождями. Вдали, на горизонтѣ, дымится то, что кажется зажженными стогами. Дымъ отъ нихъ тянется на нѣсколько миль, припадая къ мокрой землѣ. То нѣмцы сжигаютъ своихъ убитыхъ» [1]. Итакъ, картина разрушенія страшнѣе и грознѣе, чѣмъ въ какой-либо битвѣ, бывшей раньше; но теперь уничтожаютъ не люди, а машины.

Еще выше, чѣмъ гигантскіе костры сжигаемыхъ труповъ, та *ненависть*, которую накопили другъ противъ друга нѣмцы и англичане. Она такъ велика теперь, что трудно даже представить себѣ, что она можетъ разсѣяться когда-нибудь. «Теперь идетъ борьба между Англіей и Германіей, до послѣдняго, на смерть,—сказалъ директоръ германскаго Національнаго банка гехеймратъ Виттингъ, интервьюированный берлинскимъ корреспондентомъ *New Jork Sun*.—Война, которую ведутъ обѣ страны, должна кончиться *уничтоженіемъ* одной изъ нихъ. Мы не ждемъ пощады отъ Англіи; но не пощадимъ также Великобританію, когда она очутится въ нашихъ рукахъ. Англія и

---

[1]) ib., стр. 521.

только Англія одна повинна въ этой преступной войнѣ, начатой изъ жадности и зависти. Теперь война должна кончиться только полнымъ разгромомъ и уничтоженіемъ одной изъ двухъ націй. Скажите американскому народу,—продолжаетъ Виттингъ,—что эти слова говоритъ не фанатикъ, но спокойный, дѣловой человѣкъ, знающій какъ настроеніе своихъ соотечественниковъ, такъ и размѣры ставки въ титанической борьбѣ, созданной преступной націей. Одинъ Богъ только знаетъ, какъ ненавидимъ мы Англію и англичанъ!—въ ярости воскликнулъ «спокойный дѣлецъ».—Эта нація лицемѣровъ и преступниковъ принесла міру несчастье и разореніе. Она завидуетъ Германіи, такъ какъ сознаетъ свою гибель и убѣждается, что ея владычество надъ міромъ находится въ опасности». Германія, конечно, въ случаѣ побѣды отниметъ у Франціи всѣ колоніи и территорію отъ С. Валери до Ліона; она, конечно, потребуетъ контрибуцію въ тридцать милліардовъ франковъ и, конечно, обезоружитъ побѣжденнаго да свяжетъ ее торговымъ договоромъ, въ силу котораго всѣ германскіе товары должны ввозиться безпошлинно во Францію, но не обратно. Все это будетъ такъ; но, въ концѣ концовъ, Германія питаетъ къ Франціи лишь «жалость и состраданіе». Не чувствуетъ она также особой ненависти къ Россіи. Другое дѣло отношеніе къ Англіи. «Всѣ мы, безъ различія класса и состоянія, питаемъ къ ней такую фанатическую ненависть и такое презрѣніе, какія только нація можетъ имѣть къ другой,—признается гехеймратъ Виттингъ.—Передайте американцамъ, чтобы они не толковали теперь о мирѣ, ибо его не будетъ. Война затянется надолго. Мы вполнѣ готовы вести борьбу три года [1]). Въ концѣ концовъ она превратится, какъ и должно быть, въ войну только между Германіей и Англіей. Англичане рѣшили уничтожить наше отечество, и мы приняли вызовъ. Ни одно правительство въ Германіи не просуществуетъ и четверть часа, если согласится на мир-

1) Не черезъ три года, а черезъ три мѣсяца послѣ начала войны, журналъ супруговъ Веббовъ констатируетъ слѣдующее. «Въ спискѣ тѣхъ продуктовъ, цѣны на которые поднялись теперь вдвое въ Германіи, мы находимъ не только пшеницу, рожь и картофель, запасы которыхъ сокращаются, но также и сахаръ. Такъ какъ ввозъ этого продукта черезъ нейтральныя государства въ Англію теперь воспрещенъ, то запасъ сахара въ Германіи очень великъ. Поднятіе цѣнъ обусловливается чрезмѣрнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ, отъ чего Англія и Франція благоразумно воздержались. Изъ всѣхъ финансовыхъ комбинацій неограниченный выпускъ кредитныхъ билетовъ самая легкая для правительства, находящагося въ затруднительномъ положеніи, но въ то же время самая предосудительная, такъ какъ немедленно ведетъ къ поднятію цѣнъ и падаетъ всею тяжестью почти исключительно на самые бѣдные классы».

ныя условія, продиктованныя Англіей, пытающейся поднять противъ насъ весь міръ. Англичане могутъ убить насъ, но они никогда не завоюютъ Германію... Англичане преступники, для истребленія которыхъ всѣ средства хороши. Запомните мои слова: Лондонъ будетъ разрушенъ» [1]).

Такою же ненавистью платитъ и другая сторона. «Нынѣшняя война будетъ самой ужасной въ исторіи и самой упорной. Никакой мирный договоръ не можетъ покончить съ нею. Въ настоящій моментъ дѣло идетъ не о короляхъ, не поладившимъ между собою, и не о дипломатахъ, сдѣлавшихъ неправильный ходъ. Передъ нами борьба расы съ расой, могущая кончиться лишь съ уничтоженіемъ военнаго могущества противника и лишеніемъ его навсегда способности причинять какой-либо вредъ. Каждый другой взглядъ на положеніе дѣлъ вводитъ только въ заблужденіе... Мы должны учесть способность и готовность Германіи на всякое выступленіе, какъ бы презрѣнно оно ни было. Съ теченіемъ времени, когда она убѣдится, что не можетъ разбить арміи союзниковъ, она всѣми силами постарается посѣять между ними вражду, поднять мятежъ въ Британскихъ колоніяхъ или поднять одну часть населенія Соединеннаго Королевства противъ другой. Только совершенно наивный простякъ можетъ вѣрить, что послѣ окончанія войны англичане и нѣмцы протянутъ другъ другу руки, забудутъ все и заживутъ по-братски. Нѣмцы ничего не забудутъ. Мы съ своей стороны тоже должны помнить, что обезсилить націю въ 63 милліона (не говорю уже объ австрійцахъ) предпріятіе, предъ которымъ остановилось бы даже самомнѣніе Ксеркса. Таково положеніе дѣлъ. Было бы безуміемъ закрывать глаза. Нѣмцы и англичане стоятъ теперь другъ передъ другомъ, какъ неумолимые враги, борющіяся за существованіе. Или мы, или Германія должны погибнуть. Золотой середины нѣтъ. Германцы хотятъ стереть насъ съ лица земли. Или они преуспѣютъ, или мы побѣдимъ, и тогда горе Германіи. Мы ее безжалостно уничтожимъ» [2]). Вы видите, что не вполнѣ правъ былъ Жанъ Поль Рихтеръ, утверждавшій, что «Der grösste Hass ist, wie die grösste Tugend und die schlimmsten Hunde, *still*: тутъ сильная ненависть, выражающаяся открыто.

II.

Сторонники матеріалистическаго толкованія исторіи могутъ выставить для объясненія величайшей въ исторіи войны экономическое

1) Цитирую по *Times*, October 31, 1914.

2) *Austin Harrison*, „England and Germany“ въ „English Review“ (XI, 1914, стр. 476).

соперничество между Германіей и Англіей,—стремленіе захватить рынки и желаніе Германіи получить колоніи. Все это совершенно вѣрно; но однѣ экономическія причины недостаточны для объясненія какъ столкновенія между Англіей и Германіей, такъ и степени ненависти. Передъ нами столкновеніе двухъ противоположныхъ цивилизацій: «гражданской» и «военной», одинаково высокихъ по объему матеріальной культуры. Передъ нами два разныхъ міропониманія и разные взгляды на обязанности государства. «Существенной функціей государства является война,—говоритъ идейный вдохновитель пангерманизма Трейтшке.—То обстоятельство, что мы долго не постигали этого, является лишь доказательствомъ, до какой степени изнѣженности достигла одно время наука о государствѣ въ рукахъ гражданскихъ людей. Послѣ Клаузевитца, сантиментальныя доктрины о цѣли государства исчезли, во всякомъ случаѣ, въ Германіи. Но, къ сожалѣнію, вмѣсто этихъ ученій, явились другія: узко-матеріалистическія, въ силу которыхъ человѣкъ разсматривается съ точки зрѣнія манчестерцевъ, т. е. какъ двуногое существо, предназначеніе котораго покупать дешево и продавать дорого. То, что эти доктрины тоже неблагопріятно относятся къ войнѣ, вполнѣ понятно. И только послѣ войнъ Германіи въ 1864, 1866 и въ 1870 годахъ постепенно установился здоровый взглядъ на государство, какъ на организацію для борьбы. Безъ войны не было бы совершенно государства. Всѣ извѣстныя въ исторіи государства создались при помощи войнъ. Защита гражданъ при помощи оружія является первой и самой существенной задачей государства. И война поэтому будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, покуда исторія имѣетъ свой ходъ; до тѣхъ поръ, покуда существуетъ много государствъ. Изъ характера человѣческаго не вытекаетъ, что когда-нибудь будетъ иначе. Другой порядокъ, т. е. исчезновеніе войнъ въ высшей степени не желательно. Слѣпые поклонники вѣчнаго мира совершаютъ ту ошибку, что они отрицаютъ одну міровую имперію» [1]. Германія должна стремиться къ міровой власти не только потому, что имѣетъ «историческую миссію» создать вселенскую имперію. Эту миссію смутно постигали Аларихъ и Теодорихъ. Ее пытались осуществить Карлъ Великій, Гогенштауфены и Габсбурги; но вполнѣ постигли ее только Гогенцоллерны. Германія должна еще установить міровую имперію потому, что это единственная гарантія прочнаго мира на землѣ. Никто иной, кромѣ Германіи, не можетъ создать міровой имперіи. Англія сдѣлала только неудачную попытку. Культурныя государства могутъ выдвигаться впередъ только тогда, когда могутъ

[1] *H. von Treitschke*, „Politik", Buch I, § 2 (Лейпцигъ 1897).

и готовы доказать силою оружія свое превосходство,—говоритъ Трейтшке. Война это—тяжба народовъ на культурное первенство. «Мы долго напрасно убѣждали мелкія государства, что только Пруссія можетъ быть вождемъ Германіи; но теоретическія доказательства не давали никакихъ результатовъ. Убѣдили всѣхъ битвы въ Богеміи и на берегахъ Майна. Война соединяетъ народы, которыхъ она сводитъ вмѣстѣ не только какъ враговъ. Только война можетъ научить народы, питающіе идіосинкразію къ сосѣдямъ, уважать другъ друга»,—продолжаетъ прусскій пророкъ изъ чеховъ. «Война—единственное средство, исцѣляющее народы, ослабѣвшіе отъ долгаго мира. Индивидуумъ забываетъ про свое маленькое *его* и чувствуетъ себя недѣлимой частью громаднаго цѣлаго. Онъ сразу постигаетъ во время войны, что жизнь его ничтожна сравнительно съ благомъ всего государства. И величіе войны заключается именно въ этомъ сліяніи индивидуума съ государствомъ. Никогда самопожертвованіе не проявляется въ такомъ ослѣпительномъ блескѣ, какъ во время войны, отдѣляющей цѣнное зерно отъ плевелъ. Политическій идеализмъ стоитъ за войну, тогда какъ матеріализмъ осуждаетъ ее [1]). Какое извращеніе нравственнаго чувства проявляютъ тѣ, которые желаютъ вытравить въ человѣчествѣ героизмъ! Вдохновляютъ и восхищаютъ молодежь національные герои, и изъ авторовъ увлекаютъ юношей только тѣ, слова которыхъ звучатъ, какъ сигнальная боевая труба», — увѣряетъ Трейтшке.—«Не восхищаются подобными писателями только тѣ, которые слишкомъ трусливы, чтобы сражаться за отечество. Въ Евангеліи даже Христосъ заявляетъ, что принесъ не миръ, а мечъ. Въ Ветхомъ завѣтѣ сказано, что нѣтъ высшей любви, какъ отдать жизнь за своихъ ближнихъ. Толкующіе о такой нелѣпости, какъ вѣчный миръ,—продолжаетъ профессоръ Трейтшке,—не понимаютъ совершенно арійскаго народа. Арійцы прежде всего храбры. Они всегда имѣли мужество защищать мечемъ то, что добыли доблестью своею... Міровыя явленія не слѣдуетъ изучать только въ кабинетѣ

1) Вѣроятно, во время пребыванія въ Германіи Ѳ. М. Достоевскій подпалъ подъ вліяніе Трейтшке. Въ самомъ дѣлѣ, русскій писатель развиваетъ идеи вдохновителя пангерманизма, когда пишетъ: „Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если не во всѣхъ почти,—война есть процессъ, которымъ *именно* съ наименьшимъ пролитіемъ крови, съ наименьшею скорбію и съ наименьшей тратой силъ, достигается международное спокойствіе, вырабатываются, хоть приблизительно, сколько-нибудь нормальныя отношенія между націями... Долгій миръ всегда родитъ жестокость, трусость и грубый, ожирѣлый эгоизмъ, а главное—умственный застой. Въ долгій миръ жирѣютъ лишь одни эксплоататоры народовъ». («Дневникъ писателя». Апрѣль, 1877).

при свѣтѣ рабочей лампы. Историкъ, понимающій людей и ихъ желаніе проявить свою волю, знаетъ, что стремленіе къ вѣчному миру глубоко реакціонное по существу своему явленіе. Онъ знаетъ также, что безъ войны не было бы ни прогресса, ни роста государства. Идея о вѣчномъ мирѣ возрождается тогда, когда общество дряхлѣетъ, вырождается, жирѣетъ, погружается въ матеріализмъ... Господь всемогущій мудро устроилъ такъ, что страшное лекарство, необходимое для возрожденія человѣчества, т. е. война,—была бы всегда на землѣ [1]). Конечно, прогрессъ долженъ быть и въ войнахъ—говоритъ Трейтшке.—Онѣ должны стать болѣе «научными» и должны въ извѣстной степени считаться съ экономическими условіями страны. Въ силу этого войны, напр., не должны затягиваться надолго. Государству слѣдуетъ долго готовиться къ войнѣ, а затѣмъ нанести быстрый и рѣшительный ударъ, не считаясь съ количествомъ жертвъ. Чѣмъ рѣшительнѣе и кровопролитнѣе война, тѣмъ она короче, т. е. тѣмъ болѣе она «гуманна».

Итакъ, вѣсскій доводъ существованія государства — война. Военная машина должна быть заведена для опредѣленной цѣли: для захвата чужихъ территорій.

«Государства возникаютъ не какъ результатъ воли властвующаго народа, а *вопреки* воли населенія»,—говоритъ Трейтшке [2]). Государство это—мощь болѣе сильной расы, утверждающей себя. И по поводу этого не приходится сожалѣть, такъ какъ побѣдитель морально оправдываетъ себя, давая свою культуру завоеванной народности и являясь ея защитникомъ. Все это прекрасно выразилъ, по увѣренію Трейтшке, еще Ѳукидидъ, окрыляющій вообще мысль каждаго «государственника». На самомъ дѣлѣ, греческій историкъ повѣствуетъ про то, какъ полулегендарный критскій царь Миносъ,

---

[1]) Постановленіе Божье исполняется во время войны,—писалъ когда-то Жозефъ де Местръ, вдохновившій, вмѣстѣ съ Гобино, пангерманистовъ.— „Развѣ не слышите вы, какъ стонетъ земля, требуя крови! Землѣ мало крови звѣриной. Мало ей также крови преступниковъ, проливаемой мечемъ правосудія... Человѣческая кровь, которую жадно пьетъ земля, необходима: это искупленіе за грѣхи людей. Земля не вотще просила крови. Начинается война. Человѣкомъ вдругъ овладѣваетъ божественная ярость, не имѣющая ничего общаго съ ненавистью и гнѣвомъ... Вся земля, постоянно напоенная кровью, представляетъ собою громадный алтарь, на которомъ должно быть принесено въ жертву все живущее. Это жертвоприношеніе должно твориться безконечно, безмѣрно, неустанно, покуда умретъ сама смерть... До тѣхъ поръ, покуда у народовъ въ жилахъ кровь, они будутъ проливать ее". (*Joseph de Maistre*, „Les Soirés de Saint-Pétersbourg", Septième Entretien).

[2]) „Politik", Buch I, § 4.

добившись власти для себя, немедленно использовалъ ее, чтобы очистить море отъ пиратовъ. Такимъ образомъ, владычество Миноса стало не только терпимымъ, но и благодѣтельнымъ для побѣжденныхъ. Война—формируетъ націи. Только во время войны народность становится таковою. Государство можетъ расширять свои владѣнія только при помощи войны. Всѣ великія націи въ исторіи, сознавъ свои силы,—увѣряетъ Трейтшке,—неукоснительно стремились и стремятся положить печать своей культуры на варварскія страны. Въ настоящее время мы видимъ, что всѣ европейскіе народы заняты этой работой. Они стремятся создать всюду на земномъ шарѣ аристократію бѣлой расы. Нація, не стремящаяся къ захвату колоній, обречена рано или поздно на гибель. Вотъ почему для великой націи крайне важно проявить лихорадочную погоню за колоніями. Финикіяне первые узнали великое значеніе міровой торговли; они же были первыми колонизаторами. За финикіянами явился другой историческій народъ—греки, тоже создавшій колоніальную имперію, потомъ—римляне. Въ среднихъ вѣкахъ германцы, испанцы и португальцы захватывали обширныя колоніи. На смѣну имъ явились потомъ Голландія и Англія. Теперь колоніальное наслѣдство всѣхъ имперій, успѣвшихъ одряхлѣть съ теченіемъ вѣковъ, принадлежитъ по справедливости Германіи, которая должна на полѣ битвы доказать свое право на владѣніе. «Только теперь мы видимъ, что упустили, явившись слишкомъ поздно,—говоритъ Трейтшке.—За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ Англія успѣла завоевать весь міръ. Континентальные народы, ведя постоянную войну, не имѣли времени слѣдить за Англіей, которая, воспользовавшись этимъ, захватила все, что только возможно. Германія должна была терпѣть все это, такъ какъ воевала съ сосѣдями или была занята междоусобицей. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что для націи великое счастье имѣть большую колоніальную имперію. Близорукость нашихъ оппонентовъ проявляется именно въ томъ, что они не въ состояніи понять значенія колоній. Вся судьба германской имперіи исключительно зависитъ отъ того, сколько милліоновъ людей на земномъ шарѣ будутъ говорить черезъ пятьдесятъ лѣтъ по-нѣмецки. Намъ говорятъ, что излишекъ нѣмецкаго населенія можетъ переселиться въ Америку. Такое утвержденіе является чистымъ безуміемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что выигрываетъ Германія отъ переселенія десятковъ тысячъ ея лучшихъ сыновъ въ Америку? Эти граждане, которые не могли найти занятія на родинѣ, утеряны для нея навсегда. Если самъ переселенецъ еще связанъ въ извѣстной степени съ родиной, то его дѣти и во всякомъ случаѣ внуки, совершенно перестаютъ быть нѣмцами. Нѣмецъ, къ сожалѣнію,—говоритъ Трейтшке,—слишкомъ легко отрекается отъ

своего отечества. Впрочемъ, нѣмцамъ, несмотря на свою высшую культуру, невозможно сохранить свою національность въ чужомъ этническомъ морѣ. Такимъ же образомъ гугеноты, переселившись въ Бранденбургъ, смѣшались съ кореннымъ населеніемъ, хотя та культура, которую они принесли, была выше окружающей. Почти треть всего населенія Сѣверной Америки—германскаго происхожденія. Какую массу цѣнной энергіи Германія утеряла вслѣдствіе того, что не имѣетъ колоній! Властвовать надъ міромъ будетъ та нація, которая имѣетъ больше всего колоній съ однороднымъ населеніемъ. Вотъ почему Германія должна взять то, что ей необходимо, у Англіи.

Тѣ же мысли, но въ еще болѣе грубой и откровенной формѣ высказываетъ генералъ фонъ-Бернгарди въ своей знаменитой книгѣ «Германія и будущая война». «Война—біологическій законъ, потому она моральна. Миръ ведетъ къ вырожденію народа, а потому проповѣдь его безнравственна. Сила это—право. Германія сильна, поэтому имѣетъ право на міровое владычество. Англія проповѣдуетъ миръ, потому что награбила себѣ колоніи; но такъ какъ послѣднія нужны Германіи, то она должна вооружиться, чтобы отнять ихъ». Вотъ сущность теорій фонъ-Бернгарди. И изъ всего Шиллера онъ находитъ возможнымъ цитировать только слова Манфреда изъ «Мессинской Невѣсты».

„Мельчаетъ средь мира мужчина;
Отдыхъ досужій — отваги могила...
. . . .
Но лишь въ войнѣ проявляется сила,
Все возвышаетъ она сверхъ мѣрила,—
Даже и трусу отвагу даетъ".

III.

Въ *Berliner Tageblatt* недавно помѣщена была статья, авторъ которой Вернеръ Зомбартъ хорошо извѣстенъ у насъ. Она доказываетъ, въ какой степени универсальны въ Германіи тѣ политическіе взгляды, которые изложены только-что. Нѣмецкій экономистъ разсматриваетъ въ своей статьѣ поочередно всѣ націи, выступившія противъ Германіи, и не находитъ достаточно презрительныхъ словъ для нѣскольких народностей. «Королевство черногорское это—лишь неудачная шутка всемірной исторіи»—говоритъ Зомбартъ. «Бельгійская національность можетъ вызвать усмѣшку». Вообще вся Бельгія это «выкидышъ европейской дипломатіи». Къ сербамъ и къ японцамъ Вернеръ Зомбартъ «питаетъ отвращеніе». Профессоръ отказы-

вается признавать японцевъ человѣческими существами. Ихъ нельзя ненавидѣть, какъ нельзя питать это чувство къ собакѣ, бѣгущей по улицѣ». Совсѣмъ другое французы, русскіе и англичане. Французовъ,—увѣряетъ профессоръ,—германцы не особенно сильно ненавидятъ. Въ сущности говоря, мы ничего не имѣемъ противъ французовъ, хотя они много имѣютъ противъ насъ. Они доблестные противники, равные намъ по боевому духу. Французы умираютъ за свое отечество и сражаются за идеалъ. Къ геройскому народу мы, нѣмцы, питаемъ даже родъ жалости, какъ къ смертельно раненой лани. Русскихъ, конечно, нѣмцы не любятъ, «за отсутствіе культуры», но сильной ненависти къ нимъ не питаютъ,—утверждаетъ Зомбартъ. Совсѣмъ другое дѣло Англія. «Я глубоко убѣжденъ, что весь германскій народъ, отъ послѣдняго извозчика до высшаго чиновника, объединенъ пламенной ненавистью къ англичанамъ,—продолжаетъ профессоръ.—Нашъ дѣйствительный врагъ—Англія. Мы воюемъ теперь не съ Европой, а съ Англіей. Война закончится только тогда, когда Англія будетъ разгромлена окончательно, унижена, опозорена и когда она будетъ лежать у нашихъ ногъ. И если Германія дастъ Англіи почетныя условія мира, то даже спокойный нѣмецкій народъ начнетъ революцію. Никакое слово не вызываетъ у нѣмцевъ такого взрыва бѣшенства,—говоритъ профессоръ Зомбартъ,—какъ имя Англіи».

Но въ чемъ же причина этой дикой ненависти, напоминающей по интенсивности и слѣпотѣ, чувства дикарей Конго, описанныя соотечественникомъ Зомбарта—любознательнымъ Лео Фробеніусомъ (тѣмъ самымъ, который въ своей книгѣ приводитъ черепъ и обгрызанныя ладони негра, съѣденнаго въ его присутствіи) [1]). Въ тяжкую вину англичанамъ Зомбартъ ставитъ ихъ «коварство по отношенію къ Германіи», «инстинктивное стремленіе британской политики ко лжи», «хвастливость британской печати» и «презрѣніе къ бѣднымъ родственникамъ» (т. е. къ Германіи). «Главная причина самопроизвольной ненависти къ Англіи таится въ глубинахъ нашего сознанія, тамъ, гдѣ соображенія разума не принимаются въ счетъ и гдѣ господствуетъ только инстинктъ. Мы ненавидимъ въ англичанахъ враждебное отношеніе къ высшимъ проявленіямъ нашей натуры. И, постигая это, мы подходимъ къ основнымъ причинамъ, породившимъ эту войну».

Англичане «въ глубинахъ сознанія» нѣмцевъ находятъ чувство

---

[1]) У меня подъ руками только англійскій переводъ ««The Childhood of Man». Рисунки, о которыхъ я говорю, помѣщены на 475 стр. На 471 стр. помѣщена вилка, которой брали мясо негры.

зависти къ Британской имперіи и этимъ объясняютъ многое. «Согласно представленію нѣмцевъ, говоритъ Остинъ Гаррисонъ,—Великобританія является крупнымъ лэндлордомъ, отказывающимся продавать землю. Ей принадлежитъ все. У Англіи есть колоніи, могущество, богатство, міровые рынки, угольныя станціи, морскія базы, подводные кабели. Пользуясь своей монополіей морской державы, Англія держитъ все это крѣпко въ своихъ рукахъ къ невыгодѣ другихъ государствъ, являясь такимъ образомъ великимъ тиранномъ цивилизаціи. Все то, что̀ Англія имѣетъ, она пріобрѣла силой, хитростью и политической безчестностью. Въ современной исторіи Англія представляетъ собою государство-пирата. Она была въ состояніи удержать все захваченное, такъ какъ первая постигла значеніе морского владычества, въ то время какъ другіе народы были слишкомъ заняты другими дѣлами или проявляли слишкомъ мало предпріимчивости, чтобы обзаводиться флотомъ. Но нынѣшнія условія не могутъ быть признаны Германіей. Она завидуетъ всѣмъ успѣхамъ Англіи. Вотъ почему, когда мы пытались вступить въ дружескія отношенія съ Германіей; когда мы говорили ей о мирѣ и предлагали по обоюдному соглашенію сократить сооруженіе новыхъ военныхъ кораблей,—она принимала это за личное оскорбленіе. Она видѣла въ нашемъ предложеніи только стремленіе удержать захваченное и нежеланіе дѣлиться. Послѣ каждаго предложенія сократить морскую программу Германія говорила объ «оскорбленіи, которое должно быть отомщено... Германскій народъ давно рѣшилъ быть первымъ въ мірѣ, т. е. добиться съ оружіемъ въ рукахъ владычества на морѣ и на сушѣ... Въ исторіи трудно найти еще другой примѣръ, когда бы *національная зависть* была возведена въ научную систему, какъ это мы видимъ теперь въ Германіи,—продолжаетъ Гарриссонъ. Тѣ націи, которымъ Германія завидуетъ, она желаетъ уничтожить. Такова, напр., была цѣль войны съ Франціей. Такова цѣль войны съ Англіей, къ которой Германія систематически готовилась въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ» [1]).

Мы видѣли, какова психологія вождей страны съ военной цивилизаціей. Посмотримъ, какъ представляютъ себѣ цѣли этой войны въ Англіи, т. е. въ странѣ съ цивилизаціей по преимуществу *гражданской*. Изъ обширной литературы, появившейся въ Англіи со времени начала войны, я остановлюсь на книжкѣ «The War that will end War» (Война, которая покончитъ съ войной), написанной извѣстнымъ романистомъ Уэльсомъ.

---

[1]) «England and Germany, «*English Review*, XI, 1914, стр. 472.

Авторъ указываетъ на то, что передъ нами столкновеніе разныхъ идей и конфликтъ разныхъ культуръ. «Великія муки и страданія, наполняющія теперь міръ; смертная тоска тѣхъ, которыхъ близкіе теперь на войнѣ; кровопролитіе и разрушеніе; безчисленные трупы, усѣивающіе поля; нищета, въ которую впали милліоны человѣческихъ существъ,—все это лишь матеріальныя послѣдствія ложной философіи и неправильнаго мышленія,—говоритъ Уэльсъ.— Мы боремся не для того, чтобы уничтожить націю, а чтобы разрушить гнѣздо гибельныхъ для человѣчества идей. Мы пошли на войну, потому что цѣлая нація подпала подъ вліяніе циничныхъ и злобныхъ ученій третьестепенныхъ писателей. Повѣривъ имъ, нація считаетъ себя избранной и имѣющей спеціальную миссію господствовать надъ всею землею. Къ вліянію духовныхъ вождей присоединились еще дѣятельность оружейныхъ заводчиковъ и тщеславіе среднихъ по умственнымъ способностямъ людей, держащихъ, однако, въ рукахъ судьбы цѣлаго народа. И въ результатѣ явилась цѣлая катастрофа, полный объемъ которой мы еще не можемъ даже опредѣлить. Эллинъ сказалъ бы, что Зевсъ въ припадкѣ гнѣва передалъ свои громы музамъ». Теперь гражданской цивилизаціи предстоитъ не только побѣдить цивилизацію военную, защищаемую усовершенствованными пушками и семью милліонами храбрыхъ солдатъ. Ей предстоитъ еще болѣе трудная задача: вытравить у нѣмцевъ и представленіе о томъ, что война необходима»......

Діонео.

Лондонъ.

ВЪ КОЛЬЦѢ ОГНЯ.

(Письмо изъ Швейцаріи).

Довольно своеобразны ощущенія русскаго, волею судебъ пребывающаго во время міровой войны въ Швейцаріи—и крайне близко отъ центра тяжести войны, и въ то же время въ наименьшемъ съ нею соприкосновеніи. Похоже, будто вы отдѣлены здѣсь отъ кровавой трагедіи только стеклянною стѣнкой, и крѣпкою, и въ то же время совершенно прозрачной. Не берусь судить, принадлежитъ ли подобная позиція къ числу наиболѣе удобныхъ для наблюденія, но во всякомъ случаѣ огромная печаль и величіе момента ощущаются здѣсь захватывающе живо.

Какъ это ни странно, въ эти дни я полюбилъ прогуливаться въ безлюдномъ теперь большею частью загородномъ паркѣ Женевы—паркѣ «Живыхъ Водъ». Извѣстно, что душа человѣческая любитъ контрасты, и по контрасту, быть можетъ, отъ вихрей человѣческой ненависти и свирѣпости тянетъ въ пустынность и тишь просторнаго парка. Пустыненъ онъ—тоже въ связи войной. Въ обычное—я чуть не сказалъ въ будничное время—паркъ этотъ, наоборотъ, бываетъ очень густо населенъ. Онъ и выкупленъ недавно общиною изъ частныхъ рукъ въ цѣляхъ общаго пользованія за одинъ милліонъ съ лишнимъ франковъ, отчасти собранныхъ по грошу съ самого же населенія. Но сейчасъ швейцарцамъ, какъ видно, не до прогулокъ. Все почти мужское населеніе, способное носить оружіе, ушло въ армію—защищать границы отъ нечаяннаго вторженія той или другой изъ сражающихся сторонъ. Семейства же, оставшіяся дома, погрузились безъ своихъ кормильцевъ въ родъ какой-то тревожной летаргіи, въ которой все, мало-мальски отзывающееся развлеченіемъ, почитается чуть не грѣхомъ. Оттого и пустуетъ прекрасный паркъ. Конечно—пережитокъ пуританства, наслѣдство Кальвина.

Мы, люди здѣсь, такъ сказать, посторонніе, не считаемъ себя подлежащими этому закону общей летаргіи и по крайней мѣрѣ разрѣшаемъ себѣ прогуливаться.

Паркъ «Живыхъ Водъ» впрочемъ, вообще говоря, стоитъ вниманія. Больше всего люблю я въ немъ хвойную тѣнь его веллингтоній—тѣхъ самыхъ калифорнійскихъ сосенъ, которыя живутъ до 6000 лѣтъ и достигаютъ такой толщины у корня, что на пнѣ веллигтоніи можно устраивать вестивалы. У подножія ихъ могучаго,

коническаго ствола какъ-то сразу успокаиваются отголоски нашей быстротечной жизни, замираютъ раскаты войны, блекнутъ кровавые отблески франко-германскихъ гекатомбъ на Марнѣ и Энѣ. Вы садитесь на зеленую скамью и, какъ по командѣ, возникаютъ передъ вами на фонѣ свѣтлыхъ солнечныхъ полянъ стройные рои мыслей, закипаетъ спокойная, привычная работа ума надъ ежедневными впечатлѣніями. Легко думается въ тѣни великановъ-велингтоній, которыя могли бы видѣть событія, начиная отъ эпохи постройки невольничьими руками первыхъ египетскихъ пирамидъ и до разстрѣла реймской Notre-Dame.

Тутъ же рядомъ я нахожу источникъ «Живыхъ Водъ», берущій начало въ задумчивомъ известняковымъ гротѣ. Ни гротъ, ни источникъ не представляли бы сами по себѣ ничего особаго, но такъ замѣчательно прозрачна вода въ бассейнѣ, что кажется—нѣтъ совсѣмъ воды; только изрѣдка едва примѣтная рябь смущаетъ чистоту ея, да держатся на поверхности, словно чудесною силой, былинки и листочки. И за стѣною грота гдѣ-то мѣрно-звонко каплетъ изъ каменной жилы вода. Гляжу въ небывало прозрачную воду бассейна и—странное чувство—все сдается мнѣ, что заглядываю я въ самое зеркало исторіи.

Мнѣ весь этотъ паркъ сильно напоминаетъ самое Швейцарію среди круговорота событій. Со всѣхъ почти сторонъ Швейцаріи идетъ пальба и сумятица, и скрежетъ зубовный, а старая республика, оградившись отъ буйныхъ сосѣдей твердымъ, какъ закаленная сталь, заборомъ нейтралитета, соблюдаетъ такой миръ и тишину, какіе лишь возможны въ подобный жестокій моментъ. Нѣтъ сомнѣнія, миръ и тишина между живыми людьми невозможны и приблизительно въ такой степени, какъ между темнозелеными великанами загороднаго парка, которые природою прикрѣплены навѣки къ данной точкѣ земли и, слѣдовательно,—какъ бы ни желали, вступить въ рукопашную не могутъ. Миръ и тишина въ Швейцаріи сравнительные, по сравненію съ воспламененными воинственнымъ пыломъ ея сосѣдями. Этотъ миръ и тишину, пожалуй, лучше было бы сравнить со спокойствіемъ лавы, продолжающей свое вулканическое кипѣніе подъ охлажденной корою шлаковъ. Кора единодушія, которымъ отгородилась сейчасъ Швейцарія отъ міровой войны, тверда и крѣпка. Впрочемъ, національное единодушіе повидимому вообще — лозунгъ нашего момента повсюду, не только въ Швейцаріи. Ценстростремительныя силы почти всюду въ годину опасности взяли верхъ надъ центробѣжными—какъ бы ни были послѣднія велики съ давнихъ поръ.

А въ Швейцаріи тоже вѣдь есть центробѣжныя силы, и не-

малыя. Вопреки многовѣковому сожительству, населеніе французскихъ кантоновъ: Женевы, Во, Невшателя, Нижняго Валлиса и бернской Юры до сихъ поръ духовно тянетъ въ сторону Франціи, населеніе нѣмецкихъ кантоновъ—въ сторону Германіи. То же относится и къ Тессину, тяготѣющему сердцемъ къ Италіи. Сейчасъ все это стало еще болѣе замѣтно. Со страстной симпатіей слѣдятъ Женева и Лозанна, Невшатель и Делемонъ за успѣхами французскаго оружія. Когда въ Женевѣ 5-часовыя экстренныя прибавленія къ газетамъ сообщаютъ о побѣдѣ генерала Жоффра, послушайте, какъ зажужжитъ тогда на высокихъ нотахъ уличный говоръ по всѣмъ нижнимъ улицамъ, главнымъ торговымъ улицамъ Женевы, и это—въ городѣ, дисциплинированномъ вѣками постнаго кальвинизма, въ городѣ, гдѣ люди позволяютъ себѣ на улицахъ вообще только самый сдержанный разговоръ.

Или почитайте бернскія, цюрихскія, базельскія газеты, даже соціалистическаго направленія: нѣкоторыя положительно невыносимы по слѣпой приверженности къ Deutschland über alles и даже къ кайзеру Вильгельму. Берлинское телеграфное агентство Вольфа здѣсь царствуетъ и вмѣстѣ съ нимъ—невозможный ароматъ германской непобѣдимости и непогрѣшимости. Характернымъ примѣромъ можетъ служить случай съ литературнымъ королемъ нѣмецкой Швейцаріи, романистомъ Э. Цаномъ. Еще въ началѣ войны онъ помѣстилъ въ одномъ изъ иллюстрированныхъ журналовъ Германіи «гуннское» стихотвореніе съ восхваленіемъ войны противъ Франціи и съ выраженіемъ вѣры въ громовое дѣйствіе всенѣмецкаго меча. Потомъ въ Frankfurter Zeitung сообщено было о пожертвованіи Цаномъ 1000 фр. на германскій Красный Крестъ—пожертвованіе, само по себѣ даже очень почтенное, но въ данныхъ условіяхъ, несомнѣнно, тенденціозное. Затѣмъ, Цану же приписывается рядъ анонимныхъ корреспонденцій въ германскія газеты о настроеніяхъ нѣмецкой Швейцаріи, только-молъ и ждущей момента полнаго слiянія съ побѣдоносной германской имперіей!

Исторія кончилась довольно непріятно для поклонника германской силы, романиста-буфетчика [1]): литераторы романской Швейцаріи возмутились противъ вопіющаго нарушенія Цаномъ нейтралитета симпатій и побудили его къ оставленію занимаемаго имъ поста президента въ Швейцарскомъ литературномъ обществѣ. Онъ протестовалъ въ газетахъ, защищалъ свою «свободу мнѣній», но

[1]) Характерно для ультра-дѣлового духа современной Швейцаріи: гражданинъ „примитивнаго" кантона Ури, Э. Цанъ до сихъ поръ не бросилъ своего первоначальнаго занятія, благополучно состоя станціоннымъ буфетчикомъ въ Гешененѣ, у входа въ Сенъ-Готардскій туннель.

надо признаться—слабо. Исторія эта показываетъ, однако, и реальную, сдерживающую силу общественнаго мнѣнія въ Швейцаріи, для котораго высшимъ, всеопредѣляющимъ принципомъ въ международныхъ отношеніяхъ остается все же—стародавній принципъ нейтралитета. И только подъ его ненарушимой поверхностью швейцарскій гражданинъ получаетъ право невозбранно питать какія угодно симпатіи.

И удивительнымъ образомъ умѣютъ швейцарцы соблюдать надлежащее равновѣсіе между требованіями холоднаго, разумнаго принципа и біеніемъ своего сердца. На третій же день мобилизаціи передъ экстренно собраннымъ Національнымъ собраніемъ былъ поставленъ вопросъ о «генералѣ», т. е. главнокомандующемъ (въ мирное время ни одинъ изъ швейцарскихъ командировъ не пользуется титуломъ выше полковника). Имѣлось на-лицо два кандидата: начальникъ генеральнаго штаба полковникъ Шпрехеръ и начальникъ одного изъ корпусовъ полковникъ Вилле. Симпатіи почти всей Швейцаріи были, безъ сомнѣнія, на сторонѣ перваго, извѣстнаго своимъ демократизмомъ и своимъ человѣчнымъ характеромъ; полковникъ же Вилле успѣлъ нажить себѣ не мало враговъ истинно прусскимъ культомъ дисциплины, въ смыслѣ Kadaver-Gehorsamkeit—мертваго послушанія. Еще не далѣе, какъ въ прошломъ году немало шума было въ странѣ изъ-за случая на горныхъ маневрахъ въ Граубюнденѣ, когда Вилле безъ всякой видимой надобности оставилъ цѣлый отрядъ пѣхоты стоять въ продолженіе 7 часовъ во время вьюги, по колѣни въ снѣгу на какомъ-то горномъ перевалѣ, безъ пищи и огня. Это онъ закаливалъ черезчуръ «изнѣженныхъ», по его мнѣнію, горцевъ! Едва-едва успѣлъ защитить его тогда отъ негодованія всего парламента, да и всего народа, военный министръ Гофманъ—и то съ выраженіемъ все же порицанія «крайностямъ» полковника.

И что же? Вилле оказался выбранъ въ генералы большинствомъ 120 голосовъ изъ 189, при чемъ—едва-ли не самое замѣчательное—за него единогласно голосовали 19 соціалистовъ, изъ нѣмецкой и французской Швейцаріи безразлично, всегда бывшихъ наиболѣе рѣзкими противниками его «пруссачества». Перевѣсъ за нимъ остался, какъ объяснялось потомъ въ газетахъ всѣхъ направленій, въ силу чисто военныхъ его талантовъ. Не вредило ему въ глазахъ республиканцевъ даже всѣмъ извѣстное дружеское къ нему отношеніе самого Вильгельма II и родство его съ бывшимъ канцлеромъ Бюловымъ, на дочери котораго Вилле женатъ. Не имѣла вліянія и пущенная въ тѣ дни его личными врагами сплетня, будто онъ продалъ нѣмцамъ планы швейцарской мобилизаціи.

Повторяю, въ выборѣ генерала не сыграли опредѣляющей роли тѣ или иныя личныя или племенныя симпатіи. Единственнымъ опредѣляющимъ моментомъ было—возможно лучшее обезпеченіе нейтралитета. Можно быть также вполнѣ увѣреннымъ, что и самъ Вилле, при всѣхъ его несомнѣнныхъ германскихъ симпатіяхъ, не поколебался бы въ случаѣ нужды, по примѣру несчастной Бельгіи, всею силою оборонять Швейцарію отъ «желѣзной руки» друзей-нѣмцевъ, т. е. фактически—а то и формально—оказаться въ союзѣ съ несимпатичными ему французами. Швейцарецъ—прежде всего швейцарецъ, а тогда уже—итальянецъ, нѣмецъ или французъ. И если послѣ маневровъ осени 1912 г. присутствовавшій на нихъ въ качествѣ гостя Вильгельмъ покровительственно отозвался о швейцарской арміи: «ничего—молъ, она, пожалуй, замѣнитъ мнѣ пару моихъ корпусовъ», то не безъ основанія тогда же швейцарскія газеты прибавляли къ его словамъ ядовитую оговорку: «да, пару корпусовъ для императора Вильгельма или—для его враговъ». Пусть даже отдѣльные, конечно, весьма немногіе, швейцарцы жаждутъ цѣпей Вильгельмова подданства—въ общемъ и цѣломъ республика хочетъ остаться при своей свободѣ и своеобразной, мозаичной франко-нѣмецко-итальянской культурѣ.

Швейцарское единодушіе, — согласенъ, — довольно холодное, мало, конечно, похоже на бурное и безразсчетное единодушіе сердца, увлекающее подчасъ людей далеко за предѣлы того, что они сами бы почитали благоразумнымъ въ минуты спокойнаго умонастроенія. Зато у швейцарскаго единодушія нѣтъ и той небезопасной перспективы, какую всегда несетъ съ собою беззавѣтное движеніе сердца. Вѣдь сердце неизбѣжно бьется въ двѣ фазы: «систолы» и «діастолы», сердечной полноты и упадка, прилива — и отлива. И когда вашимъ руководителемъ является сердечный приливъ, всегда рождается ядовитое опасеніе: поглядимъ, что-то будетъ въ моментъ отлива!

Такія холодныя, но, быть можетъ, не вовсе праздныя мысли приходятъ мнѣ сами собою въ голову, когда я брожу подъ густою, прохладною тѣнью развѣсистыхъ каштановъ парка «Живыхъ Водъ» и разсѣянно вступаю по иглистой шелухѣ плодовъ, осыпавшихся съ дерева. Какъ ихъ много — словно растерзанныхъ труповъ на поляхъ битвы! А выскользнувшіе изъ колючей шелухи каштанчики, свѣженькіе, глянцевитые, противъ воли приводятъ мнѣ на умъ свѣже-мобилизованныхъ солдатиковъ, еще въ полномъ блескѣ и красотѣ новенькой аммуниціи, сейчасъ изъ цейхгауза. Вотъ, какъ по приказу, расположились они длинными цѣпями по двѣ стороны широкой аллеи, и прячутся другъ отъ друга

за ея выпуклой грудью, словно пѣхота за прикрытіемъ. Э, да не заразились ли и швейцарскіе каштаны носящимися въ воздухѣ бациллами сраженій? Но—ни ружейной трескотни, ни грохота орудій не слышно здѣсь. Тихо и одиноко подъ лапчатолистыми каштанами, и успокоенная мысль снова течетъ ровной струей, какъ ручеекъ изъ сосѣдняго бассейна. Теперь думается о томъ, какъ дорого все же обходится маленькой странѣ удовольствіе оставаться нейтральной. Въ ту самую минуту, когда туча опасности золотила весь швейцарскій народъ въ единодушный, согласный, какъ никогда, организмъ,—паника неслыханная, слѣпая, неудержимая, овладѣла населеніемъ и такъ потрясла экономически весь этотъ организмъ, что, казалось, вотъ-вотъ подорветъ всѣ основы общества.

Такъ какъ одновременная мобилизація трехъ окрестныхъ странъ сразу на $^3/_4$ закрыла границу и, слѣдовательно, торговлю Швейцаріи, живущей преимущественно ввозомъ и вывозомъ продуктовъ, то представилась внезапная угроза истощенія запасовъ, утраты самихъ источниковъ существованія страны. Горожане, какъ безумные, бросились закупать запасы жизненныхъ продуктовъ для своихъ семей; цѣны на все небывало повысились: сахаръ, напр., до 1 фр. 70 сант. за 1 кило (на русскій масштабъ—26 коп. фунтъ), масло—5 фран. фунтъ, да и то запасъ его вскорѣ окончательно исчезъ, картофель—70 сант. килограммъ. Съ другой стороны, паника биржевая толкнула публику въ сберегательныя кассы, въ банки—вынимать вклады. Въ нѣсколько дней во всей странѣ было вынуто вкладовъ на 100 милл. франковъ, и золотая, а затѣмъ и серебряная монета скрылась изъ обращенія. Стало невозможно ничего купить вообще, ибо кредитокъ нигдѣ не мѣняли—ни на почтѣ, ни въ банкахъ. Скорѣй согласны были давать товаръ въ кредитъ, чѣмъ мѣнять 50 или 100-франковыя бумажки. Дыханье соціальной смерти, казалось, нависло въ воздухѣ...

Союзный Совѣтъ, которому тѣмъ временемъ вручены были парламентомъ единогласно чрезвычайныя полномочія—фактическое самодержавіе—поспѣшилъ выпустить мелкіе банкноты Національнаго банка по 20, 10 и 5 франковъ. Но—въ этой странѣ безпримѣрнаго довѣрія гражданъ къ своему правительству—въ первое время не хотѣли принимать новыхъ денежныхъ знаковъ. Довѣріе, неизбѣжная психологическая аксіома общественной жизни, тоже лежало въ параличѣ. Пришлось Союзному Совѣту, кантональнымъ правительствамъ и муниципалитетамъ усовѣщевать особыми воззваніями обезумѣвшихъ согражданъ. Указывалось на то, что нѣтъ еще никакихъ основаній для подобнаго перепуга, что, если Германія и растоптала нейтралитетъ Бельгіи, торжественно гарантированный ранѣе

императорскимъ «словомъ», то Швейцаріи, наоборотъ, въ самый моментъ объявленія войны даны категорическія подтвержденія всѣхъ 3 воюющихъ сосѣдей о ненарушеніи ея территоріи. Что послѣднее и на дѣлѣ гарантируется сильною швейцарской арміей (отмѣчу, что она оказалась цѣликомъ на границахъ, въ полной боевой готовности уже на *4-ый день* мобилизаціи!) Наконецъ, что единственная реальная опасность момента состоитъ какъ разъ въ той самой паникѣ, которая грозитъ привести всю націю къ хозяйственной катастрофѣ.

Все это подѣйствовало и паника улеглась. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что виновниками этой паники были, главнымъ образомъ, буржуазные, состоятельные круги населенія, страшно перепугавшіеся за свое имущество. Имущество,—смѣшная несообразность,—оказывается соціально-небезопасной вещью въ моменты современныхъ хозяйственно-политическихъ потрясеній. Съ другой стороны, тяжесть паники всею силою легла на плечи прежде всего пролетаріата и вообще малоимущаго городского слоя. И безъ того ему приходилось нести на себѣ главную тяготу мобилизаціи, оставляя семьи на попеченіи властей, на иждивеніи казны съ ея болѣе чѣмъ скуднымъ пайкомъ: по закону 2 франка женѣ и по 50 сант. на каждаго ребенка—въ день, размѣръ, подлежащій, однако, болѣе или менѣе произвольному сокращенію со стороны мѣстныхъ властей. Но сверхъ того дороговизна продуктовъ, исчезновеніе мелкой монеты превратились въ проклятіе для необезпеченныхъ гражданъ. Совершенно неотложной оказалась мѣра принудительнаго урегулированія цѣнъ на продукты. И она была проведена со строгостью и неуклонностью, какую мы вовсе не привыкли видѣть и въ бюрократически управляемыхъ странахъ. Теперь цѣны на предметы необходимости по всей Швейцаріи сносны; на иные же предметы (молоко, масло, мясо) ниже обычныхъ. Мы присутствуемъ какъ бы при явномъ политико-экономическомъ парадоксѣ—видимомъ бездѣйствіи закона спроса и предложенія. Надо впрочемъ оговориться, что тутъ—одна видимость. Въ дѣйствительности, регуляторомъ цѣнъ сейчасъ является не одна самодержавная воля Союзнаго Совѣта, но и: 1) паденіе обычнаго вывоза, особенно сельско-хозяйственныхъ, болѣе всего молочныхъ продуктовъ за границу, 2) «воздержаніе» потребителя, точнѣе сказать, всеобщее паденіе покупательной силы у трудовыхъ массъ, оставшихся безъ заработка. Часовая, шелковая, хлопчатобумажная, машиностроительная промышленность — главныя отрасли производства и источники заработка Швейцаріи, гдѣ $^2/_3$ населенія живутъ промышленностью и торговлей,—эти отрасли лежатъ во прахѣ, почти безъ признаковъ жизни. Война ихъ убила даже черезъ желѣзную ограду

швейцарскаго вооруженнаго нейтралитета. Какъ тѣсно спаяны общею судьбой даже народы-хищники съ народами-миролюбцами: будто два чужихъ другъ другу, случайно брошенныхъ въ одну темницу колодника!..

Но какъ разъ эта-то самая связанность Швейцаріи съ судьбой сосѣдей, эти-то незаслуженные удары, выпадающіе на ея долю безъ тѣни вины съ ея стороны и заставляютъ ее относиться къ европейской войнѣ, лишь какъ къ стихійному бѣдствію, какъ къ своего рода Мессинскому землетрясенію въ чудовищныхъ размѣрахъ—но не какъ къ войнѣ за чье бы то ни было освобожденіе, за право, за культуру, противъ чьего бы то ни было варварства и т. д., какъ это сейчасъ говорятъ въ каждой изъ странъ, принимающихъ прямое участіе въ войнѣ. Здѣсь, въ Швейцаріи мы испытываемъ слишкомъ остро чисто-отрицательное дѣйствіе фурій войны, фурій, истребляющихъ культуру, губящихъ безъ счету производительныя силы страны—и никакихъ положительныхъ дѣйствій войны, какъ таковой, никакихъ прямыхъ перспективъ и надеждъ въ смыслѣ роста человѣческаго прогресса, въ смыслѣ болѣе разумнаго устройства существованія здѣсь въ связи съ войной не усматривается. Симпатіи, антипатіи къ той или другой воюющей сторонѣ, конечно, здѣсь существуютъ. Но швейцарцы вполнѣ отдаютъ себѣ отчетъ, что все это—только вполнѣ естественныя и законныя движенія человѣческой природы; повинуясь неизбѣжнымъ движеніямъ чувства, они все же отнюдь не награждаютъ ни одной стороны какою-либо исключительной миссіей спасителей культуры.

Какъ бы тамъ ни было, бѣдствія Швейцаріи неисчислимы. Обнажается вся застарѣлая язва соціальнаго вопроса, общаго, правда, Швейцаріи со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, но въ ней сейчасъ особенно вопіюще нагляднаго, при наличности широкихъ демократическихъ формъ гражданскаго равенства. Начать хотя бы съ того, что объявленный съ начала мобилизаціи мораторіумъ, оказалось, относится почти исключительно къ міру коммерческихъ сдѣлокъ, векселей и т. под. обязательствъ и вовсе не примѣнимъ de jure къ долгамъ «обыкновеннымъ», т. е. къ житейскимъ отношеніямъ огромнаго большинства народа, большинства необезпеченнаго: напр., къ долгамъ лавочнымъ. Не подлежитъ мораторіуму [1]), самое главное, и квартирная плата—а это, конечно, самый больной вопросъ для обездоленныхъ войною городскихъ массъ.

[1]) Впрочемъ, форма мораторіума, объявленнаго въ Швейцаріи, и не есть собственно мораторіумъ въ строгомъ смыслѣ слова: объявлена лишь отсрочка *протестовъ* по векселямъ и проч., но не перерывъ въ теченіи самихъ сроковъ. Разница, въ своемъ родѣ подобная разницѣ, напр., между амнистіей и помилованіемъ.

Разумѣется, жизнь своими недремлющими лапами немедля исправила пробѣлъ, допущенный Союзнымъ Совѣтомъ: разъ массы оказались въ фактической невозможности уплачивать квартирную плату, то не могли же судьи покуситься на выселеніе всѣхъ неимущихъ на городскія площади и улицы! Молчаливо остановился порядокъ, по которому жильцы продолжали жить въ своихъ квартирахъ, не внося платы, а домохозяева молчаливо несли крестъ неплатежа, лишь платонически протестуя въ газетахъ противъ «несправедливости». Впрочемъ, они и сами—уже въ силу мораторіума—не платили процентовъ ипотечнымъ банкамъ по закладнымъ. Тѣмъ не менѣе случаи подачи исковъ въ судъ на предметъ выселенія изъ квартиры неплательщиковъ сообщались и сообщаются газетами всей Швейцаріи, равно и случаи судебныхъ выселеній въ иныхъ углахъ страны, гдѣ засѣдаютъ наиболѣе непокладистые судьи-буржуа.

И передъ всѣми грознымъ признакомъ стоялъ срокъ 1 октября нов. ст., обычный срокъ годового контракта, въ особенности по нѣмецкой Швейцаріи. Возникалъ вопросъ: будутъ ли въ самомъ дѣлѣ выталкивать швейцарскій народъ на улицу? съ другой стороны, и для хозяевъ тревожный вопросъ: можно ли разсчитывать на квартирную плату и по всѣмъ новымъ контрактамъ? За домохозяевами подобный же вопросъ ставили себѣ ихъ кредиторы-ипотечные банки, расплачивающіеся того же 1 октября по своимъ обязательствамъ; за ними—вкладчики этихъ банковъ, разсчитывающіе на свою ренту. Словомъ, подъ угрозу становилась, въ концѣ концовъ, вся цѣпь финансово-экономическихъ отношеній страны, уже и безъ того тяжко пострадавшихъ въ первый моментъ всеобщей, болѣе или менѣе основательной паники. Между тѣмъ послѣдствія этой острой паники требовали немедленнаго лѣченія: требовалось какъ можно скорѣй поставить снова на ноги по мѣрѣ возможности хозяйственный организмъ страны, хотя бы въ приблизительныхъ размѣрахъ; надо было вернуть назадъ все, что еще лишь мыслимо, изъ нормальнаго теченія жизни въ странѣ. Къ этому принуждало хотя бы уже одно то соображеніе, что тяжкіе расходы по мобилизаціи, достигшіе въ первые два ея мѣсяца почти до ста милліоновъ франковъ, должны же быть покрыты. Не покроешь ихъ съ населенія, готоваго лишиться всякихъ средствъ существованія.

Союзный Совѣтъ послѣ долгаго обсужденія въ комиссіи, куда были приглашены представители всѣхъ слоевъ населенія, вышелъ изъ затрудненія приблизительно тѣмъ способомъ, какой предлагался въ статьяхъ юриста Фарбштейна, въ соціалистической газетѣ Volksrecht. Онъ отнюдь не настаивалъ на распространеніи прямого мораторія и на нанимателей квартиръ—какъ это можно бы

было ожидать, на первый взглядъ, отъ защитника интересовъ неимущихъ массъ. Фарбштейнъ, напротивъ, въ своихъ статьяхъ отдавалъ себѣ полный отчетъ въ тѣсной круговой порукѣ экономическихъ интересовъ всѣхъ разрядовъ капиталистическаго общества. Поэтому онъ предлагалъ скорѣй противоположное: прямое и открытое исключеніе квартирной платы изъ общей мѣры мораторіума, но—съ предоставленіемъ суду обязанности разбираться въ условіяхъ каждаго отдѣльнаго квартирнаго иска. Въ случаѣ, квартиронаниматель успѣетъ доказать, что вина неуплаты за квартиру лежитъ такъ или иначе въ связи съ войной—а это, очевидно, и окажется въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ,—то съ него плата или вовсе слагается, или же частью. Потери переносятся, затѣмъ, частью на хозяина, частью на банки, на общину, на государство.

Эта точка зрѣнія, какъ единственно справедливая и, какъ кажется, неизбѣжная, неотвратимая по обстоятельствамъ времени, восторжествовала въ комиссіи и въ Союзномъ Совѣтѣ. Въ то же время было рѣшено и вообще не возобновлять мораторіума съ 30 сентября нов. ст.—ибо онъ тяжко отзывался на всемъ положеніи страны, а между тѣмъ доказано было, что въ значительномъ числѣ случаевъ имъ злоупотребляли люди, вполнѣ могущіе платить по долгамъ. Съ другой стороны нейтралитетъ Швейцаріи приводилъ къ тому, что и иностранные капиталы начали усиленно приливать въ здѣшніе банки въ поискахъ безопаснаго отъ войны помѣщенія; слѣдовательно, положеніе денежнаго рынка здѣсь скорѣе улучшалось, въ то время какъ въ сосѣднихъ странахъ оно ухудшалось. Словомъ, мораторіумъ падалъ самъ собою, и оставлена только мѣра льготы для квартиронанимателей, которымъ даются судами разсрочки до 6 мѣс. и сбавки $1/3$ квартирной платы, перелагаемыя затѣмъ долями на прочіе заинтересованные разряды.

Конечно, мѣры эти ничуть не устраняютъ факта обостренія соціальнаго вопроса, напротивъ онѣ его лишь подтверждаютъ и подчеркиваютъ. Городскія массы однимъ ударомъ безжалостной судьбы повергнуты въ яму безысходной нужды. Глухой стонъ стоитъ надъ рабочими кварталами, гдѣ люди, привычные къ болѣе или менѣе сносному человѣческому существованію, лишь бы не уставали въ работѣ мускулистыя руки,—теперь осуждены на въ своемъ родѣ великопостное прозябаніе, неизвѣстно, на какой срокъ, и безъ всякой вѣдомой имъ вины, за которую наложенъ на нихъ этотъ подвигъ покаянія. Глухой и терпѣливый стонъ, ибо всѣ ясно понимаютъ безапелляціонный, стихійный характеръ мірового бѣдствія—или разумѣютъ, по крайней мѣрѣ, что причины послѣдняго лежатъ за предѣлами маленькаго ихъ отечества. Это не мѣшаетъ бѣдствію, однако, становиться все менѣе и менѣе выносимымъ.

Особенно невыносимымъ дѣлаетъ его тупое непониманіе другими, болѣе взысканными судьбой слоями народа этой самой стихійности бѣдствія, обрушившагося на неповинныя массы. Кантональныя, городскія власти, въ руки которыхъ перешла теперь забота о семьяхъ мобилизованныхъ и безработныхъ, только весьма и весьма рѣдко умѣютъ человѣчески понять незаслуженную и тяжкую обиду усердныхъ тружениковъ, лишенныхъ труда, умѣютъ помогать, не уязвляя законную гордость вѣчнаго труженика. Сколько близорукой черствости, сколько безтактной подозрительности и неумѣстнаго духа такъ наз. «моральной строгости» проявилось во множествѣ городскихъ комиссій о нуждающихся, въ засѣданіяхъ кантональныхъ парламентовъ! Соціальный вопросъ обнажился здѣсь не въ одномъ лишь отношеніи полной матеріальной необезпеченности массъ, но и въ другой сторонѣ, не менѣе человѣчески болѣзненной: сердечнаго огрубѣнія, моральнаго оскудѣнія въ имущихъ и господствующихъ слояхъ.

Вотъ маленькій образчикъ изъ жизни двухъ «военныхъ» мѣсяцевъ. Въ началѣ сентября въ Цюрихѣ состоялись засѣданія мѣстнаго кантональнаго парламента какъ разъ по поводу мѣръ помощи нуждающимся. И оказалось, что буржуазное большинство стоитъ за сокращеніе пособій до 1 фр. 25 сант. для матери и по 50 сант. на ребенка въ день, какъ для семей мобилизованныхъ, такъ и для безработныхъ. Особо интересные разговоры возникли по поводу грудныхъ младенцевъ во многодѣтныхъ семьяхъ: нѣкоторые ораторы—конечно, люди семейные и состоятельные—находили, что для 5-го, 6-го младенца можно ужъ и вовсе не выдавать пособія, а лучше изъ причитающихся такому «лишнему человѣку» на молоко 50-ти сантимовъ (18 копѣекъ) въ день выкроить маленькую прибавку въ 10—15 сант. къ 50 сант., выпадающимъ на долю большихъ дѣтей—больше 14 лѣтъ. Словомъ, торжество мелочно-лавочной благотворительности.

Но мелочность и лавочничество достигли истиннаго вѣнца въ рѣчахъ такихъ представителей крестьянскаго большинства въ кантонѣ, какъ депутатъ Боппъ. Этотъ не нашелъ ничего лучшаго въ грозныя времена общей для всѣхъ смертельной опасности, какъ—обвинять рабочее населеніе въ лѣности, расточительности и проч. Конечно, г. Боппъ высказывался противъ такого баловства—какихъ бы то ни было казенныхъ пособій рабочимъ. Увы! эта нота невѣроятной соціальной близорукости и эгоизма повторяется сейчасъ въ безчисленныхъ сочетаніяхъ кругомъ насъ, кажется, не менѣе часто, чѣмъ и знаменитый, древній девизъ швейцарскаго союза: «всѣ за одного, одинъ за всѣхъ». Разные классы об-

щества точно отдѣлились другъ отъ друга непроницаемыми перегородками и потеряли всякую способность входить въ положеніе другого класса. Война до небывалой ранѣе степени пропитала атмосферу отравой отчужденности. Жестко и грустно становится на душѣ, особенно изолированному уже силою вещей иностранцу.

Оттого и ищешь по временамъ отдыха въ радушно для всѣхъ открытомъ паркѣ «Живыхъ Водъ». Тамъ собранныя со всѣхъ концовъ міра хвойныя и вѣчно зеленыя деревья дружелюбно-равноправно дѣлятъ между собою просторъ и съ охотой даютъ пропускъ, куда хочешь—направо, налѣво—блуждающему русскому, нѣмцу, французу, венгерцу: веллингтоніи, лавры, пиніи и павловніи знать не хотятъ вашей національности, ни соціальнаго положенія. Всѣмъ безъ различія подаютъ они свое отрадное, прохладно-зеленое вспомоществованіе. И источникъ... право, удивительно-глубокомысленный этотъ источникъ! Не богатъ водою, даже просто мелокъ—рукою достанешь камешки и мохъ на днѣ,—а кажется подъ навѣсомъ плоскихъ известняковыхъ плитъ—бездоннымъ. Глазъ легко и охотно обманывается и слѣдитъ въ мнимой безднѣ—мшисто-зеленой—за величаво возникающими глубинными образами. Кажется, сама Мнемозина, дочь древняго Урана, богиня памяти, мать всѣхъ музъ, безмолвно излагаетъ вамъ глубокій историческій смыслъ и, что бы тамъ ни было, высокую поэзію мелкихъ явленій, занимающихъ злободневную поверхность. И осенняя окраска деревъ тамъ, наверху холма, окраска пестрыхъ восточныхъ ковровъ на лазурномъ фонѣ неба—какъ безсмертно красива! какъ торжественна и художественна! А составляется, подумаешь, изъ жалкихъ, мелкихъ, усохшихъ, полугнилыхъ листьевъ... Такъ и удручающія мелочи дня—лишь обрывки, осколки богатаго ковроваго узора современной исторіи. Огонь войны изъ-за трехъ рубежей Швейцаріи даетъ многозначительное освѣщеніе пестрокрасочной сумятицѣ живого ковра...

Правда, крестьяне сейчасъ въ Швейцаріи, что называется, успѣли показать себя. Въ самомъ началѣ войны образовались во всѣхъ большихъ городахъ комитеты для борьбы съ безработицей, на афишныхъ столбахъ появились соотвѣтствующія воззванія, гдѣ подавалась полная надежда на заработокъ безработнымъ—по крайней мѣрѣ значительной ихъ части—въ сельскомъ хозяйствѣ. Кстати и время было подходящее: жатва, вторые покосы, сборъ картофеля, затѣмъ уходъ за виноградниками, сборъ фруктовъ и винограда—казалось бы, работы дѣйствительно непочатый край; крестьянскія же рабочія руки, какъ и другія, взяты на границу. Слѣдовательно, остающимся немногимъ городскимъ рабочимъ—юношеству до 19 лѣтъ, старикамъ, иностранцамъ, застрявшимъ въ силу раз-

ныхъ причинъ въ Швейцаріи,—можно бы разсчитывать на достаточное занятіе. Не тутъ-то было. Черезъ двѣ недѣли сказанные комитеты принуждены были публично констатировать полное крушеніе надеждъ на сельско-хозяйственный заработокъ для городскихъ безработныхъ. Крестьянскія семьи рѣшили обходиться крайнимъ напряженіемъ своихъ собственныхъ женскихъ, дѣтскихъ, стариковскихъ силъ, лишь бы не брать работниковъ изъ города. «Городской народъ—балованный, требовательный», отвѣчали крестьяне на вопросы комитетовъ, и правда—то, что болѣе нетребовательныхъ, безотвѣтныхъ существъ, чѣмъ обычные крестьянскіе батраки, ушедшіе сейчасъ на границу, врядъ ли выдумаешь. Незамѣнимые батраки! Ни организацій, ни стачекъ между ними еще и не слыхивано. Судите же, какъ швейцарскому крестьянину согласиться послѣ этого имѣть дѣло съ городскимъ рабочимъ, навѣрняка членомъ профессіональнаго союза, потребительнаго кооператива—этого главнаго врага крестьянъ.

Да—и не къ чему! Въ то время какъ для всѣхъ другихъ классовъ, даже для огромнаго большинства промышленныхъ предпринимателей и торговцевъ нынѣшняя война принесла съ собою огромное разстройство дѣлъ, если не полное разореніе, крестьянамъ—война, какъ бабушка, ворожитъ. Если первымъ дѣломъ вновь избраннаго генерала Вилле и его штаба было запрещеніе вывоза жизненныхъ продуктовъ изъ страны, то вторымъ ихъ дѣломъ было—заключеніе контракта съ уполномоченнымъ крестьянскаго союза Швейцаріи (куда входитъ 90% всѣхъ крестьянъ), секретаремъ его проф. Лауромъ о поставкахъ жизненныхъ продуктовъ, мяса, муки, сыра, овощей и проч. для арміи. Крестьянскій союзъ оказался единственнымъ поставщикомъ всего этого и по цѣнамъ отнюдь не низшимъ, а большею частью высшимъ обычныхъ «мирныхъ» цѣнъ. И вотъ, война, врагъ народа, сулитъ не малый барышъ для крестьянъ. Обнажившійся скелетъ соціальнаго вопроса во всякомъ случаѣ не крестьянамъ грозится непосредственно своею костлявой рукой.

На мысли о неоспоримой неустроенности современнаго общественнаго порядка, которая проявляетъ себя съ мало художественной яркостью въ эту годину бѣдъ, наводитъ многое. Тяжело читать въ газетахъ, напр., угрозу цюрихской городской комиссіи о нуждающихся по адресу тѣхъ *многочисленныхъ* предпринимателей, которые считаютъ возможнымъ пользоваться всеобщей безработицей для предложенія своимъ рабочимъ истинно ростовщическихъ условій труда: уменьшенія платы до половиннаго размѣра — при чемъ доказано, по заявленію той же городской комиссіи, что многіе изъ этихъ «благодѣтелей» вовсе не пострадали сами отъ положенія дѣлъ,

иногда даже—совсѣмъ напротивъ. И едва-ли не самыми жестокосердными «использователями момента» оказываются именно наименѣе сами пострадавшіе. Комиссія грозилась предать ихъ имена гласности.

Еще, можетъ быть, тяжелѣе читать отвѣтъ на эту справедливую угрозу со стороны задѣтыхъ ею лицъ. Они пишутъ въ цюрихскихъ газетахъ, что вмѣшательство комиссіи представляется имъ неслыханнымъ нарушеніемъ свободы договора, каковая обезпечена союзной конституціей. Мало того, они провозглашаютъ себя благодѣтелями рабочихъ, ибо послѣдніе, будучи выброшены ураганомъ всемірной войны на мель, «сами соглашаются» работать за гроши, лишь бы не погибнуть съ голоду. И возражатели грозятъ дерзкой комиссіи въ свою очередь репрессіями: позакрываемъ вотъ фабрики, и тогда по вашей винѣ рабочіе останутся вовсе безъ всего.

Это далеко не случайныя черты господства буржуазіи въ политически единодушной Швейцаріи. Какова буржуазія у себя по домамъ, такова она остается и у кормила государственнаго правленія. Еще война бушуетъ гдѣ-то, только за воротами, а расходы Швейцаріи на войну простираются уже, какъ мы видѣли, до сотни милліоновъ франковъ за 2 мѣсяца. Возникаетъ вопросъ, откуда маленькой странѣ едва со 100 милліоннымъ годовымъ бюджетомъ покрыть этотъ чудовищный расходъ? Выпущенъ былъ внутренній заемъ въ 30 милліоновъ, выпущено новыхъ билетовъ національнаго банка и государственнаго казначейства, въ общемъ на 200 милліоновъ съ лишнимъ (покрытыхъ золотомъ на 43%)—но ихъ-то и надо затѣмъ погасить болѣе реальными финансовыми мѣрами. И вотъ проектируется сейчасъ союзная табачная монополія и союзный военный налогъ (единовременный).

Табачную монополію давно уже предлагаетъ швейцарскій рабочій классъ—но съ непремѣннымъ условіемъ обращенія его дохода на государственное страхованіе старости и проч. соціальныя мѣры; союзный же Совѣтъ хочетъ этотъ налогъ обратить на издержки по мобилизаціи. Единовременный военный налогъ тоже принимаетъ въ проектѣ Союзнаго Совѣта видъ, угрожающій интересамъ широкихъ народныхъ слоевъ (такъ, предполагается взимать этотъ налогъ между прочимъ и съ кооперативовъ), и рамки расходованія его ограничиваются: изъ нихъ заранѣе исключается поддержка семействъ, пострадавшихъ отъ военнаго кризиса. Понятно, что рабочій классъ шумитъ, устраиваетъ многолюдные митинги протеста, гдѣ при всей сдержанности, налагаемой моментомъ необходимаго единодушія, все же предупреждаетъ тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ, что табачная монополія—заповѣдное дѣло, и что военный налогъ

долженъ быть налогомъ исключительно на имущихъ, прогрессивнымъ подоходно-поимущественнымъ налогомъ.

Такъ соціальная рознь неусыпнымъ червемъ исподволь продолжаетъ свою подтачивающую работу. И работа эта, увы, растетъ прямо пропорціонально растущему времени военныхъ дѣйствій между великими державами. Но все же немного мѣстъ осталось сейчасъ на земномъ шарѣ, гдѣ бы имѣлась возможность, какъ въ Швейцаріи, подъ тѣнью ея нейтралитета составить себѣ мало-мальски уравновѣшенное, безпристрастное объективное мнѣніе о происходящихъ событіяхъ. Одинъ примѣръ: сейчасъ въ Европѣ «мнѣнія» вытекаютъ изъ двухъ источниковъ:—агентства Гаваса въ Парижѣ и агентства Вольфа въ Берлинѣ. Первое, Гавасъ, все окрашиваетъ въ оффиціальный французскій, красно-бѣло-синій цвѣтъ, второе, Вольфъ—въ оффиціальный германскій, черно-красно-бѣлый. Швейцарія имѣетъ хотя бы то преимущество передъ странами, питаемыми исключительно Вольфомъ или исключительно Гавасомъ, что она пьетъ заразъ и «истинную правду» Вольфа, и «истинную правду» Гаваса, т. е. нейтрализируетъ въ своемъ желудкѣ кислоту Вольфа щелочью Гаваса. Здѣсь есть возможность получать свѣдѣнія о дѣйствительныхъ фактахъ, доходящихъ до насъ уже не отъ Вольфа и Гаваса, а изъ разныхъ менѣе тенденціозныхъ источниковъ. Таковы, напр., разсказы швейцарцевъ, случайно проживавшихъ въ мѣстѣ дѣйствія европейской трагедіи и вернувшихся затѣмъ въ отечество; разсказы бѣглецовъ изъ Эльзаса, изъ Бельгіи, изъ сѣверной Франціи, бѣглецовъ, во множествѣ спасающихся въ предѣлы Швейцаріи. Всѣ эти нейтральныя либо взаимно нейтрализируемыя данныя, въ концѣ концовъ, даютъ намъ довольно удовлетворительную и объективную, общую картину того вулканическаго изверженія варварства, дикости, звѣрства, какимъ подарила насъ эта война.

Вѣковой нейтралитетъ Швейцаріи, этого малаго острова среди разбушевавшихся волнъ, естественно дѣлаетъ ее центромъ человѣческой помощи жертвамъ человѣческаго одичанія. Красный Крестъ Швейцаріи развилъ сейчасъ широчайшую дѣятельность. Въ частности считаю полезнымъ обратить вниманіе читателей на фактъ, какъ кажется, еще слишкомъ мало извѣстный въ Россіи, открытія въ Женевѣ дѣятельности «Международнаго бюро Краснаго Креста для помощи военноплѣннымъ» разныхъ странъ [1]). Бюро по соглашенію

---

[1]) Женевское бюро завѣдуетъ *только* помощью военноплѣннымъ въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. входящимъ въ составъ воюющихъ армій. Что касается *лицъ гражданскихъ*, задержанныхъ въ плѣну по случаю войны, то для помощи имъ имѣется отдѣльное подобное же бюро *въ Бернѣ.* Адресъ того и другого бюро: Bureau International de la Croix Rouge de secours

съ воюющими сторонами получаетъ списки военноплѣнныхъ, пересылаетъ имъ письма, деньги малыми суммами (не болѣе 50 фр.=18 р.), выдаетъ справки роднымъ. Сейчасъ уже работа бюро приняла такіе размѣры, что ему предоставлено цѣлое зданіе бывшаго музея Ратъ на центральной городской площади Женевы, и количество его (безплатныхъ) сотрудниковъ достигаетъ нѣсколькихъ сотъ. На дняхъ между прочимъ пріѣзжала въ Женеву для справокъ въ этомъ бюро жена французскаго премьеръ-министра Вивіани, разыскивая своего (безъ вѣсти пропавшаго) меньшого сына-солдата. Судьба его пока неизвѣстна.

И швейцарская пресса, въ какую бы сторону ни были направлены полюсы ея симпатіи, оказалась все же неизбѣжнымъ образомъ на службѣ нейтральной правды. Воюющія державы болѣе всего обращаются именно къ Швейцаріи въ погонѣ за компетентнымъ мнѣніемъ, даже за судомъ по разнымъ жгучимъ вопросамъ, связаннымъ съ войной. Такъ, въ швейцарскую прессу прежде всего (какъ затѣмъ и въ прессу другихъ нейтральныхъ государствъ) посылали, съ одной стороны, Франція свои пламенные протесты противъ бомбардировки Реймскаго собора и Бельгія—противъ разрушенія Лувена; съ другой стороны Германія—свои безсильныя, конечно, реплики по тому же поводу и свои обвиненія французовъ и англичанъ въ употребленіи пуль думъ-думъ. Въ видѣ иллюстраціи послѣднихъ обвиненій Германія даже устроила при своемъ Бернскомъ посольствѣ спеціальную выставку захваченныхъ во Франціи, въ частности въ цейхгаузахъ крѣпости Лонгви, пуль, которыя она объявляетъ настоящими думъ-думъ, выставку, открытую швейцарской публикѣ по сообщенію газетъ.

Но не только воюющія правительства дарятъ своею заискивающей любезностью швейцарскія газеты и швейцарскую публику. Выяснившееся для новѣйшихъ Аттилъ колоссальное значеніе общественнаго мнѣнія этой, казалось бы, невѣсомой величины по сравненію съ почтеннымъ вѣсомъ булатнаго меча-кладенца, привело къ настоящей международной борьбѣ за вліяніе на умы «нейтральныхъ». Нейтральные сейчасъ—при всей малой ихъ физической силѣ (не считая впрочемъ Соединенныхъ Штатовъ, слишкомъ далекихъ, и Италіи, нейтралитетъ которой, что называется, виситъ на волоскѣ,)—оказались въ почетной роли моральнаго трибунала, и въ ихъ газетахъ—въ швейцарскихъ газетахъ въ первую

aux prisoniers militaires (Швейцарія, Suisse, Genève—или Bern,—глядя по разряду военноплѣнныхъ). Письма изъ Россіи въ Швейцарію ходятъ теперь около 3 недѣль; столько же, конечно, идутъ письма и обратно, изъ Швейцаріи въ Россію. Телеграмма идетъ 3—4 дня.

голову—самые видные общественные дѣятели обѣихъ враждующихъ сторонъ то и дѣло подымаютъ ожесточенную полемику. Полемика, гдѣ принимаетъ участіе, напр., Гергардъ Гауптманъ и Роменъ Ролланъ, вообще цвѣтъ ученаго міра и литературы, отличается, конечно, изысканными достоинствами стиля и истинно «военною» силою аргументаціи. Споръ вертится,—какъ вы знаете,—вокругъ темы: чья культура выше, и кто оказывается варваромъ и вандаломъ? А нейтральный человѣкъ изъ этихъ высокихъ образцовъ газетно-патріотическаго краснорѣчія можетъ вынести лишь одно поученіе: до какой степени трудно, почти немыслимо и для крупнѣйшихъ умовъ XX вѣка противостоять заражающему потоку массоваго гипноза! Воззваніе, подписанное такими свѣтилами, какъ Вундтъ, Геккель, Виндельбандтъ, Освальдъ, Гарнакъ, Гауптманъ, Зудерманъ, и проч.— гдѣ безъ тѣни, безъ попытки фактическаго доказательства, съ какой-то олимпійской наивностью просто-напросто декретируется безусловная правота и высокое благородство поступковъ Германіи,— прямо поразительно! Слѣпота, безуміе—вотъ, повидимому, удѣлъ философіи, литературы, человѣческой мысли вообще въ пожарѣ войны...

...Покамѣстъ, однако, горизонтъ кругомъ Швейцаріи пылаетъ огнемъ, и зарево не гаснетъ, нѣтъ, все пуще разгорается. Кто волею рока «освобожденъ» отъ тяжкой повинности войны, кто силой событій заброшенъ въ нейтральныя условія Швейцаріи, тотъ отъ близкаго пожарнаго удушья пусть уйдетъ подъ темнозеленые своды женевскаго парка. Мирно тамъ, нейтрально. Дорога туда— чудною набережной по берегу свѣтлаго, какъ небо, Лемана. Набережная тянется на 7 километровъ отъ города и образуетъ сплошную аллею густыхъ платановъ. Солнечныя дали озера и горъ, какъ будто нарочно, разсказываютъ вамъ съ улыбкой о возможной красотѣ человѣческой жизни въ этомъ просторѣ воздуха и солнца. Но осень идетъ войною на платаны, озеро и солнце. Свѣтло и просторно по сторонамъ, а вонъ тамъ, на горизонтѣ заката тучи стискиваютъ просторъ, скрываютъ заходящее солнце, дождь грозится, можетъ быть, на завтра загнать человѣческую жизнь въ тѣ многоэтажныя, каменныя пещеры нашего все еще пещернаго вѣка, пещеры, которыя сейчасъ издали кажутся такими привѣтливыми муравейничками. Идетъ осень.

Вотъ ужъ и сейчасъ вѣтеръ сыплетъ вдогонку вамъ горстями сухихъ платановыхъ листьевъ. Скорченный, желтый трупъ листа прокатился впередъ васъ, кувыркаясь черезъ голову. Вотъ стая другихъ, еще темнозеленыхъ, но тоже сухихъ скользитъ плашмя по асфальту дороги. Асфальтомъ залита дорога для автомобилей, но уже болѣе двухъ мѣсяцевъ не видно здѣсь ни одного автомобиля

не вздымается пыль, не пахнетъ рѣзко бензиномъ: такой докучливый запахъ въ обычное время, и такъ жутко безъ него сейчасъ.

Ранняя осень. Осенній, предзакатный часъ. Надъ далекимъ городомъ съ силуэтами его башенокъ и колокольни св. Петра сгрудились на закатѣ облака. Облака клубятся въ прощальномъ заревѣ, все выше и выше зажигающемъ небо, все шире и шире расползающемся по гористому горизонту. Зарево заката охватило половину неба, больше полъ-неба.....

А. Дивильковскій.

КАКЪ ВОЙНА ОТОЗВАЛАСЬ ВЪ АМЕРИКѢ.

Въ исторіи міра, конечно, не было недѣли, которая принесла бы съ собою такое обиліе великихъ событій, какъ недѣля отъ 26 іюля до 4 августа н. с. 1914. За эту недѣлю изъ 1.570 милліоновъ населенія земного шара около 900 оказались въ состояніи войны между собою. И какой войны, при какомъ составѣ армій и при какомъ состояніи техники!

Мало того. И остающіяся нейтральными страны, кромѣ Китая и республики Новаго Свѣта, находятся въ крайне возбужденномъ состояніи, и большинство ихъ уже мобилизировало часть своихъ военныхъ силъ. Даже С.-А. С. Штаты полны опасеній за будущее, несмотря на откровенный ультрапасифизмъ ихъ правительства. Международное право относительно положенія нейтральныхъ націй не только очень сложно, но и запутанно, особенно въ опредѣленіяхъ морскихъ призовъ и военной контрабанды, и многія страны держатся въ этомъ отношеніи своеобразныхъ толкованій; нѣтъ также соглашеній относительно безпроволочнаго телеграфа и авіаціи. А главное—съ первымъ же днемъ войны Германія смяла, какъ паутину, свои международные трактаты и провозгласила, что требованія военной необходимости поставлены ею выше подобныхъ путъ, что сила смѣнила право. Уберечься отъ осложненій при такихъ условіяхъ совершенно невозможно.

Для Новаго Свѣта война явилась крайне неожиданно, и не только для его народныхъ массъ, но и для его правительствъ. Хотя сотни тысячъ американскихъ туристовъ каждое лѣто посѣщаютъ Европу, и десятки тысячъ семей живутъ тамъ постоянно, особенно въ Англіи, Германіи, Франціи, главнымъ образомъ для воспитанія дѣтей и усовершенствованія молодежи въ искусствахъ. Въ общемъ

американцы въ Европѣ крайне изолированы, держатся торныхъ туристскихъ путей и только своего же сообщества, ограничиваясь обзоромъ достопримѣчательностей по путеводителямъ, и совсѣмъ не входятъ въ мѣстную жизнь. Заурядный американецъ страстно любитъ свою страну, считаетъ ее совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ, относится крайне скептически къ европейскимъ порядкамъ и совсѣмъ не интересуется европейской политикой. Наша народная школа отводитъ изученію Стараго Свѣта только очень ограниченное мѣсто, знаніе иностранныхъ языковъ распространено очень мало, и люди, состоящіе au courant европейскаго положенія дѣлъ, являются рѣдкимъ исключеніемъ. Европейская иммиграція быстро американизируется, и только первое ея поколѣніе поддерживаетъ связь съ родиной; для него здѣсь имѣется спеціальная пресса на всѣхъ европейскихъ языкахъ, пресса, которая, относительно европейскихъ дѣлъ, пытается, до извѣстной степени, руководить и обще-американскимъ общественнымъ мнѣніемъ. У нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ, евреевъ имѣется не мало крупныхъ ежедневныхъ газетъ; нѣкоторыя, особенно нѣмецкія, очень вліятельныя и распространенныя. Хотя и на русскомъ языкѣ выходитъ около тридцати изданій, но между ними до сихъ поръ не было и нѣтъ хоть сколько-нибудь серьезной газеты. Только немногія изъ нихъ болѣе или менѣе установились, и онѣ дѣлятся рѣзко на двѣ части—на издаваемыя, вѣроятно, не безъ субсидій съ откровенно черносотеннымъ характеромъ, и на ультра-радикальныя, исключительно соціалистическія, живущія внѣ дѣйствительности и занимающіяся, главнымъ образомъ, полемикой другъ съ другомъ изъ-за разныхъ теоретическихъ тонкостей. Вся американская пресса, не исключая и вышеочерченной на разныхъ европейскихъ языкахъ, была застигнута войной совершенно врасплохъ, также какъ правительство и народъ.

Въ каждомъ мало-мальски значительномъ городѣ здѣсь имѣются болѣе или менѣе обособленныя колоніи европейскихъ эмигрантовъ перваго поколѣнія разныхъ націй, такъ какъ вся черная работа исполняется ими: давно прошло то время, когда эти эмигранты садились исключительно на землю, избѣгая города. Теперь свободной земли въ Америкѣ нѣтъ; частная же страшно поднялась въ цѣнѣ, и неимущему эмигранту открыта только тяжелая городская, желѣзнодорожная или рудниковая работа. Война моментально отозвалась на этихъ колоніяхъ призывомъ резервистовъ всѣхъ воюющихъ націй, кромѣ русской—и этотъ-то толчокъ послужилъ и первымъ, и очень острымъ, осязательнымъ показателемъ ея огромности. Резервистовъ, въ особенности австрійскихъ и балканскихъ славянъ англичанъ, нѣмцевъ, здѣсь оказались многія сотни тысячъ. Распре-

дѣлены они по Америкѣ очень неравномѣрно, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ крупныхъ городахъ Запада, съ ихъ призывомъ должны были пріостановиться цѣлыя производства. Маленькая Черногорія, напр., вытребовала изъ нашего города свыше 200 своихъ сыновъ.

Усиленно заработали консулы, начались ежедневные митинги, мгновенно организовался сборъ денегъ для Краснаго Креста разныхъ націй, и съ перваго же дня начались столкновенія между представителями разныхъ національностей, сопровождавшіяся кровавыми драками и убійствами. Особенно буйствовали разныя національности австрійской имперіи, и между собою, и съ балканскими славянами. Всѣ славянскія народности, исключая русской, единственной неимѣющей въ Америкѣ какой-либо организаціи, созвали съѣзды представителей, и, если судить по ихъ настроенію и резолюціямъ, настоящая война есть не что иное, какъ расовый конфликтъ, назрѣвавшій цѣлое столѣтіе.

Въ теченіе первой же недѣли оказалось, что нѣмцы въ Америкѣ очень непопулярны—американская пресса почти цѣликомъ осудила кайзера, откровенно симпатизируя Англіи, Франціи, и въ особенности маленькимъ Сербіи и Бельгіи. Заговорили даже о посылкѣ на театръ войны добровольныхъ американскихъ организацій, и начался сборъ денегъ на нихъ. Нашлись десятки тысячъ охотниковъ. Позже, когда Канада начала организовать волонтерную силу для посылки на помощь метрополіи, выяснилось оффиціально, что канадское правительство получило свыше ста тысячъ заявленій отъ желавшихъ завербоваться американцевъ. Страсти такъ разгорѣлись, что президентъ Вильсонъ счелъ необходимымъ обратиться къ націи съ посланіемъ соблюдать нейтралитетъ и не выражать ни публично, ни въ печати своихъ симпатій и антипатій. За нимъ послѣдовали съ такими же посланіями губернаторы штатовъ, мэры городовъ,—и пресса измѣнила свой тонъ, и теперь соблюдаетъ во всемъ лицемѣрное, искусственное безпристрастіе. Нѣмцы, однако, жестоко обидѣлись, и пресса на нѣмецкомъ языкѣ просто неистовствуетъ. Германскій посолъ, графъ Бернсдорфъ, прибывъ изъ отпуска въ Нью-Іоркъ, объявилъ печати, что имѣетъ порученіе лично отъ кайзера воздѣйствовать на общественное мнѣніе Америки, умышленно введенное въ заблужденіе союзническими казнями. И теперь наши газеты, соблюдая наложенный на нихъ обязательный нейтралитетъ, вынуждены наполнять значительную часть отводимаго ими войнѣ мѣста оффиціальнымъ сообщеніямъ графа Бернсдорфа и германскаго и австрійскаго военныхъ агентовъ, обыкно-

венно завѣдомо невѣрныхъ. Особенно усердствуютъ нѣмецкіе профессора, которыхъ такъ много въ разныхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Во главѣ ихъ стоятъ Гуго Мюнстербергъ и Куно Франке, оба уже много лѣтъ читающіе лекціи въ гарвардскомъ университетѣ, и бывшіе все это время также неутомимыми публицистами и пропагандистами въ Америкѣ оффиціальной германской имперіалистской политики. Конечно, всѣ они безусловно оправдываютъ и кайзера, и Германію, стращая весь просвѣщенный міръ дикимъ варварствомъ Россіи, и въ этой ихъ аргументаціи казаки играютъ огромную роль. Эти ученые мужи утверждаютъ, что побѣда союзниковъ грозитъ страшными опасностями культурѣ и цивилизаціи всего міра, такъ какъ Германія въ настоящее время—ихъ единственный стойкій представитель и защитникъ.

Мюнстербергъ уже успѣлъ издать цѣлую книгу объ ужасахъ нашествія Азіи—Японіи, Китая и Индіи, подъ предводительствомъ Россіи, на Западную Европу—книгу иллюстрацію къ знаменитой картинѣ кайзера о грядущей «желтой опасности». Эти страстныя филиппики встрѣтили, однако, въ нашей серьезной прессѣ солидную отповѣдь. Имъ отвѣтили, что Америка отлично сознаетъ великія услуги культурѣ и цивилизаціи, оказанныя Германіей первой половины прошлаго столѣтія. Это была Германія войны за освобожденіе Европы отъ ярма милитаризма, Германіи Канта и Гегеля, Гёте, Шиллера и Гейне, расцвѣта наукъ, литературы и искусствъ, Германіи идеализма въ духѣ свободы и равенства. Но эта Германія давно отошла въ область преданія. Войны 1864, 1866 и въ особенности 1870—71 годовъ принесли съ собой другую, современную Германію, Германію крови и желѣза, Бисмарка и Мольтке, Вильгельма II и Круппа, гамбургскихъ купцовъ и надутаго юнкерства. Ея школы и университеты, ея учебники, профессора и студенты проникнуты до мозга костей духомъ солдатчины, ея ученые спѣшатъ съ ѳиміамомъ воинствующему, заносчивому милитаризму. Солдатчина и право силы возведены ими въ философскій культъ. Вся Германія—вооруженный станъ, ждущій только грохота барабановъ. И сами эти господа нѣмецкіе профессора раскрыли передъ нами эту новую Германію. Мы отсылаемъ ихъ къ ихъ собственнымъ статьямъ и памфлетамъ, столь обильнымъ за послѣднія десятилѣтія въ Америкѣ. Не они ли открыто высмѣивали «американскій идеализмъ» въ испанской войнѣ, не они ли теперь открыто смѣются надъ нашимъ стремленіемъ даровать независимость Филиппинамъ? Нѣтъ, эта современная, солдатская и юнкерская Германія не имѣетъ никакого права

разсчитывать на симпатію мыслящихъ элементовъ американскаго народа [1]).

Война сразу отрѣзала, и на довольно продолжительное время, всякое сообщеніе и по Атлантическому, и по Тихому Океану, а, слѣдовательно, и Америку отъ Европы и Азіи. Случилось такъ, что у обоихъ береговъ Сѣверной Америки не было ни одного сколько-нибудь крупнаго союзническаго военнаго судна,—а плавало нѣсколько нѣмецкихъ крейсеровъ, благополучно гдѣ-то пребывающихъ и по настоящій моментъ. У насъ думаютъ, что въ дѣлѣ обезпеченія главныхъ океанскихъ путей Англія не проявила ни достаточной энергіи, ни особаго искусства. Всѣ трансатлантическія пассажирскія пароходныя линіи были вынуждены круто оборвать свои рейсы, и находившіеся въ пути пароходы бѣжали въ ближайшіе нейтральные порта. Въ Европѣ оказалось до двухсотъ тысячъ американскихъ лѣтнихъ туристовъ, въ томъ числѣ больше половины людей съ самыми скромными средствами, какъ народные учителя и учительницы, экскурсанты учебныхъ заведеній и т. д. Европейскіе банки сразу перестали мѣнять иностранные переводы, цѣны на все поднялись, и эта огромная толпа путешественниковъ очутилась повсюду заарестованной на неопредѣленное время и часто безъ гроша наличными. Американское дипломатическое представительство въ Европѣ, всюду съ очень ограниченнымъ персоналомъ, было вынуждено принять на себя представительство почти всѣхъ воюющихъ націй, и оказалось безнадежно заваленнымъ всей этой внезапно нахлынувшей огромной работой. Однако, благодаря своей удивительной самодѣятельности и способности къ эффективной организаціи, Америка быстро нашла выходъ. Во всѣхъ портахъ были законтрактованы и приспособлены къ пассажирской работѣ, хотя и за огромную, доходившую до пятисотъ и даже тысячи долларовъ за билетъ, цѣну, многочисленные транспорты, были посланы въ Европу два быстроходные военные крейсера съ грузомъ въ десять милліоновъ долларовъ золотой монетой, во всѣхъ центрахъ были организованы изъ самихъ туристовъ комитеты розыска и помощи застрявшихъ въ разныхъ странахъ путешественниковъ, и въ настоящій моментъ огромное ихъ большинство уже доставлено домой и перевозка остальныхъ въ слѣдующіе двѣ-три недѣли обезпечена. Многіе перенесли очень тяжелыя лишенія, и почти всѣ потеряли весь свой багажъ.

---

[1]) Мнѣ лично пришлось и приходится принимать въ этой полемикѣ посильное участіе, и читатель извинитъ меня, что я на ней остановился. Прибавлю, что современный нѣмецъ за границей, съ его чванствомъ и высокомѣріемъ, съ его набитой ватой на военный манеръ грудью, сдѣлался совершенно невыносимымъ.

Европа, въ особенности Англія и Германія, владѣютъ американскими бумажными цѣнностями на нѣсколько милліардовъ, и страшная ихъ масса была брошена на Нью-Іоркскій денежный рынокъ—по мѣрѣ того, какъ развивались событія—но, закрывъ въ первый же день войны всѣ свои денежныя биржи, Америка избѣжала биржевой паники. Зато спекуляція хлѣбомъ, сахаромъ, мясными и другими пищевыми продуктами приняла сразу гигантскіе размѣры. Жизненныя издержки народныхъ массъ, и такъ крайне высокія, сразу поднялись до небывалыхъ предѣловъ. Вотъ ужъ воистину въ чужомъ пиру похмѣлье. Пшеница, стоявшая больше года и до 28 прошлаго іюля ниже 90 центовъ за бушель, за недѣлю до 5 сентября поднялась до 1,35, т. е. на 50%; сахаръ съ $3^1/_4$ до $6^1/_2$ центовъ за фунтъ, т. е. на 100%. Всѣ цѣны потеряли какую-либо устойчивость, и прыгаютъ внизъ и вверхъ на 5, на 10% въ день. Въ поступленіи государственныхъ доходовъ, особенно таможеннаго, образовался опаснѣйшій ежедневный дефицитъ, вычисляемый въ 120 милліоновъ долларовъ въ годъ. Конгрессомъ, находящимся въ безпрерывной сессіи, уже обсуждается билль о спеціальномъ «военномъ» налогѣ на эту сумму. Въ то же время для главныхъ статей вывоза, какъ хлопокъ, керосинъ, мануфактурныя издѣлія, закрылись всѣ главные иностранные рынки, частію за остановкой или уменьшеніемъ производствъ въ Европѣ, частію за вздорожаніемъ и даже невозможностью транспорта. Морскіе фрахты поднялись въ нѣсколько разъ; къ нимъ присоединилась огромная, часто прямо запретительная страховка.

Никогда еще Америка не чувствовала такъ осязательно, такъ убыточно неимѣніе собственнаго торговаго флота. Изъ 30 милліоновъ всемірнаго торговаго тоннажа она владѣетъ всего $2^1/_2$ милліонами, да и тѣ почти цѣликомъ заняты озерным и каботажнымъ плаваніемъ. Конгрессъ пытается помочь положенію цѣлымъ рядомъ законодательныхъ мѣръ: разрѣшеніемъ построеннымъ за границей торговымъ судамъ принимать американскую регистрацію и носить американскій флагъ, учрежденіемъ государственнаго страхованія судовъ и товаровъ въ пути, организаціей покупки иностранныхъ судовъ, въ особенности того огромнаго германскаго тоннажа, который запертъ войной въ американскихъ портахъ. Но подобныя мѣры сомнительны въ своемъ международномъ статусѣ и вызываютъ горячіе протесты иностранныхъ государствъ, въ особенности Англіи, и требуютъ времени и наличнаго золота, которое, конечно, всюду крѣпко зажато. Дисконтъ въ Америкѣ уже успѣлъ подняться почти вдвое. Между тѣмъ элеваторы центра и Запада переполнены пшеницей, на которую есть спросъ, но не на чемъ перевезти, а

пакгаузы Юга завалены хлопкомъ на цѣлый милліардъ долларовъ, на который нѣтъ спроса ни внутренняго, ни внѣшняго, и цѣна на который упала на 50%. Югъ въ безвыходномъ положеніи, и уже приходится проектировать государственную ему помощь. Всего хуже то, что военное положеніе дѣлъ въ Европѣ не только не опредѣляется, но и обѣщаетъ затянуться на болѣе или менѣе долгое время.

Никогда еще театры войны не были такъ строго и такъ, повидимому, эффективно охраняемы отъ внѣшняго наблюденія, и никогда еще газетныя свѣдѣнія не были такъ скудны и спутаны. Повидимому, гигантскій размахъ Германіи сокрушить Францію и занять Парижъ въ 30 дней уже и сегодня можно считать безнадежно неудавшимся благодаря стойкому сопротивленію союзныхъ армій. Россія, хотя и идетъ впередъ, но нужно думать, что понадобятся многіе мѣсяцы, дабы окончательно сломить одну изъ сторонъ. Словомъ, продолжительность войны неизвѣстна, и нельзя предвидѣть, до чего можетъ дойти денежное напряженіе и разстройство обычнаго хода промышленности и торговли. Воздѣйствіе войны такъ громадно и многосторонне, что и нейтральная Америка можетъ потерять въ матеріальномъ смыслѣ едва-ли ужъ многимъ меньше самихъ воюющихъ сторонъ.

Вступленіе въ войну Японіи было встрѣчено здѣсь не только подозрительно, но и съ худо скрытымъ неодобреніемъ. У насъ думаютъ, что если бъ наше, американское правительство не было такъ безкостно и инертно, оно могло бы предотвратить его. Дѣло въ томъ, что еще въ 1908 г. между Россіей, Франціей, Японіей и Америкой состоялось соглашеніе, обезпечивавшее территоріальное status quo Китая. Германія отказалась къ нему присоединиться. Предлагая Германіи очистить Кіо-Чао, Японія, очевидно, нарушала это соглашеніе,—но Америка согласилась на это нарушеніе, настоявъ только, чтобъ въ текстѣ ультиматума Германіи было вставлено обязательство Японіи возвратить Кіо-Чао Китаю.

Мотивы выступленія Японіи и въ особенности иронія въ изложеніи ультиматума ясно доказываютъ, какъ успѣлъ возстановить противъ себя всѣ націи своей аррогантностью нѣмецкій кайзеръ. Во время испано-американской войны онъ успѣлъ глубоко оскорбить и Америку, хотя инцидентъ этотъ очень мало извѣстенъ въ Европѣ. Когда адмиралъ Дюи уничтожилъ испанскую эскадру въ Манильскомъ заливѣ и блокировалъ г. Маниллу, онъ вскорѣ оказался съ своими маленькими силами въ очень затруднительномъ положеніи, такъ какъ въ Вашингтонѣ долго недоумѣвали, что дѣлать, и медлили съ высылкой Дюи подкрѣпленій.

Какъ разъ въ это-то тяжелое время, неизвѣстно зачѣмъ, въ Манильскій заливъ прибыла нѣмецкая эскадра изъ трехъ судовъ, подъ командой адмирала Дитриха, флагманскій броненосецъ котораго одинъ былъ сильнѣе всей американской эскадры. Адмиралъ этотъ, съ перваго же дня по прибытіи, сталъ ежедневно открыто провоцировать Дюи демонстративнымъ сочувствіемъ испанскимъ властямъ, неисполненіемъ установленныхъ американцами правилъ блокады города, сношеніями съ берегомъ, и т. д. Кабель былъ перерѣзанъ, Дюи не зналъ, въ какомъ отношеніи стояла къ войнѣ Германія и было ли такое поведеніе нѣмецкаго адмирала умышленнымъ вызовомъ или просто озорствомъ. Но оно было такъ назойливо, что вывело его, наконецъ, изъ терпѣнія, и онъ послалъ къ Дитриху своего адъютанта съ словеснымъ заявленіемъ, что откроетъ пальбу по его судамъ, если провокація эта немедленно не прекратится. Дитрихъ на другой же день покинулъ Манильскій заливъ. Въ своихъ, недавно вышедшихъ въ свѣтъ, мемуарахъ Дюи хотя и очень осторожно, но съ нескрываемой горечью излагаетъ свою версію этого инцидента, а американскій народъ, принявшій его, правильно или нѣтъ, за аррогантное подтруниваніе надъ своими морскими силами, никогда не проститъ кайзеру этой выходки. Сложенная офицерами Дюи пѣсенка «Hoch der Kaiser» очень остроумна и популярна; она распѣвается здѣсь при каждомъ удобномъ случаѣ и посейчасъ.

П. А. Тверской.

Альта Лома, Калифорнія.

ЧТО НУЖНО БЫЛО ГЕРМАНІИ?

Германія находилась до войны въ блестящемъ положеніи. Она играла первенствующую роль въ Европѣ и пользовалась великимъ авторитетомъ въ разныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности; ея промышленность и торговля достигли колоссальнаго развитія, ея богатство и благосостояніе возрастали съ каждымъ годомъ; все улыбалось ей въ будущемъ, и ея патріоты могли съ гордостью повторять стихи Гофмана фонъ-Фаллерслебена, сочиненные въ началѣ сороковыхъ годовъ и ставшіе національнымъ гимномъ: Deutschland, Deutschland über Alles—über Alles in der Welt.

Что еще нужно было Германіи для полнаго національнаго

благополучія? Она непрерывно дѣлала систематическія мирныя завоеванія среди сосѣднихъ и отдаленныхъ народовъ, успѣшно боролась съ промышленною конкурренціею Англіи даже въ ея собственныхъ колоніяхъ и открывала широкій просторъ для нѣмецкой предпріимчивости во всѣхъ странахъ міра. Германія вывозила товаровъ на одиннадцать милліардовъ марокъ въ годъ, а привозила—на десять милліардовъ. Богатѣйшій, все болѣе расширяющійся рынокъ представляла для нея Россія, съ которой торговые обороты ея превышали 2.100 милліоновъ марокъ въ годъ. Нѣмцы извлекали огромныя, неисчислимыя выгоды изъ промышленныхъ и культурныхъ связей съ Россіею; они не встрѣчали у насъ никакой преграды для приложенія своихъ способностей и капиталовъ, свободно пріобрѣтали земли и дома, устраивали фабрики и заводы, пользовались всевозможными льготами и поощреніями и въ сущности чувствовали себя у насъ въ болѣе привилегированномъ положеніи, чѣмъ у себя на родинѣ. Чего еще они могли ожидать или требовать отъ Россіи? Какія еще новыя права и льготы думали они пріобрѣсть у насъ путемъ войны? При мирныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ они имѣли у насъ все, что хотѣли, а война сразу отняла у нихъ то, чего они достигли и чѣмъ пользовались невозбранно въ годы мира.

Впрочемъ, нѣмцы и не жаловались на Россію, а напротивъ, были ею очень довольны; они находили и находятъ только, что Россія—страна варварская, некультурная, и что ее нельзя считать равноправною съ просвѣщенною Германіею. Но нѣмцы извлекаютъ наибольше выгодъ именно изъ нашей «некультурности»: если бы мы были культурнѣе, мы сами производили бы тѣ издѣлія и фабрикаты, которыми снабжаетъ насъ Германія на сотни милліоновъ рублей въ годъ, и у насъ не было бы съ нею такого торговаго договора, какъ существующій нынѣ, который во многихъ отрасляхъ промышленности ставитъ насъ въ положеніе обязательныхъ данниковъ нѣмецкихъ производителей. Наша «некультурность» есть источникъ богатства для нѣмцевъ, фундаментъ ихъ господства и процвѣтанія въ нашемъ отечествѣ, и они всего менѣе имѣли право ссылаться на эту некультурность для оправданія враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи. Подобная ссылка не имѣетъ разумнаго смысла уже потому, что наша отсталость есть фактъ давнишній, значеніе котораго не усиливается, а уменьшается съ годами, и такъ какъ въ теченіе многихъ лѣтъ нѣмцы отлично уживались съ русскимъ «варварствомъ», то ничто не мѣшало имъ и впредь проявлять такую же терпимость, несомнѣнно для нихъ выгодную.

Если нѣмцы относятся враждебно къ Россіи въ виду ея «вар-

варства», то къ Англіи они чувствуютъ непріязнь за ея чрезмѣрную культурность. Англія раздражаетъ ихъ своимъ превосходствомъ во многихъ отношеніяхъ, своимъ безспорнымъ владычествомъ на моряхъ и океанахъ, обширностью своихъ колоніальныхъ владѣній, обиліемъ своихъ накопленныхъ капиталовъ и міровымъ характеромъ своей торговли. Имъ кажется, что Англія стѣсняетъ ихъ свободу дѣйствій, ограничиваетъ ихъ «мѣсто подъ солнцемъ», а между тѣмъ за послѣднее десятилѣтіе продукты германской промышленности все болѣе водворяются въ предѣлахъ самой Англіи, подъ покровомъ господствующаго въ ней принципа свободы торговли. Нѣмецкіе предприниматели не были ничѣмъ стѣснены въ Англіи и ея колоніяхъ; они безпрепятственно завладѣвали рынками, которые съ давнихъ поръ числились за англичанами. Ввозъ германскихъ товаровъ въ Англію доходилъ до шестидесяти двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ (около 600 милл. рублей), а британскій вывозъ въ Германію не превышалъ тридцати семи милліоновъ фунтовъ. Одного сахару было привезено изъ Германіи 940 тысячъ тоннъ въ 1913 году. Въ Канаду германскій ввозъ опредѣляется приблизительно въ тридцать милліоновъ рублей; въ Австралію ввозится изъ Германіи на семьдесятъ милліоновъ рублей, а вывозится на сумму около семидесяти двухъ милліоновъ, при чемъ за пять лѣтъ ввозъ увеличился вдвое, а вывозъ—втрое. Въ Египетъ доставлялось нѣмецкихъ товаровъ на одиннадцать или двѣнадцать милліоновъ рублей [1]). Повсюду нѣмцы расширяли предѣлы сбыта своихъ товаровъ совершенно свободно, вытѣсняя по мѣрѣ возможности британскую конкурренцію, и нигдѣ они не встрѣчали преграды для своей предпріимчивости, хотя часто прибѣгали къ пріемамъ явно предосудительнымъ.

Чего больше могли они ожидать или требовать отъ Англіи и ея колоній? Какія еще новыя права и льготы могли быть желательны имъ въ предѣлахъ Британской имперіи? Для чего было бы имъ затѣвать войну съ Англіею ради выгодъ, которыя имъ доставались такъ легко цѣною мирныхъ усилій? Такъ какъ британскія колоніи пользуются автономіею, которой никто у нихъ отнять не можетъ, то даже пріобрѣтеніе ихъ путемъ войны—если бы оно было вообще осуществимо—не прибавило бы никакихъ новыхъ хозяйственныхъ территорій въ распоряженіе нѣмцевъ. И нѣмцы могли бы спокойно продолжать по-прежнему устраивать свои дѣла подъ покровомъ бла-

---

[1]) Kelly's Monthly Trade Review, November 1914; Raphaël-George-Levy, La situation économique de l'Allemagne (Revue des deux Mondes, 1914, 15 octobre) и др.

годѣтельныхъ британскихъ принциповъ свободнаго соперничества, если бы не вздумали воевать съ той самой Англіею, которой они столь многимъ обязаны. Германскій промышленный капитализмъ выросъ въ англійской школѣ, воспитался подъ вліяніемъ англійскихъ образцовъ и достигъ своихъ главныхъ міровыхъ успѣховъ на счетъ Англіи и въ ущербъ ея интересамъ, не вызывая никакого противодѣйствія со стороны англичанъ,—и за это нѣмцы, вмѣсто естественнаго чувства благодарности, обнаружили вдругъ такую злобную ненависть, какой нельзя было и предполагать въ ихъ отношеніяхъ къ Англіи.

Откуда у нихъ эти запасы злобы къ тѣмъ именно націямъ, которыя давали имъ наибольше простора въ своихъ странахъ? На русскихъ они смотрѣли свысока, какъ на народъ, нуждающійся въ ихъ культурной опекѣ, а къ англичанамъ они относились съ невольнымъ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ завистью,—какъ къ старому богатому барину, котораго не грѣхъ и обобрать. Конечно, нѣмецкіе ученые отыщутъ глубокіе историческіе и экономическіе мотивы для объясненія этой завистливой вражды, прорвавшейся наружу съ неожиданной силой,—какъ и для выясненія причинъ разгорѣвшейся войны; но самые хитроумные патріотическіе вымыслы не устранятъ того элементарнаго, стихійнаго, осязательнаго факта, что война сразу уничтожила всѣ плоды многолѣтнихъ трудовъ и затратъ Германіи и нѣмецкаго народа въ области міровой внѣшней торговли, морского судоходства и колоніальной политики. Независимо отъ успѣха и неудачи военныхъ дѣйствій, уже самымъ фактомъ своего возникновенія война нанесла Германіи роковой непоправимый ударъ,—и никакого другого результата она не могла бы имѣть по существу, даже если бы германскій военный флотъ былъ сильнѣе британскаго и не долженъ былъ бы прятаться отъ него въ отечественныхъ гаваняхъ. Одно прекращеніе значительнѣйшей части германской внѣшней торговли и морского судоходства, въ связи съ остановкою дѣятельности многихъ отраслей производства, причиняетъ Германіи убытки, которые оцѣниваются на милліарды; а неизбѣжная потеря колоній, пріобрѣтенныхъ съ такимъ трудомъ и безповоротно попавшихъ теперь въ крѣпкія руки англичанъ и японцевъ, представляетъ собою уже несомнѣнную катастрофу для всего германскаго имперіализма, и только люди, ослѣпленные какимъ-то массовымъ психозомъ, могли этого не предвидѣть.

Недавно одинъ изъ крупныхъ представителей германской экспортной торговли писалъ въ «Berliner Tageblatt»: «Потребуются громадныя усилія, чтобы возстановить для насъ хотя бы нѣкоторую часть тѣхъ рынковъ, которые были намъ открыты до войны. Англія

и ея колоніи, Франція, Россія, Бельгія, Японія,—какія обширныя территоріи покрываются этими именами и какая огромная доля нашего колоссальнаго экспорта приходится на эти страны! Быть можетъ, не весь вывозъ въ эти страны прекратится, но нѣтъ сомнѣнія, что онѣ будутъ брать изъ Германіи только то, чего нельзя вовсе получить въ другомъ мѣстѣ или что можно будетъ пріобрѣтать только на гораздо менѣе благопріятныхъ условіяхъ... Все должно быть сдѣлано для того, чтобы сокращеніе спроса этихъ странъ на германскіе товары было какъ можно меньше. Было бы большой ошибкой принимать какія-либо мѣры, могущія непріятно дѣйствовать на населеніе заинтересованныхъ странъ. Всякая мысль о бойкотированіи иноземныхъ товаровъ въ Германіи должна быть рѣшительно отвергаема, какъ безусловно вредная для германской промышленности».

Надо имѣть въ виду, что это писалось еще въ тотъ періодъ войны, когда нѣмцы были твердо убѣждены въ неминуемой побѣдѣ Германіи надъ всѣми ея врагами, въ томъ числѣ и надъ Англіею. Дѣловой нѣмецкій коммерсантъ, которому патріотическій «Tageblatt» удѣлилъ мѣсто на своихъ столбцахъ, отлично понималъ, что силою оружія можно побѣдить враговъ, но нельзя заставить ихъ покупать германскіе товары, и что высказывать ненависть и презрѣніе къ противникамъ—значитъ подрывать основы возможныхъ съ ними въ будущемъ мирныхъ торговыхъ сношеній, существенно необходимыхъ даже для побѣдоносной Германіи. Упорное нежеланіе думать о ближайшемъ будущемъ составляетъ вообще отличительную черту настоящей войны въ томъ видѣ, какъ она задумана и какъ она ведется Германіею. Война ведется такъ, какъ будто нѣтъ и не предвидится завтрашняго дня для воюющихъ сторонъ, какъ будто враждебныя націи, съ которыми борются нѣмцы, перестанутъ существовать и съ ними никогда уже не придется имѣть дѣла. Германское правительство публично заявляетъ, что подписанные ею формальные международные договоры суть лишь «клочки бумаги», не имѣющіе для нея никакого значенія,—и этимъ оно заранѣе даетъ знать не только своимъ противникамъ, но и всѣмъ остальнымъ культурнымъ націямъ, что никакимъ будущимъ договорнымъ обязательствамъ и обѣщаніямъ Германіи не слѣдуетъ вѣрить. На какихъ же основаніяхъ можетъ быть заключенъ миръ съ Германіею, если она сама отрицаетъ необходимость довѣрія къ ея подписи? Германскія власти, какъ военныя, такъ и гражданскія, не признаютъ никакихъ нормъ международнаго права, никакихъ установленныхъ правилъ и обычаевъ войны; они вездѣ и повсюду распоряжаются такъ, какъ будто кругомъ нѣтъ или не должно быть

живыхъ людей и народовъ, и какъ будто всѣ чужіе народы исчезнутъ или потеряютъ способность чувствовать и мыслить подъ владычествомъ новыхъ побѣдителей. Подъ вліяніемъ дикой и безумной идеи всеобщаго террора, германскіе командиры сознательно разрушаютъ города и села, гдѣ они могли бы имѣть продовольствіе и помѣщеніе для своихъ войскъ, и въ богатѣйшихъ культурныхъ мѣстностяхъ они создаютъ пустыню, гдѣ ничего уже нельзя добыть для настоятельныхъ нуждъ ихъ собственныхъ армій.

Эти представители воинствующей Германіи, разгоняющіе мирныхъ жителей непріятельской страны своими массовыми убійствами, пожарами и грабежами, и превращающіе бывшихъ недавно еще зажиточныхъ обывателей въ безпомощныя толпы нищихъ,—эти начальствующія лица, предоставляющія солдатамъ разбрасывать по вѣтру листки изъ старинныхъ книгъ и рукописей университетскихъ библіотекъ,—командиры, возстановившіе средневѣковые обычаи захвата и разстрѣла заложниковъ, выставленія женщинъ и дѣтей въ видѣ защиты отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, и т. п., всѣ они дѣйствуютъ, конечно, по опредѣленному плану, который можетъ имѣть только одну цѣль—сдѣлать невозможнымъ какое бы то ни было примиреніе или соглашеніе между Германіею и ея противниками. Но, дѣйствуя въ этомъ направленіи, военныя власти прежде всего вызываютъ ожесточенную вражду противъ германскихъ войскъ и дѣлаютъ крайне затруднительнымъ, даже невозможнымъ положеніе ихъ въ занятыхъ областяхъ,—и эта безсмысленная тактика кошмарныхъ ужасовъ должна неминуемо привести къ уничтоженію всего могущества Германіи, какъ необходимому условію возстановленія нормальныхъ условій жизни въ Европѣ.

Манія національнаго величія, проявляющаяся въ разрушительныхъ и самоубійственныхъ формахъ, не можетъ имѣть никакого отношенія къ тѣмъ сложнымъ міровымъ задачамъ, которыя будто бы ожидали своего разрѣшенія путемъ войны. При современномъ характерѣ международныхъ экономическихъ связей война никакъ не можетъ считаться способомъ достиженія какихъ-либо разумныхъ хозяйственныхъ цѣлей, хотя бы и міровыхъ,—а въ той обстановкѣ, въ какой она предпринята Германіею, она является страшнымъ, ужасающимъ безуміемъ, которое ничего другого, кромѣ безсмысленнаго разрушенія, произвести не въ состояніи. Повальное заразительное безуміе есть также крупный историческій факторъ, и роль его, какъ источника великихъ событій, давно отмѣчена безпристрастными учеными изслѣдователями. Загадочною остается только та своеобразная психика, которая побудила лучшіе умы Германіи отождествить себя съ ничтожною, но могущественною кликою воен-

ныхъ честолюбцевъ, имѣющихъ въ своемъ безконтрольномъ распоряженіи многомилліонную, превосходно вооруженную армію. Загадочнымъ остается тотъ поразительный фактъ, что ни въ имперскомъ парламентѣ, ни въ печати не нашлось ни одного человѣка, способнаго поднять свой голосъ противъ преступной, безпричинной войны,—ни одного хотя бы отдаленнаго подобія тѣхъ ораторовъ оппозиціи, которые во французскомъ законодательномъ корпусѣ смѣло выступили противъ пагубнаго ослѣпленія Наполеона III и его приближенныхъ передъ войною 1870 года.

Въ Германіи не нашлось людей того типа, блестящими представителями котораго были Тьеръ и Гамбетта, и вообще не оказалось никакихъ независимыхъ умовъ и характеровъ даже среди тѣхъ партій, которыя признавались оппозиціонными и непримиримыми по существу. Всѣ они смиренно, съ шаблонными патріотическими фразами и возгласами, пошли за бездарными фантазерами, удивившими міръ провозглашеніемъ международнаго безправія и затѣявшими съ легкимъ сердцемъ явно безумную, небывалую въ исторіи войну народовъ. И не только пошли за Вильгельмомъ II и его канцлеромъ нѣмецкіе прогрессисты и радикалы, но и свѣтила германской науки сочли своимъ долгомъ выразить презрѣніе націямъ, подвергшимся кровавому нападенію Германіи. Пройдетъ время, и тѣ же прогрессисты и ученые теоретики поневолѣ задумаются надъ мучительнымъ вопросомъ: для чего предпринята была эта безсмысленно-жестокая война, губящая благосостояніе и могущество нѣмецкаго народа? Что нужно было еще Германіи среди окружавшаго ее почета въ мірѣ?

Эти странности нѣмецкой національной психологіи были чрезвычайно мѣтко указаны Герценомъ еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. «Нѣмецъ,—говоритъ онъ,—теоретически развитъ, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ всѣ народы, но проку въ этомъ нѣтъ до сихъ поръ... Самые радикальные люди между нѣмцами въ частной жизни остаются филистерами. Смѣлые въ логикѣ, они освобождаютъ себя отъ практической послѣдовательности и впадаютъ въ вопіющія противорѣчія... Всѣ нѣмецкіе революціонеры—большіе космополиты... и всѣ исполнены самаго раздражительнаго, самаго упорнаго патріотизма. Они готовы принять всемірную республику, стереть границы между государствами, но чтобы Тріестъ и Данцигъ принадлежали Германіи... При этомъ заносчивомъ и воинственномъ патріотизмѣ Германія, со времени первой революціи и поднесь, смотритъ съ ужасомъ направо, съ ужасомъ налѣво. Тутъ Франція съ распущенными знаменами переходитъ Рейнъ, тамъ Россія переходитъ Нѣманъ, и народъ въ двадцать пять милліоновъ головъ чувствуетъ себя

круглой сиротой, бранится отъ страха, ненавидитъ отъ страха, и теоретически, по источникамъ, доказываетъ, чтобы утѣшиться, что бытіе Франціи есть уже не бытіе, а бытіе Россіи не есть еще бытіе [1])». Эта остроумная характеристика кажется намъ вполнѣ примѣнимой и къ нынѣшней германской интеллигенціи, одобрившей отчаянную войну на три фронта изъ страха передъ мнимымъ нашествіемъ мирныхъ сосѣднихъ народовъ.

Л. Слонимскій.

АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РУБИНШТЕЙНЪ.

Къ двадцатилѣтію со дня его смерти.

(Род. 16-го ноября 1829 г.—ум. 8-го ноября 1894 г.).

Прошло 20 лѣтъ со дня смерти Антона Рубинштейна, но образъ этого геніальнаго артиста и его игра такъ живы въ воображеніи каждаго, кто его слышалъ, какъ будто онъ ушелъ отъ насъ только вчера. За эти двадцать лѣтъ я слышалъ величайшихъ артистовъ нашего времени, но ни одно изъ самыхъ сильныхъ музыкальныхъ впечатлѣній не могло заставить поблѣднѣть воспоминаніе объ игрѣ Антона Григорьевича. Въ исполненіи Рубинштейна для меня особенно ярко и убѣдительно выступаетъ мистическая сторона музыки, та основная сущность художественнаго творчества, которая отдѣляетъ музыку отъ всякихъ другихъ искусствъ, за исключеніемъ творчества актера. Въ живописи, ваяніи, въ поэзіи вы имѣете предъ собою предметъ, явившійся результатомъ творчества. Художникъ, создавшій эти предметы, исчезъ, и дѣйствіе на насъ картины или романа происходитъ многократно уже послѣ того, какъ художникъ перешелъ въ небытіе. Правда, для каждаго, чувствующаго художественное произведеніе, какъ нѣчто живущее своей особенной жизнью, присутствіе въ немъ души исчезнувшаго художника есть фактъ несомнѣнный, но такое участіе души художника въ произведеніи безконечно отличается отъ того участія въ воздѣйствіи на насъ, которое принимаетъ играющій музыкантъ или актеръ въ моментъ исполненія. Въ этотъ моментъ наше настроеніе всецѣло въ рукахъ этого музыканта или актера: это настроеніе, вся гамма душевныхъ переживаній, до-

---

[1]) «Былое и Думы», ч. V, гл. XXXVII.

стигающихъ иногда силы необычайной, является результатомъ творчества вотъ этого именно артиста, и именно въ самый моментъ творчества.

Но при этомъ между творчествомъ музыканта и актера есть одно различіе чрезвычайной важности. Въ игрѣ актера смыслъ словъ, имъ произносимыхъ, оттѣнки интонаціи его голоса, всѣ его жесты сливаются въ одно цѣлое съ его поступками, и сила нашего впечатлѣнія зависитъ отъ того, насколько актеру удается создать это художественное цѣлое, смыслъ котораго для зрителя совершенно понятенъ.

Совсѣмъ иное происходитъ, когда мы слушаемъ игру музыканта. Передъ нами сидитъ человѣкъ, производящій надъ клавіатурой фортепіано множество движеній, смыслъ которыхъ для насъ совершенно непонятенъ, и въ то же время наполняющіе пространство звуки овладѣваютъ нашей душой съ такой непосредственной силой, какая недоступна другимъ искусствамъ. И замѣчательно, что этой власти надъ нами музыкантъ достигаетъ не въ согласіи съ тѣми движеніями, которыя онъ передъ нами производитъ и которыя для насъ не имѣютъ смысла, непонятны, а какъ бы вопреки этимъ движеніямъ. Власть музыки надъ нами такова, что подчиняетъ насъ себѣ вопреки нашимъ зрительнымъ впечатлѣніямъ [1]).

Такая власть дана только самымъ немногимъ артистамъ, именно тѣмъ, которые своимъ исполненіемъ заставляютъ насъ забыть, что они играютъ на инструментѣ. Къ такимъ артистамъ принадлежалъ Рубинштейнъ. Когда онъ игралъ на фортепіано, то слушатель забывалъ, что для игры на этомъ инструментѣ требуется умѣніе и какая-то особая техника. Говорить о «техникѣ» Рубинштейна было бы кощунствомъ для тѣхъ, кто его слышалъ [2]). Въ его игрѣ мы слышали страданія и радости человѣческой души, мы слышали раскаты гнѣва или нѣжную ласку, преклоненіе передъ раскрытыми небесами или мистическій ужасъ, охватывающій насъ при видѣ отверзтой могилы. Все, чѣмъ богата душевная жизнь человѣка, все заставлялъ насъ переживать этотъ артистъ, нагнувшійся надъ клавіатурой своей характерной головой съ львиной шевелюрой. Во внѣшности Рубинштейна было что-то, импонировавшее всѣмъ

---

1). Подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить то комическое впечатлѣніе, которое производитъ на насъ человѣкъ, играющій съ воодушевленіемъ на нѣмомъ фортепіано.

2) Въ своей посмертной книгѣ «Gedankenkorb» (по-русски «Мысли и афоризмы») А. Рубинштейнъ написалъ: «Игра на рояли есть движеніе пальцевъ, исполненіе на рояли (Klaviervortrag) есть движеніе души. Теперь чаще всего слышишь первое».

людямъ безъ исключенія въ необычайной степени. Особенно поразительно было сходство Рубинштейна съ Бетховеномъ, вслѣдствіе котораго Листъ любилъ его называть Ванъ второй («Людвигъ ванъ Бетховенъ»).

Я имѣлъ счастіе не только слышать Рубинштейна, но и играть въ оркестрѣ подъ его управленіемъ въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ, когда учился въ Петроградской консерваторіи. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе четверти вѣка, и я игралъ и слышалъ дирижеровъ, гораздо болѣе великихъ, чѣмъ Рубинштейнъ. Но и теперь повторяю, что играть подъ его управленіемъ было счастье: это было высокое наслажденіе, связанное съ великимъ страхомъ и трепетомъ, который мы испытывали, когда передъ нами стоялъ грозный, но обожаемый Антонъ Григорьевичъ. Въ 1887 году Рубинштейнъ, послѣ 20-ти лѣтъ странствованій по Европѣ, вновь сталъ во главѣ Петроградской консерваторіи. Онъ былъ директоромъ ея, и кромѣ того взялъ на себя (какъ всегда—безплатно) преподаваніе фортепіано, классъ совмѣстной игры и оркестровый. Въ этомъ классѣ я имѣлъ возможность наблюдать и восхищаться геніальнымъ артистомъ и импонирующей духовной красоты человѣкомъ.

Когда Рубинштейнъ брался за какое-нибудь дѣло, то онъ отдавался ему весь, съ увлеченіемъ и преданностью, какія только позволяли ему силы. А силъ у него, несмотря на оканчивавшійся шестой десятокъ лѣтъ, было гораздо болѣе, чѣмъ у большинства людей. И онъ требовалъ такого же отношенія къ дѣлу отъ всѣхъ, кто въ немъ участвовалъ. При этомъ онъ въ пылу работы иногда совершенно не замѣчалъ, что его сотрудники уже совершенно выбились изъ силъ и что требованія его выше ихъ способностей. Когда мы разучивали программу концерта или ставили оперу, то Рубинштейнъ могъ репетировать по шести часовъ и болѣе подрядъ, и сохранялъ еще большой запасъ энергіи, когда всѣ остальные были уже безъ силъ.

Вотъ промахнуться на такихъ репетиціяхъ было дѣйствительно страшно, потому что Рубинштейнъ легко приходилъ въ неистовый гнѣвъ, и попасться ему подъ руку въ такую минуту было опасно. Приведу только два примѣра. На оркестровой репетиціи сидѣвшій на первомъ пультѣ вторыхъ скрипокъ Фидельманъ болталъ и смѣялся съ товарищемъ, не замѣчая гнѣвныхъ взглядовъ стоявшаго за дирижерскимъ пультомъ Рубинштейна. Финалъ такого веселаго настроенія скрипача былъ печальный: ударомъ палочки дирижеръ чуть не выбилъ скрипку изъ рукъ Фидельмана, и перепуганный ученикъ только поспѣшнымъ бѣгствомъ спасся отъ взбѣшеннаго Рубинштейна. Другой случай былъ на репетиціи оперы Моцарта. На сценѣ не ладилось

какое-то шествіе. Рубинштейнъ кричалъ, сердился и, наконецъ, потребовалъ, чтобы профессоръ Самусь, исполнявшій роль суфлера, сказалъ, сколько же тактовъ въ первомъ колѣнѣ марша. Самусь вылѣзъ изъ суфлерской будки и, сѣвши передъ нею, началъ считать. «Девять тактовъ, Антонъ Григорьевичъ», отвѣтилъ онъ (онъ сосчиталъ и приму, и секунду вольту). «Не можетъ быть», съ изумленіемъ отвѣтилъ Рубинштейнъ: «Разъ, два и . . . . , да вѣдь здѣсь восемь тактовъ!», «Дайте сюда ноты». Самусь подалъ ему непереплетенную тетрадь, и тетрадь полетѣла въ голову профессора, едва успѣвшаго нырнуть въ будку.

Въ работѣ Рубинштейнъ, дѣйствительно, былъ страшенъ изъ-за своей вспыльчивости, но никто не считалъ оскорбительными для себя даже самые грубые поступки его, до такой степени искренно и безгранично преклонялись передъ нимъ всѣ рѣшительно. Всѣ знали, что Рубинштейномъ всегда руководитъ только одно чувство— любовь къ музыкѣ, которой онъ отдалъ всю свою жизнь, и что онъ первый готовъ былъ загладить, чѣмъ могъ, причиненную имъ обиду.

Какъ дирижеръ, Рубинштейнъ имѣлъ серьезные недостатки, мѣшавшіе ему занять и среди дирижеровъ такое же мѣсто, какое онъ занималъ среди піанистовъ [1]). Главный изъ этихъ недостатковъ было отсутствіе необходимаго психологическаго контакта между Рубинштейномъ и каждымъ изъ артистовъ оркестра. Для него исполненіе музыки было такимъ естественнымъ дѣломъ, что онъ съ трудомъ могъ понять, что могутъ быть вещи, неисполнимыя для даннаго артиста. И если еще при разучиваніи онъ помнилъ о такихъ «мелочахъ» и старался войти въ положеніе оркестранта, то во время концерта онъ приходилъ въ такое возбужденіе, что ему было уже не до какихъ-то несчастныхъ скрипачей или флейтистовъ. Отсутствіе указанной психологической связи и давало себя знать иногда прямо катастрофически, какъ, напр., при исполненіи «Купца Калашникова» подъ управленіемъ Рубинштейна, когда хоръ и оркестръ такъ разошлись, что пришлось остановиться. (Это было въ Маріинскомъ театрѣ, гдѣ Рубинштейнъ нѣсколько разъ дирижировалъ своими операми).

---

1) Послѣ Листа Рубинштейнъ былъ, безспорно, первымъ среди піанистовъ, и онъ это зналъ. Но Листу онъ всегда отдавалъ пальму первенства. Въ 1885 году на банкетѣ въ Пресбургѣ послѣ концерта, даннаго Рубинштейномъ въ пользу фонда на памятникъ Гуммелю, Батка сказалъ: „Дивные дни видѣлъ Пресбургъ, когда Листъ игралъ въ пользу Гуммелевскаго фонда, но сегодня въ его стѣнахъ мы видимъ обоихъ величайшихъ художниковъ фортепіанной игры". На это Рубинштейнъ отвѣтилъ: „Съ этимъ я не могу согласиться. Я и мнѣ подобные только простые солдаты въ сравненіи съ фельдмаршаломъ Францемъ Листомъ".

И тѣмъ не менѣе еще разъ повторяю, что подъ управленіемъ Рубинштейна мы играли съ истинно-художественнымъ паѳосомъ и такого исполненія 4-ой симфоніи Шумана я больше уже не испыталъ въ жизни. Передъ нами стоялъ геніальный артистъ, любившій музыку больше всего на свѣтѣ и учившій насъ также любить ее всѣмъ сердцемъ, всей душою.

Артистъ—это художникъ, творящій на глазахъ у публики и во время акта творчества испытывающій результаты его, т. е. всю силу воздѣйствія на публику своего творчества. Художественное творчество вообще есть актъ, доставляющій художнику высшее, доступное человѣку наслажденіе.

Но для того, чтобы почувствовать это, поэтъ, живописецъ должны ждать иногда всю жизнь (часто они умираютъ, не дождавшись), потому что требуется время, чтобы произведенія ихъ дошли до сознанія публики. Артистъ находится совершенно въ иномъ положеніи. Для него это ощущеніе наступаетъ уже во время творчества, и оттого нѣтъ участи счастливѣе артиста. Власть артиста надъ публикой есть одно изъ самыхъ удивительныхъ явленій. Собирается большая толпа людей самаго разнообразнаго положенія, въ самыхъ различныхъ настроеніяхъ, и вотъ человѣкъ, котораго всѣ эти люди видятъ въ первый разъ, заставляетъ ихъ всѣхъ чувствовать такъ, какъ онъ хочетъ. «Развѣ можно допустить, чтобы всякій, кто хочетъ, гипнотизировалъ бы одинъ другого или многихъ и потомъ бы дѣлалъ съ ними, что хочетъ», говоритъ Позднышевъ въ «Крейцеровой сонатѣ». И эта необычайная власть надъ людьми даетъ артисту счастье, недоступное другимъ людямъ. Такимъ артистомъ былъ А. Рубинштейнъ, но онъ былъ при томъ еще артистомъ идеальнымъ.

Два порока чаще всего пятнаютъ идеалъ артиста: жадность къ деньгамъ и тщеславіе. При указанной выше власти надъ толпой весьма естественною является возможность для артиста получать за доставляемое ей наслажденіе очень большое денежное вознагражденіе. Но въ самихъ деньгахъ уже лежитъ скрытое искушеніе, заставляющее насъ желать имѣть ихъ еще больше, чѣмъ мы имѣемъ, и самые знаменитые артисты не въ силахъ устоять противъ такого искушенія, и дѣлаются рабами своей жадности къ деньгамъ: они начинаютъ торговать своимъ талантомъ. Этому пороку А. Рубинштейнъ не былъ подверженъ ни въ малѣйшей степени. Свой первый концертъ, 10-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, Рубинштейнъ далъ въ пользу бѣдныхъ, и послѣдній его концертъ въ 1893 году, когда ему было 64 года, онъ далъ въ пользу слѣпыхъ. Между этими двумя концертами Рубинштейнъ далъ безчисленное множество концертовъ съ

благотворительной цѣлью, сборъ съ которыхъ въ нѣсколько разъ превышаетъ сумму, заработанную имъ для самого себя. «Давать для меня бо̀льшее наслажденіе, чѣмъ имѣть,—и если я все же стремлюсь къ послѣднему, то единственно для того, чтобы наслаждаться, отдавая». «Я хотѣлъ бы имѣть только столько денегъ, сколько нужно для удовлетворенія моихъ жизненныхъ потребностей, для излишняго я не имѣю вкуса, и накопленіе состоянія, даже съ цѣлью оставить его дѣтямъ, я считаю недостойнымъ». Этимъ словамъ Рубинштейна въ его книгѣ «Мысли и афоризмы» мы имѣемъ основаніе вѣрить безусловно: я не знаю другого великаго человѣка, который бы говорилъ о себѣ съ такою правдивостью.

Другой порокъ артистовъ — это тщеславіе, и какъ слѣдствіе этого мелкаго чувства, свойственнаго даже очень великимъ артистамъ, — зависть къ соперникамъ и саморекламированіе. Если бы публика знала, къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ артисты, особенно старѣющіе, чтобы поддержать славу своего имени и затмить молодого, счастливаго уже своею молодостью, артиста, если бы публика знала, какъ унизительно держатъ себя иногда артисты съ критиками, которыхъ они сами презираютъ, какъ судей искусства, то эти артисты много потеряли бы въ своей власти надъ слушателями.

Отъ этого тщеславія характеръ Рубинштейна былъ такъ же свободенъ, какъ и отъ жадности къ деньгамъ. Какъ артистъ и общественный дѣятель, создавшій наши консерваторіи, Рубинштейнъ имѣлъ много враговъ, и среди нихъ были люди, игравшіе большую роль въ музыкальномъ мірѣ, какъ Сѣровъ и кружокъ Балакирева, но никому изъ знавшихъ Рубинштейна и тогдашнія музыкальныя дѣла не могло бы даже придти въ голову, чтобы Антонъ Рубинштейнъ могъ сдѣлать хотя бы малѣйшій шагъ съ цѣлью поднять свое артистическое имя. Правда, какъ піанистъ, А. Рубинштейнъ не имѣлъ соперниковъ, и нападки въ печати Сѣрова на его игру не могли его тревожить. Но, какъ дирижеръ, и особенно, какъ композиторъ, Рубинштейнъ былъ очень уязвимъ для критики, и Вагнеръ, Брамсъ, у насъ Чайковскій легко могли бы возбудить зависть въ Рубинштейнѣ-композиторѣ.

Зналъ ли Рубинштейнъ это унижающее артиста чувство зависти?

Какъ композиторъ, Рубинштейнъ съ отроческихъ лѣтъ (первое его сочиненіе — піеса для фортепіано «Ундина» — было напечатано въ 1843 г., когда ему было 14 лѣтъ) былъ поставленъ въ особенно счастливое положеніе. Издатели не только печатали всѣ его сочиненія, но и платили ему гонораръ, что̀ было въ тѣ времена рѣд-

костью. Его сочиненія охотно исполнялись публично, и Рубинштейнъ былъ первый русскій композиторъ, сочиненія котораго заняли постоянное мѣсто на концертной эстрадѣ и оперной сценѣ Германіи и Австріи. Среди музыкантовъ Рубинштейнъ-композиторъ имѣлъ очень почетное имя, среди публики нѣкоторыя его сочиненія («Демонъ», фортепіанныя сочиненія, романсы) достигли огромной популярности. И тѣмъ не менѣе творчество Рубинштейна было для него источникомъ сильнѣйшихъ душевныхъ страданій, потому что онъ чувствовалъ, что въ этой области онъ не остался побѣдителемъ, и сознаніе этого къ концу жизни становилось все яснѣе.

Несомнѣнная побѣда Вагнера вызывала на лицѣ Рубинштейна только добродушную улыбку. Воспитанный на нѣмецкихъ классикахъ, отъ природы въ высшей степени консервативная натура, Рубинштейнъ смотрѣлъ на новаторовъ (Листъ, Вагнеръ, у насъ кружокъ Балакирева) съ нескрываемой насмѣшкой. Признавая ихъ талантъ и искренность ихъ стремленій къ новому, онъ совершенно не вѣрилъ въ ихъ будущее. Лично къ Вагнеру, какъ къ человѣку и артисту, Рубинштейнъ питалъ совершенно опредѣленную антипатію: и дѣйствительно, сущность обоихъ людей была глубоко противоположна.

Гораздо ближе къ Рубинштейну по направленію, какъ композиторъ, былъ Брамсъ. О немъ Рубинштейнъ пишетъ въ «Афоризмахъ»: «На Брамса я смотрю, какъ на продолженіе Шумана, на себя, какъ продолжателя Шуберта и Шопена—мы оба заключаемъ третью эпоху музыкальнаго искусства». «Со смертью Шумана и Шопена—finis musicae (конецъ музыкѣ)!» («Музыка и ея представители» А. Рубинштейна).

Наконецъ, Чайковскій своей популярностью въ Россіи, несомнѣнно, затмившій Рубинштейна. Отношеніе Рубинштейна къ Чайковскому, первому ученику Рубинштейна по композиціи, представляется прямо загадочнымъ. Онъ питалъ къ музыкѣ Чайковскаго антипатію, близкую къ отвращенію, тѣмъ болѣе удивительную, что Чайковскій нисколько не принадлежалъ къ новаторамъ и, какъ человѣкъ, пользовался дружескимъ вниманіемъ своего учителя. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе честной прямоты своего характера, А. Рубинштейнъ не могъ скрыть своего отношенія къ музыкѣ Чайковскаго, и послѣдній страдалъ невыразимо отъ такого отношенія. «Въ молодости,—писалъ Чайковскій въ 1882 году (за полгода до своей смерти) біографу Рубинштейна Е. Цабелю,—я очень нетерпѣливо пробивалъ себѣ дорогу, старался пріобрѣсти имя, репутацію талантливаго композитора, и я надѣялся, что Рубинштейнъ, который тогда уже имѣлъ высокое положеніе въ музыкальномъ мірѣ, мнѣ поможетъ въ моей

погонѣ за лаврами. Но я съ горечью долженъ сознаться, что Ан. Р. не сдѣлалъ ничего, *рѣшительно ничего*, чтобы содѣйствовать моимъ желаніямъ и проектамъ. Никогда, конечно, онъ мнѣ не вредилъ— онъ слишкомъ благороденъ и великодушенъ, чтобы вредить собрату [1]), но по отношенію ко мнѣ онъ никогда не измѣнилъ тону воздержанности и благосклоннаго равнодушія. Самое вѣроятное объясненіе этого оскорбительнаго снисхожденія—*нелюбовь къ моей музыкѣ и антипатія къ моей музыкальной личности.* Теперь иногда я вижу его, всегда съ удовольствіемъ, потому что этому необыкновенному человѣку достаточно протянуть руку и обратиться къ вамъ съ улыбкой, чтобы хотѣлось пасть къ его ногамъ».

Комментируя это письмо Чайковскаго, біографъ композитора говоритъ («Жизнь П. И. Чайковскаго»): «Легенда о зависти Антона Григорьевича, не подтверждаемая ни однимъ фактомъ, возмущала и сердила Петра Ильича... Это просто было чувство, знакомое и послѣднему, къ твореніямъ Шопена и Брамса, безотчетной и непобѣдимой антипатіи».

Идеальныя черты характера Рубинштейна въ полной мѣрѣ отражались и на его общественной дѣятельности. Онъ два раза былъ директоромъ и профессоромъ Петроградской консерваторіи. Въ первый разъ при созданіи ея, которое было главнымъ образомъ дѣломъ его рукъ, и въ которомъ онъ встрѣтилъ могущественную поддержку въ лицѣ Великой Княгини Елены Павловны. «Замѣчательная была эта женщина! Другой, равной ей, я ни прежде, ни послѣ въ ея положеніи не знавалъ»,—говоритъ А. Рубинштейнъ въ своихъ «Автобіографическихъ воспоминаніяхъ» 1889 г.—«Дворецъ Елены Павловны былъ (съ начала 1850-хъ годовъ) средоточіемъ всего интеллигентнаго общества... Съ 1852 года Великая Княгиня пригласила меня состоять у нея постояннымъ аккомпаніаторомъ тѣхъ пѣвицъ, которыхъ нѣсколько всегда жило у нея во дворцѣ; вообще я былъ постояннымъ «подогрѣвателемъ», «истопникомъ» музыки при дворѣ вел. кн. Елены Павловны, какъ я самъ себя называлъ».

Въ Михайловскомъ дворцѣ великой княгини и возникли въ 1859 году музыкальные классы, превратившіеся въ 1862 году въ Петроградскую консерваторію. «Настоящее время, конечно, во многомъ лучше (я говорю о музыкальномъ мірѣ) времени 1859—

---

[1]) Въ 1883 году А. Рубинштейну было предложено написать кантату ко дню коронаціи Императора Александра III. Онъ отказался, такъ какъ не имѣлъ возможности тотчасъ приступить къ сочиненію, а времени было мало, и указалъ на Чайковскаго, который и написалъ „Коронаціонную кантату“.

1860-хъ годовъ; искусство разлилось весьма широко въ обществѣ, освѣтило и вовлекло въ свою область множество лицъ, но той теплой любви къ искусству, какая проникала насъ,—увы, теперь нѣтъ... Лучшія музыкальныя силы того времени, бывшія въ Петербургѣ, отдали тогда свой трудъ и время почти даромъ, только бы положить основаніе прекрасному дѣлу... Я себя назначилъ директоромъ возникавшей консерваторіи».

Пять лѣтъ (1862—1867 г.г.) проработалъ Рубинштейнъ надъ своимъ созданіемъ, отдавая ему все свое время и всѣ силы. Онъ былъ директоромъ, дирижеромъ концертовъ, профессоромъ фортепіано и композиціи, и являлъ собою идеальный образъ артиста. Это впечатлѣніе отъ всей личности Рубинштейна было такъ обаятельно, что такой человѣкъ, какъ П. И. Чайковскій, обладавшій огромнымъ самолюбіемъ и гордостью, никому не подчинявшійся въ жизни, черезъ 30 лѣтъ послѣ своего ученія въ консерваторіи подъ руководствомъ А. Рубинштейна готовъ былъ пасть къ ногамъ этого артиста.

Съ добродушной ироніей вспоминаетъ А. Рубинштейнъ о врагахъ создававшейся консерваторіи: «Впослѣдствіи, когда мы поняли подкладку ихъ нападокъ, мы стали создавать для противниковъ нашего дѣла роли; учреждали въ русскомъ музыкальномъ обществѣ разные комитеты. Крикуновъ приглашали въ члены этихъ комитетовъ и такъ постепенно умиротворяли страсти и личныя самолюбія».

Вѣроятно, эти же личныя самолюбія сотрудниковъ Рубинштейна были причиной его ухода изъ консерваторіи въ 1867 году. «Въ сентябрѣ 1867 года,—пишетъ онъ,—я оставилъ консерваторію, такъ какъ разошелся во взглядахъ съ нѣкоторыми ея профессорами на самую суть и цѣль преподаванія; при томъ я, дѣйствительно, человѣкъ темперамента пылкаго, да и крутъ; я горячо все беру къ сердцу, потому что горячо люблю самое дѣло» («Автобіографія»). Окончательное столкновеніе произошло по поводу экзаменовъ второго выпуска консерваторіи, на которыхъ профессора обнаружили слишкомъ снисходительныя требованія къ оканчивавшимъ. «Во избѣжаніе накопленія посредственностей въ искусствѣ, дипломъ слѣдуетъ выдавать только выдающимся изъ ряда обыкновеннаго, а въ другихъ случаяхъ замѣнять его аттестатомъ».

Черезъ 20 лѣтъ Рубинштейнъ вновь взялъ на себя обязанности директора консерваторіи и пробылъ на этомъ посту три съ половиной года (съ января 1887 до лѣта 1890 года). На этотъ разъ великій артистъ выдержалъ борьбу съ мелкими самолюбіями, еще меньшій срокъ, чѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ. Его идея, что консерваторія должна создавать только выдающихся артистовъ, не имѣла большого успѣха среди преподавательскаго персонала.

Юбилей Рубинштейна, отпразднованный въ 1889 году (съ 17 по 22 ноября) съ неслыханной торжественностью, показалъ, какъ искренно и безпредѣльно любили и преклонялись предъ этимъ артистомъ десятки тысячъ слышавшихъ его игру людей. Это преклоненіе было ярко выражено въ стихотвореніи А. Майкова, написанномъ еще въ 1883 году. Оно оканчивалось словами:

«Художникъ, слышишь ты?.. То гулъ благословеній!
Да, да, благословенъ, благословенъ стократъ
Твой въ царство свѣта насъ переносящій геній!»

Казалось бы, жизнь такого артиста должна быть сплошнымъ гимномъ радости. Но вотъ что писалъ Рубинштейнъ въ 1889 году своему берлинскому издателю Зенфу (письмо это было обнародовано только въ 1912 году). «Я признаюсь вамъ откровенно и честно, полнѣйшее разочарованіе является конечнымъ результатомъ всей моей артистической дѣятельности!

«То, чему я придавалъ особенное значеніе всю мою жизнь, чему я посвятилъ всѣ свои познанія, всѣ свои надежды—мою композиторскую дѣятельность постигла неудача. Во мнѣ не хотятъ признавать композитора ни артисты (на нихъ я постоянно возлагалъ особыя надежды), ни публика (которой я охотно готовъ это простить),—и все-таки во мнѣ осталось еще столько человѣческой слабости, что я себя увѣряю, что не правы и тѣ, и другіе, а я самъ виноватъ въ своихъ неудачахъ, потому что я постоянно держался въ сторонѣ отъ какой-либо партійности, потому что я всегда открыто высказывался, что мнѣ въ музыкѣ нравится или не нравится, и въ особенности потому, что я, какъ композиторъ, такъ мало надоѣдалъ людямъ: нужно говорить людямъ, что ты Богъ; они одного за это распинаютъ, но въ концѣ концовъ они кому-нибудь все-таки повѣрятъ.

«Магометъ долженъ былъ сказать людямъ, что онъ пророкъ, Вагнеръ—что онъ спаситель искусства, и т. д. Но меня свойственная мнѣ жилка философіи или ироніи всегда удерживала отъ подобнаго, но не къ добру, какъ я вижу,—во имя дьявола я все-таки не иду къ горѣ, если гора не идетъ ко мнѣ. Вся моя жизнь одна насмѣшка...

«Моя настоящая дѣятельность также только безсмыслица, ибо я, который глубоко убѣжденъ, что музыкальное искусство абсолютно умерло, что теперь не пишутъ и восьми тактовъ, которые бы чего-нибудь стоили, который убѣжденъ, что пѣніе и инструментальная игра (какая бы ни была) въ настоящее время не можетъ быть даже сравниваемо съ состояніемъ этихъ родовъ искусства въ прежнее время,—я все свое время трачу на то, чтобы подготовить изъ

молодежи композиторовъ и артистовъ, хорошо сознавая, что это напрасно потерянные труды. Послѣ всего этого вы можете себѣ представить, сколько ироніи мнѣ придется пережить при предстоящемъ вскорѣ такъ называемомъ юбилейномъ чествованіи меня».

Трагическое признаніе! И мы должны безусловно вѣрить искренности этого признанія, такъ какъ изъ великихъ людей Антонъ Рубинштейнъ былъ наиболѣе правдивымъ. Насколько усилилась бы горечь этого признанія теперь, когда имя Рубинштейна-композитора еще такъ много (и увы, справедливо) потеряло въ глазахъ публики и особенно музыкантовъ. И все же, это трагическое признаніе не вызываетъ въ насъ и тѣни сожалѣнія къ автору его. Прекрасная и счастливая была жизнь этого человѣка, и личность его пусть будетъ для насъ идеаломъ артиста, отдавшаго свою жизнь прекраснѣйшему изъ искусствъ—музыкѣ!

Викторъ Вальтеръ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Русская литература XX вѣка (1890—1910) подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. Изд. Т.—ва „Міръ“ Москва. Томъ I, вып. 1 и 2.

Уже давно чувствовалась потребность въ книгѣ, объединяющей явленія русской литературы двухъ послѣднихъ десятилѣтій; независимо отъ эстетической оцѣнки «новѣйшихъ теченій», отъ субъективныхъ симпатій или антипатій къ тому или другому ихъ представителю,—необходимо признать извѣстное вліяніе «модернизма» на цѣлое поколѣніе.

Какъ и всякое литературное и художественное теченіе, онъ неразрывно связанъ съ особымъ душевнымъ укладомъ эпохи; «модернизмъ»—не только «новыя явленія въ искусствѣ» это—новое жизнеощущеніе, новыя духовныя исканія. Особый духъ, стиль эпохи настолько всосался въ самую жизнь, что вторженіе его мы встрѣчаемъ въ творчествѣ людей иныхъ, уже сложившихся традицій, искренно не признающихъ «новыхъ теченій».

Выясненію связи русской литературы XX вѣка съ прошлымъ нашей литературы и общественности и съ нынѣшними идейными исканіями посвящены общія вводныя статьи С. А. Венгерова къ

каждому тому подъ общимъ названіемъ «этапы неоромантическаго теченія» [1]).

Начальнымъ моментомъ новѣйшихъ теченій русской литературы являются 90-е годы прошлаго столѣтія съ ихъ «зачинателями»: Бальмонтомъ, Брюсовымъ, Волынскимъ, Мережковскимъ, Гиппіусъ, Минскимъ, Сологубомъ и др. За время этихъ двухъ десятилѣтій, смѣна теченій русской мысли, общественныхъ настроеній, эстетическихъ лозунговъ—особенно въ послѣдніе годы—поражаетъ своей быстротой и стремительностью. Эта «эволюція» происходитъ и въ рамкахъ собственно «модернистской» литературы и, какъ извѣстно, заканчивается бунтомъ противъ «отжившаго символизма и декадентства», проявившимся въ «акмеизмѣ» и «футуризмѣ». При всей калейдоскопичности литературныхъ явленій указаннаго періода, С. А. Венгеровъ находитъ въ нихъ психологическій моментъ, объединяющій и Брюсова, и Сологуба, и Горькаго, опредѣляемый С. А. Венгеровымъ, какъ «жажда чрезвычайнаго»—«прочь отъ унылой сѣрости обыденщины, на широкій просторъ кипѣнія силъ, въ высь, въ даль, въ глубь». Это стремленіе «за предѣлы предѣльнаго»—по выраженію Бальмонта,—составляя сущность романтизма, очень близко и «новымъ теченіямъ».

Въ такомъ сближеніи разнородныхъ творческихъ индивидуальностей на почвѣ единаго общественнаго настроенія — какого-то предчувствія великаго общественнаго сдвига, «чего-то совсѣмъ новаго, небывалаго въ русской жизни», — по нашему мнѣнію, есть извѣстная искусственность: «все болѣе наростающее чувство чрезвычайности, завершившееся 1905 г.», не можетъ объединить «экзотику» Брюсова, призывы къ «бурѣ» Горькаго и «творимую легенду» Сологуба. Идейно и психологически—«жажда чрезвычайнаго» у Сологуба и Горькаго исходитъ изъ другихъ источниковъ; разница, можетъ быть, коренится не только въ ихъ полярно противоположныхъ индивидуальностяхъ, а именно въ томъ, что они явились выразителями разныхъ общественныхъ настроеній одной и той же эпохи.

Въ примѣненіи къ новѣйшимъ явленіямъ русской литературы С. А. Венгеровъ исходитъ изъ извѣстнаго своего взгляда на ея «героическій характеръ», на возвышенный общественный и этическій идеализмъ, проникающій русскую литературу. Для уразумѣнія текучаго содержанія идей, своеобразно преломляющихся въ творческой личности, необходимо, по мнѣнію автора, соединеніе принципа «пси-

[1]) Терминъ „неоромантизмъ“ С. А. Венгеровъ считаетъ наиболѣе соотвѣтственнымъ внутренней сущности „литературы XX вѣка“

хологизма» и общественности, какъ единственнаго цѣлесообразнаго методологическаго пріема. Исходя изъ этого, авторъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ и импрессіонистскій методъ Айхенвальда—«критику субъективныхъ отраженій», и пріемъ крайняго отвлеченія личности писателя отъ его эпохи и его читателя, примѣромъ котораго можетъ служить книга Гершензона о Чаадаевѣ; непримѣнимъ и принципъ экономическаго матеріализма къ явленіямъ русской литературы, въ которой «отъ Радищева до Л. Толстого идетъ непрестанная борьба не о старшемъ, а о младшемъ братѣ, не о сильныхъ міра сего, а объ «униженныхъ и оскорбленныхъ». Ближе къ подлинной жизни литературы — по мнѣнію С. А. Венгерова—«психологизмъ» Д. Н. Овсянико-Куликовскаго; но все же неправильнымъ считаетъ онъ взглядъ «на смѣну психологическихъ типовъ», какъ исходную точку литературнаго изслѣдованія. Міръ нашихъ чувствъ, эмоціи, страсти, въ своей сущности, «остались неизмѣнными отъ царя Соломона до нашихъ дней», и дѣло не въ эмоціяхъ, а въ «устремленіи», мѣняющемся отъ идейнаго содержанія эпохи. Властное, всепоглощающее чувство долга равно живетъ въ Пушкинской Татьянѣ и героинѣ Тургеневскаго «Порога», но въ одинъ и тотъ же эмоціональный порывъ эти героини разныхъ эпохъ вкладываютъ разное содержаніе. Исторія литературы и должна—по мнѣнію Венгерова,—уловить это мѣняющееся «содержаніе». Психологизмъ долженъ быть соединенъ съ анализомъ общественно-политической атмосферы...

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе «методологическихъ пріемовъ» С. А. Венгерова и его критики другихъ пріемовъ литературнаго изслѣдованія, ограничусь двумя, тремя замѣчаніями. Конечно, игнорированіе общественной среды и атмосферы, въ изслѣдованіяхъ по литературѣ и искусству, отрываетъ отъ жизни индивидуальное творчество; намъ просто бываетъ трудно себѣ его представить, какъ это чувствуется въ талантливомъ изслѣдованіи А. Бенуа по «исторіи живописи», гдѣ все происходитъ будто внѣ времени и пространства, внѣ яркихъ красокъ жизни и эпохи. Но исторія литературы не можетъ быть только исторіей идей, преломленныхъ въ творческой душѣ... Не отрывая искусства «отъ земли», мы представляемъ его себѣ, какъ міръ творческихъ преображеній жизни; различныя «теченія», какъ реализмъ, символизмъ и проч.—и представляютъ собой эти своеобразныя, по своей психологической сущности и по формѣ, художественныя воспріятія міра, соотвѣтственно духу разныхъ эпохъ. Отсюда и вытекаетъ необходимость—для познанія какого-либо литературнаго теченія—анализа этихъ своеобразныхъ, присущихъ его дѣятелямъ художественныхъ воспріятій и «отраженій», т. е. широкой психологической картины,

характеризующей переживанія эпохи, особаго преломленія ея въ данной художественной средѣ и особыхъ формальныхъ пріемовъ, характеризующихъ «направленіе»... Въ своихъ теоретическихъ предпосылкахъ С. А. Венгеровъ отдаетъ чрезмѣрное предпочтеніе «содержанію», идеямъ, надъ «формой»; въ то время какъ изученіе эволюціи формы даетъ именно возможность живѣе, ближе подойти къ подлиннымъ явленіямъ литературнаго процесса.

Не можемъ согласиться также со взглядомъ, что при оцѣнкѣ художественнаго произведенія мы должны обращаться къ «хозяину-читателю», «очарованіе» котораго произведеніемъ слова и есть непогрѣшимый критерій для нашего сужденія о художественныхъ достоинствахъ его. Вспомнимъ только, какъ былъ очарованъ «читатель»—и такой, какъ Тургеневъ,—знаменитой «Матильдой» Бенедиктова, и какъ цѣлыя поколѣнія «читателей» были во власти «очарованія» всякихъ «Знаменій времени», «Шагъ за шагомъ»; между тѣмъ, какъ эстетическія эмоціи, которыя С. А. Венгеровъ считаетъ необходимымъ условіемъ «дѣйственнаго вліянія литературы»,—тутъ играли наименьшую роль.

Общей характеристикой поэзіи 80-хъ г.г.—реакціи не только политической, но и общественной, съ ея героемъ, «великимъ инквизиторомъ» Побѣдоносцевымъ, и его «кладбищенскимъ міросозерцаніемъ»,—заканчивается вводная статья С. А. Венгерова. Мрачной реакціонностью эпохи объясняется и характеръ Чеховской поэзіи уныніе котораго было все же однимъ изъ ферментовъ великаго броженія 80-хъ годовъ.

Бальмонту, первому поэту эпохи «переоцѣнки всѣхъ цѣнностей», посвящена глубоко любовная, но нѣсколько путанная, какъ всегда, статья Е. Аничкова. Критикъ едва успѣваетъ слѣдовать за бѣгущими волнами настроеній и переживаній «вѣчно юнаго поэта». Отъ Надсоновскаго унынія и гражданскихъ мотивовъ—къ «лунной мечтательности», къ увлеченію Шелли, Поэ, вообще «Европой». Затѣмъ—страстныя исканія «новыхъ звоновъ», «новыхъ ритмовъ», «новой музыки»; жажда «экстатическихъ порывовъ»—пути «болѣе прямомъ къ истинѣ», чѣмъ «жалкія пять чувствъ — дорога лжи»; апоѳеозъ ирраціональности, «мудрый инстинктъ звѣря»; ницшеанство и «призывъ къ солнцу»; проклятіе—во имя этой стихійной солнечности и сверхчеловѣческой любви—«старымъ домамъ», некрасивымъ людямъ и выцвѣтшимъ словамъ, и наконецъ чувство родины черезъ огненный путь великой Революціи и проникновеніе во всеславянское народное творчество. Таковы многообразные напѣвы исполненной лиризма души Бальмонта. «Всѣ книги его—книги борьбы, нестройной, разноголосой, принимающей всю трагедію жизни и всѣ

ея ужасы, и въ то же время книги твердой увѣренности, что прекрасна жизнь, что борьбѣ настанетъ конецъ и побѣдитъ какое-то свѣтлое и доброе начало». Основная мысль статьи Е. Аничкова, что Бальмонтъ — поэтъ жизни, менѣе всего повинный въ грѣхѣ эстетизма,—въ такой категорической формулировкѣ, обосновывается невполнѣ убѣдительно. Именно въ стихахъ Бальмонта часто встрѣчается даже безвкусная «красивость», тотъ пошлый лирическій шаблонъ, который отчасти оправдываетъ злую статейку Чуковскаго, помѣщенную въ «Вѣсахъ», гдѣ «сладкіе» стихи Бальмонта сравнивались съ напомаженными виршами браваго унтеръ-офицера.

При всей сухости своей манеры—какой-то нарочитой ординарности изложенія, а порой и отдѣльныхъ мыслей, — статья В. Брюсова о Зинаидѣ Гиппіусъ даетъ законченную и цѣльную—несмотря на краткость—характеристику ея лирики, проникнутой своеобразнымъ паѳосомъ «кипящей льдистости» и нашедшей свою, виртуозную, утонченную и все же волнующую, трепетную форму. «Прозу же Гиппіусъ, можетъ быть, будутъ перечитывать потому, что намъ дорого все, написанное любимымъ поэтомъ».

Написанная нѣсколько размашисто, но съ искреннимъ и горячимъ увлеченіемъ статья Львова Рогачевскаго о Горькомъ, выражая уже почти установившійся взглядъ—о значительности Горькаго въ непосредственномъ творчествѣ, исполненномъ жизненной мощи и плѣнительной красочности, и слабости его надуманныхъ изложеній всякихъ теорій и доктринъ, читается съ живымъ интересомъ. Отчетливы характеристики «путей и перепутій» этого безпокойнаго искателя правды: то ницшеанца, то пѣвца русской революціи, то «богостроителя», то выразителя «пролетарской идеологіи», но всегда воодушевленнаго страстной и дѣйственной любовью къ человѣку, къ жизни, къ «великой, необозримой, тоскливой, обѣтованной Руси».

Тотъ же авторъ въ нѣсколько внѣшней, фотографической характеристикѣ Вересаева изображаетъ его не созерцателемъ общественныхъ теченій за послѣднія 2 десятилѣтія, а чуткимъ гражданиномъ-интеллигентомъ, лично пережившимъ вмѣстѣ съ обществомъ его исканія, идеалы, его борьбу и пораженіе.

Большой интересъ придаютъ этому изданію автобіографіи писателей. Чрезвычайно характерны факты и настроенія изъ дѣтства и юности Брюсова, между прочимъ «неодолимость соблазновъ міра страстей», почувствованная имъ въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ. До этихъ лѣтъ «воспитанный среди женщинъ—говоритъ В. Брюсовъ, я долго оставался цѣломудреннымъ, какъ дѣвочка; м. б. именно поэтому, когда предо мной открылся «міръ страсти», я предался ему съ особымъ увлеченіемъ. Мнѣ было 12—13 лѣтъ, когда я узналъ «про-

дажную любовь» и заглянулъ въ область кафешантановъ и «веселыхъ домовъ»... Эту «неодолимость» властнаго полового экстаза ярче и сильнѣе всего выражалъ В. Брюсовъ въ своей лирикѣ, доходя порою до подлиннаго откровенія, т. е. истинной поэзіи; въ выраженіи этой «мистики пола» мы никогда не почувствуемъ того холоднаго мастерства, которое часто у Брюсова замѣняетъ подлинную поэзію.

Острый интересъ вызываетъ и менѣе откровенная и краткая автобіографическая замѣтка З. Гиппіусъ.

Цѣлая полоса эстетическихъ и философскихъ исканій, пережитая частью русской интеллигенціи, освѣщается въ обстоятельной автобіографической статьѣ Л. Гуревичъ «Исторія Сѣвернаго Вѣстника», съ которой сливается «исторія жизни» его издателя.

При разноцѣнности критическихъ статей, неизбѣжной пестротѣ манеры и стиля, при отсутствіи единства общихъ исходныхъ точекъ зрѣнія, эти первые два выпуска «Русской литературы XX вѣка»—прекрасно изданные, украшенные удачно подобранными и выполненными портретами, автографами и проч.,—даютъ цѣнный фактическій матеріалъ, значеніе котораго увеличится обѣщанной при каждомъ томѣ исчерпывающей библіографіей. Эта книга явится интереснымъ и полезнымъ пособіемъ для всякаго, въ комъ живъ интересъ къ современности, къ современной сложной душѣ, кому дороги нѣкоторыя духовныя цѣнности, созданныя эпохой и уже вошедшія въ міровую культуру.

Е. Як—нъ.

— С. П. Сингалевичъ. Составъ населенія г. Оксиринха въ первые три вѣка римскаго господства въ Египтѣ (30 г. до Р. Хр.—284 по Р. Хр.). Казань. 1913.

— С. Сингалевичъ. Совѣтъ г. Оксиринха III вѣка по Р. Хр. Харьковъ. 1913.

Изслѣдованія въ области папирологіи, которымъ многіе изъ виднѣйшихъ ученыхъ Западной Европы посвящаютъ за послѣднее время всѣ свои силы, у насъ, въ Россіи, являются, по крайней мѣрѣ пока, весьма скудными. Врядъ ли можно насчитать хотя бы нѣсколько десятковъ работъ, посвященныхъ данному предмету. И потому появленіе въ этой области новыхъ двухъ статей представляется событіемъ, далеко не лишеннымъ значительнаго интереса.

Двѣ небольшія работы г. Сингалевича, заглавія которыхъ указаны выше, заключаютъ въ себѣ статьи, своевременно напечатанныя, первая — въ сборникѣ, посвященномъ профессору Корсакову, а вторая въ сборникѣ статей въ честь профессора Бузескула

Въ статьѣ «Составъ населенія г. Оксиринха» г. Сингалевичъ ставитъ себѣ задачей «освѣтить вопросъ о національномъ и сословномъ составѣ населенія Оксиринха», а также и вопросъ о распредѣленіи населенія по роду занятій. Источники даютъ автору вполнѣ достаточный для этого матеріалъ, такъ какъ вопросъ о качественномъ составѣ населенія наиболѣе полно представленъ въ папирусахъ именно въ отношеніи Оксиринха. Добытыя авторомъ данныя, согласно замыслу, группируются имъ въ трехъ главахъ очерка. Первая посвящена выясненію состава населенія Оксиринха съ точки зрѣнія національности. Здѣсь г. Сингалевичъ на основаніи матеріала папирусовъ подкрѣпляетъ тѣ заключенія, которыя могли быть сдѣланы по этому поводу a priori на основаніи лишь историческаго прошлаго Египта вообще. Во второй главѣ тотъ же основной вопросъ трактуется съ точки зрѣнія сословности, и поставленная проблема разрѣшается авторомъ въ связи съ явленіемъ такъ называемаго «фискальнаго эпикризиса». Третья глава предлагаетъ рѣшеніе вопроса о распредѣленіи населенія Оксиринха по роду занятій. При этомъ авторъ заявляетъ, что онъ не намѣренъ «касаться вопроса о дѣятельности многочисленныхъ чиновниковъ Оксиринха—государственныхъ и городскихъ, ибо это значило бы разсматривать вопросъ объ управленіи города», а равнымъ образомъ обходитъ и нѣкоторыя другія профессіи. Принимая во вниманіе только *ремесленниковъ* Оксиринха, онъ, такимъ образомъ, значительно ограничиваетъ въ данной главѣ поле изслѣдованія. Очеркъ заканчивается сообщеніемъ нѣкоторыхъ любопытныхъ свѣдѣній о ремесленныхъ организаціяхъ Оксиринха, относящихся, впрочемъ, уже къ болѣе позднему времени, что оговариваетъ и самъ авторъ.

Но если, изслѣдуя въ первомъ очеркѣ вопросъ о населеніи Оксиринха, г. Сингалевичъ уклоняется отъ разсмотрѣнія проблемъ объ управленіи этимъ городомъ, то второй его очеркъ касается какъ разъ вопросовъ администраціи. И такимъ образомъ «Совѣтъ Оксиринха III вѣка по Р. Хр.» является органически связаннымъ съ очеркомъ о «Составѣ населенія», представляетъ изъ себя естественное его продолженіе. Этотъ второй очеркъ распадается также на три части. Въ первой устанавливается время возникновенія совѣта въ г. Оксиринхѣ, пріурочиваемое къ первой половинѣ 202 года. Вторая касается внѣшней исторіи совѣта: его состава, условій, которымъ должны удовлетворять его члены, отношенія къ коллегіи архонтовъ и т. п. Третья часть посвящена вопросу о компетенціи совѣта, отношеніямъ къ нему центральнаго правительства и отношеніямъ совѣта къ стратегу и эпистратегу.

По поводу этихъ очерковъ г. Сингалевича сдѣлаемъ слѣдующія

краткія замѣчанія. Относительно перваго нельзя не пожалѣть, что въ немъ сразу охватывается слишкомъ большой періодъ времени, что, безъ сомнѣнія, не можетъ не отразиться на ясности и отчетливости излагаемыхъ идей. Такъ, напримѣръ, значеніе Σωησιων 'εδυς при заключеніи юридическихъ сдѣлокъ не могло быть одинаковымъ до и послѣ 212 года, а благодаря указанному обстоятельству, это достаточно ясно не оттѣняется. Кромѣ того, мы, пожалуй, не согласились бы съ авторомъ очерка и въ толкованіи знаменитаго эдикта Каракаллы. — Что касается второго очерка, то относительно его мы можемъ лишь сказать, что интересъ его въ значительной степени увеличивается на томъ основаніи, что, трактуя о совѣтѣ Оксиринха, онъ даетъ весьма не мало и для уясненія сложнаго вопроса о муниципальной автономіи римскаго Египта вообще.

Б. П. Ивановъ.

— Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Архивъ Царства Польскаго. Ч. I. Внутреннія дѣла Польши. Описалъ И. С. Рябининъ. Москва, 1914. Стр. 8+241.

По взятіи Варшавы Суворовымъ въ 1794 г., государственный архивъ Рѣчи Посполитой (метрика коронная и литовская) перевезенъ былъ въ Петербургъ, гдѣ по повелѣнію Екатерины II для разбора его образована была особая комиссія, работавшая съ 1796 г. по 1798 г. Комиссія раздѣлила архивъ на двѣ части: одна изъ нихъ, обнимающая внѣшнія дѣла, по сношеніямъ Польши съ иностранными державами, передана была въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а въ 1828 г.—въ московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ; другая же часть документовъ, касающаяся внутренняго управленія, передана была въ сенатъ, откуда въ 1887 г. перешла въ московскій архивъ министерства юстиціи. Хранящійся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ «архивъ Царства Польскаго» состоитъ изъ двухъ приблизительно равныхъ собраній документовъ и дѣлъ. Первое обнимаетъ, главныхъ образомъ, царствованіе Станислава-Августа Понятовскаго и періодъ его жизни послѣ отреченія отъ престола; второе содержитъ бумаги, касающіяся внѣшней исторіи рѣчи Посполитой, начиная съ XIV в. Описанію перваго изъ этихъ собраній посвященъ трудъ И. С. Рябинина. Весь матеріалъ, вошедшій въ составленную имъ опись, раздѣленъ на 52 части, образующія собою четыре основныхъ отдѣла. Первый заключаетъ, главнымъ образомъ, архивы отдѣльныхъ учрежденій XVIII в. (сеймовыя конституціи и сеймовые дневники, документы,

относящіеся къ польской торговлѣ, диссидентскому вопросу, радомской конференціи, къ дѣламъ эдукаціонной комиссіи, постояннаго совѣта и др.). Второй отдѣлъ обнимаетъ собою возстаніе Косцюшки и капитуляцію Варшавы, третій, наиболѣе обширный—бумаги Станислава-Августа Понятовскаго и, наконецъ, четвертый—различные документы, по предмету своему не входящіе въ указанныя выше рубрики. Уже этотъ бѣглый обзоръ даетъ нѣкоторое представленіе о богатствѣ и значительной цѣнности архива, путеводителемъ къ которому предназначенъ служить трудъ г. Рябинина. Не ограничиваясь внѣшнимъ перечнемъ документовъ, составитель описанія сплошь и рядомъ вкратцѣ приводитъ и ихъ содержаніе. Пользованіе книгою существенно облегчается благодаря приложеннымъ къ ней указателямъ—личному, предметному и географическому.

С. Г.

— Феликсъ Шенвицъ. Власть римскаго домовладыки. Варшава. 1914.

Работа г. Шенвица, носящая указанный выше заголовокъ, представляетъ собою объемистое и добросовѣстное изслѣдованіе взятаго темою предмета. По общему своему плану она распадается на три части. Въ первой,—носящей вводный характеръ,—авторъ касается вопросовъ о сущности и происхожденіи римской familiae, о родовыхъ и агнатическихъ правахъ, останавливается на римской терминологіи и даетъ абриссъ положенія домовладыки, какъ жреца семейнаго культа. Вторая часть посвящена авторомъ детальному изслѣдованію тѣхъ отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ складывается власть римскаго домовладыки вообще. Авторъ подробно и обстоятельно толкуетъ о власти надъ женой, дѣтьми, рабами, кліентами, вольноотпущенными и надъ кабальными. Третью часть составляетъ заключительная глава, въ которой кратко резюмируются добытыя данныя и проводится параллель между положеніемъ главы дома въ Римѣ и родительскою властью нашего времени. Работа написана прекраснымъ языкомъ и содержитъ богатый фактическій матеріалъ. Появленіе ея можно отъ души привѣтствовать.

Но, какъ и всякое дѣло рукъ человѣческихъ, она не чужда, конечно, и нѣкоторыхъ недочетовъ. Мы отмѣтили бы главнымъ образомъ три пункта, въ отношеніи которыхъ не можемъ согласиться съ г. Шенвицемъ. Два изъ нихъ носятъ, на нашъ взглядъ, характеръ недочетовъ по существу, третій же касается преимущественно системы работы. Во-первыхъ, мы высказались бы противъ того сильно преувеличеннаго значенія религіи въ древнемъ Римѣ,

которое признаетъ и сильно подчеркиваетъ авторъ. Такое мнѣніе, достигнувъ своего кульминаціоннаго пункта въ ученіи Фюстель-де-Куланжа, теперь уже замѣтно потеряло кредитъ. Во-вторыхъ, намъ кажется, что авторъ не точно смотритъ на генезисъ власти римскаго домовладыки въ его общемъ. Послѣднее проистекаетъ, на нашъ взглядъ, оттого, что г. Шенвицъ при своемъ изслѣдованіи желаетъ базировать исключительно на юридической сторонѣ предмета. А при такомъ порядкѣ вещей взглядъ по существу и не можетъ быть правильнымъ, особенно въ отношеніи древнѣйшаго времени, что̀ опредѣленно и совершенно основательно было подчеркнуто еще со стороны Паделлетти. Г. Шенвицъ представляетъ себѣ общую эволюцію власти римскаго домовладыки, какъ движеніе отъ абсолютной независимости къ большей или меньшей связанности. Юридически это можетъ быть и вѣрно, но надлежащаго пониманія дѣла въ его цѣломъ не даетъ. Иное дѣло, если мы примемъ во вниманіе фактическій моментъ или хотя бы лишь ближе опредѣлимъ сущность юридическаго момента для древнѣйшей эпохи. Тогда характеръ занимающей насъ эволюціи представится намъ въ иномъ видѣ... Наконецъ, въ третьихъ, нельзя не посѣтовать на автора за чрезмѣрную краткость его заключительныхъ, сводныхъ, замѣчаній. Въ настоящемъ своемъ видѣ работа его носитъ характеръ скорѣе ряда очерковъ. Есть въ работѣ г. Шенвица и другіе, сравнительно болѣе мелкіе промахи. Это уже промахи частнаго характера. Приведемъ примѣры. Останавливаясь на положеніи кліентовъ и взаимоотношеніяхъ между этими послѣдними и ихъ патрономъ, авторъ не считаетъ нужнымъ остановиться нѣсколько подробнѣе на вопросѣ о происхожденіи кліентелы, и въ зависимости отъ этого, самое понятіе кліентелы является у него какъ бы одностороннимъ. То же слѣдуетъ замѣтить и о понятіи «mancipium». Впрочемъ, сущности этого въ высшей степени сложнаго и спорнаго отношенія авторъ и не могъ вполнѣ обстоятельно уяснить (по крайней мѣрѣ въ отношеніи исторической перспективы) въ силу того, что въ своемъ изслѣдованіи онъ принимаетъ это отношеніе во вниманіе лишь съ его личной стороны, опуская вещную. Можно отмѣтить, далѣе: нѣсколько произвольное, какъ намъ кажется, толкованіе презумпціи Муція (стр. 89), неясности въ ученіи о вычетахъ изъ приданаго, гдѣ авторъ уклоняется отъ смысла источниковъ (стр. 103), неудачную замѣну термина «сводничество» словомъ «сватаніе» (стр. 189) и т. п. мелочи.

Б. П. Ивановъ.

— Jules Amar. Le moteur humain et les bases scientifiques du travail professionel. Paris.

Сколько ума вложено въ дѣло усовершенствованія бездушныхъ машинъ, служащихъ орудіями для человѣческаго труда! Не пора ли также подумать и объ усовершенствованіи послѣдняго, внося въ него такую же раціональность и систематичность, которыя привели къ такимъ чудеснымъ результатамъ въ неодушевленномъ мірѣ? Этотъ вопросъ сильно занимаетъ въ послѣднее время и теоретиковъ, и практиковъ. Года два тому назадъ американскій инженеръ Тэйлоръ опубликовалъ, вызвавшій огромную сенсацію, трудъ о «принципахъ научной организаціи заводской работы»; нынѣ французскій ученый, Жюль Амаръ ставитъ этотъ вопросъ строго научно: «человѣческій двигатель и научныя основы профессіональной работы».—Амаръ стоитъ во главѣ спеціальной «лабораторіи для изслѣдованій профессіональной работы», учрежденной при парижской «Консерваторіи искусствъ и ремеслъ» (Canservatoire national des Arts et Métiers). Опубликованный нынѣ его трудъ составляетъ результатъ многолѣтнихъ экспериментальныхъ изслѣдованій по этому чрезвычайно важному и очень сложному вопросу. Мы не въ состояніи здѣсь излагать богатаго содержанія этого замѣчательнаго труда и ограничиваемся указаніемъ на его появленіе и характеристикой примѣненнаго метода изслѣдованія.

Авторъ изучаетъ свой предметъ: «человѣческій двигатель», какъ изучается всякая машина. Онъ разлагаетъ свою машину на ея составныя части (конечно, только мысленно) и старается опредѣлить роль и значеніе, съ точки зрѣнія механики, каждаго члена человѣческаго организма;—въ особенности, конечно, мускуловъ и костей. Затѣмъ онъ разсматриваетъ условія фабрикаціи энергіи въ человѣческомъ организмѣ,—моторную силу человѣка. Въ заключеніи онъ обозрѣваетъ результаты опытовъ съ «человѣческимъ двигателемъ»,—своихъ собственныхъ и чужихъ. Эти изслѣдованія открываютъ новыя, широкія перспективы въ области труда. Несомнѣнно, «человѣческій двигатель» также могъ бы быть еще болѣе усовершенствованъ; несомнѣнно, что и въ этой области мы еще весьма далеки отъ послѣдняго слова. Это показываетъ, если требуются какія-нибудь доказательства, хотя бы тотъ фактъ, что даже въ самой простой

формѣ труда—перенесеніи тяжестей съ одного мѣста на другое—Тэйлору удалось увеличить въ *три раза* производительность труда безъ малѣйшаго увеличенія количества затраченной при этомъ энергіи.

Р.

— Высшія начальныя училища. Сборникъ законовъ, распоряженій, статистическихъ свѣдѣній и пр. о городскихъ и высшихъ начальныхъ училищахъ. Составилъ А. Меленевскій. Спб., 1914. Стр. 268. Цѣна 3 руб.

Законъ 25 іюня 1912 года о высшихъ начальныхъ училищахъ внесъ нѣкоторыя существенныя измѣненія въ постановку и организацію начальнаго образованія. Въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1 іюня 1912 г. преобразованію въ высшія начальныя подлежатъ городскія училища, существующія по положенію 1872 г. Этому преобразованію уже подверглись 883 городскихъ училища, и въ текущемъ году должна закончиться реогранизація всѣхъ остальныхъ. Народныя училища повышеннаго типа, по закону 25 іюня 1912 г., могутъ быть открываемы и содержимы какъ правительствомъ, такъ и земскими, городскими учрежденіями, сословіями, обществами, товариществами и частными лицами (въ 1913/14 учебномъ году такихъ школъ существовало 1.059). Совершающаяся реорганизація городскихъ училищъ, возрастающій спросъ на народную школу повышеннаго типа, нѣкоторая доля иниціативы, которую, въ смыслѣ удовлетворенія этой потребности, законъ 25 іюня 1912 г признаетъ за общественными учрежденіями и частными лицами,—все это, въ виду новизны дѣла и неизбѣжныхъ затрудненій при осуществленіи его на первыхъ порахъ, вызываетъ необходимость въ справочной книгѣ практическаго характера. Нельзя поэтому не привѣтствовать появленія книги, выпущенной А. Меленевскимъ и предназначенной служить руководствомъ для лицъ, интересующихся дѣломъ устройства высшихъ начальныхъ училищъ. Сверхъ законодательнаго матеріала составитель сборника, благодаря своему служебному опыту (въ качествѣ дѣлопроизводителя разряда учительскихъ институтовъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства народн. просвѣщенія), имѣлъ возможность включить въ свою книгу многочисленные циркуляры, распоряженія и оффиціальныя разъясненія, знакомство съ которыми важно для избѣженія обычныхъ на практикѣ недоразумѣній и затрудненій. Введеніемъ къ книгѣ служитъ праткій историческій очеркъ развитія начальныхъ училищъ (стр. 5—13). За

нимъ слѣдуютъ: текстъ закона 25 іюня 1912 г.; относящіеся къ нему циркуляры и разъясненія; положеніе о городскихъ училищахъ 31 мая 1872 г. и инструкція для таковыхъ (сохранившая силу и для начальныхъ училищъ); цѣнныя указанія и свѣдѣнія по строительной части, съ планами школьныхъ зданій; правила для спеціальныхъ испытаній на званіе учителя и учительницы высшаго начальнаго училища и учебныя программы. Весьма интересны помѣщенныя въ приложеніи къ книгѣ справки и статистическія данныя о городскихъ и высшихъ начальныхъ училищахъ, объ ассигнованныхъ на ихъ нужды кредитахъ, о строительномъ капиталѣ, о родѣ училищъ, числѣ учащихся и учащихъ, образовательномъ цензѣ послѣднихъ и др., также списокъ существующихъ высшихъ начальныхъ и городскихъ училищъ, по учебнымъ округамъ и городамъ. Книга снабжена предметнымъ указателемъ. Въ сборникѣ г. Меленевскаго дѣятели на поприщѣ народнаго образованія найдутъ немало полезныхъ и практически цѣнныхъ указаній.

С. Г.

— К. С. Лейтесъ. Германскіе комми-вояжеры. СПБ. 1914.

Характерная черта современной промышленности—забрасываніе рынка товарами—ставитъ передъ каждымъ предпринимателемъ вопросъ о способахъ распространенія своего фабриката, о средствахъ сдѣлать его извѣстнымъ по возможности наибольшему числу покупателей и заставить послѣднихъ предпочесть его продукту другихъ производителей. Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ этого рода нужно считать порученіе дѣла распространенія продукта особымъ лицамъ, путемъ непосредственныхъ сношеній съ покупателями знакомящимъ ихъ съ данной фирмой, изучающимъ требованія соотвѣтствующихъ рынковъ для приспособленія къ нимъ производства и получающимъ отъ нихъ заказы. Институтъ комми-вояжеровъ долженъ играть особенно важную роль въ международной конкурренціи производителей, пріобрѣтающей болѣе и болѣе острый характеръ, и общепризнанные успѣхи Германіи въ дѣлѣ вытѣсненія на внѣшнихъ рынкахъ англійскихъ и французскихъ фабрикатовъ объясняются въ очень значительной степени широкимъ использованіемъ этого института. Бисмаркъ считалъ комми-вояжеровъ даже «лучшими піонерами германизма за границей: въ какую бы заокеанскую страну германскій комми-вояжеръ ни поставилъ ногу — за нимъ слѣдуютъ и германская торговля, и германскій флотъ»; можно было бы, пожалуй, прибавить: «и германское политическое вліяніе».

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что совершенно частное по его первоначальнымъ источникамъ учрежденіе комми-вояжеровъ вышло далеко за предѣлы узко-предпринимательскаго интереса, пріобрѣтаетъ обще-экономическое и не чуждо политическаго значенія; становится одной изъ характернѣйшихъ чертъ преуспѣвающей капиталистической промышленности и, какъ таковая, заслуживаетъ всеобщаго вниманія. Съ этой точки зрѣнія указанная въ заголовкѣ нашей замѣтки книжка г. Лейтеса, знакомящая читателя съ организаціей даннаго института въ Германіи, не можетъ не привлечь къ себѣ вниманія каждаго, интересующагося экономическими вопросами. Къ книжкѣ приложена анкета редакціи періодическихъ изданій министерства финансовъ по вопросу о роли германскихъ комми-вояжеровъ въ Россіи.

— Е. А. Олюнина. Портновскій промыселъ въ Москвѣ и въ деревняхъ Московской и Рязанской губ. Москва. 1914.

Это второй, вышедшій изъ семинарія по политической экономіи пр. Гольдштейна трудъ, относящійся къ домашней промышленности въ Россіи (о первой работѣ, г-жи Курской, въ свое время сообщалось въ нашемъ журналѣ), и оба они имѣютъ ту особенность, что посвящены мало изслѣдованнымъ отраслямъ (часовому и портняжному), и что въ центрѣ изслѣдованій находится городъ Москва, въ отношеніи домашней промышленности, какъ и другіе наши города, почти не подвергавшійся изученію. Трудъ Е. А. Олюниной особенно живо долженъ интересовать читателя, потому что онъ касается отрасли сравнительно новой (массовое производство на продажу так. наз. моднаго платья въ Россіи появилось лишь въ 80-хъ годахъ), производящей продукты, покупаемые всѣми нами и за которой во всемъ мірѣ утвердилась репутація выжимателя человѣческаго пота по преимуществу. Въ центрѣ изслѣдованія г-жи Олюниной,—какъ сказано выше, стоитъ Москва; экскурсія же въ деревни Московской и Рязанской губерніи вызвана тѣмъ, что въ послѣднихъ приготовляется одежда для крупныхъ московскихъ фирмъ, не только одѣвающихъ ею Москву, но и снабжающихъ готовымъ платьемъ значительную часть Европейской Россіи и Сибирь, и отпускающихъ ее за границу.

Работа г-жи Олюниной составлена, главнымъ образомъ, на основаніи личнаго изслѣдованія крупныхъ московскихъ портняжныхъ фирмъ, работающихъ платье по заказу потребителей на продажу (так. наз. конфекціоны), и мелкихъ мастерскихъ, выполняю-

щихъ (по преимуществу), заказы предпріятій предыдущей категоріи. Изъ ея труда мы знакомимся съ организаціей портновской промышленности въ одномъ изъ крупнѣйшихъ ея центровъ и съ положеніемъ рабочаго персонала этой отрасли въ Москвѣ и работающихъ на Москву деревняхъ. Рабочему вопросу посвящена преобладающая часть труда г-жи Олюниной; и собранный ею матеріалъ разработанъ детально—быть можетъ даже детальнѣе, чѣмъ это заслуживаетъ незначительное по нѣкоторымъ вопросамъ количество цифровыхъ данныхъ. Но это обстоятельство, конечно, не можетъ опорочить разсматриваемаго труда, какъ обстоятельнаго изслѣдованія по рабочему вопросу въ крупномъ портновскомъ центрѣ, пополняющаго одинъ изъ пробѣловъ въ изученіи экономическаго быта Россіи. Одна глава книги Е. А. Олюниной посвящена характеристикѣ эволюціи портновской промышленности въ чужихъ странахъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Общее политическое положеніе.—Безпокойство нейтральныхъ державъ и толки о посредничествѣ.—Рѣчь германскаго канцлера.—Министерскія рѣчи въ Англіи.—Политика балканскихъ государствъ и македонская распря.—Неопредѣленное положеніе нейтральныхъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Пятый мѣсяцъ войны начинается при обстоятельствахъ, ясно указывающихъ на полную неудачу всѣхъ агрессивныхъ плановъ Германіи, какъ на западной границѣ, противъ Франціи и Бельгіи, такъ и на восточномъ фронтѣ, противъ Россіи. Но милліонныя нѣмецкія арміи съ необыкновеннымъ упорствомъ повторяютъ свои попытки дѣйствовать наступательно, не останавливаясь ни передъ какими жертвами, и германскіе правители ни за что не хотятъ отказаться отъ несбыточной надежды на будущую окончательную побѣду надъ противникомъ. Общественное мнѣніе раздѣляетъ эту патріотическую иллюзію, опираясь на тотъ безспорный фактъ, что до сихъ поръ военныя дѣйствія происходятъ большею частью на чужой территоріи: германскія войска содержались фактически насчетъ Бельгіи, сѣверной Франціи и значительной части Царства Польскаго, и германская казна обогащалась огромными поборами и

контрибуціями съ населенія занятыхъ областей и городовъ. Нѣмцы не чувствуютъ опасности непріятельскаго нашествія, пока ихъ вооруженныя силы сражаются гдѣ-нибудь около Суассона или Реймса, Ловича или Петрокова, и они съ гордостью могутъ заявить, что ими взяты первоклассныя крѣпости, въ родѣ Антверпена, и завоеваны чужія земли, присоединеніе которыхъ къ составу имперіи было бы достаточнымъ вознагражденіемъ за всѣ произведенныя затраты.

Оффиціальная Германія, очевидно, ничего не имѣла бы противъ переговоровъ о мирѣ на почетныхъ для нея условіяхъ съ сохраненіемъ за нею части занятыхъ территорій; но она дѣлаетъ съ своей стороны все возможное, чтобы расширить кругъ участниковъ войны и придать ей болѣе ожесточенный характеръ, устраняющій всякую почву для компромиссовъ. Побудивъ Турцію объявить «священную войну» противъ иновѣрцевъ, Германія думала поднять весь мусульманскій міръ противъ Англіи, Франціи и Россіи, но въ дѣйствительности подняла народныя турецкія массы противъ европейцевъ вообще и вызвала устройство обычныхъ погромовъ въ турецкихъ областяхъ съ христіанскимъ населеніемъ. Въ Константинополѣ пострадали всякіе вообще иностранцы, за исключеніемъ тѣхъ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ, которыхъ спеціально охраняла турецкая полиція; въ провинціи жертвами турецкаго патріотизма были, по обыкновенію, армяне и греки. Выступленіе вооруженныхъ турецкихъ силъ противъ Россіи не принесло пока никакой пользы Германіи, а только яснѣе опредѣлило наше общее международное положеніе и облегчило наши политическія задачи на ближнемъ Востокѣ.

Существовавшія еще у насъ разногласія съ Англіею относительно Босфора и Дарданеллъ сразу исчезли послѣ того, какъ правители Оттоманской имперіи отдали себя въ распоряженіе Германіи и присоединились къ ея воинственному походу противъ державъ тройственнаго согласія. Англичане и французы избавились отъ традиціонной роли охранителей неприкосновенности Оттоманской имперіи и могли спокойно предоставить турокъ ихъ собственной судьбѣ. Россія пріобрѣла полную свободу дѣйствій по отношенію къ Турціи, и это, само по себѣ, составляетъ для насъ крупный выигрышъ, послѣдствія котораго могутъ имѣть огромное политическое значеніе. Русскимъ войскамъ на Кавказѣ приходится теперь очищать пограничныя армянскія земли отъ полчищъ башибузуковъ и курдовъ, состоящихъ подъ нѣмецкой командою, и въ борьбѣ съ этими турецкими полчищами гораздо труднѣе, чѣмъ въ дѣлахъ съ французами или англичанами, соблюдать установленныя ограничительныя нормы международнаго права. Тѣмъ не менѣе, въ назиданіе германскимъ

командирамъ, свирѣпствующимъ на театрахъ войны въ Европѣ, наши кавказскія военныя власти признали для себя обязательнымъ держаться слѣдующихъ правилъ, опубликованныхъ въ приказѣ главнокомандующаго, графа Воронцова-Дашкова, отъ 10 ноября:

«Всю мощь нашего оружія обращать исключительно противъ вооруженнаго непріятеля. Мирное населеніе, къ какой бы національности оно ни принадлежало, должно пользоваться одинаковымъ нашимъ покровительствомъ.

«Не дѣлать никакихъ различій въ отношеніи вѣроисповѣданія; мусульманское населеніе должно пользоваться такимъ же положеніемъ, какъ и христіанское.

«Грабежей, убійствъ, разбоевъ, а равно нарушенія правъ чужой собственности въ занятыхъ нами областяхъ отнюдь не допускать и виновныхъ въ учиненіи этихъ преступленій, безъ различія національностей, предавать военному суду.

«Сформированныя при участіи полевого штаба дружины изъ добровольцевъ считать нештатными, нерегулярными воинскими частями и всецѣло подчинить ихъ начальникамъ тѣхъ отрядовъ, къ которымъ эти дружины приданы. Ихъ отношеніе къ мѣстному населенію должно подчиняться тѣмъ же требованіямъ, какія указаны выше для регулярныхъ войскъ.

«Никакихъ налоговъ и поборовъ съ мѣстнаго населенія не допускать. За все реквизируемое уплачивать по оцѣнкѣ. Къ реквизиціямъ прибѣгать въ крайности, отдавая преимущество покупкѣ на наличныя деньги по обоюдному соглашенію».

Этотъ замѣчательный приказъ, выражающій истинныя воззрѣнія лучшей части нашей арміи и ея командного состава, служитъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на жалкія германскія обвиненія и выдумки, которыми наши противники оправдываютъ свои собственныя злоупотребленія и жестокости. Между тѣмъ Германія не стѣсняется дѣйствовать въ прежнемъ духѣ, систематически опустошая занимаемыя ею области; на-дняхъ еще она наложила на разоренную Бельгію новую контрибуцію въ 375 милліоновъ франковъ въ вознагражденіе за убытки, причиненные нѣмцамъ нарушеніемъ нейтралитета бельгійцами. До чего доходитъ издѣвательство надъ «побѣжденными»! Мало того, что нейтралитетъ Бельгіи грубѣйшимъ образомъ нарушенъ и вся страна разорена германцами, но ее же обвиняютъ въ нарушеніи своего собственнаго нейтралитета и ее же заставляютъ платить за причиненные этимъ убытки. Сверхъ того, Бельгія обязывается вносить ежемѣсячно по 35 милліоновъ франковъ на содержаніе германскихъ войскъ,—хотя добывать эти милліоны некому и негдѣ послѣ разгрома мѣстныхъ промышленныхъ

центровъ. Опустошая страну и разоряя все ея населеніе, германцы въ то же время хотятъ собирать съ нея милліоны дохода и обезпечить продовольствіе арміи мѣстными средствами,—и они какъ будто не сознаютъ явной несообразности этой грабительской тактики. Въ своихъ личныхъ объясненіяхъ съ представителями занятыхъ городовъ германскія военныя власти обыкновенно, вмѣсто всякихъ мотивовъ, повторяютъ одни и тѣ же слова, не допускающія никакихъ возраженій: «c'est la guerre»,—«такова война». Въ этихъ двухъ словахъ отражается особый взглядъ на войну, какъ на явленіе стихійное, не подчиненное доводамъ разсудка: всякія ссылки на здравый смыслъ, на чувства человѣчности и справедливости, даже на интересы самихъ побѣдителей, отбрасываются въ сторону, какъ несовмѣстимыя съ духомъ войны. Простымъ указаніемъ на военную силу оправдывается всякое беззаконіе, хотя бы и нелѣпое и безцѣльное. Разсуждать безполезно, когда мы имѣемъ предъ собою насильника, вооруженнаго съ головы до ногъ и не признающаго ничего святого: онъ можетъ сдѣлать все, что ему угодно—разрушить драгоцѣнные памятники старины, убивать и грабить мирныхъ жителей, налагать милліонныя контрибуціи на разоренный край, и свои дѣйствія онъ будетъ спокойно прикрывать словами: «такова война». Но если такова современная война, то чѣмъ отличается она отъ грандіозныхъ разбойничьихъ предпріятій древнихъ временъ? Такъ ли представляли себѣ войну тѣ военные и дипломатическіе авторитеты, которые формулировали установившіеся обычаи и законы войны въ проектѣ брюссельской конференціи 1874 года и въ гаагскихъ конвенціяхъ 1899 и 1907 годовъ, подписанныхъ между прочимъ и Германіею?

Открытое, безцеремонное игнорированіе этихъ соглашеній со стороны Германіи и Австро - Венгріи составляетъ самый позорный фактъ новѣйшей международной политики. Печальнѣе всего то видимое равнодушіе, съ какимъ нейтральныя государства, въ томъ числѣ и Соединенные Штаты, относятся къ этому грубому попранію важнѣйшихъ, элементарныхъ нормъ международнаго права, хотя въ то же время принимаютъ близко къ сердцу нарушаемые войною чисто-матеріальные интересы морского судоходства. Въ газетахъ напечатанъ былъ текстъ ноты протеста, опубликованной въ Стокгольмѣ 5 (18) ноября и обращенной къ «нѣкоторымъ изъ воюющихъ державъ» правительствами трехъ нейтральныхъ государствъ—Даніи, Швеціи и Норвегіи. Такъ какъ нота касается только интересовъ морской торговли, то подъ «нѣкоторыми изъ воюющихъ» слѣдуетъ, вѣроятно, разумѣть Англію, Францію и Японію. «Нейтральныя страны, озабоченныя соблюденіемъ самаго строгаго безпристрастія,—говорится въ этой нотѣ,—преслѣдуя интересы своей

торговли въ духѣ безусловной лояльности по отношенію къ воюющимъ, считали возможнымъ вѣрить въ ненарушимость основныхъ началъ международнаго права. Однако, онѣ должны были постоянно, изо дня въ день, убѣждаться къ своему ущербу въ томъ, что воюющіе стремятся примѣнять принципы, несовмѣстимые съ интересами нейтральныхъ державъ и съ предписаніями международнаго права. Настоящій кризисъ когда-нибудь кончится, и воюющія теперь государства будутъ безъ сомнѣнія довольны, если окажутся сохранившими свою силу нѣкоторые изъ принциповъ, которые имъ были дороги въ прошломъ и защитниками которыхъ они часто выступали. Напоминать принципы международнаго права—значитъ поддерживать общее наслѣдіе цивилизованныхъ націй и препятствовать тому, чтобы успѣхи, достигнутые усиліями столѣтій, не потеряли своего значенія». Нота указываетъ затѣмъ, въ числѣ болѣе важныхъ нарушеній, на «разстановку минъ на большихъ путяхъ морскихъ торговыхъ сообщеній, безъ вниманія къ интересамъ безопасности мирнаго судоходства, что причиняетъ значительные убытки и приводитъ къ потерѣ многочисленныхъ человѣческихъ жизней». Свобода морей и безспорное право нейтральныхъ государствъ пользоваться этими путями сообщеній уменьшаются и суживаются также чрезмѣрнымъ расширеніемъ понятія контрабанды, злоупотребленіемъ правомъ досмотра и захвата кораблей и т. д.

Протестъ противъ разбрасыванія минъ въ открытомъ морѣ направленъ, очевидно, противъ нѣмцевъ, широко примѣняющихъ этотъ обоюдоострый способъ причиненія вреда какъ непріятельскому флоту, такъ и нейтральному судоходству. Что касается досмотра и захвата нейтральныхъ судовъ съ цѣлью преслѣдованія контрабанды, то каждая изъ воюющихъ сторонъ дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи сообразно обстоятельствамъ: германскіе крейсеры, за неимѣніемъ мѣстъ остановки въ океанахъ, топятъ всѣ встрѣченныя и задержанныя суда, заподозрѣнныя въ провозѣ контрабанды; англичане въ свою очередь захватываютъ огромное количество нейтральныхъ торговыхъ судовъ, направляющихся съ грузомъ не только непосредственно въ германскіе порты, но и въ нейтральныя страны для предполагаемой дальнѣйшей передачи товара въ Германію. Самое понятіе контрабанды опредѣляется каждымъ государствомъ по-своему, и такъ какъ въ публикуемыхъ передъ началомъ войны спискахъ контрабандныхъ товаровъ значатся всевозможные общеупотребительные продукты, пригодные для продовольствія, снаряженія и передвиженія арміи, то почти всякій пароходъ съ грузомъ можетъ быть задержанъ на законномъ основаніи или по крайней мѣрѣ подъ законнымъ предлогомъ. При господствѣ Англіи на моряхъ нейтральная

морская торговля тѣхъ государствъ, которыя подозрѣваются въ снабженіи Германіи нужными ей товарами, становится крайне рискованною или даже почти невозможною. Замѣчено, что изъ разныхъ странъ, особенно изъ Америки, необычайно увеличился за послѣдніе мѣсяцы привозъ товаровъ въ Данію, Нидерланды, Швецію и Норвегію, рядомъ съ громаднымъ сокращеніемъ привоза въ Германію. Не трудно было догадаться, что увеличеніе привоза въ нейтральныя страны прикрываетъ собою часть привоза въ Германію, и это торговое посредничество нейтральныхъ въ сношеніяхъ съ нѣмцами должно было неизбѣжно вызвать соотвѣтственныя мѣры противодѣйствія со стороны Англіи. Нейтральныя государства извлекали крупныя выгоды изъ своего посредничества, не отступая отъ строгой формальной корректности: иностранные грузы беспрепятственно доставляются въ Данію или Нидерланды, а оттуда перевозка сухимъ путемъ въ Германію совершается уже какъ бы контрабанднымъ путемъ, внѣ всякаго британскаго или иного контроля.

Понятно, что Англія пытается уничтожить или ограничить эту замаскированную контрабандную торговлю, снабжающую непріятеля необходимыми ему товарами. Естественно также, что нейтральныя державы недовольны стѣсненіемъ ихъ торговли и жалуются на произвольныя распоряженія англичанъ въ открытомъ морѣ; но если оставить въ сторонѣ разбрасываніе минъ на путяхъ морского судоходства,—что лежитъ всецѣло на совѣсти германскаго адмиралтейства,—то громкія фразы о забвеніи выработанныхъ вѣками нормъ международнаго права сводятся въ сущности къ жалобамъ на нарушеніе свободы посреднической торговли нейтральныхъ съ одною изъ воюющихъ сторонъ. Подобные протесты имѣютъ, конечно, свое основаніе, но они кажутся ничтожными сравнительно съ тѣми вопіющими нарушеніями общепринятыхъ международныхъ правилъ, какія открыто допускаются на войнѣ германцами и австрійцами и которыя до сихъ поръ, кажется, не вызывали никакихъ оффиціальныхъ протестовъ со стороны нейтральныхъ державъ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ только въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ видѣ частныхъ справокъ, обращалось въ Берлинъ за свѣдѣніями или фактическими разъясненіями, но оно не возбуждало никакихъ принципіальныхъ вопросовъ по поводу явнаго несоблюденія Германіею и Австро-Венгріею подписанныхъ ими гаагскихъ конвенцій.

Между тѣмъ Соединенные Штаты имѣли полное законное право и возможность предложить воюющимъ сторонамъ высказаться о степени обязательности для нихъ существующихъ международныхъ правилъ о военноплѣнныхъ и объ обычаяхъ и законахъ сухопутной

войны. Это соотвѣтствовало бы всему политическому положенію великой американской республики, какъ державы безпристрастной, внѣ-европейской, и въ то же время могущественной и высоко-культурной, несомнѣнно заинтересованной въ соблюденіи тѣхъ формальныхъ международныхъ актовъ и соглашеній, въ выработкѣ которыхъ она принимала выдающееся участіе. Для вашингтонскаго кабинета было тѣмъ легче и естественнѣе поднять этотъ важный вопросъ, что сами воюющія стороны давали къ тому поводъ своими обращеніями и протестами, адресованными къ сѣверо-американскому правительству; даже императоръ Вильгельмъ II вступилъ въ переписку съ президентомъ Вильсономъ для обвиненія противниковъ въ жестокостяхъ и для оправданія поступковъ своей собственной арміи. Прежде всего можно было при самомъ началѣ войны обратить вниманіе воюющихъ сторонъ на необходимость опубликованія опредѣленныхъ инструкцій относительно поведенія войскъ, хотя бы въ видѣ общаго приказа, подобнаго изданному у насъ на Кавказѣ при началѣ военныхъ дѣйствій противъ Турціи. Предложеніе объ изданіи такихъ инструкцій не могло бы быть отклонено Германіею, которая очень дорожила и дорожитъ сочувствіемъ американскаго общественнаго мнѣнія и употребляетъ всякія средства для пріобрѣтенія или сохраненія этого сочувствія; а если бы точныя инструкціи существовали, то отдѣльные командиры не могли бы выдавать свой личный произволъ за законъ и не прикрывали бы ненужныхъ грубѣйшихъ насилій ссылкою на то, что «такова война». Каждый зналъ бы, въ какихъ предѣлахъ допускается произволъ и насиліе надъ безоружнымъ населеніемъ, и не было бы въ дѣйствительности той непостижимой разноголосицы, которая наблюдается въ представленіяхъ нѣмецкихъ офицеровъ о томъ, какова война, все ли въ ней дозволено или не все. До сихъ поръ среди германскихъ и австрійскихъ командировъ почти безраздѣльно господствуетъ убѣжденіе, что на войнѣ все дозволено, что никакихъ ограничительныхъ правилъ войны нѣтъ и быть не можетъ, ибо «такова война». Большинство, вѣроятно, даже не знаетъ, что существуютъ какія-то гаагскія конвенціи, одобренныя и Германіею, а если знаетъ, то не придаетъ имъ практическаго значенія, причисляя ихъ къ тѣмъ «клочкамъ бумаги», о которыхъ говорилъ канцлеръ Бетманъ-Голльвегъ. Напомнить объ установленныхъ конвенціями границахъ произвола и насилія на войнѣ было необходимо и вполнѣ возможно для правительства Соединенныхъ Штатовъ, и, не исполнивъ этого своевременно, американцы упустили случай оказать великую, неоцѣнимую услугу человѣчеству.

Правда, факты всевозможныхъ злоупотребленій собираются для

будущаго обвинительнаго акта, который обѣщаетъ быть чрезвычайно обширнымъ по объему и ужасающимъ по содержанію; но этотъ грозный обвинительный актъ никому не принесетъ никакой пользы, никакого облегченія, и послужитъ только матеріаломъ для такого суда, котораго совершенно не признаетъ Германія, — для суда иностраннаго общественнаго мнѣнія. Эти данныя выяснятъ картину полнаго хаоса, при которомъ даже дѣло безпощаднаго разрушенія не было общимъ правиломъ, а зависѣло отъ случайнаго состава распорядителей, отъ ихъ личныхъ качествъ и склонностей. Какъ разсказывалъ въ печати мэръ города Реймса, германскій офицеръ велъ съ нимъ переговоры о немедленной уплатѣ взысканія въ размѣрѣ милліона франковъ, именно передъ началомъ бомбардировки, и онъ былъ видимо крайне смущенъ и взволнованъ, когда раздались первые орудійные выстрѣлы, направленные въ зданія и храмы открытаго, неукрѣпленнаго города; онъ объяснялъ это недоразумѣніемъ, но не могъ помѣшать дальнѣйшему дѣйствію артиллеріи, которое не вызывалось и не оправдывалось никакими военными соображеніями. Это значитъ, что между нѣмецкими офицерами не было единства во взглядахъ на задачи и предѣлы разрушительной работы, производимой войною, и далеко не всѣ одобряли ту систему безпардоннаго, устрашающаго молодечества, представителемъ которой считается прусско-германскій кронпринцъ. Желательное единство взглядовъ могло бы быть установлено только указаннымъ выше способомъ—изданіемъ краткихъ инструкцій, обязательныхъ для всѣхъ вообще офицеровъ и солдатъ. Но и при отсутствіи такой общей мѣры со стороны германскаго военнаго вѣдомства ничто не мѣшало нейтральной дипломатіи Соединенныхъ Штатовъ передавать въ Берлинъ всѣ доходящія до нея, оффиціально удостовѣренныя свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ военныхъ властей и на основаніи этихъ свѣдѣній неустанно ходатайствовать о смягченіи режима относительно военноплѣнныхъ по принципу взаимности, объ освобожденіи изъ плѣна мирныхъ подданныхъ враждебныхъ государствъ; о запрещеніи и преслѣдованіи грабежей и воровства въ занятыхъ войсками мѣстностяхъ, объ отмѣнѣ карательныхъ мѣръ противъ цѣлыхъ городовъ и сельскихъ общинъ за проступки отдѣльныхъ лицъ, о запрещеніи брать заложниковъ и наказывать ихъ за чужія вины, о преслѣдованіи мародерства и т. п. Въ такомъ же духѣ могла бы дѣйствовать американская дипломатія и въ Вѣнѣ, и если бы ей сообщались непріятные факты относительно державъ тройственнаго согласія, то, конечно, она передавала бы ихъ и правительствамъ этихъ державъ. Разумѣется, такая сосредоточенная, планомѣрная дѣятельность была бы возможна только при энергической иниціативѣ и постоянномъ содѣйствіи всѣхъ заинтересованныхъ европейскихъ кабинетовъ. Направить усилія въ эту сторону никогда не поздно.

Трудно предположить, что правители Соединенныхъ Штатовъ отказались бы отъ дѣйствительно благотворной формы посредничества, когда они не разъ уже выражали готовность принять на себя несравненно менѣе полезную, болѣе щекотливую и сомнительную роль миротворцевъ между Германіею и ея противниками. Американцы желали бы способствовать скорѣйшему окончанію войны, и имъ представляется, что почва для соглашенія могла бы быть найдена; но именно такой почвы нѣтъ, и придумать ее нельзя, ибо ни Германія не откажется добровольно отъ своихъ честолюбивыхъ плановъ и притязаній, ни ея противники не захотятъ подчиняться вѣчнымъ угрозамъ германскаго милитаризма. Толки о мирномъ посредничествѣ, возникающіе отъ времени до времени въ печати нейтральныхъ странъ, обнаруживаютъ лишь непониманіе истинныхъ причинъ и условій войны. Обдуманное, старательно подготовленное нападеніе Германіи не было результатомъ какого-либо политическаго спора, который можно было бы разрѣшить мирно, путемъ компромисса; оно не было вызвано мотивами, которые можно бы обсудить или разъяснить; оно было стихійнымъ послѣдствіемъ системы безконечныхъ вооруженій, угнетающихъ и разоряющихъ Германію и сосѣдніе съ нею народы. Было бы преждевременно хлопотать о мирѣ, пока существуетъ могучій, постоянно дѣйствующій источникъ войны въ современномъ строѣ прусско-германской имперіи.

Яркимъ подтвержденіемъ этой мысли является удивительная рѣчь канцлера фонъ Бетманъ-Голльвега, произнесенная въ имперскомъ парламентѣ, 19 ноября (2 декабря), при сочувственномъ молчаніи всѣхъ оппозиціонныхъ группъ. За нѣсколько дней до открытія рейхстага канцлеръ велъ дѣятельные переговоры съ представителями партій и усердно убѣждалъ оппозицію единогласно утвердить добавочные военные кредиты на сумму въ пять милліардовъ марокъ, не возбуждая никакихъ преній, чтобы показать всему міру единодушіе германской націи въ ея борьбѣ съ противниками. Канцлеръ настаивалъ на томъ, что парламентъ долженъ устроить эту молчаливую демонстрацію, ибо таково непремѣнное желаніе императора Вильгельма II, и представители партій подчинились требованію правительства, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ соціалъ-демократовъ съ Либкнехтомъ во главѣ. Поэтому въ парламентѣ говорилъ одинъ канцлеръ — и говорилъ пространно, съ напускною самоувѣренностью, не ожидая никакихъ возраженій. И что онъ говорилъ! Какіе доводы приходилось молча выслушивать почтенному собранію!

Послѣ четырехъ мѣсяцевъ войны Бетманъ-Гольвегъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ вновь преподнести нѣмецкому народу тѣ жалкія утѣшенія, которыя съ самаго начала повторялись во всѣхъ

оффиціозныхъ газетахъ. Мы имѣемъ предъ собою только краткіе телеграфные отчеты объ этой замѣчательной рѣчи, но они даютъ достаточно ясное представленіе объ ея содержаніи. По словамъ канцлера, германская нація проникнута твердою рѣшимостью «вынести тяжесть навязанной ей войны и защищать независимость Германіи до послѣдней крайности». Война была «навязана» нѣмцамъ потому, что Россія не желала добровольно подчиниться волѣ Германіи, а Россія не пожелала подчиниться потому, что Англія обѣщала ей поддержку; слѣдовательно, во всемъ виновата Англія. Не будь вмѣшательства англичанъ, Россія остановилась бы передъ грозными предупрежденіями Германіи и поневолѣ предоставила бы австрійцамъ раздавить Сербію и устроить на Балканахъ новый порядокъ вещей въ австро-германскомъ духѣ,—и все обошлось бы благополучно, безъ всякой войны; но непредвидѣнная непокорность Россіи заставила германцевъ прибѣгнуть къ оружію для защиты своей «независимости», которой угрожала чрезмѣрная самостоятельность русской политики, поощряемой коварнымъ Альбіономъ. Мало того: Англія, узнавъ о грозномъ рѣшеніи Германіи и Австро-Венгріи расправиться съ Сербіею, ничего не сдѣлала для удержанія Россіи отъ опасныхъ возраженій и этимъ взяла на себя отвѣтственность за страшную европейскую войну. Такова сущность аргументаціи Бетманъ-Голльвега.

«Германцы,—сказалъ онъ, между прочимъ,—ведутъ теперь войну на непріятельской территоріи, но сопротивленіе непріятеля еще не сломлено, и Германіи придется принести дальнѣйшія жертвы. Она должна упорствовать въ стремленіи довести до благополучнаго конца войну въ защиту свободы и права», т. е. свободы для всѣхъ балканскихъ предпріятій Австро-Венгріи, въ связи съ правомъ Германіи безпрепятственно проводить свою волю въ Европѣ. «Сопротивленіе непріятеля еще не сломлено»: значитъ, германцы съ австрійцами постепенно одолѣваютъ враждебныя арміи, но не успѣли еще разбить ихъ окончательно, и если они отступили отъ Парижа и Варшавы, если отдали русскимъ Галицію и готовятся къ потерѣ Кракова, то только для того, чтобы вѣрнѣе сломить сопротивленіе враговъ, упорно не желающихъ признать себя побѣжденными. Тѣмъ не менѣе война, очевидно, не доставляетъ германцамъ никакого удовольствія, и Бетманъ-Голльвегъ отыскиваетъ виновниковъ ея исключительно между недоброжелателями Германіи. Отвѣтственность за войну,—говоритъ онъ,—«падаетъ съ внѣшней стороны на тѣхъ русскихъ, которые добивались и добились общей мобилизаціи русской арміи; внутренняя же отвѣтственность лежитъ на британскомъ правительствѣ, ибо лондонскій кабинетъ могъ сдѣлать войну невозможною, опредѣленно

заявивъ въ Петроградѣ, что Англія несогласна дать австро-сербскому конфликту разрости́сь въ континентальную войну между великими державами. Такое заявленіе принудило бы Францію и Россію рѣшительно воздержаться отъ всякихъ агрессивныхъ мѣропріятій, а тогда посредничество Германіи между Вѣной и Петроградомъ имѣло бы успѣхъ, и войны не было бы. Англичанамъ была извѣстна агитація сторонниковъ войны среди отчасти безотвѣтственныхъ, но вліятельныхъ придворныхъ лицъ въ Россіи. Однако, лондонскій кабинетъ, вопреки завѣреніямъ въ дружбѣ (къ Германіи), далъ понять русскому правительству, что Англія стоитъ на сторонѣ Франціи, а слѣдовательно и Россіи». Бетманъ-Голльвегъ знаетъ и мотивы такого коварнаго способа дѣйствій Англіи. «Британское правительство допустило возникновеніе нынѣшней чудовищной войны, считая моментъ подходящимъ, чтобы при содѣйствіи другихъ членовъ тройственнаго согласія сокрушить жизненный нервъ главнаго своего европейскаго конкуррента на міровомъ рынкѣ. Такимъ образомъ, Англія вмѣстѣ съ Россіей несетъ отвѣтственность передъ Богомъ и человѣчествомъ за обрушившуюся на Европу и весь міръ катастрофу».

Во всемъ этомъ разсужденіи бросается въ глаза одна странная черта: планы и дѣйствія Австро-Венгріи и Германіи предполагаются какими-то незыблемыми основами, къ которымъ должны приспособляться всѣ другія державы; оттого ни однимъ словомъ не упоминается о какой-либо попыткѣ повліять на вѣнскій кабинетъ съ цѣлью удержанія его отъ нападенія на Сербію, а говорится исключительно объ обязанности другихъ державъ удержать Россію отъ возраженій противъ австрійскаго предпріятія, сущность котораго, впрочемъ, обходится молчаніемъ. Но и съ точки зрѣнія Бетманъ-Голльвега остается непонятнымъ, почему Англія не имѣла права высказаться противъ австрійскаго плана и обязана была «опредѣленно заявить» свое несогласіе съ петроградскимъ кабинетомъ, а не съ вѣнскимъ и берлинскимъ. Оказывается, далѣе, что австрійская мобилизація и австрійскій походъ на Сербію не были опасны для общаго мира, а послѣдовавшая затѣмъ русская мобилизація была первой и непосредственной причиною войны. Если война была выгодна и желательна для Англіи, а не для Германіи, то что мѣшало берлинскому кабинету остановить воинственную предпріимчивость Вѣны и уничтожить опасность въ самомъ зародышѣ? Вѣдь сдѣлать это было для Германіи несравненно легче, чѣмъ для Англіи—уговорить Россію примириться съ австрійскою карательною экспедиціею противъ Сербіи. Непонятно также, отъ какихъ «агрессивныхъ мѣропріятій» надо было воздержаться Франціи и Россіи,—ибо Франція вовсе ничего не предпринимала, и

внезапное объявленіе ей войны со стороны Германіи не было абсолютно ничѣмъ мотивировано; а Россія позволяла себѣ только просить объ отсрочкѣ австрійскаго ультиматума, въ чемъ получила рѣзкій отказъ. Бетманъ-Голльвегъ вообще находитъ, что «тройственное согласіе имѣетъ характеръ аггрессивной политической комбинаціи, въ отличіе отъ тройственнаго союза, какъ комбинаціи оборонительной», и что «въ этомъ и заключался источникъ страшнаго взрыва». Аггрессивно все то, что не подчиняется Германіи, — это безспорная аксіома для Бетманъ-Голльвега. «Съ Россіею—продолжалъ онъ—Германія, правда, пришла къ частичному соглашенію, но прочный союзъ русскихъ съ французами, антагонизмъ между Австро-Венгріею и Россіей, наконецъ, привитая русскимъ властолюбивыми тенденціями панславивистовъ ненависть къ Германіи,—сдѣлали соглашенія невозможными». И франко-русскій союзъ, и антагонизмъ съ Австріею, и панславистскія тенденціи существовали раньше, и однако миръ не нарушался; все дѣло въ томъ, что раньше Германія не достигла еще полной боевой готовности и не могла съ увѣренностью разсчитывать добраться въ двѣ недѣли до Парижа, а въ мѣсяцъ или въ шесть недѣль—до Вильны и Варшавы. Объ этомъ, конечно, умалчиваетъ канцлеръ. Онъ пытается также оправдать германское вторженіе въ нейтральную Бельгію, ссылаясь уже не па военную необходимость, въ силу пословицы: Not kennt kein Gebot (нужда не знаетъ закона), какъ онъ дѣлалъ это при первомъ объясненіи въ рейхстагѣ,—а на то, что «Англія имѣла въ виду нарушить бельгійскій нейтралитетъ, такъ какъ сама Бельгія отказалась отъ своего нейтралитета по отношенію къ Англіи». А основывается этотъ наивный доводъ на найденныхъ въ брюссельскомъ дипломатическомъ архивѣ документахъ, изъ которыхъ видно, что въ 1906 году велись переговоры и состоялось соглашеніе о способахъ военнаго участія Англіи въ совмѣстной съ бельгійцами защитѣ нейтралитета Бельгіи при нарушеніи его Германіею въ случаѣ франко-германской войны, которой опасались тогда изъ-за марокскаго кризиса. Почему готовность защищать нейтралитетъ есть доказательство нарушенія или отрицанія этого нейтралитета—понять трудно. Бетманъ-Голльвегъ говорилъ и о новыхъ союзникахъ Германіи, туркахъ, которые, по его словамъ, «отлично знаютъ, что уничтоженіе германской имперіи означало бы конецъ государственной самостоятельности Турціи»; онъ забылъ только прибавить, что эта роковая зависимость Турціи отъ судьбы германскаго предпріятія возникла лишь съ момента присоединенія турецкаго правительства къ затѣянной германцами войнѣ. Наконецъ, канцлеръ коснулся и вопроса о ненужныхъ жестокостяхъ, связанныхъ иногда съ военными дѣй-

ствіями, но коснулся съ совершенно неожиданной стороны: онъ имѣлъ въ виду исключительно чужія жестокости, жертвами которыхъ были будто бы одни нѣмцы. Послѣ побѣдоноснаго окончанія войны,— заявилъ онъ грозно—«Германія выступитъ противъ беззаконій, учиненныхъ непріятелемъ надъ беззащитными германцами. Міръ долженъ узнать, что безнаказанно никто не можетъ коснуться даже волоса германца». А съ беззащитными жителями Бельгіи и русской Польши можно, конечно, поступать какъ угодно, безъ всякой пощады, по праву «бронированнаго кулака».

Выслушавъ всѣ эти убѣдительные аргументы, имперскій парламентъ, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного голоса соціалъ-демократа Либкнехта, принялъ предложеніе правительства о средствахъ на веденіе войны, послѣ чего сессія закрылась до 17 февраля 1915 года. Представители германскаго народа не нашли нужнымъ сказать что-нибудь по поводу тѣхъ сплетеній лицемѣрія и явной лжи, изъ которыхъ состояла вся рѣчь имперскаго канцлера. Быть можетъ, они довѣрчиво, вмѣстѣ съ массою нѣмецкой публики, принимали ложь и лицемѣріе за подлинную правду и искренность, или желали только демонстрировать передъ Европою свою готовность къ дальнѣйшей борьбѣ, съ надеждою на будущую побѣду. Во всякомъ случаѣ безполезно толковать о возможности скораго мира, пока въ Германіи господствуютъ взгляды, изложенные въ рѣчи Бетмана-Голльвега и одобренные германскимъ парламентомъ.

Въ Англіи тоже произносились министерскія рѣчи о войнѣ, но ихъ тонъ и содержаніе не имѣли ничего общаго съ холоднымъ напыщеннымъ фразерствомъ германскаго канцлера. Въ Англіи никому въ голову не приходило хлопотать о томъ, чтобы оппозиція молчала и чтобы предоставлено было говорить одному премьеру. Англичане не привыкли выражать патріотическое единодушіе всеобщимъ пассивнымъ молчаніемъ, болѣе или менѣе вынужденнымъ; они публично одобряютъ только то, съ чѣмъ дѣйствительно согласны, и выразителями ихъ мнѣній являются парламентскіе дѣятели, пользующіеся всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Въ Англіи установилось полное единство взглядовъ по вопросамъ международной политики, и это единство проявляется естественнымъ, стихійнымъ путемъ, безъ всякихъ искусственныхъ мѣропріятій, при отсутствіи какихъ бы то ни было цензурныхъ или иныхъ стѣсненій. Ораторы оппозиціи стоятъ на той же почвѣ, какъ и министры,—на почвѣ защиты международныхъ правъ и интересовъ, нарушенныхъ Германіею. Они заступаются за независимость малыхъ державъ отъ

произвола сильныхъ, какъ они всегда дѣлали на материкѣ Европы; они возстаютъ противъ притязаній германскаго милитаризма не только ради огражденія своихъ собственныхъ національныхъ интересовъ, но и во имя общихъ идей права и свободы народовъ.

На банкетѣ лондонскаго лордъ-мэра, 9 ноября (нов. ст.), первымъ выступилъ съ рѣчью бывшій премьеръ и глава консервативной оппозиціи, Бальфуръ, предложившій тостъ за «союзниковъ»— за «блистательные успѣхи» Россіи, за самоотверженные подвиги французскихъ «товарищей», за удачи японцевъ, за мужественную Сербію и несчастную Бельгію. Отъ имени союзниковъ Англіи отвѣчалъ вкратцѣ французскій посолъ, Поль Камбонъ. Морской министръ, Черчилль, говорилъ о флотѣ и роли его на войнѣ; военный министръ, лордъ Китченеръ, произнесъ рѣчь объ арміи и военныхъ дѣйствіяхъ на сушѣ; наконецъ, въ отвѣтъ на обычный тостъ лорда-мэра «за министровъ», премьеръ Асквитъ сдѣлалъ общій обзоръ главныхъ политическихъ событій, съ объясненіемъ ихъ причины и послѣдствій. Говоря о вмѣшательствѣ Турціи въ войну, онъ заявилъ категорически, что «Оттоманская имперія «совершила самоубійство и своими собственными руками вырыла себѣ могилу». Онъ закончилъ свою рѣчь словами: «Мы никогда не сложимъ оружія, пока Бельгія не получитъ обратно всего, что у нея отнято, въ полной мѣрѣ, и даже больше того, что она принесла въ жертву,—пока Франція не будетъ надлежащимъ образомъ обезпечена противъ угрозы нашествія,—пока права небольшихъ національностей не будутъ поставлены прочно на незыблемыхъ основаніяхъ, и пока военное владычество Пруссіи не будетъ вполнѣ и окончательно разрушено. Это великая задача, достойная великаго народа».

Два дня спустя, 11-го ноября, открылись засѣданія британскаго парламента. Тронная рѣчь въ сдержанномъ дѣловомъ тонѣ указывала на обстоятельства и потребности войны, отмѣчала лояльность мусульманскихъ подданныхъ Англіи, несмотря на произвольное, вызванное враждебными вліяніями вмѣшательство Турціи въ войну, и въ заключеніе предлагала принять необходимыя мѣры «для достиженія великой цѣли, къ которой направлены всѣ усилія имперіи». Въ палатѣ общинъ произнесли рѣчи вождь оппозиціи Бонаръ Лоу и премьеръ Асквитъ; въ палатѣ лордовъ говорили лорды Метуэнъ, Брайсъ, Керзонъ, Кру, Сельборнъ и Крауфордъ. Канцлеръ казначейства, Ллойдъ-Джорджъ, внесъ 17 (4) ноября свой проектъ бюджета, вмѣстѣ съ проектомъ колоссальнаго военнаго займа, въ размѣрѣ 350 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, т. е. приблизительно въ три съ половиною милліарда рублей. Какъ извѣстно, подписка на заемъ покрыла нужную сумму почти вдвое. Ораторъ оппозиціи,

Остинъ Чемберлэнъ, высказалъ нѣкоторыя критическія замѣчанія по поводу бюджета, но въ общемъ одобрилъ предположенія министра, въ виду исключительныхъ условій военнаго времени.

Англичане готовятся къ долгой и упорной войнѣ — готовятся спокойно и дѣловито, безъ всякихъ проявленій злобы и ненависти, а напротивъ, съ соблюденіемъ полной корректности даже относительно придирчивыхъ и надменныхъ враговъ. Въ приготовленіяхъ и дѣйствіяхъ Англіи нѣтъ и слѣда той тревожной суетливости и раздражительности, которыя замѣчаются въ Германіи и которыя служатъ обыкновенно спутниками и проявленіями нечистой совѣсти. Твердая увѣренность англичанъ въ правотѣ и неминуемомъ торжествѣ общаго дѣла союзниковъ поддерживаетъ энергію и бодрость духа въ государствахъ тройственнаго согласія, даже въ тѣхъ кругахъ общества, гдѣ преобладаетъ склонность къ пессимизму.

На Балканскомъ полуостровѣ, несмотря на открытое выступленіе Турціи противъ Россіи, все еще продолжается неопредѣленное, двусмысленное положеніе нейтральныхъ государствъ, которыя до сихъ поръ находились подъ преобладающимъ вліяніемъ Австро-Венгріи и Германіи. Въ то время какъ Сербія и Черногорія напрягали свои послѣднія силы въ тяжелой борьбѣ противъ австрійскихъ войскъ, Болгарія и Румынія поддерживали близкую дружбу не только съ вѣнскимъ кабинетомъ, но и съ турецкимъ правительствомъ, и умышленно допускали систематическое нарушеніе своего нейтралитета въ пользу враговъ Россіи и славянства. Это австрофильское направленіе балканской политики все болѣе слабѣетъ по мѣрѣ выясняющихся неудачъ союзныхъ нѣмецкихъ имперій, но оно далеко не утратило своей силы въ правительственныхъ кругахъ Софіи и Бухареста.

Въ болгарскомъ народномъ собраніи, 11 ноября, министръ-президентъ Радославовъ, отвѣчая на нападки оппозиціи, объяснилъ, что «правительство остается вѣрнымъ провозглашенному имъ нейтралитету и съ самаго начала европейскаго кризиса придерживалось этого нейтралитета вполнѣ лояльно». Когда нѣкоторыя державы— продолжалъ онъ—«сочли необходимымъ сдѣлать указанія по этому вопросу (по поводу пропуска германскихъ офицеровъ, оружія и запасовъ золота въ Турцію по болгарской желѣзной дорогѣ), то правительство немедленно представило объясненія, которыя признаны были удовлетворительными. Въ настоящее время всѣ великія державы одобряютъ образъ дѣйствій Болгаріи, и послѣдняя сохраняетъ самыя дружественныя отношенія съ Румыніей, Греціей и даже съ воюющей Сербіей. Отношенія ея съ Турціею представляются самыми

искренними (!). Правительство счастливо удостовѣрить, что оно обезпечило неприкосновенность болгарской территоріи. Если обстоятельства заставятъ насъ вступить въ переговоры относительно увеличенія національной территоріи, то мы это сдѣлаемъ при полной доброжелательности всего европейскаго концерта, съ которымъ мы желаемъ поддерживать наилучшія отношенія». Заявленія министра-президента, какъ сказано въ газетныхъ телеграммахъ, встрѣчены шумными рукоплесканіями. Министръ народнаго просвѣщенія съ своей стороны добавилъ, что «поведеніе правительства не можетъ внушать никакихъ подозрѣній кому бы то ни было: правительство соблюдаетъ нейтралитетъ по отношенію къ обѣимъ воюющимъ группамъ, и отношеніе его одинаково какъ къ той, такъ и къ другой группѣ».

Эти болгарскіе дѣятели не замѣчаютъ всей чудовищности своихъ признаній о томъ, что управляемая ими страна относится будто бы одинаково къ Турціи и Россіи, къ нападающимъ на Сербію австрійцамъ и къ ихъ изнемогающимъ противникамъ, и что такого рода нейтралитетъ есть именно тотъ надежный средній путь, который можетъ привести Болгарію къ осуществленію ея національныхъ идеаловъ. Болгарскіе дипломаты, съ царемъ Фердинандомъ во главѣ, не могутъ еще рѣшить, какая изъ воюющихъ сторонъ имѣетъ больше шансовъ успѣха, — германско-турецкая или франко-русская, — и къ которому изъ этихъ двухъ противоположныхъ лагерей выгоднѣе примкнуть болгарамъ; въ то же время они проникнуты такою непримиримою враждою къ Сербіи, что не могутъ представить себя въ положеніи ея прямыхъ или косвенныхъ союзниковъ, и потому старательно уклоняются отъ сближенія съ покровительствующею сербамъ Россіею. Разумѣется, и сербы отплачиваютъ болгарамъ тою же монетою, и эта взаимная ненависть нисколько не уменьшается съ наступленіемъ грозныхъ событій, отъ исхода которыхъ зависитъ вся будущность балканскихъ народовъ. Болгары упорно стоятъ за возстановленіе силы договора 29 февраля 1912 года, предоставившаго имъ значительнѣйшую часть Македоніи, и не хотятъ понять, что договоръ этотъ уничтоженъ затѣянною ими же братоубійственною войною и формальнымъ мирнымъ трактатомъ между Греціею, Черногоріей, Румыніей и Сербіею съ одной стороны и Болгаріею—съ другой, подписаннымъ въ Бухарестѣ 28 іюля 1913 года. Дипломатія державъ тройственнаго согласія старается по возможности смягчить этотъ антагонизмъ и придумываетъ компромиссъ, который удовлетворилъ бы Болгарію безъ обиды для Сербіи; но, къ сожалѣнію, обѣ стороны проявляютъ въ этомъ случаѣ одинаковое упорство, и не видно еще

почвы для примиренія,—а между тѣмъ событія не ждутъ. Разгромъ Сербіи австрійцами и военныя дѣйствія турокъ на Балканахъ могутъ слишкомъ поздно напомнить болгарамъ, что прочная солидарность небольшихъ народностей есть вѣрнѣйшій залогъ ихъ политической безопасности и независимости. Надо надѣяться, что болгарскій народъ не раздѣляетъ взглядовъ и чувствъ своихъ правителей и что онъ успѣетъ еще своевременно стряхнуть съ себя обманчивую маску нейтралитета, чтобы принять посильное участіе въ грандіозной борьбѣ, которая должна рѣшить участь всего ближняго Востока.

СЪ ВОЙНЫ.

I.

Непрерывно моросить дождь. Дни сѣрые, ночи черныя. Теплое дыханіе близкаго моря не даетъ осеннему морозу сковать намокшую землю, а туманъ отъ болотъ и сырое облачное небо не позволяютъ солнцу взглянуть на землю. И оттого здѣсь, вокругъ Бѣлостока, ни лѣто, ни осень. Затяжная, надоѣдливая, унылая, тихая и теплая сырость съ озябшей, вялой, полуживой листвой на деревьяхъ, съ блеклыми, мокрыми цвѣтами на клумбахъ.

Однако, невеселый здѣшній климатъ оказался добрымъ нашимъ союзникомъ. При отраженіи германцевъ отъ Осовца, кромѣ храбрости защитниковъ крѣпости, кромѣ удачной стрѣльбы нашей артиллеріи, не малую услугу оказали намъ озера, рѣчки, каналы и болота, опоясывающія крѣпость. Въ этой хлюпающей слякоти завязли тяжелыя германскія орудія, въ этихъ болотахъ спутались маневры врага. И только быстрое, поспѣшное отступленіе,—какъ единогласно говорятъ участники и очевидцы сентябрьскихъ боевъ подъ Осовцомъ,—спасло германцевъ не отъ пораженія, которое все же было значительнымъ, а отъ полнаго разгрома. Говорятъ, что въ этомъ мокромъ мѣшкѣ, въ этой болотной ловушкѣ могли погибнуть два германскихъ корпуса, если бы только искусный планъ обхода наши войска успѣли выполнить не частично, а полностью.

— Нѣмцы хвалились: «Въ два дня возьмемъ этотъ курятникъ»,—посмѣиваясь, разсказывали обыватели Бѣлостока.—Ну, и

пажглись. Отступали, скрежеща зубами. Обѣщали, будто бы, опять нахлынуть на Осовецъ, какъ только морозы скуютъ болота. Да, пожалуй, не дождутся: у насъ зимы почти не бываетъ. До Новаго года льютъ дожди, а съ января весеннее солнце сіяетъ.

II.

Съ чернаго ночного неба сыплется сырость. Высокіе фонари освѣщаютъ мокрыя платформы, лужи среди путей, тускло отражаются на вымокшихъ вагонахъ, на черныхъ линіяхъ рельсъ. Каждыя десять минутъ приходятъ или уходятъ длинные поѣзда съ вереницами красныхъ закрытыхъ вагоновъ, наполненныхъ людьми, или открытыхъ платформъ, съ торчащими оглоблями повозокъ, съ мѣшками и ящиками, увязанными брезентомъ.

На одномъ изъ запасныхъ путей, предъ вагонами, на мокрой платформѣ сгрудилась большая толпа. Слышатся восклицанія, смѣхъ, звуки гармоники.

Подходимъ и видимъ, что толпа солдатъ хохочетъ, сіяетъ бородатыми лицами, крякаетъ отъ удовольствія и притопываетъ, а въ срединѣ, подъ веселый переборъ гармоники, два солдата лихо пляшутъ русскую, выбивая дробь сапогами, взмахивая руками, пускаясь въ присядку и выкрикивая задорныя слова: «Вотъ какъ!.. Ходи прытче!.. Вотъ какъ наши!..»

Едва закончили эти, а изъ толпы выплыли два новыхъ танцора. И одинъ изъ нихъ, кромѣ лихой дроби сапогами, такъ плавно, красиво и вызывающе поводилъ руками надъ склоненной головой, что кто-то въ толпѣ не вытерпѣлъ и въ хвастливомъ восторгѣ закричалъ: «Это—нашъ!»

А въ другомъ концѣ, не понявъ восклицанія, какой-то рослый воинъ поднялъ голову, грозно поглядѣлъ въ темноту и крикнулъ:

— Не нашъ? Тутъ нѣтъ ненашихъ. Всѣ наши. Видишь: солдатъ пляшетъ!

И всѣ рады, какъ дѣти, любуясь пружинными движеніями танцоровъ, всѣ хохочутъ и ликуютъ, радостно восклицая: «Ловко!.. Наддай еще! Ай да сибиряки!»..

Съ изумленіемъ, почти не вѣря своимъ глазамъ, смотримъ на это веселье. Проѣхали люди въ товарныхъ вагонахъ 20—30 дней ѣдутъ на войну, т. е. на тяжелое и грозное испытаніе, на раны и смерть, а вотъ въ краткую передышку, въ получасовую стоянку на неизвѣстной имъ станціи поднимаютъ такой общій искренній хохотъ и пляску.

И это не исключеніе и не случайность. Во время долгодневной стоянки нашихъ земскихъ поѣздовъ въ Бѣлостокѣ каждый вечеръ то здѣсь, то тамъ на запасныхъ или главныхъ путяхъ предъ воинскими вагонами можно было слышать хохотъ, веселую возню, звуки гармоники, балалайки или самодѣльной свирѣли, и непремѣнно въ кругу хохочущихъ зрителей отхватываютъ лихую пляску два-три задорныхъ танцора. Иногда глубокой ночью перебираешься по темнымъ, мокрымъ путямъ и вдругъ слышишь, какъ въ товарномъ закрытомъ вагонѣ раздается хоровая плясовая пѣсня и веселая дробь топочущихъ ногъ. Потомъ слышатся аплодисменты и одобрительные крики.

Отъѣзжая отъ станціи, воинскіе поѣзда почему-то особенно охватываются весельемъ. Красный вагонъ за вагономъ, длинной вереницей пробѣгаютъ мимо нашего санитарнаго поѣзда, и почти въ каждомъ вагонѣ гремитъ хоровая пѣсня, видны въ широкомъ отверстіи двери и въ окнахъ возбужденныя, веселыя лица солдатъ, мелькаютъ шапки и платки, которыми машутъ солдаты, перекатываются крики: «Ура, ура! До свиданья!»..

И такъ было не только въ Бѣлостокѣ, но и въ Минскѣ, и въ Смоленскѣ, и на разныхъ другихъ станціяхъ, гдѣ нашему поѣзду приходилось пропускать мимо себя воинскіе поѣзда. Война кажетъ здѣсь свой неожиданный веселый и праздничный ликъ. Конечно, имѣются среди этого громаднаго воинскаго потока и грустныя лица. Можетъ быть, ихъ даже и очень много. Но печаль выявляется тихо, скрытно, потаенно, а веселье брызжетъ громко и открыто. И оттого съ удивленіемъ вспоминаешь, что за всѣ пять недѣль поѣздки по всему громадному фронту войны отъ Пруссіи до Перемышля не пришлось видѣть ни одного плачущаго воина, очень мало грустныхъ лицъ и чрезвычайно много, почти на каждомъ шагу, веселыхъ, ликующихъ, праздничныхъ лицъ. Веселый ли вообще русскій народъ, несмотря ни на какія тяжелыя условія жизни, исключительна ли нынѣшняя война, взвинтившая нервы Россіи до особой высоты, или вообще война способна зажигать вокругъ себя эту неожиданную, таинственную веселость, это загадочное ликованье, эту странную, непонятную праздничность.

Нѣкоторыя причины веселости, впрочемъ, общеизвѣстны и понятны. Тысячи людей отрываются отъ будничнаго, скучнаго, сѣраго труда; ѣдутъ они на героическое дѣло и съ гордостью, неожиданно, можетъ быть, чувствуютъ, что они достаточно мужественны для подвига; соединяясь въ тысячныя массы, они нагрѣваются тѣмъ особымъ электричествомъ, которое обычно сгущается среди большого количества людей, сплоченныхъ общимъ необычнымъ дѣломъ; преодо-

лѣваніе всякой опасности, сверхъ того, вообще радостно волнуетъ здоровыхъ и сильныхъ людей. Эти причины естественны, понятны и значительны. Но все же онѣ кажутся блѣдными и недостаточными, когда около войны видишь это исключительное праздничное трепетанье нервовъ, и въ особенности у передовыхъ позицій, гдѣ отъ ликующаго опьяненья нѣкоторыхъ людей вѣетъ почти жутью. Тутъ ужъ прикасаешься къ чему-то какъ бы вѣчному, идущему изъ темныхъ и загадочныхъ глубинъ человѣческаго духа.

Необычное, приподнятое, почти праздничное настроеніе очень часто вѣетъ и надъ санитарными поѣздами, надъ питательно-перевязочными пунктами и вообще надъ всѣми людьми, работающими около войны или хотя бы приближающимися къ нагрѣтой, горячей атмосферѣ войны. Здѣсь какъ бы совѣстятся своего непонятнаго веселья, считаютъ нужнымъ извиняться въ немъ или оправдывать его и объяснять. Запомнилась такая сцена. Изъ вагона санитарнаго поѣзда ночью высыпала съ восклицаніями, смѣхомъ и шутками веселая публика. Были тутъ врачи, сестры милосердія, студенты, фельдшера. Съ пожеланіями спокойной ночи прощались. Но расходиться не хотѣлось. И снова смѣялись почти безпричинно, говорили разные веселые пустяки. Изъ вагона съ площадки выглянула сестра и, помахивая колодой картъ, шутя предлагала:

— Погадаю на прощанье! Кому погадать на прощанье?

Смѣхъ, шутки, восклицанья, веселый гамъ. И въ это время откуда-то изъ темноты донесся сиповатый, нерѣшительный голосъ:

— Сестрица! а, сестрица!

Среди шума сначала не разслышали. А черезъ минуту снова:

— Сестрица! а, сестрица!

Смолкнувъ, всѣ оглянулись. На запасномъ пути, саженяхъ въ десяти, стоялъ темный и молчаливый воинскій поѣздъ. Въ одномъ изъ неосвѣщенныхъ вагоновъ поблескивали двѣ-три искорки папиросъ, и при этомъ тускломъ свѣтѣ вырисовались на секунду головы нѣсколькихъ солдатъ, которые глядѣли на насъ въ трещину двери и въ слуховое окно.

— Сестрица! а, сестрица!—просилъ сиповатый, почтительный и нерѣшительный голосъ,—погадайте мнѣ! Буду живъ, аль нѣтъ?

— Будешь, будешь! — торопливо говорила сестра, вынувъ какую-то карту,—будешь живъ!

И всѣ, погасивъ смѣхъ, стали смущенно прощаться, молча расходясь по своимъ вагонамъ. Беззаботный плескъ жизни, женскія улыбки, остроты и балагурство показались вдругъ невозможными, почти кощунственными предъ молчаливымъ воинскимъ поѣздомъ, въ которомъ люди ѣдутъ не на игру, а на смерть.

вытекающихъ изъ договора найма или аренды, на всякаго рода недвижимыя имущества, и для русскихъ подданныхъ не-русскаго происхожденія, перешедшихъ изъ австрійскаго, венгерскаго и германскаго подданства послѣ 31 декабря 1870 года, со всѣмъ ихъ нисходящимъ потомствомъ по мужской линіи—по пріобрѣтенію тѣхъ же правъ на внѣгородскія недвижимыя имущества въ 23 губерніяхъ, въ области Войска Донского, на Кавказѣ и въ Финляндіи.

Нѣтъ надобности доказывать, что законопроектъ находится въ тѣснѣйшей связи съ войной. Но разрѣшаетъ онъ вопросъ о правѣ владѣнія обѣихъ категорій указанныхъ въ немъ лицъ землею и городской недвижимостью не въ видѣ временной мѣры, а въ видѣ мѣры постоянной,—въ видѣ воспрещенія «впредь», безъ всякаго обозначенія срока или условій его снятія. И именно въ данномъ отношеніи законопроектъ, прежде всего, останавливаетъ на себѣ вниманіе. Отвѣчая на запросъ, вытекающій изъ обстоятельствъ момента, онъ создаетъ новыя постоянныя условія въ области международныхъ и національно-экономическихъ отношеній. Эта двойственность законопроекта вѣрно была отмѣчена въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». «Съ одной стороны,—писала газета,—онъ представляетъ собой чрезвычайную мѣру, вызванную и мотивируемую исключительной обстановкой переживаемаго момента и имѣющую главной цѣлью огражденіе внѣшней безопасности государства. Съ другой стороны, онъ въ то же самое время предназначенъ, повидимому, играть роль органической реформы, разсчитанной на постоянное дѣйствіе и преслѣдующей не только военныя, но и національно-экономическія задачи».

Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и привѣтствуетъ въ настоящее время возникшія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ предположенія націоналистическая пресса. Сначала отмѣчалась лишь военная опасность, обусловливаемая тѣмъ, что въ приграничныхъ мѣстностяхъ непріятельскимъ подданнымъ принадлежатъ значительныя земельныя площади. Затѣмъ былъ выдвинутъ вопросъ о допускаемомъ германскимъ правомъ двойномъ подданствѣ, т. е. о возможности быть одновременно и германскимъ подданнымъ, и подданнымъ другого государства. Теперь же «Новое Время», перомъ г. Меньшикова, пишетъ: «О ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія идетъ великій споръ, но, кажется, уже «взвѣшенный судьбою». Я лично всѣмъ сердцемъ привѣтствую мужество русской государственной власти, наконецъ рѣшившейся поставить этотъ больной вопросъ на очередь. И тутъ война оказываетъ величайшую услугу, не воспользоваться которой было бы государственной самоизмѣной. Война прибавляетъ къ нашей гибельной нерѣшительности ту force majeure, безъ кото-

рой мы, пожалуй, никогда не собрались бы съ духомъ что-нибудь предпринять съ нѣмцами. Протянись еще два-три десятилѣтія мира съ Германіей (что послѣ полуторастолѣтней дружбы было возможно), мы продолжали бы глядѣть съ широко открытыми глазами на нѣмецкое внѣдреніе, продолжали бы ахать да ужасаться, но приступить къ реальной борьбѣ со своими нѣмцами не отважились бы. Война даетъ и нравственное основаніе, и политическую необходимость наконецъ произвести операцію этой язвы».

Судя по свѣдѣніямъ «Новаго Времени», въ той же плоскости трактовался вопросъ въ недавнемъ засѣданіи кіевскаго юридическаго общества. Докладчикъ, г. Шелухинъ, свой выводъ о необходимости ликвидировать все нѣмецкое землевладѣніе на югѣ Россіи аргументировалъ отнюдь не обвиненіями или подозрѣніями въ шпіонствѣ, а сопоставленіемъ экономическаго положенія нѣмцевъ-колонистовъ съ положеніемъ крестьянъ. Онъ указывалъ на «необыкновенную щедрость русскаго правительства по отношенію къ колонистамъ» и на льготы, «при которыхъ имъ трудно было не создать богатства», послѣ чего они перешли къ планомѣрной и широкой скупкѣ земель. Въ результатѣ, какъ говорилъ г. Шелухинъ, изъ четырехъ милліоновъ десятинъ годной въ Херсонской губерніи для культуры земли двѣ трети принадлежатъ колонистамъ. И именно площадью приходящейся на каждое хозяйство земли, а отнюдь не познаніями нѣмцевъ «объ усовершенствованныхъ пріемахъ сельскаго хозяйства», онъ объяснялъ «разящій контрастъ» жалкихъ поселковъ коренного русскаго населенія «съ прекрасно обстроенными нѣмецкими колоніями». Словомъ, рѣчь шла исключительно о мирномъ экономическомъ «нѣмецкомъ внѣдреніи».

На-ряду съ запретомъ пріобрѣтать земли (кромѣ пріобрѣтенія въ порядкѣ наслѣдованія по закону въ прямой нисходящей линіи), законопроектъ въ особомъ отдѣлѣ устанавливаетъ принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, «находящихся нынѣ во владѣніи и пользованіи иностранныхъ подданныхъ и русскихъ подданныхъ иностраннаго происхожденія». Слѣдовательно, законопроектъ частично подходитъ если не къ разрѣшенію вопроса о земельномъ голодѣ крестьянъ, то къ возможности хотя бы нѣкотораго увеличенія крестьянскаго земельнаго фонда,—конечно, при условіи, что принудительно отчужденныя отъ нѣмцевъ земли не станутъ предметомъ купли-продажи на общемъ основаніи. Если же такъ, то мѣра будетъ имѣть немаловажное значеніе и въ отношеніи самаго перваго вопроса русской жизни, — вопроса крестьянскаго. Но и въ такомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, вопреки мнѣнію г. Меньшикова, представлялось бы предпочтительнымъ выждать конца войны. Громъ пушекъ—

вомъ полу, улѣпленномъ сѣрой грязью, которая все наносится и наносится на сапогахъ снаружи. Непрерывно хлопаютъ двери, и холодныя волны влажнаго воздуха пролетаютъ надъ койками.

Въ багажной комнатѣ происходитъ запись и пріемка раненыхъ, которые одинъ за другимъ окровавленной вереницей подходятъ и подъѣзжаютъ изъ лѣсу утромъ, днемъ, вечеромъ, ночью.

Работаютъ здѣсь врачи, фельдшера и сестры военнаго госпиталя. Они пріѣхали всего три дня назадъ, попали въ круговоротъ непрерывной суточной работы, и ихъ качаетъ и валитъ съ ногъ усталость. Думать медицинскому персоналу о своей безопасности некогда. Но приходится ради раненыхъ безпокоиться, не будетъ ли сегодня или завтра отступленія.

Мы медленно пробираемся съ врачемъ среди тѣсно наставленныхъ коекъ. Врачъ останавливается предъ однимъ изъ раненыхъ и задумчиво говоритъ:

— Считаютъ, что нужно ихъ отправлять немедленно въ санитарномъ поѣздѣ. Потому что какъ быть съ ними, если будемъ отступать? А везти ихъ тоже... Вотъ, напримѣръ, у него семнадцать ранъ отъ шрапнели. Ноги переломаны, грудь, животъ пробиты.....

Легко и не очень тяжело раненые сидятъ и лежатъ на койкахъ съ покорными, спокойными, а мѣстами и довольными лицами. Они перевязаны, одѣты въ чистое бѣлье, накормлены, уложены въ удобную постель. Послѣ того, что было день или два назадъ, когда раненый шелъ черезъ чужіе лѣса, черезъ грязь и болота, подъ холоднымъ дождемъ, мокрый, дрожащій, голодный,—этотъ теплый госпиталь былъ для него почти раемъ. Одинъ раненый, съ черной, лохматой бородой, съ покраснѣвшими отъ боли глазами, узнавъ, что его повезутъ отсюда въ поѣздѣ, сталъ напуганно и отрывисто говорить намъ:

— Не хочу!.. Не поѣду!.. Я здѣсь... Тамъ холодно...

Мы ему стали, наклонившись, объяснять, что вагоны теплые и удобные, съ такими же мягкими койками, какъ и та, на которой онъ лежитъ,—а онъ упрямо трясъ головой и хрипло говорилъ, задыхаясь:

— Не хочу... Не поѣду... Оставьте тутъ...

VII.

Едва отвернешься отъ трагическаго лица войны (среди тяжело раненыхъ и убитыхъ), какъ снова съ удивленіемъ видишь это другое неожиданное, веселое, ликующее, праздничное лицо той же войны. И это не только среди здоровыхъ, благополучныхъ воиновъ,—лихорадочно веселы многіе легко раненые; Едва заговоришь съ ними

о бояхъ, изъ которыхъ они только-что, оглушенные или подстрѣленные, вышли, какъ загораются особымъ веселымъ блескомъ глаза, начинается возбужденное припоминаніе пережитыхъ впечатлѣній, и огненный хмель войны заставляетъ ихъ безпокойно двигаться, взмахивать руками.

Въ нашемъ вагонѣ за чайнымъ столомъ сидятъ раненые и больные офицеры. Они по нѣсколько недѣль высидѣли въ окопахъ подъ шрапнельнымъ дождемъ и нѣсколько недѣль дѣлали поспѣшные, утомительные переходы по этимъ мокрымъ лѣсамъ, по болотамъ и рѣчкамъ. А по веселой бесѣдѣ, по смѣху, по ликующимъ восклицаніямъ можно подумать, что они возвращаются съ удачнаго праздника.

Батальонный командиръ, высокій, костлявый, съ перевязанной головой и прострѣленной ногой, весело жалуется:

— Эхъ, подвернулся напрасно. Рано. Побыть бы еще.

И онъ, возбужденно взмахивая длинными руками, съ праздничнымъ сіяніемъ на немолодомъ, загорѣломъ лицѣ съ темной бородой, разсказываетъ о томъ, какъ гонялся онъ за германцами по лѣсамъ около Осовца, около Граева, около Августова и дальше, вплоть то Лыка.

— Другой разъ, только вотъ костры зажжемъ да котелки начнемъ кипятить, хвать: приказъ выступать. И жаримъ черезъ болота, черезъ рѣчки. Все больше ночью, какъ летучія мыши. Въ обходъ у Осовца пошли, 116 верстъ въ двое сутокъ сдѣлали. Вотъ какъ отхватывали! Да жаль, опоздали. На два часа опоздали. Выскочили нѣмцы. А то бы имъ крышка тутъ. Немножно, впрочемъ, пощипали.

Можетъ быть, оттого, что ему пришлось эти нѣсколько недѣль гоняться за германцами, какъ охотнику за дичью, а нѣмцы въ это время все отступали,—батальонный командиръ проникся пренебреженіемъ къ врагу. И даже германская артиллерійская техника не кажется ему внушительной.

— Ну, громыхаютъ изъ тяжелыхъ орудій,—говоритъ онъ,—а какой толкъ? Стрѣльба у нихъ неважная. Мнѣ кажется, они ужъ растерялись. По Осовцу палили четыре дня, а только и результату: полопались стекла да взрыта мостовая. Никакихъ серьезныхъ поврежденій. Неважные стрѣлки.

Онъ все еще горитъ отъ нетерпѣнія. И, вѣроятно, горѣлъ еще больше нѣсколько дней назадъ. Онъ, видимо, принадлежитъ къ тому разряду горячихъ офицеровъ, которые полагаютъ, что врага нужно непрерывно гнать, не давая ему передышки. Отъ этого нетерпѣнья онъ и выбылъ преждевременно изъ строя.

— Самъ немножко виноватъ,—сознается онъ, осудительно покачивая головой.

А «виноватъ» онъ вотъ въ чемъ: подъ Лыкомъ, когда шла перестрѣлка, ему очень надоѣлъ непріятельскій пулеметъ, который

трещалъ гдѣ-то близко, а гдѣ именно—не поймешь. Батальонный командиръ въ нетерпѣніи выскочилъ на бугорокъ, чтобы разглядѣть, гдѣ укрылся пулеметъ, и чтобы снять его потомъ залпами или атакой. Его, конечно, полыхнули изъ того же пулемета и немедленно всадили двѣ пули: одну—въ голову, другую—въ ногу.

— Досадно. Рано,—морщась, говорилъ батальонный командиръ. И на немолодомъ, коричневомъ отъ загара, бородатомъ лицѣ рисовалась искренняя, нетерпѣливая досада. Жаль было, какъ быстро проскочившаго праздника, этого ночного блужданья въ погонѣ за врагомъ по лѣсамъ и болотамъ, этихъ стремительныхъ обходовъ, этого возбуждающаго стрекотанья винтовокъ и пулеметовъ, веселаго и грознаго буханья орудій.

Кавалерійскій офицеръ, затянутый, съ выпуклой грудью, позванивая ложечкой въ чайномъ стаканѣ, съ сожалѣніемъ говоритъ на наши вопросы, что ему не приходилось быть въ настоящихъ бояхъ: такъ, мелкія стычки, разъѣзды, развѣдки. Но вдругъ оживляется и весело восклицаетъ, вспоминая:

— Впрочемъ, было одно хорошее дѣло!

И онъ оживленно разсказываетъ, какъ онъ со своимъ небольшимъ отрядомъ замѣтилъ непріятельскій обозъ, задумалъ отбить его и наскочилъ на большія, чуть ли не главныя силы врага.

— Какъ они начали поливать насъ изъ «чемодановъ»!—весело блестя глазами, говорилъ офицеръ,—мы соскочили съ лошадей и ничкомъ къ землѣ. А онъ крошитъ! Грохотъ, ревъ, фонтаномъ летятъ комья земли, осколки... Еле выбрались!

Вспоминая и разсказывая, офицеръ радостно глядѣлъ на насъ, видимо, утѣшенный, что все же ему пришлось участвовать въ «хорошемъ» дѣлѣ.

Въ уголкѣ сидѣлъ юный прапорщикъ съ подвязанной на косынкѣ рукой. Онъ морщился, безпокойно шевелился.

Старшіе товарищи-офицеры въ чемъ-то его утѣшали.

— Чудакъ!—смѣялись они,—да не все ли равно!

— Нѣтъ, не все равно!—капризно говорилъ прапорщикъ, поправляя увязанную въ марлю руку.

Оказывается, онъ былъ раненъ случайно залетѣвшей неизвѣстно откуда пулей, когда ему поручено было осмотрѣть съ нѣсколькими солдатами пустую деревню. И его угнетало, что онъ раненъ «не по-настоящему», не въ бою.

— Не все ли равно!—смѣялись старшіе офицеры, возвращаясь къ этому разговору, очевидно, въ сотый разъ.

— Ахъ, Боже мой!—морщился и безпокойно двигался прапорщикъ.—Значитъ, не все равно. Хорошо вамъ...

VIII.

Въ Осовцѣ видны слѣды недавней бомбардировки. Разрушенный снарядомъ уголъ деревяннаго вокзала задѣланъ новенькими, желтыми бревнами. Какое-то небольшое каменное зданіе раздроблено и разсыпано свѣжими развалинами. На платформѣ снуетъ, гудитъ разговорами и толпится военная публика. Мундиры, шинели, папахи, солдатскія фуражки. Ни одного, кажется, штатскаго пятна.

Нѣсколько молодыхъ офицеровъ, посмѣиваясь, переговариваясь, съ любопытствомъ разсматриваютъ нашъ поѣздъ. Видъ у нихъ праздничный, щеголеватый, — щеголеватый не столько по платью, ловко подогнанному къ стройнымъ фигурамъ, сколько по движеньямъ, улыбкамъ. Они какъ бы вышли на праздничную заслуженную прогулку послѣ тяжелаго и удачнаго дѣла. Охотно и весело, чуточку кокетничая и каждый скромно умалчивая о собственной роли, разсказываютъ о перенесенной бомбардировкѣ.

Тяжелые снаряды съ германской стороны разрывались съ адскимъ грохотомъ и большой силой. Свернули въ одномъ мѣстѣ въ два жгута рельсы на полотнѣ. Падая на улицѣ, вырывали громадныя ямы, почти въ сажень глубиной. Но бѣды значительной въ крѣпости не надѣлали. Поврежденій мало, убитыхъ и раненыхъ незначительное число.

— Весело и лихо работали вотъ здѣсь на станціи подъ огнемъ ополченцы, —улыбаясь, разсказываетъ высокій, бѣлокурый офицеръ.—Разгружали вагоны. Тяжелые снаряды трахаютъ. Они хохочутъ и подмигиваютъ. Славные ребята.

Указываютъ на юнаго, румянаго, затянутаго рюмочкой въ мундиръ офицера:

— А вотъ онъ три дня на деревѣ просидѣлъ. Корректировалъ стрѣльбу. Заставилъ тяжелую батарею у германцевъ замолчать.

Юный офицеръ, не отрицая, молча улыбается.

— Любопытно, наблюдалъ я его, — отмѣчаетъ высокій, бѣлокурый офицеръ характерную черточку.—Въ азартѣ былъ, въ опьянѣніи, словно на охотѣ. Сбѣжитъ, глотнетъ чаю и опять на дерево, на вышку. Возбужденный. Трое сутокъ не спалъ.

Юный офицеръ кратко, съ удовлетвореньемъ говоритъ:

— Ѣздилъ я на позицію, гдѣ у нихъ тяжелая батарея была. Вижу: земля взрыта, кровяные бинты валяются. Думаю: «Это—я».

Разсказываютъ о главномъ героѣ крѣпости, штабсъ-капитанѣ М. Не азартъ и не возбужденіе, а уже подлинный огненный хмель

закружилъ и понесъ штабсъ-капитана. Раненый и уложенный въ госпиталь, онъ, заслыша грохотъ канонады, не могъ выдержать: вскочилъ съ постели, отбился, угрожая револьверомъ, отъ двухъ санитаровъ, пробовавшихъ удержать его, и помчался къ фортамъ крѣпости. Отстоялъ отъ пожара пороховой погребъ и совершилъ рядъ геройскихъ дѣйствій.

Разсказали о солдатахъ, которые подъ шрапнельнымъ дождемъ со смѣхомъ выбѣгали къ рѣчкѣ и каналамъ, гдѣ оглушенная орудійными выстрѣлами рыба (сомы) всплыла на поверхность. Кое-кто изъ солдатъ были убиты и перекалѣчены.

И обо всемъ этомъ разсказывается съ прибаутками и смѣхомъ, какъ будто позади, въ дымѣ и грохотѣ отбитой осады крѣпости, остался удачно пережитый лихой и веселый праздникъ.

IX.

Возбужденіе предъ опасностью нерѣдко краситъ не только человѣка, но и цѣлый городъ. Красавица-Варшава 2-го октября, когда мнѣ пришлось попасть въ нее и когда городъ рокоталъ и сотрясался отъ близкой канонады, а упорные бои шли въ 10—15 верстахъ,—Варшава, возбужденная и потрясенная, была прекрасна въ своемъ необычайномъ и грозномъ волненіи. Улицы чернѣлись, кипѣли, гудѣли, дымились и сверкали отъ движенія, еще невиданнаго здѣсь, вѣроятно, со дня основанія города. Лавины войскъ текли въ одну сторону, въ одномъ направленіи, за Вислу. Поблескивали тысячи штыковъ двигающейся сплошнымъ потокомъ пѣхоты, тянулись вереницы обозовъ съ орудіями, снарядами, припасами, дымились и сыпали искрами походныя кухни, колышущимися островами плыли среди черной уличной массы отряды конницы, покачивая въ иныхъ мѣстахъ, словно тростникъ подъ вѣтромъ, лѣсомъ пикъ. Все текло въ одну сторону, и потому не было безпорядка, не было заторовъ и замѣшательства въ движеніи. Военная лавина лилась по улицамъ медленно, ровно, безостановочно. Мнѣ пришлось въ этотъ день пересѣчь городъ нѣсколько разъ изъ конца въ конецъ (при объѣздѣ всѣхъ варшавскихъ вокзаловъ, гдѣ нужно было ознакомиться съ организаціей санитарной помощи раненымъ), и штрихъ за штрихомъ врѣзывалась въ память незабываемая картина всколыхнувшагося города съ мощнымъ и грознымъ ритмомъ стихійнаго движенія военныхъ и народныхъ массъ.

Какъ черная, широкая и живая рамка къ картинѣ движенія войскъ, были шелестящія и гудящія толпы народа по тротуарамъ. Говорятъ, что въ населеніи наблюдалась въ это время паника, что

многіе жители уѣзжали или старались уѣхать изъ Варшавы. Это естественно и понятно. Но напуганные и растерянные люди прятались по домамъ или наполняли вокзалы. На улицахъ страха и паники не было замѣтно ни въ малѣйшей степени. Европейскій городъ, привыкшій къ общенію на улицахъ и въ открытыхъ кафе, ярко, полно и одушевленно проявлялъ себя въ эти теплые и ясные осенніе дни. И это была новая удивительная картина: въ двухъ шагахъ (въ трехчасовомъ военномъ переходѣ) гремѣли бои, которые, казалось бы, должны были пугать своимъ неизвѣстнымъ исходомъ воображеніе обывателя, въ небѣ ежедневно трещали два-три вражескихъ аэроплана, бросавшихъ бомбы,—матеріалъ для страха, паники, смятенья весьма достаточный,—а общій тонъ этой многотысячной толпы, шпалерами черпѣвшейся на тротуарахъ, толпами поджидавшей войска у вокзаловъ и отправныхъ пунктовъ, былъ взволнованный, но какъ бы праздничный, безпечный, веселый, бодро-увѣренный. Любовались войсками, привѣтствовали ихъ, улыбались, махали шляпами и платками, кричали «ура». И тутъ же, на площадяхъ и тротуарахъ, текли перекрестные потоки обычнаго гулянья съ улыбками, шутками, восклицаніями, расшаркиваніями, комплиментами, веселыми перекличками и разговорами. Въ большихъ, открытыхъ на улицу кафе (по заграничному образцу) гудѣла публика, звенѣвшая стаканами, ложками, смѣхомъ и восклицаніями. Въ магазинахъ шла обычная торговля. И, кажется, всѣ театры, кинематографы и концертныя залы дѣйствовали съ полной безпечностью. Съ изумленіемъ думалось: «Что это, странное легкомысліе вѣчно-безпечной толпы или безсознательное мужество храбраго, веселаго народа?» Во всякомъ случаѣ, это было красиво, увлекательно и необычно.

Надо полагать, что въ эти исключительные дни два главныхъ героя Варшавы: войска и городское населеніе—взаимно дѣйствовали другъ на друга электризующимъ образомъ. Населеніе любовалось стройнымъ, мощнымъ и грознымъ теченіемъ войскъ и, кивая, улыбаясь, махая платками войскамъ, безъ опредѣленныхъ словъ и мыслей, вѣроятно, чувствовало: «Эти войска отстоятъ городъ».

Равно и войска не могли равнодушно проходить черезъ этотъ городъ, сквозь горячую атмосферу взволнованнаго ожиданіемъ и надеждами населенія.

Говорятъ, что суровые сибирскіе полки въ мохнатыхъ папахахъ шли съ удивленіемъ черезъ Варшаву. Послѣ сибирскихъ захолустій, послѣ тундръ, тайги, снѣжныхъ пустынь и полуазіатскаго сибирскаго быта ихъ почти ошеломилъ красавецъ-городъ съ великолѣпными кружевными, лѣпными, рѣзными и стройными громадами

зданій и церквей, съ блескомъ и нарядностью улицъ, съ богатыми магазинами, отличными мостовыми, гудящей толпой, экипажами и автомобилями, тѣнистыми бульварами и скверами, памятниками и мостами, а ночью — съ гирляндами огней пятиярусныхъ домовъ, магазиновъ, электрическихъ шаровъ на высокихъ столбахъ.

А сверхъ того эти привѣтствія, улыбки, киванья, восторженный гулъ толпы, все это горячее вѣяніе энтузіазма надъ ласковымъ, привѣтливымъ населеніемъ, заполнившимъ сплошными шпалерами всѣ улицы.

Немудрено, что солдаты сибирскихъ полковъ (сыгравшихъ, по общему мнѣнію, главную роль въ отраженіи врага подъ Варшавой), будто бы, говорили:

— И этакій городъ отдать нѣмцамъ!..

И съ этимъ горячимъ удивленіемъ, обласканные, обогрѣтые и встряхнутые напряженнымъ, безъ словъ понятнымъ ожиданіемъ веселаго, изящнаго, мужественнаго и беззащитнаго населенія блестящаго польско-русскаго города, сибирскіе полки пошли въ бой.

А въ это время коршунами кружились надъ Варшавой германскіе аэропланы, выискивая, куда бросить разрывные снаряды.

Проѣзжая черезъ городъ, оба мы съ извозчикомъ заглядѣлись на гудѣвшій надъ нами аэропланъ. Вдругъ извозчикъ, обернувшись, молча указалъ длиннымъ кнутовищемъ на какой-то домъ. Я взглянулъ и одинаково, вмѣстѣ съ извозчикомъ, покачалъ головой. Кусокъ крыши и верхняя часть стѣны небольшого дома были разворочены бомбой, окна всѣхъ этажей зіяли чернотой выбитыхъ стеколъ и рамъ. Вѣроятно, воздушный культурно-военный разбойникъ цѣлилъ въ какое-нибудь казенное учрежденіе или въ проходящее войско (невольно пріискиваешь хотя такое объясненіе военнымъ пріемамъ германцевъ), а попалъ въ этотъ невинный обывательскій домъ, гдѣ искалѣчилъ и перепугалъ нѣсколько десятковъ женщинъ, дѣтей, стариковъ и мирныхъ гражданъ (были и убитые).

— Германія мститъ полякамъ,—сказалъ извозчикъ, обернувшись и не объясняя, а какъ бы сообщая извѣстный всему населенію фактъ,—потому что поляки не измѣнили Россіи.

Отвернувшись, онъ молча хлестнулъ лошадь, и видно было, какъ онъ на какія-то свои мысли молча, упрямо и рѣшительно потряхивалъ головой.

Населенье или народъ большого края, мнѣ кажется, не можетъ хитрить въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ. По историческимъ условіямъ Польша не должна бы, казалось, имѣть особой теплоты въ отношеніяхъ къ Россіи. Но все же долгое государственное и бытовое сожитіе,

очевидно, ткетъ какія-то невидимыя связующія нити. И это сказалось тотчасъ же при началѣ нынѣшней войны. Сказалась также немедленно и нелюбовь къ нѣмцамъ, что, вѣроятно, зрѣло давно и по такимъ же историческимъ и логическимъ причинамъ. А дальнѣйшее направленіе войны обострило и углубило чувства населенія. Нѣмцы шли «нападать». Русскія войска прибывали «защищать». Германцы, нахлынувъ въ Польшу, внесли въ нее разоренье, пожары, опустошенье... Германскіе аэропланы бросали разрывные снаряды въ мирное населеніе. Русскія войска шли изгнать изъ Польши врага, и сотни тысячи возвращавшихся съ поля битвы русскихъ воиновъ варшавское населеніе встрѣчало, при грохотѣ канонады, у заставъ и на вокзалахъ ранеными, умирающими, истекающими кровью.

Безъ аллегорій и метафоръ живая русская кровь въ изобиліи окропила польскую землю. И польское населеніе (само потрясенное и разоренное, какъ никакая другая область въ Россіи) видитъ эту, ежедневно льющуюся кровь. Такія эпохи не забываются. Въ нихъ совершаются историческіе переломы.

Особенное, измѣнившееся отношеніе варшавскаго населенія къ Россіи и къ русскимъ въ октябрьскіе дни чувствовалось въ тѣхъ, почти незамѣтныхъ многочисленныхъ штрихахъ, которые нельзя поддѣлать, нельзя включить въ обдуманную систему. Намъ, русскимъ, раньше, при проѣздахъ черезъ Варшаву, были привычны непривѣтливость поляковъ, глухота или непониманіе ихъ къ русскому языку, сухость, почти враждебность въ вынужденныхъ отвѣтахъ. Тѣмъ радостнѣе было въ октябрѣ встрѣчать повсюду: въ магазинахъ, на улицахъ, въ отеляхъ, на вокзалахъ, въ трамваяхъ, отъ разныхъ мелкихъ и крупныхъ, случайныхъ и незнакомыхъ людей привѣтливыя улыбки, ласковый взглядъ, сердечность, усиленное и торопливое вниманіе. Среди низшаго населенія это было въ особенности привлекательно, такъ какъ выявлялось проще, теплѣе, искреннѣе, чѣмъ среди болѣе высшихъ слоевъ общества, гдѣ чувствовалась иногда аффектированность, подчеркнутость новаго любезнаго обращенія съ русскими. Какъ женственная, экспансивная, щеголеватая нація, умѣющая проявлять вовнѣ свои чувства изящно и плѣнительно, Польша, въ лицѣ варшавскаго населенія, вдругъ повернула къ русскимъ дружеское лицо и заговорила съ ними, хоть и неправильнымъ, русскимъ языкомъ, но съ мягкими, музыкальными, нѣжными интонаціями, съ выразительной и богатой мимикой, идущей отъ сердца, съ изящной простотой дружескаго жеста.

Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось мнѣ въ тѣ пять дней (въ два пріѣзда), которые пришлось мнѣ пробыть въ Варшавѣ, наблюдая въ бѣгломъ, но необычномъ освѣщеніи десятки и сотни поляковъ разныхъ слоевъ населенія.

X.

Вѣнскій вокзалъ опустѣлъ и замеръ: оборвался нервъ, связывавшій его съ заграницей. Лишь въ пакгаузѣ, по ту сторону путей, кипитъ работа. Здѣсь польскій «Красный Крестъ» устроилъ перевязочный пунктъ. Война подошла близко. Съ платформы явственно слышны рокотъ и буханье канонады. И каждые два-три часа подходитъ санитарный поѣздъ, изъ котораго выносятъ и выводятъ окровавленную вереницу раненыхъ. Тяжело - раненыхъ на носилкахъ подносятъ къ перевязочной, гдѣ выбѣгаютъ къ нимъ въ бѣлыхъ халатахъ озабоченные, внимательные и ласковые доктора и сестры милосердія. На шинеляхъ и сапогахъ у раненыхъ старая, сѣрая, въѣвшаяся грязь отъ походовъ и сидѣнья въ окопахъ. Головы, руки или ноги увязаны (наскоро, на передовыхъ позиціяхъ) почернѣвшими отъ спекшейся крови повязками. Публика, вздыхая, смотритъ на загорѣлыя, щетинистыя, страдальческія лица раненыхъ съ тоскующими глазами въ которыхъ борется со смертью или догораетъ огонь жизни.

Другихъ раненыхъ укладываютъ на койки или усаживаютъ на скамейкахъ, и сестры быстро разносятъ имъ въ чашкахъ бульонъ и чай.

Легко-раненые охотно отвѣчаютъ на нетерпѣливые разспросы публики. Они даже пробуютъ улыбаться. Но ихъ явно томитъ и качаетъ долгодневная усталость. Лица посѣрѣли и похудѣли. И впечатлѣнія у нихъ пока еще смутныя, спутанныя. Память не успѣла отобрать и оформить ихъ.

— Они, значитъ, засѣли въ лѣсочкѣ,—разсказываетъ, вспоминая и оживляясь, раненый, попыхивающій поднесенной ему папироской,—ну, а мы сидѣли въ окопахъ. Высунешься, а онъ сейчасъ тебя: жикъ, жикъ. Изъ винтовокъ. Ну, вечеркомъ пошли мы въ атаку. Вышибли ихъ изъ лѣсочка. Они за рѣчку. Маленькая рѣченка, въ родѣ ручеекъ. Засѣли въ кустахъ. Ну, тутъ мнѣ не довелось. Какъ пошли утромъ въ атаку, тутъ меня и подшибли.

— А Прушковъ мы взяли?—спрашиваютъ изъ публики.

— Прушковъ?—нерѣшительно говоритъ раненый.

— Ну, да. Мѣстечко за рѣчкой.

— Не знаю,—колеблясь, говоритъ раненый,—должно, ночью взяли. Говорили, кажись.

— Взяли,—подтверждаетъ другой раненый,—сказывали у насъ. Ночью взяли.

Каждый раненый участвовалъ хоть и въ подлинномъ огненномъ и громыхающемъ бою, но видѣлъ (если смогъ что-либо увидѣть и запом-

нить среди кошмара наяву) лишь маленькій и отрывочный кусокъ той громадной картины современной битвы на фронтѣ въ десятки верстъ, которая непосильна никакому отдѣльному наблюденію или воображенію. Сидѣли въ окопахъ, стрѣляли, перебѣгали на другую позицію, бѣжали въ атаку, кидались въ штыки и кричали «ура», наступали или отступали,—къ этой простой схемѣ сводятся бѣглые разсказы раненыхъ, только-что вышедшихъ изъ боя. Разница лишь въ «вышивкѣ» разсказа, въ тѣхъ или другихъ цвѣтныхъ словечкахъ отдѣльныхъ разсказчиковъ. Но и это, обыкновенно, приходитъ послѣ, когда первое оглушеніе боя смягчится.

Черезъ часъ, черезъ полтора, когда раненые нѣсколько отдохнутъ, когда ихъ частью перевяжутъ и всѣхъ напоятъ чаемъ, пунктъ пустѣетъ: легко-раненыхъ увозятъ па конкѣ на брестскій и петроградскій вокзалы для отправки во внутреннюю Россію; тяжело-раненыхъ въ автомобиляхъ развозятъ по варшавскимъ госпиталямъ. И пунктъ ожидаетъ слѣдующаго поѣзда отъ передовыхъ позицій.

Путешествіе этихъ поѣздовъ не совсѣмъ безопасно. На этихъ тревожныхъ дняхъ санитарный поѣздъ однажды попалъ подъ пулеметный огонь, въ другой разъ возлѣ него разорвалась шрапнель. И какъ разъ въ этотъ день, когда сидѣлъ я на платформѣ, пришелъ къ поѣзду А. А. Стаховичъ уговорить свою двоюродную сестру, избравшую здѣсь себѣ работу вмѣстѣ съ г-жей Гучковой, прекратить опасныя поѣздки. Обѣ молодыя женщины слушали воркотню г. Стаховича съ мягкими улыбками и отрицательно качали головой.

Санитарами на пунктѣ и въ поѣздахъ работаютъ молодые люди изъ разныхъ польскихъ спортивныхъ обществъ Варшавы. Народъ веселый, лихой, любезный, привѣтливый. Они, кажется, наперерывъ устремлялись въ опасныя поѣздки на поѣздѣ, какъ бы дождавшись для себя исключительнаго, благороднаго и увлекательнаго спорта.

Ночью санитарный поѣздъ намѣревался пробраться поближе къ непріятельскимъ позиціямъ, чтобы подобрать тамъ раненыхъ, которые подойдутъ или доползутъ къ линіи дороги.

— Вы ѣдете?—привѣтливо крикнулъ мнѣ молодой, высокій и тонкій, какъ тростинка, санитаръ.—Пожалуйте!

Меня усадили въ купэ темнаго вагона. Поѣздъ пошелъ съ потушенными огнями, чтобы не дать цѣли для обстрѣла непріятеля. Темный паровозъ, осторожно пыхтя, шелъ позади вагоновъ. Тусклая ночь мутнымъ пятномъ мерцала въ окнѣ. Нельзя было разглядѣть собственныхъ пальцевъ. Въ сосѣднемъ купэ санитары весело болтали по-польски. Поѣздъ останавливался и снова пробирался впередъ. Прошло, вѣроятно, около часа. Насъ остановили среди поля. Кто-то объяснилъ, что дальше опасно. Я вышелъ изъ вагона.

Поблескивали звѣзды. Ночная мгла висѣла надъ полемъ. На горизонтѣ широкимъ столбомъ дымился далекій пожаръ. Было боевое затишье. Изрѣдка вдали бухала разъ за разомъ непріятельская батарея. И совсѣмъ рѣдко одинокимъ, оглушительнымъ выстрѣломъ отвѣчала наша батарея, которая была теперь нѣсколько позади и въ сторонѣ отъ поѣзда.

Поле клубилось ночной мглой. Черными, смутными пятнами кое-гдѣ намѣчались купы деревьевъ. И висѣла надъ полемъ тишина, казавшаяся обманчивой, таинственной и напряженной. Ночь въ бояхъ коварна и грозна. Ночью перестраиваются батареи, мѣняютъ позиціи войска. Ночью готовятся удары, дѣлаются внезапныя атаки.

Мы ловимъ слабые, невѣрные звуки ночи. Чу, донесся издали слабый крикъ. Раненый ли то бредетъ, теряя надежду и силы, или вскрикнулъ напуганный часовой, увидя смутное колыханье крадущейся колонны войска? Какъ молчаливый, сѣрый призракъ, проплылъ вблизи туманный всадникъ и растаялъ въ мглѣ. Нашъ или чужой?

Что-то колышется въ тусклой тьмѣ, мелькаетъ темными пятнами. Неслышно выступаютъ и странными, темными тѣнями, молчаливо проходятъ вдоль насыпи, мѣрно шагая одинъ за другимъ, четыре солдата со штыками на плечахъ.

Темный, молчаливый поѣздъ стоитъ въ ожиданьи полчаса, часъ. Ночь молчитъ, не посылая намъ раненыхъ. Но вотъ участилось глухое буханье орудій съ германской стороны. Сотрясающими ударами стала отвѣчать наша батарея. Начинался ночной артиллерійскій бой.

Вспыхнулъ на горизонтѣ новый пожаръ.

— Ѣхать, ѣхать!—озабоченно крикнулъ кто-то около поѣзда.— Въ Варшаву!

Становилось опасно. Поѣздъ былъ въ линіи обстрѣла.

Два санитара съ ласковыми восклицаньями бросились помогать мнѣ взобраться на высокую подножку вагона. Они были, очевидно, преувеличеннаго мнѣнія о моемъ возрастѣ, или просто искала исхода въ дѣйствіи та теплота, которая явилась въ эти дни и ночи въ польской душѣ къ русскимъ.

Поѣздъ осторожно пошелъ къ Варшавѣ...

XI.

Автомобиль вылетѣлъ изъ Варшавы и помчалъ насъ по шоссе туда, гдѣ грохоталъ артиллерійскій бой. Утреннее солнце заливало блескомъ и мерцаніемъ синее небо и дымившуюся разсвѣтной дымкой землю. Поля по обѣимъ сторонамъд ороги чернѣлись, шевели-

лись, гудѣли войсками. Краснѣлись костры, поблескивали на солнцѣ штыки, сыпали искрами походныя кухни, столбами тамъ и сямъ поднимался дымъ отъ костровъ, мотали головами и оглашали ржаньемъ воздухъ лошади, и вездѣ шинели, штыки, жерла пушекъ, группы и толпы солдатъ, стоящихъ и сидящихъ около костровъ, около повозокъ съ торчащими оглоблями, возлѣ палатокъ, на валахъ окоповъ, а иногда и въ самихъ окопахъ съ винтовками наготовѣ, съ желтѣющей соломой подъ ногами.

Слышнѣе рокотъ и буханье канонады. Бой идетъ на большомъ фронтѣ. Орудія бухаютъ и прямо передъ нами, и далеко вправо, и далеко влѣво. За темнымъ лѣскомъ направо клубится дымомъ пожаръ. Горитъ какое-то мѣстечко,—неизбѣжная ежедневная жертва артиллерійскаго боя.

Высоко въ небѣ, въ ослѣпительной полосѣ солнечнаго свѣта, замѣчаемъ несущееся темное пятно аэроплана. Нѣмецкій гость. Вскорѣ видимъ второй аэропланъ, ниже перваго. Это, можетъ быть, нашъ. Можетъ быть, готовится воздушный поединокъ. А черезъ нѣсколько минутъ усматриваемъ третій аэропланъ, летящій съ германской стороны.

Молодой помощникъ А. И. Гучкова (который въ качествѣ особоуполномоченнаго «Краснаго Креста» устраиваетъ въ этотъ день на работу летучій санитарный отрядъ и который любезно пригласилъ насъ проѣхать съ нимъ на передовыя позиціи) съ улыбкой разсказываетъ:

— А знаете, какъ вчера отличились три варшавскихъ гимназиста? Они—хорошіе стрѣлки, члены спортивнаго общества. Взяли ружья и отправились на охоту. Вышли за Варшаву. Летитъ нѣмецкій аэропланъ. Тщательно нацѣлились. Трахъ, трахъ... И очень удачно: аэропланъ заковылялъ внизъ и сѣлъ на землю. Гимназисты побѣжали къ нему. Пассажировъ не успѣли захватить: убѣжали. А машину приволокли въ Варшаву, въ видѣ трофея. Вотъ молодцы, а?

Мы злорадно смѣемся и не удивляемся странной охотѣ на человѣка. Человѣкъ научился летать и немедленно оказался опаснымъ хищникомъ. И мы уже радуемся удачной охотѣ на него.

Останавливаемся, сходимъ съ автомобиля. Батареи бухаютъ, сотрясая воздухъ, впереди, справа и слѣва. Передъ нами небольшое поле, въ концѣ котораго темнѣется роща и краснѣютъ крыши хутора. Надъ полемъ вспыхиваютъ бѣлые дымки. Непріятель, очевидно, стрѣляетъ по хутору, и шрапнель, перелетая черезъ красныя крыши, рвется надъ полемъ въ полуверстѣ отъ насъ.

Слышимъ знакомое гудѣнье и, поднявъ голову, видимъ высоко

надъ собой аэропланъ. Кружится, плаваетъ, что-то высматриваетъ. Гдѣ-то близко трещитъ пулеметъ, и мы, съ невиннымъ любопытствомъ глядя вверхъ, послѣ узнаемъ, что стрѣлялъ изъ пулемета нѣмецкій аэропланъ по какой-то облюбованной имъ около насъ цѣли. Однако, сейчасъ же, кажется, онъ и понесъ наказанье. Направившись къ своей сторонѣ, онъ попалъ подъ огонь нашихъ батарей. Темнымъ коршуномъ летѣлъ аэропланъ въ синемъ блескѣ неба, а около него, вверху, внизу, съ боковъ, бѣлыми дымками вспыхивала шрапнель, и онъ плылъ какъ бы въ ожерельи этихъ бѣлыхъ, не тающихъ облачковъ. Потомъ,—вѣроятно, подшибленный,—аэропланъ быстро и неровно полетѣлъ внизъ. На валъ ближайшей къ намъ батареи выскочили два солдата и съ хохотомъ, съ восклицаньями глядѣли на падающій аэропланъ, указывая на него какими-то лопатками.

Мы поѣхали влѣво и дальше вглубь, объѣзжая обстрѣливаемое поле. Въ бояхъ какъ-то сами собой устанавливаются такія мѣста, которыя выдвигаются довольно далеко къ центру битвы и въ то же время считаются сравнительно безопасными. Кажется, это зависитъ главнымъ образомъ отъ расположенія батарей обѣихъ сторонъ. Въ артиллерійскомъ бою батареи «нащупываютъ» главнымъ образомъ другъ друга, не особенно интересуясь молчащими мѣстами (если, конечно, не усматриваются въ нихъ другія части войскъ). Въ такое сравнительно безопасное, но значительно выдвинутое къ центру боя мѣсто и привезъ насъ автомобиль. Здѣсь долженъ былъ начать свою опасную и чрезвычайно полезную работу летучій санитарный отрядъ, извлекая раненыхъ прямо изъ-подъ огня. И здѣсь же работали два передовыхъ перевязочныхъ пункта—дивизіонный и полковой.

За небольшимъ лѣсистымъ холмомъ сухо щелкали ружейные залпы. Трещали пулеметы. Перестрѣлка шла непрерывно, но неровнымъ темпомъ, то вдругъ усиливаясь до сплошного, торопливаго, лихорадочнаго треска, то снова падая до равномѣрнаго сухого пощелкиванья. Очевидно, здѣсь наши передовые окопы близко подходили къ непріятельскимъ окопамъ, и обѣ стороны напряженно слѣдили другъ за другомъ, встрѣчая всякую попытку къ вылазкѣ или къ атакѣ градомъ винтовочнаго и пулеметнаго огня.

Мы прошли по дворамъ и огородамъ мѣстечка. Все было залито войскомъ. Въ огородахъ нарыты окопы, и въ нихъ въ шинеляхъ, съ винтовками, въ боевой готовности стояли на постланной на днѣ соломѣ шеренги солдатъ. Также наготовѣ стояли возлѣ отряды конницы. Кое-гдѣ кавалеристы вскакивали на лошадей и осторожно, какъ бы крадучись, выѣзжали за околицу. Пѣхота топталась груп-

пами возлѣ домовъ со штыками въ рукахъ. Бой близко. Волна его можетъ накатиться сюда. Или любая часть потребуется немедленно впередъ. Оттого здѣсь чувствуется нервное ожиданье около близкаго, горячаго дѣла. Въ нѣкоторыхъ окопахъ и глубокихъ ямахъ дымятся и краснѣютъ костры. Среди обозовъ мѣстами искрятся огонькомъ и попыхиваютъ паромъ походныя кухни.

Небольшая школа обращена въ лазаретъ. Почти поминутно военные санитары подносятъ и подвозятъ сюда раненыхъ, только-что обожженныхъ, оглушенныхъ или подстрѣленныхъ на передовыхъ позиціяхъ. Доктора и фельдшера, не смущаясь кровью, тяжкими ранами и тоскующими стонами раненыхъ, работаютъ быстро, отчетливо и весело. Одинъ изъ молодыхъ докторовъ, выбѣжавъ на минутку на крыльцо съ засученными рукавами бѣлаго халата и глядя въ синее небо, ликующимъ тономъ сообщилъ намъ:

— А знаете, два аэроплана подшибли! Одного шрапнелью смазали, а другого нашъ аэропланъ подстрѣлилъ! Залетѣлъ выше него и чиркнулъ.

За деревней, въ полѣ похороны. Три обернутыхъ въ холстину покойника лежатъ на носилкахъ предъ ямами, желтѣющимися свѣжей, сырой глиной. Священникъ быстрымъ темпомъ служитъ панихиду. Пѣвчіе торопливо поютъ печальныя пѣснопѣнія. Сбѣжавшаяся толпа солдатъ со штыками, въ шинеляхъ, наскоро крестится, безпокойно оглядываясь на деревню. Грохочетъ канонада, щелкаютъ за лѣсомъ ружейные залпы, на горизонтѣ мутнымъ столбомъ вздымается дымъ пожара. И солнце ослѣпительнымъ блескомъ заливаетъ желтые края могилы, молчаливую толпу солдатъ, поле, дальній лѣсъ и весь широкій пейзажъ, взволнованный человѣкомъ.

XII.

Во второй разъ пришлось мнѣ пріѣхать въ Варшаву 10-го октября. Нѣмцы только-что съ поспѣшностью отступили отъ города. Мы поѣхали на автомобилѣ поглядѣть на слѣды, оставленные ими въ селахъ и мѣстечкахъ за Варшавой.

Сѣрый денекъ. Автомобиль тяжело прыгаетъ въ ухабахъ, которыми избито шоссе на первыхъ верстахъ отъ города. Обгоняемъ обозы и колонны шагающей пѣхоты. Рядомъ съ военнымъ движеніемъ льется въ томъ же направленіи потокъ людей печальнаго вида. Тянутся по шоссе длинныя, неуклюжія фуры, заваленныя мѣшками, тюфяками, мебелью и разнымъ скарбомъ, а сверху сидятъ женщины, дѣти, мужчины. На каждой фурѣ почему-то чернѣется

очень много людей, по 10 — 12 человѣкъ. Можетъ быть, двѣ-три семьи, соединившись, наняли вмѣстѣ фуру для возвращенія на пепелище. Очень много жителей возвращается пѣшкомъ. По одному, вдвоемъ, втроемъ и группами. Кое-кто изъ женщинъ несутъ грудныхъ дѣтей. Поля изрыты окопами. Они теперь пусты. И на поляхъ, гдѣ еще виднѣются полузатоптанные кочаны капусты или смятые кусты картофеля, бродятъ уже трудолюбиво-согнутыя фигуры какихъ-то людей. Мирный бытъ, очевидно, пробуетъ вернуться, послѣ пронесшейся грозы, въ прежнюю спокойную колею. Послѣ десяти верстъ пути начинаются печальныя картины разрушенія отъ пожаровъ и снарядовъ. Какія-то зданія у шоссе зіяютъ провалами крышъ, пробоинами стѣнъ, темными впадинами оконъ безъ стеколъ и рамъ. Видны въ сторонѣ какія-то фабрики съ голенастыми, полуобвалившимися трубами, съ полуразрушенными стѣнами длинныхъ корпусовъ. Деревни и хутора, наполовину выжженные, съ вывороченными крышами и раздробленными стѣнами. И когда вдругъ изъ зелени выглянетъ чистенькій, бѣленькій домикъ съ нетронутыми стеклами въ окнахъ и со стеклянной террасой, увитой цвѣтами, то мы на него смотримъ съ удивленьемъ, невольно говоря: «Экій счастливецъ!»

Пріѣзжаемъ въ большое мѣстечко Пясечно (22 в. отъ Варшавы). Оно было нѣсколько дней подъ артиллерійскимъ огнемъ. Сначала нѣмцы стрѣляли по мѣстечку. Потомъ, когда они заняли мѣстечко, русскія орудія выбивали отсюда врага. Затѣмъ нѣмцы, отступивъ, отстрѣливались. И вотъ результатъ. По обѣимъ сторонамъ улицы развалины домовъ, словно послѣ землетрясенія. На углу площади, противъ костела, одинъ разрушенный домъ еще дымится, и красные языки огня тамъ и сямъ среди развалинъ вспыхиваютъ, долизывая горючій матеріалъ. Мы бродимъ среди пепла и развалинъ. Не только пожаръ, а какъ будто громадный молотъ сокрушалъ этотъ домъ. Кирпичи, камни, черепица съ крыши, изразцы отъ печей—все это раздроблено и свалено въ кучи. Въ одномъ мѣстѣ груда бутылокъ сплющилась и сплавилась въ общую массу отъ жара. Заслонки отъ печей, смятые куски какой-то металлической посуды разбросаны, словно смерчемъ, по двору. Очевидно, бушевалъ здѣсь громадный пожаръ, и въ то же время фугасные снаряды падали и разносили въ дребезги камень, землю и желѣзо. Среди развалинъ кое-гдѣ копаются дѣти, иногда мужчины и женщины. А нѣкоторые жители съ видимой растерянностью стоятъ возлѣ разрушенныхъ домовъ, печально оглядывая прохожихъ и проѣзжихъ. Худая, блѣдная женщина съ запавшими черными глазами разсказываетъ объ ужасныхъ дняхъ и ночахъ, которые пришлось имъ пережить среди грохота

канонады. Сначала прятались по подваламъ и погребамъ. Но не было силъ терпѣть, убѣжали въ лѣсъ и послѣднія двое сутокъ жили, т. е. дрожали отъ холода, голода и страха, въ лѣсу. Недобрыми словами поминаетъ женщина нѣмцевъ:

— Все растащили, разграбили. Ну, хоть бы сожрали, то-есть съѣли, если ужъ такъ, хлѣбъ, птицу. Ну, вотъ колбасную разграбили—пускай. А то вонъ и мануфактурные магазины... Шелковыя платья на портянки раздирали. Начисто все разнесли.

Пострадалъ костелъ. Онъ со всѣхъ сторонъ снаружи изъязвленъ шрапнельными осколками. А съ германской стороны бризантный снарядъ проломалъ стѣну, ворвался внутрь костела и, разорвавшись, причинилъ большое разрушеніе.

Мы вошли въ костелъ. Полъ и скамейки усыпаны осколками стѣны, кусками штукатурки, обломками кирпича. Одна изъ люстръ сбита и лежитъ на полу помятая. Изуродованы подсвѣчники. Какія-то металлическія вещи, исковерканныя, валяются среди мусора. Сбито и смято распятіе. Стѣны пестрятъ выбоинами. Такое крушеніе внесъ одинъ ворвавшійся снарядъ, подарокъ современной техники, положенный къ подножію церковнаго престола.

Два сторожа и женщина прибираютъ костелъ, выгребая мусоръ и кучи соломы.

— А что же это за солома?—спрашиваемъ мы.

— А это нѣмцы жили здѣсь, ночевали,—охотно разсказываютъ сторожа,—они и здѣсь, и вверху ночевали.

Сторожа съ ксендзомъ скрывались въ подвалѣ, и они слышали какъ съ костела, гдѣ нѣмцы устроили наблюдательный пунктъ, раздавалась непрерывная зычная команда по-нѣмецки:

— Сто двадцать! Сто тридцать!..

Это по телефону давались батареѣ указанія прицѣла и разрыва снарядовъ.

Открывъ ксендза въ подвалѣ, нѣмцы не причинили ему обиды.

— Но только, —улыбаясь, разсказывалъ по-польски сторожъ,— все утащили: хлѣбъ, муку, свиней, куръ, гусей. Все съѣли.

Промчавшись версты три-четыре за Пясечно, автомобиль нашъ принужденъ былъ остановиться. Нѣмцы, отступая, разрушили здѣсь мостъ чрезъ небольшую рѣчку. Съ осторожностью объѣхали мы по грязной, топкой дорогѣ, перебрались черезъ хлибкій временный мостъ и, поколесивъ въ лѣсу, снова выбрались на шоссе.

Вскорѣ мы увидѣли солидные нѣмецкіе окопы. Сойдя съ автомобиля, долго ходили среди нихъ, осматривали, спускались внизъ. Хорошо, тщательно и съ большимъ искусствомъ строятъ нѣмцы,

свои окопы: съ крытыми переходами, съ закругленными углами, съ лѣсенками для схода, съ землянками для житья. Глубокіе и солидные окопы. А все же сомнительно, вполнѣ ли пригодны они для боя. Хорошо въ нихъ сидѣть, лежать, стоять и отстрѣливаться, но, когда русскія войска бросаются въ атаку со штыковымъ ударомъ, едва-ли весело въ этихъ окопахъ, откуда не сразу можно выбраться, вслѣдствіе ихъ глубины, крытыхъ переходовъ и крутыхъ склоновъ.

Спрыгнувъ въ окопъ, я долго не могъ изъ него выбраться и долженъ былъ карабкаться наверхъ изо всѣхъ силъ. И когда я на минутку вообразилъ себя нѣмцемъ и представилъ себѣ, что въ это время сверху направлено на меня два-три штыка, я усомнился, вполнѣ ли хорошо было германцамъ въ такихъ великолѣпныхъ окопахъ.

Промчавшись черезъ высокій, густой, превосходный лѣсъ, который три-четыре дня назадъ гремѣлъ, сверкалъ и дымился боемъ, мы выѣхали въ небольшое мѣстечко. Остановившись, побесѣдовали немного съ группой жителей.

Двѣ женщины, улыбаясь пережитому страху, оживленно разсказали, что сначала онѣ спрятались въ подвалѣ, а потомъ побѣжали вонъ въ тотъ лѣсъ, но этотъ лѣсъ оказался какъ разъ между русскими и нѣмцами, съ двухъ сторонъ его осыпали орудійнымъ огнемъ, и женщины подъ шрапнельнымъ дождемъ бѣжали въ другой лѣсъ, на противоположной сторонѣ. Мужчины сообщили, что они оставались въ мѣстечкѣ, и нѣмцы ихъ не обижали, но только все рѣшительно забрали у нихъ, особенно съѣстное. И разсказчики поляки нерѣшительно прибавили, съ вопросомъ глядя на насъ:

— Начальство намъ, вѣроятно, сдѣлаетъ помощь?

Уже смерклось, когда мы пріѣхали въ городокъ Гура-Кальварія (36 в. отъ Варшавы). Мы объѣхали улицы и широкую площадь. Было темно и безлюдно. Призрачно выдѣлялись кое-гдѣ продавленныя крыши, зубцы обвалившихся стѣнъ, обугленные остовы нѣкоторыхъ домовъ. Однако, пострадавшихъ домовъ было не очень много. Три человѣка, стоявшихъ на площади, разсказали намъ, что германцы пообѣщали жителямъ:

— Не безпокойтесь, если будемъ отступать, то камня на камнѣ не оставимъ въ вашемъ городѣ.

Но такъ какъ отступленье вышло поспѣшное и, очевидно, неожиданное, то нѣмцы полностью привести своего обѣщанія въ исполненіе не смогли.

По улицѣ города, внизъ къ рѣкѣ, тянулись военные обозы и шла пѣхота. Бои шли въ этотъ день верстахъ въ двадцати за городомъ.

Темная, мглистая ночь висѣла надъ землею, когда автомо-

биль, освѣщая огненными глазами шоссе, быстро мчалъ насъ обратно къ Варшавѣ.

— Стой, стой! Нельзя!—закричали намъ въ одномъ мѣстѣ.

Два верховыхъ скакали къ намъ, махая рукой. Пылали впереди факелы, краснымъ, бросающимся пламенемъ освѣщая пѣшихъ и конныхъ солдатъ, грязное шоссе и лохматыя вѣтви деревьевъ. Это былъ своротъ мимо разрушеннаго моста. Мы довольно долго стояли здѣсь, ожидая, а изъ лѣсу, изъ-подъ горы, по вязкой, извилистой дорогѣ, медленно выползали, подъ краснымъ, дымнымъ, прядающимъ свѣтомъ факеловъ, обозы съ орудіями и снарядами, и шесть паръ лошадей у каждой повозки шли одна за другой, словно сѣрые призраки, мотая гривами и тяжело переступая толстыми, мохнатыми ногами.

Перебрались за мостъ и промчались снова черезъ Пясечно, которое зловѣще и фантастически глянуло на насъ въ ночной тьмѣ своими оголенными трубами, зубцами разрушенныхъ стѣнъ и кучами тлѣющаго мусора. И снова длинная, темная лента шоссе, повитаго ночной мглой. Автомобиль мчится, фыркая и гудя гудкомъ и прядая снопами лучей изъ огненныхъ глазъ. И неожиданно изъ тьмы призраками выступаютъ то всадникъ, сдерживающій коня, то повозка, жмущаяся у края дороги, то шеренга солдатъ со щетиной штыковъ.

XIII.

Въ Ивангородѣ и около крѣпости особое настроеніе, которое бываетъ послѣ побѣды (мы пріѣхали сюда 12 октября; бомбардировка крѣпости германцами оборвалась два-три дня передъ тѣмъ). Налетѣвшій врагъ отбитъ, и лица сіяютъ празднично, разсказы овѣяны бодростью, веселой насмѣшкой по адресу оплошавшаго непріятеля. А врагъ подступилъ къ Ивангороду,—вьетъ легенда насмѣшливое кружево,—съ явной похвальбой.

— Жители разсказываютъ,—говорилъ на вокзалѣ за шумнымъ обѣденнымъ столомъ офицеръ, весело поблескивая глазами, — что нѣмецкій принцъ объявилъ имъ: «Сегодня подвеземъ тяжелыя орудія, и черезъ два дня крѣпость будетъ взята. Черезъ два дня.. Будьте спокойны». Прошло два дня. Прошло три, четыре. Жители или кто-то тамъ изъ чиновъ почтительно спрашиваютъ: «Какъ же, ваше высочество, вы изволили говорить?»... А принцъ будто бы началъ топать по землѣ и съ раздраженіемъ воскликнулъ: «Руссише культуръ; руссише культуръ!»... Дескать: чортъ побери ваши дороги и ваши болота.

Главныя операціи вели подъ крѣпостью германцы. Но въ нѣкоторыхъ пунктахъ они выдвигали впередъ австрійцевъ, и разсказываютъ (со словъ плѣнныхъ австрійцевъ), что они угрожали своимъ союзникамъ разстрѣломъ въ затылокъ, если замѣтятъ въ нихъ колебанье при атакахъ. Не брезгали какъ будто германцы и обманомъ.

— Плѣнные австрійцы, — насмѣшливо разсказывалъ офицеръ мѣстныхъ войскъ,—очень изумлялись, когда ихъ привели въ Ивангородъ. «Какъ такъ?!—говорили они.—А мы получили подъ Краковомъ изъ германской арміи телеграмму: «Передвигайтесь быстрѣе впередъ. Ивангородъ и Варшава заняты нами». И они шли въ Ивангородъ, какъ домой!..

Вода и болота, очевидно, сыграли въ защитѣ крѣпости, какъ и подъ Осовцомъ, большую роль. А искусство защиты сумѣло, сверхъ того, сдѣлать изъ воды и болотъ неожиданные сюрпризы для врага. Объ этомъ много здѣсь разсказываютъ, отмѣчая находчивость и талантъ коменданта крѣпости. Но главнѣе всего, конечно, выносливость и храбрость нашихъ войскъ, которыя выдержали здѣсь не только страшный огонь непріятеля и его атаки, но и преодолѣли тѣ же болота, ту же воду, — потому что разные переходы, обходы, сложныя передвиженія, стоянку въ окопахъ приходилось дѣлать въ тѣхъ же болотахъ, въ той же водѣ.

— Знаете, вотъ какъ приходилось, — съ веселымъ возбужденьемъ говорилъ офицеръ, сиплый голосъ котораго и красные бѣлки глазъ свидѣтельствовали о застарѣлой и прочной простудѣ,—вотъ какъ приходилось: шли по поясъ въ водѣ, стояли въ болотѣ часами, а потомъ мокрые сидѣли сутками въ окопахъ.

И говорилъ онъ объ этомъ, сіяя, какъ будто разсказывалъ о веселомъ приключеніи или хорошемъ праздникѣ. А, впрочемъ, это и былъ праздникъ: праздникъ выносливости, мужества, счастливо выдержаннаго испытанія.

— Великолѣпно работалъ у нихъ прожекторъ,—одобрительно разсказывалъ офицеръ. — Крадемся по болоту, — и вдругъ снопъ свѣта. А потомъ какъ начнутъ поливать пулеметы!... У насъ былъ интересный моментъ. Изъ болота черезъ рѣчку нужно было переходить черезъ мостикъ. Узенькій мосточекъ: перебирались по одному человѣку. Темная ночь. За версту или за полверсты въ лѣсу непріятель. Ну,—думаемъ, — вотъ ежели сейчасъ прожекторъ!... Ни одинъ бы не перешелъ, всѣхъ бы по одному перещелкали. Ну, слава Богу, не нащупалъ прожекторъ.

И вотъ эти мокрыя, утомленныя части войскъ выбивали затѣмъ изъ окоповъ германцевъ и принудили ихъ къ поспѣшному отступленію съ пулеметами, прожекторами и тяжелыми орудіями.

XIV.

Санитарный поѣздъ перебрался по мосту за Вислу и побѣжалъ среди мелкихъ озеръ, болотистыхъ низинъ и низкорослаго кустарника. Затѣмъ выбрался на широкій просторъ полей и осторожно, какъ бы прислушиваясь и озираясь, временами останавливаясь или задерживая ходъ, сталъ пробираться впередъ среди окоповъ, батарейныхъ валовъ, направляясь туда, гдѣ въ этотъ ясный солнечный день громыхалъ и дымился отъ горизонта до горизонта большой артиллерійскій бой.

Германцы быстро отступили, оставивъ здѣсь для непосильной борьбы съ русскими своихъ союзниковъ. Австрійцы, однако, держались довольно стойко. Всѣ эти дни брали у нихъ позицію за позиціей, а они, отступивъ, укрѣплялись въ новыхъ пунктахъ, и приходилось снова громить ихъ артиллерійскимъ огнемъ и выбивать атаками изъ окоповъ. Силы у непріятеля, очевидно, здѣсь оставались довольно значительныя: два, три, а можетъ быть, и четыре корпуса. Объ этомъ можно было судить, между прочимъ, потому, что бой происходилъ на большомъ фронтѣ—верстъ въ 20.

Мы попали въ горячій день. Наши батареи гремѣли непрерывно, размѣстившись извилистой, укрытой линіей по громадному пространству. Въ одномъ мѣстѣ,—довольно близко къ бою,—нашъ поѣздъ остановили надолго, и мы, въ нетерпѣніи увидѣть больше и дальше, влѣзли на крыши нашихъ вагоновъ. Далеко вдаль бѣжали волнами поля, темные перелѣски, черные квадраты лѣсовъ. И все это дымилось, грохотало и поблескивало боемъ. Желтые языки огоньковъ,—блѣдные и странные при дневномъ свѣтѣ,—быстро и коротко мелькали тамъ и сямъ за валами батарей, и отрывистые, сотрясающіе воздухъ удары выстрѣловъ быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Иногда желтые огоньки вспыхивали въ воздухѣ, и бѣлое облачко оставалось висѣть надъ полемъ или лѣсомъ. Это разрывалась непріятельская шрапнель. Иногда темный столбъ дыма и пыли съ клубомъ огня вздымался среди поля. Это бризантный снарядъ прилеталъ отъ вражеской батареи и производилъ взрывъ. Поля и перелѣски дымились, гремѣли и сверкали, а на горизонтѣ въ двухъ мѣстахъ громадными дымными кострами вздымались два далекихъ

пожара. Новый пожаръ вспыхнулъ гдѣ-то близко за лѣсомъ, и красные, мутные клубы пламени стали взметываться надъ черной щетиной лѣса.

Смерклось. Бой гремѣлъ съ той же напряженностью и грозной непрерывностью. А картина артиллерійскаго боя при наступающей темнотѣ стала съ особенной отчетливостью выявлять свою захватывающую красоту. Красными, короткими языками вспыхивалъ орудійный огонь въ разныхъ мѣстахъ поля, и словно стремительная молнія, скрываясь и являясь на моментъ, бѣгала извивами по громадному черному фону земли. Какъ ракеты, вспыхивала тамъ и сямъ непріятельская шрапнель. Мутно-огненнымъ столбомъ взметывался иногда разрывъ фугаснаго снаряда. А потемнѣвшій горизонтъ полыхалъ, мигалъ, игралъ огромнымъ краснымъ заревомъ нѣсколькихъ пожаровъ. Одинъ за другимъ стали вспыхивать красные огни костровъ, и скоро десятки, сотни ихъ заиграли зыблющимся пламенемъ въ укрытыхъ мѣстахъ—за лѣсомъ, въ глубокихъ лощинахъ, за домами ближайшей деревни, и мы увидѣли неисчислимое море человѣческихъ и лошадиныхъ фигуръ, ногъ, головъ, взматывающихся ривъ и хвостовъ, которые переплетомъ черныхъ движущихся тѣней то выступали на мигающихъ, красно-дымныхъ кругахъ свѣта около костровъ, то исчезали въ окружающей тьмѣ, чтобы снова ярко выдѣлиться, попавъ на красный кругъ костра.

Впереди насъ изъ чернаго лѣса вдругъ выползло какое-то громадное, кроваво-красное чудовище и понеслось, со страшнымъ шипомъ, къ намъ. Мы услышали какіе-то возбужденные крики, и паровозъ прошелъ мимо насъ, освѣщаемый съ обѣихъ сторонъ полыхающими огнемъ и дымомъ факеловъ, которыми помахивали какіе-то веселые люди. Это шелъ санитарный поѣздъ съ ранеными......

Если взяли раненыхъ съ поля битвы и если смогли похоронить убитыхъ (нашихъ и чужихъ), то, значитъ, врагъ отброшенъ и боевыя мѣста заняты сегодня нами. Доказательства побѣды,—хоть и печальныя доказательства...

Это, впрочемъ, проходитъ бѣглой, мрачной тѣнью. Красота огненной, полыхающей, сверкающей, громыхающей боевой ночи возбуждаетъ и оживляетъ не только насъ, зрителей, но еще больше дѣйствующихъ лицъ сегодняшняго боя. Къ нашему поѣзду подбѣгаютъ возбужденные, веселые до какого-то заразительнаго хмеля офицеры расположенныхъ около лѣса частей. Они торопливо разспрашиваютъ о новостяхъ, спрашиваютъ, нѣтъ ли свѣжей газетки, и съ нервной стремительностью, оглядываясь на лѣсъ и на грохотъ канонады, съ веселой, безпокойной разсѣянностью разсказываютъ, что нынѣшняя ночь будетъ исключительная, что артиллерія подготовляетъ

ночную рѣшительную атаку, что стрѣлки уже пошли къ передовымъ окопамъ, что черезъ какой-нибудь часъ будетъ, между прочимъ, атака на господскій дворъ, гдѣ засѣли 12 тысячъ венгерцевъ, дерущихся озлобленно и упорно, и что вообще сегодня замѣчательная, прекрасная, великолѣпная ночь.

Все вокругъ необычно и фантастично. Необычно уже хотя бы и то, что мы ѣдемъ въ санитарно-питательномъ поѣздѣ В. М. Пуришкевича. И мы видимъ какого то новаго, неожиданнаго Пуришкевича. Онъ выбѣгаетъ и торопливо раздаетъ офицерамъ газеты, приговаривая:

— Вотъ тутъ «Рѣчь», «Русское Слово», «Русскія Вѣдомости», «Новое Время». Теперь всѣ газеты одного направленія.

А за нами, своими вчерашними политическими недругами (кромѣ меня, были гостями г. Пуришкевича въ эту поѣздку А. А. Стаховичъ и Г. С. Петровъ), онъ привѣтливо, дружески, съ порывомъ, почти съ энтузіазмомъ ухаживаетъ. Онъ разсказываетъ намъ о своей дѣятельности на войнѣ, о нѣкоторыхъ своихъ столкновеніяхъ съ кое-какими треніями, читаетъ свои телеграммы высокопоставленнымъ лицамъ, а въ промежутки восклицаетъ:

— Но какіе молодцы поляки! Какъ великолѣпно, геройски помогаютъ намъ! Нѣтъ, знаете, клянусь вамъ, я выйду изъ правой партіи, если она по-прежнему будетъ противъ поляковъ. Выйду! Они тамъ сидятъ и ничего не чувствуютъ. Нужно на войну ѣхать. Всѣмъ. Они бы здѣсь увидѣли и поняли.

Онъ возбужденно блеститъ сѣрыми глазами, комкаетъ свои бумажки и какъ ртуть катится изъ вагона, взмахивая руками и восклицая:

— Когда же насъ пустятъ впередъ!

Но вотъ ѣдемъ дальше. Ѣдемъ съ осторожностью и медленно черезъ лѣсъ, пылающій огнями въ котловинахъ, вспыхивающій орудійными выстрѣлами и громыхающій непрерывной канонадой.

Внезапно изъ-за лѣса выступаетъ красное, играющее, живое пламя близкаго, громаднаго пожара. Ночная тьма путаетъ и мѣняетъ перспективу. Кажется, будто пожаръ полыхаетъ огнемъ и дымомъ совсѣмъ близко отъ насъ. И Пуришкевичъ возбужденно и весело восклицаетъ, глядя въ окно вагона:

— Это—господскій дворъ горитъ. Отъ нашихъ снарядовъ. Но, смотрите, тутъ не больше версты! Они, ежели пожелаютъ, моментально разнесутъ нашъ поѣздъ изъ своей батареи! Я сейчасъ распоряжусь, чтобы потушили огни на паровозѣ.

Останавливаемся среди лѣса. Сначала Пуришкевичъ рѣшаетъ здѣсь же кормить воиновъ и раздавать имъ бѣлье, газеты, хлѣбъ.

Къ поѣзду группами подходятъ офицеры, солдаты съ фонарями въ рукахъ, подъѣзжаютъ конные разъѣзды.

— Всѣхъ будемъ кормить!—звонкимъ теноромъ, какъ глашатай-восклицаетъ Пуришкевичъ съ подножки вагона.—И раненыхъ, и здоровыхъ! Подходите, друзья! Господа офицеры, въ кухнѣ есть горячія щи и каша! Милости просимъ! Пожалуйте! Кому угодно теплое бѣлье? Кто желаетъ получить къ чаю хлѣба? У насъ три тысячи булокъ! Есть газеты! Пожалуйте!

И вереницы пѣшихъ и конныхъ людей потянулись къ поѣзду. Офицеры съ веселыми восклицаньями впрыгивали въ вагонъ-кухню, гдѣ дымились котлы съ щами и кашей. Отрядъ конницы вылетѣлъ изъ лѣса, и всадники, вытянувшись въ линію, при свѣтѣ фонарей и костровъ, проскакивали мимо поѣзда, брали, сдерживая фыркающихъ лошадей и наклоняясь, булку въ правую руку отъ раздававшаго у вагона и скакали отъ поѣзда, пропадая въ тьмѣ. Въ другомъ вагонѣ солдаты торопливо получали связки бѣлья.

— Разставляйте палатки!—командовалъ Пуришкевичъ.—Будемъ кормить ужиномъ!

Однако, оказалось, что можно продвинуться еще дальше, и поѣздъ, осторожно пройдя двѣ-три версты, остановился около полуразрушеннаго остова сгорѣвшей и разбитой снарядами станціи.

Здѣсь изъ осторожности избѣгали огня (чтобы не привлечь артиллерійскій обстрѣлъ непріятеля). Въ полутьмѣ чернѣлся воинскій поѣздъ. Изъ открытыхъ товарныхъ вагоновъ солдаты торопливо выволакивали снаряды и уносили ихъ куда-то во тьму, ныряя подъ вагоны нашего поѣзда. Бродили раненые съ перевязками на рукахъ. Дальше стояли какія-то повозки, и въ нихъ шевелились какіе-то люди, не то раненые, не то плѣнные, только-что привезенные съ поля битвы. Оглушительно бухала гдѣ-то близко наша батарея.

Въ небольшомъ зданіи, при тускломъ освѣщеніи двухъ-трехъ свѣчей, работалъ передовой перевязочный пунктъ. Доктора и двѣ сестры молча склонялись, разсматривая, надъ ранеными, которыхъ вносили и клали на столъ. Какой-то высокій человѣкъ въ военной формѣ возбужденно и отрывисто говорилъ:

— Простите... Я не знаю, что со мной... Не могу владѣть...

Мы увидѣли дергающееся въ нервной дрожи лицо съ небольшой русой бородкой. Глаза мигали, и губы судорожно кривились, какъ будто человѣкъ изо-всѣхъ силъ старался удержаться отъ рыданья.

— Взрослый человѣкъ...—лепеталъ онъ, хватаясь въ темнотѣ за каждаго изъ насъ и въ чемъ-то оправдываясь,—а вотъ.. не могу справиться... съ нервами... Боюсь заплакать...

— Ну, и поплачьте. Экая бѣда,—участливо и тепло сказалъ кто-то.

Высокій, полуплачущій человѣкъ довѣрчиво схватилъ меня за руку.

— Не повѣрите,—говорилъ онъ съ волненіемъ и трясясь въ нервномъ ознобѣ.—Мнѣ стали... стали дѣлать перевязку, а я упалъ въ обморокъ. Не ожидалъ, что можно такъ... что можно такъ распустить нервы...

Рана его была легкая, въ руку, и не отъ нея онъ нервничалъ. Оказывается, что когда его ранили, и онъ, наскоро перевязавшись, лежалъ, спокойно, почти весело ожидая, когда можно будетъ выбраться изъ окопа, вблизи со страшнымъ, адскимъ грохотомъ, визгомъ и трескомъ разорвался тяжелый бризантный снарядъ.

— Понимаете, — пробовалъ онъ разсказать. — Какъ ухнуло... Полетѣло, затрещало...

И снова лицо его скривилось, губы задрожали, и онъ, замолчавъ, торопливо закрылъ рукой глаза.

— Да,—сказалъ другой раненый, молодой прапорщикъ, спокойно придерживавшій свою раненую и закутанную въ бѣлую марлю руку.—Да, отъ этихъ снарядовъ ошеломительное впечатлѣніе. Больше моральное. Опасность не велика: осколки поверхъ летятъ. А на нервы дѣйствуетъ. Трескъ страшный. Когда мы въ окопахъ около Ивангорода сидѣли, одинъ прапорщикъ у насъ заболѣлъ психически. Три дня германцы окатывали около насъ мѣстечко изъ тяжелыхъ орудій. Непріятная штука. А потомъ привыкаешь.

Любезный офицеръ въ овчинной курткѣ, примѣтивъ наше нетерпѣливое любопытство къ бою, повелъ насъ черезъ рельсовые пути, черезъ лѣсъ и черезъ деревню въ поле, на которомъ разыгрывалась трагедія ночного боя.

Оглушающе, съ потрясающей силой совсѣмъ близко справа отъ насъ рявкала батарея. Красные огоньки быстро вспыхивали одинъ за другимъ, и три или четыре выстрѣла раздирали воздухъ почти непереноснымъ для ушей звукомъ. Вспыхивали огоньки впереди, вспыхивали гдѣ-то слѣва, и удары орудійныхъ залповъ то сильнѣе, то глуше раздавались со всѣхъ сторонъ. Въ паузы слышны были, словно сухіе палочные удары, короткіе залпы винтовокъ и длительный трескъ пулеметовъ. Иногда слышался какой-то приближающійся свистъ, потомъ тоненькій, отрывающійся, жалобно-злобный вой, и передъ нами, справа, надъ полемъ вспыхивалъ въ воздухѣ огонекъ и слышался трескъ.

— Шрапнель,—пояснилъ офицеръ.

На мою просьбу пройти дальше, онъ сказалъ, улыбаясь:

— А дальше картина такая же. Только немножко опаснѣе. А, впрочемъ, пойдемте.

Мы вдвоемъ съ нимъ пошли по дорогѣ и остановились, пройдя нѣкоторое пространство. Картина была, дѣйствительно, та же. Темное поле такъ же мерцало, мигало и сверкало огнями, такъ же сотрясающе гремѣла ближайшая батарея и болѣе глухо бахали отдаленныя орудія, также играло на горизонтѣ багряное зарево пожара. Только нѣсколько ближе и слышнѣе взвизгивала и трещала шрапнель, разрываясь и вспыхивая надъ полемъ справа отъ насъ, и слышнѣе стала сухая дробь винтовокъ и пулеметовъ.

Мы уже пошли назадъ, когда артиллерійская канонада внезапно стихла. Стали затихать и ружейные залпы. И вдругъ издалека изъ притихшей тьмы донеслось сыпучимъ звукомъ:

— Ура! Ура!..

И этотъ сыпучій звукъ покатился по всей невидимой нами равнинѣ. Подхватывая и усиливая крики, раздавалось по всему длинному фронту:

— Ура! ура! ура!..

И сразу вдругъ захлопали сухіе удары залповъ, затрещали пулеметы.

— Наши пошли въ атаку!—возбужденно прислушиваясь, сказалъ офицеръ.—А въ нихъ стрѣляютъ.

На дорогѣ стояла большая группа офицеровъ. Это вышелъ къ боевому полю почти весь штабъ съ генераломъ во главѣ.

— Ура! ура! Кавалерія впередъ! Ура!..

Доносила ночь перекатывающіеся звуки голосовъ. И еще что-то кричали вдали. Какія-то слова отдѣльной команды, какіе-то возбужденные крики.

Группа офицеровъ напряженно, съ волненіемъ, возбужденно и вполголоса переговариваясь, слушала звуки боя.

Впереди стоялъ небольшого роста старикъ съ бѣлой бородой, въ буркѣ, накинутой на плечи, и мохнатой папахѣ. Ему почтительно докладывали о ходѣ боя подбѣгавшіе ординарцы, получавшіе свѣдѣнія по телефону.

Ночь оглашалась криками, залпами и трескомъ пулеметовъ. На нѣсколько минутъ все стихало, и снова возбужденное «ура», снова усиленная трескотня винтовокъ и пулеметовъ.

Стояли мы долго, можетъ быть, часъ, можетъ быть, два или больше. И шагъ за шагомъ мы узнавали объ успѣхахъ побѣдоносной ночи: взятъ господскій домъ, отбиты контръ-атаки, взято мѣстечко за господскимъ дворомъ, отбиты нѣсколько контръ-атакъ. Группа

офицеровъ выслушивала свѣдѣнія почти въ ознобѣ нетерпѣнія, торжества и возбужденія.

Утромъ все вокругъ снова гремѣло отъ канонады. Съ однимъ изъ офицеровъ прошелъ я опять на то же поле, а затѣмъ дальше въ деревню, которая считалась подъ обстрѣломъ съ непріятельскихъ батарей. Мы влѣзли съ офицеромъ на крышу одной избы. Отсюда были хорошо видны тѣ мѣста, гдѣ были удачныя атаки этой ночью: совсѣмъ вблизи у небольшого лѣсочка—господскій дворъ и нѣсколько дальше—мѣстечко съ двумя высокими колоннами костела.

— Костелъ еще не взятъ, — пояснилъ офицеръ, — на немъ у австрійцевъ два пулемета. Наши батареи обстрѣливаютъ теперь костелъ.

Мы были въ полукольцѣ нашихъ батарей. Справа и позади невидимая теперь нами батарея давала изрѣдка по одному выстрѣлу. Впереди, очень близко, въ нѣсколькихъ саженяхъ за деревней, сверкала быстрыми огоньками и трахала оглушающими выстрѣлами хлопотливая и старательная батарея. Слѣва стрѣляла батарея гдѣ-то далеко позади, и снаряды со звенящимъ, длительнымъ трескомъ пролетали почти надъ нашими головами. Вокругъ костела вспыхивали и висѣли въ воздухѣ кружечки бѣлаго дыма. Иногда съ земли поднимался черный, мутный столбъ взрыва. За костеломъ былъ лиловый квадратъ полей, а справа и слѣва темнѣлись лѣса. Откуда-то изъ-за костела австрійская батарея слала къ намъ шрапнель. Она взвизгивала и трещала, разрываясь надъ пустымъ полемъ справа, позади отъ насъ. Офицеръ посовѣтовалъ не высовываться изъ-за трубы.

— Они сочтутъ, что на крышѣ наблюдательный пунктъ,— пояснилъ онъ,—и начнутъ по насъ стрѣлять.

Черезъ деревню, съ поля сраженія медленно ползли повозки съ ранеными.

Когда мы вернулись къ поѣзду, здѣсь уже все вокругъ чернѣлось и шелестѣло ранеными и плѣнными. Легко-раненые возбужденно и весело разсказывали о сидѣньѣ въ окопахъ и о ночной атакѣ.

— Мы къ нимъ были,—разсказывалъ солдатъ съ перевязанной рукой,—ну, не больше шаговъ за пятьдесятъ. Мы имъ кричимъ: «Сдавайтесь!» А они намъ кричатъ по-своему: «Сдавайтесь!» И только какая исторія непріятная вышла,—какъ бы съ недоумѣньемъ и сожалѣньемъ продолжалъ онъ,—мы кричимъ имъ это и шапками машемъ: «Сдавайтесь!» А имъ померещилось, что ли, аль не поняли они,—только вдругъ видимъ, вскочили, надѣли штыки на винтовки, закричали «ура» и на насъ бѣгутъ. Ну, тутъ у насъ: «Вотъ тебѣ и разъ!»—говоримъ.—Въ штыки да еще «ура!» Да какъ это изъ пулеметовъ брызнули,—ну, всѣ они полегли. Вотъ исторія вышла!

И онъ съ недоумѣньемъ глядѣлъ на слушателей, не зная, какъ будто, радоваться ли ему этому случаю или пожалѣть несмысленныхъ австрійцевъ.

— Это уже не война,—говорилъ, ворча, слушавшій офицеръ,—когда въ этакіе разговоры пускаются. Тутъ нужно скорѣе атакой кончать дѣло.

Плѣнные и раненые австрійцы въ сѣрыхъ кепи и сѣро-голубыхъ шинеляхъ бродили тутъ же среди русскихъ раненыхъ, сразу, кажется, довольно охотно примирясь со своей судьбой. На повозкахъ лежали тяжело-раненые. И одинаковой терпѣливой тоской блестѣли глаза на желтыхъ, истомленныхъ болью лицахъ, какъ у русскихъ, такъ и австрійцевъ.

XV.

Во Львовъ пришлось мнѣ пріѣхать въ три часа ночи, и завоеванный городъ вѣялъ почти жутью, когда ѣхалъ я на извозчикѣ по темнымъ улицамъ съ громадами черныхъ, неосвѣщенныхъ, пустынныхъ, казалось, домовъ.

Днемъ суета на улицахъ, крики газетчиковъ, трескъ экипажей выяснили, что городъ не совсѣмъ умеръ. Но значительный параличъ его все же былъ очевиденъ.

Жизнь большихъ городовъ всегда въ значительной степени искусственна. Она питается соками не только окружающей мѣстности, но и кровью, нервами другихъ городовъ, всего государства, иногда даже и чужихъ государствъ. Война перерѣзала во Львовѣ артерію, связывавшую его съ Австріей. И городъ впалъ въ летаргію, отъ которой только долгими и большими усиліями можно его возстановить. Палъ ввозъ и пала торговля. Остановились школы. Закрылись правительственныя учрежденія, частные банки, крупныя торговыя фирмы, магазины. Въ испугѣ бѣжали изъ города чиновники, купцы, банкиры, промышленники, предприниматели. Все это связано было со всей остальной жизнью города. Оборвались эти главныя нити, парализовались и почти всѣ остальныя.

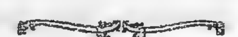
На почтовыхъ ящикахъ по улицамъ несмѣняемо виситъ табличка: «4—30». Это австрійская почта не успѣла вынуть въ день сдачи города корреспонденцію, и съ тѣхъ поръ почтовые ящики стоятъ запертые съ плѣненными въ нихъ письмами. Австрійской почты нѣтъ, а русская еще не налажена. На одной изъ башенъ часы остановились въ день сдачи, и съ того времени некому вспомнить о нихъ. Мелочь, характеризующая спутанность переходнаго времени.

Изъ окна своей комнаты въ гостиницѣ слышу я тоскливые, монотонные звуки гармоники и уже боюсь подходить къ окну: на улицѣ около угла какая-то сѣдая, благообразная дама въ приличномъ костюмѣ часами играетъ неумѣлыми руками на дешевой гармоникѣ. Не она играетъ, а голодъ играетъ.

Только-что мы вышли вдвоемъ со знакомымъ изъ отеля, какъ подошла къ намъ молодая, стройная дама и съ краской стыда на истомленномъ, напуганномъ лицѣ попросила, безсвязно лепеча, «что-нибудь» дать ей. Война парализовала жизнь города и внесла въ сотни домовъ не только нужду, а подлинный, нешуточный, безвыходный голодъ. Выпрямить, оживить городъ можно, конечно, не благотворительностью, которая временно необходима, а возстановленіемъ прежней жизни. Нервы и артеріи, оборванные со стороны Австріи, нужно съ поспѣшностью и искусствомъ наладить со стороны Россіи.

Львовъ красивъ и плѣнителенъ живописностью своего расположенія, своими холмами, парками, извилистыми улицами съ домами европейской архитектуры. И невольно, глядя на него, хочется, чтобы красавецъ-городъ поскорѣе выздоровѣлъ, повернувшись довѣрчивымъ лицомъ къ Россіи.

И. Жилкинъ.



НА ТЕМЫ ДНЯ.

Завѣса, покрывающая слишкомъ многое.—Поляки и евреи.—Нелегализированныя партіи.—Имя, какъ критерій.—Апологія стараго суда.

Мы живемъ теперь точно за занавѣсомъ, края котораго то здѣсь, то тамъ поднимаются на минуту, открывая уголокъ слабо освѣщеннаго пространства. Поразительна, напримѣръ, скудость или блѣдность свѣдѣній, получаемыхъ изъ глубины Россіи; мало, очень мало извѣстно и о томъ, что происходитъ—*помимо военныхъ дѣйствій*,—на театрѣ и близъ театра войны. Мы подчеркиваемъ оговорку: «помимо военныхъ дѣйствій», потому что вовсе не имѣемъ въ виду недостатокъ данныхъ собственно по этому предмету. Въ области, предѣлы которой обусловливаются необходимостью соблюденія военной тайны, строгость спеціальной военной цензуры для насъ вполнѣ понятна; возможный вредъ необдуманной или

преждевременной откровенности здѣсь такъ великъ, что въ сравненіи съ нимъ меркнутъ неудобства вынужденнаго молчанія. Выигрышъ отъ свободы сообщеній и сужденій не уравновѣшивалъ бы зла, легко могущаго принять опасные размѣры. . . .

Когда началась война, многимъ казалось, что она должна весьма быстро измѣнить взаимоотношеніе политическихъ партій и политическихъ теченій. Въ самомъ дѣлѣ, что, въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, считалось безусловно доказаннымъ и, какъ таковое, входило въ составъ оффиціальнаго катехизиса? Прежде всего—глубокое, неустранимое различіе въ степени благонадежности національныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается населеніе имперіи. Настоящей опорой государства признавалось одно только великорусское племя; всѣ другія оставлялись въ подозрѣніи, болѣе или менѣе сильномъ. Отсюда вытекалъ самъ собою практическій выводъ: никакого вниманія національныя особенности не заслуживаютъ, никакихъ смягченій и отступленій въ проведеніи общерусскихъ началъ допускать не слѣдуетъ. Нашлись для такого взгляда кое-какія опоры въ прошломъ; установилась связь между эпигонами славянофильства, замѣнившими (по выраженію Владиміра Соловьева) идеализмъ идолопоклонствомъ, и новоявленными «истинно-русскими» людьми. Создалась своеобразная партія, вся программа которой исчерпывалась «національномомъ», т. е. отрицаніемъ всего неподходящаго подъ узкую и плохо понятую этикетку. Мало чѣмъ отличалась отъ нея, въ этомъ отношеніи, и такъ называемая партія правыхъ. Отголоски «національзма» слышались и въ тѣхъ группахъ, которыя образовали центръ Государственной Думы (третьяго и четвертаго созыва). Чего можно было ожидать, въ случаѣ войны, съ точки зрѣнія націоналистовъ всѣхъ категорій и всѣхъ оттѣнковъ? Очевидно—если не активнаго, то пассивнаго противодѣйствія, объединяющаго всѣхъ «анти-націоналистовъ» и отдѣляющаго ихъ рѣзкою демаркаціонною чертою отъ единственныхъ вѣрныхъ носителей государственнаго знамени.

Случилось, однако, совсѣмъ не то. Засѣданіе Государственной Думы 26-го іюля обнаружило, а всѣ послѣдующія событія вполнѣ подтвердили общую готовность русскихъ и не-русскихъ гражданъ Россійскаго государства стать на его защиту противъ внѣшняго врага. Это должно было, повидимому, внести новую струю въ политическую жизнь, вызвать переоцѣнку многаго, до тѣхъ поръ принимавшагося на вѣру. Къ чему экстраординарная охрана того, чему никто не угрожаетъ? Къ чему отталкивать тѣхъ, въ комъ, когда настаетъ опасная минута, чувствуются не противники, а союзники?.. Ограниченному, близорукому національзму нанесенъ былъ,

казалось, рѣшительный ударъ. Открытыми, однако, могли остаться тѣ вопросы, на почвѣ которыхъ происходили, обычно, націоналистическія выступленія. Можно было бы отказаться отъ мысли, что иноплеменники, инородцы, иновѣрцы—прирожденные враги русскаго государства, но сохранить прежній, привычный взглядъ на недопустимость предъявляемыхъ ими требованій или пожеланій. Да, это было бы возможно, если бы въ положеніе дѣлъ, существовавшее до войны, не была внесена другая, еще болѣе крупная перемѣна. Мы имѣемъ въ виду воззванія верховнаго главнокомандующаго къ полякамъ и къ народамъ Австро-Венгріи. Первымъ изъ нихъ провозглашалось возрожденіе Польши, «свободной въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи»; вторымъ обѣщалось сохраненіе «драгоцѣннаго достоянія отцовъ—языка и вѣры».

Законнымъ, имѣющимъ право не только на существованіе, но и на развитіе было признано, такимъ образомъ, именно то, къ чему стремились и стремятся культурныя не-великорусскія народности Россіи, именно то, что отвергали и желали искоренить фанатики націонализма. Если языкъ—«драгоцѣнное достояніе отцовъ», онъ не можетъ быть приносимъ въ жертву внѣшне-объединительнымъ тенденціямъ; если на той же основѣ зиждется привязанность къ вѣрѣ, она не можетъ быть объектомъ недовѣрія и обусловливаемыхъ имъ стѣснительныхъ мѣропріятій; если самоуправленіе — необходимая предпосылка свободы, не нужно, и нецѣлесообразно дѣленіе на куріи, искусственно поддерживающее національную обособленность. Осуждена была, слѣдовательно, цѣлая система, возвѣщена новая, для примѣненія которой сразу открывалось обширное поприще. Меньше всего подходящими для совершенія этого труднаго и отвѣтственнаго дѣла представлялись, очевидно, сторонники и проводники отжившей доктрины. Устранены ли они отъ него - вотъ вопросъ, для точнаго отвѣта на который у насъ недостаетъ данныхъ . . . .

Польская національность оказывается теперь счастливѣе малорусской; недавніе враги поляковъ, подчиняясь «превосходящей силѣ» обстоятельствъ, признаютъ за ними права народа. Съ правами всегда связаны обязанности—и вполнѣ понятно, что для польскаго народа наступаетъ время подумать и о послѣднихъ. Въ Царствѣ Польскомъ, въ западной Галиціи, въ Познани, поляки живутъ не одни; въ возродившейся Польшѣ имъ придется опредѣлять свои отношенія къ литовцамъ, къ нѣмцамъ и въ особенности къ евреямъ. Уже теперь замѣтна тѣнь грядущихъ событій; уже теперь мысль о будущемъ укладѣ польскаго общества занимаетъ всѣхъ заинтересован-

ныхъ въ разрѣшеніи труднаго вопроса. Условія, при которыхъ онъ выступаетъ на сцену, особенно неблагопріятны для евреевъ. Войнѣ предшествовало длительное развитіе національной непріязни, крайнимъ выраженіемъ которой явился бойкотъ, направленный противъ евреевъ. Не примирили враждующихъ и бѣдствія войны, одинаково тяжелыя для всѣхъ обитателей театра военныхъ дѣйствій. Мѣсяцъ тому назадъ мы упомянули о разладѣ, вкравшемся въ организацію помощи пострадавшимъ. Съ тѣхъ поръ печальная картина обрисовалась еще яснѣе, особенно благодаря докладу Е. Д. Кусковой, лично ознакомившейся съ положеніемъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. Особый интересъ представляло, поэтому, происходившее на дняхъ въ Москвѣ засѣданіе общества единенія народностей, въ которомъ отъ имени польской интеллигенціи выступилъ присяжный повѣренный А. Р. Ледницкій, популярный не только среди поляковъ, выдающійся членъ первой Думы. Еврейство въ Польшѣ—сказалъ А. Р. Ледницкій—можно раздѣлить на три группы: ассимилированную, націонализированную и руссифицированную. До появленія послѣдней группы, выброшенной въ Польшу изъ внутреннихъ губерній Россіи мѣрами административно-полицейскими, въ Польшѣ не было антисемитизма. По отношенію къ первой группѣ поляки всегда держались братски, по отношенію ко второй—какъ къ особнякомъ стоящей, чуждой по нравамъ, обычаямъ и культурѣ группѣ соотечественниковъ. И только третья категорія еврейства явилась въ качествѣ врага польской культуры и національности. Русскіе евреи пришли въ Польшу со своимъ органическимъ тяготѣніемъ къ русской культурѣ, и въ борьбѣ поляковъ за свое національное существованіе оказались не индифферентнымъ, не нейтральнымъ, а враждебнымъ, опаснымъ элементомъ. Съ этимъ связано возникновеніе антисемитизма въ Польшѣ. Надо пользоваться каждой возможностью для того, чтобы сблизить враждующія стороны и внести въ отношенія ихъ элементы взаимнаго пониманія, согласія, мира и терпимости. Въ предѣлахъ національнаго самосохраненія борьба останется, но она можетъ и должна вестись только идейными, культурными способами; въ ней не должно быть мѣста дикимъ проявленіямъ ненависти и вражды, омрачающимъ общественную жизнь Царства Польскаго. Со стороны русскаго общества требуется много осторожности при вмѣшательствѣ въ страстную распрю двухъ національностей. Русское общество имѣетъ передъ собою прямой путь къ разрѣшенію этого вопроса радикальнымъ образомъ. На этомъ пути оно объединится не только съ представителями угнетеннаго еврейства, но и съ польскимъ обществомъ, даже въ той части его, которая заражена антисемит-

скимъ настроеніемъ... Отвѣчая одному изъ оппонентовъ, П. П. Малянтовичу, А. Р. Ледницкій призналъ еще разъ, что антисемитизмомъ заражено даже прогрессивное польское общество и что проявленія этого состоянія умовъ не могутъ не быть осуждены съ точки зрѣнія всякой культуры и всякой національности. Отправляясь отъ этого признанія, П. П. Малянтовичъ пришелъ къ заключенію, что противъ антисемитизма должны бороться всѣ, кому дорога судьба польскаго народа. Русское общество сочувствуетъ полякамъ въ ихъ правомъ и святомъ дѣлѣ, но именно потому обязано быть по отношенію къ нимъ откровеннымъ и не забывать «своей собственной доли отвѣтственности въ томъ русскомъ вопросѣ о евреяхъ, который совершенно неправильно называется еврейскимъ вопросомъ». Словамъ г. Малянтовича видимо сочувствовало громадное большинство собранія.

Не будемъ касаться вопроса о томъ, въ какой степени правильно проводимое А. Р. Ледницкимъ дѣленіе польскихъ евреевъ на три группы; допустимъ, какъ предположеніе, что въ средѣ одной изъ нихъ существовало еще недавно явно враждебное настроеніе къ полякамъ и Польшѣ. Могло ли, однако, это настроеніе остаться неизмѣннымъ послѣ крутого поворота, происшедшаго въ русско-польскихъ отношеніяхъ? «Руссифицированные», по выраженію А. Р. Ледницкаго, евреи могли быть опасны для поляковъ только до тѣхъ поръ, пока руссификаторской, въ той или другой мѣрѣ, была политика русскаго правительства. Теперь, когда она окончательно утратила этотъ характеръ, когда обѣщано воскрешеніе Польши, евреямъ не будетъ больше ни повода, ни надобности обособляться отъ поляковъ; въ мирномъ сожительствѣ одинаково будутъ заинтересованы и тѣ, и другіе. Условіемъ такого сожительства является равноправность, отказъ отъ всего, искусственно выдѣляющаго и возвышающаго господствующую національность. Въ осуществленіи этого условія наравнѣ съ Польшей заинтересована Россія, ждущая отъ поляковъ, какъ сказано въ воззваніи верховнаго главнокомандующаго, уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми ихъ связала исторія. Превосходное воззваніе польскаго національнаго комитета, на-дняхъ оглашенное въ печати, произвело бы еще болѣе сильное впечатлѣніе, если бы было обращено не къ однимъ полякамъ, а ко всѣмъ національностямъ, которыя входятъ теперь въ составъ Царства Польскаго и должны войти въ составъ возстановленной и объединенной Польши.

. . . .

Намъ уже не разъ случалось указывать на то, что въ новомъ своемъ фазисѣ русскій псевдо-націонализмъ охотно прибѣгаетъ къ пріемамъ, выработаннымъ въ прежней его практикѣ. Съ новыми фактами этого рода приходится встрѣчаться на каждомъ шагу. Лѣтъ 20—25 тому назадъ руссификаторы особаго рода пытались бросить тѣнь на работы комиссіи, составлявшей гражданское уложеніе, подчеркивая многочисленность среди ея членовъ лицъ—судя по фамиліямъ—не-русскаго происхожденія. Вмѣсто единственно-примѣнимаго въ данномъ случаѣ критерія—критерія способностей и знаній—выдвигался другой, совершенно неумѣстный: опорочивались люди не потому, чтобы они были мало пригодны къ возложенному на нихъ дѣлу, а потому, что ихъ фамиліи оканчивались на -мъ или -ръ, на -скій или -цкій. Нѣчто однородное происходитъ теперь на нашихъ глазахъ. Въ публичной лекціи, прочитанной недавно профессоромъ-журналистомъ, противъ одного изъ нашихъ вѣдомствъ выдвинуто, въ качествѣ тяжелой артиллеріи, великое множество нѣмецкихъ именъ, фигурирующихъ въ спискахъ его должностныхъ лицъ [1]). Брать на себя защиту этого вѣдомства мы отнюдь не намѣрены, да она, съ занимающей насъ точки зрѣнія, и не нужна; насъ интересуетъ только методъ нападающаго. Что составленный имъ «каталогъ» если не «тысячи трехъ», то «шестидесяти шести» возбудилъ, если вѣрить газетному сообщенію, «громкій смѣхъ» присутствовавшихъ на лекціи—это неудивительно; но инымъ, думается намъ, было бы впечатлѣніе, если бы слушатели могли остановиться подольше на именахъ, которыми забросалъ ихъ лекторъ. Они замѣтили бы, во-первыхъ, что нѣкоторыя изъ этихъ именъ—вовсе не нѣмецкія, а финляндскія или датскія; во-вторыхъ, что изъ числа носителей хотя бы и подлинно нѣмецкаго имени нѣкоторые со славою кончили жизнь на полѣ битвы въ рядахъ русскаго войска, другіе выдвинулись впередъ въ области русской науки или общественной дѣятельности, третьи, достигнувъ высокихъ гражданскихъ постовъ, занимали ихъ не съ меньшей честью, чѣмъ многіе ихъ сверстники чисто русскаго происхожденія; наконецъ, что немало нѣмецкихъ именъ попадается въ печатаемыхъ теперь почти ежедневно спискахъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ, и уже потому несвоевременно, неприлично огульное осужденіе «русскихъ нѣмцевъ». Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ прошломъ, даже не очень отдаленномъ, этой категоріи русскихъ подданныхъ доставалась несоразмѣрно большая и далеко не всегда заслуженная доля власти и силы; но причину этому слѣдуетъ искать не столько въ мало-симпа-

[1]) См. «Новое Время» № 13900.

тичныхъ свойствахъ нѣмецкой натуры, сколько въ недавнихъ, до сихъ поръ не вполнѣ исчезнувшихъ особенностяхъ русскаго государственнаго строя. Опасность, противъ которой слѣдуетъ реагировать, заключается не въ томъ, что есть вѣдомства черезчуръ, быть можетъ по старой памяти, расположенныя къ остзейскимъ дворянамъ, сколько въ томъ, что корпорація этихъ дворянъ сохраняетъ въ своихъ рукахъ ничѣмъ не оправдываемое господствующее вліяніе на дѣла цѣлаго края. Здѣсь противъ нея долженъ быть направленъ настоящій крестовый походъ, но руководимый не національными антипатіями, не принципомъ: ôte-toi de là que je m'y mette, а справедливою заботою о правахъ и интересахъ народной массы. Въ этомъ походѣ ненуженъ дешевый паѳосъ мнимо-оскорбленнаго патріотизма, не нужны услуги неофитовъ, только-что прозрѣвшихъ правоту латышей и эстовъ. Чтобы сокрушить нѣмецкую твердыню въ прибалтійскомъ краѣ, нѣтъ надобности въ подозрѣніяхъ и обвиненіяхъ, неразборчиво взводимыхъ противъ отдѣльныхъ лицъ; достаточно понять несостоятельность системы, давно потерявшей всѣ свои политическіе и нравственные устои.

Менѣе опасны, чѣмъ извѣты въ настоящемъ, тѣ экскурсы въ прошлое, остріе которыхъ также направлено противъ «внутренняго врага»; но совершенно безвредными и ихъ назвать нельзя, потому что они извращаютъ историческую перспективу. Такова, напримѣръ, попытка связать всѣ ошибки русской внѣшней политики въ первой половинѣ XIX-го вѣка съ именемъ нѣмца, стоявшаго тогда во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ—графа Нессельроде. Съ гораздо большимъ талантомъ подобная попытка была сдѣлана, лѣтъ 25—30 тому назадъ, С. С. Татищевымъ; но убѣдительной и она не была и не могла быть, потому что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ не отъ министра, какъ бы долго онъ ни держался на своемъ посту, зависѣло опредѣленіе отношеній русскаго правительства къ Западной Европѣ. Императоръ Николай Павловичъ былъ самъ своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; его личными вкусами и взглядами обусловливались неизмѣнная поддержка Австріи, покровительственное, но строгое руководительство Пруссіей, непримиримая антипатія къ іюльской монархіи. Графъ Нессельроде былъ послушнымъ исполнителемъ приказаній; отъ него зависѣла, до извѣстной степени, только форма, но отнюдь не суть дипломатическихъ сношеній, и этого факта не опровергнетъ неумѣлая эксплоатація условій современной дѣйствительности.

Что пятидесятилѣтняя годовщина судебныхъ уставовъ прошла безъ общаго подъема, хотя и вызвала много свѣтлыхъ воспоминаній—это совершенно понятно: слишкомъ тяжело бремя, наброшенное на Россію войною, слишкомъ неопредѣленны и далеки отъ осуществленія надежды, которыя можно возлагать на будущее. Налицо оказалась одна черта, не всегда сопутствующая юбилейнымъ днямъ: раздался во всеуслышаніе вздохъ сожалѣнія о старомъ судѣ—томъ самомъ судѣ, упраздненіе котораго составляетъ, по обыкновенному представленію, безсмертную славу творцовъ судебной реформы. Этотъ вздохъ имѣетъ своеобразную цѣнность: онъ показываетъ наглядно, что таится подъ гладью кажущагося примиренія съ вошедшею въ жизнь новизною. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ средѣ русскаго общества до сихъ поръ имѣется немало завзятыхъ крѣпостниковъ, но открыто высказываютъ свои чувства и думы лишь немногіе изъ нихъ, и распространенность зла не выступаетъ, поэтому, на видъ во всемъ своемъ угрожающемъ размѣрѣ. То же самое можно сказать и о врагахъ новаго суда; даже тогда, когда они выступаютъ противъ него съ поднятымъ забраломъ, они рѣдко доходятъ до логическаго конца, рѣдко являются апологетами старыхъ судебныхъ порядковъ. Такую апологію мы прочли на-дняхъ, когда только-что успѣло отзвучать чествованіе 20-го ноября. Къ отвѣту привлекается И. С. Аксаковъ (т. е. не Аксаковъ, а Хомяковъ), позволившій себѣ сказать, что въ своихъ до-реформенныхъ судахъ Россія была «черна неправдой черной»; этотъ «либеральный приговоръ» признается «требующимъ пересмотра». «Екатерининскій» судъ не былъ «измышленіемъ дикарей; это былъ судъ нѣмецкій, т. е. западно-европейскій по своему строю». Нельзя допустить, чтобы «тогдашнее дворянство и тогдашняя интеллигенція выдвигали въ судъ исключительно черныхъ мерзавцевъ». Въ доказательство того, что и тогда были люди иного склада, называются имена Бѣлинскаго, Грановскаго, Станкевича, имена самихъ дѣятелей судебной реформы, вскормленныхъ все тою же до-реформенной Россіей. Во взяточничествѣ были повинны не столько суды, сколько ихъ канцеляріи, и самая взятка имѣла характеръ не столько платы за неправосудіе, сколько благодарности за ускоренный или внѣочередной трудъ — благодарности процвѣтающей и въ наше время...

Чтобы выступить съ такой защитительной рѣчью, нужно было отбросить въ сторону всю массу историческихъ фактовъ, мемуарныхъ свидѣтельствъ, литературныхъ иллюстрацій, дающихъ ничѣмъ не смываемую «черную» окраску картинѣ до-реформеннаго суда. Его настоящія свойства были извѣстны уже Петру,

когда онъ говорилъ о подбиранiи законовъ какъ мастъ къ масти; они были извѣстны Екатеринѣ, когда она писала свой Наказъ и строила безконечную лѣстницу судебныхъ учрежденiй, Николаю I-му, который въ продолженiе всего своего царствованiя собирался приступить къ очисткѣ судейскихъ Авгiевыхъ конюшенъ. Ихъ заклеймилъ Капнистъ, когда говорилъ о лихихъ супостатахъ—исполнителяхъ законовъ; ихъ ясно видѣли позднѣйшiе сатирики, отъ автора «Ревизора» до автора «Губернскихъ Очерковъ». Интеллигенцiя въ то время не существовала или была безсильна; проникать въ суды она начала позднѣе, успѣвъ, до реформы, только слегка поднять уровень высшихъ судебныхъ инстанцiй. А кого выбирало дворянство въ судьи, въ засѣдатели—это слишкомъ хорошо извѣстно. Конечно, «черными мерзавцами» были только немногiе изъ его избранниковъ; но для торжества вкоренившейся въ судахъ «черной неправды» достаточно было другихъ качествъ, болѣе распространенныхъ: невѣжества, лѣни, непониманiя судейскаго долга, невысокаго уровня гражданской нравственности. У насъ не было тѣхъ условiй, благодаря которымъ на западѣ выработался типъ свѣдущаго законника-судьи; но, чѣмъ не смотря на существованiе этого типа, были французскiе парламенты второй половины XVIII-го вѣка—на это даетъ отвѣтъ любая исторiя французской революцiи. Несвободнымъ отъ рутины, формализма и пристрастiя былъ и лучшiй изъ судовъ стараго времени—прусскiй или вообще германскiй; но, повторяемъ, ничего общаго съ нимъ нашъ старый судъ въ дѣйствительности не имѣлъ. Лучшiе люди до-реформенной Россiи, имена которыхъ всуе называетъ отрицатель «черной неправды», создались не *благодаря* господствовавшимъ тогда порядкамъ, а *вопреки* имъ, въ неустанной и часто безнадежной до трагизма борьбѣ съ ними. То же самое можно сказать и о дѣятеляхъ судебной реформы; именно потому они и могли совершить великое дѣло, что хорошо видѣли и понимали весь ужасъ стараго суда.

Съ попыткой реабилитацiи стараго суда связана не менѣе «откровенная»—и не болѣе искусная—попытка поколебать довѣрiе къ тѣмъ началамъ, на которыхъ покоится *идея* новаго суда (говоримъ: *идея*, потому что съ нею довольно сильно разошлась и расходится теперь его практика). Чтобы оцѣнить по достоинству доводы автора, достаточно ихъ перечислить: 1) ссылка на заимствованiя, сдѣланныя составителями судебныхъ уставовъ изъ иностранныхъ кодексовъ (при чемъ сардинскiй кодексъ прiурочивается авторомъ не къ сардинскому королевству, а къ острову Сардинiи!); 2) ссылка на авторитеты, въ число которыхъ, рядомъ съ Катковымъ, попали профессоръ Шевыревъ, В. Я. Фуксъ и К. А. Скальковскiй; 3) ссылка на

перемѣны, которыя оказалось необходимымъ произвести въ уставахъ весьма скоро послѣ ихъ введенія въ дѣйствіе (въ чемъ состояла эта «необходимость» и почему она возникла—объ этомъ авторъ умалчиваесъ), и 4) ссылка на *три* дѣла, по которымъ въ разныхъ инстанціяхъ состоялись расходящіяся между собою судебныя рѣшенія. Разбора и опроверженія эти аргументы, очевидно, не требуютъ... Замѣтимъ, въ заключеніе, что, приписывая судебную реформу вліянію *моды*, авторъ допускаетъ возможность или даже вѣроятность возвращенія «всѣхъ странъ» къ старому суду, «не потому, чтобы онъ былъ лучше новаго, а потому, что новый надоѣстъ, захочется перемѣнить его». Что суду, какъ и всѣмъ учрежденіямъ и порядкамъ, предстоитъ сложная эволюція, что явятся новыя формы суда, болѣе совершенныя, болѣе соотвѣтствующія требованіямъ соціальнаго прогресса, что настанетъ день, когда судъ, какъ его теперь понимаютъ, окажется ненужнымъ—всѣ эти тезисы могутъ быть поддерживаемы съ бо̀льшими или меньшими шансами успѣха; но возвратъ къ тайному, бумажному, инквизиціонному процессу—это не тезисъ, а мечта, рисующая будущее по образцу оплакиваемаго прошлаго.

К. Арсеньевъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Отвѣтъ на воззваніе нѣмецкихъ ученыхъ. — Резолюція русской группы международнаго союза криминалистовъ.—„Новый" судъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его созданія. — Судъ, для всѣхъ равный и неравный. — Подсудность. — Довѣріе и недовѣріе къ суду. — Независимость суда. — Ликвидація нѣмецкаго землевладѣнія.—Повышеніе нѣкоторыхъ существующихъ и установленіе новыхъ налоговъ.—В. Е. Строгановъ †.

Совѣщаніемъ профессоровъ Петроградскаго университета составленъ слѣдующій, полный достоинства, отвѣтъ на пресловутое воззваніе нѣмецкихъ ученыхъ:

«Представители германской науки обратились съ воззваніемъ къ культурному міру. Они рѣшаются отвергать предъявляемыя Гер-

маніи обвиненія въ звѣрскихъ способахъ веденія начатой ею войны. Въ этихъ обвиненіяхъ они не хотятъ слышать вопль культурнаго человѣчества предъ открывшеюся внезапно бездною варварства; ихъ совѣсть не влечетъ ихъ къ тому, чтобы спокойно провѣрить справедливость обвиненій, отыскать истину, исповѣдать велѣнія гуманности и служить одной правдѣ.

«Германскіе ученые утверждаютъ, что Вильгельмъ II не былъ виновникомъ войны. Они утверждаютъ, что Германія начала воевать лишь послѣ того, какъ на нее напали. Но кто же нарушилъ ея границы? И кто первый вторгся въ чужіе предѣлы?

«Германскіе ученые утверждаютъ, будто бы не Германія преступно нарушила нейтралитетъ Бельгіи и будто бы Франція и Англія уже ранѣе условились съ самою Бельгіею нарушить его. Однако, всѣ знаютъ, что фактически нарушила нейтралитетъ Бельгіи именно Германія послѣ отказа Бельгіи пропустить германскія войска для нападенія на Францію.

«Германскіе ученые утверждаютъ, что германскіе солдаты не посягали на жизнь и имущество бельгійскихъ гражданъ, когда того властно не требовала самозащита. Не можетъ этому повѣрить тотъ, кто знаетъ, какія звѣрства совершали германскія войска при вторженіи въ Россію, въ беззащитномъ Калишѣ и въ другихъ мѣстахъ русской Польши!

«Германскіе ученые утверждаютъ, что германскія войска не свирѣпствовали въ занятыхъ мѣстностяхъ; они горделиво указываютъ на то, что лувенскую ратушу германскія же войска охраняли отъ пламени. Германскіе ученые забыли упомянуть объ оскверненіи храмовъ въ Россіи, о разрушеніи и разграбленіи университета и библіотеки въ Лувенѣ, о неоднократной бомбардировкѣ Реймскаго собора, о бросаніи бомбъ въ соборъ Парижской Богоматери. И послѣ этихъ актовъ вандализма германскіе ученые все еще осмѣливаются завѣрять культурный міръ въ любви и уваженіи германцевъ къ искусству!

«Германскіе ученые утверждаютъ, что Германія ведетъ войну согласно требованіямъ международнаго права, что германскія войска не знаютъ разнузданной жестокости. А обстрѣлъ незащищенныхъ городовъ, а обращеніе женщинъ и дѣтей въ заслонъ противъ войскъ противника, а уродованіе и избіеніе раненыхъ и тому подобные факты? Развѣ это не грубая разнузданность, не гнусная жестокость?

«Германскіе ученые утверждаютъ, что борьба противъ германскаго милитаризма есть борьба противъ нѣмецкой культуры, что германскій милитаризмъ—опора нѣмецкой культуры и что безъ него эта культура давно была бы стерта съ лица земли. Цѣнное признаніе!

До сихъ поръ мы были болѣе высокаго мнѣнія о сущности и силѣ нѣмецкой культуры и полагали, что она могуча своей духовной мощью, а не пушками, дредноутами и цеппелинами.

«Германскіе ученые вычеркиваютъ насъ, русскихъ, изъ числа защитниковъ европейской цивилизаціи. Презрѣніе людей, отождествляющихъ культуру съ бронированнымъ кулакомъ, насъ не пятнаетъ, и мы рады тому, что они не равняютъ насъ съ собою. Мы служимъ по своему разумѣнію гуманнымъ принципамъ права и правды и никогда не признаемъ правоты современной Германіи въ ея настоящей борьбѣ съ европейскими націями.

«Въ ручательство того, что представители германской науки вѣщаютъ одну только правду, они ссылаются на свои имена и честь. Что же касается насъ, то нашу честь мы видимъ въ горячемъ протестѣ противъ германскаго милитаризма и въ защитѣ попранной правды».

Не сомнѣваемся, что этотъ отвѣтъ вызоветъ присоединеніе къ нему всѣхъ русскихъ людей, причастныхъ къ наукѣ, литературѣ и искусству. Подписавшіе воззваніе германскіе ученые, обращаясь «къ культурному міру», говорили, что міръ ихъ знаетъ. Да, міръ ихъ зналъ, какъ носителей завѣтовъ цивилизаціи и культуры. Теперь ихъ міръ узналъ, какъ защитниковъ торжества грубой силы и милитаризма, возведеннаго въ догматъ жизни народовъ...

Въ числѣ именъ, стоящихъ подъ воззваніемъ нѣмецкихъ ученыхъ, есть имя Франца фонъ-Листа, иниціатора международнаго союза криминалистовъ. Какъ представитель центральнаго бюро союза, ф.-Листъ пользуется значительной извѣстностью среди русскихъ юристовъ. Онъ дважды пріѣзжалъ въ Россію и принималъ ближайшее участіе въ работахъ собиравшихся въ Петербургѣ международныхъ съѣздовъ, пенитенціарномъ и криминалистовъ, въ 1890 и 1902 г.г. Русской группѣ союза постоянно приходилось имѣть съ нимъ оношенія.

Въ виду всего этого, комитетъ группы счелъ себя вынужденнымъ обсудить положеніе, созданное участіемъ ф.-Листа въ обращеніи «къ культурному міру», и принялъ слѣдующую резолюцію:

«Комитетъ русской группы международнаго союза криминалистовъ въ засѣданіи 1/14 ноября 1914 года единогласно, при участіи почетнаго предсѣдателя съѣздовъ группы проф. Н. С. Таганцева,—принявъ во вниманіе то обстоятельство, что проф. Францъ ф.-Листъ, членъ центральнаго бюро союза, являющійся представителемъ Германіи, значится въ числѣ подписавшихъ «воззваніе цивилизованнымъ народамъ», направленное къ оправданію недопустимыхъ дѣйствій,

учиненныхъ германской арміей, и содержащее утвержденія столь же ложныя, сколь и оскорбительныя по адресу Россіи; принявъ, кромѣ того, во вниманіе нравственную невозможность всякихъ сношеній съ Берлиномъ, — постановилъ: по всѣмъ вопросамъ, касающимся международнаго союза, сноситься непосредственно съ членомъ центральнаго комитета проф. Ванъ-Гамелемъ».

При письмѣ председателя русской группы, В. Д. Набокова, резолюція разослана всѣмъ председателямъ національныхъ группъ.

Какъ это ни странно, но и черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ изданія судебныхъ уставовъ имп. Александра II образованные ими органы судебной власти весьма нерѣдко именуются въ житейскомъ обиходѣ «новымъ» судомъ въ противоположеніе суду другому—«старому». Все странное, однако, имѣетъ свое объясненіе. Имѣетъ его и это пережившее цѣлую половину столѣтія представленіе о судѣ присяжныхъ, о судѣ скоромъ, для всѣхъ равномъ и независимомъ, и о гласномъ и устномъ разбирательствѣ, построенномъ на состязательномъ началѣ, какъ о нѣкоемъ новшествѣ, которое еще не стало привычнымъ въ народномъ сознаніи.

Въ торжественномъ засѣданіи сената, состоявшемся 20 ноября, первоприсутствующій, ссылаясь на законъ 12 іюня 1912 г., говорилъ, что «судебные уставы вступаютъ во второе пятидесятилѣтіе своего существованія, возстановленные въ полномъ объемѣ». Такимъ образомъ, и по воззрѣнію даже сената судъ, образованный судебными уставами, трактуется, какъ учрежденіе, всего два года назадъ «возстановленное». Но при этомъ, В. А. Желеховскій подъ возстановленіемъ судебныхъ уставовъ «въ полномъ объемѣ» разумѣлъ лишь возстановленіе мировой юстиціи и, къ тому же, «возстановленіе», въ жизнь далеко не вошедшее, ибо земскіе начальники лишены судебныхъ функцій пока только въ десяти губерніяхъ. Если же, во-первыхъ, имѣть въ виду тотъ «полный объемъ» судебныхъ уставовъ, который предполагаетъ совокупность всѣхъ возглашенныхъ въ 1864-мъ году началъ судебной реформы, и если, во-вторыхъ, говоря о законѣ, помнить не одни его слова, но и его примѣненіе,—то придется признать, что нынѣ существующій судебный строй имѣетъ гораздо болѣе общихъ точекъ соприкосновенія со старымъ дореформеннымъ судомъ, нежели ихъ имѣлъ строй, задуманный составителями судебныхъ уставовъ и санкціонированный имп. Александромъ II.

Дѣйствительно, какое ни взять изъ основныхъ началъ судебной реформы, въ отношеніи каждаго за истекшія пятьдесятъ лѣтъ произо-

шелъ значительный сдвигъ назадъ. А, между тѣмъ, нельзя забывать, что нѣкоторыя изъ этихъ началъ въ моментъ изданія судебныхъ уставовъ, по обстоятельствамъ того времени, не получили полнаго отраженія въ законѣ и осуществленіе ихъ было поставлено ближайшей задачей будущаго.

Одно изъ первыхъ мѣстъ въ перечнѣ указа 20 ноября 1864 года отведено было началу равенства суда для всѣхъ подданныхъ. Это начало предполагаетъ единство судебной системы, не только территоріальное и въ отношеніи всѣхъ гражданъ, но также точно—единство по роду дѣлъ. Въ дореформенное время законной опорой суда являлись вторыя части X и XV томовъ свода законовъ, которыя, по вѣрному опредѣленію А. Ѳ. Кони, представляли собой «безсвязное собраніе самыхъ разнородныхъ и разновременныхъ постановленій, механически сливавшихъ воедино статьи уложенія царя Алексѣя Михайловича, указы Петра и, какъ выразился въ 1835 г. Государственный Совѣтъ, «виды правительства», обнародованные въ 1784, 1796—1809 и 1823 годахъ». Постановленія нынѣшняго XVI тома свода не идутъ, конечно, такъ далеко вглубь исторіи, но по характеру безчисленныхъ новеллъ, «временныхъ» правилъ и получившихъ силу закона кассаціонныхъ разъясненій, которыми за пятьдесятъ лѣтъ обросли судебные уставы, эти постановленія рисуютъ картину, мало уступающую въ разнорѣчіи дореформенному закону.

Лучшимъ показателемъ единства и стройности судебной системы служатъ правила уголовной подсудности. Дореформенное законодательство въ этомъ отношеніи имѣло такой невѣроятный лѣсъ изъятій, что общія правила существовали, по выраженію А. Ѳ. Кони, «лишь для немногихъ и за немногое». Судебные уставы въ мѣстностяхъ, гдѣ они сразу были введены въ дѣйствіе, сохранили подсудность крестьянъ волостнымъ судамъ за маловажные проступки и особый порядокъ подсудности за должностныя правонарушенія; для сужденія же дѣлъ объ общихъ всѣмъ гражданамъ преступныхъ дѣяніяхъ они образовали, въ зависимости отъ тяжести наказаній, три формы суда первой степени: мировой судья, окружный судъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей и окружный судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въ настоящее время, сверхъ этихъ трехъ формъ, судами первой степени въ тѣхъ же мѣстностяхъ являются: земскій начальникъ, городской судья, уѣздный членъ окружнаго суда и судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей. И, при этомъ, основаніемъ разграниченія подсудности служитъ уже отнюдь не одна тяжесть наказаній. Въ результатѣ получилась подсудность, настолько запутанная и перекрещивающаяся, что о стройности системы уже не можетъ быть рѣчи.

Еще большая въ данномъ вопросѣ заслуга авторовъ судебныхъ уставовъ состояла въ томъ, что они рѣшительно разрубили узелъ военной подсудности, которая со всѣхъ сторонъ опутывала систему дореформеннаго суда. Къ половинѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка военный судъ, по объему его юрисдикціи, получилъ всѣ признаки суда общаго. Такъ, къ его юрисдикціи были отнесены крестьяне имѣній военнаго вѣдомства, закубанскіе поселяне, станціонные почтовые смотрители, поступившіе на службу изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, контрабандисты, порубщики корабельныхъ лѣсовъ, грабители почтъ, евреи, обвиняемые въ поддѣлкѣ денежныхъ знаковъ, студенты Дерптскаго университета, виновные въ какомъ-либо дѣйствіи, относящемся до поединковъ, крестьяне вообще, оказавшіе сопротивленіе высланной для ихъ усмиренія воинской командѣ и т. д., и т. д. Въ отмѣну всѣхъ этихъ сложныхъ историческихъ наслоеній, уставъ уголовнаго судопроизводства опредѣлилъ, что «лица гражданскаго вѣдомства предаются военному суду исключительно въ мѣстностяхъ, объявленныхъ состоящими на военномъ положеніи».

Опредѣленіе это, правда, никогда формально отмѣнено не было и до сихъ поръ сохраняетъ свое мѣсто въ законѣ (ст. 226 уст. угол. суд.). Но на-ряду съ нимъ, съ 1881-го года безпрерывно дѣйствуетъ положеніе объ усиленной и о чрезвычайной охранѣ, на основаніи котораго военная подсудность гражданъ въ мирное время возродилась, если не въ столь дробномъ, то, по тяжести наказаній, въ не менѣе широкомъ объемѣ. Достаточно сказать, что съ 1887-го года почти не было случаевъ, чтобы общимъ судомъ, не военнымъ, былъ постановленъ смертный приговоръ. За время перваго пятидесятилѣтія судебной реформы, военный судъ получилъ у насъ несомнѣнный характеръ суда, спеціально предназначеннаго для разсмотрѣнія наиболѣе важныхъ и сложныхъ дѣлъ. И въ отношеніи подсудности, какъ системы, особенно существенно то, что преданіе военному суду поставлено альтернативно, въ видѣ дискреціоннаго права высшихъ мѣстныхъ или, въ извѣстныхъ случаяхъ, центральныхъ органовъ административной власти.

Въ связи съ системой подсудности, составители судебныхъ уставовъ дали двоякую конструкцію вопросу объ апелляціонномъ пересмотрѣ уголовныхъ приговоровъ. Дореформенный процессъ отрицалъ въ принципѣ довѣріе къ суду. Въ силу этого, онъ отвергалъ право судей рѣшать дѣла по внутреннему убѣжденію, обязывалъ ихъ подчинять убѣжденіе такъ называемой теоріи формальныхъ доказательствъ и излагать на бумагѣ мотивы признанія подсудимаго виновнымъ или невиновнымъ и, въ отношеніи всѣхъ приговоровъ, уста-

навливалъ ревизію, въ формѣ пересмотра высшей инстанціей суда приговоровъ, постановленныхъ низшею.

Судебные уставы, въ отправленіи уголовнаго правосудія, дали первое мѣсто голосу совѣсти судьи. Но законъ при этомъ учелъ, однако, неустранимыя отрицательныя стороны судейскаго профессіонализма, не обезпечивающія той вдумчивости и осторожности и того индивидуализированія каждаго дѣла, которыя свойственны чуждымъ судейской профессіи людямъ, присяжнымъ засѣдателямъ. А потому, начало безповоротности уголовнаго приговора первой инстанціи, внѣ случаевъ нарушенія формъ и обрядовъ судопроизводства, было придано только приговорамъ суда съ участіемъ присяжныхъ. Судъ же коронный былъ освобожденъ отъ теоріи формальныхъ доказательствъ и отъ ревизіи приговоровъ, но не отъ апелляціоннаго ихъ пересмотра по жалобѣ сторонъ. И въ такой двойственности было не нестроеніе, а глубоко продуманная стройность судебной системы, въ которой проводилась грань между совершеннѣйшей формой уголовнаго суда—судомъ присяжныхъ—и формой менѣе совершенной, но не столь сложной и громоздкой и потому предпочтительной для сравнительно маловажныхъ дѣлъ. Въ видахъ практическихъ, судебные уставы допустили одно изъятіе — въ отношеніи приговоровъ мировыхъ судей къ аресту и къ денежнымъ взысканіямъ на ничтожныя суммы.

Въ данномъ смыслѣ стройность системы въ корнѣ нарушена учрежденіемъ судебныхъ палатъ съ сословными представителями и распространеніемъ на гражданъ компетенціи военныхъ судовъ. Ни по составу, ни по порядку образованія коллегій, сословные представители—предводитель дворянства, городской голова и волостной старшина—и строевые офицеры, исполняющіе обязанности временныхъ членовъ военныхъ судовъ, не имѣютъ, само собою разумѣется, ничего общаго съ присяжными засѣдателями. Приговоры же, постановляемые коронными судьями при ихъ участіи, суть приговоры окончательные, не подлежащіе апелляціонному обжалованію и пересмотру. Особое присутствіе судебной палаты съ сословными представителями признается, по дѣйствующему закону, не только формой суда, равноцѣнной суду присяжныхъ, но даже болѣе высокой. По общему правилу, если подсудимый обвиняется въ двухъ или нѣсколькихъ преступныхъ дѣяніяхъ различной подсудности, то дѣло о всѣхъ дѣяніяхъ разсматривается совмѣстно однимъ высшимъ судомъ. Если же одно дѣяніе подлежитъ разсмотрѣнію окружнаго суда съ присяжными засѣдателями, а другое—судебной палаты съ сословными представителями, то приговоръ по обоимъ постановляетъ послѣдняя. Такимъ образомъ, судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей можетъ, въ видѣ исключенія, разсматривать дѣла, на-

примѣръ, объ убійствѣ или о грабежѣ, не имѣющихъ политическаго характера. А судъ присяжныхъ разсматривать дѣла, подсудныя судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей, не можетъ никогда—хотя бы, при совокупности преступленій, наказаніе за дѣяніе, неизъятое изъ общей подсудности, вполнѣ поглощало наказаніе за дѣяніе изъятое.

Реформамъ шестидесятыхъ годовъ уже давно и по праву присвоено наименованіе великихъ. Величіе ихъ заключается въ широтѣ размаха и въ смѣлости творческой законодательной мысли. При составленіи судебныхъ уставовъ смѣлостью мысли былъ захваченъ даже такой человѣкъ, какъ графъ Блудовъ. Даже онъ признавалъ, что «чрезъ частныя измѣненія мы не только не достигнемъ желаемой, указанной намъ цѣли, но едва-ли даже въ нѣкоторомъ отношеніи не удалимся отъ нея». «А для сего,—писалъ онъ въ объясненіяхъ,—необходимо принять другую, совершенно отличную отъ настоящей системы, основанную на тѣхъ общихъ, непреложныхъ началахъ, безъ коихъ не можетъ быть правильнаго судопроизводства въ строгомъ смыслѣ слова».

И разрывъ съ прошлымъ былъ послѣдовательно проведенъ судебными уставами. Это прошлое, при всей безсвязности и разнородности постановленій закона, имѣло, однако, одно общее и ярко выраженное начало, возведенное въ правовой принципъ: недовѣріе къ судьямъ. Законодатель въ дореформенное время принималъ недовѣріе къ судьямъ за отправное положеніе опредѣленій матеріальнаго и опредѣленій процессуальнаго права. Матеріальные гражданскіе и уголовные законы стремились казуистически и въ конкретной обрисовкѣ предусмотрѣть всѣ возможные случаи и комбинаціи правонарушеній и правоотношеній. Не довѣряя судьямъ, законъ задавался тѣмъ, чтобы обратить дѣятельность суда въ механическое приложеніе къ казусамъ приличествующихъ статей закона. Законы процессуальные не только создавали систему ревизіи рѣшеній и приговоровъ, но тѣмъ же отправнымъ положеніемъ были проникнуты рѣшительно всѣ судоустройственныя и судопроизводственныя правила. Дореформенный судъ былъ по принципу судомъ зависимымъ и инстанціонно-подчиненнымъ; во всѣхъ дѣйствіяхъ онъ подлежалъ контролю стоявшей надъ нимъ административной власти.

Составители судебныхъ уставовъ, съ безпримѣрной, какъ для предшествующаго, такъ и для послѣдующаго законодательства, смѣлостью, отказались отъ слагавшагося вѣками отправного положенія и взамѣнъ его приняли діаметрально противоположное: принципъ довѣрія. Логическимъ слѣдствіемъ и выраженіемъ довѣрія къ суду

явились независимость суда и самостоятельность судебной власти. Въ самостоятельности судебной власти — значилось въ указѣ 20 ноября,—лежитъ залогъ утвержденія въ народѣ того «уваженія къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго». Съ цѣлью обезпечить независимость суда, коронные судьи были признаны несмѣняемыми и судебная власть была отдѣлена и обособлена отъ власти административной. Но самымъ важнымъ шагомъ впередъ, и въ отношеніи начала независимости суда, явился судъ присяжныхъ.

Въ разгаръ реакціи восьмидесятыхъ годовъ, Катковъ, желая уронить судъ присяжныхъ въ общественномъ представленіи, называлъ его «судомъ улицы». Въ сущности, Катковъ былъ правъ. Судъ присяжныхъ, въ смыслѣ суда народной совѣсти, есть дѣйствительно «судъ улицы», только въ этомъ нѣтъ ничего такого, что роняло бы его. Судъ присяжныхъ есть «судъ улицы» въ томъ смыслѣ, что къ отправленію правосудія привлекаются люди, абсолютно независимые и потому въ своей дѣятельности пользующіеся полной самостоятельностью. Онъ есть «судъ улицы» потому, что является единственнымъ свободнымъ отъ рутины профессіонализма. И именно потому, что судъ присяжныхъ есть «судъ улицы»,—судъ невѣдомыхъ людей,—къ нему возможно наибольшее довѣріе. Долгомъ совѣсти долженъ руководиться каждый судья. Но только одни «судьи улицы», рѣшая вопросъ о винѣ или невинности, не имѣютъ передъ своимъ умственнымъ взоромъ ничего посторонняго и могутъ, ни съ чѣмъ не считаясь, слушать то, что имъ подсказываетъ совѣсть.

Независимость суда въ странѣ, скованной зависимостью всѣхъ и всего отъ сложной комбинаціи законности съ надзаконностью, именуемой «видами правительства», при первыхъ же проблескахъ реакціи встрѣтила наибольшее противодѣйствіе. И именно въ этой области судебная реформа понесла наибольшій уронъ. Фундаментомъ ограниченія компетенціи суда присяжныхъ и если не формальнаго, то основаннаго на фактѣ подчиненія коронныхъ судей широкому воздѣйствію со стороны администрація, явилось начало политическаго недовѣрія къ суду. Дореформенный законъ не довѣрялъ безпристрастію, честности и знаніямъ судей и ихъ умѣнью разбираться въ дѣлахъ. Судебные уставы, исходя изъ величайшаго акта освобожденія крестьянъ и провидя полный переломъ въ нравахъ бывшихъ рабовъ и бывшихъ рабовладѣльцевъ, избрали исходной точкой начало довѣрія. Въ новеллахъ возродилось начало недовѣрія, но съ инымъ, политическимъ обоснованіемъ.

Изданный министерствомъ юстиціи ко дню столѣтняго юбилея

вѣдомства «Историческій очеркъ» отмѣчаетъ, что уже въ 1867-мъ году «исходъ нѣсколькихъ процессовъ, не соотвѣтствовавшій ожиданіямъ администраціи, вызвалъ нареканія на дѣятельность суда». Въ томъ же году былъ уволенъ министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ за то, какъ писалъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» кн. Мещерскій, что «позволилъ себѣ напомнить о несмѣняемости судей». Такимъ образомъ, на слѣдующій же годъ послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ новый судъ былъ взятъ подъ политическое подозрѣніе. И подъ вліяніемъ этого подозрѣнія шло все дальнѣйшее развитіе законодательства. По явно политическому мотиву, были упразднены выборные мировые судьи, и ближайшая къ населенію судебная власть была отдана судьѣ-администратору — «властной рукѣ» въ деревнѣ, земскому начальнику. По тому же мотиву, получили жизнь присутствія судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей и возродилась компетенція военныхъ судовъ, а быть судимымъ высшей и наилучшей формой суда — судомъ присяжныхъ — стало привилегіей представителей подонковъ населенія, совершающихъ третьи кражи, мошенничества, грабежи и поджоги.

Все, что пало на долю судебной реформы въ теченіе первыхъ тридцати лѣтъ, нашло откровеннаго интерпретатора въ лицѣ Н. В. Муравьева. Отрицательной стороной судебной реформы онъ объявлялъ «несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ ея началъ особенностямъ нашего государственнаго и общественнаго быта», ибо «въ самодержавномъ государствѣ судъ обязанъ оберегать не только существующій законный порядокъ, но и достоинство государства и его правительственной власти всюду, гдѣ это достоинство можетъ быть затронуто въ дѣлахъ судебнаго вѣдомства». А потому Н. В. Муравьевъ утверждалъ, что лишь въ гражданскомъ процессѣ, вслѣдствіе отсутствія въ немъ политическаго элемента, можно считаться исключительно съ отвлеченными нормами права; въ другихъ же областяхъ дѣятельности суда должно принимать въ разсчетъ «привходящія требованія и вліянія». Онъ же, въ 1894 г., при открытіи работъ комиссіи, образованной для пересмотра судебныхъ уставовъ, говорилъ: «Отдѣленіе суда отъ администраціи и неудачно формулированное начало судейской несмѣняемости имѣли своимъ послѣдствіемъ ошибочный взглядъ какъ на задачи суда, такъ и на то, что представители судебной власти поставлены, будто бы, въ особое, исключительное, самостоятельное положеніе въ ряду прочихъ правительственныхъ органовъ, что, однако, противорѣчило бы незыблемости правительственнаго направленія въ судѣ и вѣдомствѣ».

Измѣненіе формъ государственнаго строя также не вернуло положенія суда къ началамъ судебныхъ уставовъ. Мыслями Н. В. Му-

равьева, напротивъ, министерство юстиціи проникло еще глубже, чѣмъ проникалось ими когда бы то ни было. Намъ приходилось много разъ подробно останавливаться на рѣчахъ И. Г. Щегловитова въ Государственной Думѣ, и возвращаться къ нимъ, думается, нѣтъ надобности.

Изъ законодательныхъ актовъ, касающихся судебной части и изданныхъ въ порядкѣ новаго государственнаго строя, сравнительно крупное значеніе имѣетъ одинъ—законъ 1912-го года о мѣстномъ судѣ. Возстановленіе судебно-мирового института, конечно, есть фактъ большого правового значенія. Но даже и само министерство юстиціи въ первоначальномъ законопроектѣ о мѣстномъ судѣ имѣло въ виду большее—упраздненіе волостныхъ судовъ и уравненіе крестьянъ, въ отношеніи суда, съ другими сословіями. Это главное отступленіе отъ начала равенства суда «для всѣхъ подданныхъ», допущенное составителями судебныхъ уставовъ, оправдывалось въ 1864-мъ году тѣмъ, что всего три года назадъ былъ изданъ манифестъ 19-го февраля 1861-го года. Новый законодательный аппаратъ призналъ, что и черезъ пятьдесятъ лѣтъ крестьяне должны имѣть судъ особый. Другое однородное отступленіе судебныхъ уставовъ отъ начала равенства заключалось въ томъ, что окраинъ судебная реформа не касалась. Ко дню пятидесятилѣтія, мѣстностей, гдѣ дѣйствуетъ судъ дореформенный, уже нѣтъ; но нѣтъ также и единства въ главныхъ формахъ судебной организаціи на окраинахъ и въ центрѣ. Пестрота судебнаго строя не уменьшилась, а увеличилась. Ни Царство Польское, ни остзейскія губерніи, ни Кавказъ, ни Сибирь не имѣютъ суда присяжныхъ.

Итакъ, судебные уставы вступаютъ во второе пятидесятилѣтіе существованія въ условіяхъ, знаменующихъ сдвигъ назадъ, а не впередъ. Въ области гражданскаго процесса исчезла, правда, совершенно «чернота» продажности судей. Въ этомъ отношеніи современный судъ стоитъ внѣ малѣйшей тѣни подозрѣній. Но судебная волокита, въ смыслѣ крайней медленности прохожденія дѣлъ по инстанціямъ, возродилась. Чтобы получить удовлетвореніе по самымъ простымъ искамъ, приходится ждать цѣлые годы. Судъ переобремененъ и пересталъ быть скорымъ. Въ области процесса уголовнаго урѣзанъ судъ присяжныхъ, усложнена подсудность, нѣтъ суда равнаго для всѣхъ ограничена гласность; судъ, какъ цѣлое, лишился довѣрія. Нельзя забывать также, что судебные уставы вступили во второе пятидесятилѣтіе при старыхъ кодексахъ матеріальныхъ—гражданскихъ и уголовныхъ—законовъ. Всѣ пятьдесятъ лѣтъ реформированные суды примѣняли нормы права, составленныя въ условіяхъ крѣпостной эпохи и написанныя для дореформенныхъ судей.

При той эволюціи, которая произошла вокругъ и внутри судебной

реформы, если бы все послѣдующее вдругъ утратило силу, если бы возродились судебные уставы въ ихъ первоначальномъ видѣ и если бы открылъ свои двери тотъ судъ, обликъ котораго былъ такъ ярко и смѣло очерченъ создателями реформы,—то это былъ бы, дѣйствительно, «новый» судъ. Онъ былъ бы такимъ же новымъ для насъ, какимъ былъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ для только-что освобожденнаго отъ оковъ рабства русскаго народа. И немудрено, что юбилей получилъ своеобразное отраженіе въ печати. Прошлое вспоминалось, какъ утраченное, а не какъ зерно, изъ котораго выросло настоящее.

Сущность разработаннаго междувѣдомственнымъ совѣщаніемъ законопроекта о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія, выражена въ слѣдующихъ двухъ основныхъ положеніяхъ:

1. «Австрійскимъ, венгерскимъ, германскимъ и турецкимъ подданнымъ воспрещается впредь пріобрѣтать въ предѣлахъ всего Россійскаго государства, какими бы то ни было способами и на какихъ бы то ни было изъ допускаемыхъ общими и мѣстными законами основаній, право собственности и иныя вотчинныя права на недвижимое имущество, а равно права, вытекающія изъ договора найма или аренды. Правило сіе не распространяется на случаи найма домовъ или квартиръ въ городскихъ поселеніяхъ для личнаго жительства».

2. «Въ губерніяхъ: Архангельской, Олонецкой, Петроградской, Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, Ковенской, Сувалкской, Ломжинской, Плоцкой, Варшавской, Калишской, Петроковской, Кѣлецкой, Радомской, Люблинской, Холмской, Волынской, Подольской, Бессарабской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской, области Войска Донского и во всѣхъ мѣстностяхъ Кавказскаго края и Великаго Княжества Финляндскаго, лицамъ, перешедшимъ въ русское подданство (въ томъ числѣ и принявшимъ права финляндскаго гражданства) изъ австрійскаго, венгерскаго или германскаго, послѣ 31 декабря 1870 г., а также нисходящимъ потомкамъ всѣхъ сихъ лицъ по мужской линіи, воспрещается впредь пріобрѣтать внѣ городскихъ поселеній, какими бы то ни было способами и на какомъ бы то ни было изъ допускаемыхъ общими и мѣстными законами основаній, право собственности и иныя вотчинныя права на недвижимыя имущества, а равно вытекающія изъ договора найма или аренды» (см. «Право», № 46).

Такимъ образомъ, проектируются ограниченія двоякаго рода: для подданныхъ находящихся въ настоящее время въ войнѣ съ Россіей государствъ—по пріобрѣтенію въ предѣлахъ всей территоріи права собственности и иныхъ вотчинныхъ правъ, равно правъ,

вытекающихъ изъ договора найма или аренды, на всякаго рода недвижимыя имущества, и для русскихъ подданныхъ не-русскаго происхожденія, перешедшихъ изъ австрійскаго, венгерскаго и германскаго подданства послѣ 31 декабря 1870 года, со всѣмъ ихъ нисходящимъ потомствомъ по мужской линіи—по пріобрѣтенію тѣхъ же правъ на внѣгородскія недвижимыя имущества въ 23 губерніяхъ, въ области Войска Донского, на Кавказѣ и въ Финляндіи.

Нѣтъ надобности доказывать, что законопроектъ находится въ тѣснѣйшей связи съ войной. Но разрѣшаетъ онъ вопросъ о правѣ владѣнія обѣихъ категорій указанныхъ въ немъ лицъ землею и городской недвижимостью не въ видѣ временной мѣры, а въ видѣ мѣры постоянной,—въ видѣ воспрещенія «впредь», безъ всякаго обозначенія срока или условій его снятія. И именно въ данномъ отношеніи законопроектъ, прежде всего, останавливаетъ на себѣ вниманіе. Отвѣчая на запросъ, вытекающій изъ обстоятельствъ момента, онъ создаетъ новыя постоянныя условія въ области международныхъ и національно-экономическихъ отношеній. Эта двойственность законопроекта вѣрно была отмѣчена въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». «Съ одной стороны,—писала газета,—онъ представляетъ собой чрезвычайную мѣру, вызванную и мотивируемую исключительной обстановкой переживаемаго момента и имѣющую главной цѣлью огражденіе внѣшней безопасности государства. Съ другой стороны, онъ въ то же самое время предназначенъ, повидимому, играть роль органической реформы, разсчитанной на постоянное дѣйствіе и преслѣдующей не только военныя, но и національно-экономическія задачи».

Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и привѣтствуетъ въ настоящее время возникшія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ предположенія националистическая пресса. Сначала отмѣчалась лишь военная опасность, обусловливаемая тѣмъ, что въ приграничныхъ мѣстностяхъ непріятельскимъ подданнымъ принадлежатъ значительныя земельныя площади. Затѣмъ былъ выдвинутъ вопросъ о допускаемомъ германскимъ правомъ двойномъ подданствѣ, т. е. о возможности быть одновременно и германскимъ подданнымъ, и подданнымъ другого государства. Теперь же «Новое Время», перомъ г. Меньшикова, пишетъ: «О ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія идетъ великій споръ, но, кажется, уже «взвѣшенный судьбою». Я лично всѣмъ сердцемъ привѣтствую мужество русской государственной власти, наконецъ рѣшившейся поставить этотъ больной вопросъ на очередь. И тутъ война оказываетъ величайшую услугу, не воспользоваться которой было бы государственной самоизмѣной. Война прибавляетъ къ нашей гибельной нерѣшительности ту force majeure, безъ кото-

рой мы, пожалуй, никогда не собрались бы съ духомъ что-нибудь предпринять съ нѣмцами. Протянись еще два-три десятилѣтія мира съ Германіей (что послѣ полуторастолѣтней дружбы было возможно), мы продолжали бы глядѣть съ широко открытыми глазами на нѣмецкое внѣдреніе, продолжали бы ахать да ужасаться, но приступить къ реальной борьбѣ со своими нѣмцами не отважились бы. Война даетъ и нравственное основаніе, и политическую необходимость наконецъ произвести операцію этой язвы».

Судя по свѣдѣніямъ «Новаго Времени», въ той же плоскости трактовался вопросъ въ недавнемъ засѣданіи кіевскаго юридическаго общества. Докладчикъ, г. Шелухинъ, свой выводъ о необходимости ликвидировать все нѣмецкое землевладѣніе на югѣ Россіи аргументировалъ отнюдь не обвиненіями или подозрѣніями въ шпіонствѣ, а сопоставленіемъ экономическаго положенія нѣмцевъ-колонистовъ съ положеніемъ крестьянъ. Онъ указывалъ на «необыкновенную щедрость русскаго правительства по отношенію къ колонистамъ» и на льготы, «при которыхъ имъ трудно было не создать богатства», послѣ чего они перешли къ планомѣрной и широкой скупкѣ земель. Въ результатѣ, какъ говорилъ г. Шелухинъ, изъ четырехъ милліоновъ десятинъ годной въ Херсонской губерніи для культуры земли двѣ трети принадлежатъ колонистамъ. И именно площадью приходящейся на каждое хозяйство земли, а отнюдь не познаніями нѣмцевъ «объ усовершенствованныхъ пріемахъ сельскаго хозяйства», онъ объяснялъ «разящій контрастъ» жалкихъ поселковъ коренного русскаго населенія «съ прекрасно обстроенными нѣмецкими колоніями». Словомъ, рѣчь шла исключительно о мирномъ экономическомъ «нѣмецкомъ внѣдреніи».

На-ряду съ запретомъ пріобрѣтать земли (кромѣ пріобрѣтенія въ порядкѣ наслѣдованія по закону въ прямой нисходящей линіи), законопроектъ въ особомъ отдѣлѣ устанавливаетъ принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, «находящихся нынѣ во владѣніи и пользованіи иностранныхъ подданныхъ и русскихъ подданныхъ иностраннаго происхожденія». Слѣдовательно, законопроектъ частично подходитъ если не къ разрѣшенію вопроса о земельномъ голодѣ крестьянъ, то къ возможности хотя бы нѣкотораго увеличенія крестьянскаго земельнаго фонда,—конечно, при условіи, что принудительно отчужденныя отъ нѣмцевъ земли не станутъ предметомъ купли-продажи на общемъ основаніи. Если же такъ, то мѣра будетъ имѣть немаловажное значеніе и въ отношеніи самаго перваго вопроса русской жизни, — вопроса крестьянскаго. Но и въ такомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, вопреки мнѣнію г. Меньшикова, представлялось бы предпочтительнымъ выждать конца войны. Громъ пушекъ—

плохой законодательный совѣтникъ, особенно въ отношеніи тѣхъ законовъ, которые призваны регулировать народную экономію. Здѣсь исключительно нужна спокойная вдумчивость. Здѣсь обязательна строгая, всесторонняя оцѣнка послѣдствій. Здѣсь наиболѣе тщательно долженъ быть разработанъ текстъ опредѣленій,—чего нельзя сказать про законопроектъ о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія, если, впрочемъ, явныя противорѣчія имѣющагося у насъ передъ глазами текста не суть неточности газетной передачи. Поскольку не терпятъ отлагательства мѣры для огражденія стратегическихъ интересовъ въ моментъ войны, постольку въ распоряженіи правительства въ данномъ отношеніи есть не требующее изданія закона средство—наложеніе секвестра.

Та же націоналистическая печать настойчиво требуетъ, чтобы законопроектъ былъ проведенъ въ порядкѣ 87-ой статьи основныхъ законовъ. Главная особенность этого порядка изданія законовъ, вызванныхъ чрезвычайными обстоятельствами, наступившими во время перерыва въ занятіяхъ Государственной Думы, заключается въ томъ, что для прекращенія дѣйствія такихъ законовъ не требуется даже особаго акта, а достаточно простого отклоненія законодательными учрежденіями, по возобновленіи занятій Думы, соотвѣтствующаго принятой чрезвычайной мѣрѣ законопроекта. Если бы имѣлось въ виду одно запрещеніе пріобрѣтать имущества «впредь», то прекращеніе дѣйствія закона, послѣ возстановленія нормальной дѣятельности законодательныхъ учрежденій, было бы еще возможно. Но разъ, вмѣстѣ съ запрещеніемъ на будущее время, предположено принудительное отчужденіе имуществъ, находящихся во владѣніи нѣмцевъ по подданству и по происхожденію, то, при значительномъ перерывѣ въ занятіяхъ Думы, возвратъ назадъ станетъ фактически невозможнымъ.

Съ точки зрѣнія юридической догматики, нельзя не предусматривать, что терминъ «русскіе подданные иностраннаго происхожденія» вызоветъ значительныя затрудненія въ его пониманіи на практикѣ. Подобный терминъ извѣстенъ нашему праву въ приложеніи къ полякамъ, которые въ рядѣ ограничительныхъ для нихъ постановленій именуются «лицами польскаго происхожденія». И насколько онъ представляется условнымъ, свидѣтельствуетъ чуть не цѣлая литература, создавшаяся по вопросу: кого считать лицами «польскаго происхожденія»? Законопроектъ относитъ къ русскимъ подданнымъ австрійскаго, венгерскаго и германскаго происхожденія не только самихъ иностранцевъ, принявшихъ русское подданство, но все ихъ нисходящее потомство по мужской линіи. Показателемъ происхожденія будетъ служить, слѣдовательно, фамилія лица. Уже

одно это, при полномъ созвучіи однѣхъ фамилій, въ ихъ нѣмецкомъ и русскомъ произношеніи, и при легкости случайнаго, а тѣмъ болѣе намѣреннаго, искаженія другихъ, создастъ неисчислимые споры. А вмѣстѣ съ ними—создастся явная несправедливость въ отношеніи лицъ, имѣющихъ въ длинномъ рядѣ поколѣній русскихъ матерей и давно забывшихъ о своемъ прадѣдѣ-нѣмцѣ. Если же въ числѣ предковъ лица окажутся иностранцы—англичане, или французы, или итальянцы, да еще къ тому же германскаго или австрійскаго происхожденія, то получится такая путаница, разобраться въ которой будетъ вовсе невозможно.

Въ порядкѣ изъятія, законопроектъ устраняетъ ограниченія по тремъ разнороднымъ признакамъ: а) по признаку вѣроисповѣдному—для лицъ, «удостовѣрившихъ свою принадлежность отъ рожденія къ православному исповѣданію»; б) по признаку національному—для лицъ, «удостовѣрившихъ свою принадлежность къ славянской народности», и в) по признаку участія въ войнѣ—для лицъ, «представившихъ удостовѣреніе подлежащаго военнаго начальства объ участіи ихъ самихъ или ихъ отцовъ, или одного изъ ихъ нисходящихъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ русской арміи или русскаго флота противъ непріятеля въ теченіе настоящей войны въ качествѣ добровольцевъ, или о принадлежности кого-либо изъ означенныхъ лицъ къ числу павшихъ или раненыхъ на полѣ брани, либо получившихъ боевыя отличія въ военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ, послѣ 31 декабря 1870 г.» Удостовѣрить принадлежность отъ рожденія къ православному исповѣданію будетъ легко, путемъ представленія метрическаго свидѣтельства о рожденіи и крещеніи. Но удостовѣрить принадлежность къ славянской народности будетъ во многихъ случаяхъ—полагаемъ, въ громадномъ большинствѣ—абсолютно немыслимо.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

Въ № 308 «Собранія узаконеній и распоряженій правительства» опубликованы Высочайше утвержденныя положенія совѣта министровъ о повышеніи нѣкоторыхъ существующихъ налоговъ и объ установленіи ряда новыхъ. Проведенныя по ст. 87 основн. зак., положенія эти вводятъ на время тѣ самые налоги, о большинствѣ которыхъ у насъ уже говорилось подробно два мѣсяца тому назадъ («Вѣстникъ Евр.», октябрь). А именно нынѣ устанавливается временный налогъ, въ размѣрѣ 25 процентовъ тарифной платы, съ проѣзжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ пассажировъ, съ пассажирскаго багажа и съ перевозимаго по багажнымъ квитанціямъ груза. Затѣмъ, временно повышаются:

государственный налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ (кромѣ посадовъ Царства Польскаго) съ 6 до 8 процентовъ; оклады кибиточной подати кочевыхъ инородцевъ до 8 руб. съ кибитки; всѣ виды промысловаго налога—на 50 процентовъ, при чемъ съ 1 января 1915 г. привлекаются къ платежу государственнаго промысловаго налога кинематографическія предпріятія, за исключеніемъ содержимыхъ правительственными и общественными, учеными и учебными учрежденіями и т. п.; распространяется взиманіе дополнительнаго промысловаго налога на рядъ областей, до сего времени отъ него изъятыхъ. Повышаются также—оклады государственнаго квартирнаго налога на 50 процентовъ (за исключеніемъ двухъ первыхъ разрядовъ оклада) и размѣры страховой пошлины—на 50 процентовъ, но съ оговоркой, что обложеніе не можетъ превышать 30 процентовъ съ преміи, и, наконецъ,—разнообразные оклады гербоваго сбора. Далѣе, устанавливаются акцизы съ прессованныхъ дрожжей, хлѣбныхъ и пивныхъ; акцизъ съ зажигательныхъ спичекъ, съ папиросной бумаги и гильзъ; временный налогъ въ размѣрѣ 2 р. 50 к. съ пуда на хлопокъ; акцизъ съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ и со всякой обработки нефти, въ размѣрѣ 90 коп. съ пуда; акцизъ съ сахара въ размѣрѣ 2 руб. съ пуда. Вводится еще, срокомъ на одинъ годъ, налогъ съ грузовъ, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Кромѣ этихъ разнообразныхъ видовъ временнаго обложенія, уже получившихъ Высочайшее утвержденіе, министерство финансовъ выработало еще предположенія о повышеніи нашего земельнаго обложенія, а также проектъ спеціальнаго военнаго сбора, который, какъ было уже указано у насъ («Вѣст. Евр.», ноябрь), оно соединило съ подоходнымъ налогомъ. Предположенія эти, по сообщенію газетъ, разсматривались въ совѣщаніяхъ 10 и 18 ноября, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ государственнаго контролера П. А. Харитонова при участіи четырехъ членовъ кабинета: министра финансовъ П. Л. Барка, главноуправляющаго землеуст. и земледѣліемъ А. В. Кривошеина, министра путей сообщенія С. В. Рухлова и министра торговли и промышленности С. И. Тимашева, а также нѣкоторыхъ приглашенныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ были члены Государств. Совѣта гр. С. Ю. Витте и Н. Н. Покровскій и членъ Госуд. Думы М. М. Алексѣенко. Сколько извѣстно, въ совѣщаніи 10-го ноября было рѣшено, безъ всякихъ колебаній, проводить по той же ст. 87 осн. зак. нѣкоторые изъ видовъ поземельнаго обложенія, а именно—оброчную подать въ Сибири, въ Степныхъ областяхъ и на Кавказѣ, а также поземельный налогъ въ Туркестанѣ. Что касается до увеличенія весьма незначительнаго нынѣ государственнаго поземельнаго налога въ Европейской Россіи, то объ этомъ предложеніи, не встрѣчающемъ

никакого сочувствія во вліятельныхъ сферахъ нашихъ аграріевъ, рѣшено войти съ представленіемъ въ Государств. Думу. Этотъ вопросъ о порядкѣ проведенія даннаго налога, затрогивающій чувствительно интересы нашего крупнаго землевладѣнія, возбудилъ въ совѣщаніи,— по сообщенію газетъ («Рѣчь», № 306)—оживленныя пренія. «Нѣкоторые участники признавали необходимымъ, именно въ виду большого значенія налога съ точки зрѣнія интересовъ органовъ самоуправленія, провести этотъ налогъ черезъ законодательныя палаты. Другіе указывали, что если принять это предложеніе, то осуществленіе этого налога можетъ быть достигнуто лишь въ 1916 году. При голосованіи 4 члена кабинета и часть приглашенныхъ, въ томъ числѣ и графъ С. Ю. Витте, высказались за проведеніе налога по 87 ст., а А. В. Кривошеинъ и нѣкоторые приглашенные высказались за проведеніе налога черезъ законодательныя палаты».

Въ совѣщаніи 18 ноября, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ того же П. А. Харитонова, разсмотрѣнъ проектъ о военномъ налогѣ, тѣсно связанномъ министерствомъ финансовъ съ налогомъ подоходнымъ. Но по сообщенію той же газеты (№ 314), въ засѣданіи была разсмотрѣна только часть предложенія министерства, именно та, въ которой говорится о подоходномъ налогѣ. «Пренія, прежде всего, сосредоточились вокругъ вопроса о возможности проведенія подоходнаго обложенія въ порядкѣ 87 ст. осн. законовъ. Почти всѣ приглашенные къ участію высказались рѣшительно противъ возможности проведенія столь серьезной мѣры въ исключительномъ порядкѣ. Выступавшіе доказывали, что если проектъ подоходнаго налога, внесенный давно въ Гос. Думу, до сихъ поръ не проведенъ, то для этого имѣются весьма сложныя причины, изъ числа коихъ нѣкоторыя очень серьезны. Можно принять всѣ мѣры къ устраненію этихъ причинъ и къ возможно скорому проведенію въ жизнь проекта, но нельзя столь серьезную реформу въ области финансовой политики проводить помимо законодательныхъ палатъ. Серьезность самаго вопроса, крайняя сложность осуществленія его на практикѣ,— все это требуетъ настоятельно, чтобы новый законъ былъ популяренъ; осуществленный помимо законодательныхъ палатъ, онъ рискуетъ вызвать отрицательное отношеніе всѣхъ слоевъ общества, что еще болѣе осложнитъ трудное дѣло осуществленія проекта на практикѣ. Съ этими соображеніями согласились всѣ участники совѣщанія, и вопросъ о возможности проведенія подоходнаго налога въ порядкѣ 87 ст. единогласно признанъ подлежащимъ отрицательному рѣшенію.

«Затѣмъ пренія возникли на тему о постановкѣ вопроса о подоходномъ налогѣ. Здѣсь приглашенные финансисты выступили съ обстоятельной критикой составленнаго министерствомъ финансовъ за-

конопроекта. Они указали, что безусловно недопустимо, чтобы проектъ о подоходномъ налогѣ составлялъ часть проекта о военномъ сборѣ, такъ какъ онъ и по существу, и по результатамъ является значительно болѣе серьезнымъ мѣропріятіемъ, чѣмъ военный сборъ. Затѣмъ было указано, что большая категорія крупныхъ будущихъ плательщиковъ исключается изъ сферы обложенія.

«Доводы критиковъ законопроекта произвели впечатлѣніе на присутствующихъ, большинство которыхъ согласилось съ тѣмъ, что эту часть слѣдуетъ исключить изъ положенія о военномъ сборѣ. При этомъ нѣкоторые указали, что наиболѣе цѣлесообразнымъ представлялось бы принятіе мѣръ къ скорѣйшему проведенію находящагося въ Гос. Думѣ проекта подоходнаго налога, но съ тѣмъ, чтобы при его проведеніи правительство поддерживало дополнительное предложеніе о повышеніи ставокъ, установленныхъ въ имѣющемся въ Гос. Думѣ проектѣ, до нормъ, выработанныхъ въ новомъ предложеніи министерства».

Такимъ образомъ, произошло именно то, возможность чего была предусмотрѣна въ послѣдней (ноябрьской) книжкѣ нашего журнала: правительство не выказываетъ склонности проводить подоходный налогъ,—какъ и повышеніе налога поземельнаго въ Европейской Россіи,—по ст. 87 и предпочитаетъ вопросъ о немъ тоже передать на рѣшеніе Гос. Думы. Задача послѣдней будетъ, конечно, упрощена, если министерство финансовъ откажется отъ разсматривавшагося въ совѣщаніи, проекта подоходнаго налога и рѣшитъ поддерживать тотъ проектъ, который оно само внесло нѣкогда въ Гос. Думу. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, однако, въ чемъ собственно должны состоять тѣ «мѣры», которыя рекомендуютъ правительству принять «къ скорѣйшему проведенію находящагося въ Гос. Думѣ проекта подоходнаго налога» и въ какой мѣрѣ само правительство склонно послѣдовать этому совѣту. Впрочемъ каково бы ни было его рѣшеніе въ настоящемъ, повелительныя объективныя условія самаго ближайшаго будущаго вынудятъ насъ обратиться отъ временныхъ фискальныхъ мѣръ къ постояннымъ и въ первую же очередь къ налогу подоходному.

Скончался членъ первой Думы Василій Егоровичъ Строгановъ. Въ Думѣ онъ былъ предсѣдателемъ распорядительной комиссіи и налаживалъ нелегкое дѣло думскаго хозяйства. Покойный почти всю свою жизнь отдалъ Волгѣ и Рыбинску. До избранія онъ состоялъ врачемъ водныхъ путей сообщенія, былъ почетнымъ мировымъ судьей и гласнымъ ярославскаго губернскаго земства. Послѣ роспуска Думы, онъ былъ привлеченъ по процессу о выборгскомъ воз-

званіи и вернулся въ родной Рыбинскъ безправнымъ человѣкомъ. Въ личныхъ отношеніяхъ покойный приковывалъ къ себѣ симпатіи отзывчивостью и добротой, которыя сочетались въ немъ съ терпимостью и твердостью характера. Миръ праху исключительно хорошаго товарища и въ радостяхъ, и въ горѣ!..

ПАМЯТИ В. И. ЛАМАНСКАГО.

19-го ноября скончался Владимиръ Ивановичъ Ламанскій. Съ именемъ почившаго ученаго связано много воспоминаній—литературныхъ, общественныхъ, академическихъ (университетскихъ), не говоря уже объ ученыхъ трудахъ покойнаго, который въ теченіе полувѣка занималъ очень видное мѣсто въ рядахъ русскихъ филологовъ-славистовъ. В. И. Ламанскій, прежде всего, былъ яркой и цѣльной личностью, съ опредѣленными и стойкими убѣжденіями, съ широкими умственными и общественными интересами, съ живою отзывчивостью на большіе вопросы вѣка и на текущую злобу дня. На ученое и литературное поприще онъ выступилъ во второй половинѣ 50-хъ годовъ и вскорѣ явился однимъ изъ яркихъ представителей того прогрессивнаго, либеральнаго и демократическаго славянофильства, идеологами котораго были въ 50-хъ и 60-хъ годахъ Иванъ Аксаковъ и Юрій Самаринъ, и къ которому примкнули такіе ученые и дѣятели, какъ А. Ѳ. Гильфердингъ, Орестъ Ѳ. Миллеръ и др. Но и тутъ В. И. Ламанскій занялъ свою особую позицію. Отъ стараго славянофильства онъ не унаслѣдовалъ ни идеализаціи Московской Руси, ни антипатіи къ Петру Великому, ни тѣхъ сентиментальныхъ, мечтательныхъ и утопическихъ элементовъ, которые, хотя и въ измѣненномъ или смягченномъ видѣ, все-таки проявлялись въ теоріяхъ и воззрѣніяхъ новыхъ славянофиловъ. Умъ здравый, трезвый и критическій, Ламанскій, если можно такъ выразиться, свелъ славянофильскую идею съ философскихъ высотъ на землю,—на почву историческихъ изученій и превратилъ ее въ извѣстную доктрину антагонизма двухъ противоположныхъ «міровъ»—греко-славянскаго и романо-германскаго, которую онъ и развилъ въ своей докторской диссертаціи (1870 г.)—«Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ», а также и въ послѣдующихъ статьяхъ (напр. въ «Славянскомъ сборникѣ» 1875 г.).—Доктрина, при всей ея относительной умѣренности (сравнительно съ аналогичными построеніями напр. Н. Я. Данилевскаго и др.), однако, не оправдалась—ни теоретически, ни практически: ученая критика и ходъ

вещей въ Европѣ съ 1871-го года пошатнули ея основы. Но это ничуть не повредило авторитету Ламанскаго, какъ ученаго и писателя: дѣло въ томъ, что В. И. Ламанскій, при глубокой убѣжденности, не былъ фанатикомъ и, имѣя излюбленную доктрину, никогда не подлежалъ упреку въ доктринерствѣ. Его ученыя работы всегда представляли свою непосредственную цѣнность и, въ своей совокупности, составили солидный вкладъ въ науку. Въ своихъ взглядахъ на вещи и въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, В. И. Ламанскій умѣлъ обходиться безъ указаній или внушеній доктрины и былъ чуждъ національныхъ, партійныхъ и всякихъ иныхъ предубѣжденій и пристрастій. При нѣкоторой суровости и рѣзкости, онъ былъ человѣкъ истинно-гуманный, добрый и справедливый.

Я не считаю себя въ правѣ высказываться о значеніи его ученой дѣятельности по существу, но знаю, что спеціалисты цѣнятъ ее весьма высоко, равно какъ и его преподавательскую дѣятельность въ Петроградскомъ университетѣ. Онъ умѣлъ заинтересовать слушателей, руководить ихъ занятіями,—его лекціи и семинаріи были настоящей школой научнаго славяновѣдѣнія, и, какъ извѣстно, изъ этой школы вышелъ рядъ выдающихся ученыхъ филологовъ,—славистовъ и историковъ.

Въ 1900 году Академія Наукъ воздала должное многолѣтней ученой дѣятельности Ламанскаго, избравъ его въ ординарные академики.

Д. О.-К.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

(Четвертый мѣсяцъ войны).

Предыдущій третій мѣсяцъ войны закончился на восточномъ театрѣ военныхъ дѣйствій полнымъ отступленіемъ германской и австрійской армій въ западной Польшѣ, за которымъ черезъ нѣсколько дней послѣдовало отступленіе австрійской арміи на Санѣ. Сталъ какъ бы вырисовываться моментъ перелома всей кампаніи, и сообщеніе штаба Верховнаго главнокомандующаго, извѣщавшее объ окончаніи боевъ на Санѣ, содержало въ себѣ знаменательное указаніе: «Одержанная побѣда позволяетъ нашимъ войскамъ перейти къ новымъ задачамъ, приступомъ къ которымъ начнется новый періодъ войны». Но германцы еще не отказались отъ собственной иниціативы и сдѣ-

лали новую попытку наступленія, хорошо продуманную и тщательно подготовленную.

Отступленіе германцевъ и австрійцевъ въ Польшѣ было настолько поспѣшно, что къ 28 октября непріятельскія главныя силы заняли уже линію Нешава—Слупцы—Калишъ—Велюнь—Ченстоховъ — Олькушъ—Краковъ, и такимъ образомъ почти вся западная Польша была уже очищена отъ непріятеля, удержавшаго въ своихъ рукахъ небольшую узенькую полоску въ ея западной границѣ. Русскія передовыя части быстро слѣдовали за противникомъ, и въ концѣ октября небольшой кавалерійскій отрядъ перешелъ границу Познани къ сѣверо-западу отъ Калиша и разрушилъ германскую желѣзную дорогу у станціи Плешенъ. Отступая, германскія войска самымъ тщательнымъ образомъ портили желѣзныя и шоссейныя дороги, уничтожали телеграфные и телефонные провода и создавали позади себя мертвое пространство, которое замедляло русское преслѣдованіе и должно было препятствовать перемѣнѣ, въ случаѣ надобности, оперативнаго фронта. Порча желѣзныхъ дорогъ была настолько тщательна, что германцы не только уничтожали всѣ станціонныя зданія, водокачки, мосты, тоннели, но и на большомъ пространствѣ взрывали рельсовыя соединенія такъ, что мѣстами желѣзныя дороги приходилось проводить какъ бы заново.

Отступленіе германцевъ и австрійцевъ шло неравномѣрно по всему фронту. Раньше всего и дальше всего отступило лѣвое крыло, разбитое нами у Варшавы. Начавъ отступленіе 7 октября, оно продолжало его безостановочно и почти не пыталось задержать русское преслѣдованіе. Болѣе медленно отходила центральная германо-австрійская армія, сражавшаяся въ районѣ Козеницъ — Ивангорода. Она выдержала бой на путяхъ къ Радому—Петрокову и сопротивленіе ея сломлено было только къ 14 октября. Еще дольше продержалась на Вислѣ крайняя правая, или южная, австрійская армія, сражавшаяся въ районѣ южнѣе Пилицы. Она окончательно отошла только 20 октября, а 21 октября нами былъ взятъ и Сандоміръ. Вслѣдствіе этого уже въ самомъ началѣ мѣсяца къ 21 октября линія, занятая русскими войсками, была обращена фронтомъ къ юго-западу. Именно къ 21 октября русскія войска занимали линію Гостынинъ—Ленчица—Лодзь—Петроковъ—Опочна — Конинъ — Ожаровъ — Завихвостъ. Германцы и австрійцы демонстративно подчеркивали въ этотъ моментъ сосредоточеніе своихъ главныхъ силъ преимущественно въ юго-западномъ направленіи. 26 и 27 октября наша развѣдка дала указаніе, что германская армія генерала Гинденбурга отступила съ большими силами къ Ченстохову и лишь меньшими къ Калишу. Такое отступленіе германцевъ и австрійцевъ уступами имѣло опредѣленную цѣль отвлечь возможно большее число русскихъ войскъ къ юго-западной Польшѣ, куда от-

ступили главныя силы противника. Задачу эту германцамъ было тѣмъ легче исполнить, что она въ значительной степени совпадала и съ тѣми планами нашего наступленія, которые диктовались географической обстановкой, а именно затруднительностью нашего наступленія въ сѣверномъ углу западной Польши, гдѣ германская граница прочно прикрыта крѣпостями Торномъ и Познанью.

Когда наши силы, казалось, уже были достаточно отвлечены къ юго-западной Польшѣ, германская армія внезапно измѣнила свой фронтъ. Если 27 октября были указанія на отступленіе нѣмецкихъ силъ германцевъ къ Ченстохову, то уже въ послѣдующіе дни съ 28 по 30 октября появились новыя данныя, которыя говорили за то, что непріятель стягиваетъ свои силы къ лѣвому флангу. 30 октября уже было явно обнаружено сосредоточеніе значительныхъ германскихъ силъ въ районѣ Радѣевъ—Конинъ—Пыздра и немедленно было начато наступленіе главныхъ германскихъ силъ на Кутно. 31 октября и 1 ноября въ этомъ направленіи уже происходили бои, которые ко 2 ноября развились въ сраженіе большими массами. Въ первый моментъ, когда наступленіе германцевъ носило характеръ неожиданности и внезапности, на ихъ сторонѣ въ этомъ районѣ былъ значительный перевѣсъ силъ. Немногочисленные русскіе корпуса, находившіеся здѣсь, не могли остановить движеніе германской арміи, въ которой насчитывалось по разнымъ источникамъ отъ 10 до 15 корпусовъ, и поэтому къ 5 ноября германская армія оказалась уже на линіи Плоцкъ — Ленчица—Унеіовъ.

Въ первое время планы германцевъ казались все-таки не вполнѣ ясными. Можно было думать, что они удовольствуются лишь занятіемъ фланговой позиціи, опирающейся на Торнъ, т. е. выполнятъ хорошо извѣстный совѣтъ стараго Мольтке. Но, какъ оказалось, планы генерала Гинденбурга были болѣе смѣлы и рѣшительны, и онъ попытался нанести болѣе рѣшительный ударъ русскимъ войскамъ. Съ этой цѣлью онъ выбралъ планъ прорыва расположенія русскихъ войскъ восточнѣе Лодзи. Прорывъ непріятельскаго расположенія, какъ тактическій пріемъ, имѣетъ очень мало сторонниковъ среди германскихъ офицеровъ, но въ данномъ случаѣ былъ выбранъ все-таки этотъ пріемъ, потому что, въ случаѣ его удачи, онъ дѣйствительно обѣщалъ кореннымъ образомъ улучшить положеніе германцевъ, обреченныхъ при всѣхъ иныхъ способахъ дѣйствія на строгую оборону. Прорывъ былъ произведенъ нѣсколько восточнѣе Лодзи въ районѣ Стрыкова и прорвавшіеся германскіе корпусы заняли районъ Стрыковъ—Брезинъ—Колюшки—Рзговъ—Тушинъ. Здѣсь имъ открывались довольно широкія перспективы. Прежде всего ударная масса германцевъ могла обрушиться на лѣвое крыло русской арміи, на такъ называемую лодзин-

скую группу и попытаться нанести ей рѣшительное пораженіе. Съ другой стороны, эта ударная масса могла обрушиться на наше правое крыло, или такъ называемую ловичскую группу, прикрывавшую пути къ Варшавѣ, и вновь открыть себѣ пути къ столицѣ Польши. Наконецъ, въ случаѣ дальнѣйшаго движенія на югъ ударной массы, она могла бы выйти въ тылъ русской арміи, ведшей въ это время бои на фронтѣ Ченстоховъ—Краковъ.

Но на этой попыткѣ прорыва оправдалась старая стратегическая истина, что всякому обходящему грозитъ угроза обхода. Попытка прорыва не внесла смущенія въ ряды русскихъ войскъ. Дальше линіи Колюшки—Рзговъ—Тушинъ германцы продвинуться не могли, а въ это самое время на фланги прорвавшихся корпусовъ обрушились русскія войска. Германская ударная масса сама оказалась въ мѣшкѣ, и было время, когда казалось, что единственное свободное отверстіе изъ этого мѣшка у Стрыкова будетъ закрыто и что прорвавшіеся германскіе корпуса обречены на капитуляцію. Начались усиленныя старанія этихъ корпусовъ прорваться обратно на сѣверъ. Они при этомъ должны были разсчитывать, главнымъ образомъ, на свои силы, потому что двинувшіяся имъ на помощь германскія войска изъ района Велюня, долженствовавшія обойти нашъ лѣвый флангъ, были сами разбиты 10 ноября. Въ ловичскомъ же направленіи германцы понесли серьезныя пораженія 11 ноября. Цѣною большихъ потерь германскимъ корпусамъ все-таки удалось открыть себѣ путь къ сѣверу, но, какъ указываютъ всѣ данныя, потери ихъ при этомъ были дѣйствительно настолько велики, что съ ними не могли сравниться потери ихъ ни въ какомъ другомъ изъ сраженій настоящей войны.

Германское движеніе противъ нашего праваго фланга не удалось и въ томъ отношеніи, что оно не побудило насъ совершенно отказаться отъ нашихъ собственныхъ операцій. Оно помѣшало только нашему наступленію на линію Ченстоховъ—Краковъ. Съ первыхъ чиселъ ноября на этомъ фронтѣ завязалось большое сраженіе, которое не вполнѣ закончено и до настоящаго времени, но въ которомъ успѣхъ все болѣе явно склоняется на нашу сторону. Германское наступленіе въ районѣ побудило насъ взять часть войскъ съ ченстоховско-краковскаго фронта и тѣмъ самымъ отсрочило рѣшеніе на этомъ фронтѣ. Но наше наступленіе на Краковъ съ востока продолжалось безостановочно.

Потерпѣвъ неудачу въ лодзинскомъ сраженіи и съ планомъ прорыва, германцы возобновили свои усилія въ другихъ направленіяхъ. Они вели настойчивыя атаки въ районѣ Ловича и одновременно начали наступленіе съ запада изъ Калиша и Велюня. Въ разгаръ боевъ подъ Лодзью между нашею лодзинскою группой и вой-

сками, сражавшимися на фронтѣ Ченстоховъ — Краковъ получилась довольно широкая полоса, сравнительно слабо занятая войсками съ обѣихъ сторонъ. Сюда и направили германцы свои усилія, поведя на широкомъ фронтѣ Лютомерскъ—Щерцовъ наступленіе войсками, перевезенными сюда изъ Франціи и Бельгіи. Результаты этого наступленія пока еще не выяснились.

Въ одну линію съ боями на фронтѣ Ченстоховъ—Краковъ слились и бои въ западной Галиціи. Въ Галиціи на Санѣ австрійцы задержались нѣсколько дольше, чѣмъ австро-германская армія на лѣвомъ берегу Вислы въ Польшѣ. Въ Польшѣ послѣднія попытки австрійцевъ задержать русское наступленіе относятся къ 20 октября, въ Галиціи они удержались до 23 октября. Лишь занятіе нами Сандомира 21 октября, ставившее въ опасное положеніе лѣвый флангъ австрійской арміи на Санѣ, побудило австрійцевъ къ отступленію, но и то наканунѣ отступленія 22 октября они дѣлали послѣднія отчаянныя попытки сломить русскія войска на Санѣ. Когда эти попытки оказались неудачными, австрійцы сами начали общее отступленіе. Ихъ отступленіе носило очень поспѣшный характеръ. 23 октября они начали отходить съ Сана, а къ 30 октября мы уже заняли Дембицу—Фриштакъ—Доморадзъ—Санокъ—Лиско, т. е. проникли меньше чѣмъ въ недѣлю на западъ такъ далеко, куда только мы доходили въ западной Галиціи въ сентябрѣ. Вслѣдъ за тѣмъ австрійцы сдали безъ сколько-нибудь упорнаго сопротивленія позиціи на р. Дунайцѣ и на линіи Тарновъ—Ясло, гдѣ остановились ихъ главныя силы послѣ сентябрьскаго отступленія. Болѣе серьезное сопротивленіе они оказали намъ лишь на послѣдней естественной преградѣ на пути къ Кракову, на линіи р. Рабы. Здѣсь произошли большіе бои на фронтѣ Прошовице—Бржеско—Бохнія—Висничъ по рѣкамъ Шренявѣ и Рабѣ. Сраженіе происходило одновременно въ Польшѣ и въ Галиціи, потому что Шернава впадаетъ въ Вислу слѣва въ Польшѣ, а р. Раба справа въ Галиціи. Здѣсь сраженіе было закончено 13 ноября тяжелымъ пораженіемъ австрійской арміи. Понеся большія потери людьми и въ матеріальной части, она укрылась въ укрѣпленіи Кракова, и кампанія въ западной Галиціи, такимъ образомъ, была до извѣстной степени какъ бы закончена. Черезъ нѣсколько дней послѣ того нами была занята Величка, лежащая всего въ 10 верстахъ отъ Кракова, и русскія войска появились къ югу отъ Кракова. Не менѣе быстро велось наше наступленіе и на южномъ галиційскомъ фронтѣ въ направленіи Карпатъ, куда отступали значительныя силы австрійцевъ. Постепенно мы овладѣли цѣлымъ рядомъ переваловъ, но тогда какъ въ сентябрѣ наиболѣе западнымъ изъ занятыхъ нами переваловъ былъ перевалъ Ужокъ, на этотъ разъ нами были заняты перевалы, лежащіе значи-

тельно западнѣе его. Въ виду нашихъ успѣховъ въ западной Галиціи мы получили возможность вести наступленіе на болѣе доступные и вмѣстѣ съ тѣмъ на болѣе важные дуклинскіе перевалы. Въ виду особой важности этихъ переваловъ австрійцы сдѣлали въ этомъ районѣ послѣднюю и серьезную попытку задержать наше наступленіе, и тутъ на обширномъ фронтѣ въ 50 приблизительно верстъ произошелъ большой бой, длившійся около 10 дней. Бой этотъ былъ законченъ къ 15 ноября, и дуклинскіе перевалы оказались въ нашихъ рукахъ. Наиболѣе удобные пути для наступленія въ Венгрію были открыты, и русскія войска уже заняли здѣсь города Бартфельдъ и Гуменное.

Австрійскую армію въ настоящее время можно считать разбитой. Въ ней уже начался тотъ развалъ, который является свидѣтельствомъ того, что сама армія сознаетъ свое пораженіе, и при которомъ армія утрачиваетъ въ значительной степени свое боевое значеніе. Бои первой половины ноября, которые пришлось выдержать австрійцамъ, были серьезными, крупными боями, но все-таки это не было генеральное сраженіе, отъ исхода котораго зависитъ вся кампанія. Тѣмъ не менѣе въ этихъ бояхъ австрійцы понесли такія потери плѣнными, которыя обыкновенно бываютъ только при неудачныхъ генеральныхъ сраженіяхъ. Какъ сообщаютъ наши оффиціальныя донесенія, къ первой половинѣ ноября австрійцы потеряли плѣнными до 50.000 человѣкъ, т. е. почти-что цѣлую небольшую армію. Значеніе этой цифры станетъ для насъ болѣе ясно, если мы вспомнимъ, что за весь августъ, когда разыгралось великое галиційское сраженіе, длившееся почти 3 недѣли и сопровождавшееся тяжелымъ пораженіемъ австрійцевъ,—за весь августъ потери австрійцевъ плѣнными составляли только 63.531 человѣкъ, т. е. немногимъ больше того, что они теперь потеряли въ частныхъ битвахъ въ теченіе полумѣсяца. Каждый день наши оффиціальныя донесенія приносятъ извѣстія, что взято столько-то тысячъ австрійцевъ въ плѣнъ. Теперь уже можно говорить, что австрійцы охотно сдаются въ плѣнъ, что моральный духъ австрійской арміи подорванъ.

Такое состояніе австрійской арміи обусловливается ея потерями. Недавно въ англійской газетѣ «Morning Post» были приведены цифры австрійскихъ потерь приблизительно до 1 ноября. Цифры получаются громадныя. На южномъ или сербскомъ фронтѣ австрійцы потеряли убитыми 791 офицера и 37.647 нижнихъ чиновъ; ранеными—2.219 офицеровъ и 90.737 нижнихъ чиновъ, плѣнными 18 офицеровъ и 17.087 нижнихъ чиновъ. На сѣверномъ галиційскомъ фронтѣ потери австрійцевъ были, разумѣется, гораздо больше, а именно—убитыми 3.574 офицера и 177.000 нижнихъ чиновъ, ранеными 9.892 офицера и 389.000 нижнихъ чиновъ; плѣнными—

2.134 офицера и 170.000 нижнихъ чиновъ. Общія потери австрійской арміи къ 1 ноября составляютъ, такимъ образомъ, по этому подчету до 900 тысячъ человѣкъ. Источникъ, изъ котораго получила англійская газета свои свѣдѣнія, не вполнѣ ясенъ и поэтому въ точности сообщаемой ей цифры нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ. Но если тутъ и есть какая-нибудь ошибка, она, во всякомъ случаѣ, не очень велика. Для провѣрки мы воспользуемся тѣми данными, которыя давали наши оффиціальныя донесенія о числѣ австрійскихъ плѣнныхъ. «Армейскій Вѣстникъ» въ № 13 далъ подсчетъ австрійскихъ потерь плѣнными за августъ мѣсяцъ. Тогда число плѣнныхъ достигло 535 офицеровъ и 63.531 нижнихъ чиновъ. Повидимому, въ этотъ подсчетъ вошли не всѣ потери австрійцевъ за августъ, а только тѣ, которыя были, такъ сказать, оффиціально зарегистрированы до 1 сентября. Дѣйствительно, число австрійскихъ плѣнныхъ, надо думать, было больше, потому что уже давно число перевезенныхъ черезъ Кіевъ австрійскихъ плѣнныхъ далеко превысило 100.000 человѣкъ. Но если даже мы остановимся на этой сравнительно скромной цифрѣ, мы ее можемъ пополнить другими крупными цифрами за послѣдующіе мѣсяцы войны. При преслѣдованіи разбитыхъ австрійскихъ армій въ первой половинѣ сентября, онѣ несли большія потери плѣнными. Такъ напр. 1 сентября при преслѣдованіи австрійцевъ со стороны Равы Русской нами было захвачено 3.000 плѣнныхъ; 2 сентября у Сандоміра и Радомысля тоже 3.000 плѣнныхъ. Большихъ потерь плѣнными стоили австрійской арміи бои на Вислѣ. По нашимъ оффиціальнымъ даннымъ мы знаемъ, что съ 10 по 22 октября нашимъ лѣвымъ крыломъ въ западной Польшѣ было взято въ плѣнъ 274 офицера и 18.500 нижнихъ чиновъ. Эти потери главнымъ образомъ относятся на счетъ австрійцевъ. На галиційскомъ фронтѣ съ 9 по 12 октября австрійцы потеряли 4.150 плѣнными.

Послѣдніе дни сопротивленіе на Санѣ стоило австрійцамъ плѣнными до 12.000 человѣкъ и т. д. Подсчитавъ всѣ эти отрывочныя указанія, которыя содержатся въ нашихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ и въ обзорахъ «Армейскаго Вѣстника» и которыя, несомнѣнно, неполны, мы получаемъ въ общемъ итогѣ не менѣе 60.000 австрійскихъ плѣнныхъ за сентябрь и октябрь. Съ тѣми плѣнными, которые взяты были въ августѣ, мы получаемъ цифру, уже не такъ сильно отличающуюся отъ цифръ, приведенныхъ газетой «Morning Post».

Если до 1 ноября общія потери австрійской арміи доходили до 900.000 человѣкъ, то съ ноябрьскими потерями можно считать, что въ австрійской арміи убыло не менѣе 1.000.000. По самому смѣлому подсчету, дѣлавшемуся въ германскихъ и австрійскихъ газетахъ, предполагалось, что Австрія можетъ въ крайнемъ случаѣ мобилизо-

вать до 3 милліоновъ человѣкъ, считая тутъ людей, не получившихъ совершенно никакой военной подготовки. Такимъ образомъ, получается что по меньшей мѣрѣ треть максимальной арміи, которую Австрія могла бы выставить при крайнемъ напряженіи всѣхъ своихъ силъ,— треть этой арміи уже исчезла. Такихъ потерь Австрія выдержать не можетъ, и австрійская армія уже сознаетъ себя потерпѣвшей пораженіе.

Нѣсколько обособленнымъ на восточномъ театрѣ войны является восточно-прусскій фронтъ. Въ концѣ предыдущаго мѣсяца германцы еще пробовали вести здѣсь атаки и пытались прорвать центръ нашего расположенія у Бакаларжева. Къ 19 октября эти атаки прекратились, и вслѣдъ за тѣмъ наши войска вступили съ востока въ Пруссію одновременно въ районѣ Владиславова и Ширвиндта и въ Роминтенскомъ лѣсу. Съ 20-го октября бои на этомъ фронтѣ велись уже всецѣло на германской территоріи, и германцы перешли къ строгой оборонѣ. Планъ ихъ обороны былъ построенъ на томъ, чтобы оставить сравнительно очень небольшія силы въ районѣ Мазурскихъ озеръ, гдѣ узкія озерныя дефиле и болота даютъ возможность сравнительно небольшими силами надолго задержать противника, наступающаго хотя бы крупными массами, и образовать въ районѣ Вержболова значительную группу, которая должна была дѣйствовать активно. 23 октября эта вержболовская группа начала свои попытки наступленія противъ праваго русскаго крыла. Къ концу октября эта группа еще нѣсколько усилилась и ея наступленіе приняло болѣе энергичный характеръ. Продолжались эти атаки и въ первыхъ числахъ ноября, но въ концѣ концовъ были отбиты и германскія войска около 5 ноября
ждены были отойти на линію Гумбиненъ — Даркеменъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалось медленное, но систематическое, наступленіе русскихъ войскъ на фронтъ Мазурскихъ озеръ. Къ 28 октября нами была занята линія Гольдапъ—Олецко (Марграбово)—Лыкъ—Бяла. 30 октября нами были заняты восточные выходы изъ Мазурскихъ озеръ и съ тѣхъ поръ начались упорные бои за дефиле Мазурскихъ озеръ. Бои подошли къ линіи проволочныхъ загражденій и наибольшій успѣхъ русскія войска имѣли въ районѣ Ариса, гдѣ при занятіи Черспинтенскаго прохода нами было захвачено 19 орудій, 6 пулеметовъ и нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Наше новое наступленіе въ восточной Пруссіи носило совершенно иной характеръ, чѣмъ въ августѣ. Тогда оно было недостаточно подготовлено и имѣло своею цѣлью облегчить по возможности положеніе французской и англійской армій, которыя какъ разъ въ то время были наиболѣе тѣснимы германцами и отступали къ Парижу и Марнѣ. Тогда для насъ было важно не столько прочно занять во-

сточную Пруссію, сколько произвести извѣстный моральный эффектъ. Разбивъ тогда германскую армію у Гумбинена, занявъ Инстербургъ и угрожая Кенигсбергу, мы не озаботились прочнымъ занятіемъ района Мазурскихъ озеръ, и поэтому арміи генераловъ Ренненкампфа и Самсонова оказались двумя обособленными разъединенными группами, дѣйствія которыхъ трудно было согласовать. Въ августѣ, впрочемъ, и климатическія условія облегчали болѣе быстрое наступленіе, такъ какъ послѣ засушливаго лѣта значительная часть прусскихъ болотъ, представляющихъ главное препятствіе къ наступленію, высохла и войска могли проходить тамъ, гдѣ никакое движеніе большими массами невозможно въ другое время года. При нашемъ новомъ наступленіи одной изъ задачъ его является прочное овладѣніе райономъ Мазурскихъ озеръ, овладѣніе всей восточной Пруссіей. Въ то же время позднее время года дѣлаетъ здѣсь передвиженіе большими массами особенно затруднительнымъ. Этимъ объясняется медленность нашего теперешняго наступленія въ сравненіи съ августомъ, когда мы въ полторы недѣли заняли чуть ли не половину всей восточной Пруссіи. Болѣе медленное теперешнее наступленіе является, однако, въ то же время и болѣе вѣрнымъ и ведущимъ къ болѣе прочному занятію восточной Пруссіи.

Параллельно нашему наступленію на Пруссію съ востока, шло наше наступленіе на Пруссію и съ юга. 23 октября нами была занята Млава, а затѣмъ вскорѣ послѣ того непріятель отошелъ на линію Вилленбергъ—Сольдау—Лаутенбергъ. 27 октября наши войска уже обстрѣляли Сольдау, вслѣдъ затѣмъ испортили желѣзную дорогу у станціи Мушакенъ, а ко 2 ноября въ районѣ Сольдау уже велись большіе бои. Германцы пытались задержать наше наступленіе контръ-наступленіемъ на фронтѣ Торнъ—Бродница въ направленіи къ Рыпину, но эта попытка не имѣла большого успѣха. Вскорѣ послѣ того, однако, русскія войска отошли изъ района Сольдау, что, повидимому, было обусловлено германскимъ наступленіемъ въ западной Польшѣ. Въ концѣ отчетнаго мѣсяца боевыя столкновенія на этомъ фронтѣ происходили въ районѣ Млавы.

Въ противоположность восточному театру войны, гдѣ ходъ событій былъ богатъ отдѣльными драматическими моментами и разнаго рода неожиданностями, на западѣ операціи развивались крайне однообразно. Начавъ еще въ предыдущемъ мѣсяцѣ наступленіе противъ лѣваго фланга союзниковъ, германцы продолжали его и въ настоящемъ мѣсяцѣ. Всѣ ихъ усилія были сосредоточены на небольшомъ пространствѣ между берегомъ Сѣвернаго моря и рѣкою Лисъ, составляющею границу между Франціей и Бельгіей въ районѣ сѣвернѣе Лилля. Здѣсь они сосредоточили громадныя силы въ 15 или 16 корпусовъ и въ теченіе мѣсяца вели упорныя атаки на позиціи

союзниковъ, не останавливаясь передъ колоссальными жертвами людьми. Союзники располагали на этомъ фронтѣ значительно меньшими силами (два бельгійскихъ корпуса, одинъ англійскій и четыре французскихъ) и тѣмъ не менѣе они удержали свои главныя позиціи.

Первоначально главный ударъ германцевъ былъ направленъ на самый сѣверный участокъ позицій союзниковъ между городками Ньепортомъ и Дикcмюйденомъ (Диксмюде). Тутъ позиціи союзниковъ, занятыя преимущественно бельгійскими войсками, были прикрыты небольшою рѣкою Изеръ, теченіе которой образуетъ нѣчто въ родѣ дуги, обращенной выпуклой стороной къ востоку. Германцамъ удалось прорваться на лѣвый берегъ Изера, но тогда бельгійцы разрушили плотины и шлюзы и вызвали искусственное наводненіе прилежащей мѣстности. Въ то же самое время англійскій флотъ, поддерживаемый французскими судами, громилъ крайнее правое крыло германцевъ, ведшее атаки вдоль морского побережья на Ньепортъ, и причинилъ германцамъ тяжелыя потери. Въ виду этихъ двухъ причинъ германцы отказались отъ наступленія на Изеръ, очистили лѣвый берегъ этой рѣки и перенесли главныя свои атаки въ болѣе южный районъ, на Диксмюйденъ и бельгійскій городъ Ипръ и на каналъ, соединяющій рѣки Изеръ и Лисъ. Здѣсь германцамъ удалось добиться нѣкоторыхъ частныхъ успѣховъ. 28-го октября они овладѣли Диксмюйденомъ и перешли въ одномъ мѣстѣ на западную сторону Изерскаго канала. Но они не могли развить этихъ частныхъ успѣховъ въ успѣхъ общій, не могли продвинуться къ западу отъ Диксмюйдена, не могли даже сбить союзниковъ съ ихъ выдвинутыхъ впередъ позицій у Ипра. Въ началѣ ноября германскія атаки стали ослабѣвать, а потомъ совершенно прекратились. Сраженіе во Фландріи, продолжавшееся цѣлый мѣсяцъ и стоившее германцамъ болѣе ста тысячъ убитыми и ранеными, кончилось въ ничью; обѣ стороны удержали свои главныя позиціи, и ожесточенная борьба осталась нерѣшенной.

Бои на другихъ участкахъ западнаго фронта носили въ теченіе всего мѣсяца строго позиціонный характеръ. Въ нихъ дѣло шло не объ общемъ наступленіи и диктовались они не желаніемъ вызвать общее рѣшеніе. Бои велись изъ-за объектовъ чисто мѣстнаго значенія, и въ оффиціальныхъ донесеніяхъ съ обѣихъ сторонъ упоминались нерѣдко такіе успѣхи, какъ занятіе нѣкоторыхъ строеній какой-нибудь деревушки или отмѣчалась передвижка впередъ на сотни или даже на десятки метровъ. Въ общемъ послѣдовавшія въ теченіе цѣлаго мѣсяца въ расположеніи силъ обѣихъ сторонъ на западномъ театрѣ перемѣны настолько незначительны, что ихъ можно игнорировать. Во всякомъ случаѣ попытка германцевъ перейти въ рѣшительное наступленіе оказалась совершенно неудачной, и послѣ того на западѣ наступилъ періодъ относительнаго затишья, длящійся уже около двухъ недѣль.

Въ теченіе четвертаго мѣсяца войны Россіи и ея союзникамъ пришлось имѣть дѣло еще съ однимъ новымъ врагомъ—съ Турціей. Война съ Турціей была начата всецѣло по иниціативѣ ея самой. Военныя дѣйствія были открыты турецкимъ флотомъ нападеніемъ на русскія гавани Одессу, Севастополь, Ѳеодосію и Новороссійскъ. Къ этому нападенію Турція не была никѣмъ и ничѣмъ вынуждена и если она выбрала этотъ моментъ для начала военныхъ дѣйствій, очевидно онъ ей казался болѣе удобнымъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ. Но, начавъ войну, Турція оказалась къ ней совершенно неподготовленной, и въ теченіе всего мѣсяца она не могла предпринять ни одной операціи, которая могла бы считаться сколько-нибудь существенной услугой для Германіи, главной вдохновительницы турецкой политики въ настоящее время. На Черномъ морѣ, послѣ бомбардировки Одессы, Севастополя и другихъ городовъ, произведенной 16 оклября и принесшей въ общемъ намъ не особенно крупные убытки, турецкій флотъ ограничилъ свою послѣдующую дѣятельность только бомбардировкой Поти (25 октября) и Туапсе (7-го ноября). Онъ не могъ помѣшать судамъ русскаго черноморскаго флота бомбардировать Малоазійскіе порты Сангулдакъ и Трапезундъ, имѣющіе для Турціи очень большое значеніе. Сангулдакъ, какъ извѣстно, является единственнымъ мѣстомъ, откуда Турція можетъ имѣть свой собственный уголь; Трапезундъ же главная база для Эрзерума и для всей турецкой арміи, сосредоточенной въ Эрзерумскомъ округѣ. Сухопутные пути сообщенія Эрзерума съ Константинополемъ настолько плохи и настолько длинны, что безъ Трапезунда Эрзерумскій районъ оказался бы какъ бы отрѣзаннымъ отъ остальной Турціи. Въ виду этого бомбардировка Трапезунда имѣла очень большое значеніе, сильно ухудшая положеніе турецкой арміи въ Эрзерумѣ, и тѣмъ не менѣе турецкій флотъ этой бомбардировкѣ помѣшать не могъ. Бомбардировка Трапезунда происходила 4 ноября. На слѣдующій день послѣ того, 5 ноября, русскій черноморскій флотъ недалеко отъ Севастополя встрѣтился съ турецкими крейсерами «Гебеномъ» и «Бреслау», т. е. въ сущности съ главными боевыми силами турецкаго флота, потому что въ военномъ отношеніи одинъ «Гебенъ» значитъ неизмѣримо больше, чѣмъ всѣ остальныя военныя суда, плавающія подъ турецкимъ флагомъ, вмѣстѣ взятыя. Сраженіе это было непродолжительно, длилось всего 14 минутъ и кончилось тѣмъ, что «Гебенъ» поспѣшилъ удалиться съ поля сраженія. «Бреслау» и совсѣмъ въ бою не участвовалъ. Изъ этого слѣдуетъ, что для «Гебена» невозможна борьба съ нашимъ черноморскимъ флотомъ за господство на морѣ и что всѣ операціи, на которыя способенъ турецкій флотъ на Черномъ морѣ, сводятся къ обстрѣлу незащищенныхъ городовъ нашего побе-

режья, т. е. исключительно къ такъ называемому «стратегическому озорству».

На нашей сухопутной границѣ съ Турціей иниціатива военныхъ дѣйствій сразу же перешла въ наши руки. Войну начала Турція, но сейчасъ же въ первые дни послѣ того русскія войска въ разныхъ мѣстахъ перешли турецкую границу, и съ тѣхъ поръ всѣ дѣйствія ведутся на турецкой территоріи. Районъ столкновеній здѣсь довольно обширенъ и простирается отъ Черноморскаго побережья до турецко-персидской границы между озерами Ванъ и Урмія. Но главныя свои силы, почти всѣ свои регулярныя войска Турція сосредоточила въ одномъ направленіи, самомъ важномъ, на пути отъ Эрзерума къ Карсу. Въ этомъ же направленіи велось и наиболѣе энергичное русское наступленіе. Зивинскія высоты, извѣстныя по боямъ 1877 года, были взяты русскими войсками съ налета. Двигаясь дальше впередъ, передовыя наши части овладѣли Кеприкейской позиціей, имѣющей чрезвычайно важное значеніе въ оборонѣ подступовъ къ Эрзеруму. У Кеприкея впервые произошли бои между русскими и турецкими войсками. Турки сосредоточивали здѣсь все большія и большія силы. Первоначально дѣйствовали ихъ двѣ дивизіи, затѣмъ ихъ тутъ было по меньшей мѣрѣ два корпуса, усиленныхъ частью гарнизона Эрзерума. Сраженіе въ большомъ масштабѣ началось здѣсь 24 октября. Послѣ нѣсколькихъ дней боя передовыя русскія части отодвинулись на одинъ переходъ къ востоку, приблизительно на высоту Юзверана, гдѣ разгорѣлся рядъ новыхъ боевъ. Рѣшеніе наступило только къ 10 ноября, когда турецкая армія была опрокинута и стала поспѣшно отступать къ самому Эрзеруму.

Въ сосѣднемъ съ Эрзерумскимъ направленіемъ районѣ рѣки Олты-чай военныя дѣйствія носили характеръ стычекъ между русской конницей и нерегулярными курдскими войсками. Эти войска не могли выдерживать удара нашей кавалеріи, и русскія очень быстро подошли къ выходу изъ долины р. Олты-чай въ долину Эрзерума. Такой же характеръ имѣли военныя дѣйствія въ долинѣ р. Евфрата. Здѣсь тоже русскимъ войскамъ противостояли преимущественно курдскіе конные полки, или даже просто безпорядочныя шайки курдовъ, и здѣсь мы безъ особыхъ усилій овладѣли Баязетомъ и Кара-килиссой Алашкертской и другими важнѣйшими пунками долины верхняго Евфрата. Съ нерегулярными войсками намъ приходилось преимущественно считаться также и въ Чорохскомъ районѣ и въ Азербейджанѣ на турецко-персидской границѣ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Турція разсчитывала не столько на свои регулярныя войска, сколько на мѣстное мусульманское населеніе, которое она разсчитывала поднять противъ русскихъ. Въ Чорохскомъ районѣ имъ это удалось отчасти достигнуть, привлекши на свою сторону аджарцевъ, т. е. грузинъ-му-

сульманъ, вслѣдствіе чего нами былъ очищенъ городъ Артвинъ. Въ Азербейджанѣ русскія войска на Ханесурскомъ и другихъ сосѣднихъ перевалахъ задержали курдскія шайки, имѣвшія въ виду вторгнуться черезъ персидскія владѣнія въ предѣлы нашего Закавказья.

Во всякомъ случаѣ, въ теченіе всего мѣсяца на нашей Кавказской границѣ наступающей стороной являлись мы, а турецкія войска придерживались въ общемъ обороны. Равнымъ образомъ и на всѣхъ другихъ фронтахъ Турція, сама первая начавшая военныя дѣйствія, тѣмъ не менѣе неспособна была перейти къ сколько-нибудь серьезному наступленію. Въ крайней южной Месопотаміи англійскія войска высадились на берегахъ Шатъ-эль-Араба, соединеннаго устьями Тигра и Евфрата, оттѣснили имѣвшіеся тутъ турецкіе отряды и завладѣли Басорой или Басрой, однимъ изъ крупныхъ административныхъ и торговыхъ турецкихъ центровъ. Турки здѣсь не въ состояніи оказать серьезное сопротивленіе англійскому нападенію. Равнымъ образомъ англійскія войска овладѣли аравійскимъ побережьемъ Бабъ-эль-Мандебскаго пролива и въ частности укрѣпленнымъ городомъ Шейхъ-Саидомъ. У Шатъ-эль-Араба и Бабъ-эль-Мандебскаго пролива Турція, впрочемъ, не могла бы вести никакой войны, кромѣ оборонительной, и ея наступленія ждали въ совершенно другомъ мѣстѣ—у египетской границы. Египетъ вообще имѣетъ для Англіи самъ по себѣ очень большое значеніе, но еще болѣе важенъ для Англіи Суэзскій каналъ, поэтому серьезное нападеніе на Египетъ, конечно, могло бы быть очень вѣсской угрозой противъ Англіи. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца о турецкомъ наступленіи шли только разговоры, а имѣвшіяся тутъ столкновенія были настолько незначительны, что изъ нихъ трудно даже сдѣлать выводъ о наличности здѣсь у Турціи большихъ силъ. Конечно, съ извѣстнымъ напряженіемъ Турція могла бы сосредоточить въ южной Палестинѣ армію, значительно превышающую по своей численности англійскій корпусъ, охраняющій Египетъ, но наступленіе цѣлой арміи по безводной Синайской пустынѣ представляетъ задачу очень трудную, а для турецкой арміи, плохо организованной, эта трудность еще повышается. Далѣе Синайская пустыня представляетъ собою не единственную преграду на пути къ Египту. Еще большей преградой является самъ Суэзскій каналъ, обороняемый не только сухопутными войсками, но и большимъ количествомъ военныхъ судовъ. Полевая турецкая артиллерія, разумѣется, не можетъ бороться съ морской артиллеріей англичанъ. Подвезти же къ Суэзскому каналу черезъ пустыню сухимъ путемъ орудія сколько-нибудь тяжелаго калибра представляется задачей безусловно неразрѣшимой. Въ виду этого представляется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ турецкая армія могла бы форсировать Суэзскій каналъ, овладѣть имъ и вторгнуться въ предѣлы Египта.

Вялый и нерѣшительный образъ дѣйствій Турціи въ теченіе цѣлаго мѣсяца позволяетъ сдѣлать выводъ, что ея выступленіе преслѣдовало не столько спеціально военныя цѣли, сколько имѣло въ виду воздѣйствовать на мусульманское населеніе Россіи и Англіи. Турція объявила священную войну противъ христіанъ, принадлежащихъ къ государствамъ тройственнаго согласія, и на эту священную войну, повидимому, больше всего разсчитывала Германія. Въ германскіе планы входило вызвать внутренніе безпорядки въ Россіи и въ англійскихъ колоніяхъ, въ частности въ Индіи, отвлечь такимъ образомъ вниманіе и силы Англіи и Россіи. Германія разсчитывала не столько на турецкую армію или на турецкій флотъ, сколько именно на эти безпорядки. Какъ мы знаемъ, германскіе разсчеты не оправдались. Русское мусульманское населеніе въ своей массѣ осталось вполнѣ спокойнымъ и лойяльнымъ, повидимому, столь же лойяльнымъ остается и мусульманское населеніе Индіи.

На балканскомъ театрѣ войны положеніе дѣлъ измѣнилось не въ пользу Сербіи. Въ концѣ сентября сербскія войска, поддерживаемыя черногорцами, вели довольно энергичное наступленіе на Сараево. Отъ 6 до 9 октября въ окрестностяхъ Сараева разыгрались большіе бои, въ итогѣ которыхъ сербы и черногорцы должны были отступить. Отступленіе велось медленно, въ полномъ порядкѣ, и тѣмъ не менѣе сербамъ не удалось удержаться на дорогѣ на какомъ-нибудь естественномъ рубежѣ и задержать слѣдующую за ними австрійскую армію. Одновременно съ тѣмъ австрійцы вторглись въ сербскую территорію и заняли Мачву, сѣверо-западную часть Сербіи, между Дриной и Савой. Здѣсь произошелъ рядъ аріергардныхъ боевъ въ районѣ къ югу и юго-востоку отъ Шабаца. Сербы не могли задержать австрійцевъ и должны были начать отступленіе вглубь страны. Черезъ нѣсколько дней главныя сербскія позиціи у Вальева, гдѣ находилась главная квартира сербской арміи, были взяты австрійцами и военныя дѣйствія перешли на правый берегъ рѣкъ Колубары и Льига. По послѣднимъ извѣстіямъ, сербская армія продолжаетъ отступать вглубь страны къ Крагуевацу. Неудача сербской арміи и вынужденное ея отступленіе объясняются не численнымъ превосходствомъ австрійцевъ, а ослабленіемъ сербской арміи послѣ двухъ войнъ 1912 и 1913 г.г. Сербія не имѣла времени оправиться отъ этихъ войнъ и возобновить свои истощенные запасы, и вотъ это теперь сказывается на ея операціяхъ. Сербамъ приходится быть чрезвычайно экономными не только въ артиллерійскихъ снарядахъ, но и въ ружейныхъ патронахъ, а въ современной войнѣ такая вынужденная экономія въ огнѣ неизбѣжно ведетъ къ неудачамъ и пораженіямъ.

Изъ боевыхъ столкновеній на морѣ наиболѣе крупнымъ, если не по своему значенію, то, по крайней мѣрѣ, по количеству участвовав-

шихъ въ дѣлѣ судовъ, было сраженіе 18-го октября у береговъ Чили. Съ англійской стороны въ этомъ сраженіи участвовали два броненосныхъ крейсера «Гудъ-Гопъ» и «Монмутъ» и маленькій крейсеръ «Глазго», съ германской стороны броненосные крейсера «Шарнгорстъ» и «Гнейзенау» и легкіе крейсеры «Лейпцигъ» и «Дрезденъ», т. е. почти вся дальне-восточная германская эскадра, ушедшая въ свое время изъ осажденнаго японцами Циндао. На сторонѣ германцевъ былъ перевѣсъ не только въ численности судовъ, но и въ силѣ отдѣльныхъ кораблей. Германскіе броненосные крейсера были гораздо новѣе и гораздо сильнѣе англійскихъ крейсеровъ. Каждый изъ германскихъ крейсеровъ имѣлъ по 8 орудій 8-дюймоваго калибра и по 6 орудій 6-дюймоваго калибра. Вѣсъ залпа по одному борту каждаго изъ нихъ составлялъ 888 килограм. Изъ англійскихъ крейсеровъ «Гудъ-Гопъ» былъ вооруженъ 2 орудіями калибра 9,2 д. и 16 орудіями калибра 6 д. Вѣсъ его залпа былъ равенъ 707 килограм. «Монмутъ» имѣлъ артиллерію, состоящую изъ 14 орудій 6-дюймоваго калибра съ вѣсомъ залпа по одному борту 408 килогр. Броневая защита у германскихъ крейсеровъ была опять-таки гораздо лучше, чѣмъ у англійскихъ. Въ скорости существенной разницы между германскими и англійскими крейсерами не было.

Англійскіе крейсеры имѣли возможность уклониться отъ боя, но почему-то они этого не сдѣлали. Повидимому, они разсчитывали на то, что къ нимъ подоспѣетъ на помощь посланный для ихъ подкрѣпленія англійскій броненосецъ «Канопусъ», но этого не случилось. По какимъ-то причинамъ «Канопусъ» опоздалъ къ бою, и англійскіе крейсеры были разстрѣляны германскими судами. «Гудъ-Гопъ» и «Монмутъ» погибли. Маленькому крейсеру «Глазго» удалось спастись.

На общемъ ходѣ событій это сраженіе, впрочемъ, не могло отразиться, и вскорѣ послѣ того англійскій флотъ взялъ реваншъ, покончивъ съ германскимъ крейсеромъ «Эмденомъ», наиболѣе вредившимъ англійской торговлѣ. «Эмденъ» маленькій крейсеръ, въ 3.650 тоннъ водоизмѣщенія, входившій тоже въ составъ дальне-восточной германской эскадры, стоявшей въ Циндао. Онъ отдѣлился отъ остальныхъ судовъ этой эскадры и занялся крейсерскими операціями въ Индійскомъ и Великомъ океанахъ. Его операціи были очень удачны. Онъ захватилъ болѣе 20 англійскихъ крупныхъ пароходовъ, нанесъ англійской торговлѣ милліонные убытки, потопилъ между прочимъ небольшой русскій крейсеръ «Жемчугъ» и противъ него было выпущено чуть ли не нѣсколько десятковъ англійскихъ, японскихъ и французскихъ крейсеровъ. Въ концѣ концовъ погоня за «Эмденомъ», снискавшимъ себѣ уже репутацію «летучаго голландца», увѣнчалась успѣхомъ. Небольшой англійскій крейсеръ «Сидней», принадлежащій австралійской колоніи, открылъ «Эмдена» у одного изъ

острововъ Кокосоваго Архипелага и потопилъ послѣ непродолжительнаго, но горячаго боя. Одновременно съ тѣмъ былъ выведенъ изъ строя другой германскій крейсеръ «Кенигсбергъ», дѣйствовавшій у восточныхъ береговъ Африки. «Кенигсбергъ» далеко не былъ такъ энергиченъ, какъ «Эмденъ», и чуть ли не единственнымъ проявленіемъ его дѣятельности было удачное нападеніе на маленькій англійскій крейсеръ «Пегасусъ» у береговъ Занзибара, происшедшее еще 9 сентября. Послѣ того о «Кенигсбергѣ» ничего не было слышно, и довольно неожиданно оказалось, что онъ укрылся въ небольшой рѣкѣ на островѣ Мафія недалеко отъ Занзибара. Открывшій его англійскій крейсеръ «Чатамъ» обстрѣлялъ «Кенигсбергъ», но не могъ продвинуться далеко вверхъ по рѣкѣ и не былъ въ состояніи выяснить, насколько велики были причиненныя имъ германскому крейсеру поврежденія. На всякій случай «Чатамъ» затопилъ въ устьѣ рѣки нѣсколько угольныхъ пароходовъ, и такимъ образомъ «Кенигсбергъ» оказался запертымъ и для него была отрѣзана возможность выхода въ открытое море. Потопленіе «Эмдена» и выбытіе изъ строя «Кенигсберга» очень сильно сократило германскія крейсерскія операціи и повысило безопасность англійской морской торговли.

Кромѣ того суда англійскаго и отчасти французскаго флота принимали дѣятельное участіе въ сухопутныхъ операціяхъ, происходившихъ въ западной Бельгіи у береговъ Сѣвернаго моря. Ихъ огонь способствовалъ отраженію германскихъ атакъ въ районѣ Ньепорта, а въ недавнее время англійскія суда подвергли бомбардировкѣ и совершенно разрушили гавань Зеебрюгге, изъ которой германцы хотѣли сдѣлать базу для своего подводнаго флота противъ береговъ Англіи и охраняющихъ ее военныхъ судовъ. Кромѣ «Эмдена» и погибшихъ у береговъ Чили англійскихъ крейсеровъ, изъ крупныхъ судовъ погибли въ теченіе истекшаго мѣсяца еще германскій броненосный крейсеръ «Іоркъ», наткнувшійся на мины загражденія, и англійскій броненосецъ «Бульворкъ», взорвавшійся вслѣдствіе еще не выяснившейся причины въ Ширнесѣ въ устьяхъ Темзы. «Бульворкъ» по размѣрамъ довольно крупный броненосецъ, 15.250 т., но уже довольно устарѣлаго типа, и поэтому его гибель не можетъ отразиться на соотношеніи морскихъ силъ Англіи и Германіи. Большее значеніе имѣла бы гибель англійскаго сверхдредноута «Тендереръ», о чемъ были слухи, исходившіе изъ германскихъ источниковъ, но эти слухи не оправдались.

А. Оглинъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

А. Ѳ. Кони. Отцы и дѣти судебной реформы. Къ пятидесятилѣтію судебныхъ уставовъ. Петроградъ, 1914 г. Изданіе Т-ва И. А. Сытина. Стр. IV + 295 + 22.

Роскошное изданіе, посвященное „молодымъ судебнымъ дѣятелямъ“ и украшенное именемъ А. Ѳ. Кони, представляетъ, по богатству и интересу содержанія, дѣйствительно цѣнное юбилейное подношеніе, за которое должны быть благодарны автору не только молодые и старые судебные дѣятели, не только сознательные сторонники новаго суда, но и всѣ вообще любители поучительныхъ, талантливо написанныхъ книгъ. Подъ мѣткимъ и остроумнымъ заглавіемъ: „Отцы и дѣти судебной реформы“, даются здѣсь яркія и живыя характеристики цѣлаго ряда выдающихся дѣятелей, составителей и истолкователей судебныхъ уставовъ, ученыхъ юристовъ и практиковъ, сановниковъ и адвокатовъ. Изъ двадцати очерковъ три посвящены старымъ представителямъ присяжной адвокатуры — К. К. Арсеньеву, В. Д. Спасовичу, князю А. И. Урусову и Ѳ. Н. Плевако. Къ тексту приложено семьдесятъ прекрасно исполненныхъ портретовъ, въ томъ числѣ превосходнаго, необыкновенно выразительнаго портрета самого автора. Изъ семидесяти изображенныхъ на нихъ лицъ, какъ отмѣчено въ предисловіи, осталось въ живыхъ только двѣнадцать. Старые типы судебныхъ дѣятелей постепенно исчезаютъ, и вмѣстѣ съ искаженіемъ духа судебныхъ уставовъ вырабатываются новыя черты ихъ исполнителей.

„Встрѣчаются случаи,—съ грустью говоритъ А. Ѳ. Кони,—когда съ предсѣдательскаго мѣста раздаются властныя замѣчанія и заявленія, нежелательныя даже въ устахъ представителей состязующихся сторонъ,—когда государственные обвинители, забывая начертанную уставами роль говорящаго судьи, замѣняютъ спокойствіе доводовъ первною страстностью и, искажая свою задачу, не брезгаютъ недостойными своего званія выходками противъ подсудимыхъ и свидѣтелей, обращая обвиненіе не въ служеніе самодовлѣющей цѣли правосудія, а въ средство постороннихъ послѣднему соображеній“. Тѣмъ не менѣе авторъ вѣритъ и надѣется, что „внуки“ поколѣнія, создавшаго и осуществившаго судебную реформу, „проникнутся завѣтами отцовъ и примѣромъ дѣтей“. Это чувство вѣры въ будущее проникаетъ насквозь всѣ воспоминанія и разсужденія А. Ѳ. Кони, посвященныя прошедшему.

Л. С.

Евгеній Ефимовъ. Природа преступленія. Ч. I. Естественно-научная теорія преступленія. Методологическое изслѣдованіе. Москва, 1914 г. Стр. 390. Ц. 3 р. 50 к.

Исходною точкою для изслѣдованія автора послужила научная полемика, вызванная въ Германіи вопросомъ о реформѣ уголовнаго законодательства и раскрывшая съ новою силою „глубокую принципіальную противоположность двухъ уголовно-правовыхъ міросозерцаній, изъ которыхъ каждое претендуетъ на руководящую роль и въ теоріи и въ практикѣ“. Старый споръ о цѣли и смыслѣ наказанія связывается съ существенными разногласіями въ пониманіи природы преступленія, при чемъ новая позитивная школа выдвигаетъ на первый планъ соціальный характеръ преступленія. Послѣ критическаго разбора мнѣній извѣстныхъ нѣмецкихъ криминалистовъ, преимущественно Франца Листа и Биркмейера, авторъ переходитъ къ обстоятельному изложенію позитивной итальянской доктрины, при чемъ подробно останавливается на идеяхъ Ломброзо и его послѣдователей, на трудахъ Гарофало, Энрико Ферри и Варга. Авторъ приходитъ къ выводу, что „преступленіе не

есть естественное явленіе внѣшняго міра", а есть „созданіе практическаго разума и, какъ таковое, принадлежитъ не естество знанію, а этикѣ". Научное обоснованіе этой точки зрѣнія путемъ дальнѣйшаго анализа принциповъ уголовно-соціологической школы должно составить предметъ второй части изслѣдованія г. Ефимова. Л.

Петръ Масловъ. Общедоступный курсъ исторіи народнаго хозяйства отъ первобытныхъ временъ до 20-го столѣтія. Петроградъ. 1914. Стр. 361. Ц. 2 р.

Поставивъ себѣ задачей „дать учебникъ или пособіе для изученія исторіи народно-хозяйственнаго быта современныхъ европейскихъ народовъ", авторъ старается въ своей книгѣ изобразить послѣдовательный ходъ экономическаго развитія различныхъ странъ, въ томъ числѣ и Россіи, выяснить основныя черты сходства и различія въ ихъ хозяйственномъ строѣ и представить характеристику различныхъ историческихъ эпохъ и ихъ классификацію.

При живомъ изложеніи, трудъ г. Маслова вполнѣ соотвѣтствуетъ своей цѣли и можетъ служить пособіемъ для лицъ, желающихъ ознакомиться въ общихъ чертахъ съ исторіею экономической жизни главныхъ странъ Европы, со включеніемъ Россіи, „отъ первобытныхъ временъ до двадцатаго столѣтія".

В. Д. Бѣликовъ. Женщина въ промышленной инспекціи Запада. Тверь, 1914.

Вопросъ о женской фабричной инспекціи далеко еще не получилъ надлежащаго разрѣшенія, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ незначительное число женщинъ въ составѣ фабричнаго надзора (5—въ Австріи, 18—во Франціи и Англіи, 30—въ Германіи), такъ и допущеніе женщинъ въ Австріи и Германіи къ занятію только должностей помощниковъ инспекторовъ. Между тѣмъ возрастаніе — не только абсолютное, но и относительное — женскаго фабрично-заводскаго персонала и распространеніе фабричнаго надзора на домашнюю промышленность, въ которой женскій (и дѣтскій) трудъ имѣетъ еще болѣе широкое распространеніе, требуетъ и болѣе широкаго привлеченія къ участію въ фабричномъ надзорѣ женскаго элемента. Сказанное особенно относится къ нашему отечеству, гдѣ повросъ о женской инспекціи еще только поднимается. Появленіе названной въ заголовкѣ къ настоящей замѣткѣ книжки Б. Д. Бѣликова, въ коей вкратцѣ излагается исторія введенія фабричной женской инспекціи и подводятся итоги ея дѣятельности на Западѣ — нельзя не считать поэтому вполнѣ своевременнымъ.

А. А. Алексѣевъ. Финансовыя полномочія англійскаго парламента. Спб. 1914

Въ книжкѣ А. А. Алексѣева (оттискъ изъ журнала Министерства Юстиціи) излагается исторія и современное состояніе бюджетныхъ порядковъ Англіи, представляющихъ, какъ извѣстно, не мало оригинальнаго. Изъ нея мы узнаемъ о тѣхъ отношеніяхъ, какія установились въ данной области частью на основаніи закона, частью фактически — между правительствомъ, парламентомъ и палатою лордовъ; о составѣ англійскаго бюджета и порядкахъ его составленія и прохожденія черезъ парламентъ. Съ учрежденіемъ Государственной Думы, знакомство общества съ бюджетными порядками другихъ государствъ, наряду съ удовлетвореніемъ нашей любознательности, пріобрѣтаетъ и практическое значеніе, облегчая работу болѣе раціональной постановки данной важной отрасли государственнаго дѣла. Хорошо написанная книжка г. Алексѣева заслуживаетъ поэтому широкаго распространенія.

Заразныя болѣзни и ихъ лѣченіе у народа. Очерки русской народной медицины. В. Ѳ. Делича. Спб., 1914.

В. Ѳ. Деличъ, извѣстный своими журнальными работами о томъ, что онъ называетъ „русской народной медициной" жалуется на невозможность издать большую работу о ней, потому что издатели „болѣе склонны выпускать сочиненія по порнографіи, чѣмъ по этнографіи" и рѣшилъ поэтому „описывать народную медицину по частямъ". Предлагаемая вниманію читателя часть, посвященная возрѣніямъ народа на заразныя болѣзни, объясняетъ, почему—помимо личнаго расчета—частные предприниматели уклоняются отъ большого изданія по данному предмету. Брошюра г. Делича, излагающая воззрѣнія народа на происхожденіе и существо заразныхъ болѣзней и описывающая практикуемыя имъ предупредительныя и лѣчебныя противъ нихъ мѣры, состоитъ почти цѣли-

комъ изъ сырого матеріала, даже безъ систематическаго отдѣленія важнаго и широко распространеннаго отъ частнаго и случайнаго. И одинъ этотъ фактъ служитъ доказательствомъ того, что данный отдѣлъ этнографіи еще не вышелъ окончательно изъ стадіи простого собиранія матеріаловъ.

Столярно-мебельный промыселъ въ Московскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ. Москва, 1914.

Названное изданіе московскаго губернскаго земства представляетъ рѣдкій случай сравненія состоянія кустарнаго промысла въ три момента времени, раздѣленные промежутками въ 23 года и 13 лѣтъ. Сравненіе относится, впрочемъ, не ко всему промышленному району, а къ 25-ти изъ сотни селеній, отдающихся мебельному промыслу. Изслѣдованныя селенія обнимали въ 1912 году 1880 промышленниковъ, промышленниковъ, противъ 1340—въ 1899 г. и 1106—въ 1876 г. Сравненіе коснулось вопросовъ о числѣ промышленныхъ единицъ съ подраздѣленіемъ ихъ по типамъ (одиночекъ, семейныхъ ассоціацій, мастерскихъ съ наемными рабочими) и спеціальности, и о числѣ работающихъ въ нихъ—семейныхъ и наемныхъ—съ подраздѣленіемъ по возрастамъ. Къ сожалѣнію, сравненіе не коснулось доходовъ и заработковъ кустарей.

В. В.

Dr. Paul Cartan. Notre aliment fondamental: le pain.

Книжка посвящена элементарнѣйшему изъ всѣхъ вопросовъ: вопросу о *хлѣбѣ*. Можно было думать, что этотъ-то вопросъ достаточно выясненъ. Оказывается—нѣтъ. И нуженъ весь свѣтъ современной науки, чтобы установить, наконецъ, какое значеніе имѣетъ для человѣческаго организма этотъ древнѣйшій и до сихъ поръ главнѣйшій предметъ народнаго питанія. Авторъ подвергъ этотъ вопросъ всестороннему изслѣдованію въ лабораторіи и клиникѣ и пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Хлѣбъ составляетъ великолѣпный и безукоризненный предметъ питанія; и онъ долженъ стать для насъ тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ для нашихъ предковъ: основной благословенной пищей.

Р.

Въ теченіе ноября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Арберъ, Е. А. Н. Естественная исторія угля. Пер. съ англ. подъ ред. М. Д. Залѣсскаго. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб.

Амфитеатровъ, А. В. Викторія Павловна. Романъ. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Бороздинъ, А. К. Собраніе сочиненій. Т. I. М. Ю. Лермонтовъ. Т. II. А. С. Пушкинъ. Петроградъ, 1914 г. Цѣна каждаго тома 90 коп.

Быковъ, Алексѣй. Чертополохъ. Книга послѣдняя. Петроградъ, 1914 г.

Гадмеръ, Елизавета. Вѣчная каторга. Разсказъ лошади. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 15 коп.

Громека, М. С. О Л. Н. Толстомъ. Изд. 6-е. Москва, 1914 г. Цѣна 80 коп.

Грузиновъ, И. Бубны боли. Стихи. Москва, 1915 г. Цѣна 80 коп.

Декартъ. Сочиненія. Пер. Н. Н. Срѣтенскаго, съ пред. проф. И. И. Ягодинскаго. Т. I. Казань, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Де-Ла-Бартъ, Гр. Ф. Бесѣды по исторіи всеобщей литературы. Часть I. Изд. 2-е. Москва, 1914 г. Цѣна 2 руб.

Де-Хартъ, Александръ. Журналъ дѣлового человѣка. I. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб.

Дришъ, Гансъ. Витализмъ. Его исторія и система. Пер. А. Г. Гурвича. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Зола, Эмиль. Докторъ Паскаль. Романъ. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— Римъ. Романъ. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Ивановъ, Б. П. Res mancipii et nec mancipii. Очеркъ по исторіи римскаго права. Казань, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Ивановъ, И. Е. Впечатлѣнія раненаго въ русско-японскую войну. Москва, 1914 г. Цѣна 60 коп.

Исаковъ, И. Е. Возрожденіе Сербскаго государства и интриги Австріи. Москва, 1914 г. Цѣна 20 коп.

Иванчинъ-Писаревъ, А. И. Изъ воспоминаній о „хожденіи въ народъ". Петроградъ, 1914 г. Цѣна 1 руб.

Изаръ, I. Современная Бельгія. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Кащенко, Н. Ѳ. Смерть и долголѣтіе съ біологической точки зрѣнія. Москва, 1914 г. Цѣна 45 коп.

Коганъ, П. Очерки по исторіи западно - европейскихъ литературъ. Томъ I. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Коксъ, Дж. За предѣлами атома. Пер. съ англ. Н. А. Шилова. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб.

Козьминыхъ-Ланинъ, И. М. Семейный составъ фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губ. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб.

Кочеткова, Л. П. Вымираніе мужского пола въ мірѣ растеній, животныхъ и людей. Москва, 1915 г. Цѣна 85 коп.

Красильниковъ, М. П. Хуткра Уфимской губерніи. Уфа, 1914 г.

Лай, В. А. Методика естественноисторическага преподаванія. Пер. М. М. Соловьева. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 1 руб.

Лермонтовъ, М. Ю. Избранныя сочиненія. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 25 коп.

Линниченко, И. А., проф. Психологія борьбы. Одесса, 1914 г.

— Два письма Фридриха II. Одесса, 1914 г.

Немировичъ - Данченко, Вас. Ив. Профили и зигзаги. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Ноульсъ, Джозефъ. Два мѣсяца въ лѣсахъ. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Островскій, А. А. Пьяный бюджетъ. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 30 коп.

Падалка, Л. В. Карта территоріальнаго разграниченія Полтавской губ. въ масштабахъ мѣстныхъ изученій. Полтава, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Покотиловъ, О. М. Ю. Лермонтовъ. Со вступит. ст. проф. В. В. Сиповскаго. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 80 коп.

Сорокинъ, Питиримъ. Л. Н. Толстой, какъ философъ. Москва, 1914 г. Цѣна 15 коп.

Сильва, Карменъ. Подъ роднымъ кровомъ. Мемуары. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Стремнинъ, Милій. Звонарь Реймскаго собора. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 30 коп.

Телешовъ, Н. Золотая осень и др. разсказы. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Чешихинъ, Всеволодъ. Патріотическія стихотворенія. Рига, 1914 г. Цѣна 10 коп.

Шиловъ, Алексѣй. Какъ не слѣдуетъ понимать алкоголизмъ. Москва, 1914 г. Цѣна 25 коп.

Шмелевъ, Ив. Волчій перекатъ. Разсказы. Т. V. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп

Землеустройство. Сборникъ законовъ и распоряженій. Вып. I — VII. Петроградъ, 1914 г.

Каталогъ русскаго отдѣла международной выставки печатнаго дѣла и графики въ Лейпцигѣ. Петроградъ, 1914 г.

Книга по русской исторіи для начальныхъ школъ и сред. учеб. заведеній. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 70 коп.

Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. XXIII. Петроградъ, 1914 г.

Народы и области. № 1—5. Москва, 1914 г.

Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію. Подъ ред. В. Н. Бенешевича. Вып. II. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Отчетъ о дѣятельности центральнаго комитета еврейскаго колонизаціоннаго общества въ 1912 и 1913 г.г. Петроградъ, 1914 г.

Отчетъ о дѣятельности общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины за 1913 годъ. Петроградъ, 1914 г.

Отчетъ о состояніи народнаго здравія въ Россіи за 1912 г. Петроградъ, 1914 г.

Статистическій Вѣстникъ. Книги 1 и 2. Москва, 1914 г.

Сѣрая книга. Бельгійская дипломатическая переписка, относящаяся до войны 1914 года (24 іюля — 29 августа). Петроградъ, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Вовкъ, М. Десять рокiв життя Білоцерківського сложивчого товариства. Киiв, 1914.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1914 году.

Хроника.

скаго милитаризма. — Проявленіе массового психоза въ Германіи.— Страхъ передъ шпіонами и германскія звѣрства. — Средневѣковые пріемы Вильгельма II и его войскъ.— Упраздненіе международнаго права. —Неизбѣжные практическіе выводы. —Положеніе дѣлъ во Франціи.— Перспективы войны.—Смерть папы Пія X.—Избраніе папы Бенедикта XV (стр. 350). Октябрь.—Военныя событія и ихъ значеніе. Политическія задачи, связанныя съ войною.— Турецкія и балканскія дѣла.—Роль Италіи и Румыніи.—Болгарская дипломатія и ея разсчеты (стр. 340). Ноябрь.—Воинственное выступленіе Турціи.—Открытіе турецкаго наслѣдства. — Политика балканскихъ государствъ.—Итальянская дипломатія.—Вопросъ о германскихъ звѣрствахъ (стр. 364). Декабрь.— Общее политическое положеніе.—Безпокойство нейтральныхъ державъ и толки о посредничествѣ.—Рѣчь германскаго канцлера. — Министерскія рѣчи въ Англіи.—Политика балканскихъ государствъ и македонская распря.—Неопредѣленное положеніе нейтральныхъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ. (стр. 318).

V. **Литературное обозрѣніе.** — Январь.—Мелиховъ. Культъ римскихъ императоровъ и его значеніе въ борьбѣ язычества съ христіанствомъ—**Б. П. Иванова.**—Смертная казнь. Сборникъ статей И. С. Таганцева.— **В. К.** Записки княгини Маріи Николаевны Волконской. Переводъ А. Н. Кудрявцевой. Біографическій очеркъ и примѣчанія П. Е. Щеголева.—П. В. Давыдовъ. Изъ прошлаго.—**Ч. В—скаго.**—Научный историческій журналъ, издаваемый подъ редакціей проф. Н. И. Карѣева, № 1.—**А. Т.**— Успѣхи астрономіи. Сборникъ статей подъ ред. А. Орбинскаго.—**А. Щ.**— Питиримъ Сорокинъ. Преступленіе и кара, подвигъ и награда. Съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго.—**И. Михайлова.**—С. А. Ан—скій. Народъ и книга. Опытъ характеристики народнаго читателя. Съ приложеніемъ очерка «Народъ и война».—**Ч. В—скаго.**—А. Серафимовичъ. Разсказы. т. V.—**Онъ же.** Городъ въ степи. Романъ.—**Е. Колтоновской.**—Новыя идеи въ педагогикѣ. Подъ редакціей Г. Г. Зоргенфрея. Трудовая Школа.—Справочная книга для сельскихъ товариществъ.—**В. В.** М. В. Лавровъ. Туркестанъ. Географія и исторія края.— **А. Щ.** (стр. 405).—Февраль.—Ѳ. И. Успенскій. Исторія Византійской имперіи. Томъ I. Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ.—**А. Васильева.** — Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными. Выпускъ III (1878—1883).— Бѣлинскій. Письма. Три тома. Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. Т. I (1829—1839).—С. А. Андреевскій. Литературные очерки, четвертое дополненное изданіе.—**Ч. В—скаго.**—Г. А. Мачтетъ. Полное собраніе сочиненій, т. X. К-во «Просвѣщеніе».— **М. К—аго.**—П. И. Лященко. Очерки аграрной эволюціи Россіи. Т. II. Крестьянское дѣло и пореформенная землеустроительная политика. Ч. I. Первоначальное надѣленіе и осуществленіе крестьянской собственности.—**В. В.** (стр. 389).—Мартъ.—Вопросы теоріи и психологіи творчества, т. V. I. Теорія творчества. II. Миѳотворчество.—**Питирима Сорокина.**—Л. А. Шалландъ. Иммунитетъ народныхъ представителей. Юридическое изслѣдованіе. Т. II. Часть догматическая.—**П. Покровскаго.** — В. И. Пичета. Юрій Крижаничъ. Экономическіе и политическіе его взгляды.—В. Н. Бочкаревъ. Московское государство XV—XVIII в.в. по сказаніямъ современниковъ-иностранцевъ. **Е. Ган.**—Изъ исторіи и опыта земскихъ учрежденій въ Россіи. Очеркъ М. Слобожанина.—Жизнь деревни. 1-ый сборникъ.—**В. В.**—Ernst Schultze. Die Kulturaufgaben der Freimaurerei. (Культурныя задачи масонства). — **Б.** — Пауль Беккеръ. «Бетховенъ». Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Ангертъ подъ редакціей Д. С. Шоръ.—**Виктора Вальтера.**—Полное собраніе сочиненій М. Л. Михайлова. Съ портретомъ, критико-біографическимъ очеркомъ и библіографическимъ указателемъ. Подъ ред. П. Б. Быкова.—Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. 1788—1863 г.г. Записки его, письма, разсказы, матеріалы для біографіи и родословная, Съ портретами и другими иллюстраціями.— **Ч. В—скаго** (стр. 375).—Апрѣль.— Софоклъ.—Драмы. Т. I. Переводъ съ введеніемъ и вступительнымъ очеркомъ Ѳ. Зѣлинскаго.—**К. А.**—Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. Слово. Сборникъ второй. Къ десятилѣтію А. П. Чехова. Подъ ред. М. П. Чеховой.—Юрій Слезкинъ. То, чего мы не узнаемъ. Соч., т. I.—Онъ же. Помѣщикъ Галдинъ, повѣсть, соч. т. II.—**Е. Колтоновской.**—Леонидъ Семеновъ. Лермонтовъ и Левъ Толстой. Къ столѣтію со дня рожденія Лер-

Библіотека мемуаровъ, изд. „Огни".— **Ч. В—скаго.**—Жизнь Ивана. Очерки изъ быта крестьянъ одной изъ черноземныхъ губерній. О. П. Семеновой Тянь-Шанской.—**В. В.**—Проф. Ив. Ивановъ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Жизнь. — Личность. — Творчество.— **Ч—скаго.** (стр. 389).—Августъ.— Новыя книги о Пушкинѣ. 1) Пушкинистъ. Историко-литературный сборникъ подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. 2) Пушкинъ въ печати 1814—1837. Составили Н. Синявскій и М. Цявловскій.—**Н. Кашина.**—André Mazon. Un maître du roman russe. Ivan Gontcharov. 1812—1891. Paris, 1914.— **Ч. Вѣтринскаго.**—Е. В. Аничковъ. Язычество и Древняя Русь.— **Ѳ. Б.**—Л. П. Карсавинъ. „Очерки религіозной жизни въ Италіи XII и XIII в.в."—**О. Добіашъ-Рождественской.**— П. И. Люблинскій. „Памяти трехъ русскихъ криминалистовъ И. Я. Фойницкаго, Д. А. Дриля, Н. Д. Сергѣевскаго".—**Бориса Шацкаго.**—И. Г. Прыжовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа.— **А. Т.**—А. И. Яроцкій. Альтруистическая мораль и ея индивидуалистическое обоснованіе.—Жюль Мелинъ. Назадъ къ землѣ. Авторизованный переводъ съ французскаго М. Таль. Подъ редакціей и съ предисловіемъ В. О. Тотоміанца.—**В. В.** (стр. (348). Сентябрь.—Украинскій вопросъ. Изданіе редакціи журнала „Украинская Жизнь".—**К. Арсеньева.**—С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Враги. Т. XI. Изд. „Жизнь и Знаніе".—**Е. К.**—С. Подъячевъ. Забытые. Изд. „Освобожденіе".—**Е. Колтоновской.** (стр. 326). Октябрь.—Д. Н. Овсянико-Куликовскій. М. Ю. Лермонтовъ. Къ столѣтію со дня рожденія великаго поэта.—С. И. Родзевичъ. Лермонтовъ какъ романистъ. Съ предисл. проф. А. М. Лободы.—**К. А.**—Проф. Н. Н. Любовичъ. Иностранные историческіе институты въ Римѣ.—Его же. Нѣсколько документовъ по исторіи реформаціи въ Литвѣ изъ Ватиканской библіотеки.—**С. Г.**—А. Лихтенбержэ.—Современная Германія. Переводъ Н. Попова.—**Ч. В—скаго.**—Бар. С. А. Корфъ. „Автономныя колоніи Великобританіи".—**Бориса Шацкаго,**— Marcel Laurent, Philippe Norard et Alexandre Mercereau. La paix armée et le problème d'Alsace dans l'opinion des nouvelles générations françaises.— **Б.**—И. И. Проходцовъ. Рязанская губернія въ 1912 году, преимущественно съ бытовой стороны. Ч. I. Изданіе рязанской губернской ученой архивной комиссіи.—**С. Г.**—В. А. Мукосѣевъ. Повышеніе товарныхъ цѣнъ. Къ изученію тенденцій въ развитіи современнаго мірового хозяйства.— **В. В.** (Стр. 328).—Ноябрь.—В. Ключевскій. Отзывы и отвѣты. Третій сборникъ статей. — **Ч. В—скаго.** П. Рюльманъ. Идея гражданскаго воспитанія въ Швейцаріи. — Народное образованіе въ земствахъ. Подъ редакціей Е. А. Звягинцева. А. М. Обухова, С. О. Сѣрополко и Н. В. Чехова.—А. И. Яроцкій. Какова должна быть средняя школа?—**В. В.** — De l'animal à l'enfant, par P. Hachet-Souplet.—**Б.**—I. М. Гольдштейнъ. Панамскій каналъ, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ и наши торговые договоры.— **В. В.**—И. И. Левинъ. Германскіе капиталы въ Россіи.—**Б.**—А. Бѣлоруссовъ. Парижъ. Кн-во писателей въ Москвѣ. (Стр. 358). Декабрь.— Русская литература XX вѣка (1890— 1910 г.г.) подъ редакціей проф. С. А. Венгерова.—**Е. Як—нъ.**—С. П. Сингалевичъ. Составъ населенія г. Оксиринха въ первые три вѣка римскаго господства въ Египтѣ (30 г. до Р. Хр.— 284 по Р. Хр.). — Его же. — Совѣтъ г. Оксиринха III вѣка по Р. Хр.— **Б. П. Иванова.** — Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Архивъ Царства Польскаго.— Ч. I. Внутреннія дѣла Польши. Описалъ И. С. Рябининъ.—**С. Г.**—Феликсъ Шенвицъ. Власть римскаго домовладыки. — **Б. П. Иванова.** — Jules Amar. Le moteur humain et les bases scientifiques du travail professionel.—**Р.**— Высшія начальныя училища. Сборникъ законовъ, распоряженій, статистическихъ свѣдѣній и пр. о городскихъ и высшихъ начальныхъ училищахъ. Составилъ А. Меленевскій.— **С. Г.**—К. С. Лейтесъ. Германскіе коми-вояжеры. — Е. А. Олюнина. Портновскій промыселъ въ Москвѣ и въ деревняхъ Московской и Рязанской губ. (стр. 304).

VI. Обзоръ военныхъ событій А. Оглина (окт., 366; ноябрь, 402; дек. 402),

VII. Библіографическій листокъ (янв., 456; февр., 427; мартъ, 428; апр., 425; май, 409; іюнь, 421; іюль, 442; авг., 429; сент., 385; окт., 387; ноябрь, 417; дек. 422).

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.